

РОКОССОВСКИЙ

Сергей
Михеенков

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

Annotation

Поляк, крещённый в православие, ушедший на фронт Первой мировой войны в юном возрасте. Красный командир, отличный кавалерист, умевший не только управлять войсками, но и первым броситься в самую гущу рубки. Варшава, Даурия, Монголия, Белоруссия и — ленинградская тюрьма НКВД на Шпалерной. Затем — кровавые бои на ярцевских высотах, трагедия в районе Вязьмы и Битва под Москвой. Его ценил Верховный главнокомандующий, уважали сослуживцы, любили женщины. Среди военачальников Великой Отечественной войны он выделялся не только полководческим даром, но и высочайшей человеческой культурой. Это был самый обаятельный маршал Сталина, что, впрочем, не мешало ему крушить врага в Сталинградском сражении и Курской битве, в Белоруссии, Померании и Восточной Пруссии. В книге, которая завершает трилогию биографий великих полководцев, сокрушивших германский вермахт, много ранее неизвестных сведений и документов, проливающих свет на спорные страницы истории, в том числе и на польский период биографии Рокоссовского. Автор сумел разглядеть в нём не только солдата и великого полководца, но и человека, и это, пожалуй, самое ценное в данной книге.

[Адаптировано для AlReader]

FB2 книгу сделал mefysto

-
- [Сергей Михеенков](#)
    -
    -
    - [Глава первая](#)
    - [Глава вторая](#)
    - [Глава третья](#)
    - [Глава четвёртая](#)
    - [Глава пятая](#)
    - [Глава шестая](#)

-
-
-
-
-
-
-

- [ЛИТЕРАТУРА](#)

- [INFO](#)

- [notes](#)

- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)

- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)
- [57](#)
- [58](#)
- [59](#)
- [60](#)
- [61](#)
- [62](#)
- [63](#)
- [64](#)
- [65](#)
- [66](#)
- [67](#)
- [68](#)

- [69](#)
- [70](#)
- [71](#)
- [72](#)
- [73](#)
- [74](#)
- [75](#)
- [76](#)
- [77](#)
- [78](#)
- [79](#)
- [80](#)
- [81](#)
- [82](#)
- [83](#)
- [84](#)
- [85](#)
- [86](#)
- [87](#)
- [88](#)
- [89](#)
- [90](#)
- [91](#)
- [92](#)
- [93](#)
- [94](#)
- [95](#)
- [96](#)
- [97](#)
- [98](#)
- [99](#)
- [100](#)
- [101](#)
- [102](#)
- [103](#)
- [104](#)
- [105](#)
- [106](#)
- [107](#)

- [108](#)
  - [109](#)
  - [110](#)
  - [111](#)
  - [112](#)
  - [113](#)
  - [114](#)
  - [115](#)
  - [116](#)
  - [117](#)
  - [118](#)
  - [119](#)
  - [120](#)
  - [121](#)
  - [122](#)
  - [123](#)
  - [124](#)
  - [125](#)
  - [126](#)
  - [127](#)
  - [128](#)
  - [129](#)
  - [130](#)
  - [131](#)
  - [132](#)
  - [133](#)
  - [134](#)
  - [135](#)
  - [136](#)
  - [137](#)
  - [138](#)
  - [139](#)
  - [140](#)
  - [141](#)
  - [142](#)
  - [143](#)
  - [144](#)
  - [145](#)
-

ЖИЗНЬ®
ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ
ЛЮДЕЙ

Серия биографий

Основана в 1890 году
Ф. Павленковым
и продолжена в 1933 году
М. Горьким

ВЫПУСК

1810

(1610)

Сергей Михеенков

**РОКОССОВСКИЙ
КЛИНОК И ЖЕЗЛ**

МОСКВА
МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

*

© Михеенков С. Е., 2017

© Издательство АО «Молодая гвардия»,
художественное оформление, 2017

*Легко сказать, что человек бессмертен просто
потому, что он выстоит...*

Уильям Фолкнер. 1949 год

Глава первая

ПОЛЬСКИЕ КОРНИ

*И будет пусть у вас заветом:
Пять — против тридцати!*

Из полковой песни

Март 42-го. Сухиничи. Штаб 16-й армии.

Западнее районного городка уже сутки не смолкал бой: дивизии проводили частную наступательную операцию по овладению населёнными пунктами Попково и Маклаки. Попково только что отбили. Из штаба дивизии сообщили о богатых трофеях и штабелях мёрзлых трупов немецких солдат, сложенных во дворе одного из домов да так и не вывезенных поспешно отступившим противником. Теперь артиллерия обрабатывала следующий опорный пункт — Маклаки.

Маклаки немцы отдавать не хотели. Более того, всё походило на то, что они проводили перегруппировку для проведения контратаки с целью вернуть назад оставленное Попково. С утра из района Маклаков начала ответно работать их артиллерия. Били, как всегда, по дорогам, по переправам, по местам возможного скопления войск. Вскоре снаряды начали падать в окрестностях Сухиничей. А затем, словно определив наконец цель, густой серией легли в центре райгородка.

— Бризантными бьёт. Как будто что-то нащупывает, — насторожился начальник штаба армии генерал Малинин.

В это время с сухим треском воздух расколол очередной снаряд. Звякнуло оконное стекло. Командарм, сидевший за столом и просматривавший текст нового приказа наступавшим частям, охнул и стал заваливаться набок.

— Командующий ранен!

— Врача!

Оказалось, что главный хирург Воронцов отбыл куда-то в дальний госпиталь. За ним тут же послали лошадей.

Ранение оказалось серьёзным. Осколок влетел в окно, ударил командующего в спину и засел возле позвоночника. Раненый дышал

тяжело, с протяжными хрипами, горлом пошла кровь. Похоже, были задеты лёгкие. Требовалась срочная медицинская помощь.

Санная повозка, посланная за армейским хирургом Воронцовым, всё не возвращалась. Кинулись искать кого-нибудь из местных врачей. И вскоре нашли. В комнату, где лежал на забрызганном кровью диване Рокоссовский, словно из прошлого, того, давнего, где раненый был вначале гимназистом, а потом драгуном и носил погоны с полковыми нашивками, вбежал седой старичок — коротко стриженная интеллигентская бородка, круглые очки в тонкой оправе, быстрый, подвижный, со старомодными жестами. Тут же отрекомендовался:

— Доктор Петров! — И, окинув взглядом раненого и оценив серьёзность обстоятельств, при этом явно давая понять, сколь беспомощен он в предложенных ему обстоятельствах, вздохнул: — Что смогу...

— Делайте, доктор, что можете. Что можете, то и делайте, — стараясь быть сдержанным, поторопил старичка генерал Казаков.

Вскоре доктор Петров взял себя в руки и приступил к делу. Ему удалось почти невозможное. Тут же, в комнате с выбитыми стёклами, сделал первую операцию — извлёк осколок, обработал рану, остановил кровотечение. Ему ассистировала военврач 2-го ранга походно-полевого госпиталя № 85 Галина Таланова. Раненый был вполне подготовлен к отправке в тыловой госпиталь, где специалисты могли заняться им в более подходящих условиях.

От тупой боли в спине и груди сознание Рокоссовского то мутнело, то прояснялось. Он видел сосредоточенные, но уже спокойные глаза доктора, увеличенные круглыми линзами старомодных очков в явно дорогой, но уже порядком потёртой оправе. Наваливалась усталость. Доктор что-то бормотал, видимо, не позволял ему засыпать. Не засыпать! Засыпать раненому — дело гиблое. Ну что ж, подумал, солдат на войне иногда получает своё — то сабельный удар, то пулю, то осколок... Не засыпать!

Во время отправки произошла другая история. О ней в одном из интервью рассказал бывший старший оперуполномоченный 2-го отделения Особого отдела НКВД по 16-й армии генерал-лейтенант КГБ, а в то время старший лейтенант НКВД Иван Лаврентьевич Устинов: «Начальник особенного^[1] отдела армии мне говорит: «Из Москвы вылетел санитарный самолёт, организуйте эвакуацию и обеспечьте сохранность командующего». Поехал я к указанному месту, куда быстро привезли Рокоссовского. Он в томном положении был — кровотечение сильнейшее, дышал с трудом... Когда прилетел самолёт, я решил проверить его. Ведь был вариант в сорок первом, что немцы перехватили информацию и захватили одного

командующего армией. И тут мне с ходу показалось, что трое докторов какие-то... ну, не совершенно белоснежные и по-русски молвят с упором! Самолёт задержали, мы приготовились к худшему... Через полчаса мне звонят: «Всё в порядке, отправляй самолёт! Это испанцы, республиканцы-эмигранты. Они создали здесь собственный санитарный отряд». Заблаговременно предупредить не могли...»

Вылет задержали, у раненого командующего возобновилось кровотечение. Женщина-военврач, по всей вероятности, находилась рядом, хотя о ней бывший старший оперуполномоченный не упоминает. Испанцы не решились везти генерала до Москвы. Через полчаса самолёт приземлился под Козельском.

Из Козельска после второй операции Рокоссовского отправили в Москву. Там, в одном из зданий Тимирязевской академии, ему пришлось пройти довольно продолжительный курс лечения. Осколок задел позвоночник и пробил лёгкие. В других обстоятельствах такое ранение могло бы оказаться смертельным. Но крепкое здоровье, вовремя оказанная медицинская помощь, оперативность доставки раненого в госпиталь — всё это помогло избежать худшего и сохранить полководца для будущих побед.

Война бушевала уже сравнительно далеко от столицы, под Сухиничами и Жиздрой. А он лежал в тихой белой палате, разговаривал с врачами, теперь самыми частыми его собеседниками, писал письма и записки то домой, то фронтовым товарищам, слушал по радио сводки с фронта, с жадностью читал свежие газеты, которые каждое утро приносила медсестра, прислушивался к утихающей боли. Иногда наплывали воспоминания прошлого. Первое ранение... 5-й драгунский Каргопольский кавалерийский полк... Гимназия... Мать, отец, сёстры... Варшава... Даурия... Первая встреча с черноглазой девушкой, которая вскоре станет его женой... жестокая рубка в узком таёжном распадке... дочь...

*

Биографические данные начального периода жизни Рокоссовского весьма противоречивы. Что и говорить, когда одна власть сменила другую, а потом залила родные просторы кровью и горем Гражданской войны, и победители, и побеждённые, строя мирную жизнь, порой что-то из своего прошлого старались попросту спрятать. И многим тогда приходилось хорошенько подумать о том, что о себе вписывать в анкету, а о чём лучше умолчать. А уж тем более если ты в новой иерархии не просто рядовой

солдат революции, а лихой красный командир... Если же метрические документы сгинули в огне революции и Гражданской войны, у тех, кому они принадлежали, появилась реальная возможность без особых осложнений и последствий благополучно подправить свои биографии. Известно, например, что многие будущие советские маршалы, тогда ещё скромные командиры взводов и эскадронов, смело корректировали своё прошлое, как правило — в сторону пролетарского происхождения.

Вот и Рокоссовский, по всей вероятности, не избежал общего соблазна.

В анкетах в разные периоды своей жизни местом рождения он указывал то Варшаву, то Великие Луки Псковской губернии, то снова Варшаву, — «как того требовали обстоятельства...», — то снова Великие Луки.

Биографы и родня такие исторические разночтения объясняют следующими обстоятельствами. До 1945 года во всех анкетах и биографических справках сам Рокоссовский местом своего рождения совершенно определённо указывал Варшаву. В 1940 году, когда его освободили из-под ареста по обвинению в шпионаже в пользу польской и японской разведок, он в очередной раз составил краткую автобиографическую справку. В таких документах неверно написанное слово может стать пулей в затылок. «Родился в г. Варшаве в 1896 г. в рабочей семье. Отец — рабочий, машинист на Риги-Орловской, а затем Варшавско-Венской железной дороге. Умер в 1905 году... Мать — работница на чулочной фабрике. Умерла в 1910 году... Окончил четырёхклассное городское училище в 1909 г. в г. Варшаве (предместье Прага)».

Своё пролетарское происхождение Рокоссовский смело подтверждал даже перед лицом опасности. По всей вероятности, помня, что во всех предыдущих анкетах он писал именно так. Оставалось твёрдо стоять на своём. И это прошло.

Что касается места рождения, эту историю прояснила в одном из газетных интервью правнучка маршала, журналист-международник Ариадна Рокоссовская: «Можно сказать, что мест рождения у Рокоссовского два. Во всех советских энциклопедиях и научных трудах указан город Великие Луки в Псковской области. Сам Рокоссовский в своих автобиографиях до 1945 года называл в качестве места рождения Варшаву. Однако в конце Великой Отечественной войны, когда маршал стал дважды Героем Советского Союза, на его родине полагалось установить бронзовый бюст Героя. А ставить памятник советскому полководцу в формально

независимой, хоть и «братской» Польше было неудобно. Поэтому для маршала «подобрали» новую Родину — на территории СССР».

Работала ли мать на чулочной фабрике, доподлинно неизвестно. Возможно, оставив школу и учительство, какое-то время действительно работала там, чтобы содержать семью, внезапно оставшуюся без кормильца.

Отец Ксаверий Юзеф, по воспоминаниям младшей сестры Рокоссовского Хелены, умер не в 1905-м, а в 1902 году — 17 октября, 20 октября похоронен на Брудновском кладбище в Варшаве. В начале 50-х годов прошлого века, когда судьба волей всемогущего Сталина направила Рокоссовского на службу в родную Польшу, он поставил на могиле отца надгробие с точной датой. Плита и теперь там лежит.

Датой рождения Рокоссовский указывал 9 декабря (21-е по новому стилю) 1896 года. По церковному календарю — День Потапия и Анфисы Рукодельницы. Никаких знаков будущей судьбы этот день ему не подавал.

Некоторые исследователи утверждают, что на самом деле Рокоссовский родился не в 1896 году, а двумя годами раньше. Подлинную дату рождения искажил в угоду обстоятельствам: чтобы в августе 1914 года его без помех приняли охотником в драгунский полк. Чуть позже приписал себе лишний год учёбы. Дело в том, что для вольноопределяющегося существовал образовательный ценз. Рокоссовский к тому времени успел окончить четыре класса гимназии. Не хватало двух лет. При условии достаточного образовательного ценза охотник легко мог перейти в категорию вольноопределяющегося и пользоваться всеми льготами, в том числе и при производстве в очередной чин.

Позже Рокоссовский сообщал о себе в анкете: служил «в старой армии вольноопределяющимся младшим унтер-офицером с 5 августа по октябрь 1917 г.».

В списках 5-го драгунского Каргопольского полка он, однако, числится не вольноопределяющимся, а охотником — добровольцем. Охотники в отличие от обычных рекрутов тоже пользовались рядом льгот. К примеру, их не посылали в наряды на хозяйственные работы. При наличии образовательного ценза или при сдаче специального экзамена, в ходе которого кандидат должен был продемонстрировать знание военных дисциплин, соответствующих курсу юнкерского училища, его по истечении определённого срока службы производили в офицерский чин с присвоением звания поручик. Возможно, у Рокоссовского была такая мечта, но дальнейшие события направили его жизнь в иное русло.

Примечательно, что все три главных маршала Великой Отечественной

войны родились в декабре: Георгий Константинович Жуков — 1 декабря, Иван Степанович Конев — 16 декабря. С Жуковым Рокоссовский — одногодки. Конев — на год моложе своих боевых товарищей.

Отец будущего маршала Ксаверий Юзеф принадлежал к старинному польскому шляхетскому роду, некогда владевшему поместьем Рокосово в Царстве Польском. Его предки происходили из «рода с гербом Глаубич»: в голубом поле серебряная рыба, плывущая налево. Первоначально фамилия писалась так: Rokosowski. С одной «s» и по-польски усечённым окончанием. Своё шляхетство Рокоссовские утратили в середине XIX века и писались уже мещанами.

Мещанином гмины^[2] Комарово Островского уезда был записан и Рокоссовский. Это подтверждает выписка из приказа командира 5-го драгунского Каргопольского полка генерала Ильяшевича от 5 августа 1914 года: «...Крестьянин Гроецкого уезда деревни Длуговоле гмины Рыкалы Вацлав Юлианов Странкевич, зачисленный в ратники Государственного ополчения первого разряда в 1911 году, и мещанин гмины Комарове Островского уезда Константин Ксаверьевич Рокосовский, родившийся в 1894 году, зачисляются на службу во вверенный мне полк охотниками рядового звания, коих зачислить в списки полка и на довольствие с сего числа с назначением обоих в 6-й эскадрон».

Как видим, дата рождения здесь другая. Можно предположить, что более верная, так как сестра Хелена всю жизнь считала себя младшей, а датой её рождения значился 1896 год. На её надгробии на Брудновском кладбище Варшавы выбито: «Хелена Рокоссовская, жила 86 лет. 24.VII. 1982». Арифметика несложная: Хелена родилась в 1896 году, значит, брат родился годом или двумя раньше.

Когда настало время определяться и с фамилией, и с отчеством, и с происхождением, фамилию записали в соответствии с русской орфографией; отчество, отсутствующее у поляков, стало для простоты произношения — Константинович. Так благодаря полковому писарю и службе в старом русском драгунском Каргопольском полку Константы Рокосовски стал Константином Константиновичем Рокоссовским. Хотя в некоторых армейских документах драгунской юности фамилию мещанина гмины Комарове Островского уезда записывали с одной «с», а отчество — то Савельевич, то Васильевич...

Отец Константы на самом деле служил инспектором Варшавско-Венской железной дороги. Должность довольно высокая. Чтобы не портить анкету, будущий красный командир немного подправит должность отца, записав его железнодорожным машинистом.

Мать Антонина, урождённая Овсянникова, русская. Из мещан местечка Телеханы Пинского уезда Минской губернии. Имела педагогическое образование и, по некоторым источникам, какое-то время преподавала в школе русский язык и литературу.

В семье разговаривали и на польском, и на русском. Овладев грамотой, Константин легко и с увлечением читал на обоих языках. В царской Польше это было обычным явлением, тем более в смешанных семьях.

На протяжении всей жизни Рокоссовский, заполняя различного рода анкеты, в графе о национальной принадлежности писал: «Поляк». В графу «Родной язык» вписывал: «Русский». Так кем же он был? Поляком? Русским? Учёные-языковеды подтверждают: ничто так не влияет на формирование национального самосознания человека, как язык. Самый мощный и точный этнический идентификатор — язык. Однако всю жизнь Рокоссовский говорил с лёгким, не всегда заметным акцентом.

Не желая дискуссии на эту тему и допуская, что любая авторская версия по поводу белых пятен таких крупных исторических личностей, как Рокоссовский, чревата по меньшей мере неточностями, всё же должен заметить, что свою сыновнюю, гражданскую верность родине и народу Рокоссовский вполне доказал своей жизнью. И когда сжимал в руке драгунскую шашку, и когда — маршальский жезл. Поэтому слова здравицы Верховного главнокомандующего, поднявшего в мае 1945 года во время торжественного приёма в Кремле исторический тост «За Русский народ!», в полной мере относятся и к нему, говорившему, думавшему и дравшемуся по-русски.

Существует одна семейная загадка, которая, кажется, не разгадана никем из биографов маршала: и отец Ксаверий Юзеф, и мать Антонина, и все трое детей были прихожанами одного из варшавских приходов Русской православной церкви. По всей вероятности, они посещали Свято-Троицкую церковь, что на Подвальной улице, 5. Здесь же крестили всех детей.

Однако запись о крещении Рокоссовского до сих пор не обнаружена. Церковные книги считаются утраченными. Война, эвакуация, пожары, оккупация...

Почему Рокоссовские исповедовали православие? Почему, как большинство поляков, не были католиками? Справочники тех лет свидетельствуют: по числу жителей Варшава стояла на третьем месте в Российской империи после Санкт-Петербурга и Москвы; всех жителей 785 тысяч, из коих католиков — 400 тысяч, евреев — 254 тысячи, православных — 36 тысяч, протестантов — 20 тысяч. Православных, таким образом, в Варшаве было достаточно много. Но это были в основном

русские люди — чиновники и различных ведомств служащие, а также купцы, артисты, военные. Переход поляка в православие самими поляками рассматривался тогда как по меньшей мере предательство по отношению к родине, независимость которой была отнята русской короной, штыками солдат, исповедовавших православие...

В Российской империи действовал закон: дети от смешанных браков с иноверцами, находящимися на государственной службе, должны были принять крещение в православие. В противном случае родитель терял должность. Железные дороги в России в ту пору числились по разряду государственной службы.

Старшая сестра Мария вскоре после поступления брата в полк вышла замуж. Во время Первой мировой войны выехала в Россию. Умерла вскоре после эвакуации. Где похоронена, неизвестно. Рокоссовский считал её живой. Пытался разыскивать. О смерти Марии узнал от младшей сестры Хелены лишь в 1945 году, когда прибыл в Польшу в качестве министра Вооружённых сил Польши.

После смерти родителей пятнадцатилетнего Константы забрал к себе младший брат Ксаверия Юзефа Александр. Дядя владел стоматологической клиникой на улице Маршалковской в историческом центре Варшавы.

Хелена уехала в Санкт-Петербург и какое-то время жила в семье бездетной тётки Владиславы Александры. Тётка была замужем за петербургским чиновником, нужды не знала и с удовольствием взяла к себе осиротевшую племянницу.

Дядя Александр имел загородное имение, где семья обычно проживала всё лето, лишь на зиму возвращаясь в Варшаву. В имении Константы приохотился к верховой езде. За отличную посадку и искусное владение поводьями юношу вскоре прозвали Бедуином. Женщины, любуясь всадником, буквально не отрывали от него глаз и прочили ему большое будущее. Кто-то вспоминал славного предка — подпоручика Второго кавалерийского полка армии Великого герцогства Варшавского Юзефа Рокоссовски.

Пан Юзеф в своё время служил в корпусе князя Понятовского и в 1812 году в составе Великой армии Наполеона искал славы в пределах России. Но польский корпус был разбит и рассеян, как и вся Великая армия покорителя Европы. Корпус Понятовского в войске Наполеона насчитывал 60 тысяч сабель и был третьим по численности в многоязыкой Великой армии после французов и немцев. Кстати, именно тогда, при формировании корпуса Понятовского, была сложена песня «Ещё Польша не погибла», ставшая ныне гимном Польши.

Константы, конечно же, знал семейную легенду о пане Юзефе, славном подпоручике и лихом драгуне. И когда в августе 1914 года в окрестностях Варшавы появились кавалеристы, одетые в униформу военного времени, сердце Рокоссовского, увлечённого историческими и приключенческими романами, дрогнуло. На площадях по воскресеньям и церковным праздникам играли полковые оркестры. Офицеры блистали выправкой, звенели шпорами по мощёным тротуарам городских садов. Нижние чины сияли новенькими погонами и тщательно начищенными высокими голенищами кавалерийских сапог. Поблёскивали медные, до золотого сияния надраенные эфесы драгунских шашек, украшенные вензелем государя и темляками с кожаной кистью. Грациозные кавалерийские кони высекали копытами искры, лёгкой рысью проходя по варшавским мостовым. Женщины восхищённо ахали, заглядываясь на храбрых кавалеристов. 5-й драгунский Каргопольский полк прибыл в эшелонах из глубины Российской империи, из Симбирска, и готовился к боям.

Настроение у войск было лихое. Атмосфера в обществе продолжала накаляться духом народного патриотизма и святой жертвенности ради Отечества. Этот жаркий порыв — послужить делу освобождения и единения славянских народов — захватил и русскую Польшу. Православные поляки тут же хлынули в войска, искренне желая в трудный для родины час с оружием в руках послужить Вере, Царю и Отечеству.

2 августа Рокоссовский вместе со своими товарищами явился на призывной пункт. Накануне в газетах было опубликовано «Воззвание к полякам»:

«Поляки!

Пробил час, когда заветная мечта ваших отцов и дедов может осуществиться. Полтора века тому назад живое тело Польши было растерзано на куски, но не умерла душа её. Она жила надеждой, что наступит час воскресения польского народа, братского примирения его с Великой Россией.

Русские войска несут вам благую весть этого примирения. Пусть сотрутся границы, разрезавшие на части польский народ. Да воссоединится он воедино под скипетром русского царя. Под скипетром этим возродится Польша, свободная в своей вере, в языке, в самоуправлении.

Одного ждёт от вас Россия — такого же уважения к правам тех народностей, с которыми связала вас история. С открытым сердцем, с братски протянутой рукой идёт к вам навстречу Великая Россия. Она верит,

что не заржавел меч, разивший врагов при Грюнвальде.

От берегов Тихого океана до северных морей движутся русские рати. Заря новой жизни занимается для вас. Да воссияет в этой заре знамение креста — символ страдания и воскресения народов.

Верховный главнокомандующий генер. — адъютант Николай.

1 (14) августа 1914 г.».

Спустя несколько дней, переодетый в драгунскую униформу и надравший солдатскую бляху с двуглавым орлом, Рокоссовский уже шёл в строю и во всю глотку орал полковую песню:

*Когда войска Наполеона
Пришли из западных сторон,
Был авангард Багратиона
Судьбой на гибель обречён.*

*Бой закипел и продолжался
Всё горячей и горячей.
Людскою кровью напился,
Краснел шенграбенский ручей.*

*Так свято ж помните об этом
На предстоящем вам пути.
И будет пусть у вас заветом:
Пять — против тридцати!*

Удивительное дело, полковая песня оказалась для нашего героя своеобразным кодом судьбы. Его и Багратионом будут называть. И «пять — против тридцати» в его жизни и войнах будет случаться, и не раз.

В госпитале было время вспомнить многое и подумать о многом. Думалось по-русски. Польский к тому времени он начал потихоньку забывать.

Глава вторая

ДРАГУН КАРГОПОЛЬСКОГО ПОЛКА

*Легко вонзятся в небо пики.
Чуть заскрежещут стремена.
И кто-то двинет жестом диким
Твои, Россия, племена.*

Алексей Эйсер. 1928 год

Удивительное дело, приказ о зачислении Рокоссовского в 6-й эскадрон 5-го драгунского Каргопольского полка появился 5 августа 1914 года, а уже через три дня, 8 августа, полк оказался в деле. Новобранцы шли в одном ряду с ветеранами. Рекрутами, вольноопределяющимися и охотниками спешно пополнили эскадроны и — в бой.

Таким образом, никакой основательной подготовки, ни тем более учебной команды Рокоссовский не прошёл. Сразу — на передовую.

5-я кавалерийская дивизия — уланы Литовского, гусары Александрийского, казаки Донского войскового атамана Власова и драгуны Каргопольского полков — двигалась к фронту. К 8 августа передовые разъезды, достигнув реки Пилицы у посада Нове-Място, обнаружили авангарды противника. Неприятель занимал посад, но какими силами, выяснить пока не удавалось. Необходима была более тщательная разведка.

Командование дивизии выслало вперёд несколько разведгрупп, но все они вернулись ни с чем. И только одиночный разведчик-маршрутник точно и в полной мере выполнил приказ и принёс исчерпывающую информацию о неприятеле. Тем удачливым разведчиком оказался драгун Рокоссовский.

В Нове-Място он пошёл один, переодевшись в гражданское. Переговорил с местными жителями, обошёл посад. Выяснил: в посаде и окрестностях дислоцирован полк немецкой кавалерии; эскадроны отдыхают, о близости русских ещё не подозревают.

Смелость и находчивость молодого охотника привели в восхищение начальство. Вскоре сведения подтвердились. После удачно проведённой операции против полка немецкой кавалерии, занимавшего Нове-Място и окрестности, отличившихся тут же представили к наградам. В их числе

оказался и Рокоссовский. За дерзкую разведку и ценные сведения о противнике его наградили солдатским Георгиевским крестом 4-й степени. Свой первый крест за № 9841 Рокоссовский получил вскоре после первого боя. Реляции тогда не задерживали. В представлении к награде говорится: «Будучи дозорным в разъезде и войдя в деревню Ястржем, наткнулся на пехотную заставу, которая стала в него стрелять, а с другой стороны на него бросился немецкий кавалерист; драгун Рокоссовский, выказав под огнём заставы большое хладнокровие, зарубил шашкою подлетевшего к нему немецкого улана и, поскакав к разъезду, вовремя предупредил его об опасности, благодаря чему разъезд избежал ловушки».

Вот так: сам погибай, а товарища выручай.

Удивляет только вот что: откуда у добровольца-охотника, только вчера перекинувшего через плечо драгунскую портупею, столь искусное владение шашкой и такое хладнокровие в бою?

До войны Рокоссовский пять лет работал каменотёсом. После смерти матери жил у родственников, то в одной, то в другой семье. В 15 лет поступил учеником каменотёса в мастерскую Стефана Высоцкого, мужа тётки Софьи. Стефан Высоцкий очень скоро воспитал в племяннике настоящего мастера с хорошо поставленной рукой. Мастерская дядюшки занималась изготовлением надгробий. Кстати, родовой склеп Рокоссовских на кладбище Повонзки сделан в мастерской Стефана Высоцкого именно в те годы, когда там ворочал гранитные плиты и работал скампелью и троянкой юный Константин Рокоссовски. Когда мастерская дядюшки заполучила выгодный контракт на облицовку гранитными плитами пятисотметрового моста Николая II^[3] в Иерусалимских аллеях в Варшаве, каменотёсы работали день и ночь. Физический труд развил юношу. Кроме того, в этот период Рокоссовский увлекался танцами.

История Красной армии знает и ещё одного талантливое танцора — маршала Г. К. Жукова, который с юных лет так отплясывал русскую, что его удалую восхищались не меньше, чем его военными победами. Танец, как известно, учит владеть телом, как никакие другие физические упражнения. Потому и рубакой Жуков тоже был лихим.

В выходные дни Рокоссовский продолжал регулярную и столь любимую им выездку на лошади. Тогда же, можно предположить, овладел кавалерийской шашкой и тонкостями сабельного боя. Иначе трудно представить, каким образом необученный охотник, неделю назад зачисленный в эскадрон, зарубил немецкого улана. А ведь тот первым бросился на русского драгуна, значит, чувствовал свою силу и был уверен, что одолеет его. Но наскочил на смертельный удар более сильного и

уверенного противника.

Спустя десятилетия, размышляя о солдатском долге и пройденном пути, о кавалерии и её значении, маршал скуповато отметит: «...Я сроднился с этим родом войск, полюбил его. Здесь прошёл хорошую школу — и в боях, и в мирное время. Здесь поднимался со ступеньки на ступеньку от командира эскадрона до командира корпуса».

Что ж, именно здесь следует заметить, что опыт Первой мировой (в советской историографии — империалистической) войны автором «Солдатского долга» был сознательно изъят из пережитого. Теперь об этом можно лишь сожалеть. Маршал отсёк целый кусок своей жизни, сделав это, по всей вероятности, намеренно, чтобы книга легче миновала рогатки военной и партийной цензуры и поскорее — пока он жив — увидела свет. А ведь дорога к Красной площади, к маю 45-го, к триумфальному в его военной карьере Параду Победы, началась в Варшаве 1914 года, с драгунской шашки под Нове-Място и пролегла через окопы под Ригой и на Западной Двине.

Представление к награде Георгиевским крестом пошло по команде. Но в конце августа в штаб 5-го драгунского Каргопольского полка поступило распоряжение из штаба дивизии: «...список возвратить для пересмотра и вторичного представления согласно личным указаниям начальника дивизии»^[4].

Документы, как сейчас говорят, доработали и снова направили в штаб дивизии. 28 октября 1914 года командующий 9-й армией генерал от инфантерии П. А. Лечицкий наконец подписал приказ, в котором в списке нижних чинов, награждённых солдатским Георгиевским крестом 4-й степени, под шестым номером значился драгун 6-й сотни «охотник Константин Рокоссовский». Подлинник этого приказа ныне хранится в Российском государственном военно-историческом архиве, и мы можем убедиться, что описание подвига претерпело лишь небольшую стилистическую правку с целью уплотнения текста: «Будучи дозорным в разъезде, выйдя в д. Ястржем, наткнулся на неприятельскую засаду, был окружён противником, но, зарубив немецкого кавалериста, пробился к своей части и предупредил её о засаде»^[5].

5-я кавалерийская дивизия почти не выходила из боёв. Её полки как наиболее надёжные и боеспособные бросали с фронта на фронт, с одного опасного участка на другой. В конце 1914 года 5-й драгунский Каргопольский полк, понёсший наиболее значительные потери, отвели во второй эшелон на отдых. Эскадроны расквартировали в одной из деревень

под Варшавой. Варшава тогда ещё оставалась в руках Русской армии.

Рокоссовский получил краткосрочный отпуск. Повидался с родней и сёстрами. Старшая, Мария, к тому времени вышла замуж. С ней он виделся в последний раз. Хелену ещё встретит, ещё обнимет её. Судьба подарит им несколько долгожданных свиданий. Ближайшее — через 30 лет. А вот Мария исчезнет. Она словно облачко растворится в тучах революции и Гражданской войны. Ни судьбы, ни могилы её никто из родни так и не узнает.

А тогда, в январе только что наступившего 1915 года, они были счастливы. Вспоминали родителей, свой дом и те маленькие радости, которыми когда-то жила семья...

Отпуск закончился скоро. Все деньги, которые у Рокоссовского скопились за это время, включая прибавку к наградам, он с удовольствием потратил на сестёр.

Биографы маршала пропустили весьма важное из раннего периода жизни Рокоссовского — была ли у него в это время любовь. И кто она, если была. В мемуарах самого маршала об этом тоже нет ни слова. Врождённая скромность, воспитанная в семье и впитанная с ранних лет в той среде, в которой он рос и познавал жизнь, не позволяла ему рассказывать о своих женщинах. Даже о девушке, которая, как вспоминали в семье, всё же была, он промолчал. Сразу замечу: впоследствии так же канет в неизвестность и роман с актрисой Валентиной Серовой.

Летом 1915 года дивизия занимала оборону восточнее Вильнюса. Полки перебросили с ЮгоЗападного фронта на Западный в район Поневеж-Шавли. Кавалеристы, казалось, окончательно превратившиеся в пехоту, сидели в глубоких сырых окопах. Для Русской армии удачи первого года войны сменились рядом поражений в Восточной Пруссии и Галиции. Австро-германские войска значительно усилились резервами и предприняли масштабную операцию: ударами из Восточной Пруссии и Галиции прорвать фронт и окружить основные силы Русской армии с целью вывести Россию из войны. Германии и её союзникам воевать против стран Антанты на два фронта становилось всё тяжелее и опаснее. В германском Генштабе решили разделаться с противником по очереди. Первый удар был обрушен на Русскую армию.

К лету второго года войны Русская армия после тяжелейших боёв оставила австрийскую Галицию, часть Прибалтики и русскую Польшу. Только благодаря этому манёвру удалось избежать худшего — окружения и разгрома войск. Гибель армии генерала Самсонова, отход армии генерала Ранненкампа, ухудшение снабжения, недостаток артиллерийских

снарядов, гибельные атаки, необеспеченные огнём тяжёлого вооружения, — всё это угнетало солдат. Генерал А. И. Деникин впоследствии писал: «Весна 1915 г. останется у меня навсегда в памяти. Великая трагедия русской армии — отступление в Галиции. Ни патронов, ни снарядов. Изодня в день кровавые бои, изодня в день тяжкие переходы, бесконечная усталость — физическая и моральная; то робкие надежды, то беспросветная жуть...»

Эту горькую чашу неудач испил и 5-й Каргопольский полк, а с ним и наш герой.

Весна с её трудными манёврами на отход миновала. Казалось, всё начиналось сначала. Противоборствующие стороны основательно врылись в землю по новой линии образовавшегося фронта и вели позиционные бои.

В июле 5-й Каргопольский полк участвовал в одной из таких частных операций. Командование предприняло серию атак при интенсивной поддержке артиллерии. Артподготовка, затем кавалерийская лава, артралёт и — снова драгуны летели к немецким окопам, пока их шальной галоп не осаживали пулемёты противника. Немцы укрепились основательно, и все попытки выбить их со станции Трашканы заканчивались новыми и новыми потерями для атакующих.

И тогда в штабе полка приняли решение: небольшой группой надёжных людей из числа добровольцев под покровом ночи проникнуть в расположение неприятеля, захватить участок окопов, закрепиться и держаться, сковывать противника до подхода основных сил.

Среди добровольцев, тщательно отобранных в ударную группу для ночного рейда, оказался и драгун Рокоссовский.

Ночью пятеро храбрецов — «Пять — против тридцати!» — скрытно подобрался к немецкой траншее, ворвались в неё, пустили в ход штыки и тесаки. Вскоре, взвод за взводом, в отбитую траншею перебрались поднявшиеся в наступление эскадроны. Захваченный плацдарм тут же расширили. Закрепились.

Утром немцы контратаковали. Но эскадроны, установив по флангам пулемёты, уверенно отразили и первую, и вторую атаки, и все последующие.

Все участники ночной атаки, в том числе и Рокоссовский, были награждены георгиевскими медалями «За храбрость». Рокоссовский — медалью 4-й степени.

Так же как Георгиевский крест, Георгиевская медаль «За храбрость» имела четыре степени: 4-я и 3-я — серебряные; 2-я и 1-я — золотые. К ним полагались наградные: за 4-ю степень — 12 рублей годовых дополнительно

к жалованью; за 3-ю — 18 рублей; за 2-ю — 24 рубля; за 1-ю — 36 рублей. При получении Георгиевской медали высшей степени прибавка к жалованью определялась по последней. За георгиевские кресты платили в три раза больше. По смерти кавалера его вдова ещё год получала из казны причитающиеся погибшему деньги.

В перечне льгот для награждённых значились: запрет на телесные наказания, сохранение звания при переходе в гвардейские части, а также ускоренное производство в следующий чин. Кавалер четырёх солдатских георгиевских крестов тут же производился в подпрапорщики.

Для Рокоссовского, по всей вероятности, уже тогда стало определяться его будущее — оно виделось ещё смутно, но уже явно в кавалерийской шинели, в высоких сапогах со шпорами и на лихом коне. Награды приближали мечту и делали её более определённой и реальной.

В мае 1916 года он получил очередную награду — Георгиевскую медаль «За храбрость» 3-й степени.

К тому времени эскадроны, казалось, окончательно засели в глухих окопах. Полк занимал позиции на реке Дубице. На фронте установилось продолжительное затишье. Лишь изредка оно нарушалось артиллерийскими дуэлями да лазутчики то одной, то другой стороны утаскивали друг у друга «языков».

Осенью 1916 года полк ввиду больших и уже невосполнимых потерь в личном составе из шестиэскадронного преформировали в четырёхэскадронный. В дивизию прибыл новый командир — генерал Скоропадский. Совсем скоро, когда империю поразят великая смута и взаимная братская ненависть, он займётся украинизацией подвластных ему частей, провозгласит Украинскую державу и примет титул Его Светлости Ясновельможного Пана Гетмана Всея Украины.

Осенью 1916 года Каргопольский полк сменила в окопах пехота. А драгун снова посадили на коней и отвели в ближний тыл. После короткого отдыха и приведения себя и конского состава в порядок объявили, что днями в распоряжение прибудет сам государь император. Николай II к тому времени возложил на себя обязанности главнокомандующего, сменив на этом посту своего дядю Николая Николаевича, и объезжал со своим штабом войска. Вот что отметил в своих мемуарах генерал Тюленев^[6], служивший с Рокоссовским в одном полку: «...Стояла дождливая осень 1916 года. Наш полк сменила в окопах пехота. Мы же готовились к торжественной встрече самодержца, который принял на себя верховное командование. По этому случаю в частях служились молебны о даровании русскому воинству победы.

Две недели мы лихорадочно готовились к встрече царя: выводили вшей, чистили амуницию, снаряжение и втихомолку проклинали Николая, суматоху, вызванную его предстоящим приездом.

В один из погожих осенних дней царь прибыл на фронт. Под Двинском был назначен большой парад войск 5-й армии, которой командовал генерал Плеве.

Полки вывели на гладкую, как плешь, равнину. Конницу в составе двух дивизий построили во взводно-резервных колоннах.

Выезжая на парад, мы шутливо перемигивались:

— Посмотрим, какой он из себя — наш бог на расейской земле.

Вдали показалась вереница автомобилей.

С правого фланга перекатами донеслась до нас команда: «Равнение направо». Появилась группа всадников. Она манежным галопом подъезжала к правому флангу. Впереди скакал Николай Второй. Рядом с ним — министр двора Фредерикс и командующий 5-й армией Плеве.

Прозвучало тихое, неуверенное, картавое:

— Здорово, дети-каргопольцы!

Бледное, болезненно-испитое лицо царя-полковника, щуплая фигурка, вялость в движениях, штатская посадка на коне разочаровали даже тех, кто последние дни не ел, не пил — скорее бы увидеть самодержца всея Руси.

— Ну и папаша, ну и отец... — подталкивали мы локтями друг друга. — Теперь понятно, почему Гришка Распутин да немцы, дружки царицы, управляют страной. Да какой же из него главнокомандующий? Пропала матушка-Россия!

Шли месяцы, а конца войне не было видно. Позиции, окопы, гнилая вода под ногами, стужа...

Наступал 1917 год.

По окопам поползли слухи о дворцовом перевороте, об убийстве Распутина, о бунте матросов на Балтике.

Солдаты чутко ко всему прислушивались, ждали больших перемен, хоть и не знали, с какой стороны они придут».

Тон и стилистика мемуаров, разумеется, выдержана строго в духе того времени. Мемуарист писал (или диктовал), редакторы и ГлавПУР потом правили. Что оставалось? Картавый государь да намёки на шашни царицы. Читатель, надеюсь, сам сумеет отделить наносное.

Войска дрались, по-прежнему удерживая фронт. В Петрограде тем временем бурлила и вскипала смута. В феврале произошли главные события, определившие и дальнейший ход истории страны, и судьбу нашего героя.

В мае 1917 года партизанский отряд, сформированный специально для рейдов по тылам противника и дерзких разведывательных вышазок, получил очередное задание: провести разведку вдоль Псковского шоссе. Действовали небольшими разъездами, в которые включали самых храбрых и опытных бойцов. В один из таких разъездов напросился Рокоссовский. К тому времени он уже имел ефрейторское звание. В описании подвига, за который он получил Георгиевскую медаль «За храбрость» 2-й степени, читаем: «В ночь с 23 на 24 августа 1917 г. у м. Кроненберг вызвался охотником ехать в разъезд, высылаемый по Псковскому шоссе. Несмотря на тёмную ночь, когда противника можно обнаружить, только вызвав огонь на себя с явной личной опасностью, поехал в разведку и обнаружил наступление противника лесом по обе стороны шоссе».

К тому времени царь уже отрёкся от престола и войска присягнули Временному правительству.

Годы спустя генерал А. И. Деникин, в то время командующий 7-м армейским корпусом, напишет: «Многим кажется удивительным и непонятным тот факт, что крушение векового монархического строя не вызвало среди армии, воспитанной в его традициях, не только борьбы, но даже отдельных вспышек. Что армия не создала своей Вандеи...»

Армия не почувствовала катастрофы. Солдаты, привыкшие верить своим отцам-командирам, присягнули, а по сути дела — отреклись от государя и вековых устоев вслед за своими офицерами и по их примеру. Генерал Деникин, вспоминая присягу в своём корпусе, писал в «Очерках русской смуты»: «...Местами в строю непроизвольно колыхались ружья, взятые на караул, и по щекам старых солдат катились слёзы». И далее: «Думаю, что для многих лиц, которые не считали присягу простой формальностью — далеко не одних монархистов, — это, во всяком случае, была большая внутренняя драма, тяжело переживаемая; это была тяжёлая жертва, приносимая во спасение Родины и во спасение армии».

Текст новой присяги был вполне патриотичным, никакими потрясениями не угрожал: «Клянусь честью солдата и обязуюсь перед Богом и своей совестью быть верным и неизменно преданным Российскому государству как своему Отечеству...» Вновь назначенный Верховный главнокомандующий великий князь Николай Николаевич в своём первом приказе войскам говорил: «Установлена власть в лице нового правительства. Для пользы нашей Родины я, Верховный главнокомандующий, признал её, показав тем пример нашего воинского долга. Повелеваю всем чинам славной нашей армии и флота неуклонно повиноваться установленному правительству через своих прямых

начальников. Только так Бог даст нам победу».

Однако не все столь безропотно подчинились обстоятельствам. Нашлись в русской армии офицеры, не пожелавшие присягать дважды. Генерал Ф. А. Келлер, первая шашка России, командир 3-го конного корпуса, отказался присягать Временному правительству. Срочно прибывшему к нему генералу Маннергейму Келлер заявил: «Я христианин и думаю, что грешно менять присягу».

В 3-м конном корпусе генерала Келлера в те дни служил кавалер двух георгиевских крестов унтер-офицер и будущий Маршал Советского Союза, друг и соперник нашего героя — Георгий Жуков.

О настроении же Рокоссовского намекнул в своих мемуарах однополчанин Тюленев. После присяги Временному правительству Юбилейный штандарт полка с вензелем отрёкшегося императора был доставлен в Петроград «для выполнения работ по снятию вензеля». В полку произошли и другие изменения. Но самым заметным стало ухудшение дисциплины. Нижние чины всё меньше походили на солдат. Армия разлагалась.

В те дни революционно настроенные солдаты 5-го Каргопольского полка начали снимать с себя награды. Георгиевские кресты не имели царской символики, но на золотых и серебряных медалях «За храбрость» на аверсе был выбит барельеф Николая II. Носить такие награды стало не просто, как теперь говорят, неpolitкорректно, но и опасно. Солдаты, охваченные революционной злобой, особенно из числа эсеров и анархистов, а также тех, кто их не имел, могли запросто сорвать ордена с груди, оскорбить, а то и пригрозить штыком. Георгиевские кавалеры попрятали знаки своей боевой доблести и солдатской чести в ранцы. Другие распорядились иначе.

Из воспоминаний генерала Тюленева: «Кто-то притащил мешок, и здесь же, на лужайке, в него посыпались георгиевские кресты и медали. Это был наш первый отклик на революционные события.

Отныне мы заботились главным образом о том, чтобы раздобыть газеты. Каждый день мы снаряжали на станцию посыльного и он приносил всё, что удавалось там найти. Обычно это были зачитанные, уже прошедшие через многие руки газетные листы.

Так как газеты попадались разных партий — и кадетов, и меньшевиков, — события каждой из них толковались по-своему, оттого и сумбур в наших головах был ещё больший.

Однажды встречаю Константина Рокоссовского — он служил в нашем полку, только в другом эскадроне. Идёт мрачный. Остановились, закурили.

Спрашиваю, как он смотрит на события. Оказывается, и у них в эскадроне тоже никто толком не поймёт, что же происходит в России».

В войсках царило оцепенение. Словно рыба в воде чувствовали себя разве что активисты и агитаторы из различных партий, быстро наводнявшие окопы и казармы. А войско жило ощущением того, что царь, отрёкшись от престола, от ответственности за страну и своих подданных, попросту бросил их на произвол судьбы — их, своих сынов, героев, храбрецов, готовых ради него, ради Веры и Отечества на всё.

Неизвестна судьба Георгиевского креста 4-й степени и трёх медалей «За храбрость», которые своей кровью заслужил за три года войны Рокоссовский. То ли они упали в ту же торбу и были переплавлены и обращены на пользу революции, то ли он их всё же сохранил тогда. Во время войны многие солдаты, офицеры и даже генералы носили свои георгиевские кресты: маршал Будённый — у него был полный бант, генерал Трубников — тоже полный кавалер.

Вполне возможно, что свои награды Рокоссовский тогда сохранил. Могло случиться, что их обнаружили во время ареста и последующего обыска сотрудники НКВД в августе 1937 года. Но все документы, касающиеся ареста и допросов, затем оказались уничтоженными. Сам Рокоссовский о своих царских наградах не оставил никаких сведений.

В обстоятельствах подобной немоты намёк бывшего однополчанина о мрачном настроении Рокоссовского говорит о многом.

Вместе с самодержавием рушилась страна. Вскоре станет очевидным, что Временное правительство не в состоянии управлять делами бывшей империи. Зараза разложения, как бубонная чума, охватит армию. Наступит хаос. Осенью, в октябре, его прекратят большевики. Во всяком случае, им, победившим, тогда так казалось.

А что же наш герой среди этого хаоса? Он продолжал служить Отечеству, в какие бы флаги его ни пеленали.

Удивительно и другое.

Ещё в августе 1914 года Верховный главнокомандующий русскими войсками великий князь Николай Николаевич приказал «собрать отряд из поляков и идти на помощь армии». Вскоре в городке Ново-Александрия (Пулавы) был сформирован 1-й Польский легион. Легион хорошо показал себя в боях, и на его основе начали формировать Польскую стрелковую бригаду. В сражениях 1916 года бригада отличилась храбростью своих солдат и преданностью офицеров.

К тому времени Царство Польское оказалось оккупированным германскими и австро-венгерскими войсками. На освобождённой от

русского влияния земле создавалось Польское королевство под протекторатом победителей. Формировались национальные вооружённые силы — «Польская Сила Збройна» и «Польский вермахт». У настоящих поляков существовало два пути: на родину, в Польское королевство, в «Польский вермахт» или в Польскую дивизию, которая в то время по приказу командующего Юго-Западным фронтом генерала от кавалерии А. А. Брусилова формировалась на базе бригады.

В Польской дивизии, дислоцированной в Киеве, царствует польский язык. На параде войск киевского гарнизона в марте 1917 года полки дивизии проходили под польскими знамёнами и с национальной символикой. Уланский полк дивизии, принимая новую присягу, клянётся в верности и неизменной преданности не «Российскому государству как своему Отечеству», а свободной и объединяющейся Польше.

Более того, во всех войсках, дислоцированных на территории России от Киева до Владивостока, создаются «союзы военнослужащих-поляков, которые ставят целью создание польских вооружённых сил и борьбу за независимость страны». Генерал-лейтенант Сильвестр Станкевич начал формировать Польский корпус с намерением в перспективе развернуть его в Польскую армию. Впоследствии части 1, 2 и 3-го польских корпусов, сформированных в России, придут в Польшу и войдут в создаваемые Вооружённые силы Польши. Очень скоро, в 1919 году, они начнут боевые действия против Советской России, Литвы и Украинской Народной Республики. В польских дивизиях будет много солдат и офицеров, которые совсем недавно носили погоны Русской армии и которых водили в бой русские офицеры. Впрочем, и офицеров-поляков в Русской армии было предостаточно.

В царской армии, вступившей в Первую мировую войну, служили 700 тысяч поляков, среди них 20 тысяч офицеров и 119 генералов.

Сколько возможностей открывалось для юного драгуна для исполнения патриотического долга перед родной Польшей, «свободной и объединяющейся»! Какая благодатная почва для юного самолюбия, уже вкушившего военной службы во всех её проявлениях и любившего её!

Многие поляки, служившие в 5-й кавалерийской дивизии, так и поступили и вскоре щеголяли в новой униформе с нашивками польских частей, гордо маршируя под национальными знамёнами. Среди них был и двоюродный брат Константина Франц Рокоссовский, однополчанин, служивший в 6-м эскадроне.

Франц поступил в Польский легион, дислоцированный в Белоруссии. Затем оказался в Польше. Служил в полиции Второй Речи Посполитой. Во

время немецкой оккупации 1939–1945 годов продолжал полицейскую службу. После освобождения Польши, как ни странно, его не тронули. Видимо, никаких преступлений за ним не числилось. Жил во Вроцлаве. Когда маршала Рокоссовского назначили министром национальной обороны Польской Народной Республики и присвоили звание маршала Польши, Франц тут же попытался связаться с ним. Но известно, что ему позволили обратиться к своему высокопоставленному брату лишь письменно. По словам Хелены, Франц просил маршала подтвердить их родство. Франц любил прихвастнуть перед соседями, да и местное начальство стал донимать своими визитами, во время которых многозначительно намекал, что его брат теперь ни много ни мало — министр! Никаких сведений о том, откликнулся ли маршал на просьбу родственника и бывшего однополчанина, не сохранилось.

Ни в 17-м, ни позже зов родины не разбудил в Рокоссовском ответного патриотического порыва, на что польская кровь, надо признать, была всегда весьма отзывчива. После же советско-польской войны 1919–1921 годов и похода армий ЮгоЗападного фронта на Варшаву о своём польском происхождении благоразумнее было и вовсе помалкивать.

Однако в Войско Польское он ещё вернётся.

Глава третья

С БОЛЬШЕВИКАМИ

*Для спасения страны от полной разрухи и
Революции от гибели требуем...*

*Из постановления дивизионного собрания.
1917 год*

Весной 1917 года Рокоссовский, успешно окончив курс учебной команды, вернулся в свой полк и вскоре был произведён в младшие унтер-офицеры.

Сражения Второй мировой продолжались. В конце августа после арьергардных боёв под Ригой, где драгуны прикрывали отход артиллерии и обозов, полк отвели в глубокий тыл.

Позади были три года войны. Такие, как Рокоссовский, прошедшие с полком все бои и разделившие со своим знаменем все радости и невзгоды, победы и поражения, считались заслуженными ветеранами. Однополчане относились к ним с подобающим уважением, прислушивались к их суждениям, не скупясь делились табачком.

Исследователи истории Первой мировой войны пишут о том, что в 5-й кавалерийской дивизии политическую власть быстро и тотально захватили большевики. Произошло это уже весной 1917 года. Неудивительно: большевики в войсках работали энергично, напористо, эффективно. Лозунги их были просты, ясны, смысл их был близок солдату, уставшему от войны и дурных вестей с родины — семьи в тылу перебивались с хлеба на квас. Временное правительство ситуацию в стране, где множился хаос, контролировать уже не могло.

В октябре в Петрограде произошёл второй акт революции — большевистский переворот. Борьба за власть ожесточилась и, как писали потом в учебниках истории, вступала в новую, решающую фазу.

Атмосферу, царившую в 5-й кавдивизии, передаёт найденный в архиве текст постановления дивизионного собрания от 11 ноября 1917 года: «Общее собрание полковых комитетов 5-й кавалерийской дивизии, выслушав доклад о перевороте 24 и 25 октября и переходе всей власти

Советам Рабочих, Солдатских, Крестьянских депутатов как в центре, так и на местах, вынесло постановление:

С восторгом приветствуем Петроградский гарнизон и рабочих как борцов за истинные интересы великого Русского трудового народа в лице рабочих и крестьян и их победу считаем огромным шагом к завоеванию свобод, провозглашённых русской революцией.

Настал момент, когда Русский народ должен сказать: «Я хозяин страны. Я сам хочу строить свою судьбу». Мы, представители дивизии, от лица своих полков заявляем: мы поддерживаем власть Советов всем, что они от нас потребуют, о всех восстающих против Советов мы кричим: руки прочь, не смей посягать на Волю народа, в Центральный Комитет Советов Рабочих, Солдатских и Крестьянских депутатов должны войти представители всех корпусов действующей Армии...

Для спасения страны от полной разрухи и Революции от гибели... требуем: 1) Учредительное собрание должно быть созвано в назначенный срок... для успешной подготовки к выборам требуем полную свободу печати и устной агитации. 2) Требуем объяснения всех договоров, заключённых прежними правительствами, и активного выступления перед всеми воюющими и нейтральными странами с предложением о немедленном заключении справедливого и демократического мира. 3) Требуем немедленной передачи без выкупа всех земель всему трудящемуся народу, причём как земли, так и живой и мёртвый инвентарь переходит в ведение крестьянских земельных комитетов. Леса переходят в ведение лесозаготовительных комитетов, которые должны удовлетворить население топливом в потребной норме. Ненужная же порча лесов должна строго караться законом, а окончательное же распределение должно произойти в Учредительном собрании. 4) Всем генералам, офицерам, чиновникам и духовным лицам давать пенсию не более 500 рублей в год. 5) Тщательный надзор над фабрично-заводской промышленностью, удовлетворение населения хлебом и предметами первой необходимости фабрично-заводской промышленности по строго установленным ценам. 6) Во избежание окончательного разложения Армии требуем немедленного урегулирования транспорта, снабжения армии продовольствием, обувью, обмундированием, пополнением, фуражом, технической частью. 7) Требуем незамедлительной отмены смертной казни... в каких бы случаях это ни происходило. 8) Офицеры, которые выявляют вражду к новому строю, по отзывам соответствующих организаций, должны быть разжалованы и отправлены в окопы. 9) Мы требуем, чтобы все части, направляющиеся против Советов, были немедленно возвращены на фронт.

Председатель Дивизионного совещания младший унтер-офицер Лебедев.

Секретарь младший унтер-офицер Колодкин».

Итак, в 5-й кавдивизии власть, по сути дела, захватили младшие унтеры. Среди них оказался и Рокоссовский. В то время он занимал весьма солидный пост — в октябре был избран в полковую Георгиевскую думу, куда входили представители от кавалеров Георгиевского креста. Тогда их слава ещё не померкла. Как человек не только храбрый, авторитетный, но и грамотный, он исполнял обязанности секретаря полковой Георгиевской думы.

Документы, подобные вышеприведённому, не могли не волновать солдатскую душу. А душа солдатская в девяти окопах из десяти была крестьянской. Земля — без выкупа! Куда как сильно.

Следует заметить, что Рокоссовский в те бурные октябрьские дни оказался всё же не в полковом комитете, где концентрировался основной революционный элемент каргопольцев, а в полковой Георгиевской думе. Его, младшего унтер-офицера из варшавских мещан, влекла не политика, а армейская служба. Он понюхал порохового дыма, почувствовал ловкость своей руки и надёжность клинка и уже не мог жить без этого. «Шашки вон! Пики к бою!» — эта команда волновала его больше, чем революционные лозунги.

Но вскоре он всё же прибил к одному берегу. К большевистскому. Цели большевиков казались ему более ясными и близкими. К тому же Советы начали создавать новую армию.

Полки старой армии переформировывались в красноармейские отряды. Весной 1918 года 5-й драгунский Каргопольский полк был отведён в глубокий тыл, в район Череповца, и реорганизован в красногвардейский кавалерийский отряд.

Незадолго до отправки по эскадронам пронеслась волна солдатских самосудов над офицерами. Её подстегнула расправа над исполняющим обязанности Верховного главнокомандующего Русской армией генералом Н. Н. Духониным. Революционно настроенные матросы не простили боевому генералу того, что он перед своим смещением (обязанности командующего принимал прапорщик Н. В. Крыленко) распорядился выпустить на свободу генералов Корнилова, Деникина, Маркова и других, арестованных после Корниловского мятежа.

19 ноября 1917 года драгуны 4-го эскадрона арестовали и приговорили к смерти поручика Ясинского.

Ещё весной был получен приказ об отмене звания «нижний чин». Тем

же приказом отменялось титулование офицеров. Солдаты ликовали: кончилось время их благородий.

Многие офицеры дезертировали из армии домой или туда, где, по слухам, собирались и накапливались силы, способные противостоять большевизму. Некоторые уезжали в отпуск и не возвращались. Но были и другие. Зачастую отстранённые от командных должностей, они упорно и верно продолжали служить в своих полках рядовыми солдатами. Были такие и в 5-м драгунском Каргопольском полку.

Это была настоящая трагедия. Стала ли она трагедией и для нашего героя, неизвестно.

Сохранился документ. Пересказывать его незачем:

«Да здравствует Революция!

Постановление

общего собрания драгун 4-го эскадрона 5-го Драгунского Каргопольского полка 19 декабря 1917 г. в числе восьмидесяти пяти человек (85) в составе председателя Олейникова, товарища Ермакова и секретаря Дикова.

Порядок дня

О произведённом суде над бывшим поручиком Ясинским.

Выборы командира эскадрона и его заместителя.

О собственных вещах поручика Ясинского.

О вещах не возвратившегося из отпуска тов. Газалиева». Здесь необходим небольшой комментарий.

Буза в 4-м эскадроне шла уже давно. Драгуны ни в грош не ставили офицеров. Свобода пьянила сильнее вина, а у некоторых особо горячих голов, как ныне говорят в просвещённом обществе, крышу сносило напрочь.

Ещё в конце апреля в эскадроне вспыхнул конфликт между драгунами и командиром полковником Занковичем. Причиной обострения отношений стал эпизод, произошедший однажды на построении. Эскадрон готовился к полковому смотру. Взводы выстроились. Занкович подъехал к шеренгам и поздоровался. Ему дружно ответили. В первом взводе подняли красный флаг с надписью: «Да здравствует свобода!» Командир эскадрона тронул коня, подъехал к знаменосцу и осведомился, по какому случаю нарушается устав и порядок выездки. Ему ответили дерзко, в духе царившего тогда настроения. Занковича это задело, он сказал, что красная тряпка, поднятая в первом взводе, не является штандартом, предусмотренным уставом, и он в таком виде эскадрон на полковой смотр не поведёт. Драгуны загудели. Полковник не уступал. И тогда дело решил председатель эскадронного

комитета: он приказал убрать флаг.

Однако история на этом не завершилась. Командир эскадрона ещё раз объехал строй и вдруг заметил на груди стоявшего рядом с Рокоссовским драгуна Фёдора Чуба красный бант.

— Убр-рать! — рявкнул полковник. — И чтобы впредь никаких красных бантиков! Ни на драгунах, ни на лошадях! Вы не барышни, а солдаты!

Вскоре эскадронный комитет обратился к полковому начальству с просьбой удалить полковника Занковича с должности их командира: «Не желая обострять отношения, мы с болью в сердце и со слезами на глазах должны были удалить эти знаки добытой дорогой ценой свободы, так долго находящейся в руках деспотов и буржуазии».

При разборе дела за Занковича вступился командир полка полковник Дараган. Материалы передали в дивизионное совещание. Там вскоре приняли решение: «Считая поступок полковника Занковича не соответствующим духу времени и нетактичным, удалить в резерв чинов».

Командовать 4-м эскадром назначили штаб-ротмистра Газалиева. Новый начальник с драгунами ладил. Но когда на Дону начали собираться офицерские части, из которых формировалась Белая гвардия, по слухам, отправился туда. Отбыл в отпуск и, как повелось, в полк не вернулся.

Не доверяли драгуны и поручику Ясинскому. Судьбе было угодно, что именно на него обрушился весь солдатский гнев, все их обиды, копившиеся годами, и вся их жестокая несправедливость.

«Единогласно постановлено:

1) Настоящим постановлением устанавливаем и подтверждаем своё решение, принятое 18 декабря с/года о произведённом суде над бывшим поручиком Ясинским, как кардинальную меру пресечь его контрреволюционную деятельность эскадрон признаёт правильным лишение его жизни, что было приведено в исполнение вышеуказанного числа.

2) Командиром эскадрона выбран тов. Стафеев.

3) Большинством голосов выбран заместителем его тов. Каштанов.

4) Вещи погибшего поручика Ясинского продать и деньги, вырученные от продажи вместе с собственными его деньгами в сумме восемьсот рублей (800 р. 97 к.) препроводить вместе с настоящим постановлением в полковой комитет для направления их в Военно-Революционный комитет на помощь семьям погибших борцов за свободу во время Революции».

За седло поручика выручили 60 рублей. По-хозяйски распорядились и

другими вещами расстрелянного. Правда, под шумок потеряли серебряный портсигар, что нашло отражение и в протоколе: «Вопрос об утере портсигара б. поручика Ясинского не возбуждался».

Другие документы проясняют предысторию трагедии.

Из них следует, что после октября 1917 года, когда власть в полку перешла к комитету и офицеры фактически оказались отстранёнными от власти, а порой и не у дел, они, пользуясь различными предложениями, начали покидать расположение полка. Враждебность драгун росла. Полком фактически командовал председатель полкового комитета каптенармус Иванькин. Атмосфера в эскадронах создавалась соответствующая. Вдобавок ко всему в ноябре штаб фронта предпринял попытку откомандировать с передовой в тыл на подавление революции сотни 5-го Донского казачьего полка. Драгунский Каргопольский полк воспротивился этому, отказавшись сменить в окопах казаков. В те же дни «ввиду подозрительности» заменили казаков летучей почтой надёжными товарищами из драгун.

В самом 4-м эскадроне тоже делали свою революцию. Командиром эскадрона избрали полного георгиевского кавалера унтер-офицера Стафеева. Офицеров от командования отстранили — «так как они, офицеры, интересы солдат не защищают». Денщиков и вестовых у них отняли, а самих распределили по взводам рядовыми. Вскоре, чего и следовало ожидать, один за другим они начали исчезать. Куда бежали разжалованные в рядовые поручики, корнеты и штаб-ротмистры, неизвестно. Известно лишь, что в те дни для офицеров существовал один путь — на юг России. Странно, но тот, кто яростнее всех пытался убедить драгун в ошибочности и пагубности большевистского выбора, кто, казалось, сильнее других офицеров ненавидел грядущую власть и при первом же случае беспощадно критиковал новые порядки в полку, задержался в расположении дольше других и, казалось, не желал покидать эскадрон.

Наконец иссякло и его терпение. В середине декабря Ясинского назначили в караул. С поста он ушёл самовольно. Но вскоре был задержан латышскими стрелками «и под конвоем возвращён в полк». Командир эскадрона Стафеев спросил, почему он бросил пост. На что Ясинский ответил с вызывающей дерзостью:

— Служить изменникам-большевикам не желаю.

В те дни от единой и неделимой отваливались, как снасти от терпящего бедствие корабля, Финляндия, Польша, Литва, Украина, Курляндия... Многие, в особенности офицеры, переживали распад империи болезненно.

Разговор драгун и бывшего поручика принял самые ожесточённые и грубые формы и закончился выстрелом кого-то из солдат. Суд состоялся уже после того, как дело было сделано. Видимо, поэтому в постановлении эскадронного комитета Ясинский фигурирует как погибший.

Рокоссовский, по всей вероятности, стал участником этой истории и был частью той массы, которая склонялась к крайним мерам и в итоге пустила в ход карабин, а затем признала правильным лишение жизни своего бывшего командира эскадрона с целью «пресечь его контрреволюционную деятельность».

Так начиналась Гражданская война. Она разделила народ бывшей Российской империи на красных и белых, на своих и чужих, на бывших и тех, кто с энтузиазмом и самоотверженностью кинулся строить новую жизнь, где, казалось, счастья хватит всем.

Перед драгунами, оставшимися без офицеров, без полкового штандарта и присяги, встала проблема личного выбора: с кем?

Тогда же, в декабре, полк покинули боевые товарищи и земляки Рокоссовского Вацлав Странкевич, двоюродный брат Франц Рокоссовский и другие поляки. Они отправлялись в польский корпус воевать за своё, кровное, польское дело. Именно об этом они заявили ему, уговаривая ехать с ними. Рокоссовский отказался. К тому времени он сделал свой выбор. В Советской республике, где власть перешла в руки народа, строили новую армию — Красную гвардию. В войска возвращались порядок, дисциплина. На руководящие должности выдвигались талантливые и энергичные командиры из самой народной гущи. Своё будущее он уже тогда решил связать с армией страны, за которую дрался все эти годы. Армия только-только рождалась, она ещё не имела имени. А пока повсеместно создавались красногвардейские отряды.

Тяжёлым было прощание Рокоссовского с земляками. Вспоминали Варшаву. Свои первые дни в драгунском полку. И первые бои. Погибших товарищей.

— А помнишь, Костя, рубку под Шяуляем? — сказал кто-то польски. И они надолго замолчали. Вспоминали.

Тот бой был кровавым.

Накануне соседний Рыльский пехотный полк немцы изрядно потрепали. Неожиданно контратаковали, выбили из окопов, часть бойцов рассеяли по лесу, а другую часть окружили. Подавленные неудачей, гибелью товарищей и ощущением надвигающейся беды — полным разгромом и возможным пленением — пехотинцы окопались, заняли круговую оборону и ждали своей участи. Наступила ночь. Она принесла

временное затишье.

Командование приняло решение атаковать противника немедленно, до рассвета. Деблокирующий удар должны были нанести каргопольцы. По жребию от каждой сотни отобрали по десятку драгун и одного офицера. Скрытно, чтобы не обнаружить своих намерений, вывели коней на исходные позиции. По команде вскочили в сёдла. В последний раз проверили оружие и — вперёд. Штаб-ротмистр Газалиев потуже затянул под подбородком ремешок офицерской фуражки и сказал: «Ну, ребята, двум смертям не бывать. С Богом!..»

Взвод на рысях миновал изрытое воронками и утыканное кольями с клубками оборванной колючей проволоки предполье. Скакали молча, стиснув зубы и полагаясь только на чутьё и надёжность своих верных боевых коней. Выносливый и послушный Ад нёс своего хозяина через воронки и окопы. Иногда драгун чувствовал, как конь под ним напрягается всем своим мощным телом, перемахивает через очередную рытвину и, ёкая селезёнкой, приземляется, ловит опору и мчится дальше. Где-то рядом в темноте слышатся глухие удары — лошади проваливаются в рытвины, ломают ноги и рёбра, всадники летят под копыта, словно выбитые из сёдел картечными залпами в упор. И вот уже первая линия немецких окопов и первые вспышки запоздалых выстрелов — справа, слева, под ногами взмывшего свечой Ада. Нащупал ребристую холодную рукоять шашки. Клинок, будто ожидая этого прикосновения, стремительно и плавно скользнул из ножен. Драгуны налетели как ураган, крушили шашками враждебную темноту, и вскоре она стала расступаться, реже огрызаться ружейными выстрелами, а потом и вовсе затихла. Правее, в березняке, белевшем в рассветной дымке, шевельнулись цепи — пошла на прорыв пехота Рыльского полка. А они, уцелевшие в схватке с немецким боевым охранением, поскакали дальше. Миновали лощину. Кони вынесли их на край поля, и в густом молоке наползающего из низины тумана они увидели орудия, стоявшие на позициях. Возле них копошилась прислуга, слышались команды. Первых залпов можно было ждать в любое мгновение. «Ребята, руби!» — крикнул штаб-ротмистр, первым бросив коня прямо на батарею. Рокоссовский пришпорил Ада и, забирая левый повод, направил в самую гущу тумана, выскочил к крайнему орудью и, низко свесившись с седла, коротким точным ударом полоснул качнувшуюся перед ним тень. Тут же осадил и развернул коня, потому что со стороны поля к ним летели чужие всадники. Это были немецкие уланы, бросившиеся выручать свою батарею. Драгуны вовремя заметили опасность, тоже развернули и пришпорили коней. Быстро сблизилась.

Началась рубка. На всю жизнь Рокоссовскому запомнилось, как над головой, туго рассекая воздух, наполненный напряжением и страхом, пронеслась уланская шашка. Он машинально припал к тёплой шее Ада и увидел, как Странкевич боковым ударом буквально вынес улана из седла.

В той ночной рубке погибли многие. Но приказ драгуны выполнили. Выручили Рыльский пехотный полк, захватили несколько орудий, вырубили во встречном бою взвод немецких улан.

Рокоссовский и Странкевич в ту ночь держались рядом. Может, потому смерть и миновала их, что сами они в минуты атаки были воплощением гибели и ужаса.

И вот настала пора расставаться. Больше они никогда не увидятся. Тогда они ещё не знали, что служить им суждено в армиях враждебных государств.

Глава четвёртая

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА

*Какие это чудесные люди, и какое это счастье
быть в их рядах!*

К. К. Рокоссовский

Об одном он жалел: что пришлось расстаться с боевыми наградами. А последнюю — медаль «За храбрость» — и вовсе не успел получить: наградные листы подписали только в конце декабря, когда ни армии той, что его награждала, ни государства, ни царя, чей барельеф сиял на аверсе медали, уже не существовало.

Весной 1918 года 5-я кавалерийская дивизия выгрузилась из эшелонов на станции Дикая под Вологдой. Полки начали расформировывать. Заканчивалась двухсотлетняя слава драгунского Каргопольского полка. Отныне он стал именоваться Каргопольским красногвардейским отрядом. И действительно, при переформировании новое подразделение до полка явно не дотягивало. Офицеры ушли, дезертировали многие рядовые драгуны и даже часть унтер-офицеров. Отбыли на запад, вступив в национальные легионы и бригады, почти все поляки.

В послужном списке, составленном Рокоссовским собственноручно уже после возвращения из Польши, начало военной карьеры в Красной армии выглядит так:

«Декабрь 1917 — август 1918

Помощник начальника Красногвардейского Каргопольского кавалерийского отряда. Военный Совет Брянского района, 3-я армия, Восточный фронт.

Август 1918 — май 1919

Командир эскадрона 1-го Уральского им. Володарского кавалерийского полка, 3-я армия, Восточный фронт.

Май 1919 — январь 1920

Командир 2-го отдельного Уральского кавалерийского дивизиона 30-й стрелковой дивизии 3-й армии, Восточный фронт.

Январь 1920 — август 1920

Командир 30-го отдельного кавалерийского полка 30-й стрелковой дивизии 5-й армии, Восточный фронт.

Август 1920 — октябрь 1921

Командир 35-го отдельного кавалерийского полка 35-й стрелковой дивизии 5-й армии, Восточный фронт».

Для сравнения. Когда Рокоссовский принял полк, один из будущих полководцев Великой Отечественной войны, И. С. Конев, комиссарствовал на бронепоезде в Забайкалье, а другой, Г. К. Жуков, командовал кавалерийским взводом в Причерноморье. Так что Рокоссовский делал военную карьеру куда быстрее и успешнее.

Красногвардейским кавалерийским отрядом, сформированным из остатков 5-го драгунского Каргопольского полка, командовал Адольф Казимирович Юшкевич. Большевик с дореволюционным стажем, бывший унтер-офицер, георгиевский кавалер. По национальности литовец, уроженец города Вильно. Имел воинскую специальность подрывника. Помощником командира полка назначили Рокоссовского. Они и прежде служили в одном эскадроне. Случалось, и дрались бок о бок. В том числе в 1915 году в памятной схватке под Ригой, когда немцы предприняли очередное наступление и начали теснить наши войска по всему фронту.

А дело было так... Полк спешно перебрасывали на опасный участок в район Поневежа. Эскадроны прибыли на станцию и приступили к выгрузке. Выводили из вагонов коней, выгружали снаряжение и фураж. И в это время горнист сыграл боевую тревогу. Разведка обнаружила противника всего в нескольких верстах от станции. Немцы уже развернулись для атаки и начали теснить боевые охранения, грозя опрокинуть их и прорваться к месту разгрузки. Эскадроны быстро оседлали коней, построились и выдвинулись в исходный район. Атаковали с ходу, в сомкнутом строю. 6-й эскадрон схватился с эскадроном немецкой кавалерии на кромке поля. Немецкие уланы пытались обойти с фланга нашу обороняющуюся пехоту. Вот тут-то на них и наскочили драгуны-каргопольцы. Рубка длилась всего несколько минут. Разгорячённые яростной схваткой драгуны понеслись дальше и вскоре выскочили прямо на вражескую батарею. Расчёты уже находились возле орудий. «Сабли вон!» — скомандовали офицеры и первыми бросились вперёд. К счастью, орудия были поставлены на более дальнюю стрельбу, немецким артиллеристам менять прицел и заряды на картечь было некогда, и шрапнель рванула воздух позади атакующей лавы. Рокоссовский бросил коня к офицеру, подававшему команды, свесился с седла и отработанным ударом свалил его на землю. Рубка закончилась в считанные минуты.

Орудия были захвачены в целости.

Позже маршал вспоминал тот бой как образец офицерской распорядительности, чёткости поставленной задачи и солдатской исполнительности. Войска, твердил он, находясь на марше, должны пребывать в постоянной готовности к бою.

Юшкевич был на несколько лет старше, службу знал основательно. В полку с 1910 года. Лучше разбирался и в лошадях, и в людях. Наставлял своего помощника, когда у того что-нибудь выходило не так. Учеником помощник командира отряда оказался прилежным и способным. Наставления и замечания принимал как должное, терпеливо. Сразу же применял их на деле. Эту удивительную способность схватывать нужное и полезное на лету, впитывать всё рациональное из нового он сохранил на протяжении всей службы. Учиться будет постоянно, жадно и глубоко.

Итак, старый русский полк был расформирован. Кончилась его слава. Последней страницей его истории стало прощальное заседание полкового комитета, которое провёл ещё на фронте избранный из каптенармусов в командиры полка некто А. Иванькин. Протокол сохранил настроение драгун: «Итак, Каргопольский полк, просуществовав около 211 лет, выйдя от грани абсолютизма и дойдя до грани социализма в эпоху полной хозяйственной разрухи и народного бедствия, умер. Слава и честь ушедшему в вечность славному Каргопольскому полку!»

Полк был сформирован в 1707 году из рекрутов Тульской провинции. Участвовал в кампании 1806–1807 годов, в Отечественной войне 1812 года, в Битве народов под Лейпцигом в 1813 году. Во время Русско-турецкой войны 1828–1829 годов отличился в сражении при Боелештах в Малой Валахии. За доблесть и храбрость, проявленные на румынской земле, полк получил надпись «За отличие» на парадные каски. Во время Крымской войны 1853–1856 годов полк дрался под Инкерманом на реке Чёрной.

Первое время кавалеристы Юшкевича выполняли милицейские функции. Отряд поступил в распоряжение Вологодского совета. Других сил и формирований, которые могли бы обеспечивать советскую власть в округе, пока не существовало на многие сотни вёрст.

Первой серьёзной операцией отряда стало усмирение и разоружение «буйного» транзитного эшелона. В те дни с запада на север и восток без конца шли поезда с демобилизованными солдатами. Шли они и через Вологду. Разложившаяся армия возвращала солдат и младших чинов российским губерниям, откуда все эти годы забирала, в основном из деревень, мужиков призывного возраста. Домой ехали мужики, одуревшие от окопного сидения, агитаций анархистов, левых эсеров, большевиков,

учредиловцев, прогрессистов и других партий — «истинных патриотов России». На промежуточных станциях эта хмельная, полуголодная и обнаглевшая от безнаказанности орда останавливала эшелон и приступала к экспроприации в пользу революции всего, что можно было пить и чем можно было закусить. Громили магазины и склады, обчищали частные погреба. Ехали домой с оружием и боеприпасами, а потому там, где останавливались, начиналась стрельба. Старая истина словно демонстрировала суть того, что вне окопов и казарм, где дисциплину обеспечивают не только офицеры, но и противник, солдаты превращаются в мародёров и насильников.

Итак, очередной «буйный» прибывал на железнодорожную станцию Вологды. Губернский совет заблаговременно был предупреждён телефонограммой. Приняли решение: силами только что сформированного Каргопольского красногвардейского отряда положить конец бесчинствам демобилизованных.

Поезд прибыл по расписанию. Из вагонов, как и ожидалось, начали выскакивать вооружённые солдаты и заполнять перрон. Вскоре толпа устремилась в сторону вокзальной площади, где находились магазины и привокзальный рынок. Но перед самой площадью в узком коридоре, сдавленном окрестными домами, этот неуправляемый поток неожиданно наткнулся на взвод вооружённых красногвардейцев. По команде рослого командира в длинной, до шпор, шинели: «К бою товъсь!» — взвод, звякнув затворами винтовок, ошетинился штыками и решительно сделал три шага вперёд. Толпа отшатнулась. Пользуясь сумятицей, Рокоссовский крикнул:

— Вы куда, ребята?

Толпа набухла злобой и агрессией:

— А твоё какое собачье!..

— Пошёл ты к...

— Офицер, што ли?

— Братва! Не слушай его! Да мы их, как лягушат, раздавим!

— За что боролись!

— Старым режимом пахнет...

— Эй, длинный! Мы таких, как ты, триста лет терпели!

Рокоссовский поднял руку и указал в сторону дальнего конца перрона:

— Прежде чем взяться за оружие, посмотрите туда.

На перроне и крышах станционных построек стояли пулемёты с заправленными лентами и изготовившиеся к стрельбе красноармейцы.

Толпа затихла. Смолкли даже самые задиристые и горластые.

Рокоссовский, видя, какое впечатление на «диких» произвели

пулемётные расчёты, снова поднял руку:

— А теперь, ребята, слушай мою команду! По вагонам!

Возле вагонов разбредавшихся солдат встречал Юшкевич с красногвардейцами. «Диких» быстро, пока не опомнились, разоружили.

Вскоре эшелон был отправлен дальше. Через несколько часов точно так же встретили очередной поезд и тоже разоружили его. Так пополняли отрядный арсенал.

Однажды в Вологду из Петрограда прибыл особый, как отстучал железнодорожный телеграф, эшелон. Из него высыпали солдаты и матросы. Выкатили орудия, выгрузили пулемёты. Вывели из вагонов лошадей. Кто такие, понять сразу было невозможно. Действовали энергично, нахально, но без стрельбы и грабежей. Через час прибывшие захватили одну из гостиниц в центре города и стали устраиваться в ней. В окнах установили пулемёты. На площади и в переулках — орудия. Заняв круговую оборону, объявили, что они — особый отряд анархистов и что прибыли в Вологду наводить свой порядок.

Следующей же ночью Каргопольский красногвардейский отряд окружил «крепость» и предложил «особым» сложить оружие.

— В противном случае вынуждены открыть огонь! — жёстко заявил прибывший для переговоров Рокоссовский.

Через несколько часов анархисты согласились на капитуляцию. Большинство из них на ближайших же поездах, чтобы не искушать судьбу, уехали кто на Архангельск, кто на Вятку.

Постепенно в городе и окрестностях воцарился революционный порядок, набеги на вокзал и торговые ряды прекратились.

В феврале 1918 года красногвардейский отряд Юшкевича срочно направили на юго-восток в город Буй — там активизировались эсеры, угрожали бунтом. Каргопольцы прибыли в городок, когда эсеры уже собрали своих сторонников и устроили демонстрацию, выдвинув свои требования. Демонстрация разошлась только после предупредительного залпа в воздух.

Вряд ли кто из бойцов, а тем более командиров отряда мучил себя сомнениями, что вместо привычной армейской службы они, в сущности, выполняют полицейские функции. Сыны своего народа, только что взявшего власть в Петрограде и во всех крупных городах и уездах, они свято верили в народное дело революции и всего того, что она несёт: землю — крестьянам, заводы — рабочим, власть — Советам рабочих, крестьянских и солдатских депутатов.

После того как Буй затих, каргопольцев перебросили дальше по

северной железной дороге в Галич. Здесь народ грозил бунтом в связи с «продовольственными трудностями». А трудности были такие. В январе 1918 года несколько волостей, расположенных за рекой Ветлугой, выступили против ужесточения хлебной монополии и проведения «учёта зерновых запасов населения». Народ заволновался. А народ там оказался непростой — старообрядцы. Местные хроники свидетельствуют: «Заречные волости не случайно проявляли наиболее активную позицию в защите хлебной торговли. Именно здесь проходили торговые пути, по которым хлеб из Вятской губернии доставлялся в неплодородные уезды Костромского края. Часть местных крестьян занималась торговлей хлебом, а другая, кроме этого, весьма успешно выращивала его. Жителей волости по-прежнему, как и девяносто лет назад, объединяла приверженность к старой вере». В феврале зареченские собрали Первый волостной съезд Советов. Делегаты осудили ужесточение хлебной монополии и постановили: решения Галичского совета, значительно урезавшие права хлеборобов и хлебных торговцев, не выполнять. Их поддержали солдаты запасного пехотного полка, дислоцированного в Галиче.

Дело уладили при активном участии каргопольцев.

Советская власть утверждалась везде по-разному. Где добровольно и мирно, а где и со стрельбой, и не всегда в воздух. На штыках таких формирований, как красногвардейский отряд Юшкевича, большевики устанавливали в стране властную вертикаль, заодно смиряли непокорную провинцию, веками жившую своим укладом и своим хлебом.

Как относился Рокоссовский к тому, что ему, солдату Первой мировой и боевому командиру Гражданской войны, вначале пришлось заниматься чисто полицейскими делами, с защитой страны от внешнего врага никак не связанными, неизвестно. Сам он на эту непростую тему нигде и никогда, даже в кругу семьи, не высказывался. В мемуарах тоже ни строчки. События зимы — весны 1918 года, по всей вероятности, считал для себя частью Гражданской войны. Да и нам, многое из той поры научившимся видеть в ином свете, пожалуй, не в чем упрекнуть помощника командира Каргопольского красногвардейского отряда. Военное дело он любил. Прежде всего прочего понимая в нём дисциплину. Начальству подчиняться и беспрекословно исполнять приказы умел. С подчинёнными ладил. Понимая особенности Гражданской войны, оружие применял лишь в крайнем случае. В расстрелах без суда и следствия, в казнях и расправах замечен не был.

В апреле 1918 года отряд перебросили на Восточный фронт в 3-ю армию, в район Брянска. К счастью, кампания повального изъятия

«излишков» хлеба у ветлужских старообрядцев началась позже, в июне — июле, и отряду Юшкевича обеспечивать её не довелось. Под Брянском же, Унечей, Карачевом, Харьковом и у хутора Михайловского противник был иной, настоящий.

Удивительное дело! Рокоссовскому во всех войнах — Первой мировой, Гражданской и Великой Отечественной — суждено было действовать в основном на центральном направлении.

Передислокация отряда на запад была вызвана тем, что положение на Украине и в пограничных с ней губерниях становилось крайне тяжёлым. Войска Центральной рады (гайдамаки Петлюры) в союзе с немецкими и австрийскими войсками захватили земли Северщины, Малороссии, Новороссии и Слобожанщины, перешли границу и на плечах отступающих малочисленных красногвардейских отрядов вторглись в пределы Орловской, Курской и Воронежской губерний. Австро-венгерские и германские войска наступали согласованно, определив линию разграничения и поделив зоны влияния.

Отряд Юшкевича действовал на Северщине против петлюровцев. Среди «самостийщиков» было много бывших офицеров и младших чинов. И те и другие воевали со знанием дела, дрались яростно.

В июле каргопольцев снова перебросили на другой участок фронта, на этот раз на восток — под Свердловск. Рокоссовский в автобиографии об этом периоде напишет: «...участвовал в боях с белогвардейцами и чехословаками под ст. Кузино, Свердловском, ст. Шамары и Шаля до августа 1918 года».

В начале осени Каргопольский отряд влили в состав 1 — го Уральского полка 3-й Уральской дивизии. В автобиографии Рокоссовский впоследствии напишет: «С августа 1918 года отряд переформирован в 1-й Уральский имени Володарского кавполк — назначен командиром первого эскадрона. С августа 1918 г. занимал последовательно командные должности: командира эскадрона, командира 1-го Уральского им. Володарского кавполка, командира 2-го Уральского отдельного кавдивизиона, командира 30-го кавалерийского полка, находясь на Восточном фронте (3-я и 5-я армии), участвовал в боях до полного разгрома колчаковской белой армии и ликвидации таковой. В 1921 году участвовал в боях против белогвардейских отрядов барона Унгерна до полной их ликвидации, состоя в должности командира 35-го кавполка».

Генерал Батов, друживший с Рокоссовским, рассказал в своих мемуарах, как незадолго до смерти своего друга посетил его в больнице. Рокоссовскому как раз принесли на подпись вёрстку его книги «Солдатский

долг». Он просмотрел её, подписал и сказал Батову: «Авторский экземпляр я уже тебе не смогу прислать. Но считай, что ты получил его. — И добавил: — Очень хотелось написать воспоминания о Гражданской войне, сожалею, что не успел... Ничего мне так не хотелось, как написать о Гражданской войне, о подвиге революционных рабочих и крестьян. Какие это чудесные люди, и какое это счастье быть в их рядах!»

Генерал Батов, сам участник тех событий, оставил очень яркий портрет командира полка Рокоссовского.

«Рассказы сослуживцев, архивные документы, — читаем мы у генерала Батова, — помогают нам представить Константина Рокоссовского молодым красным командиром. Он был высоким, стройным, физически сильным и натренированным. Умом, задором и отвагой светились глаза. Он был скуп на слова и щедр на дружбу. Простой, скромный и отчаянно смелый.

В районе Ишима отдельный кавалерийский дивизион под его командованием внезапно атаковал село Виколинское, занятое крупными силами белогвардейцев. В стане врага возникла паника. Однако малейшая задержка атаки — и враг придёт в себя, поймёт, что силы атакующих невелики. Вон на околице уже разворачивается для боя артиллерийская батарея противника. Решение созрело мгновенно. Рокоссовский берёт двадцать всадников и с шашками наголо — на батарею. Она открывает огонь. Свистит картечь. Но красные конники прорываются к орудиям. Рокоссовский спрыгивает с коня возле поднявшего руки белого унтер-офицера и голосом, в котором звучат угроза и приказ, говорит:

— Видите — казаки? Огонь по ним! Будете стрелять — будете жить.

И орудия повернулись и открыли беглый огонь по казакам.

За этот бой Рокоссовский получил свой первый орден Красного Знамени.

Вот ещё один бой — в районе станицы Желтуринской, что в Забайкалье, в период борьбы против барона Унгерна, главаря белогвардейских банд. 31 мая 1921 года белые казаки двумя сотнями заняли кожевенный завод в девяти километрах от станицы. На другой день утром отдельный кавалерийский полк, которым командовал двадцатипятилетний Рокоссовский, выбил белых с завода. Но разведка донесла, что со стороны Монголии подошла бригада белого генерала Резухина, с ней ведёт неравный бой один из батальонов 311-го советского стрелкового полка. Рокоссовский поднимает кавалеристов и ведёт их на помощь своей пехоте. Ещё издали видит, как отходят наши стрелковые роты и как их преследуют белые эскадроны. Рокоссовский своим полком

атакует белогвардейцев во фланг и обращает их в бегство. Это была блестящая атака. В схватке Константин Константинович лично зарубил нескольких белоказаков, но и сам получил удар саблей по бедру, под ним убили коня, ему подали другого... Подвиг в этом бою был отмечен вторым орденом Красного Знамени».

Гражданская война и для её участников и мемуаристов, и для нас, читателей этих мемуаров, была и остаётся временем жестоким и романтическим одновременно. Что в записках друга правда, а что — от доброго сердца — вымысел, понять теперь трудно.

Впрочем, документы свидетельствуют:

«РСФСР

Начальник 30-й стрелковой дивизии

5-й армии 15 мая 1920 г.

№ 4200

УДОСТОВЕРЕНИЕ

Командир 2-го кавалерийского дивизиона (ныне комполка 30-го конного) вверенной мне дивизии тов. Рокоссовский Константин Константинович Революционным Военным Советом 5-й армии награждается орденом Красного Знамени за то, что 4 ноября 1919 года в бою под селом Виколинское тов. Рокоссовский, действуя в авангарде 262-го стрелкового полка и непосредственно управляя вверенным ему дивизионом, в ночном бою с 30-ю всадниками прорвал расположение численно превосходящего противника и, преодолев упорное сопротивление пехотного прикрытия, лихим ударом взял в плен в полной исправности артиллерийскую батарею, в чём и выдаётся тов. Рокоссовскому настоящее удостоверение, что подписями и приложением печати удостоверяется.

Основание: Приказ военкома 5-й армии о награждении № 428. 1920 года.

Приложение: Орден Красного Знамени № 1717».

Рубакой Рокоссовский был лихим. Но как командир действовал продуманно, прежде чем скомандовать: «Шашки вон!» — тщательно планировал операцию. Как отбивать у артиллеристов орудия, знал по боям Первой мировой.

Буквально через несколько дней после пленения батареи белогвардейцев новая смертельная схватка. В авторской редакции книги «Солдатский долг» есть такой эпизод:

«...7 ноября 1919 года мы совершили набег на тылы белогвардейцев. Отдельный Уральский кавалерийский дивизион, которым я тогда командовал, прорвался ночью через боевые порядки колчаковцев, добыл

сведения, что в станице Караульная расположился штаб омской группы, зашёл с тыла, атаковал станицу и, смяв белые части, разгромил этот штаб, захватил пленных, в их числе много офицеров. Во время атаки при единоборстве с командующим омской группой генералом Воскресенским я получил от него пулю в плечо, а он от меня — смертельный удар шашкой...»

Биографы маршала уточнили мемуар: в действительности бой в тот день произошёл у деревни Караульная южнее станции Мангут Ишимского уезда Тобольской губернии, и в том коротком бою командир кавалерийской бригады зарубил заместителя начальника 15-й Омской Сибирской дивизии армии Колчака полковника Николая Северьяновича Вознесенского, при этом получив от него пулю в плечо.

В январе 1920 года последовало очередное назначение. Наконец-то он получил полк — 30-й кавалерийский полк 30-й дивизии 5-й армии.

Как уже отмечалось, будущие маршалы Великой Отечественной войны Конев и Жуков в это время занимали довольно скромные должности, да и орденов у них тогда ещё не было.

Росту командирской карьеры Рокоссовского, конечно же, помогало то, что ещё в марте 1919 года полковое собрание коммунистов приняло его в ряды РКП(б). Партия создавала в молодой Стране Советов свою элиту, в том числе и военную. И теперь, получив партбилет, он стал полноценной во всех отношениях частью этой элиты.

Глава пятая

ДАУРИЯ

Обладает лихостью, хладнокровием...

Из аттестации К. К. Рокоссовского

В Забайкалье, в распадках и долинах Даурии, Рокоссовскому выпало драться с частями Азиатской конной дивизии барона Унгерна.

Летом 1921 года Рокоссовского назначили командиром 35-го кавалерийского полка, который входил в состав 35-й стрелковой дивизии 5-й армии, действовавшей в Забайкалье на границе с Монголией.

В это время бывший есаул 1 — го Аргунского полка Забайкальского казачьего войска барон Унгерн с Азиатской конной дивизией пересёк монгольско-советскую границу и начал свой освободительный поход вглубь Советской России. Свои туземные сотни «забайкальский крестоносец» вёл под знамёнами возрождения империи Чингисхана. Странная это была личность в истории войн и междоусобий, загадочная, противоречивая, жестокая.

Генерал Врангель, знавший Унгерна по боям и походам Первой мировой войны, оставил о нём довольно живые воспоминания, содержащие точную и глубокую характеристику: «...Он живёт войной. Он не офицер в общепринятом значении этого слова, ибо он не только не знает самых элементарных правил службы, но сплошь и рядом грешит и против внешней дисциплины, и против военного воспитания — это тип партизана-любителя, охотника-следопыта из романов Майн Рида. Оборванный и грязный, он спит всегда на полу, среди казаков своей сотни, ест из общего котла и, будучи воспитан в условиях культурного достатка, производит впечатление человека совершенно от них оторвавшегося. Оригинальный острый ум и рядом с ним поразительное отсутствие культуры и узкий до чрезвычайности кругозор, поразительная застенчивость, не знающая пределов расточительность... этот тип должен был найти свою стихию в условиях настоящей русской смуты... и с прекращением смуты он неизбежно должен был исчезнуть».

«Дикий барон» даже одевался экзотически: на золотом монгольском

халате, затянутом портупеей, были нашиты генеральские погоны со знаками войска атамана Семёнова, на груди — офицерский Георгиевский крест. Его всадники на погонах имели «Знак Чингисхана» — «лунную», то есть серебристую свастику, повторяющую изображение на банкнотах Временного правительства. Он имел княжеский титул цин-ван и женился на маньчжурской принцессе «династической крови». Монголы называли его «Белый Бог Войны». Он мечтал создать духовно-военный буддийский орден, вдохнуть в него могущество и освободить Россию и Европу от большевизма и марксизма. Но всё закончилось крахом и кровью.

В те годы было много великих и безумных идей и проектов. Осуществлена же только одна — большевистская.

Азиатская дивизия хлынула в Даурию двумя потоками. Один возглавлял сам «крестоносец» и пират пустыни. Другой — генерал Резухин, который, по версии некоторых биографов Унгерна, и был действительным мозгом дивизии, разрабатывал основные операции и руководил ими.

Вторая бригада генерала Резухина состояла из двух конных полков, командовали ими полковник Хоботов и сотник Янков. Кроме того, бригада имела артиллерийскую батарею, пулемётную команду, монгольский дивизион и японскую роту. Всего — 1510 солдат, четыре орудия и десять пулемётов.

При переходе советско-монгольской границы генерал Резухин имел задачу: от станции Цежинской левым берегом реки Селенги действовать в направлении на Мысовск и Татаурово, громить красные тылы, взрывать мосты и тоннели.

Бригада Резухина отличалась собранностью и дисциплиной. Она разбила несколько красных отрядов и двинулась дальше вдоль железной дороги. 2 июня 1921 года близ станции Желтуринской на советско-монгольской границе Резухина перехватили эскадроны кавалерийского полка Рокоссовского и партизанского отряда Щетинкина. Оба эти подразделения входили в состав 35-й стрелковой дивизии, задачей которой было охранять «участок границы от возможных нападений с юга и закрыть её на крепкий замок».

Ещё весной Рокоссовский установил связь с союзниками — красномонгольскими отрядами Сухэ-Батора. С тех пор штаб главнокомандующего монгольской революционной армией регулярно оповещал его о передвижении частей Азиатской дивизии Унгерна. Кроме того, разведотдел кавполка активно работал с местными жителями, а они, как известно, знали всё, что происходило в округе.

Полк стал хорошей школой для будущего маршала. Рокоссовский постоянно импровизировал. Вводил в заблуждение противника, предпринимал ложные удары, а тем временем основные силы бросал на незащищённый участок неприятеля. Чувствуя успех, энергично развивал его, вводя резервы. Атаковал противника на марше, когда он не имел возможности развернуть свои силы и построиться в боевой порядок.

Бригаду генерала Резухина кавалеристы 35-го полка обескровили в нескольких сшибках. Рубились шашками в ближнем бою. Рокоссовский, имея точные разведданные и зная маршруты движения казаков, налетал на противника неожиданно, сметал мощным ударом, преследовал до полного уничтожения. Перехватывал вестовых от генерала к барону Унгерну. Когда Резухин понял, что через несколько дней столь интенсивных боёв его бригада ляжет под клинками 35-го полка красных, он изменил маршрут движения своей конницы и увёл её остатки туда, откуда пришёл, — в Монголию.

В одном из последних боёв, во время рубки главных сил 35-го полка с офицерскими сотнями и забайкальскими казаками, Рокоссовский был тяжело ранен: в пылу схватки конь вынес его на линию пулемётного огня противника.

В госпитале в Мысовске (по другим сведениям — в Троицкосавске) врачи определили сквозное пулевое ранение правой ноги с переломом берцовой кости. Рокоссовский понял, что на этот раз скоро, как после револьверной пули под станицей Караульной, из больничной палаты не выбраться. Так и случилось: пролежал в госпитале около двух месяцев. Там же, в палате для выздоравливающих, получил свой второй орден Красного Знамени.

И здесь биографы маршала предлагают две версии завершения госпитальной истории Рокоссовского.

По одной из них, недолечившийся комполка при приближении к Мысовску авангардов прорвавшихся через границу основных сил барона Унгерна потребовал срочной выписки. Прибыв в полк, сразу же ознакомился с последними разведданными и бросил свои эскадроны навстречу Азиатской дивизии. Вместе с 35-м кавполком по-прежнему действовал партизанский отряд Щетинкина. Партизаны и добились Унгерна. В стане диктатора Монголии к тому времени созрел заговор. В августе 1921 года после неудачного похода в Даурию заговорщики из числа белого офицерства застрелили генерала Резухина и увели часть сил на восток, в Приморье, к атаману Семёнову. Унгерн с отрядом бросился в погоню, чтобы перехватить беглецов и расправиться с ними. Но те встретили его

огнём. О дальнейшей судьбе «нового Чингисхана» один из его биографов пишет: «Барон вернулся к монгольскому дивизиону, который в конце концов его арестовал (в ночь на 22 августа 1921 года) и выдал красному добровольческому партизанскому отряду, которым командовал бывший штабс-капитан, кавалер полного банта солдатских Георгиев П. Е. Щетинкин».

По другой версии, более героической, Рокоссовский, узнав о приближении Унгерна к Мысовску, создал из тыловых частей и выздоравливающих отряд и повёл его навстречу Азиатской дивизии. Вскоре из Монголии, из района Урги (ныне Улан-Батор), подошли основные силы красноармейцев и вытеснили войско «дикого барона» назад в Монголию. Во время преследования отряд Рокоссовского соединился с 35-м кавполком. 22 августа эскадрон авангарда захватил стоянку неприятеля, при этом в одной из палаток (по другим сведениям, на дороге) обнаружили связанного и раненого барона Унгерна. Когда об этом доложили Рокоссовскому, он распорядился препроводить пленника в штаб корпуса.

При переходе границы барон Унгерн был уверен в успехе своего похода. Он рассчитывал на растущую мощь антибольшевистских выступлений, охвативших Россию от Кронштадта до Тамбовщины и Западной Сибири, на то, что его марш станет катализатором всеобщего восстания. Лазутчики с той стороны границы приносили ему сведения о том, что в станицах и городах Даурии, Бурятии и всей Сибири готовятся восстания, что недовольные советской властью ждут только сигнала.

15 мая 1921 года, выступая из Урги в свой безумный поход, диктатор Монголии издал приказ, начальные строки которого содержали своего рода манифест:

«Я — начальник Азиатской Конной Дивизии, Генерал-лейтенант Барон Унгерн — сообщаю к сведению всех русских отрядов, готовых к борьбе с красными в России, следующее:

1. Россия создавалась постепенно, из малых отдельных частей, спаянных единством веры, племенным родством, а впоследствии особенностью государственных начал. Пока не коснулись России в ней по её составу и характеру неприменимые принципы революционной культуры, Россия оставалась могущественной, крепко сплочённой Империей. Революционная буря с Запада глубоко расшатала государственный механизм, оторвав интеллигенцию от общего русла народной мысли и надежд.

Народ, руководимый интеллигенцией, как общественно-политической,

так и либерально-бюрократической, сохраняя в глубине души своей преданность Вере, Царю и Отечеству, начал сбиваться с прямого пути, указанного всем складом души и жизни народной, теряя прежнее, давнее величие и мощь страны, устои, перебрасывался от бунта с царями-самозванцами к анархической революции и потерял самого себя.

Революционная мысль, льстя самолюбию народному, не научила народ созиданию и самостоятельности, но приучила его к вымогательству, разгильдяйству и грабежу.

1905 год, а затем 1916–1917 годы дали отвратительный, преступный урожай революционного посева — Россия быстро распалась. Потребовалось для разрушения многовековой работы только 3 месяца революционной свободы.

Попытки задержать разрушительные инстинкты худшей части народа оказались запоздавшими.

Пришли большевики, носители идеи уничтожения самобытных культур народных, и дело разрушения было доведено до конца.

Россию надо строить заново, по частям. Но в народе мы видим разочарование, недоверие к людям. Ему нужны имена, имена всем известные, дорогие и чтимые».

И далее имя для своего знамени называет: «Законный хозяин Земли Русской Император Всероссийский Михаил Александрович, видевший шатанье народное и словами своего Высочайшего Манифеста мудро воздержавшийся от осуществления своих державных прав до времени опаматования и выздоровления народа русского».

Михаила Александровича Романова к тому времени уже давно не было в живых. Он был расстрелян летом 1918 года близ Перми сотрудниками местной ЧК и милиции. Но похоже, создатель духовно-военного буддийского ордена нуждался только в имени, в звуке его, а плотью идеи освободительного похода вглубь России видел себя самого.

Как все идеалисты, Белый Бог Войны был жесток, и дела его были кровавы. Например, пункт 9-й приказа гласил: «Комиссаров, коммунистов и евреев уничтожать вместе с семьями. Всё имущество их конфисковывать».

Рокоссовский и его боевые товарищи, пропитанные совершенно другими идеями, дрались с отчаянной храбростью. Их лозунги были просты, и смысл их желанен: «Земля — крестьянам!», «Заводы — рабочим!». Большевики обещали мир и хлеб трудовому народу, прекращение эксплуатации человека человеком. Во всё это свято верил и наш герой. Вот почему рука его твёрдо сжимала эфес шашки, а мысль,

увлечённая тем, как рациональнее построить порядки полка и лучше провести бой, — ясна и гибка.

В аттестации Рокоссовского появилась следующая запись: «Обладает твёрдой волей, энергичный, решительный. Обладает лихостью, хладнокровием. Выдержан. Способен к проявлению полезной инициативы. В обстановке разбирается хорошо. Сообразителен. По отношению к подчинённым, равно как и к себе, требователен. Военное дело любит... Награждён двумя орденами Красного Знамени за операции на Восточном фронте против Колчака и Унгерна. Задания организационного характера выполнял аккуратно. Ввиду неполучения специального военного образования желательно командировать его на курсы. Должности комполка вполне соответствует».

Блестящая аттестация открывала перспективу дальнейшего служебного роста.

С набегами Азиатской дивизии вскоре было покончено. После пленения барона Унгерна дивизия растворилась, исчезла в монгольской степи. Но долго ещё бродили по Даурии и Бурятии мелкие отряды. Некоторые из них впоследствии ушли в Харбин. Другие стали промышлять разбоем и превратились в хунхузов.

Глава шестая

КЯХТИНСКИЙ ЗЯТЬ

...Но соперники остались друзьями.

Из местных хроник

Война войной, а молодость своё берёт...

Солдат на войне тоскует по мирному времени, по семье и дому. И больше всего мечтает о встрече с любимой. Даже если её и не было в его жизни.

Дом и семья для Рокоссовского стали чем-то нереально далёким. Даже родная Варшава осталась в прошлом и, по всей вероятности, не волновала так, как волнуют человека мысли о родине. Почти семь лет не слезал с боевого коня — одна война, другая... Накопилась душевная усталость.

Осенью 1921 года, когда полк отвели на отдых и переформирование в большое волостное село Залари близ Иркутска, Рокоссовский влюбился в местную барышню по имени Мария.

Была та Мария (в семье её звали Мака) младшей дочерью местного купца Курсанова. Курсанов скопил приличное состояние, семья его жила в довольстве, в хорошем собственном доме. Не скупился Курсанов и когда дело касалось общественных нужд: вложил немалые деньги в ремонт местной Никольской церкви, помогал в строительстве двухклассного училища и обеспечении учебного процесса всем необходимым, создал в Заларях первую общественную библиотеку. Общество его уважало, и в смутные годы Гражданской войны никто из местных и пришлых не посмел тронуть ни самого купца Курсанова, ни его семью. Так и жили Курсановы в своём имении в Заларях.

Когда в селе были расквартированы красные кавалеристы, штаб с согласия Курсанова разместился в его имении. Благо построек там хватало.

Маке только-только исполнилось 20 лет. Она пребывала в той поре, когда в женщине всё неотразимо прекрасно. Местные хроники запечатлели это событие в следующей версии: «Старожилы вспоминают, что высокий статный кавалерист, затянутый кожаными ремнями и с орденом на груди, и не менее статная барышня, знавшая несколько языков и прекрасно

музицировавшая на рояле, вместе смотрелись весьма эффектно. Классовое происхождение пассивности не смущало бывшего рабочего Костю Рокоссовского. Во всяком случае, на работниц и крестьянок он не клевал».

Как развивался и чем закончился заларинский роман Рокоссовского, читаем в тех же хрониках: «Но неожиданно конкуренцию Рокоссовскому составил его ровесник Владимир Забельский, который был командиром полкового артиллерийского транспорта. Как развивались события в этом любовном треугольнике, история умалчивает, но Мария в конце концов предпочла начальнику подчинённого. Она вышла за Забельского замуж, но соперники остались друзьями».

Ну что ж, не всё воину победа.

Забегая вперёд скажу: в 1937 году их арестуют почти одновременно; Рокоссовский выйдет из заключения спустя три с небольшим года, а его бывший боевой товарищ будет расстрелян по приговору «тройки» в 1938 году в Иркутске, где до ареста он работал заведующим конным парком местного медицинского санатория.

Любовная неудача печалила молодого краскома недолго. Вскоре полк перевели в Кяхту — торговую слободу города Троицкосавска.

Кяхта, конечно, не Варшава. Но развлечений в городе было достаточно, чтобы не скучать в одиночестве в свободные от службы часы.

Эскадроны несли службу вдоль 70-километрового участка границы. Расквартированы они были в населённых пунктах небольшими гарнизонами. Помимо службы кавалеристы строили дороги, мосты, заставы, создавали систему полевых укреплений. Прибывало пополнение — как правило, из местных жителей. Крестьянские дети. Их надо было обучить азам военного дела, владению оружием, поведению в возможном бою. Рокоссовский появлялся то в одном гарнизоне, то в другом, постоянно объезжая свой участок.

В это время он уже командовал 27-м кавалерийским полком.

Из автобиографии 1940 года: «В октябре 1921 года переведён командиром 3-й бригады 5-й Кубанской кавалерийской дивизии. В октябре 1922 года в связи с переформированием 5-й дивизии в Отдельную 5-ю Кубанскую кавбригаду по собственному желанию назначен на должность командира 27-го кавполка этой же бригады».

Дело в том, что с окончанием Гражданской войны проводилась, можно сказать, повальная демобилизация. Такую огромную армию страна с полуразрушенной экономикой, до основания потрясённая двумя войнами и революцией, содержать не могла. Хлеборобы возвращались к земле, рабочие — к станкам. Однако молодой Советской России для защиты своих

завоеваний и рубежей нужна была и армия. В ней оставляли самых лучших, кто сумел зарекомендовать себя делом — в боях и походах. Если рядовые красноармейцы легко расставались с винтовкой и с радостью возвращались домой, к семьям, то красные командиры демобилизации не радовались. Они знали, что дома их ждали разруха и скудный паёк. Здесь же, в войсках, на полном обеспечении...

Случались дни, когда Рокоссовский после очередной поездки в дальний гарнизон или работы в штабе полка выбирался то в городской театр, то седлал Орлика и объезжал кяхтинские и троицкосавские улицы и переулки, знакомясь с городом и его достопримечательностями. Раненая нога ещё побаливала, ходил с палкой, но на Орлике путешествовать было легко.

Особенно любил он местный театр, не пропускал ни одной премьеры. Однажды в театре обратил внимание на группу девушек: во время антракта шумной яркой стайкой они буквально вылетели в фойе и принялись что-то живо и горячо обсуждать. Одна из них, оглянувшись, так и обожгла его огнём чёрных глаз. Когда спектакль закончился, он отыскал её в толпе и долго наблюдал. И она, будто почувствовав пристальный взгляд высокого стройного командира, снова оглянулась. Всё повторилось.

Покоя не стало. Ещё не зажила рана после неудачи с красавицей Макой, а тут новая...

Просто подойти и познакомиться, как это было принято в то время, пренебречь условностями старого мира с его сложным этикетом ему мешали врождённая скромность и, пожалуй, некая робость перед слабым полом.

Навёл справки: учительница женской гимназии Юлия Петровна Бармина, двадцати одного года, незамужняя, живёт в торговой слободе в частном доме родителей.

Так и ходил в театр, чтобы посмотреть на свою избранницу издали, обменяться взглядами. В свободные часы седлал Орлика и с независимым видом проезжал мимо заветного дома, втайне надеясь, что там колыхнётся занавеска, отведённая девичьей рукой...

Занавеска и вправду колыхалась, но у окна появлялись то мать черноглазой учительницы, то отец. «Юля, иди скорей! — окликал дочь кто-либо из родителей, первым увидевший знакомого всадника. — Опять твой рыцарь едет!» И так — почти год. Вот тебе и «энергичный, решительный», обладающий «лихостью, хладнокровием». И при этом, надо признать, никакого «проявления полезной инициативы»...

Измучил и себя, и девушку. Делу помог случай. Сослуживец

Рокоссовского ухаживал за одной из подруг Юлии. Преодолевая неловкость, комполка попросил познакомить его с черноглазой учительницей. И тот, не видя никаких препятствий, тут же с радостью исполнил просьбу своего боевого товарища.

Юлия Петровна потом рассказывала: «Первое, что поразило меня, — это его застенчивость, его, я бы сказала, рыцарское отношение ко мне, к девчонке».

Теперь жених оставил Орлика и ходил провожать учительницу пешком. Вот только немного прихрамывал.

Когда влюблённые решили пожениться, родители Юлии восстали единым фронтом: «Ты с ума сошла! Он — военный! А военные — как цыгане! Сегодня здесь, завтра там! Завезёт тебя куда-нибудь да и бросит!»

Отношения между тем продолжались. В мае 1923 года Константин Константинович Рокоссовский и Юлия Петровна Бармина официально зарегистрировали брак в Кяхтинском загсе.

Следует заметить, что в то время поощрялись гражданские браки. Семья с её вековыми устоями и традициями трещала по всем швам и распадалась на свободных от всяких обязательств людей. Уместно напомнить и о том, что, например, будущие полководцы Жуков и Конев своих первых жён в загс не повели, но со вторыми зарегистрировались сразу, как только получили свободу от первых.

Константин Константинович и Юлия Петровна проживут вместе 45 лет. Семейная жизнь их сложится в общем-то счастливо, хотя судьба проведёт сквозь череду испытаний, в том числе верностью и неверностью. Но всё же не разлучит. Они будут любить друг друга до самой смерти. Он будет называть её Людей. Она переживёт его на 18 лет и уйдёт из жизни в 1986 году.

Глава седьмая

УЧЁБА

Среди нас, заядлых кавалеристов, он заслуженно считался самым опытным конником и тонким знатоком тактики конницы.

И. Х. Баграмян

5-й армией, которая дислоцировалась в Даурии и Бурятии, закрывая границу с Монголией, командовал Иероним Уборевич. В 1923 году командира 27-го кавполка он характеризовал так: «Энергичный, инициативный и решительный командир. Дисциплинирован. Требователен к себе и подчинённым. Хорошо разбирается в оперативной обстановке. Имеет большой опыт империалистической и гражданской войны. К делу относится с любовью. Пользуется большим авторитетом. Обладает незаурядными умственными способностями. Аттестован на должность командира кав. бригады».

Полевая учёба порой прерывалась внезапной тревогой. Горнисты играли «сбор», и эскадроны спешили туда, где разведка обнаружила очередной отряд семёновцев или банду хунхузов. Чтобы прекратить их бесчинства на порубежье, защитить деревни и станицы от грабежей и насилия, полк находился в состоянии постоянной боевой готовности и выступал на перехват неприятеля по первому сигналу тревоги. Чаще всего противник, видя силу, уходил в тайгу или через границу в вольные степи. Но иногда дело доходило до схваток. Стычки, как правило, носили характер коротких встречных боёв.

Летом 1924 года в Даурию с территории Маньчжурии проник отряд атамана Шадрина. Это была ватага местных забайкальских казаков, некогда ушедших в степи с генералами Семёновым и Унгерном, а теперь решивших вернуться на родину. На западе Гражданская война закончилась. Последние мятежи, поднятые эсерами и бывшим офицерством, ненавидевшим большевиков, войска под командованием Тухачевского и Уборевича успокоили ядовитыми газами. Тамбовщина, Саратовская и Воронежская губернии присмирили. А здесь, в Сибири и Забайкалье, всё ещё было

неспокойно. Ушедшие за кордон время от времени возвращались. Но в родных станицах уже была установлена советская власть, и, похоже, она пришлась по душе большинству станичников. А потому не везде земляков, прискакавших в Даурию из-за Аргуни, встречали хлебом-солью.

«Трудность борьбы с бандитами заключалась в том, — вспоминал Рокоссовский, — что значительная часть из них была из местного казачества, отлично знавшая местность, на которой происходили боевые действия. Многие сохранили связи с родственниками, проживавшими на территории Забайкалья. Эта связь использовалась ими для осведомления о движении наших войск. Действия проходили в условиях гористо-лесистой местности, затруднявшей манёвр войскам.

Высокая подвижность бандитов позволяла им быстро менять места своего расположения, совершать большие переходы в обход крупных населённых пунктов, занимаемых воинскими гарнизонами. Для атаки на такие гарнизоны банды объединялись и большими силами нападали внезапно. Длительного боя они не вели, а при неудаче рассеивались на мелкие группы и удалялись от мест боя на большие расстояния. То же делали они при встречах с нашими сильными отрядами. На слабые наши войска они нападали и зверски истребляли всех».

В 1920-е годы Маньчжурия стала своеобразным центром русской эмиграции. Сюда бежала почти вся Сибирь, которая не вписывалась в новую российскую политическую и социальную действительность: крупная и средняя буржуазия, владельцы заводов, лесосплавов, рудников, концессионеры, служащие государственных учреждений Российской империи и Временного правительства. Здесь же осели офицеры из армии адмирала Колчака, отрядов атамана Семёнова, генералов Каппеля и Пепеляева. Центром сибирско-забайкальской эмиграции стал Харбин. Одна часть этого оторванного от России материка постепенно откоёвывала дальше — в Америку и Шанхай, другая — самыми причудливыми путями, а порой и тропами — в Европу. Многие тосковали по утраченному и, зачастую не веря в произошедшее, мучительно мечтали о возвращении домой. Как писал один из исследователей русской эмиграции в Китае и Маньчжурии, «в Харбине сложилась сюрреалистическая ситуация — в городе жили подданные империи, которой уже не было на карте мира». И эти подданные продолжали жить иллюзиями, что всё ещё успокоится, что прежняя жизнь вернётся.

Была и третья часть Харбина: русское общество, которое строило Россию там, на чужбине. Православные церкви и приходы, служба в различных учреждениях, где исправно платили жалованье и говорили

исключительно по-русски, гимназии, праздники, вечера за чаем, трогательно напоминавшие их участникам такие же вечера в уютных усадьбах где-нибудь под Саратовом и Калугой... Правда, некоторым из них свой хлеб приходилось добывать нелёгким трудом. К примеру, бывший командующий Северной группой Сибирской армии генерал-лейтенант Анатолий Николаевич Пепеляев работал плотником, а затем грузчиком, рыболовом. Лишь бы прокормить семью.

Были и искатели приключений, авантюристы, контрабандисты. Они переправляли различные грузы, эксплуатируя некогда великий Чайный путь из Китая через Монголию в Сибирь на Кяхту.

Весной 1924 года Советский Союз установил с Китаем дипломатические отношения. Сразу же было подписано соглашение «о временном совместном управлении железной дорогой». От КВЖД советское правительство отказываться не хотело. Царское правительство вложило в строительство дороги более 500 миллионов золотых рублей. По новому соглашению КВЖД оставалась под управлением и обслуживанием советской стороны. Путь лежал через северные провинции Китая из Читы напрямую в Уссурийск и Владивосток. В 1920-е годы Китай, как, впрочем, и весь мир, бурлил революционными волнами — смуты, междоусобицы, кровь. Советский Союз всячески поддерживал китайскую революцию, помогал строить Национальную революционную армию. Но вскоре наметились разногласия, а потом разлад с лидером Китая и главнокомандующим Национальной революционной армией Чан Кайши. Нависла угроза над КВЖД. Но это произойдёт в конце 1920-х, а пока советскую границу терроризировали отряды из остатков Белой гвардии. Некоторые из них продолжали драться «за идею» и во время похода распевали «Марш сибирских стрелков», старинную походную песню, написанную Владимиром Гиляровским в 1915 году для одного из сибирских полков, уходившего на фронт Первой мировой войны:

*Из тайги, тайги дремучей,
От Амура от реки
Молчаливой, грозной тучей
В бой идут сибиряки.*

*Их сурово воспитала
Молчаливая тайга,
Бури грозные Байкала
И сибирские снега.*

*Ни усталости, ни страха.
Бьются ночь и бьются день.
Только серая папаха
Лихо сбита набекрень.*

.....

*Русь свободная воскреснет,
Нашей верою горя.
И услышат эту песню
Стены древнего Кремля.*

Мы знаем эту песню уже в новой, советской редакции: «По долинам и по взгорьям...» Пели её и кавалеристы Рокоссовского.

Из кого состояли отряды, с которыми довелось драться кавалеристам Рокоссовского, мы теперь вряд ли узнаем. Во всяком случае, это были не контрабандисты. Дрались яростно, до последнего дыхания, действительно «верою горя...».

Отряд атамана Шадрина рокоссовцы перехватили северо-восточнее Сретенска, блокировали и почти целиком вырубили в короткой яростной схватке.

Этот интеллигентный краском, не повышавший голоса на своих подчинённых и робевший до немоты в женском обществе, в бою ангелом не был. Более того, он всегда первым бросался вперёд, когда становилось очевидным, что рубки не миновать, и старался схватиться с командиром противника, чтобы в результате единоборства одним ударом лишить неприятельскую сторону управления.

15 мая 1924 года начальник Забайкальского губернского отдела ОГПУ Юзеф Клиндер получил из-за рубежа от своего агентурного разведчика сообщение: «Полковник Генерального штаба, бывший начальник штаба Забайкальской казачьей дивизии Размахнин А. Д. 20 апреля 1924 г. был в Харбине, после чего возвратился в Хайлар. 24 апреля генерал Мыльников, полковник Деревцов и Размахнин в сопровождении двух казаков выехали по направлению к Нерчинскому Заводу, что за рекой Аргунь. Там же со своим отрядом находится генерал Федосеев. Будучи в Харбине, полковник Размахнин получил для белоповстанцев-забайкальцев знамя от епископа Нестора. В данное время Размахнин имеет оружие и патроны на один конный полк в 600 сабель... Захар Гордеев не пожелал слиться с организацией генерала Мыльникова. Гордеев как старый партизан мнит о

себе. Мыльников и Размахнин, естественно, не желают быть в подчинении под руководством фельдшера. Гордеев тоже был в Харбине и от епископа Нестора получил 500 рублей, прибыл в Хайлар 1 мая. Ушло в его отряд из Хайлара 40 человек, предполагало уйти ещё 100 человек. Полковник Ктиторов, бывший комендант гор. Никольска-Уссурийского, уволился со службы в Харбине из охраны и присоединился к генералу Мыльникову. Ктиторов объединяет остатки каппелевцев». Источник был надёжным, и Клиндер тут же поднял на ноги весь местный актив. Информировал и вышестоящие инстанции, в том числе штаб дислоцированной в Забайкалье 5-й армии.

Генерал Мыльников и полковники были из идейных. Да и другие офицеры и казаки, принявшие участие в той опасной экспедиции, шли за Аргунь не чаем торговать. Их общей заветной мечтой было поднять в забайкальских станицах вооружённое восстание, смести большевиков и установить свою власть. Для многих Даурия была родиной. И домой они хотели вернуться победителями, освободителями родной земли от клиндеров и рокоссовских.

Летом 1924 года отряды генерала Мыльникова под командованием полковников Деревцова, Дуганова и Гордеева переправились через Аргунь. В тайге они построили лагерь и затаились. Началась работа с населением.

Местные отряды ОГПУ, ЧОН (части особого назначения) и погранзаставы, даже вместе взятые, оказались слабы перед отрядами белогвардейцев и без привлечения войск противостоять им не могли. Командующий 5-й армией Уборевич издал директиву, согласно которой: из состава 5-й отдельной Кубанской кавалерийской бригады выделялся «летучий отряд т. Рокоссовского»; «Сретенский и Нерчинский уезды включались в боевой участок с полным подчинением начальнику боевого участка Рокоссовскому всех находящихся там вооружённых сил, включая войска ОГПУ, отряды ЧОНа и милиции». Для блокирования подступов к железной дороге летучему отряду Рокоссовского придавался бронепоезд. «Начальнику участка тов. Рокоссовскому, — говорилось в приказе командарма, — предоставляется полная самостоятельность, решения принимает единолично». Для полной ликвидации белогвардейских лагерей командование определило жёсткий срок — две недели.

Перед началом операции на закрытом заседании бюро Забайкальского губкома РКП(б) обсуждался вопрос «О бандитизме в уездах», постановили: «Массовых арестов не проводить без согласования с губкомом РКП и губисполкомом».

Оперативники Забайкальского губернского отдела ОГПУ тем

временем быстро определили места сосредоточения «разведывательно-диверсионных формирований противника».

Уже после проведения операции в Сретенском и Нерчинском уездах стало известно, что перед заброской на территорию СССР полковник Гордеев — ключевая фигура в стане противника — побывал на Японских островах, имел ряд встреч с крупными чинами Белого движения, находящимися там в эмиграции. А после провала своей миссии в Даурии Гордеев встретился с прибывшим из Франции представителем великого князя Николая Николаевича генералом Лукомским. Встреча произошла в Шанхае во французском консульстве. До революции Лукомский служил помощником военного министра, в 1917-м руководил штабом у Корнилова, а затем у Деникина в Верховном правительстве России занимал пост военного министра. Лукомский настаивал на немедленном выступлении против советской власти, против большевиков, ссылаясь на готовность офицерства, находившегося в Китае. Но полковник Гордеев, знавший обстановку и в эмиграции, и в советском Забайкалье, убедил Лукомского в том, что атаковать преждевременно. Он объяснил посланцу Верховного главнокомандующего Русской армией, что народ по ту сторону границы, и русские, и казаки, и буряты, в массе своей принял новую власть и вполне подчиняется её законам, что русское офицерство в Китае разложилось и реальной силы не представляет. И предложил тактику подпольной работы — разведку и диверсии. Лукомский согласился и передал Гордееву деньги и шифры.

Весной 1925 года оперативники Забайкальского губернского отдела ОГПУ, переодевшись в форму полицейских, на автомашине приедут в городок Маньчжурия, расположенный во Внутренней Монголии всего в шести километрах от советского Забайкальска, выведут полковника Гордеева из гостиницы и благополучно доставят через границу в Читу. Но это произойдёт после того, как отряд Рокоссовского уничтожит летнюю экспедицию белогвардейцев.

8 июня чоновцы обнаружили в таёжной пади Березиха Сретенского уезда палатки. Другой лагерь разведчики отыскиали в сопках близ деревни Епифанцево у Аркийских столбов. Доложили командиру сводной группы. Тот отреагировал мгновенно: разделил свои силы на два отряда и двинул их одновременно на оба лагеря. Вскоре близ деревни Епифанцево красноармейцы схватили полковника Деревцова. Однако во время опознания он попытался бежать и был застрелен.

Второй группой руководил сам Рокоссовский. В ней насчитывалось 150 сабель.

Чем дальше отряд углублялся в тайгу, тем дебри становились гуще и угрюмее. Дорога вскоре начала сужаться и наконец превратилась в тропу, по которой едва мог протиснуться всадник. Рокоссовский, низко припадая к луке седла, ехал впереди. Немного погодя он остановился и жестом подал команду спешиться. Теперь он шёл впереди своего верного боевого товарища. Он-то, Орлик, его и предостерёг. В какой-то момент конь напряг шею, а затем остановился, дёрнул повод и всхрапнул. Рокоссовский выхватил маузер...

Из донесения, составленного по итогам операции Юзефом Клиндером: «Шедший впереди Рокоссовский наткнулся на Мыльников, произвёл в него два выстрела из маузера. Мыльников упал. Рокоссовский предполагает, что Мыльников ранен, но ввиду непроходимой тайги, по-видимому, отполз под куст, его не могли найти. Во время бегства Мыльников бросил вещевой мешок, в котором находились карты 2-х вёрстки и 10-и вёрстки».

Спустя некоторое время оперативники ОГПУ обнаружили раненого генерала Мыльников и арестовали. Его прятали казаки в одной из станиц.

Белогвардейцы разделились на мелкие группы и, избегая прямого боевого столкновения с летучим отрядом Рокоссовского, скрывались в сопках и таёжных дебрях. Рокоссовский и Клиндер тоже решили изменить тактику: теперь красноармейцы и приданные им оперативные работники ОГПУ, ЧОНа и местной милиции, имея свежую и точную информацию о местах пребывания белогвардейцев, начали устраивать засады.

Последняя стычка с группой полковника Гордеева у Рокоссовского произошла ранним утром 5 июля в пади Горбица Сретенского уезда. До рубки дело не дошло: основные силы Гордеева были уничтожены в перестрелке. Самому полковнику с тремя казаками удалось уйти от погони и скрыться в тайге. Затем, раздобыв в местных селениях лошадей и питаясь лошадиным мясом, беглецы вышли к станции Хадабулак Борзинского уезда и там пересекли границу.

9 июля 1924 года Рокоссовский отдал приказ по войскам боевого участка Сретенского и Нерчинского уездов об окончании операции.

В архивах ФСБ хранится справка, подготовленная Забайкальским губернским отделом ОГПУ, которая свидетельствует о результатах проведённой операции: в ликвидации «банд Мыльников, Деревцова, Гордеева» участвовало «150 сабель 5-й Кубанской кавалерийской бригады, 168 сабель 2-го полка войск ГПУ и один бронепоезд, всего 338 сабель. Захвачено в плен 95 бандитов, убито 46 человек, ранено 36 человек. Наши потери: 9 человек убито, в т. ч. один сотрудник ОГПУ, председатель

сельского Совета, начальник уездного отдела милиции, три бойца из отряда ЧОН, один чоновец пропал без вести, ранено 13 человек».

После той жестокой зачистки крупные белые формирования в Забайкалье больше не приходили.

И в бою, и в ученье 27-й кавполк демонстрировал свою храбрость, дисциплину и слаженность. Вскоре полк Рокоссовского был признан лучшим в Западно-Сибирском военном округе.

После завершения Гражданской войны в армии началась повальная демобилизация, проводились сокращения командного состава. Перспективных красных командиров, которые должны были строить новую Красную армию, спешно обучали на различных курсах. Как правило, курсы были непродолжительными. Но имевшие большой опыт войны краскомы быстро схватывали и с жадностью усваивали теоретическую часть военной науки.

Рокоссовского направили в Ленинград на Кавалерийские курсы усовершенствования командного состава в сентябре 1924 года, почти сразу после операции в таёжных уездах. Рокоссовский принял новое направление как награду.

Юзеф Клиндер по итогам той операции получил благодарность от своего руководства «за беспощадную и успешную борьбу с контрреволюцией и поимку одного из главных руководителей контрреволюции на Дальнем Востоке генерала Мыльникова».

Обучение длилось год. Первый раз после полковой учебной команды — на целый год! — он был направлен с войны на учёбу.

Группа подобралась крепкая. Однокашниками Рокоссовского оказались будущие маршалы Г. К. Жуков, А. И. Ерёменко, И. Х. Баграмян, а также талантливые танковые генералы П. Л. Романенко, М. И. Савельев и другие.

Иван Христофорович Баграмян, оставивший яркие записки о ленинградских днях и курсах, отмечал как наиболее памятное: «Особую симпатию в группе вызывал к себе элегантный и чрезвычайно корректный Константин Константинович Рокоссовский. Стройная осанка, красивая внешность, благородный, отзывчивый характер и великолепная спортивная закалка, без которой кавалерист не кавалерист, — всё это притягивало к нему сердца товарищей. Среди нас, заядлых кавалеристов, он заслуженно считался самым опытным конником и тонким знатоком тактики конницы». Там же: «Константин Константинович выделялся своим почти двухметровым ростом. Причём он поражал изяществом и элегантностью, так как был необычайно строен и поистине классически сложен. Держался

он свободно, но, пожалуй, чуть застенчиво, а добрая улыбка, освещавшая его красивое лицо, притягивала к себе. Эта внешность как нельзя лучше гармонировала со всем душевным строем Константина Константиновича, в чём я вскоре убедился, крепко, на всю жизнь, сдружившись с ним».

Баграмян очень точно уловил и выразил особенности и внешности, и характера Рокоссовского. Благородство, застенчивость... Добрая улыбка... Фотографии, запечатлевшие нашего героя в тот период службы, подтверждают слова однокашника и сослуживца. Перед объективом он никогда не приосанивался, не принимал поз, не старался казаться «в деле». Замирал на мгновение, пока фотограф сделает свою работу. Отсюда и добрая, почти мальчишеская улыбка.

Но внутри... Внутри он продолжал оставаться тем, кого сформировала в нём война и служба, — железным всадником, туго перетянутым ремнями Красной армии и судьбы.

Все эти годы кроме войны, штабной работы, забот об эскадронах и лошадях он много и целеустремлённо занимался самообразованием. Юлия Петровна, став его женой, тут же перешла на работу в гарнизонную библиотеку, приносила домой много книг, журналов. Часть из них заказывал он, что-то, зная его интересы и вкусы, рекомендовала она.

На курсах Рокоссовский открыл для себя мир военной теории Карла фон Клаузевица. Он погрузился в его труды и мысли. Заучивал наизусть, буквально вбивал в память главные постулаты этого гениального германца, один из которых гласил: «Военное дело просто и вполне доступно здравому уму человека. Но воевать сложно».

Вместе с ним в группе проходил обучение и ещё один курсант, который буквально бредил Клаузевицем, — Георгий Жуков. Они подружились. Дружбу эту, непростую, прерывистую, но последовательную, как трассирующий полёт пули, они пронесут через всю жизнь и сохранят навсегда.

В те ленинградские дни они частенько сходились в состязании: кто лучше держится в седле, кто искуснее владеет шашкой. Жуков зачастую брал напором, ловкостью, быстротой, но Рокоссовский оказывался более умелым в технике владения и конём, и клинком.

Курсами руководил герой Гражданской войны Виталий Маркович Примаков. И Примаков, и Уборевич, направивший на курсы своего лучшего комполка, будут расстреляны в 1937 году по «делу Тухачевского».

Рокоссовского уважали на курсах за порядочность, за умение дружить, за то, что на его гимнастёрке поблёскивали целых два ордена Красного Знамени. Ордена Красного Знамени были у многих курсантов — Жукова,

Густишева, Романенко, Никитина. Но два — только у Рокоссовского и начальника курсов Примакова. Впрочем, надевая ордена, Рокоссовский грудь колесом не выгибал. И это тоже было частью его внутренней культуры.

О своём однокашнике Жукове Рокоссовский вспоминал: «С Г. К. Жуковым мы дружим многие годы. Судьба не раз сводила нас и снова надолго разлучала. Впервые мы познакомились ещё в 1924 году в Высшей кавалерийской школе в Ленинграде. Прибыли мы туда командирами кавалерийских полков: я — из Забайкалья, он — с Украины. Учились со всей страстью. Естественно, сложился дружеский коллектив командиров-коммунистов, полных энергии и молодости. Там были Баграмян, Синяков, Ерёменко и другие товарищи. Жуков, как никто, отдавался изучению военной науки. Заглянем в его комнату — всё ползает по карте, разложенной на полу. Уже тогда дело, долг для него были превыше всего.

В самом начале тридцатых годов наши пути сошлись в Минске, где мне довелось командовать кавалерийской дивизией в корпусе С. К. Тимошенко, а Г. К. Жуков был в этой же дивизии командиром полка. Накануне войны мы встретились в ином качестве: генерал армии Жуков командовал округом, а я, в звании генерал-майора, — кавалерийским, а затем механизированным корпусом. Георгий Константинович рос быстро. У него всего было через край — и таланта, и энергии, и уверенности в своих силах.

И вот на Западном фронте во время тяжёлых боёв на подступах к Москве мы снова работаем вместе...»

О подмосковных боях 1941 года наш рассказ впереди. До них ещё 16 лет жизни, наполненной событиями, порой самыми неожиданными и даже трагичными.

Глава восьмая

МИССИЯ В МОНГОЛИИ

...Считать его достойным продвижения на должность командира отдельной кавбригады вне очереди и на должность командира кавдивизии в очередном порядке.

Из аттестации К. К. Рокоссовского

Год прошёл — словно канюк-курганник пролетел над забайкальской сопкой. Настало время расставаться с большим городом, с его ярко выраженной столичной архитектурой, с уютными скверами, с Невой и набережными, заполненными красивыми людьми. Ленинград чем-то напоминал Варшаву. Один из мостов на Васильевский остров настолько напоминал Николаевский мост в Варшаве в конце Иерусалимской аллеи, что, когда он смотрел вниз, ему порой казалось, что там текут воды Вислы...

После завершения обучения краскомы разъехались к местам дислокации своих полков. Кто в Белоруссию, кто в район Киева, кто южнее. Рокоссовский поехал служить в свою далёкую Бурятию.

В сущности, он возвращался домой. Ведь там, в Забайкалье, его ждала семья — молодая жена и дочь. Дочь родилась 17 июля 1925 года, назвали её красивым и редким именем — Ариадна.

Его 27-й кавполк к тому времени был уже переформирован и получил другую нумерацию — 75-й. Из приказа по 5-й Кубанской отдельной кавалерийской бригаде от 7 сентября 1925 года: «Возвратившегося по окончании старшего класса кавалерийских курсов усовершенствования комсостава РККА в городе Ленинграде командира 75-го кавполка Рокоссовского К. К. с 1 сентября сего года полагать налицо и вступившим в командование полком с 6 сентября».

В 1926 году новое назначение: командир бригады Зуба-вин убыл на учёбу, на те же Ленинградские курсы, а Рокоссовскому поручили 5-ю Кубанскую отдельную. Хозяйство большое, три полка: 73, 74 и 75-й со штабом близ Верхнеудинска.

Местные хроники сохранили свидетельства, что, будучи исполняющим обязанности командира кавбригады, Рокоссовский успевал заниматься не только боевой учёбой, но «должное внимание уделял политической и воспитательной работе в войсках», «поддерживал тесные отношения с местными партийными органами».

Но исполняющему обязанности командира кавбригады в это время довелось общаться не только с Бурят-Монгольским обкомом РКП(б). Как известно, одной из основных проблем в войсках и в мирное время, и в боевой обстановке является обеспечение, в том числе продовольствием и фуражом. Паёк у красноармейцев был скудноват. А места дислокации полков оказались довольно богаты разной живностью — зверь, рыба, дичь. Но охотиться и рыбачить военным строго запрещалось: рыбные ловли и охотничьи угодья принадлежали бурятам; за веками установленным порядком внимательно следило местное духовенство, и любое нарушение могло повлечь расстройство взаимоотношений с буддийскими ламами, а значит, с бурятами.

И вот в один из дней, чтобы обеспечить бойцам приварок, а лошадям вольный корм, командование 5-й Кубанской особой кавалерийской дивизии отправилось в Тамчинский дацан на берег Гусиного озера в резиденцию хамбо-ламы. Ехали договариваться. Командиры сели в трофейные «форды». Авто двигались в сопровождении кавалькады всадников, одетых в новую, с иголки, форму.

Верховным иерархом буддистов в то время был 14-й хамбо-лама Гуро Цыремпилов. Он встретил делегатов 5-й Кубанской кавдивизии как почётных гостей.

Для Рокоссовского эта поездка была чем-то вроде путешествия в совершенно фантастический мир, который, как это ни странно, существовал рядом.

Командиры осмотрели буддийский храм, его богатое убранство. Поговорили со священнослужителями-ламами. Переговоры прошли весьма успешно, и, как свидетельствуют местные хроники, «военные получили высочайшее позволение на ловлю рыбы и отстрел дичи для питания».

Нашлись хорошие ружья. Охота как вид развлечения Рокоссовскому понравилась и постепенно превратилась в страсть, которая не покидала его всю жизнь.

О новом месте службы генерал Григорий Иванович Хетагуров^[7], в ту пору командир 25-го конно-горного артдивизиона 5-й Кубанской кавбригады, вспоминал: «Район расквартирования 5-й Кубанской кавалерийской бригады резко отличался от живописных окрестностей

Сретенска. Голая степь. В радиусе двадцати-тридцати километров — ни жилья, ни леса. Степные грызуны тарбаганы заносили чуму из Китая, и поэтому на станции Даурия постоянно стояли два противочумных отряда. Опасность заражения чумой вынуждала к строгому ограничению полевых занятий вблизи Даурии. Да и рельеф местности в этом районе был приемлем лишь для обучения конницы. Артиллеристы же основные свои учения с боевой стрельбой проводили на Читинском полигоне. Только в 1929 году, когда участились провокации чанкайшистов на советско-китайской границе, мы неотлучно находились в Даурии».

Судьба приучала Рокоссовского довольствоваться малым, обходиться и в быту, и на службе самым необходимым и не роптать ни на обстоятельства, ни на строгость начальства.

В июле 1926 года он получил новое назначение — в Монголию.

Перед поездкой был в очередной раз аттестован. Ехал за границу, туда случайных и ненадёжных не посылали, а потому характеристику получил соответствующую: «Политически развит хорошо. Крепкий, выдержанный член партии. Несмотря на то, что тов. Рокоссовский в течение ряда лет аттестуется на должность комбрига, но ввиду неблагоприятных обстоятельств остаётся на должности командира полка. Имеет большой тактический кругозор и с успехом руководит кавбригадой. Будучи чрезвычайно скромным и лишённым всяких карьеристских целей, он безусловно мирится со своим положением. Однако учитывая его боевые заслуги, большой командный стаж, отличное знание дела, крупный тактический кругозор и незаурядные способности — считать его достойным продвижения на должность командира отдельной кавбригады вне очереди и на должность командира кавдивизии в очередном порядке».

Через Монголию прошли многие будущие полководцы Великой Отечественной войны, в том числе Жуков и Конев.

Рокоссовский прибыл в Улан-Батор и ровно два года служил инструктором в отдельной Монгольской кавдивизии. Фактически он командовал этой дивизией.

Монголы с большим уважением относились к русскому командиру. Их приводили в восторг его поистине богатырский рост, красивая, хотя и не степная посадка в седле, искусное владение шашкой и пикой. Некоторые приёмы боя монгольским всадникам он показывал сам.

Осенью 1927 года «за успешное выполнение особых заданий во время нахождения в командировке» Революционным военным советом Сибирского военного округа он был награждён золотыми часами с памятной надписью.

В мае 1928 года перед отправкой на родину по истечении срока служебной командировки главнокомандующий Монгольской Народно-революционной армией Чойбалсан вручил Рокоссовскому почётную грамоту: «Дана сия грамота бывшему инструктору 1-й отдельной кавалерийской дивизии тов. Рокоссовскому в том, что он за продолжительную и добросовестную работу в Монгольской Народно-революционной армии награждён Военным Советом Монгольской Народной Республики месячным окладом жалованья».

На родине его ждала семья. И повышение по службе — теперь он наконец получил 5-ю Кубанскую кавбригаду.

Однако долго командовать ею не пришлось. Через полгода, в январе 1929-го, его вновь направили на учёбу — теперь в Москву, на курсы усовершенствования высшего начальствующего состава при Военной академии им. М. В. Фрунзе.

Курсы оказались краткосрочными, обучение длилось всего два месяца. Уже в апреле Рокоссовский прибыл в свою бригаду и сразу же включился в подготовку к маршу на юг — во Внутреннюю Монголию, к станции КВЖД Чжалайнор.

Удивительное дело: Рокоссовскому, также как и Жукову, не суждено было получить полноценного академического военного образования. Курсы. Походы. Гарнизоны. Снова курсы. Война.

Но такие, как он и Жуков, свои академии заканчивали не в аудиториях и манежах, а в диком поле, заросшем полынью и усыпанном свежими стреляными гильзами, на НП первого эшелона, где свистят пули и раскалённые осколки. Словом — в окопах. И если к этому «окопному» образованию добавить постоянную жажду к изучению специальной литературы и умению извлекать из прочитанного то главное, что необходимо именно в бою, то это и есть тот главный учебный курс, который основательно штудировали будущие маршалы Великой Отечественной войны и который, как оказалось, усвоили превосходно.

Летом 1929 года произошло событие, которое крепко и надолго затянуло многие узлы политики на Дальнем Востоке и в Восточной Азии. Китайские войска захватили Китайско-Восточную железную дорогу, арестовали около двухсот советских служащих и специалистов, 35 из них депортировали в СССР. Начался конфликт на КВЖД. К месту конфликта начали стягиваться китайские войска. Советский Союз разорвал с Китаем дипломатические отношения. В ноябре 1929 года Особая краснзнамённая Дальневосточная армия под командованием В. К. Блюхера одним мощным ударом опрокинула китайские войска и восстановила контроль над КВЖД.

А затем начались переговоры дипломатов и политиков...

В операции приняла участие и 5-я Кубанская кавалерийская дивизия. Она входила в состав Забайкальской оперативной группы и выдвигалась на чжалайнор-маньчжурское направление. Первой боевой задачей бригады было уничтожение крепости Шивейсян, построенной китайцами непосредственно у казачьей станицы Олочинской. Из крепости китайцы совершали частые набеги на станицу, всячески терроризировали местное население.

«Стояла поздняя дождливая осень, — вспоминал о том походе бывший артиллерист 5-й кавбригады Хетагуров. — Нам пришлось совершить изнурительный марш по затопленной долине Аргуни. Люди и лошади выбивались из сил. Отсырели дистанционные трубки шрапнелей; по прибытии в станицу Олочинская мы вынуждены были спешно менять в них порох.

Для огневых позиций батареи я облюбовал заросшую гаолянном высотку, чуть правее станицы. Правда, надо было приложить немалые усилия, чтобы затянуть туда пушки. Зато крепость противника была как на ладони. Она представляла собой четырёхэтажное сооружение, увенчанное наблюдательной вышкой. На каждом из этажей виднелись пулемётные амбразуры. Обнаружили мы и бомбомётную батарею.

С наступлением темноты орудийные расчёты собственными руками стали вкатывать пушки на высоту. Всю ночь на руках же подносили боеприпасы. Перед рассветом батарея была готова к открытию огня. И тут появился командир бригады.

— Молодцы! — похвалил он. — Хорошо устроились.

Из крепости, очевидно, заметили передвижение наших конников и обстреляли Олочинскую из пулемётов.

— Ну что же, товарищ Хетагуров, — повернулся ко мне Рокоссовский, — пора и вам начинать.

Батареи ударили по амбразурам крепости, затем по наблюдательной вышке. Били мы зажигательными снарядами, и после первых же залпов над крепостью возникло зарево пожара.

В крепости началась паника. Уцелевшие чанкайшисты выскакивали из неё, пытались спастись бегством. Но два эскадрона 73-го кавполка уже переправлялись вплавь через холодную и бурную Аргунь...

В разгромленной крепости было подобрано 77 трупов, захвачено 62 раненых, и только пять человек попали в плен невредимыми. В числе наших трофеев оказались 2 орудия, 6 бомбомётов, 10 пулемётов, 300 винтовок, более 1000 мин, 720 артснарядов, 20 ящиков ручных гранат, 120

ящиков винтовочных патронов, значительные запасы муки, пшена, риса. Оружие мы передали пограничникам, продовольствие — населению Олочинской. А крепость взорвали.

Рокоссовский поблагодарил всех участников этого боя за успешное выполнение поставленной задачи, особо отметив заслуги артиллеристов. От него пошло и название высоты, на которой располагались наши огневые позиции: с тех пор она именуется Батарейной».

Разгромом крепости Шивейсян поход только начинался. Следующей операцией был удар на город Чжалайнор в обход города Маньчжурия, рассечение и уничтожение китайской группировки. Чжалайнор-Маньчжурскую операцию разработал штаб Блюхера. В операции участвовало несколько соединений, в том числе бригада Рокоссовского. На стороне китайцев в числе прочих дрались и вчерашние неприятели — выбитые из Даурии белогвардейские эскадроны.

Из мемуаров генерала Хетагурова: «В состав обходящей подгруппы включались: 35-я Сибирская Краснознамённая стрелковая дивизия, 5-я Отдельная Кубанская кавалерийская бригада и Отдельный Бурят-Монгольский кавалерийский дивизион.

Операция началась 17 ноября 1929 года. Под покровом ночи наша бригада вышла из станицы Абагайтуевская и двинулась вдоль восточного берега Аргуни, в тыл чжалайнорской группировке противника. Стоял крепкий мороз. Дул сильный встречный ветер. Даже полушубки не согревали людей.

Километрах в семи от Абагайтуевской был объявлен короткий привал. Последовало распоряжение обмотать кошмой копыта лошадей и колёса орудий, зарядных ящиков, повозок, чтобы бесшумно переправиться по льду через Аргунь.

Лёд был ещё очень тонок: нет-нет да пробьёт его лошадь копытом или продавит колесо орудия. И всё-таки к рассвету мы оказались на китайской территории, а ещё через несколько часов передовые эскадроны и моя батарея вышли к железной дороге Чжалайнор — Харбин.

Специально выделенный полуэскадрон конников уже рвал телеграфные и телефонные провода, когда со стороны Чжалайнора появился курьерский поезд. И тут же я увидел рядом с собой, верхом на коне, комбрига К. К. Рокоссовского.

— Товарищ Хетагуров, надо остановить поезд. Только не стреляйте по вагонам, — приказал он.

Я развернул батарею и открыл огонь по насыпи железной дороги. Прогремел первый залп. Небольшой перелёт. При втором залпе — прямое

попадание. Паровоз прополз ещё несколько метров по развороченным шпалам и остановился, сдерживая налезавший на него почтовый вагон. Из других вагонов высыпали китайские солдаты и офицеры. Беспорядочно стреляя, они бросились в разные стороны. Их атаковали сабельные эскадроны, которые затем моментально окружили весь железнодорожный состав. В числе сдавшихся в плен оказался и генерал, судорожно прижимавший к груди пухлый портфель. Генерала привели к Рокоссовскому. Из портфеля пленного были извлечены важные документы, раскрывавшие авантюристические планы китайских милитаристов по захвату советского Забайкалья...

Перевалив через железную дорогу, части 5-й Кубанской кавбригады вышли на тылы 17-й пехотной бригады противника, оборонявшей Чжалайнорский узел сопротивления. Начались контратаки. Одновременно открыла сильный огонь вражеская артиллерия.

Пока наш 73-й кавполк отражал контратаку китайской пехоты, на фланге его развернулись крупные силы неприятельской конницы.

Батарея ударила по китайской коннице картечью и буквально скосила тех, кто мчался впереди. Остальные некоторое время ещё продолжали движение и тоже «отведали» нашей картечи. Возникшим у противника замешательством не замедлил воспользоваться 73-й кавполк: он довершил бой лихим сабельным ударом. Враг оставил на поле боя до двухсот убитых и раненых. Из уцелевших китайских конников тридцать девять человек сдались в плен.

Гораздо драматичнее развивались события на участке 75-го кавполка, действовавшего против белогвардейской конницы. Мне до того никогда не приходилось видеть такой яростной рубки. Велики были потери белогвардейцев, но и 75-й кавполк потерял при этом свыше семидесяти человек, в том числе лучшего командира эскадрона кавалера двух орденов Красного Знамени близкого моего друга Ф. И. Пилипенко. Он был тяжело ранен разрывной пулей и скончался на операционном столе.

Были потери и в нашей батарее, которая помогала 75-му кавполку: четверо ездовых получили ранения, из строя выбыли двадцать лошадей.

Только к вечеру 5-я Кубанская кавбригада вместе с подошедшими частями 36-й Забайкальской стрелковой дивизии овладела станцией Чжалайнор и прилегающим к ней железнодорожным посёлком. Главные силы бригады заняли рубеж Фазан, Нос, Кривая, выдвинув заслоны в направлении крепости Любенсянь.

А тем временем 36-я стрелковая дивизия вышла на южный участок Маньчжурского укрепленного района и соединилась там с 21-й Пермской

Краснознамённой стрелковой дивизией, блокировавшей этот же укрепрайон с запада и юго-запада. Таким образом, в окружении наших войск оказалась вся чжалайнор-маньчжурская группировка противника. Ей были отрезаны все пути отхода.

Во избежание напрасного кровопролития комкор С. С. Вострецов предъявил окружённым ультиматум о безоговорочной капитуляции. Однако командующий китайскими войсками генерал Лян Чжу-цзян капитулировать отказался.

На следующий день бои вспыхнули с новой силой. Частью сил противник попытался прорваться из окружения в направлении села Нос, где располагался Бурят-Монгольский кавдивизион. Сюда же подошла и наша батарея. Развернувшись, она дала четыре залпа шрапнелью. Китайцы бросились врассыпную, часть из них залегла.

В этом бою отличился командир Бурят-Монгольского кавдивизиона Бусыгин: несмотря на 30-градусный мороз, он приказал своим конникам снять полушубки и повёл их в атаку в одних гимнастёрках.

— Что он делает? Заморозит же людей! — возмущался К. К. Рокоссовский, прибывший на мой наблюдательный пункт.

Потом Бусыгину пришлось оправдываться:

— Какая, товарищ комбриг, была бы рубка в полушубках? Мы же их из земли выковыривали клинками.

Константин Константинович не сдержал улыбки. Ему явно нравился этот ухарь-кавалерист. Дерзкая атака удалась: противник потерял до четырёхсот человек убитыми и ранеными.

В ночь на 19 ноября чанкайшисты попытались прорваться из окружения ещё более значительными силами. Но и эта их попытка была сорвана. Советские войска умело использовали своё огневое превосходство.

Утром многочисленные отряды китайской конницы и пехоты в третий раз хлынули из города Маньчжурия на юг. Они шли напролом, не считаясь с потерями. Ровное, как стол, поле покрылось вражескими трупами. И противник опять был повернут вспять. На его плечах 5-я Кубанская кавбригада, части 35-й и 36-й стрелковых дивизий ворвались на городские окраины. Но генерал Лян продолжал хитрить: уклоняясь от немедленной капитуляции, он ссылаясь на то, что ему трудно за короткий срок собрать разбежавшихся солдат.

С. С. Вострецов проявил твёрдость: чанкайшистам было объявлено, что через два часа последует приказ об обстреле города артиллерией. Лишь после этого они сложили оружие. Сдался в плен со своим штабом и генерал

Лян Чжу-цзян, мечтавший дойти до Читы.

Завершив таким образом Чжалайнор-Маньчжурскую операцию, войска Забайкальской группы разделились на два оперативных отряда. Один из них, в составе усиленной 36-й стрелковой дивизии, двинулся на Хайлар и вышел к этому важному стратегическому пункту через четырнадцать часов, преодолев расстояние 150 километров. Хайларский гарнизон, не приняв боя, поспешно покинул город и бежал за перевалы через Большой Хинган.

Второму оперативному отряду, составленному из 5-й Кубанской кавбригады и Бурят-Монгольского кавдивизиона, предстояло преследовать белогвардейскую конницу, отходившую к монгольской границе. Бои проходили в условиях суровой зимы, в отрыве от баз снабжения. Лошади были изнурены настолько, что ни наши кавалеристы, ни белогвардейцы не могли уже ходить в конные атаки. При сближении решающую роль играла артиллерия. Благо у нас хорошо был налажен подвоз боеприпасов. И всё же окончательно добить белогвардейцев не удалось. Часть их сил проскользнула в Монголию, где и была интернирована.

В конце декабря мы вернулись в город Маньчжурия. Китайское правительство вынуждено было пойти на мирные переговоры. 20 декабря полномочные представители Советского Союза и Китая подписали соглашение о ликвидации вооружённого конфликта на КВЖД. Права нашей страны на пользование этой дорогой восстанавливались. Около трёх тысяч советских граждан было освобождено из Сумбейского концлагеря.

Сразу же после подписания соглашения войска Забайкальской группы возвратились в районы постоянной своей дислокации. Только 5-я Отдельная Кубанская кавалерийская бригада оставалась в Чжалайноре до возобновления движения на КВЖД, то есть до 10 января 1930 года».

Возвращение бригады домой в Даурию было триумфальным.

Долгожданная встреча с семьёй. Жена была счастлива, дочь подрастала. Всё хорошо и правильно складывалось в его жизни.

Вскоре в распоряжение прибыл командующий ОКДВА Блюхер. Хозяйство Рокоссовского ему понравилось. Командир бригады внушал доверие и уважение, головы перед начальством не клонил, перед подчинёнными не вскидывал, держал себя с достоинством, похвалу принимал сдержанно, на замечания реагировал внимательно.

13 февраля за умелые и решительные действия в районе КВЖД Рокоссовского наградили третьим орденом Красного Знамени.

Глава девятая

НОВЫЕ НАЗНАЧЕНИЯ

*Боевой командир, с волей и энергией.
Дисциплинирован, выдержан и скромн...*

Из аттестации К. К. Рокоссовского

В начале 1930 года забайкальская страда нашего героя закончилась — его переводили на запад, в Белорусский военный округ. Здесь он получил 7-ю Самарскую им. Английского пролетариата кавалерийскую дивизию.

Дивизия входила в состав 3-го кавкорпуса. Корпусом командовал Семён Константинович Тимошенко. С ним у Рокоссовского с самого начала завязались добрые отношения. В аттестации, которую Тимошенко дал своему подчинённому в 1931 году, говорилось: «В дивизии имеются большие достижения во всех областях боевой подготовки. Хорошо сколочен штаб дивизии, подготовка его хорошо сказалась на помощи низшему звену. На манёврах обеспечены успехи управления войсками на сложной задаче дивизии — оборона на широком фронте. Дивизия имеет первенство по целому ряду состязаний окружного штаба, а также первенство на всесоюзных состязаниях. Командный состав сколочен, и тов. Рокоссовский много работает над воспитанием комначсостава. Грамотный командир, учит и воспитывает правильно. Настойчивый, волевой командир. Знает тактику и применение других родов оружия. Энергичен, чётко и дисциплинирован. Хорошо организывает и проводит занятия с начсоставом дивизии. Очень внимателен, никогда не вводит в заблуждение старших, справедлив. Должности комдива вполне соответствует».

Эта аттестация характеризует Рокоссовского очень точно и справедливо. Тимошенко верно почувствовал характер и способности молодого командира и, как мог, старался обеспечить ему успешное будущее.

Семья жила здесь же, в Минске. Тылы нашего героя были надёжно защищены, и он самозабвенно отдался главной своей работе — службе.

Весной 1930 года из Москвы, окончив Курсы усовершенствования высшего начальствующего состава при Военной академии им. М. В.

Фрунзе, в дивизию вернулся один из лучших командиров полков округа и бывший однокашник Рокоссовского по ленинградским курсам Георгий Жуков.

Одногодки, кавалеристы, воспитанные полковой школой и войной и страстно полюбившие армию, они служили с таким рвением и с такой жаждой, словно судьба подала им некие знаки великих надежд и они уже тогда увидели перед собой и большую войну, и свои победы, и благосклонность Верховного, и Красную площадь с полками победивших фронтов...

Жуков немного задержался на полку — около семи лет. Впрочем, и Рокоссовский командовал полком всего лишь годом меньше. Как впоследствии заметит один из них: «Полк — это основная боевая часть, где для боя организуется взаимодействие всех сухопутных родов войск, а иногда и не только сухопутных»^[8].

Именно тогда, в Даурии, под Минском и в Маньчжурии они отрабатывали свои будущие сокрушительные атаки в сталинградской степи и под Москвой, на Курской дуге и в Белоруссии, в Восточной Пруссии и на берлинском направлении.

Полковая школа. Она действительно оказалась для них превыше всех академий.

По прибытии из Москвы Жуков получил повышение — 2-ю кавалерийскую бригаду 7-й Самарской дивизии. И спустя некоторое время, когда будущие маршалы достаточно послужили вместе и узнали друг о друге значительно больше того, что знали, учась на курсах в Ленинграде, один из них как командир даст аттестацию другому, своему непосредственному подчинённому: «Сильной воли. Решительный. Обладает богатой инициативой и умело применяет её на деле. Дисциплинирован. Требователен и в своих требованиях настойчив. По характеру немного суховат и недостаточно чуток. Обладает значительной долей упрямства. Болезненно самолюбив. В военном отношении подготовлен хорошо. Имеет большой практический командный опыт. Военное дело любит и постоянно совершенствуется. Заметно наличие способностей к дальнейшему росту. Авторитетен. В течение летнего периода умелым руководством боевой подготовкой бригады добился крупных достижений в области строевого и тактико-стрелкового дела, а также роста бригады в целом в тактическом и строевом отношении. Мобилизационной работой интересуется и её знает. Уделял должное внимание вопросам сбережения оружия и конского состава, добившись положительных результатов. В политическом отношении подготовлен

хорошо. Занимаемой должности вполне соответствует. Может быть использован с пользой для дела по должности помкомдива или командира мехсоединения при условии пропуска через соответствующие курсы. На штабную и преподавательскую работу назначен быть не может — органически её ненавидит».

В 1942 году под Сталинградом во время очередной короткой встречи на фронте Жуков признается своему давнему приятелю, что недавно перечитывал аттестацию, данную им 12 лет назад.

— Я тебе дал тогда хорошую и правдивую аттестацию и смысл её могу повторить и сейчас, — ответит Рокоссовский. — В ней говорилось, что ты волевой, решительный и энергичный командир. Поставленной цели добиваешься, преодолевая любые препятствия. У тебя высокая требовательность к подчинённым, подчас она переходит границы, но требовательность к себе также высокая. Этой аттестацией ты представлялся на повышение по службе.

Жуков улыбнётся дружески и ответит:

— А я к тебе претензий не имею.

Время и война поменяют и степень их подчинённости, и саму подчинённость. Фортуна вынесет вперёд Жукова.

За каждой фразой этого документа, конечно же, опыт взаимоотношений двух красных командиров, судьбой и историей подготовленных к миссии спасения страны от нашествия германского вермахта и его союзников.

Годы покажут, что эта характеристика Рокоссовского окажется самой верной из всех, данных в разные годы маршалу Победы. Поскольку основные черты комбриг 7-й Самарской дивизии сохранит на всю жизнь.

Уже в феврале 1932 года Рокоссовский снова был направлен на восток.

Япония оккупировала Маньчжурию и к 1932 году создала там марионеточное государство Маньчжоу-го. Японские генералы говорили: «Чтобы завоевать мир, нужно завоевать Монголию и Маньчжурию».

Жаждой мирового господства тогда бредили многие. Правда, Советский Союз идею мировой пролетарской революции к тому времени уже свернул.

Японцы наращивали военную мощь в Северной Маньчжурии. Началось вытеснение русских из захваченного ими Харбина. Эмигрантам разрешили выезд в Шанхай и дальше. Те, у кого были деньги, так и поступили. Тем, у кого средств не оказалось, пришлось терпеть. Одна за другой закрывались русские школы, гимназии, больницы. На фасадах торговых домов вместо русских появлялись японские фамилии. Столицей

нового государства был назначен город Чуньчунь. Значение Харбина падало.

В Маньчжоу-го была расквартирована японская армия численностью до 800 тысяч человек. На границе с СССР появилась цепь укрепрайонов с мощными гарнизонами по всему периметру.

В такой обстановке Советский Союз вынужден был прежде всего усилить свою группировку в Забайкалье и на Дальнем Востоке. Туда отправляли не только эшелоны с новой боевой техникой, вооружением и боеприпасами, направляли на восток и лучших командиров.

Рокоссовский получил назначение на 15-ю отдельную Кубанскую кавалерийскую дивизию.

Жена и дочь вновь последовали за ним. Условия проживания семей командиров были спартанскими. Тыловые службы не успевали обеспечивать сразу всё, сосредоточив свою работу на главном — расквартировании войск и складировании военного имущества и снаряжения. Поэтому жёнам и детям краскомов зачастую приходилось ютиться в более чем скромных жилищах или на частных квартирах.

Как утверждают некоторые биографы Рокоссовского, на этот раз у него не сложились отношения с командующим ОКДВА Блюхером. Рокоссовский пытался даже перевестись в другой округ. Но постепенно конфликт погас.

26 ноября 1935 года последовал приказ наркома обороны СССР № 2484 о присвоении Рокоссовскому воинского звания комдив.

В 1936 году Рокоссовскому исполнилось 40 лет. Его наградили орденом Ленина. А вскоре направили снова на запад, теперь уже в Ленинградский военный округ. Вместе с семьёй он прибыл в Псков и получил назначение на 5-й кавалерийский корпус. Одновременно стал начальником Псковского гарнизона. Спустя несколько месяцев он получил следующую аттестацию:

«Тов. Рокоссовский хорошо подготовленный командир. Военное дело любит, интересуется им и всё время следит за развитием его. Боевой командир, с волей и энергией. Дисциплинирован, выдержан и скромен. За полгода пребывания в округе на должности комкора показал умение быстро поднять боевую подготовку вновь сформированных дивизий. На манёврах дивизии действовали удовлетворительно. Сам комкор Рокоссовский показал вполне хорошее умение разобраться в оперативной обстановке и провести операцию. Менее внимания уделяет хозяйственным вопросам».

Этот документ подтверждает, что Рокоссовский постоянно занимался самообразованием. Как и прежде, много читал. Живо интересовался новинками военной мысли и вооружения.

Глава десятая

1937-й

Превознесу Тебя, Господи, что Ты поднял меня и не дал моим врагам восторжествовать надо мною.

Псалом 29:2

Жизнь и служба, казалось, окончательно вошли в определённое русло, и ничто не предвещало...

В Пскове Рокоссовские устроились хорошо. Обстоятельства наконец-то позволили позаботиться о семье. Жили в отдельной квартире. Юлия Петровна устроилась на работу. Ариадна пошла в школу. Константин Константинович с утра до вечера находился на службе. Забот было много. Подтягивал тылы — в соответствии с замечанием, полученным при последней аттестации.

А между тем та аттестация действительно едва не стала последней не только в службе, но и в жизни...

Ещё в июне 1937 года, сразу после арестов в округах, из Забайкалья в Москву на имя наркома обороны СССР К. Е. Ворошилова спецпочтой пришло письмо:

«Считаем совершенно необходимым серьёзно проверить через органы НКВД следующих лиц из состава войск Забайкальского военного округа по подозрительным связям с контрреволюционными элементами:

1. Рокоссовский К. К. — быв. командир 15 кавдивизии, ныне командир 5-го кавкорпуса, был тесно связан с Чайковским и Горбуновым. Поляк. Требуется серьёзная проверка социального происхождения. Имел тягу награничную работу...

Комвойсками ЗабВО комкор Грязнов.

Член Военного Совета ЗабВО корпусной комиссар Шестаков».

Несколько забегаю вперёд скажу, что бдительное командование Забайкальского военного округа в лице комкора Грязнова и корпусного комиссара Шестакова будет арестовано очень скоро и затем, как тогда водилось, расстреляно.

В мае органы НКВД запустили в работу масштабную операцию по

раскручиванию заговора военных. Началось так называемое «дело Тухачевского». Были арестованы многие командующие военными округами, командармы, командиры корпусов и дивизий, работники штабов. Командармы 1-го ранга — командующий войсками Киевского военного округа И. Э. Якир и командующий Белорусским военным округом И. П. Уборевич. Немногом раньше арестовали командующего войсками Уральского военного округа комкора И. И. Гарькавого. Осенью — командующего войсками Забайкальского военного округа командарма 2-го ранга М. Д. Великанова; бывшего начальника Ленинградских кавалерийских курсов, а теперь заместителя командующего войсками Ленинградского военного округа комкора В. М. Примакова; начальника Управления по командному и начальствующему составу РККА комкора Б. М. Фельдмана; военного атташе при полпредстве СССР в Великобритании комкора В. К. Путну; председателя Центрального совета Осоавиахима комкора Р. П. Эйдемана. Первый заместитель наркома обороны, начальник политуправления РККА комкор Я. Б. Гамарник, предупредив свой арест, успел воспользоваться личным оружием и покончил с собой. Приговор арестованным, а затем осуждённым был вынесен 11 июня 1937 года. Всех обвиняемых признали виновными в «организации военного заговора с целью захвата власти» и в тот же день расстреляли.

Спор о виновности и невиновности казнённых до сих пор остаётся одним из самых ожесточённых в отечественной историографии, а тема «военно-троцкистского заговора» самой загадочной темой довоенного периода истории РККА.

Не дерзая поддержать какую-либо из спорящих сторон, приведу всё же не менее странное выступление на суде одного из обвиняемых по этому загадочному делу — комкора Виталия Марковича Примакова.

Человек исключительной храбрости и жестокости, авантюрист, член партии большевиков с 1914 года, во время Гражданской войны он сформировал корпус «Червонных казаков», слава которого была не меньшей, чем слава Первой конармии Будённого. Убеждённый сторонник Троцкого. В середине 1920-х годов служил советником в Китае, носил фамилию Лин. «Год спустя, — как пишут его биографы, — под видом «кавказского турка» Рагиб-бея командовал отрядом, который должен был восстановить на троне давнего союзника Красной Москвы афганского эмира Амманулу-хана, свергнутого в ходе дворцового переворота. Отряд Примакова с минимальными потерями взял с боем город Мазари-Шариф, северные ворота страны, но потом вынужден был повернуть назад, ибо эмир покинул страну». Затем Примаков служил в качестве военного атташе

в Японии. Учился в академии Генерального штаба в Германии. Был прекрасным литератором, писал стихи и прозу. Недавние публикации в прессе недвусмысленно свидетельствуют в пользу того, что последняя жена «кавказского турка», небезызвестная Лиля Брик, «с 20-х годов работала осведомителем в ОГПУ», что именно по её наводке Примаков и попал под подозрение. Причём самым первым — его арестовали ещё в 1936 году.

Что ж, такие, как Виталий Маркович, действительно были способны на многое. Сталин их опасался, по всей вероятности — не напрасно. Таких сломить было трудно и даже, пожалуй, невозможно.

Что же этот железный «кавказский турок» сказал на суде, вполне отдавая себе отчёт в том, что это, скорее всего, его последние слова?

«Я должен сказать последнюю правду о нашем заговоре, — заявил Примаков судьям. — Ни в истории нашей революции, ни в истории других революций не было такого заговора, как наш, — ни по цели, ни по составу, ни по тем средствам, которые заговор для себя выбрал. Из кого состоит заговор? Кого объединило фашистское знамя Троцкого? Оно объединило все контрреволюционные элементы; всё, что было контрреволюционного в Красной армии, собралось в одно место, под одно знамя, под фашистское знамя Троцкого. Какие средства выбрал себе этот заговор? Все средства: измена, предательство, поражение своей страны, вредительство, шпионаж, террор. Для какой цели? Для восстановления капитализма. Путь один — ломать диктатуру пролетариата и заменить фашистской диктатурой. Какие же силы собрал заговор для того, чтобы выполнить этот план? Я составил себе суждение о социальном лице заговора, то есть из каких групп он состоит, его руководство, центр. Люди, входящие в заговор, не имеют глубоких корней в нашей советской стране потому, что у каждого из них есть своя вторая родина: у Якира родня в Бессарабии, у Путны и Уборевича — в Литве, Фельдман связан с Южной Америкой не меньше, чем с Одессой, Эйдеман с Прибалтикой не меньше, чем с нашей страной...»

Последнее слово Примакова — документ странный. С одной стороны, в нём сквозит, так сказать, дух эпохи, а именно работа следователей, убедивших своего подследственного сказать то-то и то-то. С другой стороны, многое из сказанного перед смертью — правда.

Кроме того, слово Примакова какой-то смутной болью тревожит и нынешнее сознание среди уже нынешних событий...

Нашему герою, уроженцу Варшавы, угрозу несла последняя мысль обречённого. В это время ведомство наркома Н. И. Ежова активно разрабатывало дело «Польской организации войсковой», вскрывало шпионскую агентурную сеть польской разведки. По данным НКВД,

польскими шпионами буквально наводнены Сибирь, Дальний Восток, все военные округа. Помните донос Грязнова и Шестакова? Эти двое сразу сориентировали наркома: «Поляк...»

Во всех анкетах вплоть до 1945 года, когда маршалу, дважды Герою Советского Союза назначили новое место рождения (для установки бюста), в графе о национальной принадлежности он писал: «Поляк». Да и говорил с лёгким польским акцентом. Так что иностранца распознать в нём было несложно.

Шестакова арестовали 6 июля. Через несколько дней он уже давал показания, среди «заговорщиков» назвал и Рокоссовского. На вопрос следователя: «Кто вам известен из участников военно-троцкистской организации в частях Забайкальского военного округа?» — последовал его исчерпывающий ответ: «Рокоссовский Константин Константинович — бывший командир 15-й кавалерийской дивизии, в данное время командир кавалерийского корпуса в городе Пскове...»

Для хорошо отлаженной машины НКВД этого было достаточно.

Вначале Рокоссовского отстранили от командования корпусом. Нового назначения не последовало. Он заметил: меньше стало людей вокруг — друзей, сослуживцев, приятелей. Даже в курилке, обычно шумной, наполненной шутками и анекдотами не меньше, чем табачным дымом, все сразу умолкали, торопливо докуривали и старались поскорее уйти. А он, уже уловив в воздухе запах грозы, чувствовал себя как перед рубкой и, как всегда, полагался на удачу: двум смертям не бывать. Но в бою можно было положиться на твёрдость руки, на шашку и на коня. А тут — не на кого. Пустота.

Вскоре последовало дивизионное партийное собрание, исключение из ВКП(б) — «за потерю политической бдительности». В августе вызвали в Ленинград, в штаб округа. Какое-то время надеялся — за новым назначением. Юлия Петровна тоже старалась не показывать своих чувств, но провожала мужа на вокзал с тяжёлым сердцем.

Поезд уже подходил к Ленинграду. Неожиданно в купе появились какие-то люди. Все как на подбор рослые, ему под стать, чисто выбритые, с настороженными и сосредоточенными взглядами, в свободных пиджаках одного цвета и покроя. Он сразу понял всё. «Вы арестованы!» До железнодорожного вокзала ехали молча. Когда поезд остановился, подождали, пока пассажиры выйдут из вагона, и, не выходя на перрон, выпрыгнули в сторону пакгаузов, провели по безлюдным закоулкам к ожидавшей машине — обыкновенному фургону с надписью «Хлеб». Грубо втолкнули внутрь. И — закрутилось...

Привезли в «Кресты» — внутреннюю тюрьму УГБ НКВД Ленинградской области.

Унижение началось с обыска. Процедура была такой: раздели донага, осмотрели, прощупали одежду, заглянули в ноздри, в уши, всюду. Особенно досталось мундиру — сняли ордена и медаль «XX лет РККА», спороли шевроны, из петлиц вырвали эмалевые ромбы комкора. Портупею и ремни, в том числе и брючный, не вернули. Рокоссовский сразу почувствовал себя ниже ростом, растерянным. Но растерянность длилась недолго. Произошло то, что происходило со многими, и надо было принимать этот крест спокойно, чтобы не допустить ошибки и не погубить себя и семью.

Конвоир отвёл Рокоссовского в камеру. Камера на двоих. Он оказался двенадцатым. Две откидные койки. Днём они прикреплялись к стене цепями и запирались на висячие замки. Койки откидывают в час отбоя — в 23.00, подъём — в 6.00. Обитатели камеры установили очередь для сна. Спят двое, и то недолго. Остальные — на полу. У двери параша. Новички спят там. Места постепенно освобождаются. Кого-то перевели, кто-то не вернулся с допроса. Очередь движется к желанному окну, где можно глотнуть свежего воздуха. Но неба в окно не видно — оно закрыто нависающим козырьком.

По всей вероятности, Рокоссовский в разработке у чекистов был уже давно. На всякий случай: служил на границе... за рубежом... имел самые широкие контакты, в том числе и с офицерами японской разведки, белогвардейцами... Личное дело Рокоссовского было помечено секретными литерами «ОУ» — особый учёт. Шифр этот ввёл истинный изобретатель всяческих методик выявления скрытых «врагов народа» и революции Фельдман. История свидетельствует, что почти все военные, имевшие в личном деле это фельдмановское клеймо, были арестованы, а затем — кто попал в лагерь, а кто и прямо под пулю.

Несколько суток Рокоссовский провёл в томительном ожидании. Следователи применяли такой приём для того, чтобы подготовить арестованного к первому допросу. Невыносимая духота, запах давно немых тел, невозможность выспаться и сосредоточиться — всё это, помноженное на неизвестность, порой сразу давало нужные результаты: человек попросту ломался и подписывал всё, что диктовали следователи.

И вот наконец: «Рокоссовский! На допрос!»

Все эти дни он думал о жене и дочери: что будет с ними? О горькой участи семей арестованных он знал не понаслышке. Но никогда не думал, что всё это может коснуться его, Люли, Ады.

Следователь положил перед ним несколько листов чистой бумаги и

сказал: «Опиши подробно свои преступления». — И ушёл.

Через час следователь вернулся. Рокоссовский сидел на прежнем месте перед чистыми листами бумаги. Даже поза его не изменилась.

— Ты, видимо, ещё не понял, где находишься, — зашипел следователь. — У нас... — Следователь многозначительно помедлил. — У нас все пишут. Так что давай, делай то, что от тебя требуют. Время пока есть. — И снова вышел.

Теперь его не было ещё дольше. И снова он застал своего подследственного в той же позе и над чистыми листами.

Рокоссовский так и не сдался.

Генерал Илья Васильевич Балдынов^[9] вспоминал: «В первые дни ареста следователи требовали, чтобы я подробно написал, кто входил в шпионскую группу. Когда я отказался от показаний, стали морить голодом, не давали спать, держали в холодном карцере, где можно было только стоять или сидеть на корточках».

Однажды на прогулке он увидел своего бывшего комбрига. Тот тоже узнал боевого товарища по КВЖД, подошёл к нему и тихо сказал:

— Ни в коем случае не подписывай ничего, что ты не писал сам. Не давай ложных показаний. Не оговаривай ни себя, ни другого. Коль умереть придётся, то с чистой совестью.

Эти слова, которые Рокоссовский произносил как заклятие, в том числе и для самого себя, спасли Балдынова. Он выйдет из заключения одновременно со своим старшим товарищем и бывшим командиром.

Коль умереть... то с чистой совестью. На какое-то время именно эта формула стала кодексом чести Рокоссовского.

Печальный факт: именно военные на допросах с пристрастием, а иногда и просто в ожидании своей горькой участи ломались и подписывали всю нелепицу, весь чудовищный вздор о «своих преступлениях». Варлам Шаламов, переживший все круги ГУЛАГовского ада, писал: «Легче всего, первыми разлагаются партийные работники, военные». Такому свидетелю, как Шаламов, нельзя не верить.

Против Рокоссовского свидетельствовали, кроме уже упомянутого корпусного комиссара Шестакова, начальник разведотдела штаба Забайкальского военного округа Ю. Г. Рубэн, комкор К. А. Чайковский, начальник разведотдела штаба 11-го механизированного корпуса майор Г. Г. Проффен, командарм 2-го ранга М. Д. Великанов.

Майор Рубэн, например, поведал следователям следующее: «Мне известно, что Рокоссовский ещё в 1932 году по шпионской работе был лично связан с начальником японской военной миссии в Харбине —

полковником Комацу-бара. По словам Рокоссовского, встречался он с Комацу-бара в Даурии во время официального приезда последнего для разрешения вопросов, связанных с интернированием войск китайского генерала Су Бинь-Бьеня».

Не дождавшись чистосердечного признания, следователи начали выбивать показания силой.

Никогда никому, даже самым близким, он не рассказывал того, что довелось пережить в тюрьме. Только однажды, уже в 1962 году, на встрече со слушателями Военной академии им. М. В. Фрунзе на вопрос, применялись ли во время допросов физические меры воздействия, он сказал: «Били... Вдвоём, втроём. Одному-то со мной не справиться! Держался, знал, что если подпишу — верная смерть».

Когда «колуны» поняли, что его ничем не взять, решили действовать иначе. Не давали спать, изнуряли ярким электрическим светом. Это доводило до безумия, но он держался. Потом имитировали расстрел: зачитывали приговор, выводили во двор, ставили к кирпичной стене со следами пулевых отметин и стреляли — пули входили в стену чуть выше головы. И это он пережил, не рухнул на колени. Возможно, потому, что на войне уже пережил большее: там в упор в него стреляли не раз. И даже попадали.

Довольно подробные воспоминания о пребывании в «Крестах» оставил сокамерник Рокоссовского Владимир Рачинский: «Меня арестовали в день расстрела моего отца. Зачем меня арестовали? Зачем им понадобилась ещё одна невинная жертва? Мне было 17 лет, и меня бросили в этот ад. Я ни в чём не был виноват. Но когда я пришёл в камеру, камеру № 6, следственной тюрьмы УНКВД в Ленинграде, то оказалось, что там сидят все, абсолютно все невинные. Никто не считал себя в чём-либо виновным перед Советским государством. Это был какой-то кошмар, какая-то западня на честных, невинных людей. В камере № 6 площадью около 100 м² было битком набито около 100 человек, спали в два этажа, один на полу, плечо к плечу, второй из деревянных откидывающихся к стене кроватей и досок на козлах.

Что это были за люди, сидящие в камере? Большинство — интеллигенция, врачи, учителя, партийные работники, государственные работники, инженеры, военные, артисты и т. д. Сидели даже чистильщики сапог — асоры, такая персидская народность, которая у нас имела вроде монополии на чистку сапог.

В камере сидели крупные руководители Ленинграда, например зам. председателя Ленгорисполкома; крупные инженеры, например инженер-

конструктор военных кораблей Бржезинский; крупные военачальники, например К. К. Рокоссовский; крупные артисты, например солист Театра оперы и балета Ленинграда баритон Терт.

Я не писатель, но можно было бы написать целую повесть под заглавием «Камера № 6».

Сколько людей, столько характеров и судеб. И всё это «варилось в одном котле». Для меня это была первая, хотя и очень драматичная, школа жизни. Это был мой первый жизненный университет. В общем, лучше бы его не было. Но коль так случилось, то из этого была извлечена мною какая-то жизненная школа. К. К. Рокоссовский мне говорил: «Владимир, тебе всё это пойдёт на пользу, если ты, конечно, не сделаешь неправильных политических выводов». Он рассматривал все эти репрессии как предательство со стороны органов НКВД. Он тоже наивно считал, что Сталин не виноват, что виновато его предательское окружение.

Человек ко всему привыкает, и я приспособливался как мог. Даже в тех тяжёлых условиях, чтобы как-то скоротать время, сидящие в камере устраивали беседы, лекции, играли в самодельные домино, сделанные из хлеба. Я прочитал ряд лекций по строению материи, атомной и ядерной физике. К. К. Рокоссовский вёл рассказы о своих военных подвигах в гражданскую войну, в частности в Сибири и на Дальнем Востоке. Этому прославленному полководцу было о чём рассказать. Каждый, кто что-либо знал, рассказывал всем.

Подследственных из камеры вызывали на допросы. Все уже знали, что на допросах избивают и мучают людей. С допросов приводили истерзанных, избитых людей. Некоторых заставляли сутками стоять. И такая была пытка. Всех заставляли подписывать клеветнические на самих себя и других ложные протоколы допроса. Тех, кто отказывался подписать ложный протокол, избивали до тех пор, пока ложный протокол не был подписан. Были стойкие люди, которые упорно не подписывали. Но таких было относительно мало. К. К. Рокоссовский, пока он сидел со мной в одной камере, так и не подписал ложный протокол. Это был мужественный и сильный человек, высокого роста, плечистый. Его тоже били».

Странные слова запомнил Владимир Рачинский, сказанные ему Рокоссовским в тюрьме: «...тебе всё это пойдёт на пользу, если ты, конечно, не сделаешь неправильных политических выводов».

Многого, что они тогда сказали друг другу в той душной камере, мы теперь, конечно, не узнаем. Но сказали, видимо, действительно многое. Иначе юноша не запомнил бы подробности той встречи на всю жизнь. Он явно был благодарен и своему старшему сокамернику за те разговоры и

наставления, и судьбе, что свела с ним. Да, как это ни странно, и судьбе.

Ведь и наш герой не проклинал судьбу, вспоминая годы, проведённые в тюрьме. И снова задумаешься над словами Варлама Шаламова: «Лучшим временем своей жизни считаю месяцы, проведённые в камере Бутырской тюрьмы, где мне удавалось крепить дух слабых и где все говорили свободно». Нет-нет, я не оправдываю систему, которая уpekла ни в чём не повинного командира кавалерийского корпуса в «Кресты» и истязала его руками самых отвратительных человеческих существ. Речь о другом, о глубинном понимании и осмыслении тех обстоятельств, в которые судьба на годы поместила нашего героя, словно для неминуемого испытания и нужной закалки лишив его привычного благополучия.

Возможно, именно тогда он понял, что судьбы-то как таковой и нет вовсе. Есть обстоятельства и есть воля. Либо воли нет. Рокоссовский не оставил нам своих размышлений о днях, проведённых в ожидании очередного допроса с пристрастием. И нам остаётся только одно: прибегать в трудных случаях к опыту претерпевших до конца: «...мир надо делить не на хороших и плохих людей, а на трусов и не трусов. 95 процентов трусов при слабой угрозе способны на всякие подлости, смертельные подлости»^[10]. И ещё, быть может, самое главное: «И физические, и духовные силы мои оказались крепче, чем я думал, — в этой великой пробе, и я горжусь, что никого не продал, никого не послал на смерть, на срок, ни на кого не написал доноса»^[11].

Когда Рокоссовский сел за мемуары, тема ареста и тюрьмы оказалась для него самой, пожалуй, непростой. Черновики свидетельствуют: больше всего правки, зачёркиваний и новых вариантов потребовала от автора именно эта глава. Воспоминания приносили боль. Справиться с этой болью могло только молчание.

Из черновика: «После тридцатимесячного срока пребывания в заключении — под следствием был освобождён и полностью реабилитирован — вышел на свободу, задавая себе неразрешённый вопрос: кому и для какой цели понадобилось всё то, что было проделано в 1937 году. Ведь удар был нанесён по наиболее подготовленным кадрам руководящего состава Красной Армии, своими делами и кровью доказавшим свою безграничную преданность Коммунистической партии, Советской власти и социалистической Родине.

Последствия проделанной чёрной работы сказались уже в финскую кампанию. Красная Армия оказалась к моменту назревших событий оголена. Многолетняя работа партии над воспитанием и подготовкой

военных кадров была сведена к нулю. На руководящих постах в звене высшего командного состава, за исключением единиц, оказались малоопытные, неподготовленные к руководству в военное время кадры. Одной преданности и храбрости для ведения войны в современных условиях оказалось недостаточно».

Из тех же черновиков, которые впоследствии были включены в окончательную редакцию мемуаров: «...Командный состав в своём подавляющем большинстве был репрессирован или отстранён от руководства подготовкой вооружённых сил. К руководству войсками были привлечены молодые кадры, не обладавшие достаточным жизненным и командным практическим опытом, — по должностям, на которые они назначались. Как это происходило, сошлюсь только на один пример, как очевидец. В июле 1937 года сменивший маршала Советского Союза Шапошникова, командовавшего в то время Ленинградским военным округом, генерал Дыбенко^[12] созвал весь высший командный состав войск округа и объявил нам о том, чтобы мы, вернувшись во вверенные нам войска, каждый выбрал бы себе 2-х лучших лейтенантов и в течение 2–3 месяцев подготовил из них себе заместителей на занимаемые должности. На заданный с нашей стороны вопрос — что же нам после этого делать, — последовал с его стороны ответ, что для нас место найдётся. И действительно, такое место почти для всех нас было найдено. А потом за нами всеми последовал и сам Дыбенко». (Последняя фраза зачёркнута.)

Бывший адъютант Рокоссовского Борис Николаевич Захацкий рассказывал: «Однажды пришло письмо от бывшего следователя НКВД, который когда-то вёл дело Рокоссовского. Маршал поставил на нём резолюцию: «Оставить без внимания». В письме была просьба о встрече, чтобы объяснить, почему следователь так вёл себя, видно, это его мучило. Вскоре пришло повторное письмо. И снова Константин Константинович написал: «Оставить без внимания». Ему было неприятно возвращаться к этой теме. К тому же он считал, что перед ним извинились. Ведь в марте 1940 года после освобождения Рокоссовского маршал Тимошенко (тогдашний нарком обороны) попросил забыть его о трёх годах заключения как о досадном недоразумении и сообщил, что его восстановили в партии, в звании и должности».

Что ж, именно так и бывает: прощения просит не тот, кто виноват, а тот, кто прилагает наибольшие усилия, чтобы чью-то роковую ошибку исправить.

Пока его таскали на допросы и решали, к какому делу лучше пристегнуть, чтобы не так явно видны были белые нитки, его однокашник

Жуков сделал головокружительную карьеру, наголову разгромив японцев в Монголии; в Испании на стороне армии республиканцев дрались комбриги и комдивы, а совсем рядом с Ленинградом вспыхнула и в одну зиму закончилась советско-финляндская война. И он ещё не знал, что это именно этих событий, сотрясавших хрупкий мир на грани огромной войны, распахнёт дверь его камеры...

Рокоссовского продержали под следствием около трёх лет. Необычно долго. Но и такое случалось. Например, генерал В. В. Крюков, арестованный в 1948 году по так называемому «трофейному делу», под следствием находился более трёх лет. Там тоже дело не клеилось, рассыпалось. Правда, его всё же кое-как собрали, и генерал Крюков пошёл в лагеря на 25 лет сразу по нескольким статьям, в том числе и (как ни парадоксально) по так называемому закону «О трёх колосках».

Что-то подобное хотели пришить и Рокоссовскому. То польский шпион. То японский. Следователи пытались пустить его то по делу забайкальской военно-троцкистской организации, то ленинградского военно-троцкистского центра, то по псковскому заговору. Возможно, Рокоссовскому в какой-то мере помогло и то обстоятельство, что в ноябре 1938 года на посту наркома НКВД Ежова сменил Берия. Поменялись следователи, часть из них поставили к кирпичной стене, другая часть, оставленная на службе, присмирела. Начался пересмотр дел. Всё это походило на кампанейщину. Приход в грозный наркомат Берии судьбы нашего героя не решил, но дал паузу тишины и относительного покоя. Она вселила новые надежды, укрепила дух. Однако истекла довольно скоро, и следователи нового наркома принялись терзать Рокоссовского с неменьшей яростью.

Необычно долгое пребывание Рокоссовского в тюрьме породило целую серию домыслов и легенд. По жанрам их можно разделить на полукомические, героико-романтические и оскорбительно-нелепые. Даже в печати порой появляются «откровения» неких «историков» и «краеведов», что якобы найдены подтверждения, будто, к примеру, Рокоссовский отбывал срок в Княж-Погосте в Коми и работал там банщиком; что в «Крестах» был завербован сотрудниками госбезопасности и использовался в качестве «наседки», подсылаемой к трудным подсудимым, которые упирались и не давали показаний. Эту версию разом опрокидывают свидетельства тех, кто в разное время находился в одной камере с Рокоссовским или виделся с ним на прогулках. И наконец, что Рокоссовский в это время находился в секретной командировке в воюющей Испании и дрался на стороне республиканцев под именем Мигеля

Мартинеса.

А тем временем семья переживала свою долю испытаний.

Из рассказа внука маршала Константина Вильевича Рокоссовского: «Так как Псков в то время был приграничным городом, сразу же после ареста деда мама и бабушка, как члены семьи врага народа, были оттуда высланы и поселились в Армавире, у знакомых. Бабушка перебивалась случайными заработками, постоянной работы найти не могла. Как только узнавали, что её муж находится под арестом, стремились от неё избавиться под любым предлогом. Когда не было работы, жили тем, что занимали в сберкассе деньги под залог облигаций Государственного обязательного займа, на которые дедушка подписывался, как и все руководящие работники в то время. Мама рассказывала мне дикий случай, произошедший с ней в школе, когда директор, узнав, что дед «сидит», пришла на урок и заявила: «Дети, я хочу, чтобы вы все знали, что среди нас находится дочь врага народа. Ада, встань, чтобы все могли тебя видеть!» Больше в эту школу мама уже не ходила. Впрочем, такими были тогда далеко не все. Были и добрые, отзывчивые люди, не боявшиеся, несмотря ни на что, помочь и поддержать попавших в беду...»

Никаких вестей от мужа и отца не было уже несколько месяцев. Жив? Или... Неизвестность угнетала сильнее всего.

Кто-то из знакомых подсказал Юлии Петровне: поехать в Москву, на Лубянку, там принимают посылки для арестованных, одну в месяц, по особому списку; если посылку примут, значит, адресат жив. Но как поехать? С работы не отпускают. А дорога займёт не один день. Прогуляешь — сразу уволят. Ехать в Москву вызвалась Ариадна. Собрали посылку — продукты, тёплые вещи, бельё. Всю дорогу до Москвы Ариадна думала о судьбе отца: примут у неё посылку или нет. В поезде попались добрые попутчики. Они сразу поняли, куда едет девочка. Рассказали, как быстрее проехать на Лубянку, как себя вести, что говорить. Пришла, заняла очередь. И посылку — приняли! Представьте себе, дорогой читатель, состояние тринадцатилетней девочки, которая вдруг узнаёт, что её любимый папочка жив. На вокзал она летела как на крыльях. Хотелось поскорее доехать до дома и обрадовать маму — папа Костя жив!

Тянулись месяцы ожидания, наполненные тревогой и страхом. Но теперь появилась надежда. Семья возила в Москву посылки. Их принимали. Так возникла незримая связь между томившимися на свободе и сражавшимися за своё достоинство в тюрьме.

Несколько раз Юлии Петровне советовали сменить фамилию. Но она была уверена, что её муж честный человек и никакого камня за пазухой

никогда не держал. Тогда многие люди свято верили в то, что невинных за колючую проволоку не бросают и уж тем более не расстреливают.

Но пока — допросы, допросы, допросы... Велось дело. Сидел по-прежнему в «Крестах». Но однажды случилось необычное: на суд Рокоссовского повезли в Москву, там он некоторое время провёл в Бутырской тюрьме.

Его дело рассматривала Военная коллегия Верховного суда СССР. На судебном заседании выяснилось: всё обвинение от начала до конца построено на свидетельских показаниях бывшего сослуживца Рокоссовского по 5-му Каргопольскому драгунскому полку, а затем командира 1-го Уральского им. Володарского кавполка Адольфа Казимировича Юшкевича, который будто бы дал признательные показания, что в середине 1920-х годов завербовал Рокоссовского в польскую шпионскую организацию.

Рокоссовский всегда был хорошим тактиком. И прилежным учеником фон Клаузевица. Многие из трактата «О войне» он помнил наизусть. Память у него была великолепная. Фон Клаузевиц наставлял: «В теории фактор неожиданности может сыграть вам на руку. Но на практике в ход вступает сила трения, когда скрип вашей машины предупреждает противника об опасности».

Что же приготовил Рокоссовский для своих несправедливых и злобных гонителей? Когда следователи «предъявили» ему «признания» Юшкевича, он мысленно усмехнулся, и эта усмешка вскоре перешла в ликование. Он знал, что это блеф. И если это так, то у следователей ничего существенного на него попросту нет. Оставалось держаться, терпеть, ждать. Проявлять осторожность. Только однажды он позволил себе опасную игру со следователями, и колёса его боевой машины закрипели... Он сказал, что подпишет все протоколы (бумаги с текстами «чистосердечных признаний» уже давно были готовы), если ему устроят очную ставку с Адольфом Юшкевичем. Но то, что его боевой товарищ и друг, красный командир Адольф Казимирович Юшкевич, пал смертью храбрых в Северной Таврии 28 октября 1920 года, в первый же день второго удара проводимой Красной армией Северно-Таврийской операции против белых войск барона Врангеля, — он пока не сказал.

Перед судом Рокоссовский вспомнил, от какого числа был тот памятный номер «Красной звезды» с публикацией списка погибших в Северной Таврии. Великолепная память! Суд выслушал его доводы. Нашли и номер газеты, где действительно извещалось о героической гибели красного командира Юшкевича.

Суд состоялся в начале 1939 года. Ранний период эпохи Берии. Он характерен некоторым «потеплением» в тюремных камерах, лагерях и судах, да и в обществе в целом. Некоторые дела пересматривались. Многие прекращались. Люди возвращались домой. А в камеры и на пытки потащили вчерашних палачей. Шла чистка в органах НКВД. Именно в это время расстреляли бывшего начальника Ленинградского управления НКВД комиссара госбезопасности 1-го ранга Заковского (Штубиса).

Выступая 10 июня 1937 года на Ленинградской областной партконференции, Заковский сказал: «Мы должны врага уничтожить до конца. И мы его уничтожим». Этот свирепый начальник порой и сам проводил допросы, особенно «знатных» сидельцев. Любил присутствовать на расстрелах. А иногда вытаскивал из кобуры свой револьвер, делом подтверждая своё большевистское «до конца»...

Допрашивал он и Рокоссовского. Боевых орденов у Заковского было больше, да и звание выше. Но статус кавалерийского комдива с тремя орденами Красного Знамени вполне соответствовал тому, чтобы им занялся сам комиссар Заковский. Допрашивал жестоко: несколько выбитых зубов, три сломанных ребра, молотком — по пальцам ног... Конечно, это не пуля в затылок. Искалеченное тело болело долго. Душа ныла дольше и сильнее.

И вот казус, казалось бы, удачной фортуны комиссара 1-го ранга: обречённый на убийственную статью бывший подследственный Рокоссовский переживёт своего палача.

Когда суд в Москве рассмотрел дело Рокоссовского, когда принял к сведению доводы подсудимого и счёл их убедительными, всё началось сначала.

Подследственного вернули в родные «Кресты». Осенью того же 1939 года его снова заслушает Военная коллегия Верховного суда. И снова заготовленный сотрудниками НКВД приговор не утвердит.

Никто не собирался его освобождать. И возможно, он так и сгнил бы в одной из камер мрачной ленинградской тюрьмы и у нас не было бы полководца Рокоссовского, если бы в Москве после неудачной Финской кампании не состоялся разговор военачальников, от которых тогда зависело многое.

«Зимняя война» с маленькой Финляндией, армию которой наши войска так и не смогли разгромить на линии Маннергейма, заставила Сталина задуматься о боеспособности Красной армии. И в первую очередь — о её кадрах. Ибо — «кадры решают всё».

По одной версии, предложение о возвращении из заключения военачальников, арестованных и осуждённых несправедливо, Сталину

изложил только что назначенный на пост наркома обороны С. К. Тимошенко.

По другой — Г. К. Жуков.

В тот период Жуков, восходящая звезда Красной армии, стремительно поднимался вверх. Сокрушительная победа на Халхин-Голе, присвоение звания генерала армии и Героя Советского Союза. Встречи со Сталиным, откровенные разговоры. Доверие вождя, который умел слушать и слышать своих подчинённых.

Из воспоминаний маршала Жукова: «Рокоссовский был мой близкий старый товарищ, с которым я вместе учился, работал и которого всегда уважал как хорошего командира. Я просил Сталина освободить его... и направить в моё распоряжение в киевский Особый военный округ».

Возможно, Георгий Константинович здесь допустил какую-то неточность. Известно, что первая его встреча со Сталиным произошла в мае 1940 года. К тому времени прошло уже два месяца, как Рокоссовский вышел из тюрьмы.

Но возможен и третий вариант. Разговор о необходимости пересмотра «ежовских» дел многих военачальников и о возможном их освобождении и восстановлении в войсках на командных должностях произошёл между Жуковым и Тимошенко. Они служили в Белоруссии в одном корпусе, доверяли друг другу. Прекрасно понимали, какая беда надвигается на страну; размышляя о возможностях укрепления войск командными кадрами, вспомнили об арестованных органами НКВД. Ведь эти кадры, проверенные боями и походами, пропущенные через курсы и академии, находились рядом, за колючей проволокой.

В самый канун войны в войска возвратились А. В. Горбатов, К. Н. Галицкий, Ф. Ф. Жмаченко, К. П. Подлас, Ф. А. Пархоменко, В. Д. Цветаев, К. А. Юшкевич, А. И. Лизюков и другие, всего около пятидесяти человек. Многие, к сожалению, не дожили до пересмотра своих дел.

Справка

Выдана гр-ну Рокоссовскому Константину Константиновичу, 1896 г. р., происходящему из гр-н б. Польши, г. Варшава, в том, что он с 17 августа 1937 г. по 22 марта 1940 г. содержался во Внутренней тюрьме УГБ НКВД ЛО и 22 марта 1940 г. из-под стражи освобождён в связи с прекращением его дела.

Следственное дело № 25358
1937 г.

Следственное дело, о котором упомянуто в справке об освобождении, из архивов НКВД — КГБ — ФСБ исчезло. Его как бы не существует. Говорят, папка, в которой были подшиты все документы, касающиеся ареста, допросов, судебных заседаний и иных действий по делу комдива К. К. Рокоссовского, уничтожена в начале 1960-х, когда по приказу Н. С. Хрущёва «подчищались» архивы: из хранения изымались документы, которые могли бросить хоть какую-то тень на партийных функционеров и высокопоставленных работников спецслужб. Партия заслушала доклад своего нового лидера на XX съезде КПСС о культе личности, с лёгкостью свалила всю вину за репрессии, роковые ошибки и перекосы на Сталина и вновь почувствовала себя молодой, невинной и полной сил для новых свершений.

Мне же опыт и чутьё подсказывают, что интересующее нас дело не погибло, что когда-нибудь протоколы допросов и имена следователей, истязавших Рокоссовского, мы всё-таки узнаем. Во всяком случае, на два запроса, поданных в ФСБ с просьбой ознакомиться с «делом К. К. Рокоссовского для написания правдивой истории его ареста, заключения и освобождения», не последовало никакого ответа. Даже уведомления о том, что запросы получены. Не странно ли?

Об освобождении Рокоссовского тоже сочинено много легенд.

К счастью, он сам однажды рассказал о том, как всё происходило. Рассказал во время съёмок кинофильма «Если дорог тебе твой дом» по сценарию Константина Симонова. Маршал был главным военным консультантом. Кто-то из присутствующих киношников записал рассказ на магнитофон, затем перевёл в обычное повествование: «Когда Рокоссовского выпустили на волю, тюремный писарь решил, что бывший заключённый-ленинградец, что он идёт домой, и не вручил ему на дорогу необходимый воинский литер^[13].

С Выборгской стороны на вокзал, без копейки в кармане, но с благословенной справкой Константин Константинович прошагал десятка два трамвайных остановок. Выписать литер во исправление тюремной ошибки мог лишь военный комендант. Но он появится только утром. И Рокоссовский решил переночевать на вокзале. Однако поздно вечером военный патруль, обходя зал ожидания, всех безбилетников-ночлежников выпроводил на площадь. Вокзал в прифронтовом городе — не ночлежка^[14]. Рокоссовский отправился в далёкий военный городок, где квартировал комсостав штаба округа. Дело было к ночи. Он всё же разыскал двоих знакомых, бывших своих сослуживцев, но те побоялись приютить

репрессированного. Куда деваться? И вот, лишённый выбора, Рокоссовский пошагал обратно в «Кресты» и попросился у дежурного на ночлег, в «свою» камеру, на «свои» нары. Дежурный оказался человеком покладистым, может быть, поняв ошибку писаря, хотел избавить своего приятеля от неизбежного выговора по службе. А утром бывшему узнику, как и всем соседям, выдали «пайку» — миску пшённой каши. Вот когда он струхнул: может, зачислили снова на довольствие?.. Но после завтрака канцелярист выписал по всей форме положенный литер — до станции Псков. И бывший командир корпуса, застегнув на все крючки коротковатую для его парадного роста поношенную солдатскую шинель с латками на локтях, убыл домой после продолжительной «командировки»...

И уже сам Рокоссовский вспоминал: «Жуков внимательно слушал мой рассказ, стараясь совладать с волнением, несколько раз вставал, садился. Потом долго и мрачно молчал и наконец сказал: «Таких подробностей я не знал».

Однажды на фронте молодой офицер связи, недавно прибывший в штаб фронта, заметил шрам над бровью Рокоссовского и спросил:

— Это вас осколком ранило, товарищ маршал?

— Не осколком, лейтенант, — усмехнулся маршал, — а деревянным табуретом во время допроса.

А после Сталинградской битвы, когда в его штаб нескончаемым потоком шли поздравления, среди телеграмм он отыскал присланную из «Крестов», за подписью начальника тюрьмы, надо заметить, особо знаменитой среди военных. И туг же приказал связистке отстучать ответ: «Рад стараться, гражданин начальник!» А дальше — подследственный такой-то, номер камеры такой-то...

После возвращения партбилета, орденов и должности всегда носил с собой пистолет. Ложась спать, проверял обойму и совал пистолет под подушку.

Юлия Петровна потом рассказывала внукам: «Дедушка после тюрьмы опасался, что за ним снова придут. Говорил, что на этот раз живым им не дастся».

Глава одиннадцатая

КОРПУСА

...Больше всего беспокоило, как встретит свой первый бой наш необстрелянный солдат.

К. К. Рокоссовский

После трёх лет заточения в «Крестах» Рокоссовского отправили на отдых в Сочи. Именно с рассказа об этой семейной поездке он начинает первую главу своих мемуаров. Глава называется «Завтра — война»: «Весной 1940 года я вместе с семьёй побывал в Сочи». И в том же абзаце: «После этого был приглашён к народному комиссару обороны маршалу С. К. Тимошенко. Он тепло и сердечно принял меня».

Видимо, именно тогда и состоялся тот откровенный разговор, во время которого Тимошенко принёс извинения и попросил «забыть о трёх годах заключения как о досадном недоразумении».

Рокоссовскому оказалось этого достаточно. И он действительно забыл. О тюрьме ни слова в мемуарах. И не вскипел злорадством, как это произошло со многими, когда «умер тиран» и начались пляски на его гробу и дёрганье мёртвого льва за усы.

Некоторое время командовал своим 5-м кавкорпусом. Корпус вскоре перебросили на Украину. Формировалась новая группировка войск для Прутского похода. Бросок в Румынию с целью присоединения к СССР областей Бессарабии и Северной Буковины начался в конце июня и завершился в несколько дней триумфальным успехом при самых минимальных потерях.

Операцией руководил командующий войсками Киевского особого военного округа, только что преобразованного в Южный фронт, генерал армии Г. К. Жуков. 5-й кавкорпус наступал на левом фланге немного южнее Кишинёва. До серьёзных боестолкновений с войсками Румынской королевской армии дело не дошло. Марш Красной армии к берегам Прута прошёл быстро и бескровно.

О своей миссии в дни проведения операции Рокоссовский написал так: «Я был включён в группу генералов, работавших под руководством

командующего войсками округа. Мы всё время проводили в частях. Поручения генерала Жукова были интересны и позволили мне уяснить сильные и слабые стороны наших войск. Но недолго нам пришлось вместе с ним работать на Украине: Георгий Константинович Жуков уехал в Москву на должность начальника Генерального штаба, а я, вернувшись из Бессарабии, вступил в командование корпусом».

В Бессарабии он был уже генералом. Звание «генерал-майор» Рокоссовскому присвоили 4 июня 1940 года. Постановлением Совета народных комиссаров для высшего комсостава РККА вводились новые воинские звания. Старые упразднялись. Аттестован он был из комдива в генерал-майора. На ранг ниже. Возможно, это ранило, но одновременно и подстёгивало как можно скорее наверстать упущенное.

В это предгрозовое время по инициативе нового начальника Генштаба генерала армии Г. К. Жукова в Красной армии вновь начали формировать танковые и механизированные корпуса. «Радостно было сознавать, — впоследствии писал Рокоссовский, размышляя о предвоенном, — что, наконец, восторжествовали правильные взгляды и снова у нас организуются столь необходимые для обороны и победы в современной войне крупные танковые и механизированные соединения. В разгар этих организационных мероприятий дошла очередь и до меня».

Его назначили на 9-й механизированный корпус. По всей вероятности, не без влияния Жукова. Механизированные корпуса были детищем Жукова, и он был заинтересован в том, чтобы во главе этих новых тактических единиц стояли надёжные, грамотные и энергичные командиры с опытом успешных боёв.

«Девятый мехкорпус, — вспоминал маршал, — состоял из трёх дивизий. Это были 131-я моторизованная дивизия под командованием полковника Н. В. Калинина, 35-я танковая дивизия полковника Н. А. Новикова и 20-я танковая дивизия, командиром которой был полковник М. Е. Катуков».

Командиры дивизий ему достались хорошие, все имели академическое образование, прошли через различные курсы. Даже он, командир корпуса, такой богатой теоретической подготовки не имел. Двое из них станут прекрасными танковыми командирами. Генерал Новиков будет командовать бронетанковыми и механизированными войсками 1-го Украинского фронта, а генерал Катуков - 1-й гвардейской танковой армией 1-го Белорусского фронта.

Материальной же частью корпус обеспечить по положенным штатам не успели.

В черновиках рукописи книги «Солдатский долг» читаем: «К началу войны наш корпус был укомплектован людским составом почти полностью, но не обеспечен основной материальной частью: танками и мототранспортом. Обеспеченность этой техникой не превышала 30 процентов положенного по штату количества. Техника была изношена и для длительных действий непригодна. Проще говоря, корпус как механизированное соединение для боевых действий при таком состоянии был небоеспособным. Об этом не могли не знать как штаб КОВО, так и Генеральный штаб».

Здесь достаточно определённо прочитывается упрёк в адрес генералов Кирпоноса и Жукова. Охотники подёргать за полы маршальскую шинель Жукова очень любят это место в мемуарах Рокоссовского, поскольку считают, отчасти небезосновательно, его главным экспертом Великой Отечественной войны. Мол, Жуков, такой-сякой, раздул мехкорпуса, протащил через кремлёвские кабинеты непосильный для страны и армии проект, в итоге и мехкорпуса (полноценные) не создал, и общевойсковые армии истощил и оставил без броневого прикрытия и усиления... Рокоссовский размышлял о неудачах первых дней войны прежде всего как командир мехкорпуса, которому по разным причинам не удалось встретить противника во всеоружии, к тому же уж больно хороший случай подвернулся попенять своему давнему сопернику и боевому товарищу — Жукову. Любой мемуар следует рассматривать через призму характера их автора, его судьбы и взаимоотношений с теми, о ком он рассказывает.

В черновиках «Солдатского долга» остались и размышления о причинах неудач первых летних боёв, в том числе, конечно же, и 9-го мехкорпуса.

Сражался корпус хорошо, но задачу свою всё же не выполнил. Противник оказался сильнее.

Уже в мае, когда в приграничных районах участились полёты немецких самолётов-разведчиков над расположением советских войск и объектов их инфраструктуры, стало ясно: так ведёт себя изготовившийся неприятель и рано или поздно он нападёт.

Всё в тех же черновиках^[15] Рокоссовский рассказывает о случае, который как нельзя лучше характеризует и напряжение, и беспечность, царившие тогда в войсках: «В районе Ровно произвёл вынужденную посадку немецкий самолёт, который был задержан располагавшимися вблизи нашими солдатами. В самолёте оказались четыре немецких офицера в кожаных пальто (без воинских знаков). Самолёт был оборудован новейшей фотоаппаратурой, уничтожить которую немцам не удалось (не

успели). На плёнках были засняты мосты и железнодорожные узлы на киевском направлении.

Обо всём этом было сообщено в Москву. Каким же было наше удивление, когда мы узнали, что распоряжением, последовавшим из Наркомата обороны, самолёт с этим экипажем приказано было немедленно отпустить в сопровождении (до границы) двух наших истребителей. Вот так реагировал центр на явно враждебные действия немцев».

В черновиках Рокоссовский сетует на многие упущения, недостатки и недоработки в боевой работе войск, сосредоточенных в приграничной полосе. Очень скоро эта беспечность, расхлябанность и непрофессионализм Красная армия оплатит сполна — гибелью полков и дивизий, исчезновением (кто убит, кто ранен, а кто попал в плен) целых корпусов и даже армий.

Об атмосфере кануна войны здесь, пожалуй, ничего более пространного рассказывать не стоит. Наш герой не был посвящён в тайны большой политики и планы Генштаба. Он был солдат в приграничном военном округе. Правда, в генеральском чине, и имел под рукой целый мехкорпус.

О том, как началась война и как дивизии 9-го механизированного корпуса вступили в бои, Рокоссовский в своих мемуарах рассказал довольно кратко: «21 июня я проводил разбор командно-штабного ночного корпусного учения. Закончив дела, пригласил командиров дивизий в выходной на рассвете отправиться на рыбалку. Но вечером кому-то из нашего штаба сообщили по линии погранвойск, что на заставу перебежал ефрейтор немецкой армии, по национальности поляк, из Познани, и утверждает: 22 июня немцы нападут на Советский Союз».

Судя по тому, что командир корпуса, дислоцированного в непосредственной близости к границе, на рассвете 22 июня — выходной день! — планировал коллективный выход на рыбалку со своими командирами дивизий, штаб округа свои войска держал в полном неведении. Правдивая информация, подтверждающая, что немцы вот-вот атакуют, можно предположить, циркулировала между штабами армий, командирами корпусов и дивизий, но — на уровне личных опасений и предположений.

По всей вероятности, и о немецком перебежчике Рокоссовский узнал из Особого отдела штаба корпуса. А поскольку начальники особых отделов от полка и выше в это время подчинялись непосредственно командирам подразделений и соединений, Рокоссовский о перебежчике узнал сразу. Но посмотрите, как действует он дальше. Никаких директив сверху. Все

дальнейшие действия — по обстановке и на своё усмотрение.

«Выезд на рыбалку я решил отменить. Позвонил по телефону командирам дивизий, поделился с ними полученным с границы сообщением. Поговорили мы и у себя в штабе корпуса. Решили всё держать наготове...»

«Решил», «позвонил», «поделился», «поговорили», «решили»... И всё это замкнуто в пределах корпуса. Почему? Да потому, что поднимать панику, например звонком в штаб округа, было попросту опасно. Давно и неоднократно их предупреждали: не поддаваться на провокации, не открывать ответного огня, не давать повода и т. п.

Буквально накануне во время поездки в войска Рокоссовский встретился со своим боевым товарищем по КВЖД Иваном Ивановичем Федюнинским^[16]. Герой Советского Союза полковник Федюнинский командовал 15-м стрелковым корпусом, занимавшим позиции севернее 9-го мехкорпуса в районе Брест — Ковель. Оба были рады встрече и тому, что их корпуса оказались в одной армии, 5-й общевойсковой, и что в предстоящей битве стоять будут рядом. В том же, что гром грянет вот-вот, ни тот ни другой нисколько не сомневались.

Покончили с делами, и Федюнинский, чтобы хоть как-то отметить встречу, пригласил Рокоссовского к себе в гости с ночёвкой. Выпили, разговорились. Говорили о Даурии и боях на КВЖД. О семьях. О тюрьме Рокоссовский молчал. Федюнинский из деликатности его не расспрашивал. Наконец заговорили о насущном. Это беспокоило больше.

Из воспоминаний маршала: «Разговор всё о том же: много беспечности. Из штаба округа, например, последовало распоряжение, целесообразность которого трудно было объяснить в той тревожной обстановке. Войскам было приказано выслать артиллерию на полигоны, находящиеся в приграничной зоне. Нашему корпусу удалось отстоять свою артиллерию. Доказали, что можем отработать все упражнения у себя на месте. И это выручило нас в будущем. Договорились с И. И. Федюнинским о взаимодействии наших соединений, ещё раз прикинули, что предпринять, дабы не быть захваченными врасплох, когда придётся идти в бой».

В ночь на 22 июня Рокоссовский не спал. Решил заночевать прямо в штабе. Много курил. Часто выходил на улицу, прислушивался к рассветной тишине. В четвёртом часу телетайп начал отстукивать сообщение из штаба 5-й армии. Он торопил взглядом ползущую ленту, которая извещала: срочно вскрыть особый секретный оперативный пакет. Телефонограмму подписал заместитель начальника оперативного отдела штаба армии.

Вскрыть оперативный пакет Рокоссовский мог только по

распоряжению либо председателя Совнаркома СССР, либо наркома обороны. Он тут же, не медля ни минуты, распорядился: уточнить по телеграфу достоверность депеши — в штабе округа, армии и Наркомате обороны. А уже через несколько минут проводил оперативное совещание с начальником штаба, заместителем по политчасти и начальником особого отдела. Пока решали, что делать, как поступить, дежурный офицер доложил: связь нарушена, ни Луцк, ни Киев, ни Москва не отвечают.

Офицеры штаба переглянулись. Подтверждение о подлинности приказа не получено и в ближайшие часы получено быть не может. Что делать? После короткой паузы Рокоссовский сказал:

— Что ж, беру ответственность на себя.

Самовольное вскрытие так называемого Красного пакета грозило самым грозным пунктом 58-й статьи — расстрелом.

Директива Красного пакета предписывала дивизиям 9-го мехкорпуса в полной боевой готовности форсированным маршем двигаться в направлении Ровно — Луцк — Ковель.

Вот оно, началось, снова и снова перечитывая текст оперативного пакета, думал Рокоссовский. В висках стучало — как перед рубкой. Он снова почувствовал себя в седле: Орлик нетерпеливо перебирал передними ногами и послушно ждал команды — рука легла на рукоять казацкой шашки — рука была тверда...

В сущности, так оно и случилось. Рубка впереди предстояла страшная и чудовищно затяжная — на все четыре года.

Ровно в четыре часа утра корпус был поднят по тревоге.

Командиры дивизий прибыли на КП командира корпуса для получения предварительных распоряжений. Пока войска стягивались в исходные районы, «штаб корпуса готовил общий приказ».

Нам порой трудно понять то поколение. Что ими двигало? Что вдохновляло и умножало их силы? О чём думали они в самый трудный час? Если бы наш герой в тот рассветный час думал о себе, если бы воспоминания о тюремном молотке по пальцам ног затмили страхом его сознание, то пакет он попросту не вскрыл бы. Ответственности на себя не взял и ждал подтверждения. Они умели брать всё на себя, действовать и отвечать головой за свои действия и поступки.

Из воспоминаний маршала: «Вся подготовка шла в быстром темпе, но спокойно и планомерно. Каждый знал своё место и точно выполнял своё дело.

Затруднения были только с материальным обеспечением. Ничтожное число автомашин. Недостаток горючего. Ограниченное количество

боеприпасов. Ждать, пока сверху укажут, что и где получить, было некогда. Неподаляку находились центральные склады с боеприпасами и гарнизонный парк автомобилей. Приказал склады вскрыть. Соппротивление интендантов пришлось преодолевать соответствующим внушением и расписками. Кажется, никогда не писал столько расписок, как в тот день».

Какой смысл вкладывал автор в слова о «соответствующем внушении», можно только догадываться. К примеру, во время летних боёв северо-восточнее, в районе Витебска, командующий 19-й армией генерал-лейтенант Иван Степанович Конев танкистам одной из бегущих частей «внушал» повернуть назад пистолетом, направленным в люк механика-водителя, по сути дела, в лоб танкиста. Мягкость Рокоссовского тоже мгновенно исчезала, когда обстоятельства заставляли был жёстким и непреклонным. Но будем считать, что тогда, 22 июня в районе Новоград-Волынского, где находились армейские артиллерийские склады, всё обошлось по-бухгалтерски интеллигентно — расписками.

Приблизительно к десяти часам утра начальник штаба генерал Маслов^[17] наконец дозвонился до Луцка. Связь действовала недолго, всего несколько минут, и снова прервалась. Из штаба армии успели сообщить, что Луцк только что повторно подвергся бомбовому удару немецкой авиации, что связь постоянно рвётся и что положение на фронте, к сожалению, неизвестно. Примерно такие же сведения были получены и из короткого разговора с Киевом.

Ближе к полудню немецкие самолёты появились и над Новоград-Волынским. Около двадцати бомбардировщиков шли на большой высоте. Забухали зенитки. Чёрные облачка взрывов заградительного огня покрыли небо. Бомбардировщики прошли дальше, даже не нарушив строя.

Появление немецких самолётов лишь утвердило Рокоссовского в мысли, что штаб корпуса, повинуясь его, командира, приказам и распоряжениям, действует правильно.

Спустя годы он снова и снова будет прокручивать плёнку своей памяти, внимательно вглядываться в детали того, что она запечатлела, строго переоценивая всё, что успел тогда сделать и чего не успел.

Из воспоминаний: «...Я всё внимание сосредоточил на подготовке войск. Горючее, боеприпасы, обеспечение порядка в самом городе, охрана воинского имущества, остающегося после ухода войск, забота о семьях комсостава — всё нужно было успеть сделать в считанные часы. И вместе с тем я уже думал о боях. За долгие годы службы я хорошо узнал, что такое война, и поэтому меня больше всего беспокоило, как встретит свой первый бой наш необстрелянный солдат».

Особенно беспокоила Рокоссовского управляемость подразделений. Как справятся командиры со своими обязанностями, как проведут марш и как потом вступят в бой? Перед тем как выступить, он отдал приказ: всем командирам иметь на гимнастёрках петлицы и нашивки повседневной формы; бойцам — зелёные полевые петлицы. Чтобы солдаты видели своих командиров и равнялись на них.

В 14 часов «корпус выступил по трём маршрутам в общем направлении Новоград-Волынский, Ровно, Луцк». В качестве боевого авангарда, оторвавшись от основных сил, по автострате на Самострелы и Ровно сплошной колонной выдвинулась 131-я моторизованная дивизия полковника Калинина. Остальные части двигались в основном пешим ходом и догнали 131-ю дивизию лишь к утру 23 июня в лесах западнее Корца и восточнее Славуты, где танкисты и мотопехота остановились на днёвку. Вечером снялись и продолжили марш.

На следующий день полковник Калинин своими полками закрыл образовавшуюся в обороне ЮгоЗападного фронта 15-километровую брешь от Рожища до Островца восточнее Луцка. Оборона 131-й мотодивизии тянулась по правому берегу реки Стирь.

В тот же день корпус вступил в бой.

Глава двенадцатая

ПЕРВЫЕ БОИ

Немцы накатывались большой ромбовидной группой. Впереди мотоциклисты, за ними бронемашины и танки...

К. К. Рокоссовский

Когда читаешь книгу «Солдатский долг», те её главы, в которых маршал рассказывает о том, как его 9-й механизированный корпус вступил в первые бои, вдруг ловишь себя на мысли: автор ни словом не жалуется на неудачи приграничного сражения. Ни разу не употребляет слов «катастрофа», «разгром» и даже нейтрального — «поражение».

«Ни огромное превосходство противника в танках, — читаем мы в «Солдатском долге», — ни широкое использование им авиации, которая беспрепятственно бомбила наши боевые порядки, особенно там, где враг наносил удар, не сломили упорство корпуса. Гитлеровцы не смогли разгромить нас. Им удалось лишь потеснить наши войска, да и то ценой огромных потерь.

Сочетая усилия пехоты, артиллерии и незначительного количества танков, комбинируя их действия, мы стремились нанести противнику как можно больший урон. И это нам удавалось на протяжении всех боёв под Луцком и под Новоград-Волынским. За отличия в этих боях все командиры дивизий 9-го мехкорпуса, многие командиры полков и другие командиры и политработники были отмечены правительственными наградами. Получил орден и наш неутомимый начальник штаба. Я был также награждён четвёртым орденом Красного Знамени».

Замечу: из шести орденов Красного Знамени пять Рокоссовский получил за боевые заслуги в период военных действий с 1920 по 1944 год и только один, шестой, — в 1947 году, когда служил в Польше. Офицерам и генералам этот орден очень часто давали и в мирное время — за выслугу. У него — пять боевых. В народе орден Красного Знамени часто называют иначе — Боевого Красного Знамени, что наполняет награду более суровым, глубоким и правильным содержанием. Потому что раньше, во всяком

случае до 1945 года, этот боевой орден за выслугу не давали.

Раз уж зашла речь о наградах, стоит рассказать об одной истории, произошедшей северо-восточнее Луцка на КП 9-го мехкорпуса 25 июня, в самый пик боёв, когда корпуса пытались контратаковать противника с целью погасить удар его танковых клиньев и восстановить линию фронта.

Вечером, когда ещё не угас бой и из дивизий поступали то тревожные, то обнадеживающие донесения, на командный пункт 9-го мехкорпуса пришёл командир 19-й танковой дивизии соседнего 22-го механизированного корпуса генерал-майор Семенченко^[18]. Вид у него был растерзанный, рука забинтована, на перевязи. В глазах кромешный ужас побитого и загнанного. Оставив за дверью своего офицера связи и бойца с автоматом, которые тоже выглядели не лучше, он начал рассказывать, как дивизия атаковала и что из этого вышло.

22-й механизированный корпус генерал-майора Семёна Михайловича Кондрусева действовал севернее Луцка и правее порядков корпуса Рокоссовского. В бой он вступил 24 июня севернее шоссе Владимир-Волынский — Луцк с рубежа Войница. Бой принял характер встречного танкового сражения. Атаку лёгких танков Т-26 (45 единиц) и бронемашин (12 единиц) возглавил командир 37-го танкового полка 19-й танковой дивизии подполковник Болеслав Геронимович Бибик. Бой длился около трёх часов и постепенно перерос в ожесточённое танковое сражение. Пехота отступила. Противник потерял в этой схватке два тяжёлых и восемь средних танков. Постепенно в сражение втянулись другие подразделения корпуса. Выжившие называли то место «полем смерти под Войницей». Среди погибших оказались: командир корпуса генерал Кондрусев, командир 38-й танковой дивизии подполковник Самсонов, командир 19-й мотострелковой дивизии подполковник Соколкин (тяжело ранен и скончался в госпитале). Подполковник Бибик попал в плен.

Когда генерал Семенченко вышел к позициям 9-го мехкорпуса, точных данных о потерях корпуса и своей дивизии он не знал. Поле боя осталось за противником. Сам он с горсткой бойцов кое-как выбрался из окружения. Рокоссовскому доложил, что погибли все.

Рокоссовский в эти дни постоянно был на командном пункте, время от времени отлучался на передовую, чтобы лично убедиться в правдивости донесений и понять, что происходит в войсках и по ту сторону фронта. Допрашивал пленных. Наблюдал и бегущих, в том числе из соседних корпусов. В черновиках воспоминаний есть яркий фрагмент, когда маршал рассказывает об увиденном в один из первых дней войны: «Прихватив с собой батарею 85-мм пушек, предназначавшуюся для противотанковой

обороны, двинулись вперёд к месту предполагаемого КП. Дорога пролегла через огромный массив буйно разросшихся хлебов, достигавших высотой роста человека. И вот мы стали замечать, как то в одном, то в другом месте, в гуще хлебов, появлялись в одиночку, а иногда и группами странно одетые люди, которые при виде нас быстро скрывались. Одни из них были в белье, другие — в нательных рубашках и брюках военного образца или в сильно поношенной крестьянской одежде и рваных соломенных шляпах. Эти люди, естественно, не могли не вызвать подозрения, а потому, приостановив движение штаба, я приказал выловить скрывавшихся и разузнать, кто они. Оказалось, что это были первые так называемые выходцы из окружения, принадлежавшие к различным воинским частям. Среди выловленных, а их набралось порядочное количество, обнаружилось два красноармейца из взвода, посланного для оборудования нашего КП».

Когда на его КП пришёл растерзанный и растерянный генерал, в какой-то момент он принял его за такого же, бегущего.

«Он сообщил, что его дивизия полностью разбита, — вспоминал маршал. — Ему же удалось вырваться, но, отстреливаясь из револьвера, он был настигнут немецким танком. Сумел увернуться, упал, при этом его рука попала под гусеницу танка.

Вскоре здесь оказался и один из комиссаров полка этого же корпуса, сообщивший о гибели генерала Кондрусева и о том, что их корпус разбит. Упаднический тон и растерянность командира и комиссара полка вынудили меня довольно внушительно посоветовать им немедленно прекратить разглагольствования о гибели корпуса, приступить к розыску своих частей и присоединиться к ним».

Он умел быть и резким. Не терпел трусости и малодушия. Знал, что из-за таких, потерявших самообладание, гибнут лучшие солдаты и командиры. Трусы открывают фланги и тылы, и в таких обстоятельствах даже храброму устоять и удержать позиции бывает трудно.

Другой эпизод встречи с командиром высокого ранга Рокоссовский описал в своих мемуарах настолько ярко, что пересказывать его не стоит, а лучше привести целиком.

Однажды во время переездов от одного штаба дивизии к другому Рокоссовский со своими командирами наткнулся на группу «окруженцев». И вот что он вспоминает дальше: «...Накануне в районе той же Клевани мы собрали много горе-воинов, среди которых оказалось немало и офицеров. Большинство этих людей не имели оружия. К нашему стыду, все они, в том числе и офицеры, спорили знаки отличия. В одной из таких групп моё внимание привлёк сидящий под сосной пожилой человек, не похожий на

солдата. С ним рядом сидела молоденькая санитарка. Обратившись к сидящим, а было их не менее сотни человек, я приказал офицерам подойти ко мне. Никто не двинулся. Повысив голос, я повторил приказ во второй, третий раз. Снова в ответ молчание и неподвижность. Тогда, подойдя к пожилому «окруженцу», велел ему встать. Затем, назвав командиром, спросил, в каком он звании. Слово «полковник» он выдавил из себя настолько равнодушно и вместе с тем с таким наглым вызовом, что его вид и тон буквально взорвали меня. Выхватив пистолет, я был готов пристрелить его тут же, на месте. Апатия и бравада вмиг схлынули с полковника. Поняв, чем это может кончиться, он упал на колени и стал просить пощады, клянясь в том, что искупит свой позор кровью. Конечно, сцена не из приятных, но так уж вышло.

Полковнику было поручено к утру собрать всех ему подобных, сформировать из них команду и доложить лично мне утром 26 июня. Приказание было выполнено. В собранной команде оказалось свыше 500 человек. Все они были использованы для пополнения убыли в моторизованных частях корпуса».

Генерал, комиссар и командиры 19-й танковой дивизии ушли. А из 20-й танковой дивизии сообщили: по шоссе из Дубно на Ровно движется колонна танков, автомашин и артиллерии противника. Из штаба корпуса передали приказ: контратаковать колонну на марше.

Рокоссовский выполнил приказ. Но — по-своему. Он прекрасно понимал, что атаковать такую махину лёгкими танками и бронемашинами — значит повторить атаку 22-го корпуса под Бойницей.

Из мемуаров: «Всё, что мог сделать командир корпуса, располагая очень небольшим количеством танков, — это опереться на артиллерию. Так я и поступил. Не могу отказать себе в удовольствии вспомнить один яркий момент этих до невозможности трудных боёв.

Был опять получен приказ о контрударе. Однако противник настолько превосходил нас, что я взял на себя ответственность не наносить контрудар, а встретить врага в обороне. («И будет пусть у вас заветом: пять — против тридцати!» — С. М.) В тех лесистых, болотистых местах немцы продвигались только по большим дорогам. Прикрыв дивизией Новикова избранный нами рубеж на шоссе Луцк — Ровно, мы перебросили сюда с левого фланга 20-ю танковую с её арtpолком, вооружённым новыми, 85-миллиметровыми орудиями. Начальник штаба организовал, а Черняев быстро и энергично осуществил манёвр.

Орудия поставили в кюветах, у шоссе, а часть — прямо на дороге.

Немцы накатывались большой ромбовидной группой. Впереди мотоциклисты, за ними бронемашины и танки.

Мы видели с НИП, как шли на 20-ю танковую внушительные силы врага. И увидели, что с ними стало. Артиллеристы подпустили фашистов поближе и открыли огонь. На шоссе образовалась чудовищная пробка из обломков мотоциклов и бронемашин, трупов гитлеровцев. Но наступавшие вражеские войска продолжали по инерции двигаться вперёд, и наши орудия получали всё новые цели».

Прерывая рассказ маршала, должен уточнить: в те дни 20-й танковой дивизией командовал полковник Василий Михайлович Черняев. Дело в том, что командир дивизии полковник Михаил Ефимович Катукوف заболел и его заменил заместитель по строевой части, оказавшийся грамотным, храбрым и надёжным командиром. Военная судьба его будет короткой. В одном из тяжелейших боёв на подступах к Киеву он получил тяжёлое ранение и вскоре умер в тыловом госпитале.

«Враг понёс большие потери и был отброшен. Полковник Новиков, используя удачу Черняева, двинулся вперёд и сумел занять нужные нам высоты.

Н. В. Калинин прислал в штаб корпуса важные показания пленного немецкого полковника, который на допросе сказал:

— Артиллерия ваша превосходна, да и дух русского солдата на высоте...»

Стараясь держать удар танковых и мотопехотных частей противника, Рокоссовский не упускал из внимания происходящее на флангах. Вскоре стало понятно, что главные силы немецкой группировки атаковали южнее. И годы спустя, размышляя о тех роковых летних днях начала войны, он признается: «Описывая военные события в районе Луцка и гордясь мужеством и умелыми действиями вверенных мне войск, я всё же откровенно скажу: трудно представить, как бы мы выглядели, окажись под воздействием вражеских сил на направлении главного удара».

Что ж, на направлении главного удара противника он ещё окажется. И очень скоро. И не раз.

Вскоре под давлением непрерывно атакующего врага «5-я армия начала отход на рубеж старых укрепрайонов». Корпус Рокоссовского отошёл к Новоград-Волынскому, отбил атаку и, оседлав дорогу на Житомир, закрепился по восточному берегу реки Случь. К счастью, на новые позиции удалось вывезти часть артиллерии. Орудия установили на танкоопасных участках. Танки почти все были потеряны. Часть в бою, часть во время марша. Это были лёгкие Т-26 и БТ. Слабая огневая мощь и

ненадёжная броня делали их легко уязвимыми даже для немецких средних танков.

Корпус продолжал драться, принуждая противника оплачивать кровью своих солдат, разбитой и сожжённой техникой каждый километр захватываемой им земли, каждую позицию рокоссовцев.

Не такими представлялись и солдатам, и командирам бои с немецким вермахтом. Огромные потери первых дней обескураживали, подавляли. Рокоссовский вспоминает приказы, которые в те дни поступали из штабов армии и фронта, и отмечает их опасное несоответствие положению, сложившемуся к тому времени на фронте. Описывает растерянного, упустившего главные нити сражения командующего войсками ЮгоЗападного фронта генерала Кирпоноса^[19]: «Он был заметно подавлен, хотя и старался сохранить внешнее спокойствие. Я считал своим долгом информировать командующего о том, какова обстановка в полосе 5-й армии. Он слушал рассеянно. Мне пришлось несколько раз прерывать доклад, когда генерал по телефону отдавал штабу распоряжения. Речь шла о «решительных контрударах» силами то одной, то двух дивизий. Я заметил, что он не спрашивал при этом, могут ли эти дивизии контратаковать. Создавалось впечатление, что командующий не хочет взглянуть в лицо фактам.

А немцы раскалывали войска ЮгоЗападного фронта в центре, стремительно продвигаясь к Киеву. Появилась угроза окружения 6, 26 и 12-й армий.

Пятнадцатого июля я покинул Киев, получив предварительно сведения, что на Западном фронте тоже неблагоприятно — немцы подходят к Смоленску».

В черновиках дана более резкая характеристика командующего фронтом генерала Кирпоноса: «...несколько раз по телефону отдавал распоряжения штабу о передаче приказаний кому-то о решительных контрударах. Но всё это звучало неуверенно, суетливо, необстоятельно. Приказывая бросать в бой то одну, то две дивизии, командующий даже не поинтересовался, могут ли названные соединения контратаковать, не объяснял конкретной цели их использования. Создавалось впечатление, что он или не знает обстановки, или не хочет её знать».

Черновые варианты, на мой взгляд, написаны гораздо интереснее и в литературном отношении, и с точки зрения информационной и исторической наполненности.

Психологический рисунок растерянного генерала Кирпоноса дан весьма точный. Груз командующего войсками фронта оказался Кирпоносу

не по плечу. Генерал погубит и подчинённые ему армии, и свой штаб, и себя.

В тех же записях, которые не были допущены к печати в 1968 году, даны оценки и Генеральному штабу, и командованию Киевского особого военного округа (ЮгоЗападного фронта). Сравнивая действия наших армий в двух войнах, Рокоссовский склоняется к тому, что план развёртывания войск во время Первой мировой войны был гораздо более совершенным. Размышляя о рубеже развёртывания, маршал приходит к выводу, что идеальным рубежом мог бы быть рубеж «Линии Сталина», то есть в полосе старых укрепрайонов — вдоль границы.

Рокоссовский за время пребывания корпуса в районе Новоград-Волынского хорошо изучил так называемый 7-й укрепрайон — Новоград-Волынский участок «Линии Сталина». Он связывал Кростеньский и Летичевский укрепрайоны, образуя единую линию ходов сообщения, артиллерийских и пулемётных дотов, отдалённых от границы на 60–80 километров. Строительство линии было завершено как раз в тот год, когда Рокоссовского загнали в «Кресты», в переполненную камеру. В 1939-м в результате Польского похода Красной армии, а затем, годом позже, такого же марша войск в Бессарабию и Северную Буковину граница отодвинулась на запад и укрепрайоны были войсками оставлены. Начали строить новую линию, западнее, на новых рубежах. А эта, брошенная, стала разрушаться, приходила в негодность.

Немецкие войска, обладая высокой мобильностью, первоклассным вооружением и почти трёхлетним опытом ведения военных действий на чужой территории, в один удар перескочили пограничный укрепрайон и устремились вглубь советской территории.

Если бы командование развернуло механизированные корпуса здесь, в глубине, этой силой можно было бы маневрировать более грозно. Даже недостаток танков и уязвимость тех, которые имелись, можно было компенсировать за счёт ударной силы артиллерии. А танки окопать у дорог и на ключевых направлениях. Спустя годы так будет думать не только Рокоссовский.

Но первый акт драмы был уже сыгран. Кроваво. Порой бездарно. Порой героически. Как смогли.

Генерал Павел Иванович Батов^[20], вспоминая те дни и бои, писал: «В июне 1941 года генерал-майор К. К. Рокоссовский командовал Девятым механизированным корпусом. С ним и начал войну. Совершив трудный 200-километ-ровый марш, части корпуса вместе с другими соединениями Красной армии много дней и ночей вели упорные бои на Луцком и

Новоград-Волынском направлениях. Удары врага были настойчивы и сильны. Советские воины противопоставили им умелую оборону, дерзкие контратаки и смелый манёвр. Большую роль сыграло то, что Рокоссовский приказал укрыть в окопы танки и артиллерию. Длительное время враг вынужден был на этом направлении, по существу, топтаться на месте».

О жене и дочери Рокоссовский пока не знал ничего. Где они? Что с ними?

Константин Вильевич Рокоссовский в одном из интервью [\[21\]](#) рассказывал: «Штаб корпуса, которым командовал Рокоссовский, располагался в небольшом приграничном городке. 22 июня мама встала очень рано и побежала к Дому культуры, откуда должна была отправляться машина с участниками самодеятельности. Они собирались давать концерт в одной из частей. На полдороге мама встретила деда, который быстро шёл к дому. Он велел ей немедленно возвращаться домой, сказал: «Война, дочура». Через несколько минут он уехал в дивизию, и до самой осени они не знали, где он и что с ним. Адъютант деда посадил маму с бабушкой в Киеве на поезд, который должен был везти их в Москву к родственникам. Но на подъезде к столице поезд повернули и всех пассажиров направили в эвакуацию в Казахстан. Оттуда они решили уехать к бабушкиному брату в Новосибирск. К тому моменту, когда дедушкино письмо нашло их, они жили в очень стеснённых условиях — бабушка с мамой, сёстры и брат бабушки, их дети — все в одной комнате. Когда наконец стало известно, что бабушка — жена того самого Рокоссовского, громившего немцев под Москвой, им выделили небольшую квартиру. Однако при первой же возможности семья переехала в столицу, где была надежда хоть изредка видеть деда. За заслуги во время обороны Москвы горисполком выделил нашей семье квартиру на улице Горького, и, когда дед был тяжело ранен в 1942 году, мама с бабушкой приехали ухаживать за ним. Деда ранило осколком в спину, он лечился в московском госпитале при Тимирязевской академии. Как только смог вставать, сразу перебрался из госпиталя домой и ждал, когда врачи разрешат ему вернуться на фронт. Все попытки врачей извлечь осколок оказались напрасными, но, несмотря на мучительные боли, дед шутил с мамой, пел бабушке их любимые русские и польские песни. В семье знали, что дед должен ехать под Сталинград, и взяли с него обещание регулярно писать подробные письма. Обещание он выполнял — писал так часто, как мог. Вообще в нём очень сильно было развито чувство семьи. Как бы ни складывалась обстановка, он всегда находил возможность известить о себе. Даже прилетая на два часа по вызову Ставки, он по

дороге в аэропорт хоть на пять минут заезжал домой, умудрялся всё время присылать с фронта какие-то продуктовые посылочки».

Многое из этого рассказа произойдёт через год, через два.

А в те дни Рокоссовский, не зная адреса, но сильно тоскуя по семье, писал почти в никуда:

«Дорогая Lulu и милая Адуся!

Как мне установить с вами связь — не знаю.

Я здоров, бодр и никакая сила меня не берёт. Я за вас беспокоюсь. Как вы там живёте? Забирайтесь куда-нибудь в маленький городишко подальше от больших городов, там будет спокойнее.

До свидания, мои милые, дорогие, незабвенные. Заботьтесь о себе и не беспокойтесь за меня излишне. Ещё увидимся и заживём счастливой жизнью.

Целую крепко-крепко, безгранично любящий вас Костя.

8 июля 1941-го».

В Новосибирске Юлия Петровна поселилась у брата. На работу устроилась в военкомат. В её служебные обязанности входило подыскивать замену уходящим на фронт. Из Сибири на запад один за другим уходили эшелоны с военными грузами и только что сформированными дивизиями. Сибиряки ехали защищать Смоленск, Москву, Тулу. Уходили на фронт от станков, из аудиторий и лабораторий. На их место должны были стать другие. Тыл в эти дни напрягал все силы, чтобы обеспечить воюющие армии всем необходимым.

Ариадна училась в школе. Старшеклассники грезил о войне — попасть на фронт и драться с врагом для того поколения было самой заветной мечтой. Мечтала о фронте и Ариадна.

Глава тринадцатая

ЯРЦЕВСКИЕ ВЫСОТЫ

КОМАНДАРМА-16

Наш план «захлопнуть калитку» на востоке от Смоленска посредством атаки 7-й танковой дивизии с северо-восточного направления потерпел неудачу по причине того, что эта дивизия сама неоднократно была атакована с восточного направления крупными силами русских при поддержке танков.

Фельдмаршал фон Бок. Из дневника. 1941 год

Судьба уносила его под Смоленск.

В дороге беспокоили мысли, которые уже сотни раз были думаны-передуманы: неудачный контрудар мехкорпусов... паника среди солдат и офицеров... глубокие прорывы немецких танковых колонн на узких участках... безнаказанность немецкой авиации в воздухе... растерянность штабов... невозможность противостоять противнику в масштабах фронта и даже отдельной армии... Почему?! Так ли уж сокрушительно силен противник? Да, силен. Но стоит только выставить против него хорошо организованную оборону и так же организованно контратаковать свежими силами, он ретируется, бросает на поле боя материальную часть и отводит войска.

Вспомнился капитан из 20-й танковой дивизии. Он лежал на обочине дороги, запруженной танками, которым через полчаса приказано было атаковать противника на переправе через небольшую речушку. Затылок его был снесён выстрелом в рот. Пистолет, забрызганный кровью, лежал рядом. По телу ползали мухи. Никто его не поднимал. Видимо, из чувства безразличия. Или страха. Подняли какую-то бумажку, зажатую в руке мертвеца. Передали ему, командиру корпуса. Развернул и сразу всё понял: «Преследующее меня чувство страха, что могу не устоять в бою, вынудило меня к самоубийству...»

Это после той записки он выхватывал пистолет в лесу, когда его охрана прихватила на полянке группу окруженцев с полковником, переодетым в

вышиванку и рваные холщовые порты. Что его тогда удержало от желания спустить курок?

Он прикрывал усталые веки, пытаясь задремать и не думать ни о том капитане на пыльной обочине дороги, ни об ухмылке полковника, в глазах которого в тот миг разглядел не только ужас и злобу, но и какую-то правду. И она, та сверкнувшая, как ночной трассер, правда, показалась ему сильнее собственной уверенности и собственной правды, которой жил он и которой принуждал жить весь корпус. Потому что корпусу нужно было выстоять, сохранить свои порядки, не рассыпаться по лесам и хуторам в поисках крестьянских вышиванок.

В эти дни и ночи он успокаивал себя только тем, что мысленно писал очередное письмо самым близким и родным его сердцу людям: «Дорогая Lulu и милая Адуся! Успокаиваю себя мыслью о том, что вы уже благополучно добрались до какого-нибудь тихого городка и устроились там...»

Москва, так же как и Киев, выглядела иной. Исчезла её летняя праздничная лёгкость, когда-то звеневшая радостными голосами, улицы словно расширились, их наполнила тревожная тишина, которую ему, прибывшему сюда с фронта, понять было трудно.

В Ставке ему предложили стакан горячего крепкого чая, а затем он тут же, без предисловий, получил назначение: на смоленском направлении «образовалась пустота в результате высадки противником крупного воздушного десанта под Ярцево»; задача вверенной ему подвижной группы — «прикрыть это направление и не допустить продвижения немцев в сторону Вязьмы».

Вязьма, Вязьма... Этот русский город на пути от Смоленска к Москве связал, стянул в 41-м многие узлы, да так туго, что развязать их не удалось ни в 42-м, ни позже.

Маршал Г. К. Жуков в своих мемуарах обстановку тех дней на центральном направлении характеризовал следующим образом: «И. В. Сталин не разрешил Совинформбюро до особого его распоряжения оповестить страну о сдаче Смоленска и потребовал вернуть город любой ценой. Это требование Верховного в сложившейся обстановке не могло быть выполнено, так как войска, дравшиеся под Смоленском, были окружены и вели бои в неравных условиях.

Вернуть Смоленск нам так и не удалось. О сдаче города было объявлено только тогда, когда нашим войскам удалось выйти из окружения и соединиться с главными силами фронта. Это было, если мне не изменяет память, в первой половине августа 1941 года.

Однако бои в районе Смоленска не только не затихли, наоборот — они разгорелись с новой силой. Ставка срочно создала новый фронт обороны, развернув его в тылу Западного фронта.

Еще в период боёв на подступах к Смоленску 14 июля был развернут новый Резервный фронт в составе 29, 30, 24, 28-й и 31-й армий под командованием генерал-лейтенанта И. А. Богданова; большинство этих войск было передано потом в состав Западного фронта.

Армии нового фронта развёртывались на рубеже Старая Русса — Осташков — Белый — Ельня — Брянск. С целью прикрытия Москвы на дальних подступах к ней 18 июля было принято новое решение — развернуть новый фронт на Можайской линии обороны, куда предполагалось включить формируемые 32, 33-ю и 34-ю армии.

В ходе битвы за Смоленск для ликвидации создавшегося опасного положения Ставка решила передать командующему Западным фронтом маршалу С. К. Тимошенко 20 стрелковых дивизий из армий Резервного фронта. Эти дивизии вошли в состав пяти армейских групп, которыми командовали генерал-майор К. К. Рокоссовский, генерал-майор В. А. Хоменко, генерал-лейтенант С. А. Калинин, генерал-лейтенант В. Я. Качалов, генерал-лейтенант И. И. Масленников.

Маршал С. К. Тимошенко по указанию Ставки поставил этим группам задачу — нанести контрудары из районов Белый — Ярцево — Рославль в общем направлении на Смоленск, ликвидировать прорвавшиеся войска противника и соединиться с основными силами войск фронта, упорно дравшимися в окружении в районе Смоленска.

Во второй половине июля бои в районе Смоленска и восточнее его приобрели крайне ожесточённый характер. На всём фронте враг наталкивался на активное противодействие частей Красной Армии.

23 июля начали наступление войска 28-й армейской группы из района Рославля, а 24 и 25 июля — из района Белый — Ярцево, обходя Смоленск с севера и юга, начали наступление войска 16-й и 20-й армий. Противник сразу же подтянул в район Смоленска дополнительные силы и пытался здесь разгромить окружённые войска 16-й и 20-й армий Западного фронта. Сражение носило крайне ожесточённый характер. При помощи войск группы К. К. Рокоссовского, в составе которой были и танковые части, большинству частей 16-й и 20-й армий удалось с боями вырваться из окружения южнее Ярцева и выйти на восточный берег Днепра, где они соединились с главными силами фронта и перешли к обороне».

В Москве из резерва Генштаба Рокоссовскому выделили «две автомашины со счетверёнными зенитными пулемётными установками и

расчётами при них, радиостанцию и небольшую группу командиров». С этим грозным «соединением», как иронично называл маршал свою полубатальную группу, в тот же день он прибыл в район Касни^[22] и, отыскав штаб Западного фронта, представился комфронта маршалу С. К. Тимошенко^[23].

Штаб свой маршал Тимошенко разместил с удобствами — в бывшем главном доме усадьбы князей Волконских. Но опасно — дом приметный. К тому же квартирьеры не позаботились об элементарной маскировке. Возле дома постоянно туча штабных и прочих машин. Все дороги протоптаны сюда. Даже тропинки вокруг главного дома, словно специально для того, чтобы лучше было видно сверху, были заботливо отсыпаны ярким речным песком с галькой... В начале октября немецкие бомбардировщики произведут массированный налёт и так раскатают усадьбу, что от построек останутся одни руины. Погибнут и будут ранены многие офицеры и штабные работники. Осколком авиабомбы будет убит заместитель командующего по укрепрайонам генерал-майор И. П. Михайлин.

Маршал Тимошенко встретил своего невольного крестника очень тепло. Представил членам Военного совета фронта Н. А. Булганину^[24] и начальнику политуправления Д. А. Лестеву^[25]. Тут же ввёл в курс последних событий, которые оказались более сложными, чем передавала московская сводка: 2-я и 3-я танковые группы противника, не дожидаясь отступающих основных сил 9-й и 2-й полевых армий, на некоторых участках прорвали нашу оборону; со всей очевидностью вырисовывалось стремление группы армий «Центр» расцезать в нескольких направлениях боевые порядки Западного фронта с последующим окружением и уничтожением главных сил именно здесь, в районе Смоленска, чтобы дальше, до Москвы, идти уже маршем, не встречая сколько-нибудь значительного сопротивления.

— В первом эшелоне дерутся две наши армии, — пояснил Тимошенко. — Двадцатая Курочкина и Девятнадцатая Конева. Особенно тяжело Курочкину. Его дивизии давно в боях, сильно потрепаны. Резервов нет. Отдал ему Пятый мехкорпус Алексеенко. Вот ты, Константин Константинович, сокрушаешься, что мехкорпуса пошли в бой разрозненно и по частям. А ведь и Пятый тут так же вводился. Передали его Курочкину из Шестнадцатой армии. Бросали в бой то дивизией, то полком, а то и батальоном. Что поделаешь, других резервов нет. Эшелон разгрузится и — в бой. Другой подойдёт и — в бой.

Генерал Конев^[26], как узнал из донесений в штаб фронта

Рокоссовский, «со своими соединениями по мере их выгрузки пытался овладеть Витебском, куда уже ворвался враг, но безуспешно». Сосредоточенного удара тоже не получалось. Некоторые эшелоны с его дивизиями железнодорожники и вовсе загнали на Валдай. Дошло до Верховного, тот устроил крупную разборку. Но время уже ушло.

Генерал Лукин со своей 16-й армией всё ещё держался в Смоленске. Тимошенко говорил о нём с уверенностью: мол, две дивизии 16-й, оставшейся без поддержки 5-го механизированного корпуса генерала И. П. Алексеенко^[27], прочно удерживают город.

— Лукин сидит в мешке и уходить из него не собирается. Горловину мешка контролирует отряд полковника Лизюкова. Он закрепился на Ратчино-Соловьёвской переправе и не даёт немцам отрезать Лукина. Через переправы идёт подвоз. Лизюков — надёжный командир, — сказал Тимошенко и посмотрел на Рокоссовского.

В этом взгляде маршала было многое. С полковником Лизюковым^[28] Рокоссовский сидел в «Крестах» в одно время и по одному делу. Их, «шпионов» и «фашистов», допрашивали одни и те же следователи, в том числе и мрачный «маэстро» «Крестов» и НКВД всей Ленинградской области комиссар госбезопасности 1-го ранга Заковский. В «Крестах» полковника Лизюкова продержали двадцать два месяца, из них — семнадцать в одиночной камере. И Лизюкова, и Рокоссовского на допросах назвал командарм 2-го ранга И. А. Халепский. Лизюков пыток не выдержал, начал давать «показания». Но мужества ему всё же хватило: никого не оговорил, а свою «вину» признал полностью. Чтобы прекратить издевательства следователей, подписал «добровольные признания»: «Собирался совершить террористический акт в отношении наркома Ворошилова и других руководителей ВКП(б) и советского правительства путём наезда танка на Мавзолей во время одного из парадов...» Его расчёт — наговорить на себя самую абсурдную нелепость — оправдался в буквальном смысле. 3 декабря 1939 года состоялось судебное заседание Военного трибунала Ленинградского военного округа — полковник Лизюков был оправдан. Его восстановили в прежнем звании и назначили преподавателем в Военную академию механизации и моторизации РККА им. И. В. Сталина.

Были ли знакомы они до ареста, неизвестно. Но то, что с момента встречи на Днепре летом 1941 года их взаимоотношения были хорошими, свидетельствуют положительные, а порой почти восторженные оценки и высказывания маршала о своём бывшем подчинённом.

Лизюкова оправдали в декабре 1939 года.

Первый суд над Рокоссовским состоялся в начале 1939-го. Вторым — осенью того же года. Почти год прошёл между первым и вторым судами. Второе заседание снова не признало за ним вины. Так почему бы сразу не отпустить? Как Лизюкова. Нет, он сидит в «Крестах» ещё полгода. Весной без всякого судебного заседания дело вдруг прекратили.

Где же на самом деле был он в это время? В тюрьме? В лагерях? Или, как утверждают некоторые биографы, его гоняли по этапам, чтобы измотать, сделать послушным, сломать? Такими вопросами задаются многие исследователи. И действительно, разгадки этой тайны пока нет. Архивы ФСБ молчат, надёжно скрывая от нас нашу историю.

Да и зачем, если подумать, возить обвиняемого куда-то в Москву, если дело мог рассмотреть Военный трибунал Ленинградского военного округа? Да и зачем годы спустя Хрущёву было уничтожать «дело Рокоссовского»? С Ленинградом и Ленинградским военным округом он был связан мало. Подчищались дела по Харьков и Украине. Загадка. Пока закрыты архивы, ответ на этот вопрос мы вряд ли найдём.

Из штаба фронта Рокоссовский уехал ночью.

Главное он услышал, когда уже прощались, когда пожали друг другу руки над развёрнутой картой, испещрённой красными и синими пометками.

— Подойдут регулярные подкрепления, дадим тебе две-три дивизии, — сказал маршал Тимошенко. — А пока подчиняй себе любые части и соединения и с ними организуй оборону на ярцевском рубеже.

Генерал Батов в частных разговорах передавал беседу Рокоссовского с Тимошенко несколько иначе. Когда генерал спросил, где его армейская группа и кем ему предстоит командовать, с кем закрывать ярцевский рубеж, маршал вывел его на шоссе, по которому сплошным потоком шли беженцы и солдаты разбитых частей. Порой в том потоке появлялась одинокая пушчонка, которую тащили понурые, давно не кормленные лошади, шли танкисты в чёрных комбинезонах — их танки остались брошенными за Днепром и Западной Двиной, а то вдруг появлялся, соблюдая строй, при всём вооружении, с пулемётами и патронными коробками стрелковый взвод или даже целая рота во главе с лейтенантами. «Вот твоё войско. Отдели от него гражданских, остальные — твои» — так ответил маршал на вопрос генерала.

Дорога на Ярцево лежала через Вязьму. По всей вероятности, именно там Рокоссовскому удалось переподчинить себе некоторое количество войск. В мемуарах он напишет: «В короткое время собрали порядочное

количество людей. Были здесь пехотинцы, артиллеристы, связисты, сапёры, пулемётчики, миномётчики, медицинские работники... В нашем распоряжении оказалось немало грузовиков. Они нам оченьгодились...»

Так в процессе боёв началось формирование в районе Ярцева соединения, получившего официальное название «Группа генерала Рокоссовского».

Прибыв в район Ярцева, Рокоссовский сразу же переподчинил себе все части и подразделения, окопавшиеся здесь. Кроме того, специально сформированные группы из надёжных бойцов и командиров продолжали останавливать бредущих на восток солдат из разбитых частей и направлять их в места сбора. Там из этого разношёрстного потока, поступавшего в основном из-под Смоленска и Витебска, формировали роты и батальоны.

К тому времени немецкие авангарды уже переправились через реку Вопь и захватили Ярцево. Попытку развить наступление Рокоссовский пресёк силами 38-й стрелковой дивизии полковника М. Г. Кириллова. По всей вероятности, от него он узнал, что Смоленск уже пал. Вскоре стало известно, что сражение вокруг города догорает, контратаки с целью вернуть Смоленск быстро выдохлись. Что с дивизиями Курочкина, неизвестно. Из 19-й армии Конева и 16-й Лукина тоже никаких вестей. Лишь отрывочные сведения от раненых, которые всё ещё брели по шоссе в сторону Вязьмы. Но что могли сообщить раненые, в рассказах которых последние события всегда окрашены в мрачные тона...

В район Ярцева Рокоссовский с группой офицеров и собранными по пути разрозненными отрядами прибыл ночью 17 июля. А накануне немцы бросили вперёд десант — два батальона на танкетках и бронетранспортёрах при пулемётах и миномётах. Их встретил местный истребительный отряд — комсомольцы, милиция, партсовработники, учителя... Почти все они погибли в первой же схватке. Немецкий десант истребительный отряд встретил на западном берегу реки и на какое-то время связал боем. Расправившись с комсомольцами, немцы оседлали шоссе Минск — Москва и устремились к железнодорожной станции и мостам.

Рокоссовский, изучив разведдонесения, немедленно приказал полковнику Кириллову атаковать противника в городе, пока десантники не успели растечься повсюду и закрепиться на выгодных позициях.

Вся дивизия полковника Кириллова состояла из одного полка — 48-го Зерноградского майора Шеремета, развед-батальона капитана Колесникова, который ещё выгружался на железнодорожной станции, 214-го лёгкого

артполка, роты плавающих танков Т-28 старшего лейтенанта Алексашина, штаба и различных служб. В бой пошли все.

Этот пожилой полковник, искренне радовавшийся, что у боевого участка появилось начальство, способное отдавать конкретные приказы, оказался толковым командиром. Он организовал атаку города так, что через несколько часов немецкий десант почти полностью был истреблён. Несколько десятков человек захватили в плен. Бой продолжался на западном берегу Вопи на железнодорожной станции. Там около роты десантников укрылись в каменном пакгаузе и отчаянно оборонялись, явно не желая оставлять станцию. Как вскоре выяснилось, ждали подхода основных сил.

Рокоссовский, наблюдая за ходом боя, усилил атаку полковника Кириллова гаубичной батареей. Гаубицы выкатили на прямую наводку и быстро подавили огневые точки противника. Пакгаузы были очищены от остатков десанта.

Утром Рокоссовский отправил в Касню маршалу Тимошенко шифровку: «38-я дивизия выполнила свою задачу по уничтожению вражеского десанта в районе Ярцева».

Но это было только начало. Окопавшиеся под Ярцевом хорошо это понимали и спешно создавали более основательную оборону. Ставили в окопы всех кого можно. Подходили и подходили новые войска, в основном остатки разбитых и рассеянных корпусов, дивизий, полков. Иногда сформированными уже в пути и вполне боеспособными, при оружии, ротами, батальонами, а то и целыми полками. Переподчинялись штабу Ярцевской группы войск (так вскоре стали называть в сводках и приказах группу Рокоссовского) подразделения и соединения, действовавшие на участке ответственности нового формирования. В Ярцевскую группу войск вошёл и сводный отряд полковника Лизюкова, а также артиллерийские подразделения генерал-майора И. П. Камеры^[29], части 7-го механизированного корпуса во главе с полковником М. С. Малининым^[30]. На базе штаба мехкорпуса был создан полноценный штаб Ярцевской группы. Возглавил его полковник Малинин.

Рокоссовскому повезло. Так бывало и будет ещё не раз: в самые тяжёлые минуты сражения бог войны посылал ему в помощь то невесть откуда взявшийся батальон резерва, тот самый, о котором ещё Наполеон говорил как о решающем факторе всей битвы, то нужных помощников, надёжных офицеров. Под Ярцевом — штаб полковника Малинина, артиллеристов генерала Камеры.

С Иваном Павловичем Камерой Рокоссовский был знаком давно. Камера командовал конным артиллерийским дивизионом в его 5-й отдельной Кубанской бригаде, с которой они ходили в поход на КВЖД в 1929 году. Рокоссовский был рад встрече со старым боевым товарищем, опытным артиллеристом и храбрым солдатом: именно такого человека здесь, под Ярцевом, почти в безнадёжных обстоятельствах, ему не хватало. Эшелон с артиллерией 19-й армии и штабной группой железнодорожники загнали глубоко в тыл. Генерал Конев с разрозненными, так и не собранными в единое войско частями 19-й армии держал фронт под Витебском. Составы продолжали поступать с юга. Чтобы они не попали под удары немецкой авиации, железнодорожники загоняли их на второстепенные ветки и войскам приходилось разгружаться настолько далеко от мест сосредоточения, что зачастую, пока колонны шли к фронту, те районы оказывались уже захваченными противником. И подразделения по ходу событий переподчинялись начальникам тех боевых участков, в непосредственной близости к которым оказывались на тот момент.

Так случилось и с артиллеристами генерала Камеры.

С полковником Малининым Рокоссовский тоже был знаком по совместной службе в Забайкалье. Здесь, на ярцевских высотах, они окончательно сработались, как говорят, сошлись характерами. Вместе они пройдут почти всю войну. Михаил Сергеевич Малинин будет ценить в своём непосредственном начальнике изобретательный и гибкий ум тактика, высокую человеческую культуру и порядочность. А Константин Константинович в своём первом помощнике — надёжность, академическую образованность, усиленную полевым опытом, способность быстро реагировать на постоянно меняющуюся обстановку. Они не потеряют дружеских отношений и после войны.

Однажды под Ярцевом разговорились о тревогах семейных. Рокоссовский всё ещё пребывал в неведении по поводу судьбы своей семьи. Как оказалось, те же мысли не давали покоя и полковнику Малинину: он переживал, что жена могла не успеть эвакуироваться в тыл в дни прорыва фронта под Витебском. Впоследствии на очередной запрос он получит извещение о её гибели. В 1944 году Малинин, к тому времени уже генерал, встретит и полюбит другую женщину. «В 1944 году было решено проводить очередную сессию Верховного Совета СССР на освобождённой территории. Белорусскую делегацию возглавляла Председатель Верховного Совета Белорусской ССР Надежда Григорьевна Грекова. Она приехала в расположение 1-го Белорусского фронта. Встречал её Рокоссовский. В мемуарах очевидцев описана следующая история. Накануне сессии Сталин

о чём-то разговаривал по телефону с Рокоссовским и в конце беседы якобы сказал: «Вы знаете, что Грекова не замужем? Ваш Малинин — вдовец. Прекрасная была бы пара!» Очевидно, они произвели друг на друга сильное впечатление. Сразу возникла взаимная симпатия. Через месяц в Овруче они зарегистрировали брак».

Это — рассказ Михаила Михайловича Малинина, сына генерала Малинина и Надежды Григорьевны Грековой, о том, как встретились его родители.

До сих пор потомки маршала Рокоссовского и генерала Малинина, собираясь вместе, любят рассказывать эту историю, в которой Рокоссовскому пришлось выступить в роли свахи.

Но это ещё не вся история генерала Малинина. В том 1944 году в ходе операции «Багратион» советские войска освободили от оккупации большие территории, многие города и сёла, в том числе и концлагеря. Из распахнутых ворот одного из лагерных барачков выйдет женщина, которая на вопрос офицера, выдававшего справки, как её фамилия и кто она, ответит, что она Малинина — жена полковника Малинина, начальника штаба 7-го механизированного корпуса...

Но вернёмся под Ярцево, где тогда решалась судьба не только Москвы, но и всей войны.

Беглого взгляда на карту было достаточно, чтобы понять и замысел противника, и незавидное положение армий, оставшихся западнее и юго-западнее в районе Смоленска. Ярцево — узел дорог: автостреды Минск — Москва и железной дороги Смоленск — Москва. От Ярцева веером расходятся большаки и дороги местного значения — на Белый, на Духовщину, на Дорогобуж к Соловьёвой переправе. Захватом Ярцева немцы решали сразу несколько задач: отсекали отход для 19, 16 и 20-й армий и таким образом замыкали очередной «котёл», обеспечивая себе марш на Вязьму и дальше к Москве.

Утром 19 июля полковник Кириллов доложил в штаб Ярцевской армейской группы, что город и железнодорожная станция очищены от неприятеля. В полдень разведка доложила, что со стороны Мушковицей по шоссе движется колонна немецких танков. К городу подходили авангарды 7-й танковой дивизии группы армий «Центр». Они обошли Смоленск с севера и форсированным маршем двигались к Ярцеву, чтобы сомкнуть кольцо окружения вокруг основной группировки Западного фронта.

7-я танковая дивизия — одна из лучших панцергренадерских дивизий 2-й танковой группы Гудериана. Сформирована в Тюрингии, во

Французской кампании под командованием генерала Роммеля прорывала линию Мажино. На Восточном фронте с самого первого дня войны. Участвовала в окружении советских войск в районе Минска. Командовал дивизией танковый генерал барон фон Функ.

Снова судьба столкнула Рокоссовского с бароном...

Батальоны полковника Кириллова, усиленные артиллерией и лёгкими танками, не дрогнули. Прочно стояли в обороне. «Пять — против тридцати!..» Но продержаться долго не могли.

К вечеру, прямо с марша, Рокоссовский бросил на Ярцево резерв — переподчинённую приказом комфронта 101-ю танковую дивизию полковника Г. М. Михайлова^[31].

Григорий Михайлович Михайлов, опытный танкист и хороший тактик, прекрасно понимая, что перед ним не японцы на лёгких танках, а вояки с огромным опытом современной войны, построил боевой порядок следующим образом: впереди поставил семь тяжёлых КВ, за ними несколько танков Т-34, а затем лёгкие танки и бронемашины. На броню сел десант — батальоны 101-го мотострелкового полка подполковника Воробьёва. Атака была успешной, но кровопролитной. Немцы ушли на западный берег Вопи.

Но вскоре снова атаковали. По показаниям пленных и документам убитых стало ясно, что к Ярцеву противник подтянул новый резерв — 20-ю моторизованную дивизию генерала Цорна. Эта дивизия всегда действовала в паре с 7-й танковой. Отличилась при захвате мостов через Неман и в боях под Вильнюсом. Затем запечатывала «котёл» в районе Минска.

Немцы тут же перегруппировались и повели наступление вдоль железной дороги и шоссе. К исходу 22 июля после массированного налёта «юнкерсов» батальоны полковника Кириллова и части 101-й танковой дивизии отошли в леса юго-восточнее Ярцева.

С захватом Ярцева и узла дорог наши армии, действующие юго-западнее в районе Смоленска, оказались в оперативном окружении. Задачей же Ярцевской армейской группы было как раз не допустить ещё одного «котла» на московском направлении и удерживать коммуникации первого эшелона открытыми.

Началась подготовка к контратаке. Контратака. И — снова налёт «юнкерсов» и атака немецких танков с густыми цепями пехоты. И так — несколько раз.

Судьба многих смоленских городов оказалась схожей. Они переходили из рук в руки, от улиц и домов оставались руины и пепелища. Бойцы окапывались в огородах, выдалбливали в фундаментах сгоревших домов

амбразуры, танковые траки крошили горячие кирпичи, превращая их в пыль, которая тут же поднималась в небо от разрывов артиллерийских и миномётных снарядов. Рудня, Ярцево, Ельня, Рославль, Спас-Деменск...

Местные хроники свидетельствуют: «С 22 июля по 2 августа железнодорожная станция Ярцево восемь раз переходила из рук в руки и в конце концов осталась за бойцами 38-й дивизии. За эти дни перед фронтом Донской дивизии враг потерял 3570 солдат и офицеров убитыми и ранеными, 16 человек пленено, уничтожено пять танков, 15 орудий, 50 автомашин, шесть мотоциклов, 34 миномёта и 48 пулемётов, сбито пять вражеских самолётов».

Штаб Западного фронта укреплял Группу Рокоссовского как мог. Левый фланг надёжно закрыл 44-й корпус комдива В. А. Юшкевича^[32]. На переправах через Днепр в районе села Соловьёва положение продолжал контролировать сводный отряд полковника Лизюкова.

Переправа и была горловиной мешка, в который угодили армии, пытавшиеся удерживать позиции в районе Смоленска. Немцы всячески старались перехватить горловину и затянуть мешок. Но отряд Лизюкова не позволял им поставить точку в масштабной операции, тщательно разработанной в немецких штабах.

Эта старинная переправа в истории войн и набегов на русские земли известна ещё с XV века. Через Соловьёв перевоз переправлялись войска литовских князей. Путь их в московские волости лежал через эти мели и пологие песчаные берега, весьма удобные для переправы как большого количества повозок, так и пешей и конной рати. Здесь же переправлялись и польские войска. В 1812 году нахлынули французы, а с ними германцы, итальянцы, поляки и вся остальная Европа. «Казачи Платова и отряд генерал-майора Юрковского, — читаем в местных хрониках, — атаковали арьергард главных сил противника на Соловьёвой переправе. Посланные вперёд отборные стрелки Первого егерского, Московского драгунского и казачьего полков обезвредили французские посты на левом берегу Днепра и, рассыпавшись в цепь, открыли огонь по переправе.

В замешательстве, вызванном внезапным появлением казаков, егерей и драгун, французские солдаты теснили друг друга, падали с узкого моста, тонули в реке. Вовремя подоспевшие к месту боя артиллеристы метким огнём своих орудий разрушили укрепления на правом берегу Днепра и нанесли большой урон силе противника. На Соловьёвой переправе враг потерял несколько сот солдат и офицеров убитыми, тысячу пленными, 21 орудие и большой обоз».

Тогда вместе с русскими войсками из Смоленска уходила через

Соловьёву переправу и надвратная Смоленская икона Божией Матери «Одигитрия». Перед отправкой в глубину России с иконой обошли весь город. Во время молебна постоянно произносили евангельское: «Пребыстьже, Мириам с нею яко три месяца и возвратися в дом Свой...» И она через просимый народом срок — три месяца — в освобождённый Смоленск вернулась.

Днепровская вода смыла и литву, и ляхов, и армию всей просвещённой Европы. И вот пришёл новый враг. Ему переправу отдавать было нельзя — на свой, восточный берег предстояло переправить войска первого эшелона, отходившие из района Смоленска.

Бои на ярцевских рубежах запомнились маршалу на всю жизнь. Даже спустя годы, сев за мемуары, он мгновенно вспомнил всю диспозицию и основные события: «Наша оборона по необходимости носила линейный характер. Второго эшелона не было. В качестве резерва я мог использовать два полка 101-й танковой дивизии, расположенные несколько уступом влево. Мотострелковый полк этой дивизии оборонял справа Дуброво, слева — Городок, Лаги; на его участке был поставлен противотанковый артиллерийский полк. Уступом вправо юго-западнее Замошья располагался 240-й гаубичный полк. Таким образом, автострада и железная дорога были надёжно обеспечены в противотанковом отношении. А это немало!.. 38-я стрелковая дивизия оборонялась восточнее Ярцева по берегу реки Вопь. Танковые полки 101-й танковой дивизии занимали выгодное положение для контратаки в случае прорыва немцев вдоль автоstraды».

В масштабах войны и даже Западного фронта ярцевская оборона представляла собой сравнительно небольшое тактическое построение. Но для солдат и офицеров, которые составляли это построение, их судьба и судьба всей войны решалась именно здесь. Так внушил им командир. Этим духом были наполнены и он сам, и его надёжный штаб.

Свой штаб Рокоссовский начал сколачивать именно здесь. На основе штаба 7-го механизированного корпуса и группы офицеров, с которой прибыл сюда, на Вопь и Днепр. С этим ярцевским штабом Рокоссовский пройдёт через всю войну до Вислы и только там расстанется, оставив его маршалу Жукову, назначенному Ставкой на 1-й Белорусский фронт и берлинское направление.

Ощетинившись штыками и артиллерией, Рокоссовский смог создать в районе Ярцева такой монолит, такой дот, который противник так и не смог сокрушить ни танковыми атаками, ни артиллерией, ни авиацией. Ни хитростью, ни силой.

В ночь на 29 июля по приказу Ставки войска 16-й армии покинули

осаждённый Смоленск. Начался марш на выход. Весь этот поток устремился к горловине «мешка», к Соловьёвой переправе. На оставляемых позициях продолжали драться заслоны. Они держались вплоть до 10 сентября. Судьба многих из них оказалась трагичной.

Атмосферу выхода из окружения через Соловьёву переправу весьма точно передал в своих воспоминаниях бывший военврач одного из артполков 16-й армии Борис Иванович Феоктистов: «Наш организованный отход был вскоре нарушен бесконечными налётами самолётов, затем распространилось известие, что немцы высадили десант, и мы оказались не то в «клетках», не то в окружении.

Единственным местом, где не было немцев, оставалась понтонная переправа через Днепр в районе деревни Соловьёво. Вот на эту переправу устремились все. Это уже не было организованным отходом, это было бегство. Вперёд, т. е. назад, рвались, обгоняя друг друга, машины, повозки, верховые, пешие. Среди машин и повозок много санитарных — с ранеными. Подгоняемые страхом, уже никто не уступал им дорогу, все рвались к переправе. Когда мы подъехали на своей повозке к переправе, то увидели море людей и всевозможного транспорта. Самой переправы не было видно, к ней не подступить. Образовалась пробка, пропустить которую «ниточка» понтонного моста была не в состоянии. Немецкие самолёты безнаказанно бомбили и обстреливали скопище возле переправы. Это был кошмар. Вой сирен, взрывы бомб, крики раненых и людей, обезумевших от страха. Люди бегут, раненые ползут, таща за собой окровавленные лоскуты одежды, длинные полосы бинтов с соскочивших повязок. Я не полез в гущу толпы к переправе и к моменту налёта авиации был на краю скопления. С налётом авиации я упал в небольшое углубление, напоминающее отлогий окоп, и там увидел знакомого врача, Фишера, он был старшим нашей группы на сборах в Иркутске. Встреча не принесла нам радости, каждый из нас высматривал, куда бы отползти подальше от этой жуткой картины, безнаказанного избиения людей.

Поток людей двинулся в сторону от переправы, притягивающей к себе внимание противника. Я шёл в общей массе людей, неизвестно к каким полкам принадлежавших, но знал, что и наш полк в таком же положении, так же ищет спасения на противоположном берегу Днепра. Это было не только бегство, это была паника, и я не был исключением, я тоже бежал, но оглядывался по сторонам. Видел, как сбоку от нашей бегущей толпы была позиция немецкого орудия и расчёт методически стрелял из небольшой пушки по нам. Видели это многие, но бежали, не останавливались.

Видно было, как несколько немецких автоматчиков стреляли по нам,

но расстояние было значительным, и стрельба из автоматов не приносила вреда. Пробежав некоторое время, я почувствовал, как что-то толкнуло меня в правое ухо, мелькнуло в виде искры, и впереди бегущий упал ничком с разорванной спиной в области лопаток. Видимо, немцы стреляли по нам из противотанковой пушки болванками. Добежав до берега, с ходу все бросались в воду. Но вода спасала не всех. Начался миномётный обстрел по Днепру, опять шум выстрелов, крики раненых, крики барахтающихся в воде, но масса людей, несмотря ни на что, с расширенными от ужаса глазами, старалась как можно быстрее добраться до противоположного берега. Я плохо помню, как доплыл до спасительного берега и уже там свободно вздохнул. Здесь было тихо, обстрела не было, люди стали группироваться, разыскивать свои части. То тут, то там разводили костры и обсушивались. Да, Соловьёва переправа — это одна из огромных трагедий начала войны».

А тем временем Ярцевская армейская группа была преобразована в 16-ю армию. Рокоссовский возглавил новое соединение. Под его командование перешли остатки дивизий и частей, вышедших из района Смоленска.

Из книги «Солдатский долг»: «А затем мы начали переходить в наступление, нанося немцам удары то на одном, то на другом участке, и нередко добивались успеха. Правда, успехи по масштабам носили тактический характер. Но они способствовали укреплению дисциплины в войсках, ободряли бойцов и командиров, которые убеждались, что способны бить врага. Тогда это много значило. <...> Всё это создавало у противника преувеличенное представление о наших силах на данном рубеже, и он не воспользовался своим огромным превосходством. Фашистское командование нас «признало», если так можно сказать. Оно подтягивало и подтягивало свои войска в район Ярцево, наносило массированные удары авиацией по переправам и боевым порядкам нашей группы. Возросла мощность вражеского артиллерийского и миномётного огня. Нас спасали леса и то, что пехота наша зарылась в землю».

Командующий группой армий «Центр» фельдмаршал фон Бок в дни ярцевского противостояния записывал в свой дневник:

«19.07.41...У нас^[33] состоялся короткий неллицеприятный обмен мнениями, в результате которого выяснилось, что под Смоленском противник предпринимает попытки вырваться из окружения в северо-восточном и северо-западном секторах фронта. Кроме того, 7-я танковая дивизия (Функ) и 20-я танковая дивизия (Штумпф) на севере от Смоленска подвергаются атакам с восточного направления. Совершенно очевидно, что противник подтягивает новые силы из района Вязьмы.

20.07.41. Под Смоленском противник начал сегодня ночью мощное наступление. Крупные силы противника также наступали в направлении Смоленска с юга...»

В тот же день — в донесении главнокомандующему фельдмаршалу фон Браухичу: «Танковая группа Гота неоднократно подвергалась атакам не только изнутри «котла», со стороны Смоленска и с запада, но, равным образом, с восточного и северо-восточного направления. Наш план «захлопнуть калитку» на востоке от Смоленска посредством атаки 7-й танковой дивизии с северо-восточного направления потерпел неудачу по причине того, что эта дивизия сама неоднократно была атакована с восточного направления крупными силами русских при поддержке танков».

«21.07.41. Утром пришло сообщение, что «дыра» на востоке от Смоленска закрыта. Однако вечером я получил совсем другие сведения. Лётчики сообщили, что крупные силы противника движутся из «котла» в восточном направлении. Весь день одна за другой следовали мощные атаки противника против южного фланга и фронта 2-й танковой группы (Гудериан), против восточного фронта 3-й танковой группы (Гот) и в направлении Смоленска.

Нельзя отрицать, что наш основательно потрёпанный оппонент добился впечатляющих успехов! Рапорты воздушной разведки указывают на то, что противник задействует против нашего южного фланга дополнительные силы».

«23.07.41. Подумать только, нам до сих пор не удалось заткнуть «дыру» в окружении на востоке от Смоленска!»

Пока ещё тон всесильного фон Бока снисходительно высокомерен. Вскоре его сменит крайняя озабоченность. Записи станут сухими.

«2.08.41. Русские в течение ночи построили временный мост на восточном фронте «смоленского котла»... 3-я танковая группа пытается захватить переправу атаками с северного направления. Я отдал приказ 17-й танковой (Арним) и 20-й моторизованной (Цорн) дивизиям перекрыть противнику все пути отхода из «котла».

«21.08.41. 7-я танковая дивизия безуспешно контратакует в секторе многострадальной 161-й дивизии. Можно сказать, 7-я дивизия основательно увязла там в боях, потеряв в процессе много танков. Остаётся только сожалеть, что не проявил большей настойчивости в вопросе о привлечении к этой атаке более значительных сил».

Из мемуаров бывшего начальника штаба 4-й полевой армии генерала Блюментрита^[34]: «...сражение в районе Смоленска, где была окружена большая группировка русских. Две полевые армии... удерживали три

стороны «котла», в то время как наши танки блокировали выход из него близ Ярцева. И снова эта операция не увенчалась успехом. Ночью русские войска вырвались из кольца окружения и ушли на восток...»

Выход из смоленского «котла» продолжался до самой осени. Бойцы и командиры небольшими группами, порой в одиночку, ночами или во время утренних туманов, пробирались через линию фронта, иногда с боем, с большими потерями.

Вышедших отправляли на сборные пункты. Проверяли. После проверки возвращали на позиции.

Рокоссовский часто бывал в окопах. Беседовал с бойцами. Наблюдал за противником. Особое внимание уделял общению с командирами переднего края. Понимал, что все штабные задумки и самые хитроумные решения исполнялись именно ими, офицерами-окопниками. Комбатами. Ротными. Взводными. Разговаривал, советовал, советовался, слушал их доклады. Потом, в штабе, накладывал эту окопную информацию на донесения, анализировал. Всё это ложилось затем на штабные карты и в приказы.

Ценил силу личного примера.

Однажды во время очередной попытки противника сбросить подразделения 16-й армии с ярцевских высот бойцы не выдержали. Немцы атаковали танками с пехотой. Когда же их атаку отбили, налетели «юнkersы». И такой чёрной тучей, что один из батальонов, прикрывавший основное направление и понёсший потери во время боя с танками, дрогнул. Бойцы начали покидать окопы, побежали к ближайшему лесу. Сперва поодиночке, а потом и группами. Назревала катастрофа. Как часто случается на войне, катастрофа армии, а порой и фронта, зарождалась там, где не выдерживал взвод, рота.

Рокоссовский, находившийся на НП противотанкового дивизиона, толкнул в бок генерала Камеру:

— А ну-ка, Иван Павлович, вставай. Пусть видят... — И первым встал на бруствер.

Генералы стояли на гребне земляной отсыпки и смотрели в бинокли на ту сторону, где готовились к атаке немецкие танки и пехота. Противник уже почувствовал успех.

Одна из бегущих к лесу групп неслась прямо на НП. Солдаты увидели генералов. Побежали медленнее. Послышались голоса:

— Ты куда бежишь, сволочь такая!

— А ты?! Ты ж вперёд меня несёшься!

— Погребись! Давай назад!

Генералы переглянулись. Рокоссовский засмеялся. Над головой посвистывали пули. Сказал Камере:

— Повернули. Но каковы орлы! Только и оставалось им крикнуть: «Заманивай, ребяташки, заманивай!»

А ведь этот поступок — без всякой иронии — из суворовских заветов: последний мой резерв — я сам...

— Пора, Константин Константинович, и нам в окоп. А то наблюдатели, видать, уже засекли наши командирские фуражки...

Рокоссовский ещё раз посмотрел на поле и спрыгнул в окоп. Солдаты уже добежали до своей траншеи и растекались по ней, готовясь к бою. Перетаскивали пулемёты. Командиры отделений расставляли гранатомётчиков. Паники как не бывало.

Через несколько минут танковая атака началась. Но тут же захлебнулась под огнём противотанковых пушек. Стрелки дружным винтовочным и пулемётным огнём отсекали пехоту, укрывавшуюся за танками. Загорелся один танк, другой... Генерал Камера ликовал. Он передавал приказы своим артиллеристам. Но те уже действовали в привычном режиме, зная своё дело и без генеральской подсказки.

О другом подобном случае Рокоссовский с мягким юмором рассказал в своих воспоминаниях: «Среди бегущих оказался бывалый солдат-усач, из тех, кто воевал ещё в первую империалистическую. Он-то и не растерялся в трудную минуту. Бежит и покрикивает:

— Команду подай!.. Кто команду даст?.. Команда нужна!..

Бежал, бежал да сам как гаркнет:

— Стой! Ложись! Вон противник — огонь!»

Спустя годы бывший командир 3-й танковой группы генерал танковых войск Гот^[35], чьи боевые машины горели перед позициями 16-й армии, размышлял в своих мемуарах: «Окружение и разгром многих дивизий противника под Смоленском не обеспечили 3-й танковой группе свободы оперативного манёвра в восточном направлении, как это произошло под Минском.

...Под Минском со стороны русских не предпринималось сколько-нибудь серьёзных попыток оказать окружённым дивизиям помощь извне; русские ограничились тем, что создали новый рубеж сопротивления несколько сотен километров восточнее Минска, за Днепром и Западной Двиной. Иначе было под Смоленском. Наши передовые части, продвигавшиеся на восток, уже под Ярцевом и на реке Вопь натолкнулись на сопротивление сосредоточившихся остатков частей противника, избежавших окружения; вскоре противник, подтянув свежие силы,

предпринял ряд ожесточённых атак с целью восстановления связи с окружёнными войсками».

Герман Гот был талантливым танковым командиром, достойным противником. Мемуары его отличаются той же строгостью суждений, обдуманностью, солдатской прямоотой и лаконизмом.

Гот отдаёт должное не только генералу Рокоссовскому и другим командирам и командующим, удерживавшим своими войсками оборону на линии Рославль — Ельня — Ярцево — Духовщина — Андреаполь — Селигер, но и командованию Западного фронта. Штаб маршала Тимошенко сделал почти невозможное: организовал устойчивую оборону на новых рубежах и основательно застопорил «блицкриг» на дальних подступах к Москве.

Тимошенко время от времени подбрасывал Рокоссовскому резервы. Танковые батальоны, маршевые роты, коммунистические отряды, артиллерийские дивизионы, гвардейские миномёты, противотанковые батареи.

Артиллерия утвердила себя поистине богом войны именно на ярцевских высотах.

Генерала Камеру вскоре отозвали в Москву, он получил новое назначение и стал командующим артиллерией Западного фронта. Начальником артиллерии 16-й армии назначили генерал-майора В. И. Казакова^[36]. Он прибыл под Ярцево в составе всё той же штабной группы 7-го механизированного корпуса. Артиллерист, как говорят, от бога, с прекрасным академическим образованием. Так же как и генерал Малинин, он прослужит рядом с Рокоссовским почти всю войну. Кроме последних месяцев, когда Рокоссовского в должности командующего войсками 1-го Белорусского фронта сменит маршал Жуков.

Пожалуй, пора сказать и о том, что Рокоссовский кроме полководческого таланта обладал ярко выраженным даром руководителя, организатора, умеющего в самое короткое время создать коллектив профессионалов, способных выполнить задачу любой сложности.

Все, служившие в разные годы рядом с Рокоссовским и под его началом, вспоминали о нём с неизменной теплотой. Их отзывы однозначно комплиментарны. Но стоит заметить: изначально было всё же уважение по отношению к ним самого командующего. Как говорят: за добро — добром...

«Мне нравилось, — напишет он после войны, — что мои помощники, люди образованные и влюблённые в военное дело, умели отстаивать своё мнение. Приходилось иногда подумать над предложением. Прикинешь и

скажешь: «Правильно, я упустил, давайте сделаем тут по-вашему...». Очень характерная черта. Ведь и сам умел отстаивать своё мнение. При всей кажущейся мягкости и уступчивости в какой-то момент становился твёрдым как скала. Тюрьма закалила, сделала его ещё прочнее и твёрже.

Маршал В. И. Казаков, оставивший обширные мемуары, в одной из книг пишет: «Глубокой ночью 22 июля 1941 года... штаб 7-го механизированного корпуса, начальником артиллерии которого я был, получил приказ войти в подчинение Рокоссовского и составить штаб группы войск, которой он тогда командовал.

Немало поплутав по окрестным лесам в районе Ярцева, мы наконец разыскали своего нового командующего в расположении 58-й стрелковой дивизии. Нельзя сказать, чтобы Рокоссовский очень заботился о своих удобствах. Мы застали его спящим в своей легковой машине ЗИС-101.

Первая встреча с Рокоссовским оставила у нас какое-то двойственное впечатление. Константин Константинович был сдержан и уравновешен. Выводы о создавшейся обстановке он делал ясные, определённые и неопровержимые по своей логике. Высокий, стройный и подтянутый, он сразу располагал к себе открытой улыбкой и мягкой речью с чуть заметным польским акцентом.

Но первое наше впечатление испортил не очень радушный приём. В разговоре с ним мы уловили настороженность и даже признаки недружелюбия. Сначала было непонятно, в чём дело, но вскоре всё объяснилось. Рокоссовский ждал, что к нему пришлют штаб 44-го стрелкового корпуса, и сомневался, сможет ли штаб механизированного корпуса справиться с управлением войсками. Но его опасения были напрасны. Не боясь показаться нескромным, могу сказать, что штаб нашего корпуса был хорошо подготовлен, сложен и имел достаточный опыт в управлении даже общевойсковыми соединениями. В новых условиях он сразу начал чётко работать и за короткий срок завоевал прочный авторитет в войсках и симпатию Рокоссовского.

Моё мнение имеет убедительное подтверждение. Группа войск Рокоссовского просуществовала недолго, а сам он в августе был назначен командующим 16-й армией, членом Военного совета которой был генерал А. А. Лобачёв. Армия уже участвовала в боях и, естественно, имела свой штаб. Однако Рокоссовский добился назначения представителей нашего штаба на основные руководящие должности. Так, начальником штаба 16-й армии стал полковник М. С. Малинин, начальником оперативного отдела — полковник И. В. Рыжиков; я был назначен начальником артиллерии, а майор Н. П. Сазонов — начальником оперативного отделения штаба

артиллерии армии. Это окончательно выявило отношение к нам Рокоссовского, с которым Михаил Сергеевич Калинин и я уже не расставались почти до конца войны.

С первых же дней боевых действий армии мы не раз имели возможность убедиться в том, что наш командующий — личность примечательная. К. К. Рокоссовский в те тяжёлые для нас месяцы не раз сам попадал в критическое положение и должен был принимать решения в крайне сложной и запутанной обстановке. И каждый раз мы имели возможность убедиться, как хладнокровен и невозмутим этот человек, поражаясь его самообладанию. Эти его качества благотворно влияли на весь личный состав штаба, создавая в нём атмосферу уверенности в правильности всех действий, которая была нам особенно нужна в наиболее тяжёлые месяцы суровых испытаний».

Ярцево научило многому. Противостояние на Днестре и Воице показало характер новой войны, силу врага и возможности своих войск. Именно здесь будущий маршал понял, в чём преимущество противника. Почувствовал опасность его быстрого манёвра, способность жёстко контратаковать после временного оставления позиций, умение постоянно контролировать поле боя и взаимодействовать всеми родами войск, применять все имеющиеся средства. Танки противника как основную ударную силу прикрывала пехота и — наоборот. Авиация точно наводила огонь артиллерии. Миномёты помогали пехоте подавлять огневые точки.

«Самое первое, — наставлял фон Клаузевиц, — самое главное и самое важное в смысле последствий решение, которое должен принять командир, это определить тип войны, в которую он погружается; здесь нельзя ошибиться...»

Это была новая война. Ничего общего с тем, что он вынес из окопов Первой мировой, боёв в Даурии и на КВЖД. Другой противник. Умелый, опытный, хитрый, хорошо экипированный и прекрасно вооружённый.

Однажды офицерам штаба задал такой вопрос:

— Почему наша пехота в обороне почти не ведёт ружейного огня? Противник наступает, вот он, уже в зоне прицельного огня, а наши стрелки молчат.

— На то артиллерия, миномёты, — возразил один из командиров стрелковых полков.

— А пехота? Посмотрите, как ведёт себя противник. Стоит показаться нашим цепям в зоне видимости, из окопов — море ружейно-пулемётного огня! Прошу изучить все обстоятельства дела и доложить.

В тот же день выехал на передний край. С батальонного НП, где

пригнувшись, а где и ползком, пробрался к линии окопов. Из ближайшей одиночной ячейки выглянул боец: с виду — солдат старый, со стажем и опытом. Ячейка отрыта по всем правилам — для стрельбы стоя. Спросил наугад:

— В империалистическую где воевал?

И — не ошибся...

— Под Августовом, — отвечает.

Так. Значит, солдат бывалый.

— И каково сидеть одному в окопе?

Солдат пожал плечами и признался:

— Когда танками прёт, то и потрясывает. А так — ничего, земля-матушка бережёт.

— А почему потрясывает? После Августова солдата напугать трудно.

— Под Августовом мы, товарищ генерал, в траншеях сидели. Да и танков там у него не было. В траншее всё же не так боязно. Там хоть друг на друга посмотришь — и пугаться вроде совестно... А тут... Сидишь как есть один на всём поле. Есть кто рядом живой или нет — не знаешь...

— А ну-ка, уступите. Ползите пока к пулемётчикам, у них окоп просторнее. — Спрыгнул в щель, взял в руки винтовку, сел на подстилку из елового лапника, прислушался. Окопчик надёжный, отрыт правильно, со знанием дела, внизу подстилка. В нишах гранаты, котелок. Всё как надо. Но тоскливо и жутковато.

Противник как раз начал орудийно-миномётный обстрел линии окопов. Иногда мины ложились с перелётом, в глубине обороны, в лесу. Тогда казалось, что бой переместился туда, и становилось ещё больше не по себе.

Из воспоминаний: «Сознание, что где-то справа и слева сидят красноармейцы, у меня сохранялось, но я их не видел и не слышал. Командир отделения не видел меня, как и всех своих подчинённых. А бой продолжался. Рвались снаряды и мины, свистели пули и осколки. Иногда сбрасывали бомбы самолёты.

Я, старый солдат, участвовавший во многих боях, и то, сознаюсь откровенно, чувствовал себя в этом гнезде очень плохо. Меня всё время не покидало желание выбежать и заглянуть, сидят ли мои товарищи в своих гнёздах или уже покинули их, а я остался один. Уж если ощущение тревоги не покидало меня, то каким же оно было у человека, который, может быть, впервые в бою!..

Человек всегда остаётся человеком, и, естественно, особенно в минуты опасности ему хочется видеть рядом с собой товарища и, конечно,

командира. Отчего-то народ сказал: на миру и смерть красна. И командиру отделения обязательно нужно видеть подчинённых: кого подбодрить, кого похвалить, словом, влиять на людей и держать их в руках.

Система ячеечной обороны оказалась для войны непригодной. Мы обсуждали в своём коллективе и мои наблюдения, и соображения офицеров, которым было поручено приглядеться к пехоте на передовой. Все пришли к выводу, что надо немедленно ликвидировать систему ячеек и переходить на траншеи. В этот же день всем частям группы были даны соответствующие указания. Послали донесение командующему Западным фронтом. Маршал Тимошенко с присущей ему решительностью согласился с нами. Дело пошло на лад проще и легче. И оборона стала прочнее. Были у нас старые солдаты, младший комсостав времён Первой мировой войны, офицеры, призванные по мобилизации. Они траншеи помнили и помогли всем быстро усвоить эту несложную систему».

В район Ярцева, как мы помним, Рокоссовский прибыл с горсткой младших офицеров и двумя зенитными установками счетверённых пулемётов. А через 20 дней у него под рукой была уже армия. Ярцевская армейская группа приказом штаба Западного фронта была объединена с остатками 16-й армии, вырвавшейся из-под Смоленска. «После объединения армия представляла внушительную силу, — писал он в «Солдатском долге», — 101-я танковая полковника Г. М. Михайлова, 1-я Московская мотострелковая, в командование которой вступил полковник А. И. Лизюков, 38-я полковника М. Г. Кириллова, 152-я полковника П. Н. Чернышёва, 64-я полковника А. С. Грязнова, 108-я полковника Н. И. Орлова, 27-я танковая бригада Ф. Т. Ремизова, тяжёлый артиллерийский дивизион и другие части.

Армия занимала оборону на 50-километровом фронте, перехватывая основную магистраль Смоленск — Вязьма».

11 сентября вышел указ о присвоении генерал-майору К. К. Рокоссовскому очередного воинского звания — генерал-лейтенант. А чуть раньше — о награждении орденом Красного Знамени. Четвёртым.

Глава четырнадцатая

КАТАСТРОФА ПОД ВЯЗЬМОЙ

Он принял на себя бремя огромной ответственности...

К. К. Рокоссовский

В сентябре на фронтах произошли события, которые во многом решили не только дальнейший ход военных действий на советско-германском фронте, но и значительно повлияли на их конечный результат.

Группа армий «Север» и финские войска блокировали Ленинград. Сталин срочно послал туда генерала Жукова, освободив его от обязанностей командующего войсками Резервного фронта. Армии Резервного фронта только что завершили успешную операцию по ликвидации ельнинского выступа, освободили Ельню и многие населённые пункты Смоленщины. Генерал Жуков жёсткими, порой жестокими мерами смог добиться стабилизации обстановки в районе Ленинграда. Пал Киев. В киевском «котле» была блокирована, а затем частично уничтожена, а частично пленена огромная группировка войск ЮгоЗападного фронта. При выходе из окружения в бою уничтожен почти весь штаб ЮгоЗападного округа и 5-й армии. Генерал Кирпонос погиб. Генерал Потапов попал в плен. Севернее Чернигова перестал существовать 9-й механизированный корпус, которым после убийства на смоленское направление Рокоссовского командовал генерал Маслов. Из остатков корпуса был сформирован сводный батальон и передан соседнему 15-му мехкорпусу генерала Карпезо. Ставка Верховного главнокомандования отдала приказ армиям Резервного, Западного и Брянского фронтов прекратить изнурительные атаки и «перейти к упорной обороне».

В эти дни, когда выпадали редкие и недолгие часы тишины, командиры заводили разговоры о семьях, жёнах, детях.

У него сжималось сердце. Вестей от жены и дочери он до сих пор не получил. Рассказ о гибели жены полковника Малинина потряс его настолько, что он принялся писать письмо за письмом, ещё не зная, дошло ли до милых его сердцу адресатов хотя бы одно из них. Оставалось упорно

верить, что с женой и дочерью всё хорошо. Жить только войной и ненавистью к врагу было невозможно.

«Дорогие, милые Lulu и Адуся!

Пишу вам письмо за письмом, не будучи уверенным, получите ли вы его. Все меры принял к розыску вас. Неоднократно нападал на след, но, увы, вы опять исчезали. Сколько скитаний и невзгод перенесли вы! Я по-прежнему здоров и бодр. По вас скучаю и много о вас думаю. Часто вижу во сне. Верю, верю, что вас увижу, прижму к своей груди и крепко-крепко расцелую.

Был в Москве. За двадцать дней первый раз поспал раздетым, в постели. Принял холодную ванну — горячей воды не было. Ну вот, мои милые, пока всё. Надеюсь, что связь установим. До свидания, целую вас бесконечное количество раз, ваш и безумно любящий вас Костя.

27 июля 1941-го».

В Москву ездил на вручение ордена. Тогда награждали крайне редко. Даже медали вручались в Москве.

В конце сентября наконец получил радостную весть — отыскалась семья. Тут же приказал составить справку и выслать её по адресу, который значился в извещении. Справка была составлена 30 сентября 1941 года и в тот же день отправлена в Новосибирск:

«Предъявительница сего гражданка Рокоссовская Юлия Петровна является женой Командующего 16-й армией — генерал-лейтенанта тов. Рокоссовского Константина Константиновича.

Вместе с ней в гор. Новосибирске по улице Добролюбова № 91 проживает их дочь Ада Константиновна Рокоссовская.

Генерал-лейтенант Рокоссовский Константин Константинович за боевые заслуги награждён четырьмя орденами «Красное Знамя» и орденом Ленина.

На основании существующего законоположения члены семьи генерал-лейтенанта Рокоссовского пользуются льготами как семьи орденосца».

Камень с души упал.

Разведка между тем доносила: противник в последнее время проявляет активность, особенно в тыловых районах, ведёт переброску грузов и техники; появились новые части, боевые порядки передовой линии уплотняются.

В сентябре Западный фронт возглавил генерал Конев. Ставка оценила

его решительность и храбрость в период Смоленского сражения. На 19-ю поставили генерала М. Ф. Лукина^[37]. На 20-ю — генерала Ф. А. Ершакова^[38].

Впереди всех ждала Вязьма. Она уже уготовила двоим из них терновый венец мучеников.

Филипп Афанасьевич Ершаков, командуя 20-й армией, которая держала оборону между Дорогобужем и Спас-Деменском, прикрывая левый фланг 16-й армии Рокоссовского, попадёт со своим штабом в окружение. Попытки прорваться успеха не принесут. Армия распадётся на отдельные группы. Часть из них прорвётся к фронту и выйдет на сборные пункты. Другая до зимы будет бродить по окрестным лесам. Кто уйдёт к партизанам, кто останется у местных жителей, кто, сетуя на командиров, бросивших их на произвол судьбы, сдастся в плен (и таких будет много), кто окажется в плену не по своей воле — будет схвачен немецкими патрулями, полицией и казачьими отрядами, служившими немецким оккупационным властям. Генерала Ершакова немцы схватят во время ликвидации «котла» в лесу. По другим данным, спустя месяц, более чем в 100 километрах юго-восточнее, за пределами «котла» в районе Сухиничей. В момент пленения, когда станет очевидным, что от немецкого патруля не уйти, генерал Ершаков выхватит пистолет и приставит к виску. Но немец успеет ударить по руке и пуля пойдёт вскользь. Это будет указано в рапорте начальника патруля. Пленного генерала будут содержать вначале в Шталаге-III D, а затем в офицерском лагере Хаммельбург. Летом 1942 года генерал Ершаков умрёт: по одним сведениям — от сердечного приступа, по другим — от частых побоев охраны за антигерманскую агитацию.

Михаил Фёдорович Лукин командовал 19-й армией. Её позиции уходили к северу от Ярцева, смыкаясь с обороной 30-й армии генерала В. А. Хоменко. Лукин будет командовать всей окружённой группировкой, пытаясь пробить единый коридор, чтобы вывести основную часть войск и вытащить к Москве на Можайскую линию обороны тяжёлое вооружение. Не получится.

14 октября, четырежды раненный, потерявший способность сопротивляться и передвигаться, он попал в плен. Есть сведения, что четвёртое, самое тяжёлое ранение он получил во время последней схватки: немецкий офицер выстрелил в него в упор, пуля раздробила коленную чашечку и сустав правой ноги. К тому времени он уже имел три ранения, в том числе одно тяжёлое — были перебиты нерв и сосуд на руке. Когда фон Боку доложат, кто и в каком состоянии захвачен в Семлёвском лесу, он

прикажет срочно доставить раненого советского генерала в госпиталь и сделать всё возможное для спасения его жизни. Немецкие врачи ампутировали ногу, уже поражённую гангреной. Позже, в концлагере, генералу Лукину немцы сделают хороший протез, которым он довольно долго будет пользоваться и после войны.

Но вернёмся к началу вяземской истории.

Накануне сражения Рокоссовский направил в штаб Западного фронта план обороны 16-й армии. Войска готовились к обороне на занятом рубеже. Нового командующего фронтом И. С. Конева, которому 11 сентября присвоили очередное воинское звание генерал-полковника, из Ставки постоянно инструктировали и наставляли по поводу того, чтобы в подчинённых штабах не допускалось и мысли о дальнейшем отступлении. В этом же ключе штабы армий планировали дальнейшие действия своих частей и подразделений. Планов на организованный отход, на вывод техники, войск и эвакуацию материальной части попросту не существовало.

План действий 16-й армии отличался от планов других армий тем, что наряду с обеспечением «решительного отпора противнику» предполагался «вариант на случай, если, несмотря на все наши усилия, противнику всё же удастся прорвать оборону. Этот вариант определял, как должны отходить войска, нанося врагу максимальный урон и всемерно задерживая его продвижение».

«Мысли, руководившие нами, — вспоминал маршал, — враг ещё намного сильнее нас, манёвреннее, он всё ещё удерживает инициативу, поэтому нужно быть готовым и к осложнениям».

Помня завет фон Клаузевица: «Всегда готовьтесь ко всему, и как можно раньше», Рокоссовский со своим штабом сверстал план, предусматривавший несколько вариантов действия армии. «Хороший» — стояние на своих рубежах. И «плохой» — действия в отступлении. Таким образом, план Рокоссовского для Вяземской оборонительной операции состоял из двух частей.

Реакция Конева была такой: «Он утвердил первую часть плана, относившуюся к обороне, и отклонил вторую его часть, предусматривавшую порядок вынужденного отхода». План пришлось перерабатывать, приводить, как говорят, в соответствие с требованиями...

Тишина, лёгшая вместе с осенними туманами на позиции изготовившихся дивизий, на передполье и тылы, вначале изумляла уставших от боёв солдат и офицеров, потом стала настораживать и в конце концов раздражать.

Рокоссовский постоянно связывался то с Лукиным, то с Ершаковым, то с командармом-24 генералом Ракутиным^[39], армия которого прикрывала район Спас-Деменска, находясь ещё южнее, почти у Варшавского шоссе. Все подтверждали тишину, делились последними разведсводками. Разведка — и воздушная, и наземная, и агентурная — в один голос твердила, что перед фронтом армии «по-прежнему находятся только пехотные части». Из штаба фронта никаких настораживающих сообщений тоже не поступало.

Командармы же, имея опыт летних боёв, чувствовали неминуемое — режим тишины вот-вот закончится.

Из мемуаров маршала: «Вообще информация командующих армиями была организована тогда очень плохо. Мы, собственно, не знали, что происходит в пределах фронта, а за его пределами и подавно. Это мешало.

Приехал к нам с группой офицеров Михаил Фёдорович Лукин. Артисты московской эстрады давали свой первый концерт на полянке близ штаба армии. Декорациями служил пожелтевший лес.

Концерт был очень хороший. Все аплодировали с удовольствием и благодарностью.

Песни песнями, но, пользуясь случаем, мы уединились с Лукиным и поговорили о поведении противника, вызывавшем насторожённость. Решили провести силовую разведку.

На следующий день это осуществили.

В бою взяли пленных. Они показали, что у них в тылу на ярцевском направлении появились какие-то танковые и моторизованные части.

Мы приняли меры усиления, особенно в дивизиях, седлавших главную магистраль Вязьма — Смоленск.

В. И. Казаков организовал контрартиллерийскую подготовку, в которой участвовал и дивизион «катюш».

Ночь на 2 октября. Наблюдатели с переднего края и разведгруппы сообщали: со стороны противника явно слышен шум танковых моторов.

А с рассветом началось немецкое наступление на нашем центральном участке, где мы и ожидали удар.

Впервые за всё время вражеская авиация бомбила расположение нашего КП, не причинив, правда, большого вреда.

Находясь на наблюдательном пункте, мы видели, как почти одновременно с открытием артиллерийского и миномётного огня двинулись немецкие танки, а вслед за ними поднялась пехота. Но тут же ответили все орудия, предназначенные для контрартиллерийской подготовки. Били прямой наводкой противотанковые батареи. «Катюши» — уже целым полком — обрушили свои залпы на неприятельских солдат,

вылезших из окопов.

Наша пехота не дрогнула. Она достойно встретила огнём атаковавшие её густые цепи. На некоторых участках дело дошло до рукопашных схваток.

Бой продолжался до двенадцати часов дня.

Противник, понеся большие потери в людях и технике, не добился успеха. 16-я армия отстояла свои позиции.

После полудня завязались напряжённые бои у Лукина. Противник несколько потеснил на правом крыле 19-й армии её части, но командующий говорил мне, что надеется своими силами восстановить положение.

Весь следующий день враг держал под сильным огнём наш участок обороны, не предпринимая наступления. Группы самолётов бомбили позиции батарей и вели усиленную разведку дорог в сторону Вязьмы.

Сообщения из 19-й армии к вечеру 3 октября стали тревожнее. Командарм говорил по телефону:

— Вынужден загнуть свой правый фланг и повернуть фронтом на север... Связи с соседом — 30-й армией — не имею.

Лукин просил помочь, и мы направили ему две стрелковые дивизии, танковую бригаду и артполк.

У нашего соседа слева генерала Ершакова было спокойно.

Из штаба фронта никаких тревожных сигналов не поступало.

А между тем гроза надвигалась. Вскоре она разразилась при обстоятельствах абсолютно неожиданных».

Это теперь мы знаем, что группа армий «Центр» начала операцию «Тайфун». А тогда штабы армий и дивизий, располагая ограниченными разведданными и скудной информацией из штаба фронта, ждали, что будет, где атакует враг, кто окажется под танками основного удара...

Рокоссовский и Лукин, возможно, приняли атаку 2 октября как ответ на разведку боем, проведённую ими накануне.

Но началось то грандиозное, что зрело на здешних полях с августа, когда немцы остановили своё наступление на Москву. Последние мгновения затянувшейся тишины заканчивались...

За час до рассвета 2 октября непосредственно перед атакой солдатам группы армий «Центр» зачитали обращение Гитлера:

«Солдаты Восточного фронта!

Глубоко озабоченный вопросами будущего и благополучия нашего народа, я ещё 22 июня решился обратиться к вам с требованием предотвратить в последнюю минуту опаснейшую угрозу, нависшую тогда над нами. То было намерение, как нам стало известно, властителей Кремля

уничтожить не только Германию, но и всю Европу.

Вы, мои боевые товарищи, уяснили за это время два следующих момента:

1. Наш противник вооружился к готовившемуся им нападению буквально до зубов, перекрыв многократно даже самые серьёзные опасения.

2. Лишь Господь Бог уберёт наш народ, да и народы европейского мира от того, что варварский враг не успел двинуть против нас свои десятки тысяч танков.

Погибла бы вся Европа. Ведь этот враг состоит в основном не из солдат, а из бестий.

Теперь же вы, мои товарищи, собственными глазами увидели, что представляет собой «рай для рабочих и крестьян». В стране с огромной территорией и неисчерпаемыми богатствами, которая могла бы прокормить весь мир, царит такая бедность, которая нам, немцам, непонятна. Это явилось следствием почти 25-летнего еврейского господства, называемого большевизмом, который представляет собой в истинном своём смысле не что иное, как самую обычную форму капитализма.

Носители системы и в том, и в другом случае — одни и те же: евреи и только евреи.

Солдаты!

Когда 22 июня я обратился к вам с призывом отвести ужасную опасность, угрожающую нашей родине, вы выступили против самой мощной державы всех времён. Прошло немногим более трёх месяцев и вам, мои боевые товарищи, удалось благодаря вашему мужеству разгромить одну за другой танковые бригады противника, вывести из строя его многочисленные дивизии, взять в плен громадное число его солдат и захватить бескрайние просторы — и не пустынные, но именно те, за счёт которых наш противник жил и восполнял потребности своей гигантской военной индустрии в сырье самого различного вида.

Через считанные недели все три важнейших промышленных района окажутся в ваших руках!

Ваши имена, солдаты вермахта, как и имена наших доблестных союзников, названия ваших дивизий, полков, кораблей и авиаэскадрилий войдут в мировую историю, связанные с величайшими победами за весь её обозримый период.

Вот они, ваши деяния: более 2 400 000 пленных, свыше 17 500 танков и 21 600 орудий уничтожено или захвачено,

14 200 самолётов сбиты или уничтожены на земле.

Мир ещё не видел ничего подобного!

Территория, которую на сегодняшний день завоевали немцы и союзные нам войска, в два раза превышает территорию нашего рейха в границах 1933 года и в четыре раза — территорию английской метрополии.

После 22 июня мощнейшие оборонительные системы противника прорваны, форсированы крупнейшие реки, взяты штурмом многочисленные населённые пункты, крепостные сооружения и укрепайоны уничтожены или выкурены. С Крайнего Севера, где наши финские союзники вынуждены во второй раз доказывать своё героизм, и до Крыма вы вторглись совместно со словацкими, венгерскими, итальянскими и румынскими дивизиями на территорию противника на глубину порядка тысячи километров. К вам присоединяются испанские, хорватские и бельгийские части, за ними последуют и другие.

Эта борьба — вероятно, впервые — станет борьбой всех наций Европы и будет рассматриваться как единая акция в целях спасения культурных ценностей всего континента.

За линией гигантского фронта вместе с тем ведётся громадная работа: построено около 2000 мостов длиной более 12 метров каждый; возведено 405 железнодорожных мостов; введено в строй 25 500 километров железнодорожных линий, из которых свыше 15 000 километров переоборудованы на европейскую колею.

Ведутся строительно-восстановительные работы на тысячах километров дорог.

Огромные территории взяты под гражданское управление. Жизнь на них ускоренно восстанавливается по вполне приемлемым законам. Уже готовы громадные склады с продовольствием, горючим и боеприпасами.

Впечатляющие успехи этой борьбы достигнуты не без потерь. Однако число жертв — учитывая всю тяжесть скорби отдельных товарищей и их семей — достигает не более одной пятой потерь Первой мировой войны.

То, что вам, мои боевые товарищи, пришлось перенести за истёкшие три с половиной месяца совместно с доблестными солдатами наших союзников, продемонстрировав величайшие достижения, мужество и героизм и преодолев всевозможные лишения и трудности, знает лишь тот, кто сам выполнял свой солдатский долг в прошлой войне.

За три с половиной месяца, солдаты, наконец-то создана предпосылка для нанесения врагу последнего и решающего удара ещё до наступления зимы, удара, который должен разгромить его окончательно. Все подготовительные мероприятия, насколько это оказалось в человеческих

силах, завершены. Планомерно, шаг за шагом, сделано всё необходимое, чтобы поставить противника в такое положение, когда мы сможем нанести ему смертельный удар.

Сегодня начинается последнее величайшее и решающее сражение этого года.

Эта битва должна поставить на колени не только противника, но и зачинщика всей войны — Англию. Ибо, разгромив противостоящего противника, мы лишим Англию последнего её союзника на континенте. Вместе с тем мы устраним опасность не только для нашего рейха, но и для всей Европы, опасность нашествия гуннов, как когда-то впоследствии монголов. Весь немецкий народ в предстоящие несколько недель будет близок к вам, как никогда прежде.

Свершения, достигнутые вами и нашими союзниками, обязывают нас всех к глубочайшей благодарности. В предстоящие последние тяжёлые дни вместе с вами будет вся наша родина, которая затаив дыхание будет следить за вашими деяниями, благословляя на подвиги. С Божьей помощью вы не только добьётесь победы, но и создадите важнейшие предпосылки для установления мира!

Адольф Гитлер. Фюрер и верховный главнокомандующий вермахта.

Ставка фюрера.

2 октября 1941»^[40].

Слушали это обращение и солдаты 3-й танковой группы генерала Гота. Поход на восток ещё не разочаровал их, и они внимательно, а порой и с восторгом воспринимали каждое слово своего фюрера.

Дальнейшие события, довольно подробно описанные Рокоссовским в книге «Солдатский долг», развивались — если доверять автору — следующим образом.

Вечером 5 октября в штаб 16-й армии пришёл приказ за подписью Конева: «...немедленно передать участок с войсками генералу Ф. А. Ершакову, а самому со штабом 16-й армии прибыть 6 октября в Вязьму и организовать контрудар в направлении Юхнова».

«Сообщалось, — вспоминал маршал, — что в районе Вязьмы мы получим пять стрелковых дивизий со средствами усиления».

Никаких дивизий и средств усиления, никаких даже маломальских сил в Вязьме или окрестностях они не нашли. Только потом объявился стрелковый полк одной из дивизий, предназначенной для укомплектования нового, вяземского состава 16-й армии. Дивизия запаздывала с прибытием. События развивались стремительно, и вскоре ни о каком манёвре в

направлении Спас-Деменска и Юхнова попросту не могло быть и речи.

Первоначально приказ из штаба фронта поступил телеграфом. В штабе армии он вызвал, мягко говоря, недоумение. Полковник Малинин вспылil: «Уходить в такое время от войск?! Уму непостижимо!»

По всей вероятности, именно недоверие к приказу заставило Рокоссовского настоять на том, чтобы ему был доставлен приказ за личной подписью Конева и заверенный печатью. «Кресты» многому научили. «Неудачный» план с вариантом отхода, который при необходимости можно квалифицировать как элемент пораженчества... А теперь и вовсе — оставить войска без полевого управления...

Подписанный комфронта и заверенный приказ лётчик доставил ночью.

В последнее время в потоках исторических исследований и военной публицистики появились публикации, обвиняющие Рокоссовского чуть ли не в трусости: мол, бросил войска и убежал из Вязьмы на гжатский рубеж, а между тем, аргументируют эти авторы, Константин Константинович должен был снять с позиций свои дивизии и выполнить приказ — встретить противника с юга, предотвратить замыкание кольца окружения вокруг Вязьмы и всей фронтовой группировки. При этом, как водится в подобных случаях, полный текст приказа не публикуется, но приводятся *нужные* выдержки.

Вот этот приказ:

«Командарму-16 и 20.

Командарму-16 Рокоссовскому немедленно приказываю участок 16-й армии с войсками передать командарму-20 Ершакову. Самому с управлением армии и необходимыми средствами связи прибыть форсированным маршем не позднее утра 6.10 в Вязьму. В состав 16-й армии будут включены в районе Вязьмы 50, 73, 38 и 229 сд, 147 тбр, дивизион РС, полк ПТО и полк АРГК.

Задача армии — задержать наступление противника на Вязьму, наступающего с юга из района Спас-Деменска, и не допустить его севернее рубежа Путьково, Крутые, Дрожжино, имея в виду создание группировки и дальнейший переход в наступление в направлении Юхнов.

Получение и исполнение донести.

Конев — Булганин — Соколовский. 5.10.41 г.»^[41].

Когда окончательно определилось направление ударов танковых клиньев, Конев, не получив разрешения на отвод войск на Можайскую линию обороны, принял решение контратаковать северную и южную

группировки противника подвижными соединениями. Северную возглавил заместитель командующего Западным фронтом генерал И. В. Болдин^[42], южную поручалось вести в бой Рокоссовскому.

Если Болдину вовремя, ещё до подхода немецких авангардов, пусть и не в полной мере, но всё же удалось собрать подчинённые ему части и подразделения, то Рокоссовскому противник этой возможности уже не дал.

Итак, из приказа явствует, что с собой командарм-16 мог взять только одну дивизию из состава армии — 38-ю Донскую полковника Кириллова. В ходе боёв на ярцевских высотах дивизия была пополнена. Прибыл из-под Смоленска, перебравшись через Соловьёву переправу, третий полк. Но не суждено будет им, генералу и дивизии, в деле показавшей свою стойкость и надёжность, воевать вместе. Её полки не успеют сняться с позиций, чтобы прибыть в район Вязьмы для действий южнее города. Известие об окружении придёт раньше, начнётся хаос и, как следствие, неминуемый разгром. В конце концов полковник Кириллов выполнит последний приказ генерала Лукина разделиться на мелкие группы и пробиваться самостоятельно, возглавит одну из них, но из окружения выйти не сможет. Немцы запечатают «котёл» так, что после 10 октября выйти станет уже почти невозможно. Полковник Кириллов останется на оккупированной территории, организует в Семлёвском лесу партизанский отряд «Смерть фашизму» и будет успешно руководить им до лета следующего года. Но не поладит с местными партийцами из бывшего Семлёвского райкома ВКП(б), не подчинится работникам НКВД, которыми зимой активно наводнялись партизанские отряды с целью улучшения управления и повышения дисциплины, и 14 июля 1942 года будет приговорён Военным трибуналом Западного фронта к расстрелу. В 1991 году его полностью реабилитируют. А его храбрая Донская дивизия, с которой, по сути дела, и начиналась Ярцевская армейская группа генерала К. К. Рокоссовского, перестанет существовать в октябре 1941 года «как погибшая на фронте борьбы с немецко-фашистскими захватчиками».

50-я дивизия принадлежала 19-й армии. Получив приказ, она погрузилась на автотранспорт и помчалась к Вязьме. Но не успела. Танки уже шли по улицам города. Грузовики с дивизией, минуя заставы противника, выскочили на большак и умчались в сторону Вереи. Так дивизия избежала гибели в окружении и заняла оборону на новых рубежах.

73-я и 229-я дивизии принадлежали 20-й армии. Обе погибли в окружении. 147-я танковая бригада дралась в составе северной ударной группы генерала Болдина.

Так что обвинения напрасны. Признаков малодушия Рокоссовский не

обнаруживал ни в бою, ни в тюрьме.

Много судеб прервётся в ту дождливую осень в вяземских лесах. Много жизней остановится под берёзами, в оврагах, у дорог. Многих искалечит плен, многие будут расстреляны, повешены, умрут от голода и болезней — и здесь под Вязьмой, и в неволе, в лагерях.

Бог войны как будто и теперь вмешался в ход событий и спас не только нашего героя, но и его штаб, созданный его стараниями, умом и талантом. По большому счёту штаб Рокоссовского — армейский и фронтовой, — который почти не менялся всю войну, а только совершенствовался, вбирал в свой сложный организм всё лучшее и всех лучших, был наиболее эффективным и профессионально достаточным из всех штабов РККА. Не зря потом маршал Жуков, назначенный командующим войсками 1-го Белорусского фронта, не отдаст Рокоссовскому во 2-й Белорусский почти никого из работников его штаба.

Но вернёмся в Вязьму, ещё не захваченную противником.

Из воспоминаний Рокоссовского: «Никаких частей мы не встречали. Связаться со штабом фронта всё не удавалось. Ощущение оторванности было гнетущим. Крайне беспокоил вопрос, что происходит южнее магистрали. Мы с Малининым остановились у стога сена в ожидании разведданных. Лобачёв^[43], захватив нескольких офицеров, поехал вперёд. Прошло не более часа, и он вернулся, опустил рядом с нами на сено:

— Встретил на перекрёстке Василия Даниловича Соколовского. В Касне уже никого нет. А наша задача, он сказал, остаётся прежней.

По мнению Лобачёва, начальник штаба фронта в это время сам точно не знал, что где происходит.

Разведчики всё ещё не обнаружили каких-либо войск в районе Вязьмы. Где они находятся, эти обещанные в приказе И. С. Конева дивизии? С этой мыслью я ехал к месту расположения нового нашего КП.

Мы нашли его почти готовым. Заработали радисты. Штаб фронта молчал: должно быть, находясь в движении, не успел развернуть свои радиосредства.

Не смогли радисты связаться и с какими-либо частями.

Поручив Малинину разыскивать войска и добиваться связи с фронтом или Ставкой, мы с Лобачёвым отправились в город.

Начальник гарнизона генерал И. С. Никитин доложил:

— В Вязьме никаких войск нет и в окрестностях тоже. Имею только милицию. В городе тревожно, распространяются слухи, что с юга и юго-востока из Юхнова идут немецкие танки».

Через несколько минут Рокоссовский с колокольни Троицкого собора

сам увидел эти танки: они стояли на городской окраине и уже контролировали дорогу, обстреливая из пулемётов грузовики, которые на бешеной скорости выскакивали из города. Это были старые знакомые — танки 7-й танковой дивизии генерала фон Функа. Фон Функ — опытный замыкающий: его дивизия замыкала кольцо вокруг Минска, потом вокруг Смоленска.

На одной из улиц вылетели прямо на немецкий танк. Водитель, как опытный боксёр, упреждая удар, тут же нырнул в переулок и вскоре выбрался к шоссе Вязьма — Можайск. Свернули в лес. Там подождали, пока соберутся все. Выслали разведку. Разведка донесла: шоссе восточнее Вязьмы перехвачено и контролируется танками и бронетранспортёрами; город запружен войсками, в основном мотопехотой, войска всё подходят и подходят; по большаку на Сычёвку непрерывное движение войск и техники. Стало очевидным, что они попали между внутренним и внешним кольцом окружения. Таким образом, внешнее предстояло ещё пройти. А возможно, и прорывать с боем.

По пути к ним пристали группы бойцов, несколько бронемашин и лёгких танков. В одной из деревень присоединился эскадрон НКВД. Кавалеристы с готовностью встали в строй.

Перед маршем всех разбили на подразделения, назначили командиров. Выступили тремя колоннами. Правую вёл генерал Казаков, центральную — сам командарм, второй эшелон, в котором следовали автомашины и весь обоз, — полковник Орёл^[44].

«У штабного автобуса Лобачёв собрал людей, — вспоминал маршал. — Офицеры, шофёры, бойцы... Последние указания: ни при каких обстоятельствах не разбиваться на мелкие группы, идём и сражаемся вместе, помня воинское правило — один за всех, все за одного; раненых ни в коем случае не оставлять, убитых, если обстоятельства не позволят вывезти, хоронить на месте.

В сумерках трудно было рассмотреть лица людей. Но мы чувствовали, что они правильно понимают командование. Война уже многому научила.

Ночь. Двинулись. Сыпал крупный дождь. Просёлочные дороги раскисли.

Время от времени — остановки для подтягивания отстающих и выравнивания колонн. Больше всего задержек из-за машин, а набралось их около сотни. То и дело вытаскивали из грязи с помощью танков.

В пятнадцати километрах был намечен первый привал близ одной из деревень. При подходе к ней разведчики, а затем и головная застава натолкнулись на немецких мотоциклистов и пехоту на двух машинах.

Завязали бой: поддержанные двумя танками, быстро разделались с противником. Немцы разбежались, оставив убитых, разбитую машину и несколько мотоциклов. В этой стычке главные силы нашего отряда не участвовали.

В пути неоднократно вспыхивала то слева, то справа перестрелка между нашими разъездами и мелкими группами немцев».

По пути группа Рокоссовского встретила части 18-й ополченческой дивизии. Они тут же были подчинены и последовали дальше в общей колонне, во втором эшелоне с задачей обеспечивать марш с запада и юга.

У Гжатска наскочили на немецкий заслон. Головной дозор попал под огонь танков и бронетранспортёров. Пришлось обходить город севернее, по лесам. Гжатск уже был занят противником. В 40 километрах от Можайска радиостанция наконец поймала позывные штаба фронта. Установилась связь. В Можайске оказались наши войска. Вышли!

За Рокоссовским и Лобачёвым из штаба Западного фронта прислали самолёт У-2. Перед самым отлётом произошла такая сцена.

Рокоссовский и член Военного совета армии уже подошли к самолёту, когда их догнал начальник штаба и протянул командарму знакомый лист, однажды уже побывавший в полёте:

— Возьмите с собой приказ о передаче участка и войск Ершакову.

— Зачем?

— Может пригодиться. Мало ли что...

В штабе Западного фронта в просторной штабной избе уже шло совещание. Из Москвы прибыла комиссия ГКО: Ворошилов, Молотов, Василевский и, как отметил в своих воспоминаниях маршал Конев, «другие товарищи». Возможно, этими товарищами были синие фуражки. Но совещание прошло без сожжения ведьм на кострах. В Москву на правёж никого не повезли. История с генералом Павловым и его штабом — чего ожидали многие — на этот раз не повторилась.

Однако вначале всё пошло именно по минскому сценарию.

Переступив порог штабной избы, Рокоссовский сразу понял, что разговор идёт ожесточённый: лица у всех тяжёлые, в глазах и вопрос, и ответ одновременно. Ищут виноватого. Конев к тому времени, по всей вероятности, уже отбилсЯ. Что и говорить, об отводе он запрашивал Ставку заблаговременно, когда всё ещё можно было поправить. Но из Москвы телеграфировали кратко: стоять на прежних рубежах.

— Как это вы со штабом, но без войск Шестнадцатой армии оказались под Вязьмой? — тут же последовал вопрос маршала Ворошилова.

И вопрос, и грубоватый тон свидетельствовали, что перед прибытием

Рокоссовского речь шла именно о 16-й армии и несостоявшемся контрударе южной подвижной группы.

Рокоссовский взял себя в руки и сказал:

— Командующий фронтом сообщил, что части, которые я должен принять, находятся в районе Вязьмы.

— Странно...

Конев молчал. Почему молчал Конев?

— Командующий фронтом сообщил об этом письменно. — И Рокоссовский достал из полевой сумки приказ.

Приказ читали все. Зловеще поглядывали на Конева. Когда с текстом ознакомились все члены комиссии, как вспоминал маршал, «у Ворошилова произошёл бурный разговор с Коневым и Булганиным».

А вот следующей фразе Рокоссовского можно и не поверить: «Затем по его вызову в комнату вошёл генерал Г. К. Жуков».

Создаётся ощущение некой театральности: главные персонажи вели некие диалоги, а за дверью ждал некто, кто потом и сыграет главную роль в развернувшейся драме...

Возможно, Рокоссовский несколько сместил временные рамки и последовательность событий. На самом деле, как доказали многие исследователи, Жукова в самый пик «бурного разговора» в штабе фронта в Красновидове не было. Он колесил по калужским дорогам и по приказу Сталина пытался выяснить на месте, что произошло с войсками, насколько угрожающа катастрофа и что ещё можно предпринять для главного — защиты Москвы. В штаб фронта он прибыл, когда уже был подписан итоговый документ, своего рода резюме комиссии:

«Москва, товарищу Сталину.

Просим Ставку принять следующее решение:

1. В целях объединения руководства войсками на Западном направлении к Москве объединить Западный и Резервный фронты в Западный фронт.

2. Назначить командующим Западным фронтом тов. Жукова.

3. Назначить тов. Конева первым заместителем командующего Западным фронтом.

4. Назначить тг. Булганина и Круглова членами Военного Совета Западного фронта.

5. Тов. Жукову вступить в командование Западным фронтом в 18 часов 11 октября.

Молотов, Ворошилов, Конев, Булганин, Василевский».

Назначение Жукова на главное направление произошло, конечно же, после консультаций со Ставкой и лично Сталиным. Очевидцы того совещания в Красновидове вспоминали, что Ворошилов и Молотов по ходу обсуждения кандидатур постоянно звонили в Москву.

Козлов отпущения решили не искать. Не те обстоятельства. Да и сами виноваты — не послушали Конева, не отвели вовремя войска. Ещё можно было предложить фон Боку ударить в пустоту, а потом встретить контрударом его марширующие колонны.

После доклада Рокоссовского и ознакомления с приказом Ворошилов, проявлявший на совещании особую активность, смягчился и даже пожал командарму руку; по словам маршала, «выразил всем нам благодарность от имени правительства и Главного командования и пожелал успехов в отражении врага».

Все тогда понимали: главное впереди.

Генерал Жуков вошёл в новую роль мгновенно. Первое, чем был озабочен новый комфронта, — ресурс, которым он располагал. Ресурс оказался скудным. Под рукой в трудный час не оказалось главного — войск.

В этих обстоятельствах все ждали — пойдёт фон Бок дальше, на Москву, или, удовлетворённый успехом классического окружения, увлечётся ликвидацией «котла». Вскоре стало ясно, что — увлётся. И в Ставке, и в штабе Западного и Калининского фронтов с облегчением вздохнули.

Немцам в октябре 1941 года не хватило того, чем всегда, несмотря на временные поражения, обладали русские. После боёв в районе Вязьмы группе армий «Центр» потребовалась передышка. Отдых. Надо было очистить от осенней грязи шинели и сапоги, пополнить запасы продовольствия, боеприпасов. Починить машины и мотоциклы, чтобы не преодолевать последний переход до Москвы в пешем строю. Пропустить через артмастерские вышедшие из строя орудия и миномёты. Одним словом, немцу необходимо было полное обеспечение. Русские, имея они такой успех на решающем направлении, ломили бы дальше не останавливаясь, без подвоза и машинной тяги. Тащили бы миномёты на горбу, а мины, перевязанные полотенцами, на плечах, имея провианта по горсти пшеницы в карманах шинелей. Именно так потом будут освобождены Сталинград, Белгород, Киев. Так будет взят Берлин. Наставлениям своего соотечественника фон Клаузевица немцы под Москвой не последовали. За что и поплатились. «Преследование

противника, — писал фон Клаузевиц, — второй акт победы, в большинстве случаев более важный, чем первый».

Противник переоценил и степень поражения наших войск, и степень боеспособности своих.

Таким образом, либо фон Клаузевиц оказался больше русским, чем немцем. Недаром он был потомственным русским дворянином и во время Бородинского и Вяземского сражений дрался в кавкорпусе Ф. П. Уварова. Либо русские оказались более прилежными учениками гениального военного теоретика с немецкой фамилией.

Дело под Вязьмой было проиграно. Жуков, как командующий войсками фронта, какое-то время пытался держать связь с окружённой группировкой, надеялся на Лукина, но все усилия оказались напрасными. Ни создать круговую оборону, ни организовать колонны для прорыва командующий 19-й армией не смог. Известно, что офицеры штаба выражали недовольство бездействием растерявшегося Лукина, его последними приказами, носившими явно пораженческий характер. Известно также, что те же офицеры не позволили ему выехать из «котла» на танке КВ и бросить, таким образом, своих солдат на произвол судьбы. Да и последнюю пулю — в ногу — он получил из мосинской винтовки. Кто стрелял, из донесений немецких солдат не ясно. Когда немцы обнаружили землянку и откинули полог, один из советских офицеров застрелился.

В плену генерал Лукин вёл себя мужественно, на предложение служить германской армии ответил резким отказом. Власова тоже не поддержал^[45]. Но на первом допросе наговорил много лишнего: «Большевизм — это чуждое русскому народу международное и еврейское явление. Он мог пустить корни... в силу конъюнктуры, сложившейся после Первой мировой войны... Крестьян и рабочих обманули... Рабочий получает 300–500 рублей в месяц (и не может на эти деньги ничего купить). Всюду царят нужда и террор... люди приняли бы с благодарностью своё освобождение от большевистского гнёта... Несмотря на всё это, я не верю в возможность ни организованного, ни спонтанного восстания в России. Все, кто в течение двух десятилетий поднимался против Красных властей, уничтожены, сожжены или вымерли. Толчок должен быть извне... Если вы создадите русское правительство, то откроются надежды на то, что переход на сторону так называемого врага не явится предательством родины... Если это поход за освобождение России от господства Сталина... Известные русские деятели наверняка задумываются об этом... Не все они присяжные сторонники коммунизма... Но Россия должна существовать как страна, идущая рядом с Германией...»

По всей вероятности, Сталин протокол допроса Лукина не читал. Когда генерал прошёл курс обязательных мероприятий в подмосковном фильтрационном лагере, его личное дело положили на стол Сталину. Тот просмотрел и наложил резолюцию: «Преданный человек, в звании восстановить, если желает — направить на учёбу, по службе не ущемлять». И попросил передать ему «спасибо за Москву».

Рокоссовскому повезло. Он сумел вывести из Вязьмы свой штаб, некоторое количество войск, транспорта и часть тяжёлого вооружения.

Но что значит — повезло? Попад в вяземский молох и хорошо понимая, что происходит вокруг, он не пытался ухватиться за чужое стремя и случайно выскочить из-под огня. Шёл вместе со всеми. А на Можайском большаке — в буквальном смысле. Вместе с солдатами — по шоссе. С оружием в руках.

Из эссе маршала Казакова «Образ полководца»: «В первые месяцы войны очень часто употреблялось слово «окружение». Это было отвратительное, паническое по своей сущности слово, а не военный термин. В этой связи мне хочется с чувством особого удовлетворения отметить, что когда под Вязьмой наш штаб оказался в тяжёлом положении и когда почти со всех сторон нас окружал враг, я ни разу не слышал, чтобы офицер или боец произнёс слово «окружение». В колоннах царили полное спокойствие и возможный в тех условиях порядок. Я глубоко убеждён, что в этом большая заслуга К. К. Рокоссовского, который в самых сложных ситуациях не терял присутствия духа, неизменно оставался невозмутимым и удивительно хладнокровным.

Константин Константинович обладал и другими драгоценными качествами, которые имели огромное влияние на окружающих и в постоянстве которых мы неоднократно убеждались в годы войны и после её окончания. Будучи безусловно строгим начальником, он никогда не был груб с подчинёнными, не прибегал к брани, как это с некоторыми бывало на фронте. Особенно поражала в нём способность воздействовать на провинившихся, ни в какой мере не унижая их человеческого достоинства.

За все эти бесценные качества нашего командующего по-настоящему любили и глубоко уважали не только в нашем штабе, но и в войсках (сначала армии, а потом и фронта)».

Новый командующий начал энергично строить московскую оборону. Вскоре Жуков вызвал к себе Рокоссовского.

В мемуарах маршал дал весьма лаконичную, но точную характеристику своему бывшему сослуживцу и однокашнику, каким он его увидел во время той непродолжительной встречи: «Он был спокоен и

суров. Во всём его облике угадывалась сильная воля. Он принял на себя бремя огромной ответственности».

Потрясающая, почти шекспировская ремарка. Она относится не только к Жукову, но в той же мере и к самому автору.

Глава пятнадцатая

БЕЛЫЕ ПОЛЯ ПОД ВОЛОКОЛАМСКОМ

Учитывая особо важное значение у креп рубежа, объявить всему личному составу до отделения включительно о категорическом запрещении отходить с рубежа. Все отошедшие без письменного приказа ВС фронта и армии подлежат расстрелу.

Г. К. Жуков. Из приказа. Октябрь 1941 года

Первоначально Жуков направил Рокоссовского со штабом и всем войском, с которым он прибыл из района Вязьмы, на Можайский боевой участок. Разговор произошёл 11 октября — в первый же день вступления Жукова в должность.

Рокоссовский со штабом и 18-й стрелковой дивизией отбыл в назначенный район. Но буквально на марше его догнало новое распоряжение, по воспоминаниям Рокоссовского: «...выйти со штабом и 18-й стрелковой дивизией ополченцев в район Волоколамска, подчинить там себе всё, что сумеем, и организовать оборону в полосе от Московского моря на севере до Рузы на юге».

13 октября Жуков издал приказ: «...все как один от красноармейца до высшего командира должны доблестно и беззаветно бороться за свою Родину, за Москву!

Трусость и паника в этих условиях равносильны предательству и измене Родине.

В связи с этим приказываю:

1. Трусов и паникёров, бросающих поле боя, отходящих без разрешения с занимаемых позиций, бросающих оружие и технику, расстреливать на месте.

2. Военному трибуналу и прокурору фронта обеспечить выполнение настоящего приказа.

Товарищи красноармейцы, командиры и политработники, будьте мужественны и стойки.

Ни шагу назад! Вперёд за Родину!»

Первые же приказы по войскам, исходившие из штаба Западного фронта, свидетельствовали о тяжелейшем положении на подступах к Москве и жёсткой руке нового командующего. Иного Рокоссовский от бывшего своего подчинённого и не ждал, знал его крутой нрав, упорство и умение держать в узде самого дикого коня...

Этим конём теперь были обстоятельства. Разгром фронтов. Полупустые окопы в залитых осенними дождями полях. Немецкие танковые колонны, которые, как сообщала воздушная разведка, уже приближались к Можайской линии обороны на разных её участках.

16 октября левый фланг армии подвергся первой атаке.

У соседей было, пожалуй, жарче. 13 октября пала Калуга, её с боем оставила 49-я армия. 14 октября танки 3-й танковой группы ворвались в Калинин. 16 октября 33-я армия покинула Боровск. 18 октября 5-я армия будет выбита из Можайска. В тот же день 43-я уйдёт из Малоярославца, опасно открыв фланг Можайской линии обороны.

В Москве началась паника, в некоторых районах грозившая перерасти в бунт. Власти приняли решение об эвакуации некоторых учреждений на восток. Их руководители и директора, пользуясь служебными возможностями и ресурсами, загружали машины ценными вещами и продуктами, очищали заводские и фабричные кассы и со своими семьями бежали из города. Но стихийно организованные заставы останавливали эти транспорты, их владельцев выбрасывали из кабин и избивали.

Вихрь внезапно возникшей в тылу паники долетел и до передовой. Увеличилось количество дезертиров, особенно из числа москвичей. Люди не выдерживали психологической нагрузки и, обеспокоенные судьбой своих семей, бросали окопы и лесными дорогами и просёлками пробирались в Москву.

Дезертиров останавливали армейские патрули и заградительные группы войск НКВД. Большинство задержанных тут же направлялись на пункты сбора; там формировались маршевые роты, и вскоре эти роты снова оказывались в окопах под Наро-Фоминском и Волоколамском.

Свежие резервные дивизии, о которых шёл разговор в штабе Западного фронта, находились ещё в пути. И путь их из Средней Азии и с Дальнего Востока был неблизким. Пока они не подошли, предстояло обходиться тем, что имелось под рукой. У Рокоссовского под рукой была 18-я стрелковая ополченческая дивизия полковника Чернышёва^[46]. Полки этой дивизии и некоторые другие части в первые дни обороны служили своего рода пожарными командами, которые перебрасывались с места на место на угрожаемые участки.

Приказы из штаба фронта поступали суровые, духу времени и обстоятельствам вполне соответствующие. Не соответствовали лишь наличию сил в армиях, из последних сил закрывавших московское направление. «Учитывая особо важное значение укрепрубежа, объявить всему личному составу до отделения включительно о категорическом запрещении отходить с рубежа. Все отошедшие без письменного приказа ВС фронта и армии подлежат расстрелу». Это читалось тогда в окопах по несколько раз в день.

Расстрельные приказы в те дни стали почти нормой повседневной жизни на передовой. Правда, эти приказы зачастую заканчивались не расстрелом, но всё же трибуналом с последующим разжалованием или понижением в звании и должности. Приказ читали в штабах армий, дивизий, бригад, полков и батальонов. Но были и расстрелы. Именно так, как говорилось в приказах: перед строем, перед свежевырытой ямой, с обязательным последним торжеством в виде зачитывания приговора. Всё это было. В том числе и в частях 16-й армии. Правда, наш герой на эту воспитательную статью особо не налегал.

Именно тогда, в октябре 41-го, у Рокоссовского и Жукова начались трения. Надо заметить, сложности их взаимоотношений всегда имели служебный характер. Ничего личного.

О том, как развивались события на фронте 16-й армии в октябре — ноябре 1941 года, лучше всего расскажут документы. Приведём здесь два из них. Недавно рассекреченные, они проливают свет на то, как здесь, под Волоколамском, было на самом деле.

В марте 1942 года начальник 1-го отделения оперативного отдела 16-й армии майор Соколов подготовил аналитическую записку для служебного пользования. Она охватывает месяц боёв армии: с середины октября до середины ноября — первый период.

«Волоколамская операция 14.10–16.11.41.

Краткое описание

14.10.41. Штаб армии сосредоточился в Волоколамске и приступил к организации управления частями Волоколамского УР.

На фронте 110 км оборонялись части:

302-й пулемётный батальон:

316 стрелковая дивизия.

15.10.41. 21-я Тбр^[47], войдя в состав 16-й Армии, была брошена из района Завидово через Тургиново на Калинин для содействия нашим войскам в этом районе. В этот же день кавгруппа Доватора в составе 50-й и 53-й кд из Волоколамска выдвигается на правый фланг Армии.

16.10.41 противник начал наступление на левом фланге Армии силою 80 танков и полка пехоты. В этот же день в состав Армии прибыли части усиления: 138-й, 528-й, 523-й, 289-й Артполки. На ст. Клин закончил выгрузку 552-й ПАП и 296-й ПТП.

В районе Волоколамска вышли из окружения остатки 690-го сп и части штаба 126-й сд.

В последующие дни наступление противника продолжается с возрастающей силой.

19.10.41 дано указание частям о создании противотанковых отрядов и расстановке их на путях движения танков. Состав каждого отряда 1–2 орудия ПТО, взвод сапёр с минами, стрел, взвод с бутылками «КС» и гранатами.

Оборона строится глубокой и, прежде всего, противотанковой. Этим, собственно, и объясняется упругость нашей обороны и медленное продвижение противника. Большие потери противника в танках отучили его от прорывов танками в глубину нашей обороны и заставили его закрепляться на достигнутых рубежах пехотой, которая, в свою очередь, также несла большие потери.

3. Имея огромное превосходство в силах против левого фланга Армии, противник стремился выйти в тыл Волоколамской группы войск и, сломав её оборону, устремиться к Москве, но его наступление разбивалось о стойкую оборону 316-й сд и мощную систему артиллерийского огня. Ценой огромных потерь в живой силе и танках удавалось оттеснить наши части. Последние, ведя упорные бои за каждый метр родной земли, отходили, сохраняя свои силы и нанося чувствительные потери противнику. Так за один день 25. 10. 41, бросив на направление Спас-Рюховское, Волоколамск 80 танков, враг потерял 40.

Заняв 27.10.41 Волоколамск, враг не добился основной цели — разгрома наших войск. Части армии успели закрепиться на новом рубеже и остановить дальнейшее наступление противника.

4. Не добившись цели, в районе Волоколамска противник предпринимает более глубокий обход нашей обороны. Заняв на участке 5-й армии г. Руза и сосредоточив там 10-ю тд^[48] и дивизию СС, противник начал наступление, стремясь выйти в район Ново-Петровск.

Это наступление с ходу было остановлено частями 18-й сд и подготовленной противотанковой обороной. Заняв Скирманово, противник дальше продвинуться не смог.

Нависание на фланге сильной группы противника создавало угрозу для всей Армии, а с выходом противника в район Ново-Петровск

открывался путь на Истру и далее на Москву. Для исключения такой угрозы предпринимается частная наступательная операция.

5. С утра 4.11.41 28 Тбр^[49], 365-й СП 18-й сд начали наступление на Скирманово. Для содействия этому наступлению Кавгруппа Доватора 50-й кд из района Сычи в направлении на Чернея, Михайловская действует по тылам 10-й тд противника, одновременно 258-й сп 78-й сд, наступая на Михайловская с востока, перерезал дорогу Руза, Покровская, затруднив снабжение войск противника, находящихся в районе Покровское, Скирманово.

Начавшиеся 4.11.41 бои продолжались с возрастающей силой. С обеих сторон силы увеличивались, противник стремился во что бы то ни стало удержать Скирманово как исходный пункт для последующего наступления. Но это ему не удалось. 13.11.41 в 4.30 наши части ворвались в Скирманово, продолжая преследование противника.

В итоге десятидневных боёв готовящееся наступление противника во фланг и тыл нашей Армии было сорвано. 10-я тд понесла значительные потери, а её 86-й мп^[50] был полностью разгромлен. По неполным данным, в районе Марьино, Скирманово, Козлово противник потерял убитыми и ранеными свыше 3000 человек. Нами захвачено 8 пленных, 30 танков, 1 тяжёлое орудие, 10 орудий ПТО, свыше 20 пулемётов^[51], не считая того, что было уничтожено огнём артиллерии и миномётов.

13.11.41 командир 10-й тд противника^[52] открыто по радио запросил помощи, ссылаясь на то, что у него нет горючего и боеприпасов.

Заключение. В Волоколамской операции части 16-й армии выполнили поставленную перед нами задачу.

Сравнительно небольшими силами^[53] было остановлено мощное наступление превосходящих сил противника (14.10—1.11.41), нанесли ему серьёзные потери, не только предотвратили наступление противника во фланг и тыл Армии со стороны Скирманово, но сами, перейдя в наступление, отбросили его с выгодного рубежа.

В ходе всех боёв враг понял, что ему в полосе 16-й армии к Москве не подойти и он должен искать других путей.

Месяц боёв на Волоколамском рубеже позволил подтянуть к Москве нужные резервы для окончательного разгрома врага»^[54].

Обстановка, сложившаяся в районе Волоколамска, и все последующие события сразу же, с первых дней пребывания там, напомнили нашему герою Ярцево: тот же яростный напор противника, танковые атаки.

Но были и отличия. Здесь, при всей опасности положения и

превосходстве противника, Рокоссовский чувствовал себя увереннее. В-первых, потому, что рядом с ним, постоянно, в любых обстоятельствах, всегда находился его надёжный штаб. Обеспечивалась бесперебойная связь со всеми участками обороны. Налажена управляемость.

«Развернув командный пункт в Волоколамске, — вспоминал маршал, — мы немедленно разослали группы офицеров штаба и политотдела по всем направлениям для розыска войск, имевшихся в этом районе, и для перехвата прорывавшихся из окружения частей, групп и одиночек».

Вскоре на позиции 16-й армии вышли 3-й кавкорпус генерала Л. М. Доватора^[55], две кавалерийские дивизии генерала И. А. Плиева^[56] и комбрига К. С. Мельника^[57]. Затем вышли из окружения несколько крупных групп вместе со своими штабами. Левее конников заняли позиции курсанты сводного полка Военного училища им. Верховного Совета под командованием полковника С. И. Младенцева^[58].

В одной из рот этого полка воевал будущий писатель, а тогда лейтенант, командир взвода курсантов Константин Дмитриевич Воробьёв. В первом же бою он получил контузию и попал в плен. Прошёл Клинский, Ржевский, Смоленский, Каунасский, Саласпилсский, Шяуляйский концлагеря. Совершил несколько побегов, последний — удачный. Возглавил в Литве партизанскую группу. Свои самые лучшие, самые яркие, суровые и пронзительные книги он напишет именно о боях в районе Клина и Волоколамска: «Это мы, Господи!..», «Крик», «Убиты под Москвой». Чтобы понять напряжение и всю жестокую ярость тех боёв, стоит перечитать книги Константина Воробьёва, лейтенанта армии генерала Рокоссовского.

Когда просматриваешь документы, относящиеся к периоду боев на волоколамском и клинском направлениях, а потом накладываешь на них мемуары маршала, не обнаруживаешь абсолютно никаких зазоров. Никаких белых ниток! Вывод: воспоминания Рокоссовского написаны честной и беспристрастной рукой. Хотя, как и все мемуары, они не лишены некоторых изъятий и умолчаний. Уже тяжело больной, он заглядывал в бездну, торопился, мечтал увидеть книгу и знал, что рукопись будут читать в Главпуре под увеличительным стеклом, что возможна задержка именно по этой причине. А потому многое опускал.

Когда на позиции армии вышел кавалерийский корпус и командующему об этом доложили, он сам пожелал встретить конников. Эскадроны держали строй. В частях чувствовались дисциплина и порядок. Словно кадры кинохроники, перед ним проходила его кавалерийская

солдатская и командирская юность. Ржали лошади, звенели стремена...

Появление кавкорпуса с лихим командиром во главе решило многие проблемы обороны армии. Кавалерия в основном воевала как пехота, но при необходимости могла маневрировать куда быстрее. Свободно, без задержек действовала с танковыми частями.

В ноябре, перед началом второго и последнего наступления немцев на Москву, в состав армии в качестве пополнения прибыли 17, 20, 24 и 44-я кавалерийские дивизии. По численности личного состава кавалерийские дивизии, как известно, значительно меньше стрелковых. Каждая из них насчитывала около трёх тысяч человек. Участь двух из них, 17-й и 44-й, оказалась плачевной. В журнале боевых действий 4-й танковой группы есть запись, которая свидетельствует и об уровне организации нашим командованием атак, и об их печальных результатах.

«Не верилось, — записал немецкий офицер, — что противник намерен атаковать нас на этом широком поле, предназначенном разве что для парадов... Но вот три шеренги всадников двинулись на нас. По освещённому зимним солнцем пространству неслись в атаку всадники с блестящими клинками, пригнувшись к шеям лошадей... Первые снаряды разорвались в гуще атакующих... Вскоре страшное чёрное облако повисло над ними. В воздух взлетают разорванные на куски люди и лошади... Трудно разобрать, где всадники, где кони... Немногие уцелевшие всадники были добиты огнём артиллерии и пулемётов...»

Разгромом кавалерийской атаки безумие не закончилось. Чем руководствовались наши доблестные командиры, неизвестно.

«И вот из леса несётся в атаку вторая волна всадников. Невозможно представить себе, что после гибели первых эскадронов кошмарное представление повторится вновь... Однако местность уже пристреляна, и гибель второй волны конницы произошла ещё быстрее, чем первой».

Эта атака нашла отражение и в дневнике командующего группой армий «Центр» фон Бока:» Отчаянная атака трёх сибирских кавалерийских полков в секторе 5-го корпуса была отражена с большими потерями для русских».

Не менее трагична история гибели 58-й Дальневосточной танковой дивизии. В ночь на 16 ноября, выполняя приказ Жукова уничтожить волоколамскую группировку противника, состоящую из 106-й, 35-й пехотных и 2-й танковой дивизий, Рокоссовский бросил в разведку боем танковую дивизию генерала А. А. Котлярова^[59]. К началу атаки разведданными танкисты не располагали. Не получили ничего из штаба армии, да и сами не озаботились. Полезли напролом. Немцы к тому

времени уже изготовились к своему решающему, второму броску на Москву. Ударные части и подразделения вывели в первый эшелон. И вот на них вышли танки 58-й дивизии и полезли по неразведанным маршрутам, как говорят, наобум. Некоторая часть боевых машин выкатилась прямо под огонь противотанковой артиллерии противника, сразу став лёгкими мишенями. Часть подорвалась на минах. Часть завязла в болотах и лощинах и стала такой же лёгкой добычей немецкой пехоты. Некоторые застрявшие в болоте танки были взорваны своими же экипажами. Несмотря на огромные потери, наступление дивизии всё же продолжалось, танки шли напролом, и к полудню 16 ноября танки 58-й выбили немцев из опорных пунктов в полосе Блудни — Бортники. 17 ноября дивизия продолжила наступление, но по-прежнему теряла боевые машины на каждом рубеже. Ни авиация, ни артиллерия её кроваво-огненный марш не обеспечивали. Разведка боем...

В результате за два дня боёв из 198 танков дивизия потеряла 140 боевых машин. Правда, по другим данным, потери дивизии за 16 и 17 ноября составляют 63 танка. Когда командиру дивизии генерал-майору А. А. Котлярову принесли сводку о погибших экипажах и сгоревших машинах, он написал записку и застрелился. «Общая дезорганизация и потеря управления, — написал генерал Котляров за минуту до выстрела. — Виновны высшие штабы. Не хочу нести ответственность за блядство. Отходите, Ямуга, за противотанковое препятствие. Спасайте Москву. Впереди без перспектив».

Разгром дивизии потряс командира. Погибло и пропало без вести до трети личного состава. Лишь небольшую часть боевых машин впоследствии удалось вернуть в строй.

История с самоубийством генерала Котлярова, как и все подобные ей имеют несколько версий, а это значит — покрыты мраком неизвестности. Известно, правда, что во время атаки дивизии на передовой находился Мехлис. Он занимался разбирательством, а потому и доложил Сталину о самоубийстве генерала. Именно из его донесения и известно теперь содержание предсмертной записки. Возможно, если бы разбирательством под Волоколамском занимался кто-либо другой, Котляров удержался бы от последнего шага. Неистовый Мехлис мог довести до самоубийства кого угодно.

Личному составу дивизии сообщили, что их командир погиб в результате прямого попадания снаряда в блиндаж, где он в тот момент находился.

«В каждом бою противник использовал главным образом своё

подавляющее преимущество в танках», — напишет спустя годы маршал в главе о подмосковном противостоянии.

Но ведь и наша сторона имела много танков! К сожалению, штабы к тому времени ещё не овладели тактикой эффективного боевого применения танковых частей. О гибели 58-й танковой дивизии в те годы, когда писались мемуары, благоразумнее было промолчать. И Рокоссовский промолчал.

Не всё ладилось в обороне 16-й армии. Противник почти мгновенно выявлял просчёты штабов и командиров и тут же всаживал свои танковые клинья именно в эти прорехи.

Например, Рокоссовский писал, что «каждой батарее и отдельному орудью, придаваемым пехоте или спешенной кавалерии для борьбы с танками, обязательно выделялись соответствующие стрелковые подразделения для прикрытия от немецких автоматчиков».

Но, как свидетельствуют архивные документы (донесения), артполкам и противотанковым полкам, которые спешно перебрасывались на угрожаемые участки, приходилось порой драться с немецкими танками и мотопехотой без боевых охранений.

Вот что писал в докладе по итогам боёв первого периода волоколамской обороны начальник артиллерии 16-й армии генерал Казаков. Этот документ может служить комментарием для многих неизвестных и загадочных страниц битвы за Москву. К тому же здесь отражён самый трудный период обороны 16-й армии, когда она встала на отведённом ей рубеже, но ещё не наполнилась силами и средствами для своего прочного стояния.

«Действия противотанковой артиллерии в Отечественной войне

25.10.41 года

(Волоколамское направление)

В период с 15.10 по 22.10 противник, предпринимая неоднократные танковые, а затем и пехотные с танками атаки, прорвал левый фланг обороны 16 армии (а вернее, оттеснил в силу малочисленности нашей пехоты, занимающей оборону, построенную в одну линию ротных опорных пунктов без вторых эшелонов и резервов) на участке Бобошино, свх. Болычев, потеряв более 80 танков и большое количество пехоты, овладел рубежом Кузьминское, Чертаново, Милованье. В результате боёв наши пехотные части (1075 сп и подразделения левого фланга 1073 сп) были рассеяны. С 22 по 24.10.41 в результате больших потерь в танках и пехоте на этом участке противник наступление прекратил. По данным разведки, в это время в районе Поречье сосредоточивалось до 500 танков.

Артиллерия в районе Спас-Рюховское, Рюховское, ст. Волоколамск в

количестве двух арtpолков и двух батарей 768 АП ПТО с малочисленной пехотой 2/1075 сп^[60], обороняющегося на фронте 8 километров, образовала три сильных противотанковых района с задачей — не допустить прорыва танков противника в направлении Осташево — Волоколамск.

Первый район Спас-Рюховское — 289 АП ПТО в составе 16 орудий 76-мм 39 года и 4-х орудий 25-мм 41 года (зенит.).

Второй район — Рюховское — 296 АП ПТО в составе 20 орудий 76-мм 39 года и 4 орудия 25-мм 41 года.

Третий район — Матвейково, Холстниково — 3-я и 4-я батареи 768 АП ПТО в составе 8 орудий 37-мм.

24.10.41 противник ввёл свежие пехотные дивизии и к вечеру овладел Сафатово, Дубосеково, Ивановское и, используя открытый фланг в направлении Осташево, Тоболево (10 км юго-вост. ст. Волоколамск), овладел Власово, Сапегино, Ивлево отдельными группами пехоты.

25.10.41 в 5.30 противник миномётным огнём обстрелял боевые порядки 289 АП ПТО. В 6.30 противник вновь миномётным огнём обстрелял 3-ю батарею. В 6.40 обстрелял 2-ю батарею. В 7.00 3-я батарея была обстреляна артиллерийским огнём. Противник вёл огонь батареями очередями. Из 12 выпущенных снарядов 6 не разорвалось. В 7.20 огонь артиллерии и миномётов противника по расположению боевых порядков усилился. Дивизионная артиллерия 316-й СД (приданная 2-я и 3-я батареи 358 АП 126 СД) вела ответный огонь по пехоте и миномётам противника. В 9.00 двенадцать самолётов противника боевые порядки полка подвергли ожесточённой бомбардировке, сбрасывались мелкие бомбы. Бомбардировка продолжалась 40 минут. Жертв как от артиллерийского, миномётного, так и от авиационной бомбардировки полк не понёс. В 9.40 тяжёлые бомбардировщики противника в количестве 25 самолётов подвергли ожесточённой бомбардировке боевые порядки полка. Было сброшено 150 бомб. Бомбардировка продолжалась около 35 минут. Одновременно с бомбардировкой противник обстреливал пулемётным огнём. В результате полк имел потери. Убито 4 красноармейца; подбито одно орудие и один трактор 5-й батареи; сожжена одна автомашина с кухней 3-й батареи.

В 10.10 с направления Становище на Спас-Рюховское появились три танка противника, но, встреченные огнём противотанковой артиллерии полка, ушли в южном направлении в лес.

В 10.35 около 80 танков противника в районе Становище, Чертаново повели атаку на боевые порядки полка. Огонь был открыт из всех орудий полка. Вслед за танками двигалась пехота, около 2-х батальонов, впереди

которой двигались шеренгой автоматчики — примерно 30 человек против каждого батальона. На танках также имелись автоматчики.

В 11.50 до эскадрона конницы противника из района Милованье атаковали 3-ю батарею. Бой принял ожесточённый характер. Имея малочисленные пехотные средства, батареи дрались одновременно с танками, с пехотой и конницей противника. В ход были пущены все огневые средства полка, включая два станковых, девять ручных пулемётов и винтовки. Для того чтобы отсечь пехоту от танков, орудия вели попеременно огонь: бронебойными снарядами — по танкам противника и шрапнелью на картечь — по пехоте. Пехота с танками и автоматчиками противника, не выдержав огневого удара 289-го АП ПТО, стала обходить Спас-Рюховское с востока и запада, выходя в тыл полка и в то же время выходя на фланги 296-го АП ПТО, занимающего противотанковую оборону в районе Рюховское. Обойдя с фланга Спас-Рюховское, противник открыл интенсивный огонь из автоматического оружия и миномётов по боевым порядкам полка как с флангов, так и с тыла, а танки противника перешли в атаку с тыла на огневые позиции.

К 12.30 289-м АП ПТО было уничтожено 55 танков, сбит один самолёт и уничтожено большое количество пехоты.

Третья батарея в результате огня автоматчиков и танков потеряла три орудия с расчётами и тракторами. 3 орудия 4-й батареи были смяты танками, атаковавшими с фланга и тыла. Танки начали давить расчёты, но расчёты укрылись в окопах. По одному из окопов прошёл танк, но люди остались живы. К поднявшимся из окопа командиру батареи, комиссару и зам. командира батареи направился экипаж одного из танков противника в сопровождении автоматчиков. Выстрелами из револьверов со стороны трёх героев-командиров экипаж танка был уничтожен. Судьба этих героев для нас до настоящего времени не известна. Первое орудие этой батареи было полностью уничтожено прямым попаданием из танка противника.

Пятая батарея была окружена танками и пехотой противника. Ни один человек из личного состава батареи из боя не вернулся. Судьба орудий не известна.

Находившиеся в районе Ивлево для прикрытия левого фланга полка два орудия 2-й батареи были атакованы четырьмя тяжёлыми танками противника из леса Чертаново. Подбив одно орудие, танки ушли в северном направлении. О судьбе второго орудия данные уточняются.

В 12.40 командный пункт полка, находившийся в Спас-Рюховское, был окружён танками и автоматчиками с левого фланга и пехотой с правого фланга. При выходе из окружения с боем штаб потерял около 30 процентов

личного состава.

Ведя наступление танковыми частями в направлении Становище, Спас-Рюховское, противник одновременно атаковал наши части крупными пехотными частями в направлении Дубосеково, Пагубино и Козино, Крюково, угрожая тылам 296 АП ПТО. К 12.40 296 АП был окружён танками и пехотой с флангов и с тыла. Полк вступил в бой один, не имея пехотного прикрытия.

До 9.00 25.10.41 против 296 АП ПТО, находившегося на южной и юго-западной окраинах Рюховское, противник активных действий не вёл. С 9.00 до 10.30 противник произвёл сильную артиллерийскую и миномётную подготовку по боевым порядкам 296 АП ПТО. Одновременно в 9.40 подверг бомбометанию с самолётов в количестве 28 штук. Зенитная батарея полка в это время сбила три самолёта типа «Юнкерс-88». Экипаж одного самолёта в количестве 4-х человек сгорел, второго — спрыгнул с парашютами, при приземлении разбились.

В 10.30 боевые порядки полка одновременно с направлений Дубосеково, Спас-Рюховское, Ивлево подверглись атаке силою до 80 танков и до одного пехотного полка. Полк открыл организованный артиллерийский огонь как по танкам, так и по пехоте противника. В результате огня уничтожено 16 танков и до двух рот пехоты. Прорвав незначительные силы нашей пехоты, находившейся на этом участке, танки и пехота противника вышли непосредственно на огневые позиции батареи. Личный состав стал нести большие потери от автоматического и пехотного огня противника. Шесть орудий полка (два орудия 1-й батареи, четыре орудия 2-й батареи) были раздавлены танками и уничтожены их огнём. Видя бесполезность пребывания на этом рубеже, командир полка отдал приказ о выводе материальной части на южную окраину ст. Волоколамск, где и перейти к обороне.

Полк, побатарейно, через леса северо-восточнее Рюховское стал выходить из боя, на ходу отстреливаясь ружейно-пулемётным огнём.

В результате боя уничтожено: 2-й батареей — 3 танка; 1-й батареей — до одной пехотной роты; 3-й батареей — 3 танка и до полутора взвода пехоты; 4-й батареей — 10 танков и до взвода пехоты. Полк понёс потери в материальной части — противником уничтожено 6 орудий 76-мм образца 1939 года; из-за отсутствия тяги расчётами взорваны два орудия 76-мм образца 1909 года и из двух вынуты замки (302-го пульбата — французских); одно орудие с личным составом пропало без вести. Личный состав полка героически сражался до последнего момента. Так, комиссар 1-й батареи политрук Селезнёв, будучи окружён пехотой противника,

отстреливался из личного оружия — нагана. После ранения в правую руку взял наган в левую и продолжал отстреливаться не отходя от орудия, где и погиб смертью героя.

В личном составе полк понёс потери.

Убитыми:

среднего начсостава — 1; младшего начсостава — 6;

рядового состава — 56.

Ранено:

среднего начсостава — 2.

Пропало без вести: среднего начсостава — 2; младшего начсостава — 7; рядового состава — 39^[61].

К исходу 26.10.41 полк в составе 5 орудий 76-мм 39 года и 4-х орудий 85-мм с личным составом сосредоточился в районе Покровское (13 км юго-восточнее Волоколамска).

К 17.00 отдельные группы пехоты, в основном автоматчики, вышли в лес восточнее Холстинково и отдельные группы пехоты вышли в рощи восточнее и юго-восточнее Крюково.

В это же время из леса 800 метров южнее Холстинково по направлению к ст. Волоколамск вышли 8 танков противника, но, встреченные организованным огнём 3-й батареи 768 АП ПТО, потеряли подбитыми три танка и скрылись в южном направлении. Один из трёх подбитых загорелся. Через 20 минут танки, ушедшие на юг, вновь возвратились и перешли в атаку на орудия ПТО, но вновь, потеряв подбитым один танк, повернули назад, не причинив никаких потерь в личном составе и материальной части орудиям ПТО.

Через 30 минут после второй атаки танков из леса вост. Холстинково левофланговый взвод 3-й батареи, занимающий огневые позиции на юго-восточной окраине Холстинково, был обстрелян сильным фланговым огнём автоматчиков и понёс потери в личном составе. Командир 3-й батареи, находившийся при этом взводе, учитывая создавшуюся обстановку, принял решение — отвести орудия к ст. Волоколамск. Сняв орудия с ОП под сильным огнём противника, взвод стал уходить через поляну восточнее Холстинково, при этом вёл стрельбу из автоматов и орудий с ходу. После залпов по лесу огонь автоматчиков стихал. Отход этого взвода прикрывал своим огнём 2-й взвод этой батареи, находившийся на ОП на юго-западной окраине Холстинково.

Через некоторое время 2-й взвод также был обстрелян сильным автоматическим огнём из района леса западнее и восточнее Холстинково. Взвод стал нести большие потери в личном составе. Комиссар батареи,

находившийся при этом взводе, учитывая невозможность обороны против автоматчиков, принял решение — снять с орудий личный состав и занять оборону на южной окраине Холстинково, а затем под прикрытием ружейного огня расчётов вывести орудия на северную окраину Холстинково, что и было сделано. Орудия были отправлены с шофёрами автомашин. Когда машины вышли на северную окраину Холстинково, комиссар стал организованно выводить личный состав расчётов, по два-три человека, к орудиям. Орудия с выходом на северную окраину Холстинково вновь были обстреляны автоматическим огнём из леса восточнее Холстинково. Подошедшие к этому времени номера, по два на орудие, открыли огонь по этим рощам из орудий. Под прикрытием их огня остальные бойцы расчётов вышли из боя, вынесли раненых.

Далее, отстреливаясь на ходу, орудия были выведены за стационарный посёлок, где занимала оборону другая батарея этого же полка. В дальнейшем орудия заняли ОП в районе кустарника И километра севернее ст. Волоколамск в общей обороне этого участка. Стало темнеть, и противник активные действия прекратил.

В результате боя 289 АП ПТО потерял 5 орудий разбитыми огнём из танков, 7 орудий подавленных гусеницами танков, судьба двух орудий с расчётами неизвестна.

Особо героически сражались командир 3-й батареи старший лейтенант Капицин Д. К., командир 4-й батареи старший лейтенант Серомахо и командир 5-й батареи лейтенант Беляков. Судьба их неизвестна.

Третья батарея 768 АП ПТО в материальной части потерь не имела. В личном составе потери: убито — 2; ранено — 5.

Занимающий противотанковую оборону в районе Чухалово, Татьянино, Высоково 525 АП ПТО с утра 25.10.41 был атакован противником силой до двух батальонов пехоты. На этом участке оборонялся 3-й батальон 1077 стрелкового полка на фронте 12 километров. Пехотой в основном были прикрыты дороги — отдельными опорными пунктами. С наступлением пехоты противника арtpолк открыл огонь вначале с закрытых позиций, используя связь между орудиями, а затем с открытых позиций на картечь. Боевой порядок полка был окружён пехотой противника. Попытки вывести материальную часть из-за плохого состояния дорог оказались безуспешными. Автомшины «ЗиС-5» не могли вывезти с ОП даже 85-мм орудия. Командир полка отдал приказ взорвать орудия, что и было сделано. Меньшая часть личного состава, около 30–35 %, вышла из боя на линию обороны по р. Лама. Большая часть погибла в бою.

Из действий противотанковой артиллерии за этот день можно сделать следующий вывод:

1) Артиллерия совершенно не имела потерь от танков и имела совершенно незначительные потери от авиации противника (несмотря на интенсивную бомбардировку 25 самолётов) как в личном составе, так и в материальной части до тех пор, пока не понесла тяжёлые потери от пехоты и автоматчиков противника, зашедшего на фланги и в тыл боевых порядков артиллерии.

2) При нормальном наличии нашей пехоты для прикрытия орудий артиллерия не имела бы таких тяжёлых потерь, а противник имел бы большие потери в танках и пехоте, так как при этих условиях артиллеристам не пришлось бы раздваивать своё внимание для отражения наступающей за танками пехоты, т. е. вести огонь шрапнелью на картечь.

3) Пехотные подразделения в силу их малочисленности не могли обеспечить фронт, фланги и даже тыл боевых порядков артиллерии. Только смелость личного состава 3-й батареи 768 АП ПТО и правильное решение командира и комиссара батареи обеспечили вывод материальной части и личного состава из тяжёлой создавшейся обстановки.

4) Личный состав 289 АП ПТО, выполняя приказ Народного Комиссара Обороны тов. Сталина — не отходить и, жертвуя собой, защищать подступы к Москве, до конца сражался с во много раз превосходящими его танковыми и пехотными частями противника.

5) В результате боя 25.10.41 противотанковая артиллерия понесла потери:

289 АП ПТО — в материальной части уничтожено 12 орудий 76-мм 39 года и о двух орудиях нет сведений. О потерях в личном составе сведений нет.

525 АП ПТО — уничтожено 7 орудий 85-мм и нет сведений о 4 орудиях 45-мм. О потерях личного состава сведений нет.

296 АП ПТО — уничтожено 6 орудий 76-мм французских и у 2-х орудий вынуты замки и испорчены прицельные приспособления»^[62].

Бесценный документ великой эпохи!

Доклад начальника артиллерии 16-й армии даёт наиболее полную картину того, что происходило в полосе обороны 16-й армии в октябре 1941 года. Из резервов Ставки и фронта армии дали артполки, но армия не смогла обеспечить их достаточными для боя пехотными охранениями. В результате целые батареи погибали, так и не увидев в прицелы своих орудий немецких танков.

Если наложить на эти обстоятельства суровый тон приказов

командующего фронтом Жукова, его жёсткие монологи во время телеграфных переговоров, которые так коробили командармов, то становится понятно, почему комфронта порой не выбирал выражений.

Конечно, удерживать стрелковому батальону 12 километров фронта — это против всех нормативов и уставов. В 1943 году, когда Рокоссовский будет командовать войсками Центрального фронта, дивизии его армий, стоя в обороне на орловском направлении, будут иметь перед собой участки фронта вдвое короче.

Но тогда, под Волоколамском и Клином, эти реденькие батальоны дивизии генерала И. В. Панфилова^[63] должны были жертвенно выстоять, потерять убитыми, ранеными и угнанными в плен половину, а порой и до девяноста процентов своего списочного состава, чтобы обеспечить — тогда ещё в смутном будущем — саму возможность новой обороны и на орловском, и на других направлениях.

Таким образом, командующий 16-й армией обеспечить пехотное прикрытие противотанковых батарей не мог при всём своём желании — некем. А Жуков, отвечая за весь Западный фронт и понимая, что если и дальше противотанковая артиллерия будет гибнуть от пехоты противника, жёстко требовал обеспечения прикрытия ПТО достаточными силами стрелковых частей.

В этом-то и заключался парадокс сложившихся обстоятельств. Все были правы. И в этой наэлектризованной обстановке, когда противник давил и давил из последних сил, усугубляя и без того трудное положение, неминуемо сталкивались сильные характеры командующих.

Первое серьёзное столкновение Рокоссовского и Жукова произошло во время боёв за Волоколамск и отхода частей 16-й армии на тыловые рубежи. Чтобы затруднить продвижение немецких танков, были взорваны водоспуски Истринского водохранилища. Поток воды высотой до двух с половиной метров хлынул по пойме Истры, затопив её к югу от плотины на 50 километров. Рокоссовский перед взрывом запросил у штаба фронта разрешение на отвод войск за водохранилище и залитую пойму. Но Жуков просьбу отклонил. Рокоссовский настаивал. Тогда комфронта направил в штаб 16-й армии короткую шифровку: «Войсками фронта командую я! Приказ об отводе войск за Истринское водохранилище отменяю. Приказываю обороняться на занимаемом рубеже и ни шагу назад не отступать».

Рокоссовского это задело. В своих мемуарах он комментировал приказ Жукова известным пассажем размышлений о роли командира в войсках. Эти яркие размышления интересны прежде всего потому, что, говоря о

Жукове, автор всё же больше рассказывал о себе: «Все мы, от солдата до командарма, чувствовали, что наступили те решающие дни, когда во что бы то ни стало нужно устоять. Все горели этим единственным желанием, и каждый старался сделать всё от него зависящее, и как можно лучше. Этих людей не нужно было понукать. Армия, прошедшая горнило таких боёв, сознавала всю меру своей ответственности.

Не только мы, но и весь Западный фронт переживал крайне трудные дни. И мне была понятна некоторая нервозность и горячность наших непосредственных руководителей. Но необходимыми качествами всякого начальника являются его выдержка, спокойствие и уважение к подчинённым. На войне же — в особенности. Поверьте старому солдату: человеку в бою нет ничего дороже сознания, что ему доверяют, в его силы верят, на него надеются... К сожалению, командующий нашим Западным фронтом не всегда учитывал это. <...>

В моём представлении Георгий Константинович Жуков остаётся человеком сильной воли и решительности, богато одарённым всеми качествами, необходимыми крупному военачальнику. Главное, видимо, состояло в том, что мы по-разному понимали роль и форму проявления волевого начала в руководстве. На войне же от этого многое зависит.

Мне запомнился разговор, происходивший в моём присутствии между Г. К. Жуковым и И. В. Сталиным. Это было чуть позже, уже зимой. Сталин поручил Жукову провести небольшую операцию, кажется в районе станции Мга, чтобы чем-то облегчить положение ленинградцев. Жуков доказывал, что необходима крупная операция, только тогда цель будет достигнута. Сталин ответил:

— Всё это хорошо, товарищ Жуков, но у нас нет средств, с этим надо считаться.

Жуков стоял на своём:

— Иначе ничего не выйдет. Одного желания мало.

Сталин не скрывал своего раздражения, но Жуков не сдавался. Наконец Сталин сказал:

— Пойдите, товарищ Жуков, подумайте, вы пока свободны.

Мне понравилась прямота Георгия Константиновича. Но когда мы вышли, я сказал, что, по-моему, не следовало бы так резко разговаривать с Верховным Главнокомандующим. Жуков ответил:

— У нас ещё не такое бывает.

Он был прав тогда: одного желания мало для боевого успеха. Но во время боёв под Москвой Георгий Константинович часто сам забывал об этом.

Высокая требовательность — необходимая и важнейшая черта военачальника. Но железная воля у него всегда должна сочетаться с чуткостью к подчинённым, умением опираться на их ум и инициативу. Наш командующий в те тяжёлые дни не всегда следовал этому правилу. Бывал он и несправедлив, как говорят, под горячую руку.

Спустя несколько дней после одного из бурных разговоров с командующим фронтом я ночью вернулся с истринской позиции, где шёл жаркий бой. Дежурный доложил, что командарма вызывает к ВЧ Сталин.

Противник в то время потеснил опять наши части. Незначительно потеснил, но всё же... Словом, идя к аппарату, я представлял, под впечатлением разговора с Жуковым, какие же громы ожидают меня сейчас. Во всяком случае, приготовился к худшему.

Взял трубку и доложил о себе. В ответ услышал спокойный, ровный голос Верховного Главнокомандующего. Он спросил, какая сейчас обстановка на истринском рубеже. Докладывая об этом, я сразу же пытался сказать о намеченных мерах противодействия. Но Сталин мягко остановил, сказав, что о моих мероприятиях говорить не надо. Тем подчёркивалось доверие к командарму. В заключение разговора Сталин спросил, тяжело ли нам. Получив утвердительный ответ, он с пониманием сказал:

— Прошу продержаться ещё некоторое время, мы вам поможем...

Нужно ли добавлять, что такое внимание Верховного Главнокомандующего означало очень многое для тех, кому оно уделялось. А тёплый, отеческий тон подбадривал, укреплял уверенность. Не говорю уже, что к утру прибыла в армию и обещанная помощь — полк «катюш», два противотанковых полка, четыре роты с противотанковыми ружьями и три батальона танков. Да ещё Сталин прислал свыше двух тысяч москвичей на пополнение. А нам тогда даже самое небольшое пополнение было до крайности необходимо».

Ещё до истринской истории разговоры с комфронта чаще всего велись на повышенных тонах. Особенно когда Рокоссовский в очередной раз просил прислать резервы. Вот один из таких эпизодов, вошедших в мемуары: «Разговор предстоял не из приятных, я заранее это предвидел. Стоически выслушал всё сказанное в мой адрес. Однако удалось добиться присылки в армию к утру 26 октября двух полков 37-миллиметровых зенитных пушек. Худо ли, хорошо ли, но это была помощь».

Справедливости ради стоит заметить, что разговор произошёл 26 октября, когда на столе у комфронта уже лежали донесения о разгроме под Спас-Рюховским и Холстинковым противотанковых артполков, не прикрытых боевыми охранениями. Что ж, командарму, не

позабывшемуся о правильной организации боя, ничего другого не оставалось, как «стоически выслушивать». Случались ошибки и у него.

16-я армия оказалась на острие удара северной группировки немцев. По замыслу штаба фон Бока, эта группировка должна была сломить оборону Западного фронта на узком участке, охватить с севера и северо-востока Москву вместе с находившимися здесь нашими армиями и соединиться с потоком, шедшим навстречу, — танками и моторизованными дивизиями 2-й танковой группы Гудериана. Но Гудериан увяз под Тулой и Михайловом. А танки 4-й танковой группы генерала Гёпнера не прошли здесь — под Волоколамском и Клином их остановили и начали истреблять дивизии Рокоссовского.

Напряжение противостояния между тем нарастало. 27 октября авангарды 2-й и 11-й танковых дивизий группы Гёпнера ворвались в Волоколамск. Накануне, 26 октября, Жуков в разговоре по телеграфу приказал железнодорожную станцию и город Волоколамск не сдавать ни при каких обстоятельствах. Из Ставки пришла телеграмма — уход из города и оставление станции Волоколамск Ставка называла «позором для Западного фронта». После оставления Волоколамска Рокоссовский получил ещё одну телеграмму, на этот раз от Военного совета Западного фронта: «Вы не справились с полученной задачей и, видимо, не поняли и не осознали приказа тов. Сталина... пропускаете противника на восток». В штаб 16-й армии тут же прибыла специальная комиссия для выяснения обстоятельств сдачи врагу Волоколамска.

Обычно в таких случаях летели чьи-то головы.

Волоколамск сдавали части 316-й стрелковой дивизии. Либо генерал Панфилов, либо Рокоссовский должен был пойти под трибунал.

С одной стороны, мы наблюдаем ситуацию, когда жёсткий Жуков, вроде бы перестраховываясь (так чаще всего трактуют этот эпизод истории), насылает на Рокоссовского комиссию, чтобы определить козлов отпущения. Но, как всегда, в таких историях есть другая сторона...

Из переговоров Жукова и Рокоссовского 26 октября 1941 года (0.30-2.00):

«Жуков. Первое. Что вам известно о противнике, который утром прорвался и вышел в полосу 16А? Второе. В чьих руках ст. Волоколамск, где наши там и где противник? Третье. Почему вы не обеспечили проводку телефона с вами? Четвёртое. Что делает 18-я дивизия для того, чтобы задержать продвижение противника?

Рокоссовский. 1. Известно — прорвавшаяся у Руза танковая колонна

головой проходила Песочная, а её передовые части к исходу дня вышли в Покровское. В Руза — полк пехоты противника.

2. В районе ст. Волоколамск идёт бой с группой прорвавшихся танков и автоматчиков противника. К исходу дня под давлением 29 мд и 2 тд, переходящей трижды в атаку при сильной бомбардировочной авиации противника, понеся большие потери, наши части отброшены к линии железных дорог.

Противником вводилось в бой с направления Осташево 125 танков, уничтожено и подбито 45 танков противника. Противник понёс тяжёлые потери. Бой был упорный и длился непрерывно с утра до исхода дня. На участке курсантского полка наступление противника было отбито. На направлении Спас-Помазкино вклинившийся в нашу оборону батальон пехоты противника полностью уничтожен. Положение правого фланга и центра устойчивое. Левый фланг слаб и выдержать напора столь превосходящих сил противника не смог.

Организуем оборону рубежа Волоколамск, р. Лама. Усилить левый фланг нечем. Драться будем до последнего бойца.

В этом бою большие потери понесла наша артиллерия раздавленными и подбитыми орудиями и личным составом.

Беспокоюсь за шоссе Волоколамск на участках к востоку от Волоколамска на Ново-Петровское, ибо прикрыть этот участок у меня нечем. Предполагаю, что вся подвижная группа противника с утра будет обтекать Волоколамск с юго-востока с выходом на шоссе.

3. Телефон находится в ведении НКВД. В нашей просьбе ими нам отказано.

4. 18-я дивизия занимает участок Спасс-Нудоль, Ново-Петровское, Ядренево. Один батальон по вашему приказу выброшен в район Онуфриево с задачей воспрепятствовать продвижению противника на Истра.

Жуков. Уточните пункты на ж. д., где находятся ваши части?

Рокоссовский. Лудина Гора, Муромцево, а к северо-западу на р. Лама.

Жуков. А что вы сделали с группой в районе Клишино, Спас-Рюховское, Осташево?

Рокоссовский. С этой группой весь день вёлся бой, эта группа противника потеряла 45 танков и прорвала наш фронт в районе Спас-Рюховское, в дальнейшем, обтекая с востока, группа танков и автоматчиков вышла в район ст. Волоколамск.

Жуков. Я спрашиваю, что вы сделали со своими частями в этом районе?

Рокоссовский. В течение ряда дней непрерывных боёв на этом участке действовал 1075-й полк, усиленный батальоном 18 сд, батальоном 609 сп и отдельными ротами, взятыми за счёт других участков. Вся эта группа, понеся тяжёлые потери в результате предшествующих боёв, и особенно сегодняшнего боя, к исходу дня отброшена на линию железной дороги южнее Волоколамск.

Жуков. Что вами сделано по приведению в непроезжее состояние района Тургиново на вашем фланге?

Рокоссовский. Участок Тургиново нами сдан частям 30-й армии. На этом направлении устроено много заграждений и минированных полей.

Жуков. Кем устроены?

Рокоссовский. Работы проводились фронтовыми сапёрами и нашими частями; по линии инженерного отдела представлена схема проделанной работы.

Жуков. Что вы предполагаете сделать по ликвидации противника, вышедшего в район Покровское?

Рокоссовский. Товарищ командующий, по уничтожению сил противника, вышедших в этот район и действующих на этом направлении, может быть брошена 28 тбр. Она ещё не прибыла в район Ново-Петровское, но командир бригады был в этом районе и получил приказ уточнить силы противника и в соответствии с этим их атаковать и уничтожить. В случае обнаружения крупных сил противника, действующих в районе Покровское, считаю более целесообразно дать ему бой на рубеже обороны 18 сд, расстроить его огнём обороны и добить действиями танковой бригады, не выбрасывая танков вперёд для самостоятельных действий вне взаимодействия со своими войсками.

Жуков. 1. Замысел противника ясен. Он стремится захватить Ново-Петровское, Истра.

2. Допускать подвижного противника с танками со слабой обороной дивизии двухполкового состава, только что сформированной, будет неправильно. Такую оборону он сумеет смять прежде, чем будет оказано противодействие.

3. В ваше распоряжение дается 28 тбр, которая уже повёрнута на Покровское.

4. 4-я танковая бригада, которая утром должна быть в районе Онуфриево, 27 тбр, которая разгружается утром в Истра, четыре бронепоезда: два — для действия в районе ст. Волоколамск, два — на участке Ново-Петровское, с задачей уничтожить мелкие группы противника в районе Покровское и отбросить их на юг, в дальнейшем

продвигаясь через Лысково на Руза.

4-я тбр через Онуфриево нанести удар по противнику в районе Старое Клемянница и, взаимодействуя с 28 тбр, наносить удар на Руза. Батальон в Онуфриево дать на усиление бригаде. Из района Орешки, Никольское, Коковино наносят удар части 133 сд.

27-ю танковую бригаду после разгрузки сосредоточить в лесу в районе Жилино в качестве фронтового резерва, но, если будет нужно, доложите — бросим и эту бригаду для того, чтобы ликвидировать рузскую группировку противника.

Ст. Волоколамск, гор. Волоколамск под вашу личную ответственность, тов. Сталин запретил сдавать противнику и по этому вопросу вам нужно через меня донести тов. Сталину, что вы сделаете для выполнения его приказа.

Не кажется ли вам, что ваш КП сейчас оказался не на месте и фронт ваш посыпался быстрее?

Рокоссовский. Как раз КП оказался на месте, ибо с этого КП мы смогли следить и руководить действиями всех частей. Я лично весь день находился там, где требовала этого обстановка. Это не связано с действиями КП, который обязан обеспечить связь со всеми частями, находясь в таком месте, в котором его работа не прерывалась бы воздействием артиллерии, миномётов и отдельных танков противника.

Тов. командующий, прошу уточнить, остаются ли в силе разгранлинии, установленные вашим приказом от 21.10.41 № 00358, и на кого возлагается операция по разгрому группировки противника, прорвавшейся из района Руза, так как этот район входит в полосу нашего соседа слева?

Относительно 4 тбр ничего мне не известно, где она находится — я не знаю. Руководить этой операцией для меня затруднительно, так как из ваших слов я должен буду руководить операциями у Волоколамска.

Что касается этого пункта — я вам уже докладывал, что будем драться до последнего бойца, но прошу учесть, что силы неравные, противник превосходит в три раза в пехоте, плюс танковые соединения. Усилить это направление ничем не могу. Будем продолжать бой тем же составом, который участвовал сегодня, сильно поредевшим.

Сейчас получил сообщение о выдвижении в сторону Волоколамска с запада 109, 101 пд противника, это ещё более усугубляет наше положение.

Жуков. Вы напрасно теряете время. Десять раз докладывать, что неимоверные силы противника и ничтожные силы вашей армии, — это не полагается командующему. Нам отлично известно и Правительству

известно, что есть у вас и что у противника. Вы исходите не из страха, который ещё весьма сомнителен, а исходите из задачи и тех реальных сил, которые вы имеете. Приказы Правительства и командования нужно выполнять без всяких предварительных оговорок.

Второе. Ваша граница с 5-й армией остаётся, как это указано в приказе, но противник выходит на ваше Ново-Петровское, где развёрнута ваша 18 сд. Первые действия будут происходить на вашей территории. Если будет успех, то противник, видимо, отойдёт на Руза на территорию вашего соседа. Для преемственности обстановки и для увязки взаимодействия от 5 А, откуда идёт 4-я танковая бригада, послан вместе с бригадой заместитель командующего 5-й армией генерал-лейтенант Богданов.

Поскольку это дело происходит на стыке, тут требуется организация взаимодействия. От фронта будет выслан, очевидно, Маландин, который будет к рассвету в Ново-Петровское. Неплохо было бы за счёт правого фланга 18-й дивизии усилить поддержку 28-й танковой бригады со стороны Ново-Петровское на Покровское.

Всё ли ясно?

Рокоссовский. Всё ясно.

Жуков. Ведите разведку и с раннего утра систематически докладывайте. Телефон прикажите немедленно поставить, и вы напрасно сдаётесь НКВД. Командуем мы, а не НКВД. Вы должны были доложить мне немедленно. Донесите срочно, кто конкретно отказался поставить телефон.

Рокоссовский. Есть тов. командующий. Доношу, что приказание двукратное не выполнили они.

Жуков. Сейчас получил данные: 28-я бригада сосредоточилась в Ново-Петровское, где после заправки спустится на Покровское. Берите в свои руки. Всё.

Рокоссовский. Есть»^[64].

Как видно из этих переговоров, Рокоссовский тот ещё дипломат. На вопрос «кто конкретно» из работников НКВД отказал ему в прямой связи со штабом фронта, он ответил: «...они».

Разговор выдержан в классическом стиле «начальник — подчинённый». И что тут удивительного? Или оскорбительного для подчинённого? Жёсткие требования? Или — несправедливые? Непосильные задачи? Но в те дни такие задачи ставились и другим армиям, и зачастую более непосильные. К примеру, 33-й армии генерала Ефремова.

Или 49-й армии генерала Захаркина. И ничего, держались. Выполняли приказ — держаться.

Выполнил свой приказ и Рокоссовский. За что и был вскоре награждён орденом Ленина.

Жуков, кстати, за Битву под Москвой, им явно не проигранную, был награждён всего лишь медалью «За оборону Москвы».

Когда начались разборки по поводу оставления Волоколамска и железнодорожной станции, Жуков сделал всё возможное, чтобы отвести удар от Рокоссовского. А Рокоссовский, в свою очередь, оградил от репрессий генерала Панфилова: «Я доверяю Панфилову. Если он оставил Волоколамск, то, значит, так было нужно».

«Изучив оперативные документы, опросив свидетелей, проведя другие следственные действия, комиссия установила, что виновных в умышленной сдаче Волоколамска нет». Такие резюме по итогам работы фронтовых комиссий просто так не появляются...

К 24 ноября, когда немцы продолжали наращивать удар на клинском направлении в рамках второго этапа своего наступления на Москву, фон Бок с удовлетворением записал в своём дневнике: «46-й танковый корпус достиг Истринского водохранилища. На юге от Солнечногорска противник оказывает ожесточённое сопротивление».

Рокоссовский со своим верным и надёжным штабом энергично строил манёвренную, вязкую оборону. Противотанковые районы и опорные пункты располагались не линейно (врыться в землю и стоять насмерть), а уступами в глубину. Такая оборона предполагает возможность отхода на тыловые позиции под прикрытием войск, находящихся во втором эшелоне. Одновременно не позволяет немецким авангардам, особенно танковым группам, одномоментно проламывать нашу оборону и затем беспрепятственно продвигаться в глубину.

Жуков смотрел на такой манёвр своего подчинённого из-под сдвинутых бровей: отход, то есть фактически оставление позиций то на одном фланге, то на другом, то в центре, может означать только одно — фронт 16-й армии трещит по швам и вот-вот может распасться...

Рокоссовский же маневрировал. Опасно, но гибко, уверенно, искусно. Армия с боями пятилась к Москве. Немцы нажимали. Донесения разведки и характер боёв свидетельствовали о крайней усталости противника, о том, что его атаки на грани отчаяния. Это вселяло надежду. Надо было сберечь силы.

В конце ноября, когда последовал второй и последний удар «Тайфуна» в глубокой обороне наших войск и немцы почувствовали неладное, фон

Бок с беспокойством докладывал начальнику штаба Верховного командования сухопутных войск генералу Гальдеру: «Если нам не удастся обрушить северо-западный фронт противника под Москвой в течение нескольких дней, атаку придётся отозвать, так как это приведёт к бессмысленным встречным боям с противником, в распоряжении которого, судя по всему, имеются многочисленные резервы и большие запасы военных материалов, а мне здесь второй Верден не нужен».

В эти дни в деревне Пешки недалеко от Солнечногорска, где временно разместился командный пункт армии, Рокоссовский в очередной раз попал под обстрел прорвавшихся немецких танков.

Последний рывок левого крыла группы армий «Центр» уже завершался. Слабели силы, иссякал ресурс. Но, направленный в сторону московских стен, он всё ещё был смертельно опасен...

Из воспоминаний маршала: «Не успел я отдать распоряжение командиру танкистов уточнить, кто же прикрывает шоссе, как начался артиллерийский обстрел деревни. Один из снарядов угодил в наш дом, пробил стену, но не разорвался внутри.

Вбежал наш офицер связи. Он доложил, что немецкие танки вошли в деревню по шоссе, автоматчики двигаются по сторонам, обстреливая дома.

В такую переделку мы ещё не попадали. Первая мысль: «Где же войска, перекрывавшие шоссе?..» Вторая: «Где наши машины, целы ли?..» (Мы их оставили на южной окраине.)

Вышли из избы. Стали осматриваться. В деревне то впереди нас, то в стороне рвались снаряды. Некоторые проносились со свистом и мягко шлёпались о землю или ударяли в постройки, в заборы, но не разрывались. По-видимому, это были болванки, которыми стреляли немецкие танки.

Ночь озарялась вспышками разрывов мин и массой светящихся разноцветными огнями трассирующих пуль. Подумалось: «Какая эффектная картина!..» Но тут же осознание опасности поглотило всё.

У дома всё ещё стоял танк. Командир предложил мне сесть в него. Я приказал ему немедленно отправиться в танке на розыски своей части, прикрыть шоссе и не пропустить врага дальше железной дороги, пересекавшей Ленинградское шоссе в 6–8 километрах южнее Пешек.

Сами же мы — а собралось нас человек двенадцать, — разомкнувшись настолько, чтобы видеть друг друга, стали пробираться к оврагу в конце деревушки. Невдалеке промчался на большой скорости Т-34. Под сильным обстрелом неприятеля он скрылся из глаз.

Осторожно приближались мы к шоссе и вскоре нашли свои машины. Наши товарищи — водители не бросили нас в беде.

Убедившись, что, блуждая под носом у противника, мы пользы никакой не принесём, я решил сразу отправиться в штаб армии и оттуда управлять войсками, сосредоточившимися на солнечногорском направлении».

За что и любили своего генерала и солдаты, и офицеры, и генералы — что все тяготы армейской и фронтовой жизни делил наравне со всеми. Ведь не забрался в танк, не пожелал под его бронёй выбраться в одиночку из-под обстрела в безопасное место. Пошёл вместе со всеми искать выход. И вместе со всеми выход нашёл. Подчинённые такое не забывают. Войну солдат измеряет своей жизнью и своими страхами. И когда попадает в переделку, а командира рядом нет, смерть настигает даже того, кого могла бы пощадить. Если же командир рядом и делит с солдатом всё — и страх, и надежду, и если избавление затем приходит, то таких командиров не только уважают, но и любят, а впоследствии о них слагают легенды.

Однако, обладая личной храбростью, герой наш бравадой не щеголял. Не любил, когда фронтовые генералы и старшие офицеры развлекались своего рода танцами со смертью, при этом подвергая опасности своих подчинённых. Шофёр Рокоссовского Сергей Иванович Мозжухин вспоминал: «В ноябре 1941 года мы вырвались на машине из горящего Клина, в который уже вошли фашистские танки. Всякое было. Я знал одно: что бы ни случилось, надо держать машину в исправности и любой ценой оберегать командарма. Сколько раз мы уходили от смерти! Ночевали в машине — он сзади, я — спереди».

Немцы продолжали нажимать. Рокоссовский на своём участке фронта продолжал маневрировать, с боем отходил, усеивая белые подмосковные поля трупами немецких солдат и горящими танками Гёпнера. Боевые порядки уплотнялись. Подходили резервы.

Немцы уже разглядывали Москву в бинокли. Подтягивали крупнокалиберную артиллерию.

Из книги «Солдатский долг»: «Ночью — было это в конце ноября — меня вызвал к ВЧ на моем КП в Крюково Верховный Главнокомандующий. Он спросил, известно ли мне, что в районе Красной Поляны появились части противника, и какие принимаются меры, чтобы их не допустить в этот пункт. Сталин особенно подчеркнул, что из Красной Поляны фашисты могут начать обстрел столицы крупнокалиберной артиллерией. Я доложил, что знаю о выдвижении передовых немецких частей севернее Красной Поляны и мы подтянули сюда силы с других участков. Верховный Главнокомандующий информировал меня, что Ставка распорядилась об усилении этого участка и войсками Московской зоны обороны.

Вскоре начальник штаба фронта В. Д. Соколовский сообщил о выделении из фронтового резерва танковой бригады, арtpолка и четырёх дивизионов «катюш» для подготовки нашего контрудара. К участию в нём мы привлекли из состава армии ещё два батальона пехоты с артиллерийским полком и два пушечных полка резерва Ставки. (Раньше эти силы намечалось перебросить под Солнечногорск.)

Сбор и организация войск для столь важного дела были возложены на генерала Казакова и полковника Орла. Они немедленно отправились в Чёрную Грязь, где находился вспомогательный пункт управления. Туда же вслед за ними выехал и я.

Затягивать организацию контрудара было нельзя. Всё делалось на ходу. Войска, прибывавшие форсированным маршем в район Чёрной Грязи, получали задачу и, не задерживаясь, занимали позиции.

С утра началось наступление. Наши части, поддержанные сильным артиллерийским огнём и мощными залпами «катюш», атаковали врага, не давая ему возможности закрепиться. Противник сопротивлялся ожесточённо, переходил в контратаки. С воздуха обрушивались удары его авиации. Однако к исходу дня немцы с их танками были выбиты из Красной Поляны и отброшены на 4–6 километров к северу. Совместно с частями 16-й армии в этом бою участвовали войска Московской зоны обороны.

Только успели мы разделаться с противником на этом участке, исключив возможность обстрела Москвы тяжёлой артиллерией, как осложнилась обстановка на солнечногорском направлении...»

Перед началом контрнаступления Ставка усилила армии и фронты. Кое-что перепало и 16-й армии: «...В нашу армию были переданы три стрелковые бригады. Фактически каждая представляла собой не больше чем усиленный стрелковый полк. Но это всё же подкрепляло армию, и мы были рады».

Рокоссовский бросил свои дивизии и бригады, арtpолки и дивизионы ракетных установок в контрнаступление почти без всякой паузы. Немцы продолжали атаковать, пытаясь хотя бы выиграть время и сохранить возможность «закрепиться и во что бы то ни стало удержаться на достигнутых рубежах вблизи Москвы».

К 8 декабря в результате трёхдневных непрерывных изнурительных боёв ударная группировка армии сломала сопротивление противника в районе Крюкова и начала продвижение на запад.

Маршал вспоминал: «В бою за Крюково наши части захватили около 60 танков, 120 автомобилей, много оружия, боеприпасов и другого

военного имущества.

В селе Каменка враг бросил два 300-миллиметровых орудия, предназначавшихся для обстрела Москвы.

Перешли в наступление и главные силы армии на истринском направлении. Нанеся удары по фашистам, не успевшим ещё, к нашему счастью, организовать оборону, войска сломили упорное сопротивление врага и начали преследование. Глубокий снежный покров и сильные морозы затрудняли нам применение манёвра в сторону от дорог с целью отрезать пути отхода противнику. Так что немецким генералам, пожалуй, следует благодарить суровую зиму, которая способствовала их отходу от Москвы с меньшими потерями, а не ссылаться на то, что русская зима стала причиной их поражения.

При отступлении немецкие войска делали всё, чтобы затормозить наше наступление. Они густо минировали дороги, устраивали всевозможные минные ловушки. Штаб армии старался быть поближе к головным частям, и приходилось часто обгонять войска, продвигаясь там, где наши сапёры ещё не успели снять минные препятствия. Ощущение, скажу, не из приятных... А задерживаться, пока все дороги и обочины станут полностью безопасными для движения, не позволяла обстановка: нельзя было допустить, чтобы противник успел оторваться от преследующих войск и прочно встать в оборону».

Комфронта Жуков в эти дни докладывал Сталину:

«К исходу 11.12.41 г.:

30-я армия генерала Лелюшенко, преследуя 1 тд, 14 и 36 мпд противника, окружила город Клин;

1-я [ударная] армия генерала Кузнецова, захватив город Яхрому, преследует отходящие 6, 7 тд и 23 пд противника и вышла на Ленинградское шоссе;

20-я армия генерала Власова, преследуя 2 тд и 106 пд противника, захватила город Солнечногорск;

16-я армия генерала Рокоссовского, преследуя 5, 10 и 11 тд, дивизию СС и 35 пд противника, захватила город Истра;

5-я армия генерала Говорова прорвала оборону 252, 87, 78 и 267 пд противника и развивает наступление в общем направлении на Ново-Петровское, Руза;

50-я армия генерала Болдина, разбив северо-восточнее Тулы 3, 4 тд и полк СС «Великая Германия» противника, развивает наступление на юг, тесня и охватывая 296 пд противника;

1-й гв. кавкорпус генерала Белова, последовательно разбив 17 тд, 29

мпд и 167 пд, преследует их остатки и захватил города Венёв и Сталиногорск;

10-я армия генерала Голикова, отбрасывая на юго-запад части 18 тд, 10 и 5 мпд, захватила город Михайлов и станцию Елифань.

После перехода в наступление, с 6 по 10.12.41 г., частями наших войск заняты и освобождены от немцев свыше 400 населённых пунктов.

С 6 по 10.12.41 г. захвачено: танков — 386, автомашин — 4317, мотоциклов — 704, орудий — 305, миномётов — 101, пулемётов — 515, автоматов — 546. За этот же срок нашими войсками уничтожено, не считая уничтоженных авиацией: танков — 271, автомашин — 565, орудий — 92, миномётов — 119, пулемётов — 131. Кроме того, захвачено огромное количество другого вооружения и боеприпасов, обмундирования и разного имущества. Немцы потеряли на поле боя за эти дни свыше 30 тысяч убитыми.

Всего за время с 6.11 по 10.12.41 г. захвачено и уничтожено, без учёта уничтоженных авиацией: танков — 1434, автомашин — 5416, орудий — 575, миномётов — 339, пулемётов — 870.

Потери немцев только по указанным выше армиям за это время составляют свыше 85 000 убитыми.

Сведения эти неполные и предварительные, так как пока в разгаре наступления нет возможности подсчитать все трофеи».

Победа была сокрушительной! При подсчёте трофеев врага, как водится, не жалели. Не жалели и наград. Многие отличившиеся были награждены орденами и медалями.

В феврале 1942 года Рокоссовский получит второй орден Ленина — за Москву. За Истру и Волоколамск. За Крюково и Спас-Рюховское.

Но до февраля были ещё бои, бои и бои...

Немцы отошли на заранее подготовленные тыловые позиции и встретили наступающие армии наших фронтов мощным огнём и контратаками. На некоторых участках отрезали глубоко вклинившиеся в их оборону дивизии и целые группировки. Судьба большинства из них оказалась трагической. Так, под Вязьмой, в тех же местах, где в октябре погибли окружённые армии Западного и Резервного фронтов, была блокирована ударная группировка 33-й армии генерала М. Г. Ефремова^[65]. Ефремов продержится в «котле» всю зиму и часть весны, но выйти оттуда со своими солдатами так и не сможет.

В эти дни суровых подмосковных боёв нашему герою улыбнулось скупое фронтовое счастье — встреча с женщиной и — недолгая, военная, грустная любовь. Именно военная, потому что с окончанием войны она

словно бы истаяла. Как снег в конце зимы...

Молоденькая военврач 2-го ранга 85-го походно-полевого госпиталя 16-й армии Галина Таланова, которую и санитары, и медсёстры, и раненые уважительно называли Галиной Васильевной, принимала очередную партию раненых, прибывших с передовой. Когда сняли всех с машин и на носилках разнесли по палатам, она устало побрела к операционной, где ей предстояла нелёгкая смена. Осколки, раздробленные кости, пробитые пулями лёгкие, проникающие ранения с кровоизлиянием... Навстречу шёл незнакомый высокий офицер в кожаном реглане. Не поднимая глаз, она деловито прошагала мимо. Но высокий офицер остановил её:

— Что же вы, товарищ офицер, не отдаёте честь?

Она встрепенулась, вскинула глаза и узнала его: это был командующий. Однажды она видела его, но мельком, в конце коридора, когда он приходил навестить кого-то из офицерской палаты.

— Простите, товарищ генерал-лейтенант. — И она вскинула ладонь.

А он внимательно смотрел на неё и не уходил.

— Видимо, сильно устаёте? Ну ничего, противник наш уже выдыхается, скоро наступит пауза. Раненых станет меньше. — И он улыбнулся.

И она улыбнулась.

Познакомились.

Вскоре встреча повторилась.

Это не было мимолётным увлечением. И уж тем более связью командира и подчинённой, что на фронтовом языке именовалось ППЖ — походно-полевая жена. Вспыхнула самая настоящая любовь. Как всякое сильное чувство, случившееся между свободным и несвободным сердцем, оно принесёт им короткое яркое счастье и мучительные страдания неминуемого расставания.

О фронтовом романе вскоре узнала Юлия Петровна. Как всякая верная женщина, не предававшая своего возлюбленного даже в самые страшные времена, когда и обстоятельства, и люди, даже близкие, советовали отказаться от него, забыть хотя бы на время, она была оскорблена, уязвлена, обижена. Переписку сразу же прервала. Он же продолжал слать ей письма, настаивая на ответах, потому что не переставал любить и её, и, конечно же, дочь Аду. Он по-прежнему считал их своей семьёй и не мыслил без них своего будущего. Тогда никто из них ещё не предполагал, какие испытания ожидают их всех впереди.

Глава шестнадцатая

СУХИНИЧИ

Удерживая прочно Сухиничи, наступательными действиями продолжать изматывать противника, лишая его возможности прочно закрепиться и накапливать силы.

Из директивы Западного фронта

Контрнаступление, начавшееся довольно удачно, хотя и кроваво, прокатившись железным катком по мёрзлым подмосковным, тульским, калужским и смоленским полям, вскоре стало замедлять своё движение на запад.

«Чем дальше отдалялись наши соединения и части от Москвы, — размышлял потом маршал, — тем больше возрастало сопротивление противника. Из документов, попадавших в наши руки, и показаний пленных стало известно, что Гитлер издал приказ о переходе к стратегической обороне. Тем самым ставилась задача во что бы то ни стало остановить продвижение советских войск и, используя наиболее выгодные естественные рубежи и суровые зимние условия, нанести им как можно больший урон, готовясь к летней кампании 1942 года».

Жуков, в какой-то мере идя на поводу у Ставки и одновременно подстёгиваемый кавалерийским азартом, продолжал гнать войска вперёд. Начались неувязки. Особенно там, где наступление велось несобранно, дивизии направлялись в бой веерно, отдельными батальонами и группами, на расходящихся направлениях. Немцы сразу почувствовали ослабление давления и начали контратаковать.

Особенно неважно шли дела на левом фланге Западного фронта, в районе Сухиничей. Там действовала 10-я армия генерала Ф. И. Голикова^[66]. Свежая, укомплектованная полнокровными дивизиями и бригадами, она изначально атаковала из-под Серебряных Прудов на Михайлов и Белёв, переправилась через Оку, совершила широкий марш на Жиздринском направлении и завязла в районе Сухиничей и Кирова^[67]. Имея под рукой одну из самых мощных армий, Голиков топтался на месте, пропуская один

за другим удары со стороны Варшавского шоссе и Жиздры одновременно. Сильная брянская группировка немцев, овладев Сухиничами, угрожала фланговым ударом отбросить как можно дальше на север наши войска от основной магистрали Орёл — Брянск и таким образом значительно улучшить своё положение. Если бы немцы удержали за собой Сухиничи и Юхнов, им ничего не стоило бы с окончанием зимы снова броситься на Москву.

Раздражённый неспособностью штаба 10-й армии ликвидировать сухиничскую группировку, которая продолжала удерживать важнейший узел коммуникаций и угрожала тылам дивизий, ушедших далеко вперёд, к Кирову, Жуков телеграфировал Голикову: «Почему части армии отходят без приказа и виновные в этом не несут ответственности, положенной по приказу фронта?.. Понятно ли Военному совету армии, что исключительная пассивность, отсутствие управления, беспечность привели к активности противника с целью вывода 216 п/д из Сухиничи, и второе — понятно ли Военному совету, что дальнейшие пассивные действия армии, игра в батальоны, игра в поддавки может развязать события и помешать нам в проведении главной операции фронта?»

Войска Западного фронта только что успешно завершили Калужскую наступательную операцию и совместно с армиями Калининского фронта приступили к Ржевско-Вяземской операции. Всё было напряжено. В том числе и нервы. Жуков пропихивал в «дыру», образовавшуюся в районе Медыни и Износок, ударную группировку 33-й армии — на Вязьму. Армии левого крыла должны были с боями продвигаться вперёд на своих участках. Операция заглохнет в апреле, закончившись гибелью западной группировки 33-й армии, её командующего генерала М. Г. Ефремова и полным истощением 10, 50, 49, 43-й армий и восточной группировки 33-й армии. Вязьма останется в руках противника.

А тогда, в январском аду наступления, многим, в том числе и Жукову, казалось, что стоит нажать ещё немного, собрать в кулак последние силы и волю — и...

Жуков выслушал оправдания Голикова, понял его настроение и сказал: «Ваши замечания, исходящие из неуверенности, я осуждаю. С такими настроениями только в беспорядке отходят, а победы ждать не следует. Говорю вам из своего личного опыта, что тот командир, который оглядывается назад, никогда успеха не будет иметь».

И заменил Голикова Рокоссовским.

Рокоссовский убывал с правого на левый фланг Западного фронта без войск, с одним полевым управлением. Войска и участок фронта передал

соседям. Начальнику штаба генералу Малинину поручил командование штабной колонной, она перебрасывалась в район Калуги, а сам с членом Военного совета А. А. Лобачёвым отправился сначала в штаб фронта, а потом в Москву.

Кстати, в штабной группе к новому месту службы убывала и военврач 2-го ранга Галина Васильевна Таланова.

Встреча с Жуковым была по-деловому короткой. Комфронта сразу предупредил, что резервов нет, чтобы по прибытии на место штаб 16-й армии рассчитывал только на те силы, что сосредоточены в районе Сухиничей. Правда, одну дивизию Рокоссовскому он всё же дал — 11-ю гвардейскую полковника Чернышёва. Это была та самая дивизия, бывшая 18-я ополченческая, которую штаб Рокоссовского в октябре 1941 года подобрал на пути из Вязьмы на Можайск.

Рокоссовский посмотрел на карту района: вокруг Сухиничей сосредоточены 322, 323, 324 и 328-я стрелковые дивизии и одна танковая бригада. Они занимали участок фронта протяжённостью 60 километров. Подумал: наверняка дивизии потрёпаны, но если в каждой по полку наберётся — хорошо, драться можно.

Словно угадывая его мысли, Жуков сказал:

— Надеюсь, что вы этими силами сумеете разделаться с противником и вскоре донесёте мне об освобождении Сухиничей.

Рокоссовский сдержанно кивнул:

— Принимаю ваши слова как похвалу.

Они понимали: немцы держатся за сухиничский узел неспроста — удерживая его, они не позволяют нашим войскам развивать наступление дальше, одновременно сохраняют плацдарм для возможного броска назад.

Ночевали Рокоссовский и Лобачёв в Москве. Разыскали начальника московской милиции В. Н. Романченко, сослуживца Рокоссовского по Даурии и боям на КВЖД. Виктор Николаевич жил один в своей просторной московской квартире. Семью отправил в эвакуацию. Старого боевого товарища принял со всей душой.

«В благоустроенной квартире моего товарища мы испытали блаженство, — вспоминал маршал ту встречу. — После ночёвок в машинах, окопах, землянках вдруг такая роскошь: горячая ванна, постели с чистым бельём. Светло, тепло и тишина — ни выстрелов, ни разрывов снарядов и бомб. На рассвете, плотно позавтракав, отправились в Калугу, куда в этот день должен был прибыть весь штаб».

Виктор Николаевич Романченко не забывал своего боевого товарища во все дни московского противостояния. Узнав, что на Ламе под

Волоколамском и Клином армией командует его бывший комбриг, тут же навестил его. Начал присылать необходимое снаряжение. За время боёв по его приказу в 16-ю армию из парка московской милиции было отправлено 300 единиц различного транспорта. Однажды позвонил по ВЧ: «Константин Константинович, принимай пополнение...» И вскоре у штаба выгружался из машин и строился в две шеренги, повзводно, батальон в милицейских шинелях. Прекрасно экипированный, хорошо вооружённый лыжный отряд. Его вскоре забросили в немецкий тыл для разведывательно-диверсионных действий. Связь поддерживали по радио. Разбившись на небольшие отряды, диверсанты комиссара Романченко взрывали немецкие штабы, обрезали провода связи, уничтожали склады и армейскую технику врага, добывали важные сведения. Статистика свидетельствует: каждый четвёртый московский милиционер в дни московской битвы дрался с врагом на фронте. Или же за линией фронта, в немецком тылу.

Дружбу они сохраняют на всю жизнь. После войны судьба их разведёт навсегда. Рокоссовский уедет в Польшу. Романченко попадёт под подозрение. В органах начнутся очередная чистка и перестановка кадров. Всплывёт девичья фамилия матери Виктора Николаевича — Натальи Францевны Шведе. Проверки, разбирательства. На вопрос о немецких корнях он ответит: «А какое имеет отношение национальность коммуниста к его партийности?» Сошлут вначале в Новосибирск. Потом и вовсе переведут в Управление исправительно-трудовых лагерей. В 1950 году его тело найдут в служебном кабинете «с запёкшейся кровью на затылке».

Друзья проверялись временем, испытывались обстоятельствами. С годами их становилось всё меньше. Оставшихся Рокоссовский ценил, относился к ним бережно. Дружбе помогало качество, которое он сохранял на протяжении всей жизни, — верность. Неспособность к предательству. Это спасёт — в конце всех мучений и приключений — и семью.

Кто придумал эту операцию, неизвестно. Она была гениальной!

Следующую ночь штаб 16-й армии провёл в Калуге. Вот там и созрел окончательно план взятия Сухиничей.

Решили: в штабных и дивизионных колоннах, которые через недавно отбитый у противника Мещовск маршируют к Сухиничам, переговорные устройства не отключать, напротив, радиопереговоры усилить, давая понять противнику, который явно будет контролировать эфир, что к Сухиничам движется войсковая колонна основных сил 16-й армии. Во время переговоров называть номера дивизий, части усиления и фамилию командующего!

Генерал Лобачёв вспоминал: «При передвижении штаба М. С.

Малинин шумел по радио как мог, запрашивая, где Рокоссовский, интересуясь, подходят ли дивизии».

Отдавая распоряжение к началу движения, генерал Малинин пошутил:

— Атакуем с развёрнутыми знамёнами!

— Да! — засмеялся Рокоссовский, ещё не вполне веря в успех задуманного. — И с барабанами...

На следующий день в небольшой деревушке отыскивали штаб 10-й армии. Хозяйство им доставалось незавидное. Дивизии — одни только номера и по полторы-две сотни бойцов. Да и те растянуты в нитку, так что нитка эта при первом же нажиме может лопнуть, и тогда начнётся то, что поправить имеющимися силами будет непросто.

— В штабе фронта мы получили сведения, что группировка фон Гильса вами окружена в Сухиничах, — выслушав доклад, сказал Рокоссовский.

Командир дивизии, которая занимала позиции в непосредственной близости к городу, пояснил:

— Мы их окружили, знаете ли, флажками. Но опасаясь, как бы самим не очутиться в западне...

Стало ясно, что поставленная комфронта задача не соответствует ни силам, ни средствам, имевшимся в распоряжении Рокоссовского, ни реальной обстановке, сложившейся к этому времени в районе Сухиничей.

Однако приказ надо было выполнять. Начали собирать войска.

По плану, разработанному штабом, главный удар наносила 11-я гвардейская, а вспомогательный — более слабая 324-я дивизия генерала Н. И. Кирюхина^[68].

Наступило утро 29 января. Ночью полки заняли исходные рубежи. Атака должна была начаться после артподготовки. Генерал Казаков, поглядывая на часы, уже снял с рычага телефонную трубку, чтобы отдать приказ артиллеристам открыть огонь. Но тут зазуммерил аппарат командира гвардейской дивизии. Генерал Чернышёв взял трубку. Докладывали из полка первого эшелона.

— Что случилось? — спросил Рокоссовский.

— Товарищ командующий, командир полка докладывает, что в расположение пришли жители города и сообщили: немцы спешно покидают позиции и уходят. В Сухиничи высланы усиленная разведка и батальон пехоты с двумя танками.

Казаков поморщился, махнул рукой:

— Очередные немецкие штучки...

Действительно, не похоже было, что боевая группа фон Гильса

покидала город. Буквально накануне поступили разведданные: гарнизон Сухиничей пополнился прибывшими со стороны Брянска частями 208-й пехотной и 18-й танковой дивизий.

«Как бы там ни было, — вспоминал маршал, — но я решил задержать открытие артиллерийского огня. Казаков передал приказ на батареи. Долетели звуки редкой перестрелки. Явно из города. Но стрельба не усиливалась. Что же там происходит?»

Через несколько минут командир 11-й гвардейской дивизии сообщил:

— Из штаба полка только что доложили: противник бежал из Сухиничей. Разведка, батальон с танками и полковая артиллерия уже в городе, а полк на подходе к нему.

Рокоссовский тут же отдал распоряжение на преследование. Генерала Малинина по телефону предупредил:

— До полного выяснения обстановки в штаб фронта о случившемся не доносить. Подготовить всё для перевода КП в город и сейчас же выслать ко мне оперативную группу со средствами связи.

Вскоре штабные машины въехали в Сухиничи. Повсюду виднелись следы поспешного бегства противника. Возле одного из домов, где размещался штаб фон Гильса, обнаружили вполне исправную легковую машину. Редкий трофей.

Город не был заминирован. Видимо, фон Гильс до конца был против оставления Сухиничей. Разведка застала в городе несколько групп немецких автоматчиков — прикрытие, обеспечивавшее вывод тяжёлой техники и орудий, и завязала с ними бой.

Ударные подвижные группы 16-й армии начали преследование. Но уже в шести километрах к западу от Сухиничей натолкнулись на прочную оборону. И Кирюхин, и Чернышёв вскоре почти одновременно доложили, что преодолеть огонь противника не удаётся.

Рокоссовский, зная умение немцев отыгрывать временные неудачи мощными контратаками, приказал стянуть к Сухиничам всё, что можно, чтобы перекрыть возможные пути опорными пунктами и огнём артиллерии.

И только вечером позвонил в штаб фронта. Жукова на месте не оказалось, доложил начальнику штаба генералу Соколовскому^[69]: Сухиничи в наших руках. Вскоре от Жукова поступил запрос на подтверждение. Наконец комфронта вызвал командарма-16 к прямому проводу:

— Поступило донесение о взятии вами Сухиничей. Хотел бы услышать от вас лично: соответствует ли оно действительности?

— Да, соответствует. Сухиничи — наши.

— Где ваш штаб?

— В Сухиничах. Говорю с вами из Сухиничей, — ещё раз подтвердил Рокоссовский.

— Где противник?

— Противник закрепился на линии Попково — Маклаки.

— Опасно, — на всякий случай предупредил Рокоссовского комфронта. — Скоро получите директиву на ближайшее время.

На этом разговор прервался. Что означало жуковское «опасно», можно было только догадываться. Однажды под Волоколамском в октябре комфронта выговорил ему за то, что штаб и КП загнал слишком глубоко в тыл. Упрёк уязвил. Однако малодушием Рокоссовский не страдал и подобные упрёки быстро забывал.

О том, каково штабу и командному пункту 16-й армии приходилось под боком у противника, вспоминал генерал Лобачёв: «Сухиничи находились под артиллерийским обстрелом и днём и ночью. Противник долбил нас методически вплоть до 8 марта. Артналёты следовали один за другим, по два, а то и по три раза на день. Иногда обстрел продолжался 20–30 минут. Даже баней не удавалось попользоваться в своё удовольствие. Однажды с командармом поддали пару той крепости, какую любит и терпит только русская кость. Банька вздрагивала от недалёких разрывов. Вошёл старый хозяин и одобрительно заметил, что дух подходящий, но посоветовал всё же заканчивать.

— Видишь, он рядом кладёт, долго ли до греха...

— Ничего, отец, — отвечал Константин Константинович. — Смерть будет лёгкая...

Артобстрел немцы вели из Попкова. Большое село, расположенное на высоте, господствовало над окружающей местностью. Фашисты превратили его в сильно укреплённый пункт, основательно насыщенный огневыми средствами. Вражеский гарнизон там насчитывал свыше полутора тысяч человек. На вооружении имелись и танки».

Главное требование новой директивы штаба Западного фронта 16-й армии было таким: «Удерживая прочно Сухиничи, наступательными действиями продолжать изматывать противника, лишая его возможности прочно закрепиться и накапливать силы».

В Ставке опасались нового рывка группы армий «Центр» на Москву. В армиях центрального направления Гитлер заменил почти всех своих генералов, сделал значительные перестановки среди фельдмаршалов. Из Франции, внутренней Германии и даже Африки перебросил пехотные и

танковые дивизии.

Командующий обсудил новую директиву со своим штабом и командирами дивизий и полков. Приказ есть приказ.

«Требование фронта было трудновыполнимым, — вспоминая Сухиничи, писал маршал. — Одно дело изматывать врага оборонительными действиями, добиваясь выравнивания сил, что мы и другие армии и делали до перехода в контрнаступление. Но можно ли «изматывать и ослаблять» наступательными действиями при явном соотношении сил не в нашу пользу, да ещё суровой зимой?»

После кровавого марша по подмосковным, тульским и калужским снегам, после изматывающих боёв и колоссальных потерь и командармы, и их солдаты ждали отдыха. Или хотя бы основательной передышки. Сделавшие своё дело, они рассчитывали, что вполне заслужили эту паузу. И Рокоссовский, и командующие соседних армий от пленных, из донесений агентурной разведки и лётчиков знали, что против них стоят более мощные группировки и было бы благом, не изнуряя свои войска атаками, на какое-то время перейти к глухой обороне, накопить силы, огневой ресурс, пополнить людьми дивизии и артполки.

Получив директиву, Рокоссовский со штабом изложил своё видение задачи по изматыванию и ослаблению противника и представил его в виде «обстоятельного доклада» в штаб фронта.

Документа этого в архивах пока обнаружить не удалось. В мемуарах в главе «Сухиничи», надо полагать, коротко приведены основные положения того доклада: «На широкие наступательные операции сил не хватало. Решено было каждый раз ограничиваться определённой конкретной целью. Наиболее заманчивым объектом борьбы были населённые пункты, занимаемые противником. Потеря каждого такого пункта являлась для врага чувствительной, так как это сразу отражалось на его системе обороны огнём, в которой пробивалась брешь.

Немецко-фашистские войска учитывали характер местности и зимние условия. Все деревни и хутора на переднем крае и в глубине были превращены в опорные пункты, обнесённые колючей проволокой. Подступы к ним были заминированы. Под домами — блиндажи с бойницами для кругового обстрела. Танки располагались для ведения огня прямой наводкой с места, являясь бронированными артиллерийско-пулемётными точками».

Ответ Жукова не замедлил себя ждать, и он был кратким: «Выполняйте приказ!»

8 февраля 1942 года началась наступательная операция левого крыла

Западного фронта с задачей уничтожить сухиничско-жиздринскую и болховско-брянскую группировки противника. Задача, поставленная штабом Западного фронта, была явно невыполнимой.

Вот здесь-то и начал Рокоссовский шлифовать и совершенствовать свой полководческий дар. Маневрировать пришлось на фронте шириной в несколько километров силами полутора-двух дивизий и десятка танков, из которых только два-три были тяжёлыми или средними, а остальные относились к классу «саранчи», как называли немцы наши лёгкие танки за их слабую броневую защиту, но хорошую манёвренность и быстротходность. Многие свои операции, принципы воздействия на противника, модели атак, отвлекающих ударов, взаимодействия родов войск Рокоссовский со своим надёжным штабом отработал именно здесь, под Сухиничами, Полковом и Маклаками.

Чтобы выполнить задачу, поставленную Жуковым перед 16-й армией, Рокоссовский пришёл к выводу: надо сколачивать немногочисленные, но мощные ударные группы и атаковать на узких участках с целью разгрома опорных пунктов противника. «Потеря каждого такого пункта, — вспоминал маршал, — являлась для врага чувствительной, так как это сразу отражалось на его системе обороны огнём, в которой пробивалась брешь».

Противник пытался погасить такие атаки массированными налётами бомбардировочной авиации, тем более что небо принадлежало люфтваффе. Но Рокоссовский приказал закрыть небо и маршруты своих атак зенитным огнём. В бою за опорный пункт Попково зенитчики сбили шесть немецких самолётов.

Момент попадания в один из «юнкерсов» наблюдал командарм. Вот облачка разрывов приблизились к самолёту, тот неожиданно «клюнул». Вокруг оживлённо загудели: «Есть попадание!» «Юнкере» начал заваливаться на крыло, задымил. Из него выпал чёрный шарик и стремительно полетел вниз. «Только один», — заметил кто-то из наблюдавших за падением самолёта. Парашют так и не раскрылся. Группу поиска всё же послали. И через несколько минут, к изумлению офицеров штаба, немца привели «живым и почти невредимым». Немецкий пилот упал с высоты почти двух тысяч метров в глубокий овраг, забитый снегом, и это его спасло.

Однажды перед очередной атакой в штаб армии прибыл представитель командования Западного фронта генерал Ф. И. Кузнецов^[70]. Фёдор Исидорович до начала московского контрнаступления не совсем удачно командовал 51-й Отдельной армией в Крыму. Немцы и румыны смяли оборону армии, прорвались через Турецкий вал и хлынули к Севастополю.

Ставка срочно бросила туда резервы во главе с надёжными генералами. Кузнецов от командования 51-й армией был отстранён. И вот прибыл налаживать дела здесь, в центре.

Кузнецов курировал Сухиничскую операцию и раскритиковал её в пух и прах. По поводу дальнейших частных ударов 16-й армии по немецким опорным пунктам он тоже высказывал своё неудовлетворение. О недостатках в организации наступательных действий 16-й армии Кузнецов постоянно докладывал Жукову, однако ни в распоряжениях, ни даже в телефонных переговорах Рокоссовский не почувствовал, что комфронта как-то на эти замечания и пожелания реагирует. А однажды просто посоветовал не обращать внимания на назойливого инспектора и спокойно продолжать командовать армией.

Не добившись желаемого, Кузнецов перебрался в 61-ю армию и там стал допекать генерала М. М. Попова^[71]. Постоянно звонил в штаб фронта и доносил об упущениях и недостатках работы командарма-61. Однажды, когда Кузнецов раскритиковал очередные мероприятия генерала Попова, не выдержал и сам Жуков: приказал Кузнецову немедленно вступить в командование 61-й армией «и показать, на что сам горазд». Кузнецов спохватился, понял, что перегнул, попытался пойти на попятный: мол, после его указаний Попов теперь и сам справится с делами, выправит положение. Но Жуков был непреклонен.

Не прошло и месяца, и противник, почувствовав ослабление давления 61-й армии, предпринял серию контратак, отбил важнейшие опорные пункты и опасно вклинился в оборону — местами до 30 километров. Видя неладное, Жуков спешно удалил крымского полководца из 61-й армии.

Взятие немецкого опорного пункта Попково Рокоссовский считал большой удачей. В Попкове оборону держал крупный гарнизон — до двух тысяч человек. Окопанные танки, артиллерия и миномёты на тщательно замаскированных огневых позициях. Ими был пристрелян каждый метр предполья.

Оборону сломили. Попково взяли. Появилась возможность для нового манёвра.

Именно в те дни, когда в районе Попкова всё гремело и горело, Рокоссовский получил наконец письмо от жены. Юлия Петровна нарушила обет молчания. Женское сердце дрогнуло. То письмо не сохранилось. Но в ответном послании Константина Константиновича можно прочитать многое:

«Милая Люлюсик!

Наконец-то получил от тебя целую пачку писем. Всё это передал мне

лично корреспондент «Правды», побывавший у тебя. Сижу, перечитываю письма и переживаю медовый месяц. Никто мне тебя не заменит, и никого мне не надо. Не грусти, Lulu, бодрись и верь, что мы с тобой встретимся и опять заживём по-прежнему. Целую тебя, мой светлый луч, бесчисленное количество раз.

Любящий тебя твой Костя.

17 февраля 1942 года».

Вечером 8 марта в Сухиничах намечалось торжественное собрание по случаю Международного женского дня. Накануне из-за частых обстрелов городских кварталов многие жители покинули свои дома и разбрелись по окрестным деревням. Там было спокойнее. Но после взятия Попкова, когда линия фронта значительно отодвинулась, люди стали возвращаться.

От Попкова до Сухиничей Рокоссовского домчали аэросани Отдельного аэросанного батальона, который только что успешно атаковал лыжный десант противника, прорвавшийся в тыл и опасно оседлавший одну из дорог. Немецкий отряд оказался довольно большим, до двух лыжных рот. Аэросанный батальон буквально раскромсал их внезапным нападением и мощным пулемётным огнём. Бойцы захватили пленных. Их предстояло допросить в штабе армии.

Серия снарядов разорвалась рядом со штабной избой. И через небольшую паузу ещё один. Звякнуло оконное стекло. Стало трудно дышать. И Рокоссовский выдохнул:

— Ну, кажется, попало...

Глава семнадцатая

ТИШИНА ЛИСТВЕННИЧНЫХ АЛЛЕЙ

*Милая Lulu, не скучай, помни, что я мысленно
нахожусь с тобой. Тебя люблю и только о тебе думаю...*

*Из письма Рокоссовского жене Юлии
Петровне. Май 1942 года*

Из Козельска, из тылового армейского госпиталя, Рокоссовского на самолёте отправили в Москву.

Земский доктор, испанские санитары и врачи козельского госпиталя сделали всё необходимое и для спасения жизни раненого, и для последующего выздоровления. Ранение оказалось тяжёлым, проникающим. Были пробиты лёгкие, задет позвоночник.

В Москве Рокоссовского поместили в госпиталь, расположенный в одном из зданий Сельскохозяйственной академии им. К. А. Тимирязева.

Как известно, в госпитале он лежал до 22 мая, а 26-го под Сухиничами уже планировал со своим штабом атаку на Жиздру — районный город к юго-западу от Сухиничей.

А пока — белая палата для старшего офицерского состава. За окнами — тишина лиственных аллей. Во время войны многие студентки и аспирантки знаменитой Сельхозакадемии стали санитарками и медсёстрами и ухаживали за ранеными тут же, в своих аудиториях и учебных кабинетах. Некоторые из них впоследствии вспоминали, как по очереди украдкой ходили в офицерский корпус, чтобы хотя бы одним глазком заглянуть в палату, где лежал, медленно приходя в себя, молодой красивый генерал. Он был похож на Андрея Болконского, раненого при Аустерлице, к которому, согласно сюжету, должна была явиться Наташа Ростова...

И она явилась.

Однажды, когда генерал уже чувствовал себя лучше, но ещё не вставал, к нему в палату пришла Валентина Васильевна Серова. В госпиталь знаменитая артистка приехала с концертной группой. И её попросили выступить перед раненым генералом, порадовать его,

томящегося в одиночестве, своим ярким искусством. Выступление закончилось знакомством и выражением взаимных симпатий. Учитывая темперамент Серовой, простое знакомство, как вскоре стало очевидным, угрожало перерасти в нечто большее.

Биографы Валентины Серовой говорят о том, что первая же встреча с генералом, его выразительные голубые глаза и высокая культура, сквозившая и в жестах, и в манере вести беседу, сразили пылкое сердце актрисы.

В тот же вечер она объявила своему гражданскому мужу, поэту и военному журналисту Константину Симонову, что полюбила другого.

Впоследствии свою бурную фантазию она трансформировала в миф тайной любви актрисы и генерала. Миф подхватила публика, мгновенно растиражировала его в различных вариациях и версиях. Так была создана легенда, которая постепенно стала апокрифом. И теперь в той истории, пожалуй, уже невозможно правду отделить от вымысла.

Валентина Серова — третья блондинка, как называли её в артистических кругах (после Любови Орловой и Марины Ладыниной), — до войны снялась в нескольких фильмах и сразу стала любимицей публики. Её героини — пылкие, жизнерадостные красавицы, излучающие любовь и доброту. Первый муж актрисы, «сталинский сокол» Анатолий Серов, погиб в 1939 году во время испытаний нового самолёта. После гибели мужа, которого Серова, кажется, будет любить всю жизнь, она станет частой гостьей так называемых «кремлёвских посиделок». Иногда во время правительственных приёмов вождь сажал её и вдову Валерия Чкалова Ольгу Эразмовну рядом с собой. Однажды во время очередной встречи в Кремле, улучив момент, Серова обратилась к Сталину с просьбой «предоставить ей новую квартиру вместо той, в которую она с Анатолием въехала незадолго до его гибели». Просьба Серовой была тут же удовлетворена — ей предоставили пятикомнатную квартиру в Лубянском проезде, где совсем недавно жила семья маршала А. И. Егорова, расстрелянного в 1939 году во время Большого террора. Вскоре она познакомилась с молодым поэтом и драматургом Константином Симоновым. Завязался роман. Впрочем, девушка с характером лишь снисходительно принимала любовь Симонова.

И вот весной 1942 года в её сердце вспыхнуло новое чувство. Серова зачастила в Тимирязевку. Рокоссовский же, догадавшись о причине частых появлений третьей блондинки Советского Союза в своей палате, после безуспешных переговоров выставил у дверей караул: буквально приказал дежурным больше не пускать к нему актрису.

По другим версиям, их встречи продолжались. И якобы генерал даже подарил Серовой часики с гравировкой: «ВВС от РКК». И, выписавшись из госпиталя, жил у неё в московской квартире несколько дней.

Конечно, сплетни и легенды на пустом месте не появляются. Звезда киноэкрана и красавец генерал, спаситель Москвы. Какой сюжет! Какая интрига! Жизнь, конечно же, талантливее и мощнее всех драматургов и режиссёров, сценаристов и актёров.

Но генерал оказался из другого теста. Да и блондинка у него уже была. Ждала в Сухиничах. Переживала за его здоровье. Посылала письма с офицерами, которые навещали своего командующего в тихом тылу, в лиственничных аллеях.

Дочь Валентины Серовой и Константина Симонова Мария Кирилловна^[72] писала, что между её матерью и Рокоссовским «не было романа».

Роман-то был, но, скорее всего, это был роман-фэнтези, придуманный романтической актрисой. Часть сюжета подарила война.

Шофёр Рокоссовского Сергей Иванович Мозжухин все дни, пока командующего возвращали с того света, а потом ставили на ноги, неотлучно находился рядом. Именно ему легенды приписывали роль ямщика, привозившего Серова в Тимирязевку на свидания. Константин Вильевич Рокоссовский, которому уже много лет приходится снимать, как говорится, «с вороту брань», в одном из интервью сказал: «Сергей Иванович Мозжухин... никогда не привозил Серова к Рокоссовскому. Он рассказал мне другую историю: в день знакомства Серова пригласила Рокоссовского в Большой театр, разумеется, когда он пойдёт на поправку. Деду это было приятно, что греха таить, всё-таки известная актриса! И спустя какое-то время они туда действительно поехали. В театр они зашли вдвоём с водителем, со служебного входа, нашли указанную в пропуске ложу. Серова села рядом с Рокоссовским. На неожиданную пару, разумеется, смотрел весь зал, и генералу стало неудобно под пристальными взглядами театральной элиты. Кончился спектакль. Из театра Рокоссовский вышел вместе с Сергеем Ивановичем. Сел в машину и вернулся в госпиталь. И пошли по Москве слухи...»

Журналисты, к дате или подходящему случаю, порой публикуют то там, то сям, выносят на экраны телевидения историю о том, что, мол, и Серова, и Рокоссовский в то время были свободны, а стало быть, что ж... Серова действительно вдовствовала. Имела сына. А генерал якобы ещё при первой встрече поведал ей о том, что его семья пропала без вести на оккупированной территории и что он тоскует в одиночестве.

Как мы уже знаем, Рокоссовский разыскал свою семью ещё в начале осени 1941 года. Лжецом же и примитивным донжуаном он никогда не был.

Из рассказа Константина Вильевича Рокоссовского: «...В семье разговор на эту тему заходил очень редко. Однако когда я заинтересовался этим вопросом, мать отрезала: «Серова выдумала всё это сама!» Мне бы не хотелось обидеть потомков актрисы. Возможно, у неё были на то причины, однако в нашей семье эту историю вспоминали с горечью. Злые языки, как говорится, страшнее пистолета, и бабушке пришлось тогда нелегко. Мама рассказывала мне, что маршал, по его же собственным словам, не питал большой симпатии к Валентине Серовой. Их встреча не произвела на него впечатления. И он сначала не понял, что ту галантность, которой Рокоссовский был известен, актриса истолковала по-своему. Думаю, что прозрел он только тогда, когда кто-то из знакомых пересказал слух о его романе с Серовой. Он сразу сел за перо. Написал жене, чтобы держалась, не переживала: «Я знаю, что тебе будет трудно, так как всяких слухов и сплетен не оберёшься. Причиной этому является то обстоятельство, что многим стало просто лестно связать моё имя с собой. Отметай все эти слухи и болтовню как сор». Это было спустя две недели после возвращения на фронт. Бабушка знала, что всё это неправда, что после госпиталя он был дома, а не у Серовой, что во время лечения она, а не актриса сидела у изголовья больного, но всё равно приятного мало».

Грань между романтической легендой и недоброй сплетней бывает порой чрезвычайно размыта. Семью Рокоссовских это, конечно же, беспокоит. Ведь главное в маршале Рокоссовском — его военные дела, его полководческий гений, а не подробности частной жизни, не фантазии романтической женщины, увидевшей в нём нечто большее, чем героя обороны Москвы. Вот почему так настойчив в своей убеждённости внук маршала: «По рассказам деда, Серова действительно писала ему письма, один раз приезжала с артистами в его войска. Тогда она настаивала на отдельном выступлении со своей бригадой в штабе фронта. Шел 43-й год, обстановка была напряжённая, и он отказал. Да и на фронт артистов пустили только потому, что генерал понимал: людям нужно хоть на мгновение отвлечься от войны, и лишить солдат небольшого концерта, да еще и с участием той, которая «умела ждать, как никто другой», он не мог. В качестве командующего Рокоссовский был предельно гостеприимен, и только. Кстати, когда я спросил у одного из сослуживцев деда, приезжала ли на фронт Валентина Серова, тот ответил: «А как же? Приезжала. И не только Серова. Многие артисты приезжали». На мой вопрос, приезжала ли

она к Рокоссовскому, ветеран обиделся: «Почему к Рокоссовскому? К нам ко всем приезжала. Поднимать боевой дух». Потом он понял, почему я спрашиваю: «Ах, ты об этом? Вздорная болтовня! Такие слухи распускают те, кто тогда не был на фронте».

Люди из окружения Рокоссовского, и прежде всего военные, с удивлением слушали рассказы о мнимом романе и искренне смеялись. Всё-таки командующий всё время на виду, и его личная жизнь, уж поверьте, была известна его сослуживцам. Она, кстати, не была такой безоблачной, святым мой дед не был, тем более война... Он встретил одну женщину — военврача Галину Таланову. Она была с ним всю войну, родила дочь. И его семье, и соратникам всё это было известно. Знали они также, что Рокоссовский разрывается между двумя любимыми женщинами, одна из которых рядом с ним переносит фронтовые невзгоды, а другая ждёт его дома. Она ждала его всегда — и когда он сидел в «Крестах» по ложному обвинению, и когда ушёл на фронт. Валентине Серовой места в этом любовном треугольнике не было. И можно себе представить, как не ко времени и не к месту была эта известная актриса со своей известной любовью.

Дед очень уважительно относился к Симонову, любил его стихи. Книги поэта с дарственными надписями занимали почётное место в книжном шкафу в его кабинете. Они много раз встречались на фронте. После возвращения деда из Польши Симонов часто приглашал его на встречи с фронтовиками. О поэте дед всегда отзывался с уважением и питал к нему искреннюю симпатию. Это уже и я помню. И, насколько мне известно, Симонов тоже хорошо относился к деду. Не думаю, что, если бы роман с Серовой был реальностью, Рокоссовский нашёл бы в себе силы общаться с её мужем. Он был очень стеснительным человеком, ему всё было «нехорошо», «неудобно». И в такой неловкой ситуации я не могу его представить».

Известно, что однажды старший сын генерала Казакова капитан Виктор Казаков, в 1943 году служивший при штабе артиллерии Центрального фронта, по поручению командующего (Рокоссовского) отвозил Серовой записку и пачку её нераспечатанных писем. В записке Рокоссовский просил больше не писать ему. Серова сама открыла дверь. Прочитала записку. Сказала: «Я сейчас напишу ответ». Капитан Казаков сказал: «Никаких ответов не нужно — у меня приказ». Вежливо приложил к козырьку ладонь, повернулся и ушёл.

Известно также, что, когда Рокоссовский пошёл на поправку, он написал жене Юлии Петровне в Новосибирск, чтобы приезжала. И та

вскоре приехала. За месяц до выписки из госпиталя Мосгорисполком, учитывая заслуги Рокоссовского при обороне Москвы, выделил ему квартиру на улице Горького. К приезду семьи квартира была готова. Именно её, а не маршальскую квартиру Серовой обживал Константин Константинович перед убытием на фронт под Сухиничи.

Ходил в ту пору по Москве и по штабам такой анекдот. Будто бы Лаврентий Берия доложил Сталину: артистка Серова, выезжая с концертами на фронт, подолгу живёт при штабе у Рокоссовского, что уж её там так задерживает, догадываться не приходится... Сталин выслушал Берию и сказал: «Серова — красивая женщина. Даже очень красивая. — В раздумье полыхал трубкой. — С другой стороны, может пострадать авторитет командующего». — «Именно поэтому я и доложил. Что будем делать?» — «Что будем делать? — Сталин начал задумчиво прохаживаться по кабинету. — Что будем делать, что будем делать... Завидовать будем, товарищ Берия! — И, остановившись напротив всесильного наркома, спросил: — А где жена товарища Рокоссовского?» — «Я уточню, но, должно быть, она в эвакуации». — «Немедленно отыщите её и самолётом отправьте в штаб к Рокоссовскому. Они с Серовой сами разберутся, кому уехать, а кому остаться».

Анекдот анекдотом, но Юлия Петровна Рокоссовская и Валентина Васильевна Серова действительно встречались и беседовали на тему, волновавшую их всего более. Правда, обстоятельства этой встречи были иными.

Юлия Петровна не отходила от постели мужа. Однажды в госпитале вновь появилась Серова. В палату её не пустили. Актриса настаивала. Кто-то из медперсонала попытался объяснить ей, что в палате у Рокоссовского жена... Тогда Серова попросила дать ей возможность поговорить с женой генерала. Юлия Петровна вышла к ней. Серова без предисловий выложила, что любит Константина Константиновича, что жить без него не может и прочее. Юлия Петровна выслушала соперницу и посоветовала ей выбросить всё это из головы. Герой, романтика... Сказала, что как женщина она её отчасти понимает, но у героя есть семья — жена и дочь...

Очевидцы рассказывали, что Серова была сильно расстроена и что после разговора с Юлией Петровной медсёстры в ординаторской отпаивали её чаем.

Пока Рокоссовский лежал в госпитале и женщины, окружавшие его, выясняли отношения, писатель и журналист Александр Бек, вернувшись в редакцию «Комсомольской правды», разбирал и приводил в порядок беглые записи, сделанные во время поездки на фронт. В дни боёв под Москвой он

провёл несколько суток в распоряжении 16-й армии и наблюдал за работой штаба и действиями командиров дивизий и полков. Вёл записи. Опубликует он их уже после войны под заголовком «Штрихи». Записи сделаны с натуры, тут же или несколько минут спустя, когда можно было взять в руки блокнот, и потому точны и ценны:

«Мне привелось видеть Рокоссовского в войсковых частях и в штабе армии в разные моменты битвы под Москвой.

Чаще всего он молчит.

Помню уцелевший дом в сожжённом немцами подмосковном городке — Рокоссовский приехал туда на следующее утро после того, как наступающая армия взяла этот населённый пункт.

Рокоссовский сидел на голой дощатой кровати, удобно привалившись к углу, в меховой ушанке, в меховых сапогах, в неизменном кожаном пальто без знаков различия.

В домике обосновался штаб артиллерийского полка. С командирами разговаривал генерал Казаков, начальник артиллерии армии, очень добрый и очень требовательный человек.

А Рокоссовский молча курил и слушал.

Пришли партизаны — восемнадцати-и девятнадцатилетние юноши с сияющими глазами, покрасневшие, в распахнутых пальто и полушубках: в тот день для них был незаметен тридцатипятиградусный мороз.

Улыбаясь и шутя, их расспрашивал член Военного совета армии грузный и весёлый Лобачёв.

А Рокоссовский по-прежнему молчал, время от времени доставая очередную папиросу из походной папиросницы, висящей на ремне рядом с полевой сумкой и планшетом.

Входили и выходили командиры; многие узнавали командующего армией, спрашивали: «Разрешите обратиться?», «Разрешите идти?» Рокоссовский молча кивал.

За два часа он не произнёс ни слова. Я изумлялся, искоса поглядывая на него. Вероятно, он устал или расстроен? Нет, голубые глаза были ясными, живыми и с интересом присматривались к каждому новому лицу. И, может быть, видел, слышал, замечал больше, чем кто-либо из присутствующих. Но молчал.

Его удобная поза, неторопливые движения, спокойный взгляд как бы свидетельствовали: тут всё идёт так, как этому следует идти. Потом он поднялся и сказал:

— Пошли, пожалуй. До свиданья, товарищи. Не будем вам мешать».

«Другой раз мне пришлось наблюдать, как Рокоссовский работает у

себя на командном пункте.

Штаб армии только что прибыл в небольшое селение.

Оперативный отдел разместился в промёрзшей насквозь школе, штабные командиры работали за партами. Дымила и ещё не согревала комнату давно не топленная большая печь.

Предстояла разработка новой операции и составление боевого приказа войскам.

Вошёл начальник штаба генерал Малинин, властный и умный человек.

Большого стола не оказалось; на сдвинутые парты положили классную доску; на ней расстелили карту, склеенную из многих листов. Там уже было зафиксировано расположение сил — наших и противника, — как оно сложилось к этому моменту.

Несколько минут спустя появился Рокоссовский вместе с Казаковым.

Все пошли к карте. Немного пошутили относительно соседа, который по приказу передал армии Рокоссовского часть своего участка.

— Лишили их возможности отличиться, взять этот городишко^[73], — сказал Рокоссовский. — А они обрадовались. Пусть все шишки на другого валятся.

— Да, тут у нас очень всё разбросано, — произнёс Малинин, — противник может уйти, если нажмёт.

— Конечно, надо собрать силёнки и разделяться по частям с этой группировкой.

— Я думаю, сначала надо ликвидировать этот узел, — предложил Малинин.

— Добро, — согласился Рокоссовский.

Таков приблизительно был разговор между командующим и начальником штаба.

Затем заработал штабной механизм. Им управлял Малинин. Ему докладывали о наличной численности и вооружении каждой части; он записывал, подсчитывал, выяснял подробности, вызывал нужных людей, расспрашивал или давал поручения, уточнял сведения о силах и намерениях противника, затем вместе с начальником артиллерии приступил к разработке оперативного плана; ставил задачу каждому соединению, указывал маршрут движения, место сосредоточения, время выхода на исходный рубеж, направление удара. Всё это делалось основательно, без суеты, без спешки. Истёк час, другой, третий — Малинин с работниками штаба всё ещё готовил боевой приказ.

А Рокоссовский — высокий, лёгкий, не наживший, несмотря на свои 45 лет, ни брюшка, ни сутуловатости, — ходил и ходил по комнате, иногда

присаживаясь на крышку парты. Он слушал и молчал. И лишь изредка короткой фразой чуть-чуть подправлял ход работающего механизма.

— Задачу разведке поточнее. Чтобы никто не сунулся напропалую.

Или:

— Продвигаться и дороги за собой тянуть.

И опять замолкал.

В комнате стало темнеть; появились электрики с походной электроустановкой; Малинин, взяв карту, передвинулся к окну.

Рокоссовский прилёг на освободившуюся классную доску. Он лежал на спине, глядя в потолок и заложив руки за голову. Ноги его свешивались, не доставая до полу, и слегка покачивались.

И опять — его вольная удобная поза, его спокойствие как бы свидетельствовали: тут всё идёт так, как этому следует идти. Малинин отлично ведёт дело и ни во что не надо вмешиваться».

«Но несколько раз я видел Рокоссовского разгневанным.

Бывая на передовой линии, в батальонах, Константин Константинович не любил, чтобы за ним ходила свита, предпочитал, чтобы командир дивизии, командир полка его не сопровождали.

Так было и в тот день. С передовой Рокоссовский пришёл в штаб полка.

Командир полка отрапортовал и стал докладывать обстановку, указывая на карте географические пункты. Рокоссовский молча слушал, но лицо его мрачнело.

— Где тут у вас окопы? — перебил он. Командир показал.

И вдруг, не сдержавшись, Рокоссовский крикнул:

— Врёте! Командующий армией был на месте, а командир полка там не был! Стыдно!

И, круто повернувшись, вышел.

Здесь всё характерно для Рокоссовского.

Он постоянно — в отдельные периоды ежедневно — выезжает с командного пункта в части, ходит, наблюдает, мало говорит, много слушает и присматривается, присматривается к людям.

Механизм управления армией функционирует в это время без него.

Отсюда, с боевых участков, Рокоссовскому многое виднее, в том числе и качество работы собственного штаба.

К подчинённым, от мала до велика, и к самому себе он прежде всего предъявляет одно требование: говорить правду, как ни трудно иной раз её сказать. Вранья не терпит, не прощает.

В другом случае он не вышел из себя, не повысил голоса, но говорил

очень резко. Речь шла о потерях, которых можно было бы избежать при взятии одной деревни, если бы операция была подготовлена более тщательно.

— Безобразно, бескультурно, безалаберно! — сурово определил Рокоссовский. — Почему полезли без разведки?

Затем, не перебивая, выслушал ответ. Виновный, не подыскивая оправданий, напрямик признал ошибку.

— Другой раз предам суду за такие вещи! — сказал Рокоссовский, и оба твёрдо знали, что так оно и будет, если ошибка повторится. — Берегите каждого человека! — продолжал командарм. — Пока не узнал, где противник, каковы у него силы, не имеешь права продвигаться! Чёрт знает что! Когда, наконец, научимся культурно воевать!

Меня поразило это словосочетание: «Культурно воевать!» Впоследствии я много раз вспоминал это выражение, раздумывая о Рокоссовском.

И вот ещё один случай.

К линии фронта, продвинувшейся за день на несколько километров к западу, медленно шли две легковые машины, кое-где увязая в косяках наметённого снега: впереди машина Рокоссовского, следом — Лобачёва, где сидел и я.

Дорогу расчищали сапёры. Передняя машина неожиданно затормозила. Я увидел нескольких сапёров, сидевших на снегу, покуривавших. Рокоссовский вышел, быстро к ним зашагал, и мы в задней машине, тоже остановившейся, вдруг услышали его гневный голос. Я приоткрыл дверку и уловил слова:

— Фронту нужны снаряды, а вы тут штаны просиживаете, герои!

И, отвернувшись, Рокоссовский пошёл обратно. Даже по походке чувствовалось, как он возмущён.

Машины двинулись, но вскоре снова остановились, когда к передней подбежал командир. Рокоссовский поговорил с ним несколько минут, уже не повышая голоса.

Дороги, ровные, широкие дороги, — этого постоянно и настойчиво требует Рокоссовский от своего инженерного отдела.

Могу удостоверить: я бывал, конечно, далеко не во всех армиях, но кое-где пришлось поездить — нигде я не видел таких хороших дорог, как на участке армии Рокоссовского».

«Вот ещё несколько штрихов, которые на первый взгляд не имеют как будто прямого отношения к деятельности командующего армией, но в них тем не менее для меня раскрывался облик Рокоссовского.

Впервые я увидел Рокоссовского среди командиров, которым только что вручили ордена.

Лобачёв, сидевший рядом с Рокоссовским, поднялся и, покрывая шум голосов, объявил:

— Сейчас несколько слов скажет Константин Константинович.

Рокоссовский смущённо поправил волосы и покраснел. В этот миг мне стало ясно — Константин Константинович очень застенчив.

Как-то впоследствии я сказал Рокоссовскому об этом.

— Вы угадали, — ответил он.

Неудивительно ли, что Рокоссовский, командующий многотысячной армией, имя которого прославлено в великом двухмесячном сражении под Москвой, тем не менее порой краснеет, страдая от застенчивости. Я не знаю детства и юности Рокоссовского, не знаю, как сформировалась эта своеобразная и сильная натура, но некоторые впечатления позволили кое-что понять.

Рокоссовский приехал в деревню, только что отбитую у немцев. Ещё дымились сожжённые постройки. Стоял крепкий мороз. В мглистом, казалось бы, заиндевавшем воздухе пахло сгоревшим зерном; этот резкий, специфический запах — горький запах войны — долго не выветривается. Из-под пепелищ жители выкапывали зарытое добро. Одни куда-то везли поклажу на салазках, другие семьями расположились у костров и что-то варили в котелках и вёдрах. Валялись убитые лошади, кое-где уже тронутые топором. В розвальнях везли патроны на передовую; шли красноармейцы, тепло одетые, разрумяненные на морозе; одна группа расположилась на привал, слышалась гармонь; кто-то, присвистывая, пошёл вприсядку; туда отовсюду кинулись ребятишки.

Кое-где лежали неубранные трупы немцев. Спеша похоронить своих, немцы свалили мёртвые тела в колодец, набросали доверху, но не успели засыпать. Из колодца торчала мёртвая, окостеневшая рука со скрюченными пальцами, коричневыми от стужи, этот труп был, вероятно, поднят с земли затвердевшим и, брошенный сверху, так и остался в неестественной и страшной позе.

Рокоссовский подошёл к колодцу. Потом повернулся, посмотрел вокруг и, обратившись ко мне, сказал:

— Чувствуете запах гари? Когда согласишься на всё это, вспоминаются исторические книги. Как отбивали татарское нашествие, как воевали запорожцы. Помните Тараса Бульбу?

Другой раз Рокоссовский вспомнил о книгах, сидя за ужином рядом с Маслёновым, начальником политуправления армии. Разговор шёл о боях

под станцией Крюково, которые в армии Рокоссовского любят называть «вторым Бородино».

— Я говорю, это было так! — сказал Маслёнов и с силой воткнул в дерево стола большой перочинный нож, которым только что открыл консервы.

Рокоссовский достал из кармана свой нож, раскрыл его и вонзил рядом.

— А я говорю: не так! — И добавил, взглянув на Маслёнова с улыбкой: — Мы индейцы племени Сиук-Су... Помнишь Майн Рида?

И мне вдруг представился застенчивый мальчик, который дичится на людях.

Он держится в стороне, молчит, смотрит, слушает. И много читает. Больше всего о войне, о необыкновенных подвигах необыкновенных людей. Потом сам становится военным. И туда, в военное дело, он вкладывает всё, чем обладает. Военное дело становится его призванием, его творчеством, его...

Рокоссовский сам произнёс слово, которое я подыскивал, стремясь схватить стержень его личности.

— Страсть, военная страсть, — сказал он, когда однажды мы разговорились о характерах некоторых известных полководцев.

Такая страсть — «военная страсть» — безраздельно владеет Рокоссовским. Но даже смолodu она выражалась у него не только в удали и лихости, хотя всё это было, и даже с избытком, на его командирском веку, начавшемся в драгунском полку на театре Первой мировой войны. Он принадлежит к числу военных, которых называют мыслящими. Много думает о проблемах войны. В армии про него иногда говорят: «Задумчивый».

Мне кажется, что я уловил правило, которым Рокоссовский неизменно руководствуется. Это правило, быть может, годится не для всех. В нём сказались не только опыт и размышления Рокоссовского, но и особенный склад его характера. Правило, о котором идёт речь, Рокоссовский высказал за тем же ужином, когда он поспорил с Маслёновым. Кроме них в комнате находились многие из комсостава армии: Лобачёв, Калинин, Казаков, начальник службы тыла генерал Анисимов и другие. Пели «Стеньку Разина». Подошла строфа: «Чтобы не было раздора между вольными людьми...»

— Святые слова! — сказал Рокоссовский.

— Почему святые? — спросил я.

— Потому что на войне всё совершает коллектив.

— А командующий?

— Командующий всегда должен это помнить. И подбирать коллектив, подбирать людей. И давать им развернуться.

— А сам?

— Сам может оставаться незаметным. Но видеть всё. И быть большим психологом».

«Армия Рокоссовского отходила, ведя ожесточённые бои, уничтожая танки и живую силу противника, пока, наконец, усиленная многочисленными пополнениями, не сдержала немцев на расстоянии 25–30 километров от Москвы. За это время, в октябре и в ноябре, командный пункт Рокоссовского много раз менял местопребывание, переезжая иногда под огнём противника, в непосредственной близости от прорывающихся танков. Был случай, когда Рокоссовский, Лобачёв, Малинин, Казаков ночью уходили огородами из села, в которое уже ворвались немцы.

И всё же всякий раз, прибывая на новый командный пункт, Рокоссовский находил уже действующую связь со всеми подчинёнными ему частями, с соседями, со штабом фронта и с Москвой — «со всем миром», как любит говорить начальник отдела связи полковник Максименко».

Штрихи к портрету генерала у Александра Бека оказались очень точными. Возможно, писатель возвращался к своим фронтовым наброскам после войны и правил рукопись уже с учётом полной и окончательной славы маршала. Тем не менее портрет генерала, в котором уже тогда, под Москвой и Сухиничами, отчётливо и ярко проявлялись характерные только для него черты полководца, получился достаточно полным.

В госпитале Рокоссовский с жадностью читал свежие газеты, слушал сводки Совинформбюро. Фронты, совершив зимний манёвр на запад, остановились. Линия обороны стабилизировалась. Бои затихли и в районе Ленинграда, и в центре. Лишь на юго-западном направлении в районе Барвенковского выступа всё продолжалось с прежним упорством и кровопролитием. Рокоссовский тогда ещё и подумать не мог, что всего через несколько дней под Харьковом произойдёт очередная катастрофа, равная вяземской: немцы форсируют Северский Донец, прорвутся на Балаклею и замкнут кольцо окружения барвенковской группировки наших войск, что совсем скоро ему и его штабу, переброшенному в район Сталинграда, придётся выправлять последствия прорыва 6-й немецкой армии к Волге.

Перелистал он и старые, зимние газеты, где много писали о его 16-й армии и о нём самом. Всё же любопытно было взглянуть на то, как он и его

войска выглядят со стороны. Конечно, корреспонденты порой приукрашивали события и результаты боёв, следуя общей задаче — воодушевить и укрепить дух наступающих. Но общий взгляд был более или менее верным.

Вспомнил приезд группы английских журналистов. Тогда пришлось во многом преодолеть себя и говорить много. О визите англичан заблаговременно предупредили из штаба фронта. Иностранцы. Политика. Черчилль послал их, чтобы пронюхать, что происходит в России на самом жарком участке советско-германского фронта, выяснить из достоверных источников, устоит ли и на этот раз Москва.

Англичане задавали вопросы через переводчика, а он, также через переводчика, отвечал.

«С германцами я уже воевал. Воевал с их отцами, теперь воюю с сыновьями. — И он кивнул в сторону фронта, откуда доносилась канонада.

— Ну и как? — спросил один из корреспондентов.

— Может быть, я необъективен, люди всегда склонны переоценивать своих сверстников, а заодно и себя, и брюзжать по поводу молодёжи. Но, глядя на нынешний вермахт, не могу не сознаться в том, что отцы были лучшими солдатами. Вильгельмовская армия была лучше гитлеровской! Я думаю, что Гитлер испортил свою армию.

Англичанин, который вёл с ним диалог, завопил на стуле и сказал:

— Очень интересно. Но всё-таки не понимаю. Прошу господина генерала прокомментировать.

— Это непросто объяснить человеку невоенному, непрофессионалу. Но попытаюсь.

Англичанин вежливо улыбнулся и кивнул.

— Армия Гитлера может одержать много побед. Но она не выиграет эту войну.

Англичанин напрягся. Он готов был услышать то, ради чего рисковал, пересекая на самолёте несколько морей и линию фронта.

— Войну выиграет только настоящая армия. Армия же Гитлера... Она очень похожа на настоящую армию. Неопытный глаз может спутать. Эта армия прекрасно марширует. В ней козыряют лихо. Многие её солдаты превосходно владеют стрелковым оружием, прекрасно стреляют из орудий и миномётов. Они храбры. Их командиры безукоризненно владеют навыками тактики, знают топографию, и многие из них также по-солдатски храбры.

Англичанин сделал вопросительный жест.

— Тем не менее это — не армия. Это суррогат армии. В ней

отсутствует идея войны. Войны — во имя победы во что бы то ни стало. У нас, русских, говорят так: или грудь в крестах, или голова в кустах... У вас, англичан: быть или не быть...

Англичанин улыбнулся уже другой улыбкой и закивал. Похоже, он был доволен разговором. Интервью получалось интересным.

— Но германские войска продолжают наступать, — стараясь быть тактичным, заметил он.

— Да, временные успехи пока сопутствуют нашему врагу. Но они ведут против нас коммерческую войну. И армия у немцев коммерческая, а не военная. Немецкое командование стремится во что бы то ни стало победить. Это понятно. Никакое другое командование не желает иного. И ряд побед оно одержало. Но немецкое командование никогда не сможет достичь окончательной, полной победы, потому что оно строит свои планы, проводит операции, используя слабые стороны противника. Слабые стороны противника — вот залог их успеха. Секрет их успеха. Но это губительно для любой армии. И, быть может, в первую очередь для той, которая стоит перед нашим фронтом. Приведу такой пример. Немецкий полк наступает на нашу роту. Превосходство сил несомненное. Победа полку обеспечена. И тем не менее немцы засылают в эту роту провокаторов, сеющих панику и т. д. Они хотят победить любыми способами. Им кажется, что они правы, рота действительно побеждена. Но побеждён и немецкий полк! Потому что с нашим полком на равных он драться уже не сможет. Он будет разбит. Этот немецкий полк после боя с нашей ротой надо посылать на переформирование, добавить в него свежих солдат, тех, кто не участвовал в наступлении на роту. Те, кто участвовал, уже плохие солдаты, их скоро разобьют. Они обречены на поражение. Я поставил своим людям задачу и сказал им: «Немцы предложили нам такую систему войны. Они врезаются танковыми массами, слабо подкреплёнными пехотой, в наше расположение, они окружают нас. Примем их метод и скажем себе: если мы в тылу у них, то не мы окружены, а они окружены!» Всё. Я бил немцев и буду бить. Они проиграют войну. Они проиграли войну Англии. Это бесспорно. Они проиграют войну и нам. Вопрос во времени. И только».

Он ещё не знал, что тот диалог почти слово в слово опубликует одна из влиятельнейших британских газет в самый разгар Битвы под Москвой.

Наступили дни, когда Рокоссовский мог уже более или менее свободно передвигаться. Рана заживала. И он попросил своего водителя Мозжухина показать ему Москву. «И мы поехали, — вспоминал Сергей Иванович. —

Помнится, возле Бутырской тюрьмы генерал спросил: «Это что, Бутырка? Вот здесь я делал мебель!» Я промолчал. Я слышал, что перед войной мой командарм несколько лет провёл в тюрьмах. Сегодня, естественно, знаю больше: он мужественно выдержал все допросы, никого не оговорил, с товарищами по заключению делился последним куском хлеба. Такой он был человек. Может быть, поэтому люди считали за честь воевать под командованием Рокоссовского.

Я долго возил Рокоссовского по улицам Москвы. И вдруг он говорит:

— Серёжа, я хочу посмотреть, как ты живёшь.

— Живу на четвёртом этаже, без лифта. После ранения вам, товарищ командующий, будет трудно подниматься.

— Поднимусь, — твёрдо заявил он.

Надо ли говорить, что посмотреть на командарма 16-й армии сбежался весь дом. Беседа продолжалась около получаса и запомнилась всем. «Мы обязательно победим в этой войне», — уверенно заявил на прощание Рокоссовский. Потом я отвёз его обратно в госпиталь».

В архиве удалось отыскать справку о ранении, выданную Рокоссовскому во время выписки из госпиталя.

«Эвакуационный военный госпиталь № 2366

Часть лечебная

20 мая 1942 года

4-22-05

Справка

Дана генерал-лейтенанту 16-й армии тов. Рокоссовскому Константину Константиновичу в том, что означенный Рокоссовский К. К. находился на излечении в эвакогоспитале № 2366 с 9 марта 1942 года по 22 мая 1942 года по поводу слепого осколочного (артснарядом) ранения правой половины грудной клетки — трансдиафрагмальной с повреждением печени и лёгкого. Гемоторакс.

Ранение с пребыванием на фронте.

По выздоровлении выписан для дальнейшего несения военной службы.

Нач. лечебного учреждения

Каплан».

В конце мая он уже был под Сухиничами.

За два с половиной месяца армия отодвинула фронт немного на запад, отжала противника за реку Жиздру. Впереди лежал одноимённый

старинный русский городок, который предстояло взять согласованным ударом смежных флангов 16-й и 61-й армий.

Для увязки совместных действий в один из дней Рокоссовский и Казаков выехали в расположение соседей. Штаб 61-й армии с трудом отыскивали в глухой деревушке, до которой несколько километров пришлось добираться пешком.

Маркиан Михайлович встретил соседей так, как встречают у порога напарника, с которым предстояло сходить в ад и попытаться вернуться.

Высокий, под стать Рокоссовскому, стройный и по-гвардейски подтянутый, генерал Попов излучал уверенность и надёжность опытного воина. Они, Рокоссовский и Попов, были похожи не только внешне, но и манерами, врождённым воспитанием, высокой культурой, умением владеть собой в самых трудных обстоятельствах. Его уважали в войсках — и за высокие профессиональные качества командира, и за человечность, и за умение в подчинённом видеть личность, какую бы должность тот ни занимал. Попов обладал феноменальной памятью, знал расположение своих войск, не только дивизий и полков, но и батальонов, рот. Знал и своих командиров — до ротных включительно. Свободно оперировал цифрами, огневыми возможностями своих подразделений и частей.

«По рассказам товарищей, — писал о генерале Попове Главный маршал авиации А. Е. Голованов, — Маркиан Михайлович был огромного таланта и эрудиции человек, самородок, имевший блестящие способности в военном деле. Будучи совсем молодым человеком, он ещё до войны командовал военным округом. Однако его слабость к «живительной влаге» и прекрасному полу всю жизнь, как говорится, вставала ему поперёк дороги...»

Впрочем, Сталин до определённой степени терпел эти недостатки генерала, уступая его высоким полководческим качествам.

Война их вскоре разведёт. Но наступит час, и они, Рокоссовский и Попов, снова будут стоять рядом в самой масштабной и кровопролитной битве Великой Отечественной войны. На Орловско-Курской дуге боевые порядки правого крыла Центрального фронта Рокоссовского будут прикрывать армии Брянского фронта генерала Попова.

А в тот майский день они быстро обсудили общие задачи. Потом Маркиан Михайлович по праву гостеприимного хозяина пригласил соседей к накрытому столу. За обедом не без улыбок и шуток вспомнили, как в конце зимы их сурово инспектировал генерал Кузнецов и чем та инспекция закончилась. Отдали должное и терпению, и жёсткости Жукова. Ещё раз посетовали на то, что наступать армиям — некем, пробивать мощную

немецкую оборону — нечем, если не оголить фланги и не перебросить часть сил оттуда.

— Что ж, — подытожил Попов, — прикажут шить тришкин кафтан, будем шить тришкин кафтан...

Операция началась в конце мая. Успеха она, как и ожидалось, не имела.

Рокоссовского больше всего раздражало, что ни Ставка, ни командование Западного фронта не ставили их, командармов, в известность, каковы цели проводимой их войсками операции, каковы общие задачи. В мемуарах по этому поводу он справедливо заметит: «Генералиссимус Суворов придерживался хорошего правила, согласно которому «каждый солдат должен знать свой манёвр». И мне, командующему армией, хотелось тоже знать общую задачу фронта и место армии в этой операции. Такое желание — аксиома в военном деле. Не мог же я удовлетвориться преподнесённой мне комфронтом формулировкой задачи — «изматывать противника», осознавая и видя, что мы изматываем прежде всего себя».

Его «Солдатский долг», пронизанный полемикой с Жуковым, по сути дела, сплошной диалог с главным его оппонентом. Вот так на протяжении всей войны и жизни они будут полемизировать, спорить и дружить, разя общего врага. Два драгуна. Потом два краскома. Два генерала. Два маршала.

Масштаб его мысли уже тогда выходил далеко за пределы участка фронта, занимаемого армией, то есть несколькими дивизиями и корпусами. И это чувствовал и понимал не только он один.

Из-под Сухиничей Рокоссовский писал семье:

«Милые, дорогие мои Lulu и Адуся!

Приехал на место благополучно. Чувствую себя хорошо. Тоскую безумно. Как-то становится больно, что обстоятельства не позволили провести с вами более продолжительное время. Единственное, что успокаивает меня, это мысль о том, что я нахожусь не так далеко от вас и сумею заботиться о вас, а может быть, иногда и навестить вас накоротке. Живу сейчас в лесу в маленьком деревянном домике. Уже полностью включился в работу. Дорога оказалась очень тяжёлой. Проливные дожди сильно испортили дорогу, поэтому ехали около трёх дней. Если дороги подсохнут, можно будет рискнуть приехать вам ко мне, но пока воздержитесь. На днях вышлю что-либо из овощей — картофеля и т. п.

Аттестат высылаю с подателем сего, прикрепить надо при

горвоенкомате, он помещается где-то от вас близко.

Милая Lulu, не скучай, помни, что я мысленно нахожусь с тобой. Тебя люблю и только о тебе думаю. Горю желанием скорее увидеть тебя и быть твоим не только духовно, но и физически. Надеюсь, что при следующей встрече печень беспокоить меня не будет.

Целую тебя, милая, крепко-крепко. Адусю тоже.

Любящий вас ваш всегда Костя.

Сообщи, как устроились и в чём нуждаетесь.

26.5.42».

Письма Рокоссовского жене стали более страстными и нежными. Сквозь строки нет-нет да и проступают ощущение некой вины перед любимой и попытка загладить эту вину.

Странно, но, похоже, к несуществующей любви мужа, Валентине Серовой, Юлия Петровна ревновала сильнее, чем к реальной, фронтовой — Галине Талановой.

Глава восемнадцатая

АД СТАЛИНГРАДА

Одной из прекрасных черт командующего было то, что он в самых сложных условиях не только умел оценить полезную инициативу подчинённых, но и вызывал её своей неутомимой энергией...

Генерал П. И. Батов

Весь июнь под Жиздрой шли позиционные бои. Сил на большее не хватало. Танковый корпус, порядком потрёпанный во время неудавшейся атаки на Жиздру, был отведён в тыл. Другой ударной силой армия не располагала.

В первых числах позвонил Жуков, коротко поинтересовался обстановкой и сказал:

— Срочно приезжай.

Разговор в штабе фронта тоже был недолгим и суховатым. Жуков стал немногословным. Видимо, сильно устал. Ещё по телефону он обратился к Рокоссовскому на «ты», как когда-то, в годы учёбы и совместной службы.

— Как думаешь, — сказал комфронта, — Калинин без тебя с должностью командарма справится?

— Да, вполне, — так же сдержанно ответил Рокоссовский.

— Ставка намерена назначить тебя на фронт.

Жуков смотрел на него глазами однокашника.

— На какой?

— На Брянский. Дела там запущены. Ни у Голикова, ни у Чибисова ничего толкового не получается. А там сейчас нужен человек надёжный. Так что поезжай в Сухиничи, передавай дела Калинин и срочно выезжай в Москву.

В журнале посещений Сталина визит Рокоссовского отмечен 13 июля 1942 года. Возможно, это был первый визит Рокоссовского в кремлёвский кабинет Верховного главнокомандующего. Здесь он и потом бывал не часто. Следующая встреча с Верховным состоится только 2 августа.

Во время беседы присутствовали члены Государственного Комитета

Обороны В. М. Молотов и Г. М. Маленков. Рокоссовский вошёл вместе с А. М. Василевским, недавно назначенным на должность начальника Генерального штаба.

— Основная часть аппарата управления Брянского фронта передаётся вновь созданному Воронежскому фронту, — сказал Сталин. — Есть ли у вас, товарищ Рокоссовский, на примете дельные работники, которые смогут организовать работу штаба в самое короткое время?

— Есть, товарищ Сталин.

— Назовите их.

— Генералы Малинин, Казаков, Орёл и полковник Максименко, — отпартовал Рокоссовский на одном дыхании.

— Вижу, не хотите расставаться со своим штабом, — после некоторого раздумья сказал Сталин. — Что ж, это правильно. Подготовьте распоряжение командующему Западным фронтом откомандировать этих товарищей на воронежское направление. А вы, товарищ Рокоссовский, не задерживайтесь в Генеральном штабе, не теряйте ни минуты и как можно быстрее отправляйтесь на место. Обстановка под Воронежем осложняется с каждым часом. Надеюсь, вы справитесь. Желаю вам успехов.

Через 40 минут Рокоссовский вышел. Спустя десять минут кабинет Сталина покинул и Василевский. А дальше они, по всей вероятности, поехали обратно в Генеральный штаб.

«Тяжело было расставаться с 16-й армией, с дружным, крепким коллективом, — вспоминал маршал. — Мы вместе переносили и горе поражений, и радость побед. Я знал войска и их командиров, а они знали меня. На войне это имеет большое значение».

Чтобы улучшить управление войсками, Ставка дробила прежний состав Брянского фронта на два — Брянский нового состава и вновь создаваемый Воронежский. Новый Брянский фронт держал оборону между Западным и вновь созданным Воронежским. На Воронежский фронт только что был назначен командующим генерал Николай Фёдорович Ватулин^[74].

После разгрома наших войск под Харьковом и в Крыму немцы атаковали на воронежском направлении. Удар пришёлся в стык Брянского и ЮгоЗападного фронтов. После прорыва нашей обороны немецкие танковые клинья быстро продвигались на юго-восток. Именно здесь, чтобы закрыть брешь, создавался новый Воронежский фронт. Перед штабом Рокоссовского была поставлена задача обеспечивать его правый фланг.

Рокоссовский отыскал свой новый штаб в 15 километрах восточнее Ельца в деревне Нижний Олыпанец. Сразу вошёл в курс дел и начал действовать.

Противником у него оказался старый знакомый — генерал Герман Гот. Командуя танковым корпусом в Польской и Французской кампаниях, именно он захватил Варшаву, а затем, форсировав Луару, взял Нант и Руан. Под Смоленском и в районе Вязьмы летом и осенью 1941 года его танковые дивизии замыкали «котлы». Теперь он командовал 4-й танковой армией. Храбрый офицер, умный и гибкий тактик, один из лучших танковых генералов вермахта. Имел прозвище «Папаша Гот», что-то вроде нашего «бати». Битва в донской степи станет последним столкновением двух генералов. В сталинградский «котёл» 4-я танковая армия не попадёт, безуспешно будет пытаться деблокировать его. В ходе операции «Цитадель» Гот возглавит самую мощную танковую группировку, укомплектованную новыми «тиграми», «пантерами» и «Фердинандами». Она атакует Воронежский фронт и прорвёт две линии нашей обороны, выйдя к третьей, в деревне Прохоровка, где её остановят встречным танковым ударом.

К моменту приезда Рокоссовского в расположение Брянского фронта танки Гота взяли Воронеж и повернули на Ростов-на-Дону. Одновременно противник, потеснив наши войска, вышел к Дону.

Немецкие историки дар Гота как тактика оценивают так: если бы фюрер не заставил его после Воронежа повернуть на Ростов, то 4-я армия Сталинград взяла бы ещё летом и донская история не закончилась бы для вермахта адом.

В состав Брянского фронта входили 3, 48, 13, 38-я общевойсковые и 5-я танковая армия, а также 1-й и 16-й танковые корпуса и кавалерийский корпус. Сила большая. Но и задача тяжелейшая — закрывать тульское и воронежское направления.

Обстоятельства пока складывались так, что новое назначение для Рокоссовского означало буквально из огня да в полымя: исправлять чужие ошибки и просчёты, которыми успешно воспользовался противник.

Вот и теперь предстояло выправлять положение после неудачной контратаки с целью предотвратить сдачу немцам Воронежа.

Кульминацию контрудара Рокоссовский ярко описал в «Солдатском долге». По всей вероятности, эта операция ему нравилась: «На участке, где вели бои части 5-й танковой армии, обстановка всё ухудшалась: противник продолжал продвигаться. Необходимо было в срочном порядке подтянуть сюда новые силы. Решили выдвинуть из фронтового резерва 7-й танковый корпус под командованием генерала П. А. Ротмистрова.

Находясь на наблюдательном пункте в районе, где развёртывались события, можно было видеть весь ход сражения. Равнинная, открытая

местность способствовала этому. Отчётливо наблюдался бой наших отходивших частей и наседавшего на них противника. Впереди небольшими группами на широком фронте действовали вражеские танки, ведя пушечный огонь, преимущественно с остановок. Немецкая пехота двигалась за ними, залегая время от времени и ведя непрерывный автоматный огонь. Вдали, на горизонте, сквозь густые облака пыли наблюдалось движение новых колонн танков и автомашин.

По наступавшим танкам противника довольно метко била наша противотанковая артиллерия. Где поорудийно, где побатарейно она меняла позиции и тут же открывала огонь, замедляя продвижение врага и прикрывая нашу отходившую пехоту, которая тоже отбивалась пулемётным и миномётным огнём. Отход пока носил организованный характер. Но по всему было видно, что, введя в бой свои главные силы, подходившие из глубины, противник легко сомнёт наши части.

Однако к этому времени подоспели части 7-го танкового корпуса. На наших глазах корпус развернулся и решительно двинулся навстречу главным танковым силам врага. Ударили по ним и все наши батареи, в том числе и артиллерия танкового корпуса. Особенно эффективными были залпы «катюш».

Поле сражения заволело тучами пыли. Сквозь них тускло просвечивали вспышки выстрелов и снарядных разрывов. Во многих местах взвились столбы чёрного дыма от загоревшихся вражеских машин.

Наша пехота воспрянула и вместе с танками бросилась на врага. Этой дружной и стремительной атаки противник не выдержал. С большими потерями он откатился назад.

Вражеская авиация, за исключением отдельных самолётов, почти не принимала участия в бою. Не было и нашей авиации.

Все наши попытки развить достигнутый успех на этом участке не дали результатов. Но наступление противника было отражено.

В этих боях погиб командующий 5-й танковой армией генерал Лизюков. Он двигался в боевых порядках одного из своих соединений. Чтобы воодушевить танкистов, генерал бросился на своём танке КВ вперёд, ворвался в расположение противника и там сложил голову.

Мне было искренне жаль его. Мы познакомились с ним ещё на ярцевском рубеже. Боевой, храбрый танкист. Он был хорошим командиром танковой бригады, мог бы быть неплохим командиром корпуса. Но опыта командования столь крупными силами, как танковая армия, он пока не имел. Объединение же было новое, наспех сформированное, к тому же у нас ещё не было и опыта применения такой массы танков. Армия впервые

участвовала в бою, да ещё в столь сложной обстановке. Конечно, всё это не могло не отразиться на её действиях...

Вскоре после этого боя управление и штаб 5-й танковой вывели в резерв Ставки, а корпуса непосредственно подчинили фронту. В то время, пожалуй, это было правильное решение. Ни обстановка, ни возможности наши ещё не позволяли тогда создавать такие крупные танковые объединения.

Отразив все попытки противника продвинуться вдоль Дона к северу, войска Брянского фронта перешли к обороне и на этом участке. У соседа слева в районе Воронежа, частично захваченного противником, ещё некоторое время шли бои местного значения, но и они стали затухать. Основные события развёртывались южнее и юго-западнее. Противник, отбросив за Дон соединения вновь образованного Воронежского фронта, которым теперь командовал

Н. Ф. Ватутин, продолжал развивать наступление по западному берегу реки к югу.

По приказу Ставки мы приступили к созданию прочной обороны на своём участке. Пользуясь передышкой в боевых действиях, я с группой работников штаба и политуправления фронта объехал войска».

Пополнение в войска шло очень скудное. В основном за счёт раненых, возвращавшихся из госпиталей. Таких солдат и командиров ценили — опытные фронтовики, обстрелянные окопники. Каждый из таких стоил десятка новобранцев. Но они не могли полностью заместить ряды выбывших.

В августе 1942 года в состав фронта прибыло несколько штрафных рот. Это были не простые штрафники из вчерашних красноармейцев, сержантов и старшин, осуждённых военным трибуналом за различные проступки и преступления. Это были солдаты из вчерашних «зэка». Новоприбывшие роты Рокоссовский приказал объединить в бригаду. Хотя формально штрафных подразделений уровня бригад во время Великой Отечественной войны не существовало. Действовали они как отдельные штрафные роты — ОШР. Но это не значит, что эти роты набирались в зонах, как это нам преподносят порой СМИ. Существовала стандартная, отработанная цепочка: освобождение — военкомат — маршевая рота — фронт. Никаких «покупателей» в форме войск НКВД, никаких построений в отрядах за колючкой, никаких добровольцев, желающих свои преступления искупить кровью. Всё это телевизионные картинки — «картонные дурилки», как говорят на зоне.

Более подробной информации о стрелковой бригаде,

«сформированной из людей, осуждённых за различные уголовные преступления», к сожалению, добыть не удалось. Фонды штрафных подразделений по-прежнему закрыты. Остаётся только сожалеть и риторически вопрошать в никуда: от кого мы прячем свою историю?..

Неизвестно, была ли эта бригада чем-то вроде 63-го «чёрного корпуса» комкора Л. Г. Петровского или всё же обычные отдельные штрафные роты, действовавшие на разных направлениях. Известно лишь, что по существовавшей в 1942 году вполне конкретной привязке тыловых округов к военным советам фронтов на Западный и Брянский фронты шёл поток штрафников из Московского военного округа.

Рокоссовский посвятил штрафной стрелковой бригаде целых три абзаца. Но ничего конкретного о действиях штрафников так и не сказал, кроме того, что «чаще всего бригаду использовали для разведки боем». И далее: «Дралась она напористо и заставляла противника раскрывать всю его огневую систему».

Разведка боем — самый беспощадный, губительный для наступающих вид боя. Проводят его в тех крайних обстоятельствах, когда не срабатывает штатная разведка — разведгруппы не могут добыть языка, лётчики и наблюдатели не могут точно засечь огневые точки противника, их количество, когда необходимо действовать, но не определены ни районы сосредоточения противника, ни то, в какой он силе и какими огневыми средствами располагает, есть ли танки и бронетехника, когда не раскрыто ни количество средств усиления, ни система их огня. Вот тогда и посылают в бой роту или батальон. Посланные на гибель имитируют наступление крупных сил. Да им, как правило, и не сообщали, в чём они участвуют. Говорили — наступление, вперёд, ребята, за орденами и медалями, за искупительной кровью первого ранения. И они вставали и шли в атаку, прекрасно понимая, что первое ранение может оказаться смертельным.

Порой Рокоссовскому приписывают то, что в его войсках якобы потери были гораздо меньшими, чем у соседей. Такой статистики нет. Можно предположить, что потери в полках и дивизиях 16-й армии, Брянского, Центрального, а потом Донского и всех фронтов, которыми командовал Рокоссовский, были приблизительно такими же, как и у Ватутина, Конева, Черняховского. «Война есть крайне опасное дело...» И штрафников он не щадил. Но благородство его проступило и через эту кровь: он нашёл в себе силы и написал в «Солдатском долге» и о штрафниках. Хотя бы упомянул о них. Многие ли из мемуаристов это сделали? Архивы, которые прячут от нас правду о штрафных подразделениях, до сих пор на замке, и замок тот, похоже, заржавел...

Прибытие Рокоссовского на Брянский фронт и первые недели боёв принесли и первую крупную неудачу.

Во время проведения Воронежско-Ворошиловградской операции — попытки удара по северной группировке противника — было потеряно большое количество танков, в том числе средних Т-34 и тяжёлых КВ. Погиб, как уже упоминалось, генерал Лизюков. Рокоссовский застал эту операцию уже в движении.

Для удара по левому флангу и в тыл наступающим войскам была создана группа генерала Н. Е. Чибисова^[75]. В группу вошли пять стрелковых дивизий, стрелковая бригада, три танковых корпуса, две отдельные танковые бригады и другие части, в том числе артиллерия и гвардейские миномёты. Среди танковых корпусов в операции участвовали 1-й танковый корпус М. Е. Катуква^[76], 7-й — П. А. Ротмистрова^[77] и 2-й — А. И. Лизюкова. 5-я танковая армия теперь действовала отдельными корпусами. Из-за неподготовленности корпусов к наступлению, плохо проведённой разведки и ряда других причин, среди которых дважды отложенный час атаки, что дало противнику возможность укрепить и усилить противотанковыми средствами танкоопасные направления, удар оказался чем-то похожим на трагическую историю 1941 года под Луцком и Бродами.

Постепенно положение на Брянском фронте стабилизировалось. Противник развивал удар южнее, на Сталинград, тесня и разрывая порядки Воронежского фронта генерала Ватутина.

Рокоссовский налаживал работу штаба. Вскоре прибыли его верные генералы и полковники. Павел Иванович Батов, в то время помощник командующего Брянским фронтом по формированиям, вспоминал: «В середине июля 1942 года Брянский фронт принял в командование К. К. Рокоссовский. И солдаты, и генералы вздохнули с облегчением, мы сразу почувствовали руку опытного организатора.

Мне представилась счастливая возможность несколько месяцев поработать рядом с выдающимся полководцем и его боевыми соратниками в самом штабе фронта.

Все работники управления считали службу с Константином Константиновичем Рокоссовским большой школой. Он не любил одиночества, стремился быть ближе к деятельности своего штаба. Чаще всего мы видели его у операторов или в рабочей комнате начальника штаба. Придёт, расспросит, над чем товарищи работают, какие встречаются трудности, поможет советом, предложит обдумать то или другое

положение. Всё это создавало удивительно приятную рабочую атмосферу, когда не чувствовалось ни скованности, ни опасения высказать своё суждение, отличное от суждений старшего. Наоборот, каждому хотелось смелее думать, смелее действовать, смелее говорить. Одной из прекрасных черт командующего было то, что он в самых сложных условиях не только умел оценить полезную инициативу подчинённых, но и вызывал её своей неутомимой энергией, требовательностью и человеческим обхождением с людьми. К этому нужно прибавить личное обаяние человека широких военных познаний и большой души. Строгая благородная внешность, подтянутость, выражение лица задумчивое, серьёзное, с располагающей улыбкой в голубых, глубоко сидящих глазах. Преждевременные морщины на молодом лице и седина на висках говорили, что он перенёс в жизни немало. Речь немногословна, движения сдержанные, но решительные. Предельно чётко в формулировке боевых задач для подчинённых. Внимателен, общителен и прост».

В начале августа позвонил Верховный, поинтересовался положением на фронте и вдруг сказал, что надо срочно прибыть в Ставку.

2 августа 1942 года состоялась вторая встреча Рокоссовского и Сталина. Вторая встреча — это, разумеется, условно, то есть согласно записи в журнале посещений кремлёвского кабинета Сталина. Но ведь где-то же они разговаривали о «Крестах» и где-то Сталин спросил его: «Там били?» — «Били, товарищ Сталин». — «Сколько у нас ещё людей «чего изволите?»». Говорят, во время той встречи Сталин попросил у Рокоссовского прощения. В это трудно, почти невозможно поверить, зная характер диктатора. Но, возможно, мы ещё многого не знаем...

Встреча же была. Возможно, она произошла в Генштабе. Возможно, на даче Сталина или в кремлёвской квартире, где Верховный тоже принимал, но там учёт посетителей и гостей не вёлся.

В этот раз он вошёл к Верховному вместе с А. М. Василевским и Н. Ф. Ватутиным. «Рассматривался вопрос об освобождении Воронежа, — вспоминал маршал. — Ватутин предлагал наступать всеми силами Воронежского фронта непосредственно на город. Мы должны были помочь ему, сковывая противника на западном берегу Дона активными действиями левофланговой 38-й армии. Я знал, что Ватутин уже не раз пытался взять Воронеж лобовой атакой. Но ничего не получилось. Противник прочно укрепился, а нашим войскам, наступавшим с востока, прежде чем штурмовать город, надо было форсировать реки Дон и Воронеж. Я предложил иной вариант решения задачи: основной удар нанести не с восточного, а с западного берега Дона, используя удачное положение 38-й

армии, которая нависает над противником севернее Воронежа. Для этого надо только подтянуть сюда побольше сил, причём по возможности скрытно. При таком варианте удар по воронежской группировке наносился бы во фланг и выводил наши войска в тыл противнику, занимавшему город. Кроме того, этот удар неизбежно вынудил бы противника ослабить свои силы, наступавшие против ЮгоЗападного фронта. В той обстановке такой вариант, по моему глубокому убеждению, был наиболее правильным».

Сталин не поверил в перспективу плана Рокоссовского.

В сентябре войска Ватутина, усиленные резервами Ставки, атаковали. Штурм не удался. Умело организованная оборона противника прерывала огнём и контратаками любую попытку ударной группировки Воронежского фронта продвинуться к Воронежу. Измотав наши войска, немцы перешли в наступление, и положение Ватутина снова ухудшилось.

А южнее начиналась битва за Сталинград. 19 августа немецкие танковые армии предприняли мощное наступление в направлении на Сталинград. Уже через несколько дней оборона наших войск оказалась прорванной, и вскоре авангарды 6-й армии генерала Паулюса^[78] вышли к Волге, охватывая город с трёх сторон.

Снова, как и год назад под Москвой, обстановка накалилась до предела. Снова решалось — быть или не быть.

Накануне немецкого прорыва к Волге в наших войсках зачитали Приказ № 227, получивший народное название «Ни шагу назад». Суть приказа, если отбросить все его констатации и обязательный пафос момента, сводилась к следующему: необходимо любой ценой остановить прорвавшегося на юг врага; отход, не санкционированный высшим командованием, считать предательством и дезертирством; лица, повинные в таком отступлении, должны быть либо арестованы, либо уничтожены на месте. Создавались заградотряды.

В это время с той же жестокой необходимостью командующий войсками Брянского фронта издал свой приказ: «Всех, замеченных в проявлении трусости и паникёрстве, взять под особое наблюдение, а в необходимых случаях, определяемых обстановкой, применять к ним все меры пресечения... вплоть до расстрела на месте».

Приказ есть приказ. Он должен исполняться. Иначе он будет в полной мере применён к тому, кто его не исполняет. Эту простую истину на фронте хорошо усвоили с лета 1941 года.

Следовал ей и наш герой. Чтобы понять то поколение, их поступки, дела и судьбы, не стоит идеализировать никого. Такой взгляд просветляет многие воды...

Южнее шли бои уже в самом Сталинграде.

Сталин стал чаще звонить Рокоссовскому по ВЧ (высокочастотная связь). Интересовался обстановкой и тут же переходил к теме Сталинграда. «Разговоры сводились к тому, — вспоминал маршал, — что под Сталинградом тяжело и нашему фронту следовало бы выделить часть войск для усиления этого направления. Я отвечал, что наиболее существенной помощью была бы отправка туда танковых корпусов. Сталин охотно соглашался с этим. В срочном порядке мы отправили к Волге танковые корпуса — сначала М. Е. Катукowa, а затем П. А. Ротмистрова. Обычно в конце каждого разговора Сталин просил подумать, что бы мы ещё могли сделать в помощь защитникам Сталинграда».

В сентябре Верховный позвонил в очередной раз. Рокоссовский уже подготовил к отправке последний танковый корпус — 16-й генерала А. Г. Маслова. Корпус был значительно ослаблен предыдущими боями. Часть боевых машин удалось отремонтировать и вернуть в строй. Но Сталин, как всегда поинтересовавшись положением дел на фронте и услышав фразу о полном затишье, спросил:

— А не скучно ли вам, товарищ Рокоссовский, на Брянском фронте в связи с такой обстановкой?

— Пожалуй, скучно, товарищ Сталин.

— Я так и знал. Вот что: оставьте дела на своего заместителя и срочно приезжайте в Москву.

В Москву Рокоссовский выехал на машине.

Всю войну его требования к своему быту и условиям работы оставались самыми скромными. Никаких спецвагонов, а уж тем более спецпоездов. Машину командующего сопровождала машина охраны — несколько автоматчиков с лейтенантом во главе. Вот и весь кортеж.

В Ставке Рокоссовского встретил Жуков, в то время заместитель Верховного главнокомандующего. Как представитель Ставки он тогда руководил всеми операциями, проводимыми на Сталинградском фронте.

Георгий Константинович сразу же рассказал о сложной ситуации в районе Сталинграда. Рокоссовский слушал, вопросов не задавал. По тому, как Жуков построил беседу, в ходе которой интересы Брянского фронта совершенно не фигурировали, стало понятно, что и его, Рокоссовского, интересы и заботы отныне будут переключены, скорее всего, на сталинградский участок.

Так и вышло. В конце краткого доклада Жуков сказал, что Рокоссовскому поручается армейская группа — три армии с усилением — для организации и осуществления контрудара во фланг противнику,

крупными силами прорвавшемуся в междуречье Дона и Волги. Атаковать предстояло из района Серафимовича в южном и юго-восточном направлениях.

Задача, изложенная Жуковым, была не из простых. Но Рокоссовскому она показалась чрезвычайно интересной и перспективной. Жуков тоже горел идеей флангового контрудара с целью ослабить, погасить напор немецкого наступления на Сталинград.

Однако работу по планированию операции прервал звонок из приёмной Сталина: Верховный срочно потребовал Рокоссовского к себе.

Именно во время этой встречи Рокоссовский получил новое назначение, которое во многом решит его дальнейшую карьеру.

Сталин сказал, что операция под Серафимовичем отменяется и что «предназначавшиеся для неё войска направляются под Сталинград», что немедленно следует вылететь туда же и принять командование войсками Сталинградского фронта.

— Что вам необходимо, чтобы вы смогли сразу же приступить к управлению войсками?

— Мой штаб, товарищ Сталин.

— Хорошо.

— И ещё генерал Батов.

— Где он сейчас?

— Павел Иванович в настоящее время является одним из моих заместителей.

Сталин кивнул и сдержанно улыбнулся:

— Умеете вы, товарищ Рокоссовский, привязывать к себе людей. Что ж, это хорошее качество для командира.

Верховный закончил их встречу такой фразой:

— Остальные указания получите на месте от моего заместителя Жукова. Он тоже вылетает под Сталинград.

Рокоссовский вышел из кабинета и расстроенным, и воодушевлённым одновременно. Удар противнику во фланг из района Серафимовича отменялся. Жаль. Этот манёвр мог бы увенчаться успехом. Но зато ему вверяли главный фронт — Сталинградский!

В район Сталинграда они вылетели вместе с Жуковым. Ли-2 прижимался к земле. Жуков, уже привыкший к этим одиночным полётам без сопровождения истребителей, успокоил: пилот опытный, если даже попытаются перехватить «мессершмитты», он от них уйдёт. Сели на полевом аэродроме. Машины уже ждали.

Сталинградским фронтом командовал генерал В. Н. Гордов^[79]. Он и

докладывал прибывшим о положении дел, о состоянии войск и результатах последних боёв. Правда, уже не как комфронта, а как заместитель.

К тому времени немцы пробили к Волге коридор и свободно действовали в нём, всячески укрепляли его фланги и даже пытались направленными ударами его расширить.

Штаб фронта действовал силами трёх армий, пытаясь ликвидировать пробитый противником коридор. Коридор наряду с другими неприятностями отрезал от основных сил фронта 62-ю армию, которая действовала непосредственно в Сталинграде, ведя изнурительные уличные бои.

После доклада Жукову Гордов взял телефонную трубку и долго, нервно управлял атакой одной из дивизий, пытавшейся наступать с внешней стороны коридора. Жуков, владевший командной стилистикой подобного рода не хуже Гордова, вскоре не выдержал:

— Криком и бранью тут не поможешь. Нужно умение организовать бой.

Силёнок у сталинградцев явно не хватало.

Жуков остановил бессмысленные атаки и приказал Рокоссовскому вступить в командование фронтом.

Они некоторое время обменивались мнениями по поводу состояния войск и перспектив их действия. И вдруг Рокоссовский подытожил:

— Выводы Гордова считаю верными. Для поддержки пехоты явно не хватает артиллерии и миномётов. А артиллерии и миномётам — боеприпасов. Но самое главное — операции готовятся впопыхах, войска вводятся в бой по частям. А у противника — прочная оборона и хорошо отлаженная система огня. Прошу предоставить мне возможность исходя из обстановки самому командовать войсками. Разумеется, в рамках общих задач, поставленных Ставкой.

— Хочешь сказать, — усмехнулся Жуков, — что мне здесь делать нечего?

Наедине они были на «ты».

Жуков верил в надёжность Рокоссовского. Ещё раз взглянул на карту и сказал:

— Хорошо, я сегодня же улетаю.

1 октября 1942 года Рокоссовский вступил в командование войсками Донского фронта. Буквально накануне директивой Ставки Сталинградский фронт был преобразован в Донской, а Юго-Восточный — в Сталинградский. Сталинградским командовал однокашник Рокоссовского по Ленинградским кавалерийским курсам генерал-полковник А. И.

Ерёменко.

В день вступления в командование войсками Донского фронта Рокоссовский писал семье:

«Дорогие мои Lulu и Адуся!

Перелёт к новому месту совершил благополучно. Уподобился перелётной птице и потянул на юг.

К работе приступил с первого же дня и со всем остервенением и накопившейся злобою направил усилия на истребление фрицев — этой проказы. Прежняя вера в то, что недалеко то время, когда эта проказа будет уничтожена, не покидает меня, а с каждым днём всё усиливается. Наступит время, и фрицы будут биты так же, как били их при Александре Невском («Ледовое побоище»), под Грюнвальдом и ещё много кое-где.

Теперь немного о себе. Здоров и бодр. Несколько дней жил в балке, в землянке, чаще бывал в разъездах. Теперь живу временно в деревянном домике. Вот это подлинная избушка на курьих ножках. Возможно, в недалёком будущем условия улучшатся, но некоторое время ещё придётся возвращаться в землянку.

Здесьняя местность — это копия Даурии. И, когда я вылез из самолёта, невольно стал искать глазами даурский городок. Растительности никакой. Голые сопки и степи. Уже несколько дней дует сильный ветер и поднимает столбы пыли. Придётся заводить себе очки, а то начали болеть глаза. Зато зубы чистить не надо — прочищаются песочком, который постоянно трещит на зубах.

По вас скучаю очень сильно. Эта тоска усиливается сознанием большой удалённости... Душою же чувствую вас рядом с собой. Как живёте вы? Пишите обо всём. Буду рад получить от вас весточку. Сознание того, что там, вдали, живут дорогие мне два существа, думающие обо мне, вливает тепло в мою душу, придаёт мне бодрости и сил.

Ваш К. Рокоссовский».

Целой серией намёков он объяснил жене и дочери, что направлен в более удалённые от Москвы места, «на юг», в степь, продуваемую ветрами и изрезанную балками. Более точные координаты сообщить не мог.

Новый его фронт лежал в степях, растянувшись на 400 километров. Рокоссовский сразу же поехал знакомиться с людьми и хозяйством.

Правый фланг фронта замыкала 4-я танковая армия, довольно сильная — девять стрелковых дивизий, но — при четырёх танках. В шутку армию называли «четырёхтанковой». Оборонялась она в междуречье Дона и Волги

на участке протяжённостью 30 километров. Дивизии 4-й армии занимали весьма выгодную позицию в общей картине сражения: охватывая обширный плацдарм на западном берегу Дона, они имели возможность устойчиво обороняться и одновременно атаковать противника всякий раз, когда он пытался наступать на Сталинград с севера. Вскоре 4-я танковая была преобразована в 65-ю общевойсковую и её возглавил вызванный из-под Брянска генерал Батов. С этого времени за участок в междуречье Дона и Волги Рокоссовский был спокоен.

Дальше на участке в 50 километров оборонялась 24-я армия генерала И. В. Галанина^[80]. Правый её фланг выходил к Дону. Задача армии — держать глухую оборону и одновременно атаковать в направлении «коридора», прорубленного немцами к Волге.

Левифланговая 66-я армия упиралась левым флангом в Волгу и буквально нависала над Сталинградом, над опасным «коридором». Её непосредственной задачей как раз и было — ликвидировать опасный «коридор» и обезопасить сталинградскую группировку наших войск с севера. 66-й армией командовал генерал Малиновский^[81].

Встреча двух будущих маршалов, которые станут символами нашей победы, произошла при довольно необычных обстоятельствах.

На командном пункте Малиновского не оказалось. Докладывал Рокоссовскому начальник штаба армии. Командующий выслушал доклад начштаба и спросил, где Малиновский.

— Родион Яковлевич убыл в войска, — ответил тот.

— Странно, он знал, что я выехал в расположение армии, и не дождался...

— Сейчас мы его вызовем на КП. — И начштаба сделал знак телефонистам. — У нас со всеми полками хорошая, устойчивая связь.

Рокоссовский остановил его:

— Не надо, я его найду сам.

Это был его стиль — знакомиться с войсками и командирами на месте, на передовых НП, с попутной инспекцией оборонительных сооружений и расстановки войск.

Ни на КП дивизии, ни в штабе стрелкового полка Малиновского он не нашёл.

— Что ж, пойдёмте дальше. — И первым двинулся по ходу сообщения в сторону батальонных позиций.

Стены и накатник ротного НП содрогались от частых взрывов снарядов. Выслушав доклад Малиновского, Рокоссовский заметил, что, по

всей вероятности, ротная позиция не самое удобное место для руководства войсками... На что Малиновский ответил:

— Зато здесь начальство не очень донимает.

Шутку командарма Рокоссовский принял с пониманием, но уже в следующую минуту снова заговорил о деле. «Расстались мы друзьями, — вспоминал маршал, — достигнув полного взаимного понимания. Конечно, на армию возлагалась непосильная задача, командарм понимал это, но обещал сделать всё от него зависящее, чтобы усилить удары по противнику.

С отдельных участков нашей обороны хорошо просматривались вражеские позиции. После ожесточённых боёв там осталось много подбитых танков — и немецких, и наших. Бойцы такой рубеж прозвали танковым полем. Это был крепкий орешек. Под сожжёнными машинами гитлеровцы вырыли окопы. Мёртвые танки превратились в труднопреодолимые огневые точки. Штурм их нам стоил очень дорого».

Немцы занимали старые позиции внешнего обвода города, улучшив их и приспособив к жёсткой обороне. За «коридором» сражалась, цепляясь за каждый квартал и каждый дом, 62-я армия соседнего Юго-Восточного фронта. Именно туда, в Сталинград, по Волге шли резервы и подкрепления. 66-ю армию Малиновского, стоявшую перед «коридором», Ставка резервами не баловала. При том, что задача стояла прежняя — разрубить «коридор» и сомкнуть фланги с 62-й армией и, следовательно, образовать с соседним фронтом единую оборону.

Из книги «Солдатский долг»: «Ставка присылала под Сталинград стрелковые, танковые и артиллерийские части. Большинство их немедленно перебрасывалось через Волгу в город. Кое-что перепадало и Донскому фронту. Но это пополнение не могло возместить потери, которые мы несли в контратаках.

Противник в городе уже в трёх местах прорвался к Волге. Учитывая тяжёлое положение 62-й армии, Ставка приказала провести в октябре наступательную операцию. К этому привлекались войска двух фронтов. Наш Донской активными действиями с плацдармов на Дону должен был сковать врага, с тем чтобы он не смог перебрасывать подкрепления в район Сталинграда. В это время наша 24-я армия своим левым флангом во взаимодействии с 66-й армией должна была разгромить вражеские части севернее города и соединиться с войсками 62-й армии Сталинградского фронта. Для этой операции нам разрешалось использовать семь стрелковых дивизий, прибывавших из резерва Ставки. Никаких дополнительных средств усиления (артиллерия, танки, самолёты) фронт не получал. В этих условиях трудно было рассчитывать на успех. Группировка противника

опиралась здесь на хорошо укреплённые позиции.

Поскольку главная роль в предстоявшем наступлении отводилась 66-й армии, я переговорил с Малиновским.

Тот стал меня упрасивать не направлять в бой семь новых дивизий:
— Только напрасно потеряем их.

На наше счастье, к намеченному Ставкой сроку из семи дивизий мы получили только две. Они и были переданы 66-й армии. Остальные запоздали, и мы оставили их в резерве фронта. Впоследствии они сыграли большую роль.

Как и следовало ожидать, наступление было безуспешным. Войска Донского фронта не смогли прорвать оборону противника. Наступление Сталинградского фронта тоже не достигло поставленной цели. И всё же противник был вынужден удерживать свою группировку в междуречье, а это оказывало большое влияние на дальнейший ход событий под Сталинградом.

Неприятельским войскам пришлось топтаться на месте. Они не могли продвинуться ни на Волге, ни на Кавказе. Безмерно растянувшиеся коммуникации доставляли врагу всё больше хлопот...

Воспользовавшись сложившейся обстановкой, советское командование приступило к подготовке мощного контрнаступления. Оно должно было начаться — мы об этом догадывались — одновременно с северного и южного флангов. Для осуществления плана нужно было задержать на некоторое время главную группировку немецких войск в междуречье Волга — Дон. Это достигалось активными действиями войск Донского и Сталинградского фронтов в районе Сталинграда. А тем временем производились соответствующая перегруппировка и сосредоточение наших войск, предназначенных для контрудара.

Чувствовалось, что противник исчерпал свои наступательные возможности. Фланги его основной группировки в междуречье и в районе Сталинграда были слабо прикрыты, а достаточными резервами для того, чтобы обеспечить прочность обороны захваченного района, он не располагал. Его коммуникации были уязвимы на огромном пространстве.

Для нас наступал долгожданный момент. О предстоящем контрнаступлении мне и Ерёменко было известно уже в октябре: нам очень коротко рассказал о нём Г. К. Жуков. Он не сообщил пока даже приблизительного срока начала операции. И всё же его информация дала нам возможность приступить к определённой подготовке, сохраняя, конечно, абсолютную секретность цели этих мероприятий. Многие делались, чтобы ввести противника в заблуждение. Мы попытались

убедить его, что собираемся наступать в междуречье, и вели здесь наиболее активные действия. А на остальных участках фронта имитировались усиленные работы по возведению укреплений... Всякое передвижение войск в те районы, откуда им предстояло действовать, производилось только ночью, с соблюдением всех мер маскировки.

Нашей авиации, 16-й воздушной армии, возглавляемой опытным и энергичным генералом С. И. Руденко, поручили одновременно с решением задач над полем боя непрерывно следить за поведением противника. Нужно было не прозевать перегруппировку его войск в пределах фронта и на стыках с соседями.

Как назло, именно в это время, когда так много требовалось от лётчиков, среди них появились случаи заболевания туляремией, распространяемой мышами. А развелось их множество, и пришлось принимать специальные меры для защиты не только людей от заболевания, но и самолётов от порчи: грызуны поедали резиновую изоляцию везде, куда только им удавалось проникнуть.

План наступательной операции предусматривал участие войск трёх фронтов. Сталинградский фронт должен был наносить удар из района Сарпинских озёр, Донской — активными действиями сковывать в междуречье Волга — Дон максимум неприятельских сил, а на правом крыле наносить удар, тесно взаимодействуя с соседним справа, вновь создаваемым Юго-Западным фронтом, которому предстояло обрушить на врага основной удар с плацдармов на южном берегу Дона.

Таким образом, планировались два мощных удара по флангам сталинградской группировки противника с целью её окружения и уничтожения.

Нужно отдать должное Генеральному штабу и Ставке: момент был выбран очень удачно. Мы имели возможность создать перевес в силах и средствах на направлениях ударов. Нужно было лишь помешать противнику организовать оборону, не дать ему оттянуть из междуречья войска для создания резервов.

Все мы понимали, что в этой обстановке медлить нельзя. Понимали это Ставка и Генеральный штаб, поэтому подготовка к операции велась ускоренным темпом. В ноябре активность противника на фронте заметно снизилась. В городе он перешёл к действиям мелкими группами. Становилось заметным, что враг и в междуречье пытается перейти к обороне.

Значительные изменения произошли на нашем правом крыле. Мы передали вновь созданному Юго-Западному фронту две наши армии — 63-

ю и 21-ю. Утешало, что мы стали получать некоторое пополнение, к сожалению, весьма мизерное. А люди были очень нужны. Как всегда в таких случаях, проверили наши тылы, медсанбаты и госпитали. Штаб и политуправление фронта занимались этим в масштабах фронта, командование армий — в пределах своих объединений. С большим трудом нам удалось набрать немного людей и влить их в те части, которым предстояло решать наиболее ответственные задачи в первые дни боёв.

О предстоящем наступлении была осведомлена лишь небольшая группа штабных работников. На сей счёт представитель Ставки Г. К. Жуков сделал строжайшее предупреждение.

Все мероприятия проводились под видом усиления обороны».

Подготовка к контрнаступлению шла весь октябрь. Наконец план, подписанный Жуковым и Василевским^[82], лёг на стол Верховного главнокомандующего. Сталин подписал план и сказал Василевскому:

— А теперь, не раскрывая основного замысла, надо переговорить с командующими фронтами. Необходимо знать их мнение и учесть его в поправках.

Через несколько дней в Сталинград снова прилетел Жуков.

Когда он прибыл на командный пункт Донского фронта, Рокоссовский уже догадывался, с чем на этот раз пожаловал представитель Ставки. Состоялось совещание. Ни деталей операции, ни тем более сроков её проведения Жуков не назвал.

Началась работа над планом операции Донского фронта. Роль войск Рокоссовского в предстоящей грандиозной операции заключалась в следующем: когда Сталинградский фронт ударит из района Сарпинских озёр на запад и северо-запад, а Юго-Восточный таким же концентрированным ударом с плацдармов из района Серафимовича, смяв порядки 3-й румынской армии, ринется ему навстречу в направлении на Калач, армии Донского фронта, самого северного, должны обеспечивать правый, западный фланг наступающих и одновременно укреплять внешний периметр «котла». 6-я армия Паулюса, таким образом, отсекалась от тылов и оказывалась в окружении в районе Сталинграда.

В ноябре противник снизил интенсивность атак. Усталость, тающие ресурсы заставили немцев перейти к обороне. Сталинградцы выстояли.

По приказу Ставки Рокоссовский передал две правофланговые армии — 63-ю и 21-ю — Юго-Западному фронту. Тем временем дивизии оставшихся армий были усилены пополнением. Маршал вспоминал: «К началу операции Донской фронт получил из резерва Ставки три стрелковые дивизии, укомплектованные процентов на шестьдесят, да 16-я воздушная

армия получила второй бомбардировочный корпус. Слабое усиление стрелковыми частями нас не удивляло. Мы понимали, что свежие войска нужны прежде всего там, где решается судьба всей операции. А так как главная роль в окружении противника отводилась Юго-Западному фронту, то он получал не только пехоту, но и большое количество подвижных войск».

65-я армия генерала Батова, как правофланговая, тоже должна была атаковать вместе с войсками главного удара.

К началу наступления Донской фронт был примерно равен группировке противника, стоявшей перед ним.

В дни подготовки сталинградского контрнаступления в Москве произошло событие, которое во многом определило роль и судьбы молодых генералов и без пяти минут маршалов Советского Союза. Сразу в нескольких московских театрах состоялись премьеры спектакля по пьесе Александра Корнейчука «Фронт». Накануне пьеса публиковалась в газете «Правда» — в четырёх номерах с продолжением. В основе пьесы — противостояние двух поколений командиров: старшего, сформировавшегося ещё в Гражданскую войну, и молодого, который начал набирать свой командирский опыт в Великой Отечественной войне. Комфронта Горлов, из поколения старших, отстал от новых реалий войны, управляет войсками по старинке, а потому терпит поражение за поражением. Командарм Огнёв — молодой образованный генерал — вопреки воле Горлова действует исходя из обстановки, рискует, а потому вскоре вступает в конфликт с командующим, но одерживает победу. Командование смещает ретрограда Горлова и назначает энергичного Огнёва командующим войсками фронта.

Говорят, соавтором Александра Корнейчука был сам Верховный главнокомандующий.

Летом 1942 года драматург дважды посетил кремлёвский кабинет Сталина, о чём остались соответствующие записи в журнале посещений. Видимо, там, в Кремле, и родился замысел столь нужного в те дни произведения. Там же шла редакция текста, написанного Корнейчуком в рекордно короткие сроки. Сталин внимательно прочитал рукопись и сделал некоторые поправки. Например, диалог Горлова и его брата, директора авиазавода Мирона: «Горлов. Есть у меня книжные стратеги, всё о военной культуре болтают. Приходится им крепко мозги вправлять. Мирон. И очень плохо делаешь! Много ещё у нас некультурных командиров, не понимающих современной войны, и в этом наша беда... Чтобы выиграть войну, кроме храбрости нужно ещё умение воевать, умение воевать по-

современному, нужно научиться воевать по-современному. Опыт Гражданской войны для этого недостаточен».

Удивительно то, что очередную сложнейшую и необходимую реформу в войсках Сталин провёл на этот раз совершенно бескровно, по-военному оперативно и очень своевременно. Сила приказов, в том числе и такого сурового, как приказ № 270 «Ни шагу назад», в некоторых обстоятельствах не действовала. Необходимо было включить энергию штабов, командиров высшего эшелона, чтобы переломить обстановку на фронте противостояния.

Пьеса произвела эффект разорвавшейся гранаты в офицерском собрании. Многие генералы и маршалы высказали своё недовольство по поводу публикации пьесы, а затем её появления на широкой сцене. Двадцать два театра сразу же приняли «Фронт» к постановке. Война войной, а в театры народ валил валом. Пьесой и темой противостояния особо недовольны были маршал Тимошенко, генерал Конев, высшие чины из политорганов. Сталину звонили с фронтов и недвусмысленно предлагали снять пьесу с постановки, а Корнейчука расстрелять. Сталин приказал узнать мнение о пьесе всех командующих армиями и войсками фронтов. Неизвестно, как реагировал на литературный и сценический конфликт командиров Рокоссовский. Но дальнейшее его восхождение свидетельствует, во-первых, о том, как быстро зрел и мужал он как военачальник, и, во-вторых, о том, что Верховный главнокомандующий, всячески поощряя полководческий дар командующего Донским фронтом, однозначно видел его в когорте Огневых.

Когорта Огневых формировалась очень быстро. Именно трудности на фронтах наиболее помогали её формированию. Разумеется, под присмотром Верховного, который вносил свои, порой существенные поправки «по ходу пьесы».

Время Ворошилова, Будённого, Кулика, Тимошенко к концу 1942 года ушло окончательно. Сталин чутьём опытного менеджера определил: победу ему принесут молодые командиры, такие как Жуков, Рокоссовский, Конев, Говоров, Ватутин, Черняховский, Баграмян...

Военная машина рейха в очередной раз допустила роковой и недопустимый сбой. Она пропустила удар под Сталинградом, так же как и год назад удар под Москвой, и жестоко за это поплатилась. Странное дело, немецкая разведка зафиксировала опасную концентрацию наших войск на юге и севере у основания сталинградского выступа. Шеф оперативной разведки и руководитель отдела «Иностранные армии — Восток» Рейнхард Гелен подготовил доклад, в котором информировал командование об

опасной активизации русских «в Донской области». Казалось бы, вот она, очевидность. Но ни германский Генштаб, ни фюрер не слышали Гелена. Возможно, дело в том, что в это самое время Красная армия активно атаковала севернее, в районе Ржева. Там Жуков ввёл в дело крупные танковые соединения и вклинился в немецкую оборону, угрожая окружением крупной группировке, всё ещё стоявшей под Москвой.

Популярнейшая немецкая газета «Фёлькишер беобахтер» 19 ноября 1942 года вышла с пространными статьями Геббельса и Розенберга, в которых партийцы пространно рассуждали об успехах германских войск и «продолжающегося строительства на Востоке». «Донская область» в этом номере тоже присутствовала, но весьма скромно, одним упоминанием о «слабых советских ударах под Сталинградом».

В тот день Рокоссовский встал рано. В половине шестого утра, ещё затемно, штабная машина с эскортом охраны выехала по дороге на вспомогательный пункт управления 65-й армии. Наблюдать за действиями войск и управлять наступлением комфронта решил оттуда. Вопреки прогнозам синоптиков, обещавших хорошую погоду, повалил густой снег. Вскоре Рокоссовский заметил, что проводник, полковник из штаба 65-й армии, заволновался. Он сидел впереди, указывая водителю дорогу, но вдруг сказал, что, кажется, заехали не туда. Плутали среди поднявшейся пурги, словно заблудившиеся ямщики. Штабные начали беспокоиться: не опоздать бы к началу артподготовки.

На вспомогательный пункт управления выбрались минут за двадцать до начала. Когда вышли из машины, полковник виновато доложил о своей оплошности.

— Ничего, — успокоил его Рокоссовский, — с кем не бывает.

Снег мешался с туманом. Видимость, как доложили артиллеристы, в пределах 250 метров.

— Что будем делать? Артиллерия? Авиация? — И он посмотрел на генералов Казакова и Руденко^[83].

Командующий 16-й воздушной армией был расстроен. Стало уже очевидным, что в первой атаке его соколы воевать не смогут.

— Только что связывался по радио со своим штабом. Метеорологическая обстановка по-прежнему плохая. Никакого просвета. В ближайшие часы авиацию поднять мы не сможем.

Казаков сиял:

— Видимость плохая, но артиллерийская разведка поработала хорошо, цели определены, и расчёты готовы их подавить.

— Ну что ж, Василий Иванович, теперь вся надежда на вас.

Генерал Казаков был великолепным артиллеристом. Артиллерийское хозяйство поддерживал на высоком уровне. Расчёты укомплектовывались опытными специалистами. Офицеры его штаба вспоминали, что Василий Иванович, чтобы добиться одновременного огня всеми имеющимися средствами, ввёл некоторые команды, не предусмотренные уставом. Эти казаковские правила действовали до конца войны.

Начало артподготовки в то утро 19 ноября было назначено на 7 часов 30 минут. В 7 часов 25 минут все артполки и артдивизионы получили по радио команду: «Оперативно!» Это означало прекращение переговоров по всем линиям связи. Через минуту: «Зарядить!» Через другую: «Натянуть шнуры!»

Как впоследствии вспоминал маршал артиллерии Казаков, в эти мгновения — на ВПУ 65-й армии это чувствовали особенно — тысячи расчётов замерли у своих орудий в ожидании разрешающей команды: «Огонь!»

В то утро вместе с командой на открытие огня в небо взмыли сотни ракет. 7 часов 30 минут — и гигантский залп расколол небо и сотряс землю. Ураган огня и металла, зародившись на тыловых и ближних позициях артиллеристов, гигантским языком вытянулся в сторону немецких боевых порядков. Во время первого огневого налёта артиллеристы произвели до пяти-шести тысяч выстрелов. Тяжёлые снаряды гаубиц и пушек старательно перепаживали оборону противника. Ещё и ещё, ещё и ещё...

Сильная оптика стереотрубы давала возможность увидеть результаты работы артиллерии. Столбы дыма поднимались над первой линией немецкой обороны всё выше и выше. Взрывы тяжёлых снарядов выдёргивали из земли и разбрасывали обломки брёвен наблюдательных пунктов, блиндажей и землянок. Некоторое время Рокоссовский не мог оторваться от окуляров — картина огневого налёта артиллерии Донского фронта зачаровывала своим масштабом и силой воздействия на противника. Какое-то время удар нарастал, и казалось, это может закончиться только чем-то апокалиптическим. Но вскоре сообщили, что противник начал покидать окопы первой линии. И Казаков тут же приказал часть огня перенести в глубину немецкой обороны. Артподготовка длилась 80 минут. В 8 часов 50 минут после недолгой внезапно наступившей тишины на нейтральную полосу из окопов дивизий первого эшелона 65-й армии вылилось многоголосое «ура!». Пошла матушка-пехота. Танки поддержки. Артиллеристы буквально на руках толкали перед собой сорокапятки — на случай, если оживут неподдавленные огневые точки.

Рокоссовский знал: если у соседа справа, армий ЮгоЗападного фронта, противник — румыны, то у него — немцы, стойкие и опытные солдаты, и сломить их сопротивление, прорвать их оборону будет намного сложнее. Задачей генерала Батова было прорвать немецкую оборону на всю её глубину, «зайти во фланг и тыл обороны противника на рубеже реки Дон, наступать в юго-восточном направлении на Вертячий».

Вскоре выяснилось: немцы частью сил успели отойти на вторую линию обороны и встретили наши наступающие части огнём. И снова заработала артиллерия генерала Казакова. Часть орудий была выдвинута непосредственно в боевые порядки наступающей пехоты. Артиллеристы расстреливали огневые точки врага, его опорные пункты прямой наводкой. Огнеприпасов не жалели. И вскоре оборона противника начала давать трещины и распадаться.

Пробыв на ВПУ ещё час-другой, Рокоссовский отправился в 24-ю армию. Батову сказал:

— Вот что, Павел Иванович, сопротивление немцев сильнее, чем я ожидал. Ударная группировка продвигается медленно. Нажимайте без пауз. И помните: левый фланг Двадцать первой армии на вашей ответственности.

В прорыв вводились танковые корпуса и бригады.

Первый адъютант штаба 6-й армии Паулюса полковник Вильгельм Адам вспоминал, как они после прорыва советских танков и пехоты под Богучаром и Серафимовичем эвакуировали штаб армии на юг, к Дону: «Противник прорывался всё большими силами сквозь наш фронт, взломанный в нескольких местах. Передовые части его наступающих войск быстро сближались. А у нас не было никаких резервов для того, чтобы предотвратить смертельную угрозу. <...> От отдела снабжения армии до моста через Дон у Нижне-Чирской было уже недалеко. Но то, что мы теперь пережили, превзошло всё, что было раньше. Страшная картина! Подхлестываемые страхом перед советскими танками, мчались на запад грузовики, легковые и штабные машины, мотоциклы, всадники и гужевой транспорт; они наезжали друг на друга, застревали, опрокидывались, загромождали дорогу. Между ними пробирались, топтались, протискивались, карабкались пешеходы. Тот, кто спотыкался и падал наземь, уже не мог встать на ноги. Его затапывали, переезжали, давили. В лихорадочном стремлении спасти собственную жизнь люди оставляли всё, что мешало поспешному бегству, бросали оружие и снаряжение; неподвижно стояли на дороге машины, полностью загруженные боеприпасами, полевые кухни и повозки из обоза — ведь верхом на выпреженных лошадях можно было быстрее двигаться вперёд. Дикий хаос

царил в Верхне-Чирской. К беглецам из 4-й танковой армии присоединились двигавшиеся с севера солдаты и офицеры 3-й румынской армии и тыловых служб XI армейского корпуса. Все они, охваченные паникой и ошалевшие, были похожи друг на друга. Все бежали в Нижне-Чирскую».

Наступление северной и южной ударных группировок Красной армии было проведено почти молниеносно. Уже 23 ноября после полудня танковые авангарды ЮгоЗападного и Сталинградского фронтов замкнули кольцо окружения в районе степного хутора Советский. С севера по глубоким снегам шёл танковый корпус генерала А. Г. Кравченко^[84]. В ноябре 1941 года 31-я танковая бригада Кравченко поддерживала 16-ю армию в районе подмосковного Клина. А здесь удачливый и храбрый танковый генерал едва не угодил под трибунал.

После артподготовки стрелковые дивизии ЮгоЗападного фронта пошли в наступление. Однако продвижение их было чрезвычайно медленным. По графику в прорыв надо было уже вводить танковые и механизированные соединения, но прорвать оборону противника на всю глубину всё ещё не удавалось. Сталин позвонил Ватутину, спросил, почему ударная группа фронта продвигается так медленно. Ватутин, предвидя гнев Верховного главнокомандующего, к тому времени уже отдал приказ командирам танковых корпусов атаковать, не дожидаясь прорыва. Это означало — идти на минные поля, лезть на неподавленные ПТО. Командиры корпусов, хорошо понимая, чем для экипажей обернётся приказ комфронта, под разными предлогами начали затягивать начало атаки, надеясь, что пехоте, пробиравшейся вперёд по глубокому снегу, вот-вот самой удастся завершить прорыв.

— Если пехота не в состоянии прорвать оборону противника, почему стоят танковые корпуса? — теряя терпение, спросил Сталин. Верховный внимательно следил за ходом событий.

— Таковые корпуса получили приказ о начале наступления, — ответил Ватутин. — Но... не выполнили его. Тянут.

— Что нужно сделать, чтобы они выполнили приказ о наступлении?

— Расстрелять командиров корпусов и назначить на их место надёжных командиров, — ответил Ватутин.

Командующий Юго-Западным фронтом кипел гневом и действительно был готов к крайним мерам. Он ждал только распоряжения Верховного. Но после непродолжительной паузы Сталин вдруг сказал:

— Пусть им будет стыдно. — И положил трубку.

Ватутин, немного успокоившись, позвонил генералу Кравченко и

передал ему разговор с Верховным главнокомандующим. Тут же взрели сотни моторов и, поднимая снежную пыль, боевые машины ринулись вперёд. Корпуса обогнали пехоту и при минимальных потерях завершили прорыв. Через три дня разведка увидела впереди тридцатьчетвёрки, мчавшиеся встречным курсом. Это были танки 4-го механизированного корпуса генерала В. Т. Вольского^[85] из авангарда Сталинградского фронта.

Торопил Сталин и Рокоссовского. 23 ноября 1942 года в 19 часов 40 минут в штаб Донского фронта поступила шифровка:

«Товарищу Рокоссовскому.

Копия: товарищу Василевскому.

По докладу Василевского 3-я мотодивизия и 16-я танковая дивизия немцев целиком или частично сняты с вашего фронта и теперь дерутся против фронта 21-й армии. Это обстоятельство создаёт благоприятную обстановку для того, чтобы все армии вашего фронта перешли к активным действиям. Галанин действует вяло, дайте ему указания, чтобы не позже 24 ноября Вертячий был взят.

Дайте также указания Жадову^[86], чтобы он перешёл к активным действиям и приковал к себе силы противника.

Подтолкните как следует Батова, который при нынешней обстановке мог бы действовать более напористо.

Сталин».

Рокоссовский к тому времени уже подтянул свои войска, армии пошли вперёд быстрее. Через несколько часов он доложил в Ставку о результатах наступления. Поздно вечером позвонил Сталин. Он был доволен действиями ударной группировки фронта.

Из воспоминаний генерала А. С. Жадова: «Дело спорилось. Вечером 24 ноября Константин Константинович Рокоссовский, заслушав мой доклад по итогам боёв за истёкший день, согласился с моим выводом о необходимости дивизиям армии закрепиться на достигнутом рубеже.

— Васильев^[87] доволен действиями армии, — сказал в заключение нашего разговора Рокоссовский. — Однако ему не понравилась ваша фамилия. Он просил передать вам его пожелание изменить её. К утру доложить своё решение.

Задача мне была поставлена щекотливая и необычная. Поменять фамилию... И отец, и дед, и все мои пращурьы были Жидовы. Сам я родился, прожил почти полжизни под этой фамилией. И вдруг надо от неё отказываться. Но пожелание Верховного — больше чем пожелание. Это приказ!

В донесении, направленном утром 25 ноября командующему фронтом, я просил впредь мою фамилию читать Жадов. Через несколько дней мне вручили резолюцию Верховного Главнокомандующего: «Очень хорошо. И. Сталин».

«Котёл» был сформирован. Без всякой паузы войска Донского фронта — 66, 65, 24-я и возвращённая в состав фронта 21-я армия — приступили к его ликвидации. С юга «котёл» сжимали армии Сталинградского фронта. Однако надо отдать должное упорству и опыту противника — немцы сумели организовать оборону и здесь, на новых и невыгодных для боя рубежах.

Ещё 22 ноября, за несколько часов до того, как советские танки замкнули железное сталинградское кольцо, Паулюс получил от Гитлера телеграмму: «6-я армия временно окружена. Я знаю 6-ю армию и её командующего и знаю, что в создавшемся положении они будут стойко держаться. 6-я армия должна знать, что я делаю всё, чтобы ей помочь и выручить её. Я своевременно отдам ей свои приказы».

К концу ноября войскам Рокоссовского и Ерёменко удалось сжать кольцо: с запада на восток — до 40 километров, с севера на юг — до 30–40 километров. Но и к началу декабря ликвидировать окружённого врага не смогли.

9 декабря в Ставке обсуждался новый план ликвидации сталинградского «котла». Выработан он был штабами Донского и Сталинградского фронтов. Курировал планирование нового удара представитель Ставки Василевский. План предусматривал серию согласованных ударов фронтовых группировок на рассечение окружённого врага с последующим изолированным его уничтожением. 11 декабря Ставка утвердила план.

На следующий день произошли события, которые стали угрожать не только плану новой операции, но и результатам проведённой ранее. 12 декабря из района Котельникова командующий группой армий «Дон» фельдмаршал Манштейн^[88] бросил ударную группу войск на выручку 6-й армии, началась операция под кодовым названием «Зимняя гроза». Атаку проводил командующий 4-й танковой армией старый знакомый Рокоссовского Герман Гот. Для рассечения обороны внешнего обвода «котла» Гот применил проверенный метод, выстроив свои порядки «клином». Некоторые исследователи пишут, что на острие «клина» шли новые «тигры». Приказ Манштейна для Гота и Паулюса гласил: создать надёжный «коридор» для обеспечения войск, действующих в районе Сталинграда, позиции в Сталинграде и окрестностях не оставлять. Таким

образом, немцы были полны энтузиазма и решимости одним ударом отыграть потерянное в ходе осенних и зимних боёв. Надо заметить, контратаки немцам удавались. Поначалу танковый «клин» Гота потеснил порядки войск Сталинградского фронта и начал опасно приближаться к окружённой группировке Паулюса.

Картину отражения танковой атаки Гота дал в своём великолепном романе «Горячий снег» участник тех боёв писатель Юрий Васильевич Бондарев.

Атаку танков Гота на реке Мышкове наши войска отбили. 6-я армия противника была обречена.

Манштейн переоценил свои силы. Он отдал приказ Паулюсу ударить навстречу. Этому опасалась наша Ставка. Войска, сформировавшие «котёл», могли дрогнуть, расступиться перед превосходящими силами противника. Но окружённая сталинградская группировка обречённо стояла на месте, доверившись приказам и обещаниям Гитлера не бросить её.

Рокоссовский в те дни всё ещё не оставлял надежды на решающее сражение с целью полной ликвидации «котла». Из резерва Ставки ему дали 2-ю гвардейскую армию. Но тут же начались переговоры о необходимости перебросить её на угрожаемый участок, чтобы остановить танки Гота.

Вечером 12 декабря Василевский из штаба Донского фронта доложил Верховному о серьёзности создавшегося положения и предложил срочно, с марша, перебросить 2-ю армию вместе с приданным ей танковым корпусом на позиции по реке Мышкове, чтобы остановить движение ударных частей группы армий «Дон».

— Когда мы разобьём противника на Мышкове, можно подумать и о ликвидации «котла», — развивал свою мысль Василевский. — Прошу вашего разрешения на немедленную переброску прибывающих частей Второй гвардейской армии на рубеж реки Мышковы. А Паулюс от нас не уйдёт. Пока не покончим с группировкой Манштейна, операцию по окончательному разгрому Шестой армии считаю необходимым отложить.

— Вы и так уже слишком долго возитесь с Паулюсом, — возразил Сталин. — Пора с ним кончать. И вообще, вы постоянно просите резервы у Ставки, причём для тех направлений, за которые отвечаете. Рокоссовский рядом с вами?

— Да, товарищ Сталин.

— Передайте ему трубку.

Рокоссовский услышал глуховатый голос Верховного.

— Как вы относитесь к предложению товарища Василевского?

— Отрицательно, товарищ Сталин.

— Что же вы предлагаете?

— Я думаю, что следует немедленно разделаться с окружённой сталинградской группировкой и для этой операции использовать сильную армию Малиновского.

— А если немцы прорвутся?

— В этом случае можно будет повернуть против них Двадцать первую армию Гордова.

В трубке какое-то время шуршала тишина.

— Да, согласен, ваш замысел смел, — снова заговорил Верховный. — Но он слишком рискован. А сейчас мы не можем рисковать, товарищ Рокоссовский. Передайте трубку Василевскому.

По тому, как Василевский доказывал Сталину необходимость передать Ерёменко 2-ю гвардейскую армию со всеми частями усиления, Рокоссовский понял, что Верховный колеблется и, прежде чем принять окончательное решение, изучает все «за» и «против».

Вскоре Василевский снова протянул ему трубку.

— Товарищ Рокоссовский, — сказал Сталин, — ваше предложение действительно очень смело и в других обстоятельствах могло быть единственно верным. Но — риск... Риск чрезвычайно велик. Мы здесь, в Государственном Комитете Обороны, сейчас рассмотрим оба варианта, ваш и товарища Василевского, и примем решение. Но, видимо, с армией Малиновского вам придётся расстаться.

Рокоссовский понял, что это и есть окончательное решение ГКО, и мгновенно отреагировал:

— В таком случае, товарищ Сталин, войска Донского фронта не смогут уничтожить Паулюса. Личный состав стрелковых частей наполовину выбит. Артиллерия нуждается в подвозе — не хватает огнеприпасов. В ремонте нуждаются танковые части. Прошу отложить операцию для отдыха, приведения себя в порядок и пополнения.

Снова зашуршала в трубке тишина.

— Хорошо, — согласился Верховный. — Временно приостановите операцию. Ставка подкрепит вас людьми и техникой. Я думаю, надо прислать вам Воронова^[89], он поможет усилить вашу артиллерию. Артиллерия вам скоро очень понадобится.

Ну, хоть так, с горечью подумал Рокоссовский. Воронов приедет не с пустыми руками...

19 декабря в штаб Донского фронта прибыл генерал Воронов. И сразу же началась подготовка к решающему удару с целью ликвидировать «котёл» в районе Сталинграда.

Ещё когда планировали первый удар, Рокоссовский высказал идею, что для проведения операции по рассечению «котла» целесообразнее было бы объединить обе ударные группировки — северную и южную — под единым командованием. И мысль эту он однажды уже высказывал Верховному главнокомандующему. Воронов тоже загорелся этой идеей, считая её более рациональной, и доложил о ней в Ставку.

Вскоре эту тему обсуждали на заседании Государственного Комитета Обороны. Маршал Жуков вспоминал: «В конце декабря в Государственном Комитете Обороны состоялось обсуждение дальнейших действий.

Верховный предложил:

— Руководство по разгрому окружённого противника нужно передать в руки одного человека. Сейчас действия двух командующих фронтами мешают ходу дела.

Присутствовавшие члены ГКО поддержали это мнение.

— Какому командующему поручим окончательную ликвидацию противника?

Кто-то предложил передать все войска в подчинение К. К. Рокоссовскому.

— А вы что молчите? — обратился Верховный ко мне. — Или вы не имеете своего мнения?

— На мой взгляд, оба командующих достойны, — ответил я. — Ерёменко будет, конечно, обижен, если передать войска Сталинградского фронта под командование Рокоссовского.

— Сейчас не время обижаться, — отрезал И. В. Сталин и приказал мне: — Позвоните Ерёменко и объявите ему решение Государственного Комитета Обороны.

В тот же вечер я позвонил А. И. Ерёменко по ВЧ и сказал:

— Андрей Иванович, ГКО решил окончательную ликвидацию сталинградской группировки противника поручить Рокоссовскому, для чего 57-ю, 64-ю и 62-ю армии Сталинградского фронта вам следует передать в состав Донского фронта.

— Чем это вызвано? — спросил А. И. Ерёменко.

Я разъяснил ему, чем вызвано такое решение.

Всё это, видимо, расстроило Андрея Ивановича, и чувствовалось, что он не в состоянии спокойно продолжать разговор. Я предложил ему перезвонить мне позже. Минут через пятнадцать вновь раздался звонок:

— Товарищ генерал армии, я всё же не понимаю, почему отдаётся предпочтение командованию Донского фронта. Я вас прошу доложить товарищу Сталину мою просьбу оставить меня здесь до конца ликвидации

противника.

На моё предложение позвонить по этому вопросу лично Верховному А. И. Ерёменко ответил:

— Я уже звонил, но Поскрёбышев сказал, что товарищ Сталин распорядился по всем этим вопросам говорить только с вами.

Мне пришлось позвонить Верховному и передать разговор с А. И. Ерёменко. И. В. Сталин меня, конечно, отругал и сказал, чтобы немедленно была дана директива о передаче трёх армий Сталинградского фронта под командование К. К. Рокоссовского. Такая директива была дана 30 декабря 1942 года».

В своём дневнике А. И. Ерёменко в те дни с обидой записал: «Первостепенное значение имеют не заслуги, а взаимоотношения с начальством... Страшная беда, что и в наш век всё ещё так решаются вопросы». Что и говорить, Андрея Ивановича на этот раз действительно обошли: генералам, отличившимся при разгроме 6-й армии Паулюса, присвоили очередные воинские звания, и только генерал-полковнику Ерёменко дальнейшее производство почему-то придержали. Жуков получил маршала и орден Суворова 1-й степени № 1. Гордов, Ватутин и Рокоссовский — золотые погоны генерал-полковников и ордена Суворова. Ерёменко завидовал и Жукову, и Рокоссовскому одновременно. Жуков стремительно двигался вверх. Вот уже Маршал Советского Союза и Герой Советского Союза. Рокоссовский тоже хорош, перехватил из-под носа командование операцией по уничтожению готовенького «котла»... А ведь когда-то шли бровь в бровь, на равных, вместе хлебали из курсантского котелка на кавалерийских курсах...

Но гордыня и спутница её обида бывают выше иных чувств.

В январе, уже после разгрома и капитуляции остатков 6-й армии и её штаба во главе с фельдмаршалом Паулюсом, Ерёменко сделал следующую запись: «Жуков, этот узурпатор и грубиян, относился ко мне очень плохо, просто не по-человечески. Он всех топтал на своём пути, но мне доставалось больше других. Не мог мне простить, что я нет-нет да и скажу о его недостатках в ЦК или Верховному Главнокомандующему. Я обязан был это сделать как командующий войсками, отвечающий за порученный участок работы, и как коммунист. Мне от Жукова за это попадало. Я с товарищем Жуковым уже работал, знаю его как облупленного. Это человек страшный и недалёкий. Высшей марки карьерист... Если представится возможность, напишу о нём побольше...»

Генерал Ерёменко, отстранённый от командования сталинградскими армиями, так расстроился, что у него открылась старая рана, и в феврале он

был направлен на лечение в санаторий Цхалтубо. Находясь на излечении вдали от фронта, он продолжал свои литературные опыты. Среди них, в продолжение темы, есть запись от 28 февраля 1943 года: «Следует сказать, что жуковское оперативное искусство — это превосходство в силах в 5–6 раз, иначе он не будет браться за дело, он не умеет воевать не количеством и на крови строит свою карьеру».

Вот такая зимняя гроза разразилась и среди генералитета Красной армии. Генералам, что вполне естественно, хотелось звёзд и орденов. Сталин давал им то и другое, но, как всякий опытный и талантливый режиссёр, внимательно и постоянно следил за тем, чтобы каждый актёр играл свою роль и не переигрывал.

Ерёменко в первую очередь был обижен, конечно же, на Рокоссовского. Однако в дневниковых записях весь негатив сброшен на Жукова. Во-первых, Ерёменко считал, что отстранение его от командования ударной группировкой и назначение Рокоссовского — интрига Жукова. Во-вторых, интеллигентный и корректный Рокоссовский попросту не давал повода Андрею Ивановичу изливать на него литературный яд — смесь злобы и обиды. Жуков, шедший к своим звёздам и орденам напролом, явно обгонял их и тем зачастую вызывал то скрытую, то открытую неприязнь.

Однако у Ерёменко была под Сталинградом стычка и с Рокоссовским. О ней вскользь, как о малозначительном, он тоже упоминает в своих мемуарах: «...Пришла директива Ставки о передаче всех войск, задействованных под Сталинградом, в состав Донского фронта. Это мероприятие было своевременным, и мы тут же приступили к установлению связи с 57, 64 и 62-й армиями. Вернее, эти связи у нас уже были. Вопрос об объединении сил обоих фронтов исподволь разрабатывался нашим штабом, и пусть немного, но кое-что мы успели сделать. Задолго до этого Василевский сказал мне, что командующий Сталинградским фронтом крайне недоволен, что штаб Рокоссовского засылает своих офицеров к нему в войска, пытается установить с ними какие-то контакты».

Получив в своё распоряжение дополнительно три армии, Рокоссовский поехал знакомиться с их штабами. Осматривал местность, изучал разведданные о противнике, оборонявшемся перед фронтом его соединений и частей, взвешивал возможности и потенциал своих войск и резервов. Самой трудной оказалась дорога в расположение 62-й армии генерала Чуйкова^[90]. Вначале перебрались на восточный берег Волги, потом, уже пешком, пошли по льду реки в Сталинград. Проводник вручил всем по доске и общую верёвку. Так, держась за верёвку и прижимая к себе

спасательные доски, они и двинулись по льду в дымящийся город.

Командный пункт Чуйкова оказался у самой реки — цепочка землянок, вырытых в обрывистом песчаном берегу. Землянки чем-то напоминали ласточкины гнёзда.

Воспоминания Рокоссовского о Чуйкове очень комплиментарны. Видимо, идёт это от его собственного характера: он всегда старался увидеть в человеке, особенно в подчинённом, лучшее, что в нём есть, и на этом лучшем строить отношения и общую работу: «Мне всегда нравились люди честные, смелые, решительные, прямые. Таким представлялся мне Чуйков. Был он грубоват, но на войне, тем более в условиях, в каких ему пришлось находиться, пожалуй, трудно быть другим. Только такой, как он, мог выстоять и удержать в руках эту кромку земли. Мужество и самоотверженность командарма были примером для подчинённых, и это во многом способствовало той стойкости, которую проявил весь личный состав армии, сражавшийся в городе за город. На меня этот человек произвёл сильное впечатление, и с первого же дня знакомства мы с ним сдружились».

Рокоссовский в общих чертах рассказал Чуйкову о предстоящей операции «Кольцо». Начали обсуждать задачи 62-й армии.

— Ваша задача, Василий Иванович, стоять на своих рубежах, как теперь стоите, — сказал Рокоссовский.

— Задача не сказать чтобы скромная, но всё же... не наступать... — усмехнулся Чуйков.

И тут кто-то из офицеров штаба фронта высказал опасение:

— Возможно, возникнет такая ситуация, что под ударами наступающих южной и северной группировок Паулюс не выдержит и всеми силами бросится на восток. Удержит ли Шестьдесят вторая армия противника?

Чуйков снова усмехнулся:

— Если они не прошли здесь в сентябре и октябре, то сейчас не пройдут и десяти шагов. Армия Паулюса уже не армия. — Чуйков некоторое время смотрел в перископ в глубину городских кварталов, в морозное марево дымящихся руин и сказал, словно подытоживая: — Замерзающий лагерь покуда ещё вооружённых пленных.

На следующий день в штаб Донского фронта на имя Рокоссовского и Воронова пришла депеша: «Главный недостаток представленного вами плана по «Кольцу» заключается в том, что главный и вспомогательные удары идут в разные стороны и нигде не смыкаются, что делает сомнительным успех операции.

По мнению Ставки Верховного Главнокомандования, главной вашей задачей на первом этапе операции должно стать отсечение и уничтожение западной группировки окружённых войск противника...

Ставка приказывает на основе изложенного переделать план. Предложенный вами срок начала операции по первому плану Ставка утверждает...»

Время уплотнялось.

Войска Рокоссовского изготовились к броску. Всё было готово. Зверь загнан в клетку. Но свой бросок охотнику предстояло хорошенько обдумать, чтобы удар оказался смертельным. Зверь был ещё силен. Статистика такова: Донской фронт атаковал 250-тысячную группировку при 4130 орудиях и миномётах, 300 танках и 100 самолётах, имея 212 тысяч личного состава, 6860 орудий и миномётов, 257 танков и 300 самолётов. Как видим, Рокоссовский превосходил Паулюса только в артиллерии и авиации.

Немцы, сидя в «котле», тоже не теряли времени зря. Укреплялись по всему периметру, выполняя приказ Гитлера: «Держаться».

Маршал вспоминал: «Донской фронт должен был уничтожить двадцать две вражеские дивизии, общая численность которых к концу декабря составляла 250 тысяч человек. В главной полосе по линии фронта окружения оборонялись пятнадцать пехотных, три моторизованные и одна танковая дивизии противника. В резерве он имел две танковые и одну кавалерийскую дивизии. Кроме того, в его распоряжении было 149 отдельных частей различных родов войск, которые использовались как для пополнения пехотных дивизий оборонявшихся в главной полосе, так и для усиления резервных соединений.

Резервы располагались так, что образовывали внутри окружения как бы второе кольцо, что способствовало увеличению глубины обороны и создавало возможность манёвра для контратак в любом направлении. В декабре немецко-фашистские войска провели большую работу по укреплению своих позиций. В главной полосе обороны и на промежуточных рубежах они создали сеть опорных пунктов и узлов сопротивления. В западной части района противник воспользовался сооружениями бывшего нашего среднего оборонительного обвода, проходившего по левому берегу Россошки и далее на юго-восток по правому берегу Червлёной. На этом рубеже противник имел возможность усовершенствовать оборону, создав сплошную линию укреплений.

В восточной части кольца, где также проходил бывший наш внутренний оборонительный обвод, противник тоже оборудовал опорные

пункты и узлы сопротивления, причём сеть их распространялась в глубину до десяти километров, вплоть до самого Сталинграда.

Гитлеровцы широко применяли минирование подходов к опорным пунктам и на танкоопасных направлениях. Для обороны были приспособлены железнодорожные насыпи, выбывшие из строя танки, вагоны и паровозы.

Таким образом, окружённый противник не только имел значительные силы, но и опирался на хорошо подготовленные в инженерном отношении позиции, значительно развитые в глубину.

Из всего этого можно было сделать вывод: в создавшейся обстановке враг предпримет все меры к тому, чтобы окружённая группировка как можно дольше держалась под Сталинградом, отвлекая на себя побольше наших сил и тем самым способствуя закрытию огромной бреши в его фронте, образовавшейся в результате успешного наступления советских войск на сталинградском и ростовском направлениях.

Дело прошлое, но мне думается, что было бы всё же целесообразнее 2-ю гвардейскую армию использовать так, как вначале намеревалась поступить Ставка, то есть быстро разделаться с окружённой группировкой. Этот смелый вариант открывал огромные перспективы для будущих действий наших войск на южном крыле советско-германского фронта. Как говорится, игра стоила свеч.

Конечно, меня снова могут упрекнуть, что сейчас, когда всё стало ясным, легко рассуждать о чём угодно, но я и тогда был сторонником использования 2-й гвардейской армии в первую очередь для разгрома окружённой группировки, предлагая в случае приближения вражеских сил к «котлу» повернуть против них всю 21-ю армию. Ставка предпочла принять другой вариант, надёжно гарантирующий от всяких неожиданностей».

Пополнение из резерва Ставки оказалось небольшим, по определению Рокоссовского, — «капель в море»: 20 тысяч штыков. Командующий тут же приказал «подчистить» ближайшие тылы и госпитали. Набрали ещё 10 тысяч.

На усиление ударных группировок в распоряжение штаба Донского фронта прибыли лётчики — представитель Ставки генерал А. А. Новиков^[91] и командир 3-й авиадивизии дальнего действия Ставки ВГК генерал А. Е. Голованов^[92].

Генерал Воронов, осуществлявший общее руководство операцией «Кольцо», смог привлечь для обеспечения наступления артиллерийское

усиление: «артиллерийскую дивизию прорыва, два артиллерийских пушечных полка большой мощности, один артиллерийский дивизион большой мощности, пять истребительно-противотанковых полков, один зенитный артиллерийский полк, две гвардейские миномётные дивизии...» А также три гвардейских танковых полка.

Решающая атака на Сталинград была назначена на утро 10 декабря 1942 года.

Первой в атаку поднималась 65-я армия Батова.

С Батовым у Рокоссовского состоялась традиционная встреча на командном пункте. Обсудили задачи. В заключение с едва заметной улыбкой комфронта сказал:

— Надеюсь, Павел Иванович, во время наступления продвижение своих войск вы будете определять не горизонталями, а более отчётливыми ориентирами.

Батов тоже не сдержал улыбки:

— Что ж, Константин Константинович, при таком усилении артиллерией и танками постараемся выдержать вертикаль.

«А было это, — вспоминал маршал, — во время тяжёлых декабрьских боёв, когда от нас настоятельно требовали быстрее разгрома только что окружённого противника, сил же и средств для этого у нас не хватало. Вызвав Батова к телефону, я спросил, как развивается наступление.

— Войска продвигаются, — был ответ.

— Как продвигаются?

— Ползут.

— Далеко ли доползли?

— До второй горизонтали Казачьего кургана.

Несмотря на досаду, которую я испытывал от таких ответов, меня разбирал смех. Понимая состояние командарма и сложившуюся обстановку, я сказал ему: раз уж его войска вынуждены ползти и им удалось добраться только до какой-то воображаемой горизонтали, приказываю прекратить наступление, отвести войска в исходное положение и перейти к обороне, ведя силовую разведку, с тем чтобы держать противника в напряжении».

Из Москвы в штаб Донского фронта на имя Рокоссовского шли не только директивы и распоряжения. Время от времени он получал письма от жены и дочери. Он перечитывал их по нескольку раз, хранил. Когда выпадала свободная минута и можно было уединиться, садился за ответ.

Юлия Петровна в то время работала в Антифашистском комитете советских женщин. Ариадна поступила в школу разведчиков Центрального

штаба партизанского движения. Это была знаменитая школа, в которой готовили «диверсантов Сталина» для разведывательно-диверсионной работы в тылу противника. Ариадна, имевшая решительный характер отца, давно мечтала попасть на фронт. И уже не раз ходила в военкомат. Мать её всячески отговаривала, но когда поняла, что её слова улетают в пустоту, написала мужу: сделай что-нибудь, единственное дитя, и то хочет меня покинуть... Отец написал Ариадне: рвение её похвально, но вначале нужно получить хорошую военную специальность. У Юлии Петровны появилась надежда: пока дочь будет учиться, война закончится. Ариадна окончила курсы радистов разведшколы в разгар Сталинградской битвы. Юлия Петровна, чувствуя, что её власть над дочерью небезгранична, снова пожаловалась мужу, который имел больше власти над дочерью. Тот тут же написал Ариадне пространное письмо: «Слышал, что ты делаешь большие успехи в области радиодола. Это меня радует, но печалит сознание того, что ты стремишься во что бы то ни стало попасть на фронт. Ты не представляешь себе всей картины и условий службы и быта, это особенно, с чем тебе придётся столкнуться в жизни. Не увлекайся романтикой, представляя себе, что всё так красиво, как описывается в книгах, стихах, статейках и кино. Во всяком случае, без согласования этого вопроса со мной на фронт не выезжай. Тебе только исполнилось 17 лет, и хотя ты уже девушка, но ещё не вполне подготовлена для того, чтобы сразу окунуться в обстановку фронтовой жизни».

Порой ему казалось, что его отцовская власть над дочерью настолько призрачна, что в любой момент может осыпаться, как иней с орудийного ствола, когда он вдруг производит выстрел. Судьба дочери беспокоила. Он знал: Ариадна упряма и своенравна. Но его слушалась.

Красавица Галина Таланова и там была рядом. Иногда он навещался в дальний госпиталь — повидаться. Но чаще просил водителя привезти её в деревню. Фронтовая любовь отдавала горечью, и ничего с этим поделать было невозможно.

Юлия Петровна всё знала. Когда ей кто-нибудь намекал на неверность мужа, она отмахивалась. Однажды сказала: «Всё, что угодно, лишь бы вернулся живой...»

Глава девятнадцатая

ОПЕРАЦИЯ «КОЛЬЦО»

Ещё ни один немецкий фельдмаршал не попадал в плен...

Из телеграммы Гитлера Паулюсу

Новый, 1943 год встречали в штабе Донского фронта. Лётчики доставили из Москвы ёлку, работники штаба по-фронтовому её украсили. На огонёк в деревню Зварыгино, заваленную снегами, прибыли Василевский, Голованов, Воронов, Новиков, драматург Александр Корнейчук, писательница Ванда Василевская, военные корреспонденты центральных газет и кинооператоры.

Рокоссовский предложил первый тост за Верховного главнокомандующего товарища Сталина. Все встали и выпили до дна.

В разгар торжества кто-то заговорил о том, что в истории войн часто бывало, когда обречённому на гибель противнику, дабы избежать кровопролития, предлагали капитуляцию в обмен на жизнь. Идею это подхватили, начали обсуждать. «На следующий день, — вспоминал Рокоссовский, — у меня возникла мысль посоветоваться с Генштабом: не попробовать ли нам применить древний рыцарский обычай?» По словам Рокоссовского, разговаривал он с генералом Антоновым, заместителем начальника Генштаба. Антонов обещал переговорить об этом в Ставке и посоветовал подготовить текст ультиматума.

Ультиматум сочиняли коллективно. Помогали писатели и военные журналисты.

«Командующему окружённой под Сталинградом 6-й германской армией генерал-полковнику^[93] Паулюсу или его заместителю.

6-я германская армия, соединения 4-й танковой армии и приданные им части усиления находятся в полном окружении с 23 ноября 1942 г.

Части Красной Армии окружили эту группу германских войск плотным кольцом. Все надежды на спасение ваших войск путём наступления германских войск с юга и юго-запада не оправдались.

Спешившие вам на помощь германские войска разбиты Красной Армией, и остатки этих войск отступают на Ростов. Германская транспортная авиация, перевозящая вам голодную норму продовольствия, боеприпасов и горючего, в связи с успешным стремительным продвижением Красной Армии вынуждена часто менять аэродромы и летать в расположение окружённых издалека. К тому же германская транспортная авиация несёт огромные потери в самолётах и экипажах от русской авиации. Её помощь окружённым войскам становится нереальной.

Положение ваших окружённых войск тяжёлое. Они испытывают голод, болезни и холод. Суровая русская зима начинается; сильные морозы, холодные ветры и метели ещё впереди, а ваши солдаты не обеспечены зимним обмундированием и находятся в тяжёлых антисанитарных условиях.

Вы, как командующий, и все офицеры окружённых войск отлично понимаете, что у вас нет никаких реальных возможностей прорвать кольцо окружения. Ваше положение безнадёжное, и дальнейшее сопротивление не имеет никакого смысла.

В условиях сложившейся для вас безвыходной обстановки, во избежание напрасного кровопролития, предлагаем вам принять следующие условия капитуляции:

1. Всем германским окружённым войскам во главе с вами и вашим штабом прекратить сопротивление.

2. Вам организовано передать в наше распоряжение весь личный состав, вооружение, всю боевую технику и военное имущество в исправном состоянии.

Мы гарантируем всем прекратившим сопротивление офицерам, унтер-офицерам и солдатам жизнь и безопасность, а после окончания войны возвращение в Германию или в любую страну, куда изъявят желание военнопленные.

Всему личному составу сдавшихся войск сохраняем военную форму, знаки различия и ордена, личные вещи, ценности, а высшему офицерскому составу и холодное оружие.

Всем сдавшимся офицерам, унтер-офицерам и солдатам немедленно будет установлено нормальное питание.

Всем раненым, больным и обмороженным будет оказана медицинская помощь.

Ваш ответ ожидается в 15 часов 00 минут по московскому времени 9 января 1943 г. в письменном виде через лично назначенного представителя, которому надлежит следовать в легковой машине с белым флагом по дороге

разъезд Конный — ст. Котлубань.

Ваш представитель будет встречен русскими доверенными командирами в районе «Б» 0,5 км юго-восточнее разъезда 564 в 15 часов 00 минут 9 января 1943 года.

При отклонении вами нашего предложения о капитуляции предупреждаем, что войска Красной Армии и Красного Воздушного Флота будут вынуждены вести дело на уничтожение окружённых германских войск, а за их уничтожение вы будете нести ответственность.

Представитель Ставки
Верховного Главного Командования
Красной Армии
генерал-полковник артиллерии Воронов
Командующий войсками Донского фронта
генерал-лейтенант Рокоссовский».

Из числа добровольцев были выбраны трое: офицер разведотдела штаба Донского фронта майор А. Д. Смыслов, переводчик капитан Н. Д. Дятленко и горнист, имя которого история не сохранила.

И вот 8 января на северном фесе выступа группа парламентёров с высоко поднятым белым полотнищем вышла из окопов и через нейтральную полосу, перепаханную снарядами и минами, направилась к проволочным заграждениям, за которыми виднелись немецкие окопы. Горнист непрерывно трубил в морозный воздух. Накануне по радио немцам сообщили о парламентёрах и их миссии. Транслировали также переведённый на немецкий язык текст ультиматума. Когда парламентёры прошли шагов сто, раздалось несколько одиночных винтовочных выстрелов. Пули вспарывали снег рядом, но горнист и офицеры продолжали свой путь. Затем послышались автоматные очереди. За ними захлопали миномёты. Возле проволочных заграждений парламентёров должны были ждать встречающие. Их не оказалось. Как потом отметил в своих мемуарах маршал Воронов, к предложению о сдаче без кровопролития «вражеская сторона отнеслась по-вражески».

На следующий день попытку доставить ультиматум командованию окружённой группировки повторили на южном фесе. Здесь всё прошло более благополучно, без стрельбы. Парламентёров возле «рогатов» встретили немецкие офицеры и, выслушав майора Смылова, предложили передать пакет им. Смыслов сказал, что у него приказ: передать текст ультиматума лично командующему 6-й армией. Тогда парламентёрам завязали глаза заранее приготовленными повязками и повели на

ближайший КП. Там повязки сняли. По телефону связались со штабом 6-й армии, доложили о желании парламентёров встретиться с командованием для вручения ультиматума. Из штаба Паулюса ответили, что содержание ультиматума им известно из радиосообщений и что командование армии его не принимает. Парламентёры благополучно вернулись в своё расположение.

Гитлер слал в штаб Паулюса приказ за приказом: «Капитуляция исключается. Каждый лишний день, который армия держится, помогает всему фронту и оттягивает от него русские дивизии». «Капитуляция исключена. Армии выполнять свою историческую задачу, чтобы своим стойким сопротивлением до последней возможности облегчить создание нового фронта в Ростове и севернее и отвод кавказской группы армий».

Как вскоре определилось, в том числе и волей нашего героя, «исторической задачей» 6-й германской армии стало умереть в степи между Волгой и Доном, в развалинах Сталинграда.

Гитлер всё ещё не мог избавиться от иллюзий, от болезненной уверенности, что германской армии не может противостоять ни одна армия в мире, а германскому солдату — никакой другой солдат. Манштейн играл свою партию в истории Второй мировой войны: ему, как командующему группой армий «Дон» (с февраля 1943 года — «Юг»), чрезвычайно опасно было выводить из сталинградского мешка 6-ю армию, так как вместе с ней высвободились бы значительные силы Красной армии, а именно — довольно сильные армии Донского фронта, которые противник наверняка бросил бы в помощь своим войскам, действовавшим в это время на южном и юго-западном направлениях, и тогда Манштейну, пожалуй, невозможно было бы сдержать советское наступление. Крах южного крыла Восточного фронта при таком раскладе сил и событий стал бы неизбежным.

Впоследствии прославленный фельдмаршал и талантливый мемуарист Манштейн всю вину за Сталинград возложит на основного козла отпущения — фюрера. Отметит и нерешительность Паулюса, который для спасения двухсот тысяч человек не пошёл на прорыв из «котла» вопреки приказу командующего группой армий.

Один из офицеров, переживший ужасы окружения, а потом и советский плен, вспоминал: «Да, конечно, долг и главная добродетель хорошего солдата — повиноваться всегда и всюду, даже если он и не понимает смысла полученного приказа. Но здесь, у нас, своим властным языком говорят сами факты. Только за последние шесть недель погибло круглым числом 100 тысяч человек. Тот, кто в таких условиях намерен ценой гибели остальных 200 тысяч человек сохранить своё слепое и тупое

повиновение, не солдат и не человек — он хорошо действующая машина, не больше!»

Адъютант Паулюса Адам писал: «Я считаю, что в случае своевременной капитуляции могло спастись и после войны вернуться к своим семьям намного больше 100 тысяч солдат и офицеров».

Рокоссовский, сожалея о том, что операция с ультиматумом провалилась, обычно очень сдержанный в своих мемуарах, с горечью воскликнул: «Скольким людям это сохранило бы жизнь!»

И снова первой в дело вступала 65-я армия. На командный пункт генерала Батова Рокоссовский прибыл, как всегда перед атакой, затемно. На той стороне уже полыхало зарево, оттеняя полосу горизонта, — по целям, расположенным в глубине «котла», работала дальняя бомбардировочная авиация генерала Голованова. Вскоре огненные столбы начали подниматься ближе — позиции немецкой артиллерии обрабатывала штурмовая авиация генерала Руденко. Ровно в восемь часов натянули шнуры артиллеристы Донского фронта; через пять минут огненный смерч начал крушить немецкую оборону по всему периметру «котла». Наибольшая плотность огня была достигнута на направлениях главных ударов. На северном участке, где наступала армия Батова, впервые в таком масштабе был применён новый метод огненного вала: артподготовка ещё шла, а атакующие пехотные подразделения, сопровождающие танки, и противотанковая артиллерия уже шли вперёд, продвигаясь вслед за стеной артиллерийского огня.

Немцы дрались с отчаянием обречённых. Многие из них, и солдаты и офицеры, понимали, что это их последний бой. Рокоссовский, всматриваясь в лица бойцов, которым предстояло идти в атаку, с болью понимал, что многие из них через несколько часов погибнут от огня изготовившегося к обороне противника, не пожелавшего сложить оружие и знамёна.

Соппротивление немцев оказалось действительно упорным, а потери наступавших пехотных и танковых частей Донского фронта довольно ощутимыми.

Маршал потом вспоминал: «Непрерывные многодневные бои в суровых условиях утомили и наши войска. К тому же мы несли потери не только от вражеского огня, но и от холода.

Бойцы всё время находились под открытым небом, без возможности хотя бы время от времени отогреться. Потери личного состава увеличивались, а все источники, откуда мы раньше черпали пополнение, иссякли. Между тем сопротивление противника не уменьшалось, так как по мере сокращения занимаемой им территории уплотнялись его боевые

порядки.

Малочисленность пехоты вынуждала нас всю тяжесть прогрызания вражеской обороны возлагать на артиллерию. Пехоту мы в основном стали использовать лишь для закрепления захваченного рубежа.

Бывая часто на позициях, я видел, что собой представлял тогда боевой порядок наступавших войск. Жиденькие цепочки бойцов двигались по заснеженному полю. За ними поэшелонно двигались орудия прямой наводки. На линии орудий людей оказывалось больше — это были артиллеристы, обслуживавшие пушки. На огромном пространстве виднелось до десятка танков, за которыми, то припадая к земле, то вскакивая, перемещались мелкие группы пехотинцев. Артиллерия, действовавшая с закрытых позиций, сопровождала своим огнём весь этот боевой порядок, нанося удары по отдельным участкам. Время от времени обрушивались на противника залпы «катюш». Штурмовая авиация даже в самых сложных условиях также старалась поддерживать действия нашей малочисленной пехоты, нанося удары по очагам сопротивления группами самолётов, а в туман — и одиночными самолётами».

26 января «котёл» был рассечён встречными ударами северной и южной группировок Донского фронта. И снова, когда положение окружённых стало абсолютно гибельным, появилась надежда на прекращение сопротивления. Но противник не сложил оружия и теперь.

Как писал впоследствии Рокоссовский, оставалось одно — «применить силу».

31 января южная группировка сталинградского «котла» прекратила своё существование. Её командующий генерал Фридрих Роске принял капитуляцию.

Накануне в штабе 6-й армии разыгрался финальный акт драмы сталинградского «котла». Паулюс передал командование южной группировкой генерал-майору, командиру 71-й пехотной дивизии Фридриху Роске^[94], северной — генерал-полковнику Карлу Штрекеру^[95]. Именно тогда из Берлина в Сталинград поступила телефонограмма, её принёс Паулюсу начальник штаба генерал Артур Шмидт^[96]: «Господин генерал, поздравляю вас с производством в фельдмаршалы». Вместе с выпиской из приказа о производстве в папке лежало поздравление от фюрера, оно было кратким: «Ещё ни один немецкий фельдмаршал не попадал в плен». Фельдмаршал некоторое время держал лист в дрожащей руке и наконец сказал:

— Должно быть, это приглашение к самоубийству. Но я не доставлю

им этого удовольствия.

Напротив входа в подвал полуразрушенного здания, где располагался штаб 6-й армии, уже стояла советская тридцатьчетвёрка, ствол её был опущен на уровень подвального помещения. Начались переговоры о сдаче. Полковник Адам, который вместе с генералом Роске вёл переговоры о сдаче, впоследствии вспоминал: «Большой въезд в подвал был закрыт и охранялся часовым Красной Армии. Дежурный офицер разрешил мне с водителем пройти во двор, где стояли автомашины.

Поражённый, я остановился.

Советские и немецкие солдаты, ещё несколько часов назад стрелявшие друг в друга, во дворе мирно стояли рядом, держа оружие в руках или на ремне. Но как потрясающе разнился их внешний облик!

Немецкие солдаты — ободранные, в тонких шинелях поверх обветшалой форменной одежды, худые, как скелеты, истощённые до полусмерти фигуры с запавшими, небритыми лицами. Солдаты Красной Армии — сытые, полные сил, в прекрасном зимнем обмундировании. Я вспомнил о цепях счастья и несчастья, которые не давали мне покоя прошлой ночью.

Внешний облик солдат Красной Армии казался мне символичным — это был облик победителя. Глубоко взволнован был я и другим обстоятельством. Наших солдат не били и тем более не расстреливали. Советские солдаты среди развалин своего разрушенного немцами города вытаскивали из карманов и предлагали немецким солдатам, этим полутрупам, свой кусок хлеба, папиросы и махорку. Ровно в 9 часов прибыл начальник штаба советской 64-й армии, чтобы забрать командующего разбитой немецкой 6-й армии и его штаб».

Вначале пленного фельдмаршала допросил командующий 64-й армией генерал М. С. Шумилов^[97]:

— Вас пленили части Шестьдесят четвёртой армии, которые дрались с вами, начиная от Дона и кончая Сталинградом. Жизнь, безопасность, мундир и ордена вам сохраняются. Части Шестьдесят четвёртой армии это гарантируют. Господин фельдмаршал, прошу мне сообщить о причине непринятия ультиматума командующего Донским фронтом генерал-полковника товарища Рокоссовского, когда было предложено вам сложить оружие.

Паулюс ответил:

— Русский генерал поступил бы так же, как и я. Я имел приказ драться и не должен был нарушать этот приказ.

Из штаба генерала Шумилова Паулюса и его ближайших офицеров

повезли в штаб Донского фронта.

Любопытные воспоминания оставил Лев Безыменский, в те дни военный переводчик разведотдела штаба Донского фронта:

«Как это часто бывает, большое и серьёзное событие началось с комического эпизода. Когда телеграфный аппарат на узле связи штаба Донского фронта 25 января 1943 года принял сообщение о пленении первого немецкого генерала из состава окружённой у Волги 6-й немецкой армии, этому сообщению никто не поверил. Не потому, что кто-либо сомневался в факте пленения немецкого генерала. Наступление по плану «Кольцо» проводилось войсками Донского фронта уже пятнадцатый день, и было ясно, что рано или поздно генералы германского вермахта попадут в плен. Дело было не в том. Удивление вызвала фамилия командира 297-й немецкой пехотной дивизии: Драббер. Такого генерала, по всем данным, в окружённой группировке не было. Из штаба фронта в штаб армии пошла телеграмма с просьбой немедленно уточнить фамилию пленного. Через некоторое время пришёл ответ: не Драббер, а Дроббер. Дальше пришёл ещё вариант: не Дроббер, а Дробке. Наконец, когда офицеры штаба армии получили возможность лично допросить пленного генерала, то оказалось, что имя его — Мориц фон Дреббер. Выяснилось и другое обстоятельство: Дреббер получил генеральское звание за несколько дней до пленения и, разумеется, не числился в списке генералов 6-й армии.

Итак, в плен был взят первый немецкий генерал. В суматохе штабной работы, в непрерывном шуме аппаратов Бодо, которые принимали донесения из наступающих армий, как-то не было времени задуматься над значением этого факта. После долгих месяцев поражений, после горьких потерь, неимоверного напряжения сил мы как-то ещё не успели ощутить, что здесь, в волжских степях, война вступила в новую качественную стадию. И это обстоятельство «весомо, грубо, зримо» находило своё выражение в облике германских генералов, которые начиная с 25 января потянулись цепочкой в деревню Заварыгино — туда, где находился штаб Донского фронта, которым командовал генерал-полковник Константин Константинович Рокоссовский.

Мориц фон Дреббер был первым пленным генералом — но не последним. Начиная с 25 января штабы армий Донского фронта каждый день докладывали о пленении огромных масс немецких солдат и офицеров. Немало было и генералов. Это создало для штаба фронта необычную задачу: как разместить пленных генералов? Деревушка Заварыгино, в которой находился штаб фронта, и без того была забита до отказа. Но по распоряжению начальника штаба фронта генерала М. С. Малинина

комендант штаба полковник Якимович приступил к созданию необычного генеральского городка. Я был в числе офицеров разведотделов, выделенных в распоряжение Якимовича.

Несколько домиков было отведено специально для размещения пленных генералов 6-й армии. К ним то и дело подъезжали машины, из которых, сторбившись и ёжась от мороза, выходили люди с генеральскими погонами немецкой армии. Одежда их, правда, сильно отличалась от парадной. На головах генералов красовались меховые шапки самых невероятных фасонов, шеи были замотаны шарфами и совсем не по форме, руки были запрятаны в самодельные рукавицы.

31 января из штаба 64-й армии Донского фронта пришло сообщение, заставившее всех взволноваться: в плен взяты командующий 6-й армией генерал-фельдмаршал Фридрих Паулюс, начальник его штаба генерал-лейтенант Артур Шмидт, первый адъютант полковник Адам и группа штабных офицеров. После недолгого допроса в штабе генерала Шумилова Паулюс был перевезён в штаб фронта в деревню Заварыгино, где ему был отведён отдельный домик.

Я мог наблюдать, как к этому домику подкатил огромный немецкий штабной автомобиль со штандартом командующего армией и из него, слегка ссутулившись, вышел высокий человек в меховой шапке. Сразу бросилось в глаза, что лицо фельдмаршала беспрерывно подёргивалось. Нервный тик искажал лицо Паулюса, и он с ним с трудом боролся.

1 февраля 1943 года было очень холодным, как, впрочем, и все предыдущие дни. Поздно вечером 31 января комендант штаба Донского фронта полковник Якимович получил распоряжение доставить фельдмаршала Паулюса на первый допрос. На этот раз мы сели с полковником не в машину Паулюса, а в штабную «эмку» и поехали к домику Паулюса. Когда фельдмаршалу сообщили, что он сейчас предстанет перед лицом советского командования, черты его лица ещё более обострились. Не сказав ни единого слова, Паулюс стал медленно одеваться.

Расстояние было небольшим, и через несколько минут мы оказались у дома, где жил представитель Ставки Верховного командования генерал-полковник артиллерии Н. Н. Воронов. Надо прямо сказать, что это помещение не было специально приспособлено для приёма фельдмаршалов. Обыкновенная изба, состоявшая из нескольких комнат, с очень тесной передней. Впрочем, Воронов решил корреспондентов не пускать на допрос. Исключение было сделано только для Романа Лазаревича Кармена — прославленного кинооператора. Ему и принадлежит единственный сохранившийся снимок допроса Паулюса.

Медленно переступая по ступенькам, фельдмаршал поднялся на крыльцо, вошёл в переднюю, разделся и, обратившись ко мне, спросил:

— Скажите, как мне различить Воронова и Рокоссовского?

Заглянув в комнату, я сориентировался и сказал, что Воронов будет сидеть в центре, а Рокоссовский — слева от него. Паулюс молча кивнул и вошёл в комнату. Перед ним сидели Воронов, Рокоссовский и переводчик капитан Дятленко. Комната была пуста, и, стоя у занавески входной двери, я по приказанию Н. Н. Воронова дал возможность Роману Кармену сделать свой снимок через моё плечо.

Допрос продолжался недолго. Воронов, который вёл беседу, предложил Паулюсу отдать продолжавшей драться группе немецких войск приказ прекратить военные действия, чтобы избежать напрасного кровопролития. Паулюс выслушал, тяжело вздохнул и отказался, сославшись на то, что он, мол, военнопленный и его приказы недействительны. Воронов повторил своё предложение, подробно его обосновав. Нервное возбуждение Паулюса усилилось, левая часть его лица стала ещё чаще подёргиваться. Но когда Паулюс заговорил, Рокоссовский и Воронов услышали всё тот же ответ.

После этого Воронов спросил Паулюса, какой режим питания ему установить, чтобы не нанести вреда его здоровью. Лицо пленного выразило крайнее удивление. Он ответил, что ему ничего особенного не надо, но он просит хорошо относиться к раненым и больным немецким солдатам и офицерам.

Воронов сказал:

— Советская армия гуманно относится к пленным. Но советские медицинские работники встретились с большими трудностями, ибо немецкий медицинский персонал бросил на произвол судьбы немецкие госпитали.

Паулюс долго медлил с ответом и с трудом произнёс:

— Господин генерал, бывает на войне такое положение, когда приказы командования не исполняются...

После этого допрос был закончен. Паулюс встал, вытянулся, отсалютовал советским генералам и, повернувшись к двери, вышел. Надев свою тяжёлую шинель, он собирался уже было выйти к машине, но внезапно обратился к полковнику Якимовичу:

— Господин полковник, не мог бы я пройти пешком до моего дома?

Якимович отвечал, что на улице очень холодно и что лучше бы поехать на машине. Когда я переводил эти слова, на лице Паулюса было написано явное желание настаивать на своей просьбе.

— Ну что ж, — сказал Якимович, — если вам угодно...

Он доложил начальству. Согласие было получено. Мы вышли на улицу и молча двинулись по дороге втроём. Где-то сзади шли конвоиры. Была морозная, звёздная ночь, совершенно тихая и спокойная. Снег скрипел под сапогами. И вдруг Паулюс, повернувшись в мою сторону, сказал:

— Вы знаете, я много месяцев не видел звёздного неба».

Финал, конечно же, трогателен, но отказ главного действующего лица сцены под звёздным небом в Заварыгине от возможности спасения своих солдат от смерти делает эту сцену чудовищной...

В воспоминаниях военного переводчика командующий Донским фронтом странно пассивен. Он не задаёт пленному фельдмаршалу ни одного вопроса. Либо вопросы Рокоссовского показались Безыменскому столь малозначительными, что он не счёл нужным включить их в текст.

У нас есть возможность сравнить воспоминания о той встрече с впечатлениями самого Рокоссовского:

«В помещении, куда должны были привести Паулюса, находились мы с Вороновым и переводчик. Комната освещалась электрическим светом, мы сидели за небольшим столом и, нужно сказать, с интересом ожидали этой встречи. Наконец открылась дверь, вошедший дежурный офицер доложил нам о прибытии военнопленного фельдмаршала и тут же, посторонившись, пропустил его в комнату.

Мы увидели высокого, худощавого и довольно стройного генерала, остановившегося навтыжку перед нами. Мы пригласили его присесть к столу. На столе у нас были сигары и папиросы. Я предложил их фельдмаршалу, закурил и сам (Николай Николаевич не курил). Предложили Паулюсу выпить стакан горячего чая. Он охотно согласился.

Наша беседа не носила характера допроса. Это был разговор на текущие темы, главным образом о положении военнопленных солдат и офицеров. В самом начале фельдмаршал высказал надежду, что мы не заставим его отвечать на вопросы, которые вели бы к нарушению им присяги. Мы обещали таких вопросов не касаться. К концу беседы предложили Паулюсу дать распоряжение подчинённым ему войскам, находившимся в северной группе, о прекращении бесцельного сопротивления. Он уклонился от этого, сославшись на то, что он, как военнопленный, не имеет права давать такое распоряжение. На этом закончилась наша первая встреча. Фельдмаршала увели в отведённое для него помещение, где были созданы приличные условия.

Северная группа не сложила оружия. Готовим по ней новый удар. Сразу после разговора с Паулюсом я отправился на командный пункт

командарма Батова, взяв с собой Казакова и Орла. К рассвету мы были вместе с Батовым на его наблюдательном пункте, который располагался на железнодорожной насыпи. Отсюда прекрасно просматривалась впередилежащая местность.

Из докладов командующих армиями Чуйкова и Жадова явствовало, что их войска к действиям готовы и что противник не намерен сложить оружие. Что ж, придётся заставить его силой. А пока над полем боя воцарилась полная тишина. Не слышно было даже одиночных выстрелов».

А дальше Рокоссовский, обычно сдержанный, рассказывая о 1 февраля, последнем ударе по северной группировке генерала Штрекера, дал волю чувствам:

«Наступал рассвет, и с нашего наблюдательного пункта стали уже просматриваться ближайшие, расположенные позади нас артиллерийские позиции. Особенно рельефно выделялись длинные ряды реактивных миномётов — «катюш». Мне, старому коннику, они напомнили построенные для атаки развёрнутым фронтом кавалерийские эскадроны. Об этом я сказал Батову и другим товарищам. Они согласились: действительно, похоже».

Как и в годы командирской юности, перед атакой он снова чувствовал себя в конном строю, в седле, как будто вот-вот должна прозвучать команда: «Шашки вон! Пики — к бою! В атаку — марш-марш!»

Удар по северной группировке был ещё мощнее и сокрушительнее. Сюда подтянули артиллерию, высвободившуюся после ликвидации южной части «котла». Самолёты 16-й воздушной армии тоже сконцентрировали свои удары по целям северной группировки. «Всё делалось так, — вспоминал маршал, — чтобы в предстоящем бою наши войска понесли как можно меньшие потери».

Сразу после массированного авианалёта и артподготовки в дыму и чёрном от копоти снегу изготовившиеся к атаке войска увидели копошащиеся фигурки с белыми флагами.

Однако на отдельных участках сопротивление продолжалось ещё около суток. И только на следующий день сдача в плен остатков группы Штрекера приняла массовый характер.

Со сталинградской группировкой 6-й армии было покончено.

Победители начали делить трофеи.

История свидетельствует, что для многих из вчерашних героев, прошедших огонь и воду, а также сталинградские морозы и железные метели, непреодолимыми оказались медные трубы...

«Из сообщения 2-го отдела 3-го УНКВД СССР
в УОО НКВД СССР
об отрицательных явлениях в частях Донского фронта
5 марта 1943 г.

В штабы армий и штаб фронта приходят донесения, одно из которых всегда исключает другое.

Зам. нач. отдела кадров Донфронта подполковник Николаенко говорит: «Мне приходится разбирать наградные материалы. Командиры дивизий вносят невероятную путаницу в эти дела. В частности, взятие хутора Вертячий приписывают себе несколько дивизий, в том числе 252-я, которая проходила стороной. Чудовищно разрослись споры генералов, мешающие созданию ясной картины военных действий и, в конечном итоге, мешающие ведению войны».

В ряде случаев на Донфронте имело место зазнайство. Источник провёл несколько дней в штабе 62 армии, исключительно стойко дравшейся в Сталинграде. Однако у руководителей армии были настроения зазнайства. Генерал-лейтенант Гуров, член ВС, во всех разговорах подчёркивал, что только армии, бывшие в Сталинграде (62 и 64), могут считать себя защитниками Сталинграда. Эти настроения проявились на митинге в Сталинграде 4 февраля, где о Рокоссовском просто не упомянули.

Члены Военного совета 62 армии занимались восхвалением друг друга и нашли даже своего певца-писателя Николая Вирта, выступившего в «Правде» со статьями, которые в Москве писатели в шутку называют «Ум и мудрость Чуйкова».

Начальник ПУ Донфронта генерал Галаджев говорил источнику:

«Я имею ряд сигналов, что ВС 62 армии презрительно относится к нам, штабу Донфронта. У генерала Гурова, видимо, закружилась голова от успехов, и это к добру не приведёт. Дело не в штабе фронта, не в отношении к отдельным лицам, а в отношении Гурова к самому себе».

В этом свете некрасиво выглядит поведение ВС 62 по отношению к Герою Советского Союза генералу Родимцеву, командиру 13 гвардейской дивизии.

В своё время (осень 1942 г.) цензура разрешала писать о Родимцеве, т. к. он широко известен за границей. Материалы о Сталинграде шли, главным образом, из дивизии Родимцева, сыгравшей большую роль в спасении Сталинграда. Генерал-лейтенанты Чуйков и Гуров обиделись на это, Гуров прямо говорил источнику — « всю славу Сталинграда отдали Родимцеву». Вокруг Родимцева создали нездоровую атмосферу, пошли

даже разговоры явно недостойные — «Родимцев — генерал для газет, он ничего не сделал» и т. д.

ВС 62 представил Родимцева к ордену Суворова, а потом прислал в штаб ДФ телеграмму с отменой представления. Родимцев — почти единственный командир соединения, не награждённый за Сталинград.

Сам Родимцев говорил источнику:

«Вокруг моей дивизии идёт возня, которая ничего не стоит и не имеет оснований».

Помощник т. Хрущёва подполковник Тапочка, не бывший в последнее время в Сталинграде, видимо со слов тех же командиров, говорил источнику, что Родимцев зазнался.

Писатель К. Симонов, бывший недавно у командующего 64 армией генерал-лейтенанта Шумилова, рассказывает:

«Шумилов просто не может слышать имени Родимцева. Дело объясняется просто — генерал-лейтенант Чуйков, друг Шумилова, всеми силами старается зажать Родимцева, ревнуя его к его славе».

Кинооператор Р. Кармен говорит:

«С Родимцевым делают странные вещи. Его хотят всячески принизить, хотя он, как герой, выходит за рамки обычного командира дивизии».

В. Ильин».

В дележе сталинградских трофеев наш герой не участвовал.

Но именно ему, как свидетельствует молва, достался главный трофей Сталинградской битвы: Паулюс передал Рокоссовскому своё личное оружие — пистолет. Как побеждённый — победителю.

Сталин тоже воздал должное одному из лучших своих полководцев. 15 января вышел указ о присвоении ему очередного воинского звания — генерал-полковник. А 5 февраля Рокоссовский был награждён орденом Суворова 1-й степени.

В торжествах по случаю освобождения Сталинграда от немецких войск и победы на Волге Рокоссовский не участвовал. Такой высокой чести, так сказать, не удостоился.

Слава победителя Паулюса не давала покоя многим генералам Сталинграда из числа «истинных сталинградцев». Некоторые из них считали, что Рокоссовский пришёл фактически добивать зверя, когда тот был уже загнан в угол. Кстати, именно в том же будут упрекать потом Жукова, который придёт «на готовое», на 1-й Белорусский фронт, «добивать зверя» в его «логове».

4 февраля 1943 года в Сталинграде прошёл праздничный митинг. На

нём выступили генералы Чуйков, Шумилов, Родимцев, Хрущёв, руководители города. Дольше всех выступал Хрущёв. В 1963 году на праздничном митинге по случаю двадцатилетия освобождения города на реке Царице Хрущёв снова выступит по-хозяйски пространно, «как главный участник этого события». Город будет носить имя Волгоград, и табу на слово «Сталинград» с хрущёвской поры будет действовать долго. Не снято оно и донныне.

Рокоссовский тем временем срочно убыл в Москву.

Глава двадцатая

ПОД КУРСКОМ И СЕВСКОМ

Планомерная подготовка обороны Курского выступа началась с апреля и продолжалась до самого вражеского наступления...

К. К. Рокоссовский

На аэродром Рокоссовский и Воронов ехали на сталинградском трофее — почти новеньком мощном авто «Штейер-1500А», доставшемся штабу Донского фронта от штаба 6-й полевой армии вермахта. Это был личный автомобиль фельдмаршала Паулюса. Больше всех трофею радовался водитель Сергей Иванович Мозжухин, ибо машиной, подобной «штейеру», он в своей жизни не управлял: зверь-мотор под капотом, комфортабельный салон с подогревом и даже мини-бар с полным набором напитков. По дороге к аэродрому обогнали колонну пленных немцев. Охраны не увидели. Потом — вторую, и тоже шедшую без всякого сопровождения.

— Стой! — приказал Мозжухину Рокоссовский.

Вместе с Вороновым они вышли из машины. Впереди колонны маршировал обер-лейтенант, на груди его была приколата картонка с надписью: «В Сибир».

— Куда следует колонна? — спросил Рокоссовский через переводчика обер-лейтенанта.

Тот ответил, что на вокзал, что перед отправкой их построил советский офицер и приказал следовать по этому маршруту, а там — «в Сибир».

— А почему — в Сибирь? Почему такая надпись?

— Господин генерал, все ваши офицеры говорили, что пленных всегда отправляют в Сибир. Поэтому я изготовил надпись, чтобы было ясно, куда нас направлять, и не мёрзнуть на перроне.

Рокоссовский засмеялся:

— У нас и без Сибири места вам хватит. А листок — снять! Затем распорядился выделить из состава личной охраны конвоира с автоматом для сопровождения колонны к месту назначения.

Когда прилетели в Москву, произошло нечто не менее забавное.

Самолёт плюхнулся в снежное крошево. Воронов выглянул в открытый дверной люк и вдруг отступил назад:

— Вы посмотрите-ка, Константин Константинович, туда ли мы попали?

Рокоссовский выглянул из самолёта. Возле трапа стояли офицеры, вид которых был более чем странным: на их плечах сияли золотые и зелёные погоны с красными и малиновыми просветами.

Генералы на миг опешили, потом посмотрели по сторонам и, узнавая знакомый пейзаж, успокоились.

— Новая форма, — сказал Рокоссовский.

— Да, надо привыкнуть, — отозвался Воронов, преодолевая неловкость.

Золотопогонные окружили их, начали поздравлять с победой. Некоторые спрашивали, не привезли ли они с собой Паулюса.

Рокоссовский невольно залюбовался встречавшими, их погонами, выправкой. Особенно браво выглядели молодые офицеры в узких шинелях, перетянутых новенькими ремнями. Повеяло кавалерийской юностью.

С аэродрома — сразу в Кремль. Сталин их уже ждал. Оба высоченные, под два метра ростом, они вытянулись перед Верховным в своих старопокройных френчах с петлицами. Сталин тут же вышел из-за стола и протянул им руку:

— Поздравляю вас! Поздравляю с успехом!

Потом началось обсуждение новых задач. Сталин, по обыкновению, расхаживал по кабинету с потухшей трубкой в руке. Время от времени подходил к карте, вглядывался то в неё, то в лица своих генералов, задавал вопросы. Особенно интересовался подробностями операции под Сталинградом. В завершение разговора сказал:

— Ставка решила дать вам, товарищ Рокоссовский, новую задачу. И мы надеемся, что вы её выполните так же блестяще, как в Сталинграде. От того, насколько успешно вы её решите, зависит очень многое. В Генеральном штабе вам всё разъяснят подробно. Желаю успеха!

В тот же день Рокоссовский и Воронов побывали у М. И. Калинина, который вручил им ордена Суворова 1-й степени. За Сталинградский триумф орден Суворова 1-й степени № 1 получил Жуков; № 2 — Василевский; № 3 — Воронов. Рокоссовскому вручили орден Суворова 1-й степени № 5.

В Генштабе Рокоссовского встретил Василевский.

Под Сталинградом они не ладили. Когда Василевский попытался

решительно вмешаться в дела, которые должен выполнять командующий фронтом и его штаб, Рокоссовский с той же решительностью дал ему понять, что этого он не потерпит, что помощники ему не нужны. После нервных консультаций со Ставкой, а вернее с Верховным главнокомандующим, Василевский из штаба Донского фронта перебрался на соседний Юго-Западный. Рокоссовский не мог простить Василевскому изъятия из его войск мощной 2-й гвардейской армии. По прошествии лет старый спор маршалы всячески пытались заретушировать. Но изначальный рисунок всё равно проступал то там, то ещё где-нибудь среди интервью и различных публикаций.

В книге «Дело всей жизни» Василевский дипломатично, как и принято в мемуарах, писал: «Командующий Донским фронтом мой друг К. К. Рокоссовский не был согласен с передачей 2-й гвардейской армии Сталинградскому фронту. Более того, настойчиво просил не делать этого и пытался склонить на свою сторону И. В. Сталина».

После войны они не раз сталкивались в спорах по поводу тех дней и событий.

— Ты тогда был всё же не прав, — сказал однажды Рокоссовский Василевскому. — Я со Второй гвардейской ещё до подхода Манштейна разгромил был оголодавшие и замерзающие дивизии Паулюса.

— Нет, Константин Константинович, — стоял на своём Василевский, — решение о повороте Второй гвардейской армии на котельниковское направление в той ситуации было наиболее правильным и целесообразным. Даже незначительное промедление в её выдвижении на юг могло бы поставить нас в довольно невыгодное положение.

В черновиках «Солдатского долга» есть довольно любопытные страницы, где Рокоссовский размышляет о роли представителей Ставки в ходе проводимых штабом фронта или фронтов операций. Вспоминая обстоятельства своего вступления в должность командующего войсками Донского фронта, он писал:

«Жуков с Маленковым сделали доброе дело: не задерживаясь долго, улетели туда, где именно им и следовало тогда находиться.

А вот пребывание начальника Генерального штаба под Сталинградом и его роль в мероприятиях, связанных с происходившими там событиями, вызывают недоумение.

По предложению А. М. Василевского был создан Юго-Восточный фронт, в состав которого вошли войска левого крыла Сталинградского фронта. Происходило это в самый разгар боёв. Если такая мера была вызвана предвидением невозможности воспрепятствовать выходу

противника к Волге, то она понятна. Командующим Юго-Восточным фронтом назначается генерал А. И. Ерёменко, а в качестве управления и штаба этого фронта используется штаб 1-й гвардейской армии. Но буквально через несколько дней (только началось оформление) Василевский, находясь у Ерёменко, подчиняет ему командующего Сталинградским фронтом Гордова. Нужно к этому добавить, что штаб Сталинградского фронта создавался на основе управленческого аппарата КОВО. Так что он представлял собой, можно сказать, старый сколоченный штаб. И, несмотря на это, его подчиняют другому — слабенькому, только формирующемуся. Вероятно, такое волевое решение родилось лишь потому, что начальник Генерального штаба лично находился в войсках, в данном случае у Ерёменко.

Вообще случай подчинения одного фронта другому беспрецедентен. А при условии предвидения возможного выхода врага к Волге вообще непонятен. Вот к чему приводит нахождение начальника Генерального штаба не там, где ему следовало быть.

При здравой оценке создавшегося положения и в предвидении надвигавшейся зимы у врага оставался только один выход — немедленный отход на большое расстояние. Но, недооценивая возможности Советского Союза, противник решил удержать захваченное им пространство, и это было в сложившейся обстановке своевременно использовано нашим Верховным главнокомандованием.

О предстоящем контрнаступлении мы узнали уже в октябре от прибывшего снова заместителя В ГК Г. К. Жукова. В общих чертах он ознакомил нас, командующих Донским и Сталинградским фронтами, с намечаемым планом. Все мероприятия проводились под видом усиления обороны. В период 3–4 ноября в районе 21-й армии Г. К. Жуков провёл совещание с командующими армиями и командирами дивизий, предназначенных для наступления на направлении главного удара. Здесь же отрабатывались вопросы взаимодействия Донского фронта с Юго-Западным на стыках. Подобное мероприятие было проведено и с командным составом Сталинградского фронта.

Меня несколько удивило то обстоятельство, что совещание носило характер отработки с командирами соединений вопросов, которые входили в компетенцию командующего фронтом, а не представителя Ставки.

Другое дело — увязка взаимодействий между фронтами. Здесь могут возникнуть вопросы, которые легче решить представителю Ставки тут же, на месте.

Для увязки некоторых вопросов взаимодействия мне ещё пришлось

побывать на командном пункте командующего Юго-Западным фронтом генерала Ватутина, где находился и начальник Генерального штаба Василевский. Мне показалось странным поведение обоих. Создавалось впечатление, что в роли командующего фронтом находится Василевский, который решал ряд серьёзных вопросов, связанных с предстоящими действиями войск этого фронта, часто не советуясь с командующим. Ватутин же фактически выполнял роль даже не начальника штаба: ходил на телеграф, вёл переговоры по телеграфу и телефону, собирал сводки, докладывал о них Василевскому. Все те вопросы, которые я намеревался обсудить с Ватутиным, пришлось обговаривать с Василевским».

Но теперь Василевский находился «на месте», в Генштабе, и Рокоссовский чувствовал себя спокойно.

Штаб и управление Донского фронта переименовывались в новый Центральный фронт и вместе с частью сталинградских армий срочно перебрасывались в район Курска и Ельца. Рокоссовскому передавались 21, 65, 2-я танковая и 16-я воздушная армии. Из резерва Ставки направлялась 70-я армия НКВД.

Этой группировкой предстояло атаковать противника с позиций развёртывания между Брянским и Воронежским фронтами, которые тем временем продолжали наступление на курском и харьковском направлениях. Замысел Ставки: взаимодействуя с ударной группировкой Брянского фронта, нанести охватывающий удар в общем направлении на Гомель и Смоленск с выходом во фланг и тыл орловской, а также ржевско-вяземско-рославльской группировкам противника.

Свидание с семьёй у Рокоссовского на этот раз было коротким. Тут же из Москвы отбыл под Сталинград для вывода оттуда войск на новый участок — в район западнее и северо-западнее Курска.

Севская наступательная операция 1943 года, которую осуществляли войска Центрального фронта, несколько раз откладывалась по причине многих неувязок. Да и 25 февраля, когда войска пошли вперёд, полное сосредоточение армий и частей фронта ещё не закончилось, многие подразделения находились в пути, продолжая двигаться в заданные районы. Артиллерия застряла на заснеженных дорогах, в результате танки 2-й армии генерала А. Г. Родина^[98] атаквали без артподготовки. Из 408 танков в бой пошли только 182. Остальные вступали в дело по мере прибытия. Одни застряли на переездах и бродах, другие поломались на марше. Не хватало боеприпасов, продовольствия, фуража для лошадей.

Тем не менее немецкая оборона была прорвана. Танки генерала Родина и конники 2-го гвардейского кавалерийского корпуса генерала В. В.

Крюкова^[99] вошли в прорыв и вскоре оказались недалеко от Новгорода-Северского, местами вклинившись в немецкую оборону на 30–60 километров. Этот узкий прорыв оказался губительным для кавалеристов, которые сломя голову, подхлестываемые успехом, рванулись вперёд. Немцы тем временем контратаковали на широком участке фронта, решив взять реванш за разгром под Сталинградом.

Из записей, не вошедших в первое издание мемуаров Рокоссовского: «Предпринимая столь грандиозную операцию, как глубокое окружение всей орловской группировки противника, Ставка допустила грубый просчёт, переоценив свои возможности и недооценив возможности врага. А тот, уже успев оправиться от нанесённых ему советскими войсками ударов на брянском и харьковском направлениях, сам готовился к нанесению здесь контрудара.

В этих условиях не могло быть и речи о выполнении войсками Центрального фронта первоначально поставленной ему задачи. После моего доклада по ВЧ Сталину задача была изменена. Но и она к этому времени и в той обстановке не сулила успеха. Противник явно превосходил наши силы.

В связи с усиливавшейся опасностью на левом фланге нашего фронта было отдано распоряжение конно-стрелковой группе генерала В. В. Крюкова приостановить продвижение на запад. Ей надлежало закрепиться в районе Севска и удерживать город до подхода частей 65-й армии, вместе с тем продолжать вести разведку в северном и южном направлениях, где было обнаружено скопление крупных сил противника. Крюков нарушил приказ. Вышедшая к Десне конно-стрелковая группа была атакована крупными вражескими силами во фланг и тыл и окружена. Она хотя и вырвалась из окружения, в чём ей помогли подоспевшие на помощь части 65-й армии и 2 ТА, но понесла тяжёлые потери.

Самоволие и беспечность генерала Крюкова дорого нам обошлись: помимо значительных потерь в людях и лошадях в составе группы мы оставили Севск, крупный населённый и важный опорный пункт на реке Сев.

По данным, полученным от штаба Воронежского фронта, перешедший в наступление противник добился значительных успехов. Он сумел обойти Харьков и продвигался в направлении Белгорода.

Войска нашего фронта, достигнув с тяжёлыми боями рубежа Брянцево, Троена, Лютеж и река Сев, вели упорные бои, которые приняли затяжной характер. У нас сохранилась ещё надежда на то, что с помощью 21-й армии нам удастся немного потеснить противника. По всему было

видно, что на большее рассчитывать мы не могли. Невольно пришлось задуматься над вопросом: неужели в Ставке не понимают, что при создавшейся обстановке и без расчёта на крупный успех мы только распыляем свои силы, и так уже порядком ослабленные? И тут поступает неожиданное решение Ставки: срочно направить 21-ю армию в район Обояни в распоряжение командующего Воронежским фронтом в связи с прорывом крупных неприятельских сил на харьковском и белгородском направлениях и угрозой развития немецких войск на Курск.

С чем же нам наступать? Ведь противнику и без того удалось достичь превосходства, а с уходом 21-й армии соотношение сил в его пользу ещё больше возросло.

Я вынужден был доложить в Ставку о невозможности выполнить поставленную фронту задачу.

Во второй половине марта Ставка Верховного Главнокомандования приняла решение о нецелесообразности продолжения наступления на Орёл. Это решение было правильным. Все мы воспрянули духом, надеясь, что ошибки, допущенные Ставкой зимой и весной 1942 года, не повторятся.

Изучая обстановку, противника и предугадывая характер предстоящих сражений, я невольно задумывался над причинами многих поражений советских войск за прошедший период, в частности в операции, связанной с потерей Харькова и Белгорода. На мой взгляд, происходило это потому, что нашим Верховным Главнокомандованием при проведении наступательной или оборонительной операции не уделялось должного внимания своевременному созданию необходимых резервов, при наступлении расходовались все силы до предела, фронт вытягивался в нитку, отрываясь от своих баз. Не учитывались возможности противника и состояние своих войск. Желание превалировало над возможностями.

Совершенно неудовлетворительной оказалась наша глубокая оперативная, да и стратегическая разведка.

Противник при отходе имел возможность создавать крупные группировки своих сил и наносить нам неожиданно контрудары, парировать которые было нечем.

Отсутствие в глубине нашей обороны оперативных резервов позволяло противнику после прорыва фронта на узких участках безнаказанно идти на глубокое окружение советских войск, а окружив, беспрепятственно уничтожать их.

Возникали ещё и такие острые вопросы: «распределен-ческое» управление войсками, место начальника Генерального штаба, роль

представителей Ставки...

В апреле для ознакомления с положением и нуждами фронта у нас побывали член ГКО Г. М. Маленков, начальник Тыла Красной Армии А. В. Хрулёв, заместитель начальника Генерального штаба А. И. Антонов. Вместе с ними прибыл первый секретарь ЦК КП(б) Белоруссии, начальник Центрального штаба партизанского движения П. К. Пономаренко, назначенный к нам членом Военного совета.

Товарищи из Москвы находились у нас продолжительное время. Обсуждая с ними ряд вопросов, относящихся к состоянию войск, фронтовых и армейских тылов (многие из них ещё не добрались до мест расположения своих соединений), поделился и тем, что особо волновало меня.

Перед отъездом они предложили изложить все мои соображения в служебной записке на имя Верховного Главнокомандующего, что я и сделал. Маленков обещал передать её Сталину.

В записке кратко оценивалась обстановка, сложившаяся на южном крыле советско-германского фронта в результате зимней кампании 1942/43 года, и высказывались некоторые предположения на лето 43-го. В ней отмечалось, что наиболее вероятным участком фронта, где противник летом 1943 года попытается развернуть своё решительное наступление, будет Курская дуга. Там он постарается совершить то, что ему не удалось зимой, но уже большими силами. Продолжающаяся переброска войск в район Орла и севернее подтверждает возможность таких намерений противника, а конфигурация фронта способствует их осуществлению. Я подчёркивал настоятельную необходимость создания мощных резервов Верховного Главнокомандования, расположенных в глубине (восточнее Курской дуги), для отражения удара крупных вражеских сил на курском направлении.

Обращалось внимание и на несколько непонятное положение в управлении войсками, когда начальник Генерального штаба вместо того, чтобы управлять из центра, где сосредоточены все возможности для этого, убывает на длительное время на один из участков фронта, тем самым выключаясь из управления. Заместитель Верховного Главнокомандующего тоже выбывает на какой-то участок, и часто получалось так, что в самые напряжённые моменты на фронте в Москве оставался один Верховный Главнокомандующий. В данном случае получалось «распределен-ческое» управление фронтами, а не централизованное.

Я считал, что управление фронтами должно осуществляться из центра — Ставкой Верховного Главнокомандования и Генеральным штабом. Они

же координируют действия фронтов, для чего и существует Генеральный штаб. Уже первые месяцы войны показали нежизненность созданных импровизированных оперативных командных органов «направлений», объединявших управление несколькими фронтами. Эти «направления» вполне справедливо были ликвидированы. Зачем же Ставка опять начала применять то же, но под другим названием — представитель Ставки по координированию действий двух фронтов? Такой представитель, находясь при командующем одним из фронтов, чаще всего, вмешиваясь в действия комфронта, подменял его. Вместе с тем за положение дел он не нес никакой ответственности, полностью возлагавшейся на командующего фронтом, который часто получал разноречивые распоряжения по одному и тому же вопросу: из Ставки — одно, а от её представителя — другое. Последний же, находясь в качестве координатора при одном из фронтов, проявлял, естественно, большую заинтересованность в том, чтобы как можно больше сил и средств стянуть туда, где находился сам. Это чаще всего делалось в ущерб другим фронтам, на долю которых выпадало проведение не менее сложных операций.

Помимо этого, уже одно присутствие представителя Ставки, тем более заместителя Верховного Главнокомандующего, при командующем фронтом ограничивало инициативу, связывало комфронт, как говорится, по рукам и ногам. Вместе с тем появлялся повод думать о некотором недоверии командующему фронтом со стороны Ставки ВГК.

Упоминалось мной и о том, что при штабе фронта имелись от Генерального штаба так называемые направленные. Это были лица, чаще всего генералы, в обязанности которых входила всесторонняя и своевременная информация Генерального штаба о действиях войск фронта. Не достаточно ли их присутствия, чтобы информировать центр о действиях фронтов и контролировать их?

Вот эти вопросы были затронуты в моей служебной записке на имя Верховного Главнокомандующего. Не беру на себя смелость утверждать, что мои предложения оказали своё влияние на последующие решения Ставки. Однако сложившаяся общая обстановка на фронтах требовала особого внимания к Курской дуге и принятия соответствующих мер. Именно этими соображениями я и руководствовался.

Используя все возможности, мы к началу сражения смогли довести численность стрелковых дивизий только до 4,5–5 тыс. и лишь отдельных — до 6–7 тыс. человек. В то же время (по вполне достоверным данным) в находившихся против нас вражеских дивизиях насчитывалось: в пехотных — 10–12 тыс., танковых — 15–16, моторизованных — 14 тыс. человек.

Несмотря на большие потери, которые понесли немецкие войска в зимний период, фашистскому командованию удалось восполнить их.

А на фронте тучи всё сгущались. В конце июля стали поступать данные о крупных передвижениях немецких бронетанковых, артиллерийских и пехотных соединений и их выдвижении к переднему краю».

Эти записки, которые впоследствии отдельными вставками вошли в книгу «Солдатский долг», дают представление о том, кем стал Рокоссовский после лета — зимы 1941 года и осенне-зимнего сражения в волгодонской степи под Сталинградом. Видя перед собой не распадок между сопками, а линию фронта в сотни километров, он мыслил уже не эскадронами и дивизиями, а армиями, крупными армейскими группировками. Он чувствовал противника, мгновенно распознавал его намерения, понимал его возможности. Талант полководца в поле, среди сражений и битв, развивался стремительно.

И тот, кому адресовал он свою служебную записку, чувствовал это мужание полководческого дара молодого генерала из когорты Огневых и всячески способствовал ему.

Сталин, возможно, жалел, что в своё время не последовал совету Рокоссовского, не отдал ему 2-ю гвардейскую армию, чтобы тот более энергично разделался с окружённой 6-й армией Паулюса, а потом всеми силами перенёс удар на запад. Возможно, тогда не произошло бы сдачи Харькова и Белгорода...

Весьма примечательно, что тогда же, в марте 1943 года, на стол Верховному лёг доклад ГРУ Красной армии «О вероятных планах немецкого командования на весну и лето 1943 года», где, в частности, говорилось:

«1. Ликвидацией южных фронтов «А» и «Б» немецкое командование отказывается от попыток наступления на Кавказ и в направлении излучины р. Дона. 2. Оперативное построение армий указывает на усиление правого фланга Центрального фронта и левого фланга Южного фронта противника. 3. Все танковые дивизии Восточного фронта противника, за исключением двух-трёх, сосредоточены в южном секторе фронта, т. е. к югу от Орёл — Брянск. Чем подтверждается положение, что основными активно действующими фронтами будут являться правый фланг Центрального фронта и весь Южный фронт противника».

Думать — воюя, так же как и воевать — думая, в Красной армии уже научились. Наши штабы к этому времени уже начинали интеллектуально превосходить противника. Почему немецкие генералы и фельдмаршалы в

итоге проиграли советским генералам и маршалам? Возможно, потому, что знали, как надо воевать с русскими, и воевали с уверенностью в собственном превосходстве всю кампанию на Восточном фронте. Наши не знали, как воевать с лучшей в мире армией. И всю войну приноравливались, учились, постигали. Ошибки превращали в удачи. Поражения — в победы. Они знали, что не лучшие, но страстно желали таковыми стать. И это в конце концов произошло.

В Севске и окрестностях в марте 1943 года состоялось первое крупное боестолкновение частей Красной армии и коллаборационистских формирований германской армии, в том числе Русской освободительной народной армии (РОНА)^[100].

Февральско-мартовское 1943 года наступление ударной группировки Центрального фронта в историографию вошло под названием «Севский рейд». Именно на севском направлении авангарды Рокоссовского продвинулись особенно глубоко. Конники Крюкова и танкисты Родина заняли на некоторое время городок Севск^[101]. При взятии Севска произошла история, которая может послужить ответом на вопрос, почему ударная группировка Рокоссовского так рискованно, на узком участке прорыва углубилась в оборону противника. Севский участок фронта и сам городок обороняли немецко-венгерские части, а также 14-й Севский батальон и 4-й полк РОНА. Здесь же держали оборону несколько батальонов украинских полицейских формирований, прибывших с Северщины. Кроме того, сюда же на уплотнение обороны немцы бросили добровольческий полк «Десна», выполнявший всё это время в основном карательные функции в партизанских лесах, кавалерийскую группу «Десна» и другие формирования коллаборационистов, а проще говоря, предателей, перешедших по разным причинам на службу германской армии. Во время первого столкновения при взятии Севска кавалеристы и танкисты смяли оборону и ворвались в город. По воспоминаниям участников боя, пленных не брали. Остатки гарнизона, забаррикадировавшегося в старинном каменном здании в центре городка на площади Революции, добивали из артиллерийских орудий прямой наводкой. Здание было разбито, как отмечают местные хроники, «в щепень», «пленных не принимали».

Позже наши части Севск оставили. Но ненадолго.

Дальнейшие события показали: то, что немцы не смогли сделать в ходе своего контрнаступления зимой — весной, они попытаются реализовать

летом. Разведка доносила, что основные резервы, в том числе танковые и моторизованные, противник перебрасывает на южный участок фронта и сосредоточивает в двух районах — напротив оснований курского выступа, дуги, образовавшейся в результате зимне-весенних боёв.

В начале марта на центральном участке фронта противник начал отвод войск. Это было настолько неожиданно, что войска Западного фронта попросту прогляпили манёвр группы армий «Центр». Как вскоре станет очевидным, вывод войск из обширного ржевско-вяземского выступа самым непосредственным образом был связан с подготовкой операции в районе Орла и Курска. Командующий 9-й полевой армией генерал Вальтер Модель ^[102] к концу марта благополучно завершил операцию «Буйвол» и дополнительно вывел в резерв 15 пехотных, две моторизованные, три танковые и одну кавалерийскую дивизии СС. Гитлер был в восторге от этой операции. Было чему радоваться. Во-первых, операция прошла блестяще, почти без осложнений. Во-вторых, линия фронта сократилась на 200 километров. В-третьих, войска отошли на заранее подготовленные позиции на линию Духовщина — Дорогобуж — Спас-Деменск. Новая конфигурация фронта стала более удобной для проведения летнего грандиозного наступления. В-четвёртых, на Восточном фронте в результате успешного манёвра удалось фактически полностью компенсировать потерю 6-й армии под Сталинградом.

В апреле 1943 года на фронте наступило затишье. Обе стороны усиленно готовились к решающему сражению.

10 апреля начальник штаба генерал Малинин представил в Генштаб доклад. Основная идея документа состояла в следующем: по всем предположениям, противник намерен наступать на Курск из района Орла через Кромы и Поныри и из района Белгорода через Обоянь на Курск. Малинин предлагал значительно усилить резервами оборону Западного, Брянского и Центрального фронтов, в особенности авиацией.

Дважды, 11 и 28 апреля, Рокоссовский был у Сталина в Кремле. Обсуждали план действий в предстоящем сражении. Разведка доносила о большой концентрации войск противника именно в тех районах, которые, по предположению Рокоссовского, были наиболее выгодными для летнего немецкого наступления с целью отсечения выступа ударом с юга и севера на Курск.

Во время первого совещания у Сталина собрались Рокоссовский, Жуков, Молотов, начальник инженерных войск Красной армии М. П. Воробьёв, заместитель начальника Генштаба А. И. Антонов ^[103].

Обсуждали план летней кампании. В Генштаб и Ставку к тому времени поступили служебные записки и доклады командующих и начальников штабов фронтов. Некоторые генералы, и среди них командующий Воронежским фронтом Ватутин, предлагали ударить первыми по сосредоточению войск противника в прифронтовой полосе и таким образом нанести ему поражение, не дав завершить полное развёртывание. Сталин склонялся к оборонительному варианту, предложенному в служебной записке Рокоссовского. Возможно, именно поэтому из командующих фронтов на совещание был приглашён только Рокоссовский. Решение о преднамеренной обороне, по всей вероятности, было уже принято, и дискуссия только помешала бы ходу совещания. На дискуссии времени не оставалось. Рокоссовский вместе с Жуковым и Антоновым вошли к Сталину в 23 часа 35 минут. В кабинете уже находился Молотов. В 0 часов 45 минут Поскрёбышев срочно вызвал Воробьёва. Совещание закончилось в четвёртом часу утра.

Спустя десять дней Рокоссовский получил директиву Ставки, согласно которой предстояло срочно выселить жителей прифронтовой полосы из зоны возможных военных действий. Начались масштабные работы по строительству линии обороны.

Из мемуаров маршала:

«Против орловской группировки противника, нависавшей над нашим правым флангом, оборонялись соединения 48, 13 и 70-й армий на фронте от Городища до Брянцева протяжением 132 километра. Левее, на 174-километровом фронте от Брянцева до Коренева, занимали оборону войска 65-й и 60-й армий.

Как и всегда, я решил создать необходимые в любой обстановке резервы, поэтому 2-я танковая армия была выведена во второй эшелон, а во фронтовой резерв — 9-й и 19-й танковые корпуса и 17-й гвардейский стрелковый корпус, нацеленный на то, чтобы занять позиции в полосе 13-й армии, если в том будет необходимость.

О том, как мы старались создать высокую плотность войск на угрожаемом направлении, можно судить хотя бы по таким цифрам. Здесь в полосе протяжением 95 километров мы сосредоточили 58 процентов всех наших стрелковых дивизий, 70 процентов артиллерии и 87 процентов танков и самоходно-артиллерийских установок. На этом же направлении были расположены войска второго эшелона и фронтового резерва (танковая армия и два отдельных танковых корпуса). На остальные 211 километров фронта приходилось меньше половины нашей пехоты, треть артиллерии и меньше одной пятой части танков. Это был, конечно, риск. Но мы

сознательно шли на такую концентрацию сил, уверенные, что враг применит излюбленный свой метод — удар главными силами под основание выступа. Наша разведка и партизаны подтверждали, что мощная группировка вражеских войск создаётся именно на том направлении, где мы ожидали.

К разработке общего плана оборонительной операции фронта были привлечены командующие армиями: 48-й — генерал-лейтенант П. Л. Романенко, 13-й — генерал-лейтенант Н. П. Пухов, 70-й — генерал-лейтенант И. В. Галанин, сменивший к этому времени прежнего командарма, 65-й — генерал-лейтенант П. И. Батов, 60-й — генерал-лейтенант И. Д. Черняховский, 2-й танковой — генерал-лейтенант А. Г. Родин и 16-й воздушной — генерал-лейтенант С. И. Руденко. После утверждения плана началась работа конкретно на местности. В ней приняли деятельное участие командование фронта, политическое управление, командующие армиями и родами войск, начальники служб и начальник тыла.

Учитывая, что противник будет наносить удар, безусловно, крупными силами, командование фронта уже в конце марта в своих приказах и директивах дало войскам конкретные указания об оборудовании оборонительных рубежей. Начальник инженерных войск фронта генерал-майор А. М. Прошляков наметил детальный график и приложил много усилий, чтобы работы выполнялись в установленные сроки и с хорошим качеством. На этого энергичного и инициативного генерала можно было полностью положиться. Скромный, даже несколько застенчивый, он умел проявить и волю, и непреклонную решимость. Глубокие знания и богатый практический опыт позволяли ему справляться с самыми сложными задачами. Заботливый и требовательный командир, чудесный товарищ, он пользовался всеобщей любовью. Работать с ним было приятно.

Планомерная подготовка обороны Курского выступа началась с апреля и продолжалась до самого вражеского наступления.

Строительство укреплений главной полосы велось войсковыми частями. В сооружении второй и третьей полос обороны, а также тыловых армейских и фронтовой полос наряду с войсками активно участвовало местное население.

Организуя эти работы, мы использовали опыт, накопившийся к этому времени. Все приказы и директивы командования фронта требовали создания прочной, глубоко эшелонированной, многополосной полевой обороны с максимальным развитием инженерных сооружений на всю её оперативную глубину.

Вначале предполагалось построить пять оборонительных полос общей глубиной 120–130 километров. Но затем глубина оборонительных полос на отдельных, наиболее важных, направлениях была увеличена до 150–190 километров.

За три месяца войска фронта оборудовали шесть основных оборонительных полос. Кроме того, были построены промежуточные рубежи и отсечные позиции, протянувшиеся на сотни километров. Ходы сообщения между траншеями строились с таким расчётом, чтобы при необходимости они могли служить отсечными позициями. Батальонные узлы сопротивления, как правило, были подготовлены к круговой обороне.

Особое внимание уделялось прикрытию стыков, обеспечению манёвра артиллерии траекторией и колёсами, а также манёвра войск по фронту и из глубины.

Всего войсками фронта за апрель — июнь было отрыто до 5 тысяч километров траншей и ходов сообщения, установлено до 400 тысяч мин и фугасов. Только на участие 13-й и 70-й армий было выставлено 112 километров проволочных заграждений, из которых 10,7 километра — электризованных, и свыше 170 тысяч мин.

Располагая данными о том, что немецкое командование, готовясь к летнему наступлению, особые надежды возлагает на массированные удары своих танковых войск, оборону Курского выступа мы строили прежде всего как противотанковую, в расчёте на отражение ударов крупных танковых группировок противника. Приходилось учитывать и то, что противник собирается широко применять свои новые мощные танки «тигр» и самоходные орудия «Фердинанд». Мы подготовили сильные противотанковые рубежи с мощными опорными пунктами на наиболее опасных направлениях и максимально насытили их артиллерией.

К отражению вражеских танков решено было привлечь всю артиллерию фронта, в том числе и зенитную, сосредоточив её основные силы в полосах обороны 13-й, частично 48-й и 70-й армий на направлении ожидаемого главного удара противника.

Для лучшей организации взаимодействия и удобства управления опорные пункты объединялись в противотанковые районы. К июлю на правом крыле фронта глубина противотанковой обороны достигла 30–35 километров. Только в полосе 13-й армии на главной полосе обороны насчитывалось 13 противотанковых районов, состоявших из 44 опорных пунктов; на второй полосе имелось 9 таких районов с 34 опорными пунктами, а на третьей полосе — 15 районов с 60 противотанковыми опорными пунктами.

Большое внимание было уделено созданию различного вида противотанковых заграждений. Перед передним краем и в глубине обороны на танкоопасных направлениях была подготовлена сплошная зона таких препятствий. Сюда входили минные поля, противотанковые рвы, надолбы, плотины для затопления местности, лесные завалы.

Хотя использование гвардейских миномётов — «катюш» для борьбы с танками инструкцией не предусматривалось, было решено и их привлечь к выполнению этой задачи. Чтобы найти наиболее эффективные способы применения реактивной артиллерии для отражения массированных танковых атак, с миномётчиками провели опытные стрельбы по макетам танков. Они показали высокий процент попаданий.

К борьбе с танками противника в случае их вклинения в нашу оборону мы готовили в дивизиях и армиях подвижные отряды заграждения, которые в ходе боя должны были выставлять на пути вражеских танков мины, фугасы и переносные препятствия. Эти отряды состояли в дивизиях из одной-двух сапёрных рот, а в армиях — из инженерного батальона, усиленного автоматчиками. Им заранее указывались вероятные районы их действий.

Кроме отрядов заграждения в дивизиях, армиях и во фронте были созданы артиллерийские противотанковые резервы. В моём резерве находились три противотанковые артиллерийские бригады и два противотанковых артполка.

При создании обороны особое внимание уделялось организации системы огня. Огневые средства эшелонировались на всю армейскую глубину. Предусматривался манёвр огнём и массирование его на угрожаемых направлениях. Для обеспечения простоты и надёжности управления огнём создавалась разветвлённая сеть наблюдательных пунктов с устойчивой связью.

При построении боевых порядков в ротных районах обороны мы в первую очередь руководствовались требованием создать непроницаемую огневую завесу. Исходя из условий местности подразделения располагались в одном случае углом вперёд, в другом — углом назад, что позволяло держать под обстрелом всю местность внутри батальонного района и вести фланкирующий и косопрямельный огонь. Почти во всех батальонах был подготовлен заградительный и сосредоточенный огонь станковых пулемётов как перед передним краем, так и в глубине батальонных районов и полковых участков. Миномётные роты заранее пристреляли участки и рубежи. Расчёты противотанковых ружей располагались повзводно или отделениями на танкоопасных направлениях.

По такому же принципу строилась система огня пехотного оружия во второй и тыловой армейской оборонительных полосах. На участках, занятых войсками, эти рубежи по насыщенности огневыми средствами почти не уступали главной полосе. В тыловой полосе 13-й армии плотность огневых средств была даже выше, чем на главной полосе обороны.

На вероятных направлениях действий противника мы сосредоточили мощные артиллерийские группировки. Общая плотность артиллерии у нас составляла 35 стволов, в том числе более 10 противотанковых орудий на километр фронта, но в полосе обороны 13-й армии эта плотность была намного выше.

Наряду с оборонительными работами войска усиленно занимались боевой подготовкой. Не менее трети всех занятий проводилось в ночных условиях. Неутомимая учёба шла в штабах.

Противник собирался применить тяжёлые танки «тигр», имевшие толстую броню и вооружённые 88-миллиметровой пушкой. Наши бойцы и командиры изучали тактико-технические данные этих машин, осваивали методы борьбы с ними. В каждой армии были оборудованы полигоны, где проводились боевые стрельбы по танкам-мишеням. Расчёты 45-миллиметровых пушек учились бить по гусеницам танков с близких дистанций. В результате систематических занятий удалось значительно повысить мастерство артиллеристов.

Боевая готовность артиллеристов проверялась прямо на позициях. Прибыв на наблюдательный пункт артиллерийского командира, проверяющий в соответствии с планом обороны сообщал, что в таком-то районе появился противник. Цели указывались на позициях гитлеровцев. Не проходило и минуты, как открывался меткий огонь. Я неоднократно устраивал такую проверку и убедился, что артиллеристы поняли свою роль в предстоящем сражении и серьёзно к нему готовятся».

15 апреля 1943 года Гитлер подписал «Оперативный приказ Ставки вермахта № 6» на проведение операции «Цитадель»: «Я решил, как только позволят условия погоды, провести наступление «Цитадель» — первое наступление в этом году. Этому наступлению придаётся решающее значение. Оно должно завершиться быстрым и решающим успехом. Наступление должно дать в наши руки инициативу на весну и лето текущего года». Планом новой операции, грандиозной по своим замыслам и тем подготовительным масштабам, которые уже можно было обозреть, предполагалось «одним ударом пробить оборону противника» и «как можно быстрее перебросить из глубины силы для прикрытия флангов ударных группировок, с тем чтобы последние смогли продвигаться только

вперёд». «На направлении главных ударов должны быть использованы лучшие соединения, наилучшее оружие, лучшие командиры и большое количество боеприпасов». По поводу начала атаки говорилось: «Самым ранним сроком наступления является 3 мая».

Рокоссовский в своих прогнозах называл примерную дату немецкой атаки не ранее конца мая. Таким образом, и в сроках начала наступления противника на курский выступ командующий Центральным фронтом не ошибся.

В середине мая на Центральный фронт прибыл Жуков. По итогам своих поездок в расположение армий первого эшелона маршал доносил в Ставку: «Я лично был на переднем крае 13-й армии, просматривал с разных точек оборону противника, наблюдал за его действиями, разговаривал с командирами дивизий 7-й армии и 13-й армии, с командующими Галаниным, Пуховым и Романенко и пришёл к выводу, что непосредственной готовности к наступлению на переднем крае у противника нет.

Может быть, я ошибаюсь; может быть, противник очень искусно маскирует свои приготовления к наступлению, но, анализируя расположение его танковых частей, недостаточную плотность пехотных соединений, отсутствие группировок тяжёлой артиллерии, а также разбросанность резервов, считаю, что противник до конца мая перейти в наступление не сможет».

Рокоссовский, пользуясь тем, что противник затягивает начало наступления, продолжал укреплять оборону, одновременно вёл приготовления и для рывка вперёд.

В эти дни произошёл эпизод, который в очередной раз напомнил героям этой истории о хрупкости жизни солдата на передовой.

Рокоссовский приказал перенести поближе к войскам свой командный пункт. Новый КП быстро оборудовали в деревне Свобода севернее Курска. Туда тут же из Ельца перебравлись многие службы. Но не все. 85-й походно-полевой госпиталь остался по-прежнему в Курске, и теперь до него было довольно далеко. С Галиной Талановой Рокоссовский стал видаться реже. Скучал. Иногда посылал за ней своего водителя Мозжухина. Тот привозил в штаб сразу двух Галин: Таланову и её подругу, начальника госпиталя Галину Шишманеву. Шишманева (Шишманян) была гражданской женой генерала Казакова. Когда в очередной раз Мозжухин поехал за женщинами, машина попала под бомбёжку. Таланова не пострадала. А вот Шишманева была тяжело ранена и спустя несколько дней умерла в госпитале. Казаков тяжело переживал гибель любимой. Он похоронил её в Курске на

Никитском кладбище.

«Всё что угодно, лишь бы вернулся живой...»

Шли дни, а противник молчал.

Глава двадцать первая

УДАР И КОНТРУДАР

Я верю Рокоссовскому.

Сталин

Главный маршал авиации Голованов вспоминал: «Всё в организации обороны Центрального фронта строилось на её подвижности. Кроме того, на ожидаемых возможных направлениях наступления противника (по фронту это составило 95 километров) было сосредоточено более половины всех стрелковых дивизий, 70 процентов артиллерии и почти 90 процентов танков! В остальной полосе обороны (протяжённостью 211 километров) оставалось менее половины пехоты, треть артиллерии и менее пятой части танков.

Командующий Воронежским фронтом генерал Ватутин строил свою оборону по-иному. Он предпочёл зарывать танки в землю и равномерно рассредоточил имеющиеся у него силы и средства по всей полосе обороны фронта.

Накапливание сил и средств с обеих сторон шло довольно интенсивно, с той лишь разницей, что противник не мог длительное время нормально питать свои войска всем необходимым, ибо это требовало огромного количества подвижного состава, так как всё приходилось везти из глубины, в то время как наши войска таких затруднений не испытывали. <...> Чем дальше шло время, тем больше и больше нарастало напряжение и, я бы сказал, появилась некоторая нервозность и у нашего руководства. Дело в том, что с обеих сторон было сосредоточено огромное количество войск и техники, которые вполне могли бы быть применены в наступательной операции. Не все у нас в военном руководстве были согласны с ожиданием наступления со стороны противника. Некоторые предлагали нанести упреждающий удар, а проще говоря, нам первым начать наступление. Эти предложения несколько колебали уверенность Верховного в принятом им решении вести на Курской дуге оборонительные действия. Бывая у него с докладами, я слышал высказываемые сомнения в том, что правильно ли мы поступаем, дожидаясь начала действий со стороны немцев... Однако такие

разговоры кончались тем, что Сталин заключал: «Я верю Рокоссовскому».

Но чем ближе подходило лето, тем острее чувствовалась напряжённость.

Здесь уже стоял вопрос, чьи нервы крепче. С начала мая мы получали агентурные данные о том, что то 2-го, то 12-го числа этого месяца немцы начнут наступление. Но названные дни проходили, а никаких наступательных действий противник не начинал. Фронты же, естественно, принимали соответствующие меры к отражению возможного наступления.

Проходил июнь... Опять всплыли разговоры об упреждающем ударе.

Рокоссовский тоже стал нервничать, опасаясь, как бы не было принято решение о нанесении такого удара. А было, конечно, отчего нервничать.

Примерно равное соотношение сил с обеих сторон давало огромные преимущества той стороне, которая будет обороняться, и малые надежды на успех той стороне, которая будет наступать. Как известно, обороняющемуся (конечно, если он знает военное дело) нужно куда меньше сил для того, чтобы отразить наступление противника.

И всё-таки: у кого будет больше здравого смысла — терпеливо ждать?!

Организованная оборона давала твёрдую уверенность Рокоссовскому, что он разгромит противника, а возможное наше наступление наводило на размышления. Как-никак, а перед фронтом немцы, хотя не те уже, конечно, какими они были раньше, но всё же немцы, а с ними он сталкивался и под Москвой, и в Сталинграде и знал им, если можно так выразиться, цену.

При том соотношении сил и средств, которое сложилось сейчас, трудно было надеяться на уверенный успех в случае наших наступательных действий.

Ведь каждый командующий стремится решить поставленную задачу с меньшими потерями. А возможные наступательные действия в сложившихся условиях малой кровью обойтись не могли...»

В конце июня поступили разведданные, которые свидетельствовали, что противник изготовился и начнёт наступление 2 июля. Войска фронтов были приведены в полную боевую готовность. Но немцы и в этот день не шелохнулись. Наступило 3 июля. 4-е...

«В ночь на 5 июля я был на докладе у Сталина на даче, — вспоминал Голованов. — Он был один. Выслушав мой доклад и подписав представленные бумаги, Верховный сразу заговорил о Рокоссовском. Он довольно подробно вспомнил деятельность Константина Константиновича и под Москвой, и под Сталинградом, особенно подчеркнув его самостоятельность и твёрдость в принятии решений, обоснованность вносимых им предложений, которые всегда себя оправдывали. Наконец,

Сталин заговорил о создавшемся сейчас положении на Центральном и Воронежском фронтах. Рассказал о своём разговоре с Рокоссовским, когда тот на вопрос, сможет ли он сейчас наступать, ответил, что для наступления ему нужны дополнительные силы и средства, чтобы гарантировать успех, и настаивал на том, что немцы обязательно начнут наступление, но не выдержат долго, ибо транспортных средств у них еле хватает сейчас лишь на то, чтобы восполнять текущие расходы войны и подвозить продовольствие для войск, и что противник не в состоянии находиться в таком положении длительное время.

— Неужели Рокоссовский ошибается?.. — Немного помолчав, Верховный сказал: — У него там сейчас Жуков.

Из этой реплики мне стало ясно, с какой задачей находится Георгий Константинович у Рокоссовского. Было уже утро, когда я собирался попросить разрешения уйти, но раздавшийся телефонный звонок остановил меня. Не торопясь, Сталин поднял трубку ВЧ. Звонил Рокоссовский. Радостным голосом он доложил:

— Товарищ Сталин! Немцы начали наступление!

— А чему вы радуетесь? — спросил несколько удивлённо Верховный.

— Теперь победа будет за нами, товарищ Сталин! — ответил Константин Константинович.

Разговор был окончен.

— А всё-таки Рокоссовский опять оказался прав, — как бы для себя сказал Сталин. И, обращаясь ко мне, добавил: — Отправляйтесь, пожалуйста, на Курскую дугу, свяжитесь с Жуковым и помогайте им там. О том, что вы вылетаете, я Жукову сообщу.

Распрощавшись, я вернулся в штаб, оттуда выехал прямо на аэродром и — снова на фронт.

Считаю нужным привести эти факты потому, что укоренилось такое мнение: оборонительные действия на Курской дуге были заранее предусмотрены, и они рассматриваются сейчас как само собой разумеющееся. В действительности события протекали по-иному. Именно на Курской дуге было решено нашим Верховным Главнокомандованием продолжить дальнейшие наступательные действия. Гитлер также решил именно здесь искать успешного решения кампании 1943 года. Рокоссовский первым разгадал замысел противника, но было не так-то просто подготовку наступления переключить на организацию глубокоэшелонированной обороны, выиграть время и заставить немцев начать наступление первыми. Это был напряжённейший отрезок времени, когда, можно прямо сказать, шла борьба двух мнений — наступать или

продолжать обороняться».

А начиналось всё так. В ночь на 5 июля в полосе 13-й армии генерала Н. П. Пухова^[104] и 48-й армии П. Л. Романенко^[105] почти одновременно разведчики захватили в плен немецких сапёров, те разминировали минные поля и делали проходы в проволочных заграждениях. Их притащили в свои окопы, тут же допросили. Показали пленные одно и то же: их войска вышли на исходные и ждут сигнала к атаке, начало артподготовки назначено на три часа.

Когда об этом доложили в штаб фронта, Рокоссовский посмотрел на часы, потом на Жукова, который сидел рядом над развёрнутой картой. Часы показывали два часа.

— Верить пленным или не верить?

— Надо доложить о пленных в Ставку, — предложил кто-то из офицеров штаба.

— Докладывать уже поздно, — сказал Рокоссовский и посмотрел на Жукова. — Остаётся одно — немедленно отдать приказ на проведение контрподготовки.

— Времени терять не будем, Константин Константинович, — согласился Жуков. — Отдавай приказ, как предусмотрено планом фронта и Ставки, а я сейчас позвоню Сталину и доложу о принятом решении.

Как потом вспоминал Жуков, его тут же соединили с Верховным. Сталин находился в Ставке и только что закончил разговаривать по телефону с Василевским. Жуков «доложил о полученных данных и принятом решении провести контрподготовку».

— Что ж, начинайте, — согласился Сталин. — Буду в Ставке ждать развития событий.

«Я почувствовал, — писал в «Воспоминаниях и размышлениях» Жуков, — что Верховный находится в напряжённом состоянии. Да и все мы, несмотря на то, что удалось построить глубоко эшелонированную оборону и что в наших руках теперь находились мощные средства удара по немецким войскам, сильно волновались и были крайне возбуждены. Была глубокая ночь, но сон как рукой сняло.

Мы с К. К. Рокоссовским, как всегда в таких случаях, перебрались в штаб фронта. Начальника штаба Центрального фронта М. С. Малинина я знал со времени битвы под Москвой, тогда он являлся начальником штаба 16-й армии. Это был всесторонне подготовленный командир, штабной работник высокого класса. Он отлично выполнял возложенные на штаб обязанности. Ему очень помогал начальник оперативного отдела генерал И. И. Бойков. Скромный, трудолюбивый, инициативный, он был правой рукой

начальника штаба фронта. Вот и сейчас — кругом телефонные звонки, нетерпеливые вопросы и запросы, а он спокоен, как всегда.

Здесь же находился начальник штаба артиллерии фронта полковник Г. С. Надысев. Он то и дело выходил для переговоров с командирами артиллерийских соединений резерва Верховного главнокомандования и с командующим артиллерией фронта генералом В. И. Казаковым, находившимся в это время в 4-м артиллерийском корпусе.

Следует сказать, что штабы артиллерии и все командующие артиллерией фронтов, армий и соединений хорошо и умно поработали над организацией артиллерийской обороны и контрподготовки. В 2 часа 20 минут был отдан приказ о начале контрподготовки. Всё кругом закрутилось, завертелось, раздался ужасный грохот — началось величайшее сражение в районе Курской дуги. В этой адской «симфонии» звуков словно слились воедино удары тяжёлой артиллерии, разрывы авиационных бомб, реактивных снарядов М-31, «катюш» и непрерывный гул авиационных моторов.

Вражеские войска от нашей штаб-квартиры находились по прямой не более чем в 20 километрах. Мы слышали и ощущали ураганный огонь, и невольно в нашем воображении возникла страшная картина на исходном плацдарме противника, внезапно попавшего под ураганный удар контрподготовки. Застигнутые врасплох вражеские солдаты и офицеры наверняка уткнулись носом в землю, в первую попавшуюся яму, канаву, траншею, любую щель, лишь бы укрыться от ужасающей силы разрывов бомб, снарядов и мин...

В 2 часа 30 минут, когда уже вовсю шла контрподготовка, позвонил Верховный и спросил:

— Ну как? Начали?

— Начали.

— Как ведёт себя противник?

Я доложил, что противник пытался отвечать на нашу контрподготовку отдельными батареями, но быстро замолк.

— Хорошо. Я ещё позвоню.

Тогда трудно было сразу определить результаты нашей контрподготовки, но начатое противником в 5 часов 30 минут недостаточное организованное и не везде одновременное наступление говорило о серьёзных потерях, которые она нанесла противнику.

Захваченные в ходе сражения пленные рассказали, что наш удар был для них совершенно неожиданным. По их сведениям, сильно пострадала артиллерия и почти всюду была нарушена связь, система наблюдения и

управления.

Однако следует сказать, что к началу действий противника план контрподготовки у нас в деталях полностью ещё не был завершён. Не были точно выявлены места сосредоточения в исходном положении и конкретное размещение целей в ночь с 4 на 5 июля. Хотя при тех разведывательных средствах, которыми мы тогда располагали, нелегко было точно установить местоположение целей, но всё же можно было сделать значительно больше, чем это было сделано.

В результате нам пришлось вести огонь в ряде случаев не по конкретным целям, а по площадям. Это дало возможность противнику избежать массовых жертв. Через два — два с половиной часа он сумел перейти в наступление и в первый же день, несмотря на небывалую плотность огня нашей обороны, продвинулся на 3–6 километров. А этого могло и не быть при лучшей организации контрподготовки и более значительном поражении противника.

Правда, нельзя сбрасывать со счетов, что контрподготовка проводилась ночью, вследствие чего участие авиации было незначительным и, прямо скажем, малоэффективным, а удары по аэродромам противника на рассвете полностью не достигли своей цели, так как к этому времени немецкое командование уже подняло авиацию в воздух для взаимодействия со своими наземными войсками.

Значительно эффективнее действовала авиация по тактическим боевым порядкам и по колоннам противника, совершавшим перегруппировки в ходе сражения.

Конечно, артиллерийская контрподготовка нанесла врагу большие потери и дезорганизовала управление наступлением войск, но мы всё же ждали от неё больших результатов. Наблюдая ход сражения и опрашивая пленных, я пришёл к выводу, что как Центральный, так и Воронежский фронты начали её слишком рано: немецкие солдаты ещё спали в окопах, блиндажах, оврагах, а танковые части были укрыты в выжидательных районах. Лучше было бы контрподготовку начать примерно на 30–40 минут позже.

Между половиной пятого и пятью часами утра 5 июля вместе с появлением авиации противника был открыт артиллерийский огонь по обороне Центрального фронта, особенно сильный по войскам 13-й армии. Через полчаса немецкие войска начали наступление.

Противник бросил в атаку в первом атакующем эшелоне три танковые и пять пехотных дивизий. Удару подверглись войска 13-й армии и примыкавшие к ней фланги 48-й и 70-й армий. Атака была встречена

мощным огнём всей системы нашей обороны и отбита с потерями для немецко-фашистских войск.

В течение всего дня 5 июля противник провёл пять яростных атак, пытаясь ворваться в оборону наших войск, но не сумел добиться существенных результатов. Почти на всех участках фронта войска твёрдо стояли на своих рубежах, и казалось, что пока нет такой силы, чтобы сдвинуть их с места. Только к исходу дня в районе Ольховатки и ещё кое-где части противника вклинились в нашу оборону на глубину от 3 до 6 километров.

Особенно мужественно дрались воины 13-й армии, в том числе 81-я дивизия генерала А. Б. Барина, 15-я дивизия полковника В. Н. Джанджгавы, 307-я дивизия генерала М. А. Еншина и 3-я истребительно-противотанковая артиллерийская бригада полковника В. Н. Рукосуева. Основной удар приняла на себя батарея капитана Г. И. Игишева, которая за один день уничтожила 19 танков противника. Все воины этой батареи героически погибли в бою, но врага не пропустили».

Рокоссовский начало сражения описывает в несколько иных тонах:

«Немецко-фашистские части были застигнуты врасплох. Противник решил, что советская сторона сама перешла в наступление. Это, естественно, спутало его планы, внесло растерянность в ряды немецких солдат. Врагу потребовалось около двух часов, чтобы привести в порядок свои войска. Только в 4 часа 30 минут он смог начать артиллерийскую подготовку. Началась она ослабленными силами и неорганизованно.

В 5 часов 30 минут орловская группировка немецко-фашистских войск перешла в наступление на 40-километровом фронте всей полосы обороны 13-й армии и на примыкавших к ней флангах 48-й и 70-й армий.

В первый день наступления противник ввёл в бой массу танков, в том числе «тигров», и тяжёлых самоходных артиллерийских установок «фердинанд».

Наступление поддерживалось сильным артиллерийским огнём и ударами авиации с воздуха. До 300 бомбардировщиков, действуя группами по 50—100 самолётов, бомбили всю тактическую глубину нашей обороны, и главным образом огневые позиции артиллерии. Ожесточённые бои развернулись на ольховатском направлении, на участке 81-й и 15-й стрелковых дивизий 13-й армии. Здесь противник наносил главный удар силами трёх пехотных и двух танковых дивизий. Атака поддерживалась большим числом самолетов.

В боевых порядках танковых групп следовала пехота на бронетранспортёрах и в пешем строю.

Немецкое командование, видимо, рассчитывало повторить атаку, подобную той, которую оно предприняло летом 1942 года из района Курска в направлении на Воронеж. Однако враг жестоко просчитался: время было не то.

Наша артиллерия, миномёты, «катюши» и пулемёты встретили наступавших сильным огнём. Орудия прямой наводки и противотанковые ружья в упор расстреливали вражеские танки.

Активно действовала и наша авиация.

Завязались тяжёлые, упорные бои. Попадая на наши минные поля, вражеские танки подрывались один за другим. Идущие за ними машины по их следам продолжали преодолевать заминированные участки. «Тигры» и «Фердинанды» своим огнём прикрывали действия средних танков и пехоты.

Атакованные этой стальной лавиной, наши войска самоотверженно сражались, используя все средства поражения врага. Против танков применялись и 45-миллиметровые пушки. Броню «тигров» они пробить не могли. Стреляли с близкого расстояния по гусеницам. Сапёры и пехотинцы под ураганным огнём подбирались к остановившимся вражеским машинам, подкладывали под них мины, забрасывали гранатами и бутылками с зажигательной смесью. Стрелковые подразделения в это время своим огнём отсекали следовавшую за танками пехоту и контратаками истребляли её. Четыре ожесточённые атаки были успешно отбиты воинами 13-й армии, и только в результате пятой атаки, когда противник ввёл свежие силы, ему удалось ворваться в расположение 81-й и 15-й стрелковых дивизий. Наступило время поддержать эти соединения авиацией. Командующему 16-й воздушной армией был отдан приказ нанести удар по прорвавшемуся противнику. Руденко поднял в воздух более 200 истребителей и 150 бомбардировщиков. Их удары замедлили темп наступления гитлеровцев на этом участке, что позволило перебросить сюда 17-й стрелковый корпус, две истребительно-противотанковые и одну миномётную бригады. Этими силами удалось задержать продвижение врага.

Несмотря на то что противник нанёс удар огромной силы, ему в первый день боёв удалось вклиниться в нашу оборону только на 6–8 километров.

По имевшимся у нас данным, можно было судить, что немецкое командование ещё не ввело в сражение всех сил своей главной группировки, и на следующий день нужно было ожидать новых мощных ударов. В ночь на 6 июля я доложил Ставке обстановку. Верховный главнокомандующий тут же сообщил мне, что для усиления фронта из его

резерва нам передаётся 27-я армия под командованием генерал-лейтенанта С. Т. Трофименко. Это сообщение сильно нас обрадовало. Для встречи армии были высланы офицеры штаба. Но радость оказалась преждевременной. Утром мы получили второе распоряжение: 27-ю армию, не задерживая, направить в распоряжение Воронежского фронта в связи с угрожающим положением в районе Обояни. Ставка предупредила, чтобы мы рассчитывали только на свои силы. При этом на нас возлагалась дополнительная задача — оборона Курска, в случае если противник прорвётся с юга, с участка Воронежского фронта.

— Имейте в виду, — сказал Сталин, — положение вашего левого соседа тяжёлое, противник оттуда может нанести удар в тыл ваших войск.

Пришлось срочно изыскивать средства, чтобы подкрепить это направление.

Выход был один — стянуть войска на угрожаемый участок за счёт ослабления армий, находившихся на вершине Курского выступа. Командующему 60-й армией И. Д. Черняховскому было приказано дивизию, находившуюся в его армейском резерве, срочно направить в резерв фронта. Фронтным транспортом в течение суток она была перевезена со всем своим вооружением к месту назначения. Из резерва фронта в район Курска выдвигался 9-й танковый корпус».

Рокоссовский провёл сражение блестяще. Искусно маневрировал резервами. Мгновенно реагировал на любое изменение обстановки. Держал в поле зрения не только свои войска, но и не выпускал из виду движение ударных сил противника.

Из воспоминаний маршала:

«Не добившись успеха 6 июля в центре и на левом фланге нашей 13-й армии, противник с утра 7 июля перенёс основные усилия на Поныри. Здесь у нас был мощный узел обороны, опираясь на который наши войска могли наносить фланговые удары по противнику, наступавшему на Ольховатку. Оценив значение этого узла, немецкое командование решило во что бы то ни стало разделаться с ним, чтобы облегчить себе продвижение на юг. Но мы своевременно разгадали замысел врага и подтянули сюда войска с других участков.

Чтобы усилить противотанковую оборону Поньрей и поддержать артиллерией сражавшиеся здесь части 307-й стрелковой дивизии генерал-майора М. А. Еншина, были выделены 5-я артиллерийская дивизия прорыва, 13-я истребительно-противотанковая и 11-я миномётная бригады, а также 22-я гвардейская бригада тяжёлой реактивной артиллерии. Здесь же были сосредоточены и части 1-й гвардейской инженерной бригады.

Ночью они заняли позиции в полосе 307-й стрелковой дивизии.

С рассветом 7 июля противник начал атаки на Поныри. Разрывы тысяч бомб, снарядов и мин, грохот орудий, гул танковых моторов и лязг гусениц сотрясали землю.

Самоотверженно сражались наши артиллеристы, отражая атаки танков. Командиры твёрдо держали в своих руках управление, уверенно руководили подразделениями и частями. Величайшую стойкость, превосходную выучку показали артиллеристы. Здесь отличились тысячи бойцов, командиров и политработников. Трудно найти слова, чтобы воздать должное их мужеству и героизму. Это об их стойкость разбилась бронированная лавина врага. Это они, артиллеристы, превратили хваленые «тигры» и «Фердинанды» в бесформенные груды исковерканного металла. С помощью артиллеристов мужественно сражавшиеся полки 307-й стрелковой дивизии отбили пять атак противника.

Плечом к плечу с артиллеристами и пехотинцами отражали атаки врага сапёры. Они славно потрудились на оборонных работах и выше всякой похвалы действовали теперь, отражая наступление противника. Выставленные ими на основных танкоопасных направлениях управляемые минные поля и фугасы сейчас взрывались под вражескими танками. На многих участках путь танкам преградили подвижные сапёрные отряды.

Активно взаимодействовала с наземными войсками наша авиация. Разведкой было установлено, что в лощине у Понырей противник сосредоточил для новой атаки сотни полторы танков и большое количество мотопехоты. Мы обрушили по ним огонь сотен орудий, а Руденко направил туда 120 штурмовиков и бомбардировщиков. Этот налёт нанёс врагу огромный урон, и его атака была сорвана.

Во второй половине дня над полем боя появилась фашистская авиация, которая начала интенсивно бомбить наши войска. Под её прикрытием противник снова пошёл в атаку. Ценой больших потерь ему удалось в некоторых местах немного продвинуться вперёд, а два его батальона при поддержке 50 танков даже ворвались на северную окраину Понырей. Но это был лишь кратковременный успех. Контратакой наших войск оба вражеских батальона были разгромлены и положение восстановлено.

Несмотря на тяжёлые потери, враг продолжал штурм. Вечер не принёс передышки. Немецко-фашистское командование бросило на Поныри ещё два полка пехоты и 60 «тигров». Им удалось потеснить 307-ю дивизию. Однако, приведя в течение ночи свои части в порядок, дивизия с утра перешла в контратаку и вернула прежние позиции. Противник, понеся большие потери, был отброшен, а По-ныри остались в наших руках.

В течение 7 и 8 июля не стихали бои и на ольховатском направлении. Вражеская пехота при поддержке танков непрерывно атаковала нашу оборону. Но части 17-го гвардейского стрелкового корпуса и 2-й танковой армии, фронтовая артиллерия и авиация отразили натиск. Стойкость, массовый героизм наших солдат и офицеров остановили врага.

К исходу третьего дня сражения почти все фронтовые резервы были втянуты в бой, а противник продолжал вводить всё новые и новые силы на направлении своего главного удара. Можно было ожидать, что он попытается бросить в бой всё, что у него имеется, пойдёт даже на ослабление своих частей на второстепенных участках фронта. Чем удержать его? И я решился на большой риск: послал на главное направление свой последний резерв — 9-й танковый корпус генерала С. И. Богданова, который располагался в районе Курска, прикрывая город с юга. Это было полностью укомплектованное соединение, наша надежда и гордость.

Я сознавал, чем нам грозит этот манёвр при неудаче. Ведь у соседа фронт дал трещины. Оттуда, с юга, всегда можно было ожидать вражеского удара. Но мы послали Ватутину свою 27-ю армию. Учитывал я и то, что позади войск Воронежского фронта находится Резервный фронт и в критическую минуту Ставка поможет Ватутину.

В ночь на 8 июля 9-й танковый корпус был подтянут на главное направление.

8 июля в 8 часов 20 минут до 300 вражеских танков при поддержке артиллерийско-миномётного огня и ударов авиации атаковали наши позиции северо-западнее Ольховатки на стыке 13-й и 70-й армий. Враг ворвался в боевые порядки пехоты. Здесь успела с ходу занять позиции 3-я истребительная артиллерийская бригада полковника В. Н. Рукосуева. Артиллеристы встретили гитлеровцев огнём прямой наводки.

Для характеристики напряжённости этого боя приведу лишь один пример. На батарею капитана Г. И. Игишева двигалось почти три десятка танков. Артиллеристы приняли неравный бой. Четыре орудия, подпустив врага на дистанцию 600–700 метров, открыли огонь. Артиллеристы уничтожили 17 танков. Но и от нашей батареи осталось всего одно орудие, а возле него — три человека. Они продолжали вести огонь и подбили ещё два тяжёлых танка. Противник вынужден был отойти. Совместными героическими действиями всех родов войск вражеская атака была отбита. В этом бою во второй половине дня принимали участие и танки 9-го танкового корпуса.

Успешно были отражены атаки и на других участках фронта.

Действуя активно на всём участке нашего правого крыла, противник попытался нанести удар в стык 48-й и 13-й армий, но и здесь у него ничего не вышло.

Вражеский натиск стал заметно ослабевать. К 11 июля фашистские войска, понеся огромные потери и не добившись успеха, прекратили наступление. За шесть дней непрерывных атак противнику удалось вклиниться в нашу оборону всего от 6 до 12 километров.

Таким образом, войска Центрального фронта выполнили задачу. Упорным сопротивлением они истощили силы врага и сорвали его наступление. Северной группе немецко-фашистских войск, наступавшей с Орловского выступа силами восьми пехотных, шести танковых и одной моторизованной дивизий при поддержке 3500 орудий и свыше 1000 самолётов, не удалось прорваться навстречу своей южной группе, пробивавшейся на Южном фланге Курской дуги.

Наш левый сосед — Воронежский фронт тоже остановил врага, которому здесь удалось вклиниться на 35 километров. Ватутину хорошо помогли резервы, созданные Ставкой. Войска Воронежского фронта постоянно усиливались частями из Степного военного округа, преобразованного 9 июля в Степной фронт^[106]. А затем этот фронт перешёл в наступление и отбросил врага на прежние позиции.

Нам не понадобилось воспользоваться резервами Ставки, справились без них, потому что правильно расставили силы, сосредоточили их на том участке, который для войск фронта представлял наибольшую угрозу. И враг не смог одолеть такую концентрацию сил и средств. Воронежский же фронт решал задачу обороны иначе: Он рассредоточил свои силы почти равномерно по всей полосе обороны. Именно поэтому, на мой взгляд, враг смог здесь продвинуться на сравнительно большую глубину, и, чтобы остановить его, пришлось втянуть в оборонительное сражение значительные силы из резерва Ставки. Говоря об оборонительных боях войск Центрального фронта на Курской дуге, мне хочется оттенить некоторые характерные моменты. Прежде всего — роль представителя Ставки. Г. К. Жуков долго был на Центральном фронте в подготовительный период, вместе с ним мы решали принципиальные вопросы организации и ведения оборонительных действий и контрнаступления. Не без его помощи были удовлетворены тогда многие наши запросы, адресовавшиеся в Москву. А в самый канун битвы он опять прибыл к нам, детально ознакомился с обстановкой и утром 5 июля, в разгар развернувшегося уже сражения, доложил Сталину: командующий фронтом управляет войсками твёрдо, с задачей справится самостоятельно. И полностью передал

инициативу в мои руки».

В черновиках к «Солдатскому долгу» пребывание Жукова в расположении Центрального фронта в период начала сражения Рокоссовский описал несколько иначе: «Утром 5 июля, в разгар развернувшегося уже сражения, он доложил Сталину о том, что командующий фронтом управляет войсками твёрдо и уверенно, и попросил разрешения убыть в другое место. Получив разрешение, тут же от нас уехал».

В одной из статей, посвящённых Курской битве, Рокоссовский, подверженный неким сиюминутным настроениям, что в общем-то для него не было характерно, несколько деформировал обстоятельства подготовки к операции поклоном в сторону тогдашнего главы государства Н. С. Хрущёва. И Жуков, сидевший затворником на подмосковной даче, к тому времени отстранённый от службы, отправленный в отставку, — единственный Маршал Советского Союза в отставке, — прочитав статью, не выдержал и взялся за перо. Из письма Жукова Рокоссовскому, апрель 1965 года:

«Описывая подготовку войск Центрального фронта к Курской битве, Вы написали о выдающейся роли Хрущёва Н. С. в этой величайшей операции. Вы написали, что он приезжал к Вам на фронт и якобы давал мудрые советы, «далеко выходившие за рамки фронтов». Вы представили в печати его персону в таком виде, что Хрущёв вроде играл какую-то особо выдающуюся роль в войне. А этого-то, как известно, не было, и Вы это знали.

Как Вам известно, с Хрущёвым приезжал и я. Напомню, что было на самом деле: был хороший обед, за которым Хрущёв и Булганин крепко подвыпили. Было рассказано Хрущёвым и Булганиным много шуток, анекдотов, а затем Хрущёв уехал в штаб Воронежского фронта, а я остался во вверенном Вам фронте, где отрабатывались вопросы о предстоящей операции с выездом в войска. Надеюсь, этого Вы ещё не забыли».

Жукова уязвили выводы Рокоссовского по поводу роли и места представителей Ставки.

«Был здесь представитель Ставки или не было бы его — от этого ничего не изменилось, а возможно, даже ухудшилось. К примеру, я уверен, что если бы он находился в Москве, то направляемую к нам 27-ю армию генерала С. Т. Трофименко не стали бы передавать Воронежскому фронту, значительно осложнив тем самым наше положение. К этому времени у меня сложилось твёрдое убеждение, что ему (Жукову. — С. М.) как заместителю Верховного Главнокомандующего полезнее было бы

находиться в Ставке ВТК».

Жукова, как видно из письма, возмутило не то, что задним числом советовал ему его бывший командир кавдивизии, а то, что он сделал реверанс Хрущёву. Нелегко было маршалам делить победы. Верно замечено, что солдат, уйдя на войну, остаётся на ней навсегда.

Справедливости ради заметим, что и сам Жуков впадёт в тот же грех: «мудрые советы» ему будет давать начальник политотдела 18-й армии полковник Л. И. Брежнев. Как говорят, что в людях ведётся, то и нас не минует...

Победы в Великой Отечественной войне достигались интеллектом, полководческим талантом генералов и мужеством солдат. Если же с этой формулы слегка удалить глянец пафоса, то, возможно, удастся заглянуть поглубже, и станет очевидным, что победы в той войне достигались также твёрдостью командиров, которая порой граничила с жестокостью.

6 июля, после того как на участке 13-й армии Рокоссовский приказал нанести короткий контрудар силами 2-й танковой армии и 19-го танкового корпуса, он подписал директиву, в которой говорилось:

«Армии Центрального фронта имеют все возможности для полного разгрома и уничтожения наступающего противника.

Однако предварительные итоги двухдневных боевых действий показали, что некоторые части и соединения, особенно в 13-й армии, проявили недостаточную стойкость в обороне, нарушили приказ Народного Комиссара Оборона СССР от 28.7.1942 г. № 227, оставили без приказа свыше свои оборонительные позиции и тем самым позволили противнику вклиниться в нашу оборону и нарушить её прочность.

Некоторые командиры до сих пор ещё не поняли, что самовольный отход хотя бы одной части неминуемо ставит в невыгодные условия соседей и облегчает действия противнику.

Приказываю:

1. Военным советам армий и командирам отдельных корпусов немедленными и решительными мерами пресекать самовольный отход, а к командирам, допустившим таковой, а также к провинившимся в трусости и неустойчивости применять полностью меры, предусмотренные приказом НКО № 227.

2. С получением настоящих указаний ещё раз довести приказ НКО № 227 до всего комсостава и подразделений.

3. В боевых донесениях по итогам боевых действий за день докладывать о мерах, принятых к нарушителям требований приказа НКО

№ 227.

4. Настоящую директиву объявить под расписку командному составу до командира дивизии, бригады включительно».

Подпиши эту директиву или нечто подобное, к примеру, Жуков, сейчас бы появилось столько публицистики! И здесь уместно заметить, что уважение к полководческому дару и человеческим качествам Рокоссовского настолько велико, что ему готовы простить многое. Так народ любит разве что артистов, и так в прежние годы любили героев, поэтов, художников, космонавтов.

Глава двадцать вторая

НА ДНЕПР И ДАЛЬШЕ

15 июля 1943 года, выстояв под ударами последнего наступления германских войск на Восточном фронте, армии Рокоссовского пошли вперёд. Атаковали почти без всякой паузы. На третий день боёв оттеснили противника на линию, которую противоборствующие стороны занимали на 5 июля. А дальше пошло тяжелее. Немцы стояли здесь два года и успели создать прочные оборонительные рубежи, опорные пункты, соединённые системой перекрёстного огня. Минные поля. Противотанковые районы. Проволочные заграждения. Каждый населённый пункт, каждая высотка были превращены в неприступные цитадели, соединённые ходами сообщения и окопами со смежными, такими же укреплёнными и насыщенными огневыми средствами узлами обороны. Войскам приходилось буквально прогрызать немецкую оборону.

Позже Рокоссовский оценит эти дни и действия своих армий так:

«Снова была проявлена излишняя поспешность, которая, по-моему, не вызывалась сложившейся обстановкой. В результате войска на решающих направлениях выступили без достаточной подготовки. Стремительного броска не получилось. Операция приняла затяжной характер. Вместо окружения и разгрома противника мы, по существу, лишь выталкивали его из Орловского выступа. А ведь, возможно, всё сложилось бы иначе, если бы мы начали операцию несколько позже, сконцентрировав силы на направлении двух мощных, сходящихся у Брянска ударов».

Здесь — скрытая полемика с решениями Генштаба, с Василевским. Именно к мнению Василевского в эти дни начал прислушиваться Верховный. Пик напряжённости в войне миновал. Враг уже не угрожал Москве, как в 1941 и 1942 годах, не держал в блокадном кольце Ленинград. И Жуков, этот незаменимый критический менеджер, постепенно отдалялся Сталиным на второй план. Впрочем, Жуков и сам старался больше быть в войсках, в своей родной стихии.

Рокоссовский не был сторонником спонтанных действий. Каждую операцию старался готовить как можно более тщательно. Без затяжки, энергично, но основательно. Бой, атаку, а тем более длительное наступление, как считал Рокоссовский, надо было готовить, обеспечивать. А для этого необходимо время. «Самое трудное, — говорил фон Клаузевиц,

— возможно лучше подготовить победу; это — незаметная заслуга стратегии, за которую она редко получает похвалу».

И всё же, как бы тяжело ни было наступающим войскам, огненный вал медленно покатился на запад. Под Курском произошло событие исторической важности и глобального масштаба — началось всеобщее наступление на позиции германских войск. Фашистский зверь получил удар в самое средоточие своих сил. Отныне он будет только пятиться. До самого «логова».

Вначале в заснеженных полях Подмосковья, затем в волжской степи и в руинах Сталинграда, а теперь здесь, на гигантском фронте между Белгородом и Орлом, вермахт получил сокрушительные удары. Ни битва за Атлантику между германскими люфтваффе и авиацией союзников, ни бои в африканской пустыне, ни операции на Балканах и греческих островах, даже если их соединить в одну, по масштабам и ярости вряд ли стоят хотя бы одной битвы в России. Судьбы мира решались здесь. Их решали солдаты Рокоссовского и Ватутина, артиллеристы Казакова и танкисты Богданова. Здесь предопределялись сроки освобождения концентрационного лагеря Освенцим и Варшавы, взятия Кёнигсберга и Берлина.

В начале августа войска Брянского фронта освободили Орёл. Одновременно части Воронежского и Степного фронтов очистили от противника Белгород, а вскоре и Харьков. Началось освобождение Донбасса. В Москве в ознаменование крупных побед прогремел первый салют. Отныне Москва будет салютовать победам, подобным тем, которые войска одержали в августе 1943 года.

В середине августа авангарды фронта Рокоссовского подошли к линии «Хаген» и остановились для перегруппировки. Но уже на следующий день в штаб поступила директива Ставки на дальнейшие действия: «Наступая в общем направлении Севск — хутор Михайловский, не позднее 1–3 сентября выйти на фронт река Десна южнее Трубчевск — Новгород-Северский — Шостка — Глухов — Рыльск. В дальнейшем развивать наступление в общем направлении Конотоп — Нежин — Киев и при благоприятных условиях частью сил формировать Десну и наступать по правому её берегу в направлении Чернигов».

Датой начала операции значилось 26 августа. На подготовку масштабной и довольно глубокой операции штабам и войскам Центрального фронта отводилось всего десять дней.

Основной удар войска Рокоссовского нанесли на новгород-северском направлении силами 65-й армии Батова. На флангах наступали 48-я армия Романенко и 60-я армия Черняховского^[107].

С генералом Иваном Даниловичем Черняховским Рокоссовский познакомился во время боёв на курском выступе. Позже писал: «Знакомясь с войсками 60-й армии, переданной нам из Воронежского фронта, я внимательно приглядывался к генералу И. Д. Черняховскому. Это был замечательный командующий. Молодой, культурный, жизнерадостный. Изумительный человек! Было видно, что в армии его очень любят. Это сразу бросается в глаза. Если к командарму подходят докладывать не с дрожью в голосе, а с улыбкой, то понимаешь, что он достиг многого. Командиры всех рангов остро чувствуют отношение старшего начальника, и, наверное, мечта каждого из нас — поставить себя так, чтобы люди с радостью выполняли все твои распоряжения. Вот этого Черняховский достиг (пожалуй, так же, как и командарм 65 П. И. Батов)».

Рокоссовский, кроме всего прочего, как мы видим, был тонким психологом. Хорошо разбирался в людях. А самое главное, умел понимать их и подбирал себе помощников с учётом их способностей и особенностей характера. Бессмысленно ломать человека, даже военного, даже при помощи устава. Найти ему место там, где он принесёт наибольшую пользу, — один из принципов его работы с людьми.

Сразу после Сталинграда, во время Севского рейда, выяснилось, что части 70-й армии действуют несобранно, в бою слабоуправляемы. Рокоссовский тут же выехал в штаб армии, побывал в дивизиях и полках. Армия была мощной. Сформирована по гвардейскому штату из работников НКВД Хабаровской, Читинской, Новосибирской, Свердловской, Челябинской областей и города Ташкента. В неё вошли также погранотряды. Пограничники — хорошие бойцы, храбрые солдаты. Но как оказалось, командующий армией генерал-майор Г. Ф. Тарасов^[108] никак не мог наладить управление частями. В итоге — большие потери при незначительном продвижении вперёд. Противник почувствовал слабость фронта армии и начал истощать её короткими и мощными контрударами. Рокоссовский тут же заменил командующего: мощную 70-ю армию НКВД возглавил опытный и надёжный генерал-лейтенант Галанин. Сразу дело пошло лучше. Контратаки немцев и венгров были пресечены, армия пошла вперёд. Пограничники храбро дрались в дни Курской битвы.

17 сентября 1943 года в приказе Верховного главнокомандующего говорилось: «Войска Центрального фронта, продолжая наступление, успешно форсировали реку Десна и сегодня, 16 сентября, с боем овладели крупным опорным пунктом обороны немцев на рубеже этой реки — городом Новгород-Северским...»

Войска Рокоссовского успешно продвигались вперёд. Разметав

оборону противника на западном берегу Десны, авангарды устремились к Днепру. Особенно энергично действовала группировка 60-й армии. Фланговые удары и глубокие броски с последующим охватом не успевших отойти частей противника выгодно отличали действия дивизий и частей армии Черняховского. Рокоссовского восхищала кипучая энергия командарма. Чем-то он напоминал ему его командирскую юность, забайкальские походы. Именно перед 60-й армией стал реально вырастать приближавшийся с каждым днём и с каждым боем Киев.

Однако Киев войскам Рокоссовского взять не дали. Из Ставки пришла директива: согласно новой разграничительной линии Киев отходил в полосу действия соседнего Воронежского фронта. Таким образом, брать Киев должен был Ватутин. Рокоссовский тут же позвонил в Ставку. Сталин выслушал его и кратко сказал:

— Товарищ Рокоссовский, мы это сделали по настоянию Жукова и Хрущёва. Они там находятся на месте, им виднее.

Больше всего хлопотал Никита Сергеевич Хрущёв. Недовольный тем, как народ встретил его в освобождённом Харькове, он решил взять реванш в Киеве.

Северо-западнее и западнее Киева находились города и населённые пункты, которые были хорошо знакомы Рокоссовскому по летним боям 1941 года. Новоград-Волынский, Луцк, Броды... Он возвращался с войсками своего фронта туда, где принял свой первый бой в этой войне, командуя 9-м механизированным корпусом. Маятник войны качнулся назад и, ускоряя движение, неотвратно летел на запад...

К концу сентября 13-я армия Пухова захватила плацдармы на правом берегу Днепра. Заметим, войскам Рокоссовского достался трудный участок для наступления. Форсировать пришлось две реки — Десну, а потом Днепр. В начале октября Ставка неожиданно вывела из состава Центрального фронта и передала левофланговому Воронежскому фронту 13-ю и 60-ю армии. Это были лучшие его армии, и командовали ими талантливые, надёжные генералы.

Центральный фронт перенацеливался на северо-западное направление — на Белоруссию. Предстояла огромная работа по переброске не только войск, но и тылового хозяйства на новое, гомельское направление.

В один из этих дней позвонил недавно назначенный на должность начальника Генерального штаба Антонов и заговорил о праздничном салюте в честь войск Центрального фронта, успешно форсировавших Днепр и начавших взламывать твердыни Восточного вала.

— Я думаю, — сказал Рокоссовский, — что с этим следует подождать.

Незачем раньше времени настораживать немецкое командование. А вот об ударе на Киев не мешало бы ещё раз подумать. Черняховский сейчас находится в очень выгодном положении.

— Согласен с вами, — ответил Антонов. — Советую доложить свои соображения Верховному главнокомандующему.

Рокоссовский тотчас же связался со Сталиным.

— Товарищ Рокоссовский, — выслушав его, сказал Сталин, — вопрос о действиях войск на киевском направлении решён, и вы об этом знаете. Пересматривать что-либо поздно.

Тогда Рокоссовский, пользуясь случаем, заговорил о фронтовых средствах усиления, которые были переданы на левый фланг.

— Все фронтовые средства усиления остаются в вашем распоряжении. А Пухову и Черняховскому оставьте их штатные танки и артиллерию. Мы уже дали соответствующее распоряжение Ватутину. По всей вероятности, в ближайшее время Ставка примет решение о расформировании Брянского фронта. Часть войск будет передана вам. Что касается салюта... — Сталин немного помолчал. — Тут вы правы: лучше будет его ненадолго отложить.

В начале октября, когда Центральный фронт уже действовал в Белоруссии, ему были переданы 3-я, 50-я и 63-я армии расформированного Брянского фронта. Из резерва Ставки прибыли 61-я армия генерала П. А. Белова^[109] и 11-я армия генерала И. И. Федюнинского. С ними Рокоссовский провёл операции по форсированию Сожа, Днепра и Березины, захватил плацдармы, прорвал Восточный вал, расширил фронт прорыва до 120 километров и продвинулся на запад до 130 километров. Началось освобождение Белоруссии. 26 ноября части 11-й и 48-й армий в ходе Гомельско-Речицкой наступательной операции Белорусского фронта^[110] освободили Гомель.

Гомельско-Речицкая операция в масштабе фронта носила характер вспомогательной. Главная интрига тем временем развивалась южнее, в районе Киева. Войска 1-го Украинского фронта с боем захватили Киев. Немцы не осмелились снять с гомельско-речицкого участка ни одной дивизии, чтобы облегчить участь киевской группировки. Задача была выполнена.

Однажды, когда войска фронта ещё стояли перед Нов-городом-Северским, к Рокоссовскому приехала дочь Ариадна. В архивах сохранился любопытный документ:

«Отпускной билет

Радист тов. Рокоссовская А. К. отпущена в краткосрочный отпуск с правом выезда в штаб Центрального фронта с 31 августа по 6 сентября 1943 г.

Срок возвращения в часть 6.9.43 г.

Начальник радиоузла Инженер-капитан Покровский».

Ариадна приехала к отцу не без умысла. Работа радисткой передвижного радиоузла Центрального штаба партизанского движения её не устраивала. Не хватало фронтовой романтики. Отцовская кровь требовала пребывания в огне. И в огонь она попала в первый же день «гостевания» у отца.

Штаб фронта Ариадна отыскала как раз в тот момент, когда командующий садился в машину, чтобы выехать в войска. Она уговорила его взять её с собой. Поехали. В дороге налетели немецкие самолёты. Водитель остановил машину. Все сидевшие в ней рассыпались по обочинам. Замешкалась только перепуганная Ариадна. Видя её беспомощность, Рокоссовский бросился к машине и прикрыл дочь собой. Так и лежали возле машин в кромешной пыли и копоти, пока самолёты делали заход за заходом, поливая дорогу и машины огнём своих пушек и пулемётов. Впоследствии Ариадна Константиновна рассказывала сыну Константину Вильевичу, что офицеры штаба в первые мгновения после того, как немецкие самолёты улетели, смотрели на неё почти с ненавистью — за то, что подвергла смертельной опасности их командующего. В тот же день после строгого разговора с отцом дочь отбыла с фронта. Сам Рокоссовский объяснял невозможность пребывания Ариадны рядом тем, что его сердце не выдержит от постоянной мысли о том, что его единственной дочери каждую минуту угрожает смертельная опасность.

Центральный фронт потому и был переименован в Белорусский, а вскоре в 1-й Белорусский, что именно его соединениям предназначалась роль основного действующего лица в ходе освобождения советской Белоруссии от немецкой оккупации.

Всю осень 1943-го, зиму и весну 1944 года войска Рокоссовского расширяли свои плацдармы и накапливали силы для предстоящего решающего удара.

Однако в конце ноября Рокоссовскому пришлось срочно оставить свой фронт и на несколько дней выехать в распоряжение соседнего 1-го Украинского.

Сталин позвонил из Тегерана, где проходила встреча лидеров союзнических государств, и сказал, что «у Ватутина неблагополучно, что

противник перешёл в наступление и овладел Житомиром».

— Положение становится угрожающим, — сказал Верховный; в голосе его чувствовались раздражение и тревога. — Если так и дальше пойдёт, то противник может ударить во фланг Белорусского фронта. Товарищ Рокоссовский, вам следует немедленно выехать в штаб Первого Украинского фронта в качестве представителя Ставки, разобраться в обстановке на месте и принять все меры к отражению наступления врага.

Ситуация складывалась критическая. Немцы, смяв наши войска, контратаковали в направлении на Киев. Их ударные силы на отдельных участках продвинулись на глубину до 40 километров. Создавалась реальная угроза не только потери Киева, но и сокрушительного удара во фланг Белорусскому фронту.

Рокоссовский тотчас же вместе с командующим артиллерией генералом Казаковым отбыл в район Киева. На хозяйстве был оставлен заместитель — надёжный и опытный генерал И. Г. Захаркин^[111]. Перед выездом, уже в машину Рокоссовскому принесли радиogramму от Верховного: «В случае необходимости немедленно вступить в командование 1-м Украинским фронтом, не ожидая дополнительных указаний». Ситуация складывалась примерно такая же, что и в конце сентября 1942 года, когда он прибыл на КП генерала Гордова и принял командование войсками Сталинградского фронта.

О встрече с Ватутиным Рокоссовский оставил такие воспоминания:

«Как я ни старался, дружеской беседы на первых порах не получилось. А ведь встретились два товарища — командующие соседними фронтами. Я всё время пытался подчеркнуть это. Но собеседник говорил каким-то оправдывающимся тоном, превращал разговор в доклад провинившегося подчинённого старшему. В конце концов я вынужден был прямо заявить, что прибыл сюда не с целью расследования, а как сосед, который товарищески хочет помочь ему преодолеть общими усилиями те трудности, которые он временно испытывает.

— Давайте же только в таком духе и беседовать, — сказал я.

Ватутин заметно воспрянул духом, натянутость постепенно исчезла.

Мы тщательно разобрались в обстановке и ничего страшного не нашли.

Пользуясь пассивностью фронта, противник собрал сильную танковую группу и стал наносить удары то в одном, то в другом месте. Ватутин вместо того, чтобы ответить сильным контрударом, продолжал обороняться. В этом была его ошибка. Он мне пояснил, что если бы не близость украинской столицы, то давно бы рискнул на активные действия.

Но сейчас у Ватутина были все основания не опасаться риска. Помимо отдельных танковых корпусов две танковые армии стояли одна другой в затылок, не говоря об общевойсковых армиях и артиллерии резерва Верховного Главнокомандования. С этим количеством войск нужно было наступать, а не обороняться. Я посоветовал Ватутину срочно организовать контрудар по зарвавшемуся противнику. Ватутин деятельно принялся за дело. Но всё же деликатно поинтересовался, когда я вступлю в командование 1-м Украинским фронтом. Я ответил, что и не думаю об этом, считаю, что с ролью командующего войсками фронта он справляется не хуже, чем я, и что вообще постараюсь поскорее вернуться к себе, так как у нас и своих дел много. Ватутин совсем повеселел.

Меня несколько удивляла система работы Ватутина. Он сам редактировал распоряжения и приказы, вёл переговоры по телефону и телеграфу с армиями и штабами. А где же начальник штаба фронта? Генерала Боголюбова я нашёл в другом конце посёлка. Спросил его, почему он допускает, чтобы командующий фронтом был загружен работой, которой положено заниматься штабу. Боголюбов ответил, что ничего не может поделать: командующий всё берёт на себя.

— Нельзя так. Надо помочь командующему. Это ваша прямая обязанность как генерала и коммуниста.

Должен прямо сказать, что Боголюбов по своим знаниям и способностям был на месте. Возможно, излишнее самолюбие помешало ему на этот раз добиться правильных взаимоотношений с командующим.

Боголюбов обещал сделать всё, чтобы не страдало общее дело. Поговорил я и с Ватутиным на эту тему. К замечанию моему он отнёсся со всей серьёзностью.

— Сказывается, что долго работал в штабе, — смущённо сказал он. — Вот и не терпится ко всему свою руку приложить.

Сообща наметили, как выправить положение. Забегая вперёд скажу, что Ватутин блестяще справился с задачей, нанёс такие удары, которые сразу привели гитлеровцев в чувство и вынудили их спешно перейти к обороне.

Свои выводы об обстановке, о мероприятиях, которые уже начали проводиться войсками 1-го Украинского фронта, и о том, что Ватутин как командующий фронтом находится на месте и войсками руководит уверенно, я по ВЧ доложил Верховному Главнокомандующему и попросил разрешения вернуться к себе. Сталин приказал донести обо всём шифровкой, что я и сделал в тот же день. А на следующее утро мне уже вручили депешу из Ставки с разрешением вернуться к себе на Белорусский

фронт».

Так, без осложнений, закончилась командировка на 1-й Украинский фронт. Это была последняя встреча Рокоссовского с Ватутиным. В феврале 1944 года машину командующего 1-м Украинским фронтом обстреляют бандеровцы, Ватутин получит тяжёлое ранение и вскоре скончается в госпитале.

Основные события зимы 1943/44 года происходили на южном крыле фронта. Четыре Украинских фронта^[112] продолжали атаковать противника, освобождая города Украины. Именно туда Ставка направляла резервы, боевую технику и лучшее вооружение. 1-й Белорусский фронт не стоял на месте, его армии тоже вели наступление, но эти удары носили характер второстепенных, отвлекающих от основного направления. И тем не менее успехи были:

«61-я армия овладела Мозырем, 65-я — Калинковичами, 48-я улучшила свои позиции на правом берегу Березины, 3-я армия в исключительно тяжёлых условиях форсировала Днепр, овладела Рогачёвом и плацдармом на западном берегу Днепра у Жлобина. Продвинулась немного на своём левом фланге и 50-я армия, но ей пришлось развернуться фронтом на север, так как сосед — 10-я армия Западного фронта — остался на месте. Эти операции проводились войсками фронта при скудной норме боеприпасов»^[113].

15 апреля, когда наступательный ресурс окончательно иссяк, Ставка остановила наступление, приказав войскам перейти к обороне.

Ещё в декабре 1943 года у Рокоссовского состоялась памятная встреча с Верховным. Она многое определила в его судьбе.

После официальной части Сталин предложил генералам разделить с ним ужин. Это было 21 декабря, в день рождения Сталина и... Рокоссовского. Принесли грузинские вина. Была и водка. На столе добротные закуски. Сталин в этот вечер был весел, разговорчив и по-кавказски гостеприимен.

Рокоссовский впоследствии рассказывал:

«Было далеко за полночь с двадцатого на двадцать первое декабря. Присутствовали некоторые члены политбюро. Обстановка за столом была самая непринуждённая. Взяв меня за руку, Сталин отвёл в сторону и тихо сказал: «Да, мы вас крепко обидели, товарищ Рокоссовский... Ну что ж, бывает... Извините...» Потом мы возвратились к столу. Кто-то провозгласил тост за здоровье Сталина. Закусили. Встав из-за стола, Верховный подошёл ко мне с полным бокалом «хванчары» (его любимого

вина), произнёс тост в мою честь и стал чокаяться со мной так, чтобы верхний край его бокала был бы не вровень с моим, а чуть пониже. Я знал этот грузинский обычай, выражающий особое уважение, и сам поспешил опустить свою рюмку ниже. Сталин повторил свой приём, опустив руку с бокалом ещё ниже, то же сделал и я. В конце концов наши бокалы оказались на полу. Это всех рассмешило».

Сталин ни перед кем не извинялся. И это: «мы вас крепко обидели... Извините...» было, по всей вероятности, не попыткой принести извинения за некое несправедливое прошлое, а скорее признание настоящих заслуг и выражение надежды на будущие победы военачальника, поставленного на важнейший участок фронта. Величайший прагматик, Сталин видел в Рокоссовском того, кто своими армиями сметёт немецкую оборону не только в Белоруссии. Впереди перед войсками Рокоссовского лежала Польша.

Глава двадцать третья

«БАГРАТИОН»

Земля горела...

Вернер Хаунт

Если бы Сталин пошёл ещё дальше и ввёл орден Багратиона, первым его кавалером по праву стал бы Рокоссовский. Его и называли порой — и солдаты, и историки — Советский Багратион.

К 1944 году стало очевидным, что в затянувшейся войне на истощение Сталин переиграл Гитлера, что тот день, когда последний окажется положенным на лопатки, был лишь вопросом времени. Одновременно вчистую переигрывать противника в боях и битвах начали и наши штабы и полководцы.

Рокоссовский давно мечтал о масштабном сражении, где бы он мог от начала, от планирования операции и до решающей атаки и дальнейшего преследования управлять войсками сам. Его великолепно отлаженный штаб и храброе войско к такому сражению были готовы и ждали его.

В марте 1944 года Верховный позвонил Рокоссовскому по ВЧ. Сказал, что Ставка готовит крупную стратегическую операцию. Кратко очертил задачу 1-го Белорусского фронта. И тут же спросил его мнение. «Должен сказать, — вспоминал маршал, — что ещё до этого разговора со Сталиным мы у себя обсуждали такой вариант: объединение в одних руках всего участка от Быхова до Владимир-Волынского. Это давало нам огромные преимущества в манёвре силами и позволяло смело решиться на организацию удара в обход Полесья как с севера, из района Бобруйска, так и с юга, из района Ковеля. Некоторых затруднений в управлении войсками можно было, конечно, ожидать, но это нас не смущало. У нас уже имелся опыт управления войсками в не менее сложной обстановке при ликвидации окружённой в Сталинграде группировки противника. Во всяком случае, легче было организовать управление объединёнными силами, чем согласовывать взаимодействие с соседним фронтом при решении одной общей задачи».

Снова, как и под Сталинградом, а потом под Курском, у Рокоссовского

родилась идея создания мощной группировки, объединённой не только общими задачами, но и единым командованием. И в себе самом, и в своём штабе и войсках он чувствовал ту силу, которая способна сокрушить противника, стоявшего перед его фронтом: он будет либо уничтожен, либо надолго выведен из строя.

К лету перед «белорусским балконом» немцы сконцентрировали группировку в 1 миллион 200 тысяч человек: 63 дивизии и три бригады при 9500 орудиях и миномётах, 900 танках и 1350 самолётах различных типов.

Рокоссовский сказал Сталину, что для успеха предстоящего сражения потребуется самое тесное и до мелочей согласованное взаимодействие с войсками правофлангового 2-го Белорусского фронта, но существует и непреодолимая помеха — фланги разделены широкой полосой лесов и болот.

— Было бы целесообразно, товарищ Сталин, передать нам часть полосы нашего левофлангового соседа 1-го Украинского фронта, — предложил свой вариант Рокоссовский.

Сталин, выслушав своего Багратиона, задумался.

— Товарищ Рокоссовский, скажите, вы в своём штабе уже обсуждали возможные действия ваших войск на этом направлении?

— Да, товарищ Сталин, обсуждали. В случае передачи нам участков фронта вместе с войсками на правом и левом флангах нам значительно легче будет организовать управление объединёнными силами, чем согласовывать взаимодействие с соседними фронтами при решении одной общей задачи.

«Тут как раз в пользу нашего предложения сработал случай, — вспоминал Рокоссовский. — На участке 2-го Белорусского фронта произошла неприятность — противник нанёс удар и овладел Ковелем. Сталин предложил мне быстро продумать наш вариант объединения участка обоих фронтов, сообщить в Ставку и скорее выехать к П. А. Курочкину, командующему 2-м Белорусским фронтом, чтобы сообща принять меры для ликвидации прорыва противника».

Рокоссовский выехал на северное крыло будущей своей группировки, встретился с генералом П. А. Курочкиным^[114] и его штабом. После изучения обстановки пришли к выводу, что накануне решающего сражения проводить частную операцию по освобождению Ковеля нецелесообразно. Рокоссовский доложил об этом в Ставку, и там с их предложением согласились.

Это был уже не 41-й год, когда из Ставки в войска летели категоричные приказы немедленно отбить у противника оставленную

деревню или городок, не считаясь с потерями и общей обстановкой. Верховный главнокомандующий чувствовал силу своих полководцев и доверял их инициативе.

Вскоре Ставка передала Рокоссовскому участок Южного Полесья вместе с войсками. Ширина обороны 1-го Белорусского фронта составляла теперь до 900 километров. Группировка насчитывала десять общевойсковых, одну танковую, две воздушные армии. В подчинение Рокоссовскому переходила также Днепровская речная флотилия. Кроме того, фронт располагал тремя танковыми, тремя кавалерийскими и одним механизированным корпусами.

Противник перед ним стоял по-прежнему мощный, уже показавший, что способен не только эффективно обороняться, но и опасно контратаковать. Против войск правого крыла, закрывая бобруйское направление, стояла 9-я полевая армия генерала пехоты Йордана^[115]. Год назад Рокоссовский с ней уже дрался. Тогда, в ходе операции «Цитадель», 9-я армия под командованием генерала Моделя играла главную партию на северном фланге и яростно атаковала на Курск, пытаясь подсесть основанию курского выступа. У Моделя было до 900 танков, «фердинандов» и штурмовых орудий. Они частично смяли несколько линий боевых порядков 13-й армии генерала Пухова. Но так и не смогли преодолеть глубокую оборону войск Центрального фронта, а потом устоять перед их контратаками. Теперь противников ждала новая встреча.

2-я полевая армия генерал-полковника Вайса^[116] имела в своём составе один танковый и два армейских корпуса и занимала район Пинска и Припяти, углубляясь на восток до 300 километров и нависая над правым флангом 1-го Украинского фронта. Против неё стояла развёрнутая на север и северо-запад 61-я армия генерала Белова.

4-я полевая армия генерала пехоты фон Типпельскирха^[117] и 3-я танковая армия генерал-полковника Рейнгардта^[118] занимали междуречье Березины и Днепра, а также плацдарм от Быхова до Орши.

Для начала Рокоссовский приказал перебросить часть противотанковой артиллерии с правого фланга на левый. Теперь любые попытки противника атаковать нашу оборону с этого направления пресекались самым решительным образом, противник нёс значительные потери в бронетехнике.

Линия фронта в конце концов стабилизировалась. Сама её причудливая конфигурация определяла два совершенно самостоятельных операционных направления: северное — на Бобруйск — Барановичи —

Брест — Варшаву; южное — на Ковель — Хелм — Люблин — Варшаву.

В начале апреля Рокоссовский представил в Ставку план наступления. Первоначальный замысел предполагал удар в направлении Минска — Барановичей — Бреста — Лунина — Бобруйска с выходом на тыловые коммуникации и основные рокады группы армий «Центр». Эту сложную операцию предлагалось осуществить в два этапа. В ходе первого этапа армии левого крыла выходом на позиции противника вдоль Западного Буга от Бреста до Владимира-Волынского «подрубали» выступ с юга и таким образом лишали противника устойчивости. После охвата правого фланга группы армий «Центр» должны были перейти в атаку все войска фронта и покончить с бобруйской и минской группировками. Затем, опираясь на занятые позиции по Западному Бугу и закрывшись заслонами от возможных контратак противника с запада и северо-запада, армии левого фланга из района Бреста должны были ударить в тыл белорусской группировки врага в направлении Кобрин — Слоним — Столбцы. И одновременно с этим манёвром предполагалось армиями правого крыла обрушиться из района Рогачёв — Жлобин на оборону противника в направлении Бобруйск — Минск. Рокоссовский замышлял в районе Минска «котёл» куда масштабнее сталинградского. Но операция такой сложности требовала времени и дополнительных резервов. По расчётам штаба, для полного успеха фронту требовались как минимум ещё две танковые армии.

Ставка, к сожалению, не могла обеспечить эту смелую и сложную операцию с глубокими и размашистыми ударами на охват. Однако замысел Рокоссовского послужил основой для другого плана, который и будет вскоре осуществлён. Бывший начальник Оперативного управления Генштаба генерал С. М. Штеменко вспоминал: «Идея о направлении ударов и последовательности действий войск, обусловленная в значительной степени разделявшими 1-й Белорусский фронт огромными массивами лесов и болот, была использована Оперативным управлением Генерального штаба при последующем планировании операций».

План операции доводили в Генштабе. Масштабы нового наступления расширялись. Теперь в него вовлекались также силы 2-го Белорусского, 3-го Белорусского и двух Прибалтийских фронтов. Летняя атака 1944 года приобретала очертания гигантского замысла. Каждый фронт выполнял свою задачу, одновременно способствуя выполнению задачи соседа; армейские и фронтовые операции складывались в одну общую картину под названием «Багратион».

Пётр Иванович Багратион (1765–1812) ничего подобного в своей

жизни и войнах не знал и, должно быть, был бы счастлив в предстоящем сражении командовать хотя бы корпусом.

11 мая Рокоссовский в очередной раз с фронта отбыл в Москву и представил план, изменённый в соответствии с общими задачами фронтов центра и северного крыла.

Рокоссовский: «Мы готовились к боям тщательно. Составлению плана предшествовала большая работа на местности, в особенности на переднем крае. Приходилось в буквальном смысле слова ползать на животе. Изучение местности и состояния вражеской обороны убедило в том, что на правом крыле фронта целесообразно нанести два удара с разных участков: один — силами 3-й и 48-й армий из района Рогачёва на Бобруйск, Осиповичи, другой — силами 65-й и 28-й армий из района нижнее течение Березины, Озаричи в общем направлении на Слуцк. Причём оба удара должны быть главными. Это шло вразрез с установившимся взглядом, согласно которому при наступлении наносится один главный удар, для чего и сосредотачиваются основные силы и средства. Принимая несколько необычное решение, мы шли на известное распыление сил, но в болотах Полесья другого выхода, а вернее сказать — другого пути к успеху операции у нас не было».

В двадцатых числах мая Рокоссовский снова прибыл в Ставку. Здесь собрались командующие войсками фронтов, которым предстояло действовать в новом наступлении. На совещании присутствовали члены Ставки и политбюро. План Рокоссовского подвергся критике. Удар левого крыла фронта на люблинском направлении был одобрен. Когда же комфронта изложил концепцию второго удара группировкой правого крыла, возникла заминка. Сталин потребовал нанесения сильного удара в одном месте, одной мощной группировкой. Рокоссовский стоял на своём: необходимо нанести два удара. Именно в таких обстоятельствах, настаивал комфронта, противник будет лишён возможности перебрасывать свои силы с одного оперативного направления на другое, и это даст возможность избежать больших потерь, а общий удар будет иметь наибольшую силу.

— Товарищ Рокоссовский, — наконец не выдержал Верховный напора своего Багратиона, — предлагаем вам выйти в соседнюю комнату и хорошо подумать.

Рокоссовский вышел. О чём он думал? О том, что совсем недавно довелось пережить в ленинградских «Крестах»? О семье? О своих боевых товарищах, с кем вместе создавал этот дерзкий план, ломающий многие представления и стереотипы войны? А план действительно хорош, и надо его во что бы то ни стало отстоять.

— Ну, что вы нам скажете, товарищ Рокоссовский? — спросил Верховный, когда время размышлений иссякло и он вернулся в комнату, где продолжалось заседание Ставки.

— Товарищ Сталин, я ещё раз обдумал план предстоящей операции и считаю верным замысел прорыва обороны противника двумя ударными группами: одной — севернее Рогачёва, другой — южнее Паричи. — Рокоссовский доложил и умолк.

Наступила тишина. Такую тишину мог нарушить только один человек, находившийся в те минуты в Ставке. Он тоже молчал. Для некоторых из присутствующих упорство командующего войсками 1-го Белорусского фронта выглядело дерзостью. Но реакция Сталина была сдержанной. Он снова предложил Рокоссовскому пройти в боковую комнату и ещё раз «хорошенько подумать».

Следом за комфронта в комнату для размышлений вышли партийные работники и члены ГКО Г. М. Маленков и В. М. Молотов. Маленков начал резко:

— Генерал, вы не забываетесь! Вы же не в своём штабе находитесь! Вы возражаете товарищу Сталину...

— Товарищ Рокоссовский, — сказал Молотов, когда его коллега Маленков, кажется, выговорился и пора было подвести итог, — советую вам согласиться с мнением Верховного главнокомандующего.

Времена, когда в Ставке спорили, порой до крика и матерщины, миновали. Даже Жуков в последнее время здесь разговаривал весьма корректно.

— Товарищ Рокоссовский, — сказал Сталин, когда они вернулись для окончательного решения, — скажите нам, что же всё-таки лучше: два слабых удара или один сильный?

Стало очевидным: Верховный подвёл черту — «два слабых удара...». Но почему — слабых?!

— Лучше, товарищ Сталин, два сильных удара и оба — главные.

Снова зазвенела тишина, застучала в затылке тугими ударами крови, как напоминание о «Крестах»...

— Хорошо, — неожиданно согласился Сталин. — Настойчивость командующего фронтом доказывает, что организация наступления тщательно продумана. А это надёжная гарантия успеха.

Основная нагрузка в операции «Багратион» ложилась на 1-й Белорусский и 3-й Белорусский фронты. Их ударные группировки должны были с ходу прорвать оборону противника, энергично продвинуться на запад и сомкнуться своими флангами западнее Минска, захлопнув своим

стремительным и размашистым манёвром огромный «котёл».

3-м Белорусским фронтом в то время командовал генерал Черняховский.

Войска Рокоссовского провели удары в Белоруссии блестяще.

Маршал вспоминал: «В ночь на 24 июня мы с генералом Телегиным^[119], Казаковым и Орлом поехали в 28-ю армию. Наблюдательный пункт командарма А. А. Лучинского^[120] был оборудован в лесу. Тут была построена вышка, высота которой равнялась росту самых мощных сосен. С неё мы и решили наблюдать за развитием сражения на этом участке. Представитель Ставки Г. К. Жуков, в своё время горячо отстаивавший идею главного удара с днепровского плацдарма 3-й армии, отправился туда. Уезжая, Георгий Константинович шутя сказал мне, что они с Горбатовым подадут нам руку через Березину и помогут вытащить войска из болот к Бобруйску. А вышло-то, пожалуй, наоборот».

Жуков в «Воспоминаниях и размышлениях» о начале операции и состоянии немецкой обороны на южном и северном участках прорыва писал: «Как мы и предполагали, немецкое командование меньше всего ожидало в этом районе удара наших войск. Поэтому оборона противника здесь, по существу, была очаговой, сплошной обороны не существовало. Иначе обстояло дело в районе Рогачёва. Там оборона противника была более сильной, а подступы к ней находились под обстрелом его огневой системы».

На это и делал свой расчёт штаб 1-го Белорусского фронта. Ударить там, где противник атаки не ждёт. Бойцы по болотам пробирались в специально изготовленных мокроступах, какими испокон веков здесь, в болотном краю, пользовались местные жители. Танки через топи пустили по бревенчатым гатям. Поработать пришлось основательно. Больше месяца бойцы не выпускали из рук топоры и пилы. Как сказал поэт Михаил Кульчицкий: «Война — совсем не фейерверк, а просто — трудная работа...» Гати изготовили заблаговременно, а подтаскивали их из тыла и соединяли скобами уже под гул артиллерийского огня. Немецкая разведка о готовящемся прорыве на этом участке так ничего и не узнала.

На рогачёвском направлении армии Горбатова и Романенко, поддерживаемые 9-м танковым корпусом, встретили упорнейшее сопротивление противника. На некоторых участках пришлось буквально прогрызать его, используя артиллерию и штурмовую авиацию. Немцы держались из последних сил, хорошо понимая, что произойдёт, если советские войска прорвут оборону на всю глубину и введут в прорыв

подвижные части.

На паричском направлении армии Батова и Лучинского при поддержке 1-го Донского танкового корпуса генерала М. Ф. Панова^[121] и конно-механизированной группы генерала И. А. Плиева сразу же взломали немецкую оборону, расширили прорыв до 30 километров и ринулись в тыловые районы. На второй день прорыв удалось увеличить. Противник начал отходить на север и северо-запад.

На исходе первого же дня успех вполне определился, и в последующие сутки Рокоссовский последовательно наращивал удар, делая ситуацию необратимой. Нерв гигантской атаки он как командующий постоянно держал в своей руке. Штаб работал как часы.

Позвонил Жуков:

— Поздравляю с успехом! Болота вы проскочили лихо, по-кавалерийски! Похоже, что руку придётся подавать вам — Горбатову, с южного берега Березины.

26 июня к исходу дня Батов доложил: его авангарды вышли к Березине южнее Бобруйска. Лучинский продвигался в том же темпе: передовые соединения форсировали реку Птичь и с ходу овладели Глуском. Южная группировка вышла на оперативный простор.

Вскоре и северная ударная группировка после повторной артподготовки проломила бреши в немецкой обороне. Горбатов рисковал, бросая в бой на неподавленную противотанковую оборону две танковые бригады. Риск оправдался. Уже на следующий день в прорыв был введён весь 9-й танковый корпус генерала Б. С. Бахарова^[122]. К утру 27 июля танкисты Бахарова, прорвавшись в тыл немецкой группировки, вышли на восточный берег Березины, перехватили шоссе и переправы северо-восточнее Бобруйска. Началось формирование бобруйского «котла».

29 июня Бобруйск был взят.

В бобруйском «котле» оказались немецкие войска численностью до сорока тысяч человек. Их основательно блокировали группировки 3, 48 и 65-й армий 1-го Белорусского фронта, а затем без промедления, энергично начали сдавливать. Часть окружённых была уничтожена, часть захвачена в плен.

Уничтожение бобруйского «котла» проходило стремительно и жестоко. Участники тех боёв оставили множество воспоминаний, среди которых истории, рассказывающие о пресечении попыток немцев вырваться из окружения. Дело в том, что Гитлер приказал своим войскам в Белоруссии стоять насмерть. В это время в Нормандии союзники высадили воздушный

и морской десант^[123], захватили побережье и начали развивать наступление вглубь материка. Именно на отражение десанта англичан, американцев, канадцев и французов, составлявших основу армии союзников, Гитлер бросил все свои резервы, подкрепив сражавшихся в Белоруссии лишь жёсткими приказами и Железными крестами.

Всё очень напоминало сталинградскую историю. Вечером 24 июня, изучив донесения командиров корпусов и командующих армиями, фельдмаршал Буш^[124] запросил разрешения отвести войска за Днепр с последующим сокращением линии фронта для уплотнения обороны. Гитлер в категоричной форме отверг предложение командующего группой армий «Центр». Спустя месяц фюрер и вовсе заменит, как ему казалось, ненадёжного Буша на «гения обороны» фельдмаршала Моделя, который не раз уже спасал положение на Восточном фронте.

Немецкая военная машина всё чаще давала сбои. Командиры вермахта, которые в начале войны буквально подавляли своего противника инициативой и гибкостью управления войсками, теперь были лишены этой инициативы. Проиграв политическую битву своему главному и самому опасному сопернику — Сталину, Гитлер кинулся лично управлять армиями, наивно полагая, что сможет победить на поле боя. Но здесь он столкнулся с молодыми маршалами и генералами Сталина, которые к этому времени окончательно овладели инициативой и уже не собирались выпускать её из рук.

4-я полевая армия группы армий «Центр», контратакуя и всё ещё надеясь на благополучный исход, пятилась к польской границе. Её командующий генерал Типпельскирх впоследствии писал: «В начале июля участь 9-й и 4-й армий была решена. В то время как по крайней мере части сил 9-й армии (в общей сложности около 15 тысяч человек) без тяжёлого оружия и артиллерии удалось соединиться с высланной навстречу в район северо-восточнее Слуцка танковой дивизией, слабые силы, которыми командование 4-й армии надеялось прикрыть отход своих корпусов к Березине, всё больше отходили под ударами противника с флангов. Западнее Березины противник нанёс удары на север в район Бобруйска и на юг через Борисов, удержание которого после отвода 5-й танковой дивизии оказалось невозможным. Чтобы не потерять последние остатки войск и не открыть окончательно дорогу на Минск, 4-й армии пришлось уйти с Березины».

Типпельскирх, конечно же, смягчает. Корпуса его 4-й полевой армии были буквально смяты ураганом артиллерийского огня и массированными

налётами советской авиации, а потом разрезаны ударами пехоты и бронетанковых частей 1-го Белорусского фронта. Армия, которая летом 1941 года кромсала наши войска под Смоленском, Рославлем и Вязьмой, а зимой угрожала Москве, армия, которая упорно и умело удерживала ржевский выступ, а потом обороняла северный фас Курской дуги, не давая советским войскам овладеть Брянском и выйти на тылы рославльской группировки, была наконец разбита — рассеяна, уничтожена, пленена. Она фактически перестала существовать.

Вот как описывает атмосферу, царившую в окопах группы армий «Центр», бывший офицер Восточного фронта, а впоследствии немецкий историк и военный публицист Вернер Хаупт:

«Было 2.30 ночи 24 июня, когда вдруг по главной линии обороны 134-й пехотной дивизии ударили сотни орудий советской 3-й армии. Снаряды непрерывно сыпались на окопы, опорные пункты, огневые точки, блиндажи, гати и огневые позиции артиллерии. Когда на горизонте забрезжил рассвет, полки штурмовиков начали пикировать на передовые позиции. Не осталось ни одного квадратного метра земли, который бы не был перепахан. В эти минуты гренадеры в окопах не могли поднять головы. Артиллеристы не успели добежать до своих орудий. Линии связи были нарушены в первые же минуты. Адский грохот стоял 45 минут. После этого русские перенесли огонь в наш тыл. Там он пришёлся по местам расположения тыловых служб. При этом была повреждена квартирмейстерская служба и почти полностью уничтожен 134-й отряд полевой жандармерии. Ни одна обозная повозка не уцелела, ни один из грузовиков не заводился. Земля горела.

Потом на узком фронте пошли в атаку советские стрелковые дивизии. Во втором эшелоне через Друть двинулись тяжёлые танки по мостам, наведённым советскими сапёрами. Орудия 134-го артиллерийского полка, уцелевшие в огненном вихре, открыли огонь. Гренадеры на передовой приникли к карабинам и пулемётам, готовясь дорого продать свою жизнь. Несколько штурмовых орудий 244-го дивизиона проехали в восточном направлении. Начался ближний бой.

Наступление приходилось отражать практически по всему фронту. Хотя первые цепи вражеских стрелков удалось отразить ещё перед линией обороны, атакующие второй волны уже смогли ворваться на позиции. Связи между полками, батальонами и ротами не было уже с утра. Волна русских стрелков, а затем и танков просачивалась во все бреши.

Оборонявшийся южнее Озерани 445-й гренадерский полк не смог долго держать оборону. Потери были велики. Все командиры рот были

убиты или ранены. Лейтенант Нойбауэр (адъютант 1-го батальона), который погиб через несколько дней, и лейтенант Цан, офицер для поручений 2-го батальона, были ранены. Полковник Кушински был обессилен от ранения. Когда вечером полк был подвергнут массированному налёту авиации, главная линия обороны была прорвана. 445-й гренадерский полк перестал существовать как воинская часть. <...>

26 июня остальные армии группы армий «Центр» тоже вели последнее сражение в своей истории.

В тот день 4-я армия больше уже не занимала ни левого, ни правого фланга. Находившийся в её центре, в Могилёве, 39-й танковый корпус был уже рассеян. Померанская 12-я пехотная дивизия генерал-лейтенанта Бамлера получила строгий приказ оборонять Могилёв. Остальные дивизии получили приказ от командира корпуса: «Всем войскам прорываться на запад!»

Гитлер, находившийся в своей дальней ставке в Раценбурге (Восточная Пруссия), приказывал докладывать ему ежечасно о положении в группе армий и в армиях. Овладев, как ему казалось, новым и перспективным стилем управления войсками, он неумоимо отдавал «приказы фюрера» — прямые указания командирам дивизий.

Командующий группой армий «Центр» 27 июня прибыл в ставку фюрера. Здесь фельдмаршал потребовал отвести группу армий за Днепр и оставить «крепости» Орша, Могилёв и Бобруйск. (Он не знал, что в этот день бои за Могилёв уже заканчиваются, после того как маленькой боевой группе генерал-майора фон Эрдмансдорфа всего за несколько часов удалось остановить наступающие русские войска. С 26 июня над Могилёвом развевались только советские знамёна.) Здесь, на юге, началось то же самое, что до этого происходило на северном участке фронта: бесславное отступление и ещё более позорное бегство немецких боевых групп в западном направлении. 27 июня организованного фронта группы армий «Центр» больше не существовало.

Командующий 4-й армией в тот день приказал без разрешения командования группы армий начать общее отступление. Генерал пехоты фон Типпельскирх перенёс свой командный пункт за Березину. Своим войскам, тем, с которыми он ещё мог связаться по радио, он дал приказ отходить на Борисов, а затем — на Березину. Но многим боевым группам выбраться отсюда уже не удалось. Среди них было и управление 39-го танкового корпуса, пропавшее без вести где-то в лесах и болотах под Могилёвом. Не вышел из окружения и 12-й армейский корпус. Его остатки капитулировали в лесах и болотах между Могилёвом и Березиной.

В эти же дни завершилась история 9-й армии. Её правый фланг — 35-й армейский корпус, командование которым принял 22 июня генерал-лейтенант фрайгерр фон Лютвиц, был разгромлен ещё в первый день битвы. 134-я пехотная дивизия генерал-лейтенанта Филиппа и 296-я пехотная дивизия генерал-лейтенанта Кульмера были рассечены под Рогачёвом и южнее от него.

Русские танки просто переправились через Друть, приток Днепра. (Там за несколько дней до этого сапёры Красной Армии навели мосты, находившиеся ниже поверхности воды. Немецкая артиллерия строительству помешать не могла, так как у неё не было боеприпасов.) Обойдённая мощными танковыми батальонами пехота 35-го армейского корпуса смогла оказать серьёзное сопротивление лишь в нескольких местах. Затем механизированные части противника проложили себе свободную дорогу на запад».

Вернер Хаупт оставил также любопытное наблюдение о том, как шло наступление советских войск и каким образом они добивались успеха:

«...Во время артиллерийской подготовки огонь не вёлся по отдельным полосам болот и по лощинам. По ним ещё во время канонады бегом из глубины продвигались передовые отряды наступающих. Дивизии противника наступали на фронте шириной от 1 до 2 километров. Используя такую тактику, противник частично обошёл окопы с тыла, частично, не обращая внимания ни на что, прорывался в глубину обороны. Поскольку наше тяжёлое пехотное вооружение и артиллерия сами в это время находились под сильным артиллерийским огнём противника, а часть узлов сопротивления была разрушена и разгромлена, их ответный огонь не приносил желаемых результатов.

На правом фланге русские также наступали при поддержке танков, прорвались в северо-западном направлении и вскоре с трёх сторон подошли к огненным позициям артиллерии. К полудню она уже вышла на вторую линию обороны. Противник постоянно подтягивал из глубины к участкам прорывов новые силы пехоты и танков».

Сталин в 1941 году под Москвой тоже пытался командовать войсками и по телефону управлять дивизиями. Но вскоре целиком положился на военных. Гитлер своим военным уже не доверял. Маятник войны качнулся в другую сторону...

Командармы со своими штабами сами знали, что делать. Рокоссовский старался не вмешиваться в их работу. Лишь когда требовала ситуация, он направлял на атакованный участок свой резерв, выправляя общее положение. Всё шло по плану.

Любопытный эпизод приводит в своих воспоминаниях бывший заместитель командующего фронтом по тылу генерал Н. А. Антипенко^[125]:

«11 июля 1944 года для войск 65-й армии сложилась благоприятная обстановка: они могли бы с ходу, т. е. с минимальными потерями, форсировать реку Шара. Но боеприпасов в войсках было настолько мало, что и в случае успеха удерживать плацдарм им было бы нечем. Поэтому командующий фронтом генерал армии К. К. Рокоссовский, находившийся в расположении 65-й армии, прежде чем разрешить форсирование реки Шара, вызвал к проводу начальника тыла фронта и спросил: могут ли быть поданы к установленному сроку 500 тонн боеприпасов? Командующий подчеркнул исключительную важность решения этого вопроса для всей операции фронта. Не желая получить немедленный, а потому, быть может, и опрометчивый ответ, Рокоссовский дал два часа на подсчёты и добавил: «Если нет такой возможности, так прямо и скажите. Я задержу дальнейшее продвижение войск».

Боеприпасы на плацдарм доставили. Но этот эпизод — свидетельство того, что Рокоссовский мог пожертвовать удачей ради человеческих жизней.

«Преследование противника, — наставлял фон Клаузевиц, — второй акт победы, в большинстве случаев более важный, чем первый». Противника перед своим фронтом в период проведения операции «Багратион» Рокоссовский преследовал стремительно, по ходу боёв загоняя его в большие и малые «котлы». Однако в ходе преследования случались и ошибки и, как следствие, происходили трагедии. Доверие Рокоссовского к своим генералам порой приводило к неоправданным потерям.

В азарте наступления 47-я армия генерала Н. И. Гусева^[126] 6 июля ворвалась в Ковель, энергично очистила город и при поддержке 11-го танкового корпуса генерала Ф. Н. Рудкина^[127] кинулась преследовать отступающего врага. В какой-то момент танковые подразделения вырвались вперёд. Наступали без предварительной разведки. И вскоре напоролась на хорошо организованный огонь немецких противотанковых орудий. Это был район, насыщенный огневыми средствами, с минными полями и заграждениями. Наши танки горели как свечи...

16 июля из Ставки пришёл приказ: «Командующий 1-м Белорусским фронтом Маршал Советского Союза Рокоссовский, лично руководивший действиями войск на ко-вельском направлении, организацию боя 11-го танкового корпуса не проверил. В результате этой исключительно плохой организации ввода в бой танкового корпуса две танковые бригады,

брошенные в атаку, потеряли безвозвратно 75 танков. Ставка Верховного Главнокомандования предупреждает Маршала Советского Союза Рокоссовского о необходимости впредь внимательной и тщательной подготовки ввода в бой танковых соединений...»

Ещё 29 июня, когда войска 1-го Белорусского фронта добивали в «котле» бобруйскую группировку противника, вышел Указ Президиума Верховного Совета СССР «О присвоении генералу армии Рокоссовскому Константину Константиновичу воинского звания Маршал Советского Союза». Бывший царский драгун получил свой маршальский жезл неподалёку от тех мест, где 30 лет назад лихо рубил в сабельном бою немецких улан.

В эти дни произошло много событий. Среди них и радостные, и трагические.

В Москве наконец состоялся «парад» немецких войск. По центральным улицам и площадям провели 57 тысяч пленных солдат и офицеров группы армий «Центр», захваченных под Минском, Витебском, Могилёвом, Бобруйском. Колонну возглавляли 19 генералов. Это была одна из самых удачных операций НКВД в годы войны, её кодовое название — «Большой вальс». Надо заметить, что среди маршировавших по Москве была довольно большая колонна пленных французов из различных коллаборационистских формирований, воевавших в рядах вермахта, а также выполнявших в Белоруссии карательные функции.

16 июля, почти одновременно с приказом из Ставки по поводу гибели танковых бригад 11-го танкового корпуса, поступило донесение из конно-механизированной группы Плиева: в бою близ Пружан при замыкании пружанского «котла» погиб генерал Бахаров. Позже Рокоссовский узнал подробности гибели командира 9-го танкового корпуса, которого очень ценил за исполнительность, хладнокровие в бою и человеческую порядочность. После разгрома немцев под Барановичами корпус запечатал очередной «котёл» в районе Пружан, оседлав шоссе Пружаны — Брест. Танки Бахарова патрулировали дорогу, не позволяя немцам уйти на запад. Генерал с охраной выехал для очередной проверки состояния своих бригад, значительно поредевших после двадцати суток непрерывных боёв. На одном из переездов кортеж штабных машин выскочил прямо под огонь немецкого противотанкового орудия. Противотанковая болванка пробила грудь командира корпуса, он умер мгновенно. Рокоссовский приказал перенести тело храброго генерала в только что освобождённый Бобруйск и похоронить со всеми воинскими почестями. На могиле своего командира

танкисты установили танк Т-34, башенный номер «300». Он стоит и поныне.

Войска четырёх фронтов успешно завершили первую фазу наступления в Белоруссии. 4 июля Ставка отдала приказ на продолжение наступления. 8 июля рокоссовцы освободили Барановичи, 14-го — Пинск, 20-го — Кобрин.

«Лучшая стратегия состоит в том, чтобы всегда быть возможно более сильным; это значит прежде всего — быть вообще сильным, а затем — и на решающем пункте». Эту формулу фон Клаузевица Рокоссовский классически подтверждал решительными и мощными ударами войск своего фронта в дни Белорусской наступательной операции.

Глава двадцать четвёртая

RODZINNY POLSKA! [\[128\]](#)

Неужели же вы считаете, что мы не взяли бы Варшаву, если бы были в состоянии это сделать?..

К. К. Рокоссовский

Историк группы армий «Центр» Вернер Хаупт о тех днях писал:

«...Под Минском бои ещё продолжались. В густых лесах и топких болотах восточнее города продолжали истекать кровью 28 дивизий и 350 тысяч их солдат. Силы группы армий «Центр» иссякли.

Хотя фельдмаршалу Моделю западнее Минска снова удалось создать линию обороны, на которой расположились 4-я, 5-я и 12-я танковые, 28-я егерская, 50-я и 170-я пехотные дивизии, вокруг которых собирались остатки разгромленных частей, но 8 июля пали Барановичи, 9 июля — Лида, 13 июля — Вильнюс, 16 июля — Гродно, а 28 июля — Брест.

Группа армий «Центр» снова стояла там, откуда 22 июня 1941 года отправилась в поход против Советского Союза.

Позади остались тысячи кладбищ с похороненными на них военнослужащими всех званий. Позади остались эшелоны с тысячами пленных, ехавших в неизвестность всё дальше на восток...

История группы армий «Центр», наиболее мощного объединения немецких сухопутных войск, три года назад перешедшего советско-германскую границу, на этом завершилась».

Ещё в начале июля, когда авангарды 48-й и 65-й армий дрались в районе Барановичей, формируя очередной «котёл», Ставка утвердила план штаба 1-го Белорусского фронта на проведение Люблин-Брестской наступательной операции. По замыслу Рокоссовского, войска фронта должны были уничтожить люблинскую и брестскую группировки противника охватывающими ударами в обход Брестского укрепрайона с севера и с юга, а затем, продолжая наступать на варшавском направлении, выйти на рубеж реки Вислы.

Наступление началось 18 июля. Пять общевойсковых, одна танковая и одна воздушная армии обрушились на вновь созданную оборону

противника. В те дни остатками группы армий «Центр» и резервами, срочно переброшенными на варшавское направление с других участков Восточного фронта, командовал «гений обороны» фельдмаршал Модель. Он заменил фельдмаршала Буша ещё 28 июня и прибыл в штаб группы армий в Лиду, чтобы остановить бегущие войска, собрать их на новой линии и остановить разразившуюся катастрофу. Модель прибыл в Белоруссию не один. В ближайшие же дни с южного и северного участков Восточного фронта сюда начали стягивать резервы. До 16 июля на латание дыр и ликвидацию образовавшихся брешей в своей обороне немцы перебросили в распоряжение Моделя 46 дивизий и четыре бригады. Среди них были также венгерские и французские части. Но ни Минск, ни Лиду, ни Барановичи новый командующий удержать не смог. Потому что гению обороны пришлось противостоять гению наступления.

20 июля в рамках Люблин-Брестской операции войска 1-го Белорусского фронта продолжали развивать наступление в направлениях Бельск, Брест, Холм. 61-я армия генерала Белова в этот день овладела Кобрином. 47-я армия генерала Гусева главными силами вышла на восточный берег реки Западный Буг и дивизиями левого крыла с ходу форсировала реку. 8-я гвардейская армия генерала Чуйкова, снова переданная фронту Рокоссовского, захватила переправы в районе Опалина, успешно переправила на западный берег тяжёлое вооружение и технику и энергично расширяла плацдарм. 69-я армия генерала Колпакчи ^[129] главными силами вышла к Западному Бугу и начала переправу.

Рокоссовский с офицерами штаба приехал на берег Западного Буга на одну из переправ в тот момент, когда реку гнедым, вороным и разномастным потоком переходила конница. Командир 2-го гвардейского кавалерийского корпуса генерал Крюков подлетел к машине на взмыленном коне, спешил и браво доложил обстановку.

Маршал некоторое время смотрел на поток конницы, на то, как всадники умело и ловко управляли своими лошадьми и быстро выскакивали на песчаный западный берег. Одни в простых армейских гимнастёрках, другие в чёрных бешметах с газырями и все, несмотря на летнюю жару, — в кубанках, лихо, по-казацки сдвинутых на затылок. Кавалерия!

Всё это, и конница, нескончаемым потоком текущая через Западный Буг, и пейзаж на той стороне реки, всколыхнуло в маршале далёкое прошлое. Там, за рекой, была уже *rodziny Polska*.

Ровно 30 лет назад судьба унесла его, восемнадцатилетнего драгуна Каргопольского полка, из родной Польши. Вначале на фронт Первой

мировой, потом Гражданской, затем в далёкую Даурию, в Монголию и Китай. А теперь он возвращался сюда с огромным, миллионным войском в чине маршала уже другой страны.

Ни в мемуарах, ни в письмах семье, ни в воспоминаниях тех, кто в те дни был с ним рядом, Рокоссовский не оставил и следа того настроения, того душевного состояния, которое наверняка владело им. Что думал он, ступая на песчаный берег родной Польши?

Во втором эшелоне ударной группировки фронта шли части 1-й польской армии, в том числе и пехотная дивизия имени Тадеуша Костюшко. Ещё 6 мая 1943 года Государственный Комитет Обороны СССР издал постановление № 3294 «О формировании 1-й польской пехотной дивизии имени Тадеуша Костюшко». Дивизия вскоре была сформирована в Селецких лагерях под Рязанью. Комплектовалась и обеспечивалась по гвардейским штатам РККА. Численность дивизии — 14 тысяч 800 человек. Формировалась по инициативе Союза польских патриотов исключительно из польских граждан СССР. Три полка и различные службы. Кроме того, в дивизию входил 1-й женский пехотный батальон имени Эмилии Плятер. В стадии формирования находился танковый полк. Дивизию обмундировали в польскую форму образца 1939 года. Однако знаки различия у неё были свои. Кокардой стал «пястовский орёл», близкий душе каждого этнического поляка. В 1955 году дивизию преобразуют в 1-ю варшавскую механизированную дивизию Войска Польского. 1-я польская армия 21 июля объединилась с партизанской Армией Людовой в единое Народное Войско Польское. Ради исторической правды надо заметить, что все воины Войска Польского, имевшие советское гражданство, пользовались всеми налоговыми и иными льготами наравне с солдатами и офицерами РККА: семьи военнослужащих получали пенсии и пособия, в том числе имели «право на получение дополнительной материальной помощи и на земельные участки под индивидуальные и коллективные огороды». В Войске Польском не хватало офицеров, и Рокоссовский направил в их дивизии и полки советских офицеров.

Генералы же у поляков были свои — Зигмунд Берлинг, Александр Завадский, Кароль Сверчевский, Владислав Корчиц. Как вскоре убедился Рокоссовский, это были хорошие, опытные командиры, храбрые офицеры.

Первые бои частей Войска Польского показали их высокий боевой дух, но и выявили многие недостатки подготовки солдат. Опыт и навыки пришлось приобретать уже непосредственно в ходе наступления.

23 июля был взят Люблин. Первый крупный польский город, освобождённый Красной армией совместно с Войском Польским. Двумя

днями раньше на освобождённой польской земле патриотически настроенные поляки создали Польский комитет национального освобождения, взявший на себя роль центрального исполнительного органа народной власти. Комитет тут же издал манифест:

«Поляки на родине и в эмиграции!

Поляки под немецким игом!

Соотечественники!

Пробил час освобождения. Польская армия вместе с Красной Армией перешла через Буг. Польский солдат сражается на своей родимой земле. Над истерзанной Польшей вновь реют бело-красные флаги...»

В день освобождения Люблина на Замковой площади собрались тысячи горожан. Начался митинг. Полякам объявили о создании Польского комитета национального освобождения. Состоялся парад Войска Польского. Поляки ликовали: «Мы ждали освобождения с востока и не ошиблись!» Когда слово дали командующему советскими войсками, высокому стройному маршалу, тот неожиданно заговорил по-польски. Толпа ликовала.

В те же дни командующий Армии Крайовой генерал Тадеуш Бур-Коморовский писал свой манифест:

«В Польшу вступают Советы, одной из целей которых является ликвидация независимости Польши^[130] или, по меньшей мере, политического подчинения её Советам после того, как у Польши отрежут восточные области. Без чёткого представления такого положения нельзя добиться мобилизации всех польских сил в политической кампании, которую мы должны вести против России и выиграть её. В этой кампании рассчитывать на помощь англосаксов мы можем только в том случае, если продемонстрируем решительную волю её выиграть и умело бросим на чашу весов все средства. Способы действия Советов будут разнообразными и очень гибкими, они могут выражаться как в грубой форме оккупации и террора, так и во внешне доброжелательном воздержании от вмешательства во внутренние польские дела при одновременном возбуждении части общества и распространении анархии сверху, чтобы потом вмешаться от имени части польского народа или для наведения порядка.

Нашим решением должно быть:

1. Не прекращать ни на минуту борьбы с немцами.
2. Духовно мобилизовать на борьбу против России всё общество в стране, не исключая те элементы, которые могли бы попасть под советское влияние и способствовать разложению единого польского фронта.
3. Преодолеть провокационную деятельность профашистской

организации ОНР^[131], которая своими безответственными выступлениями может нарушить единство польского фронта, что можно представить как диверсию, такую желанную для Советов.

4. Оттянуть от Советов как можно больше польских элементов, которые уже находятся в их распоряжении и используются как польская карта в международной игре.

5. В случае попытки захвата Польши начать открытую борьбу против Советов».

Это была другая Польша. И она встретила своих освободителей враждебно. Бур-Коморовский и его партия, как мы видим, при приближении Красной армии и Войска Польского к Варшаве призвали поляков ни много ни мало «на борьбу против России».

Польская тема... Как запутана и трудна она!

В конце июля наши войска вели тяжёлые бои в Прибалтике и Восточной Пруссии. Южнее позиций наступающих армий Рокоссовского части 1-го Украинского фронта проводили Львовско-Сандомирскую наступательную операцию.

Армии 1-го Белорусского фронта, расправившись с окружённой брестской группировкой, продолжали атаковать на варшавском направлении, охватив польскую столицу с юго-востока и юга. Однако сопротивление противника в какой-то момент стало непреодолимым.

Приведу хронику боёв в секторе войск Рокоссовского в канун Варшавского восстания и во время боёв повстанцев с немецким гарнизоном.

29 июля 1944 года. 2-я танковая армия, обходя опорные пункты противника, наступала в направлении на Варшаву. Авангарды 69-й армии на подручных средствах форсировали Вислу и начали с боем расширять захваченные плацдармы. 28-я армия во взаимодействии с частями 70-й армии закончила ликвидацию последних очагов сопротивления окружённой группировки противника в районе западнее Бреста.

30 июля 1944 года. Войска продолжали наступление в направлениях Цехановец, Соколув-Подляски, Варшава. На некоторых участках продвинулись до 15 километров. 48-я армия овладела городом Бельск. Конно-механизированная группа продолжала упорные бои за город Седльце. 2-я танковая армия, наступая на варшавском направлении, овладела городом Огвоцк. 69-я армия вела бои на западном берегу Вислы, продолжая форсирование реки и расширение плацдармов.

В этот день вышел Указ Президиума Верховного Совета СССР о

присвоении Рокоссовскому звания Герой Советского Союза.

31 июля 1944 года. Войска фронта продолжали наступление в направлениях Соколув-Подляски, Варшава. Конники 2-го гвардейского кавалерийского корпуса овладели городом Седльце. 2-я танковая армия прорвалась к предместью Варшавы — Праге, однако была отбита встречным контрударом сильной группировки противника (пять танковых и две пехотные дивизии). 3-й танковый корпус сдерживал противника, неоднократно контратаковавшего из района Праги. Сильные налёты авиации противника. 8-й гвардейский танковый корпус овладел городами Минск-Мазовецкий, Окунёв. 1-я польская армия предприняла попытку форсирования Вислы, но под мощным огнём противника вынуждена была отойти на исходные позиции. 69-я армия в течение дня вела напряжённые бои за расширение плацдармов на западном берегу Вислы.

1 августа 1944 года. Ударная группировка левого крыла 1-го Белорусского фронта вышла к Варшаве с юго-востока. 2-я танковая армия при подходе к предместью Варшавы — Праге встретила ожесточённое сопротивление противника, занимавшего заранее подготовленные к обороне рубежи. 8-я гвардейская армия после непродолжительного артналёта в шесть часов приступила к форсированию Вислы и в течение дня смогла с боем овладеть плацдармом шириной 15 километров и глубиной 10 километров. Части 69-й армии были контратакованы превосходящими силами противника, оставили захваченные накануне плацдармы юго-восточнее Седльце и отошли на восточный берег Вислы.

2 августа 1944 года. Войска 1-го Белорусского фронта восточнее и южнее Соколув-Подляски продолжали наступление и продвинулись до 10 километров. 2-я танковая армия в районе северо-восточнее Варшавы отбивала контратаки противника. В результате напряжённого боя противнику удалось выбить части 2-й танковой армии из населённого пункта Зеленка, что в шести километрах северо-восточнее Праги. 8-я гвардейская армия Чуйкова вела тяжёлые бои по расширению плацдарма на западном берегу Вислы в районе восточнее Варки. 1-я польская армия после неудачи при форсировании Вислы готовилась к новому броску на западный берег. Все плацдармы, занятые войсками Рокоссовского, подвергались мощным контратакам противника. В этот день завершилась Люблин-Брестская операция. Её итог: войска 1-го Белорусского фронта вышли на рубеж западнее Суража, Цехановца, севернее Калишина, восточнее Праги (предместье Варшавы) и далее на юг по линии Вислы.

3 августа 1944 года. Противник, опираясь на мощный рубеж обороны, продолжил контратаки при поддержке танков и авиации. Варшавская

группировка, усиленная частями танковых дивизий СС «Викинг» и «Мёртвая голова», а также 19-й танковой дивизией и танковой дивизией «Герман Геринг», предприняла контрнаступление против 2-й танковой армии и потеснила наши войска в юго-восточном направлении. Оставлены Воломин, Надажин, Оссув. На левом крыле — контратаки с целью потеснить наши войска, переправившиеся на западный берег Вислы, и ликвидировать плацдармы.

В это время в Варшаве уже полыхало восстание.

События 1 августа 1944 года называют одной из самых загадочных страниц истории Второй мировой войны. До сих пор точно не установлено, что это было: стихийный, спонтанный бунт, переросший в восстание, которое само-организовывалось по ходу своего развития, или же продуманная и тщательно спланированная операция, которая зашла в тупик по причине неадекватности и ошибочных действий своих организаторов и вождей-командиров.

1 августа ближе всех к Варшаве подошла 2-я танковая армия генерала А. И. Радзиевского^[132]. Танкисты дрались на подступах к варшавским предместьям, ещё не зная, что там, в городе, вспыхнуло восстание. Никакой увязки с наступающими советскими войсками руководство повстанцев не предусматривало, кроме сражения с «отступающими германскими войсками» перед угрозой наступающих советских войск. То есть очень по-польски сыграть свою партию, когда два пана дерутся...

В книге «Солдатский долг» Рокоссовский уделил теме Варшавы целую главу, которая так и называется — «Варшава»:

«Как только наши войска вступили в Польшу, перед нами возникло много сложных вопросов. На освобождённой территории, а она простиралась уже до Вислы, находилось много польских вооружённых отрядов, сражавшихся с оккупантами. Здесь были Гвардия Людова, Армия Людова, Армия Крайова, Батальоны хлопские. Были и смешанные партизанские отряды, руководимые советскими офицерами, оказавшимися по разным причинам на вражеской территории. Эти группы состояли из людей различных политических направлений, но объединённых единой целью борьбы с общим врагом.

Теперь, с приходом наших войск, они получили возможность слиться в могучую силу.

Польское население относилось к Красной Армии тепло и приветливо. Видно было, что народ искренне радуется нашему приходу и старается сделать всё, чтобы ускорить изгнание фашистских оккупантов. По мере

продвижения вперед 1-я польская армия быстро пополнялась добровольцами из местного населения. В неё вливались части из Гвардии Людовой, Армии Людовой и других сил Сопротивления. И только АК — Армия Крайова — упорно держалась в стороне. От первой же встречи с представителями этой организации у нас остался неприятный осадок. Получив данные, что в лесах севернее Люблина находится польское соединение, именующее себя 7-й дивизией АК, мы решили послать туда для связи нескольких штабных командиров. Встреча состоялась. Офицеры-аковцы, носившие польскую форму, держались надменно, отвергли предложение о взаимодействии в боях против немецко-фашистских войск, заявили, что АК подчиняется только распоряжениям польского лондонского правительства и его уполномоченных... Они так определили отношение к нам: «Против Красной Армии оружие применять не будем, но и никаких контактов иметь не хотим». Весьма пикантная позиция!

В Люблине тем временем стал действовать центральный орган народной власти — Польский Комитет национального освобождения. Он взял на себя решение всех подобных щекотливых вопросов.

По приглашению польского правительства я побывал в Люблине. Познакомился с большинством членов нового правительства. Это были патриоты своей родины и революционеры-интернационалисты. Тяжёлое бремя пришлось им взвалить тогда на свои плечи, но товарищи не унывали и настроены были оптимистически. Мы присутствовали на параде частей 1-й польской армии и демонстрации трудящихся Люблина. С этого времени у нас с польским правительством установилась тесная связь.

2 августа наши разведывательные органы получили данные, что в Варшаве будто бы началось восстание против немецко-фашистских оккупантов. Это известие сильно нас встревожило. Штаб фронта немедленно занялся сбором сведений и уточнением масштаба восстания и его характера. Всё произошло настолько неожиданно, что мы терялись в догадках и вначале думали: не немцы ли распространяют эти слухи, а если так, то с какой целью? Ведь, откровенно говоря, самым неудачным временем для начала восстания было именно то, в какое оно началось. Как будто руководители восстания нарочно выбрали время, чтобы потерпеть поражение... Вот такие мысли невольно лезли в голову. В это время 48-я и 65-я армии вели бои в ста с лишним километрах восточнее и северо-восточнее Варшавы (наше правое крыло было ослаблено уходом в резерв Ставки двух армий, а предстояло ещё, разгромив сильного противника, выйти к Нареву и овладеть плацдармами на его западном берегу). 70-я армия только что овладела Брестом и очищала район от остатков

окружённых там немецких войск. 47-я армия вела бои в районе Седльце фронтом на север. 2-я танковая армия, ввязавшись в бой на подступах к Праге (предместье Варшавы на восточном берегу Вислы), отражала контратаки танковых соединений противника. 1-я польская армия, 8-я гвардейская и 69-я форсировали Вислу южнее Варшавы у Магнушева и Пулав, захватили и стали расширять плацдармы на её западном берегу — в этом состояла основная задача войск левого крыла, они могли и обязаны были её выполнить.

Вот таким было положение войск нашего фронта в момент, когда в столице Польши вспыхнуло восстание.

В своё время в западной печати нашлись злопыхатели, пытавшиеся обвинить войска 1-го Белорусского фронта, конечно и меня как командующего, в том, что мы якобы сознательно не поддерживали варшавских повстанцев, обрекли их этим на гибель.

По своей глубине Белорусская операция не имеет себе равных. На правом крыле 1-го Белорусского фронта советские войска продвинулись более чем на 600 километров. Это стоило много сил и крови. Чтобы захватить Варшаву с её мощными укреплениями и многочисленным вражеским гарнизоном, требовалось время на пополнение и подготовку войск, подтягивание тылов. Но в те дни мы пошли бы на всё, чтобы поддержать восставших, объединить с ними наши усилия.

Но те, кто толкнул варшавян на восстание, не думали о соединении с приближавшимися войсками Советского Союза и польской армии. Они боялись этого. Они думали о другом — захватить в столице власть до прихода в Варшаву советских войск. Так приказывали господа из Лондона.

В своём могучем движении на запад, сметая все преграды на пути, войска нашего фронта перевыполнили свою задачу, захватив плацдармы для подготовки новой операции. Но, чтобы начать её, требовалось время.

Да, Варшава была рядом — мы вели тяжёлые бои на подступах к Праге. Но каждый шаг давался с огромный трудом.

Я с группой офицеров побывал в сражавшейся здесь 2-й танковой армии. С наблюдательного пункта, расположенного на высокой заводской трубе, мы видели Варшаву. Город был в облаках дыма. Тут и там горели дома, вспыхивали разрывы бомб и снарядов. По всему чувствовалось, что в городе идёт бой.

Однако никакой связи с повстанцами мы пока не имели. Наши органы разведки старались связаться с ними любыми способами, но ничего не получалось».

История с Варшавским восстанием лишний раз напоминает старую

истину о том, насколько грязное дело — политика. Вот и Рокоссовскому, этому благородному рыцарю войны, пришлось почти оправдываться и перед историей, и перед поляками, и перед самим собой в том, что он тогда, в августе 1944 года, дрался честно, как подобает солдату.

12 августа 1944 года. Войска 1-го Белорусского фронта снова пошли вперёд. Наступление развивалось в направлении Остров-Мазовецка, Вышкув. С тяжёлыми боями продвинулись до 8—15 километров. Противник по-прежнему атаковал порядки 8-й гвардейской армии Чуйкова, пытаясь сбить её с плацдарма. В ходе ожесточённых боёв части армии вынуждены были оставить населённые пункты Бронтин, Маленчин, Грабина, Ходков. Внезапной контратакой вновь возвращён Грабина.

13 августа 1944 года. В этот день сильнейшим контратакам подверглись войска соседнего 1-го Украинского фронта, проводившие Львовско-Сандомирскую наступательную операцию. Противник атаковал порядки 3-й гвардейской танковой и 13-й общевойсковой армий. Немцы впервые бросили в бой подразделение сверхмощных тяжёлых танков «Тигр-П».

Войска 1-го Белорусского фронта действовали на прежних направлениях. Продвижение было незначительным. Потери велики.

16 августа 1944 года. Сильные контратаки противника юго-восточнее Тлуц. Бои ударной группировки 8-й гвардейской армии с целью расширения плацдарма южнее Пулавы. 70-я армия в результате контратак противника оставила населённые пункты Бальцеры, Куры, Дзенцелы и отошла на один-два километра.

В этот день Сталин писал Черчиллю: «Ознакомившись ближе с варшавским делом, я убедился, что варшавская акция представляет безрассудную ужасную авантюру, стоящую населению больших жертв. Этого не было бы, если бы советское командование было информировано до начала варшавской акции и если бы поляки поддерживали с последним контакт. При создавшемся положении советское командование пришло к выводу, что оно должно отмежеваться от варшавской авантюры, так как оно не может нести ни прямой, ни косвенной ответственности за варшавскую акцию...»

18 августа 1944 года. Войска правого крыла фронта, обнаружив отход противника, в четыре часа начали преследование в направлении Остров-Мазовецка, продвинувшись до 11 километров. На плацдарме с утра с новой силой вспыхнули бои; наши войска наступали юго-восточнее Варки и имели продвижение до трёх километров.

19 августа 1944 года. В этот день войска соседнего 1-го Украинского фронта маршала Конева с трудом удерживали сформированный накануне «котёл» сандомирской группировки противника. Немцы нанесли деблокирующий удар из района Ожарув силами танковых дивизий и пробили коридор к сандомирской группировке. Последствия удара удалось ликвидировать, попытка дальнейшего развития наступления была пресечена.

Тем временем и в последующие дни войска 1-го Белорусского фронта вели наступательные бои, имея продвижение два-три километра в сутки при больших потерях.

29 августа 1944 года. Рокоссовский отдал приказ войскам прекратить атаки и перейти к обороне.

Наступательный ресурс ударных армейских группировок был израсходован. Войска устали. Взять такой крупный город, как Варшава, превращённый немцами в мощнейшую крепость с разветвлённой системой обороны, охватывающей ближние и дальние окрестности, — такая задача оказалась для войск 1-го Белорусского фронта просто непосильной. Опыт взятия и зачистки крупных городов Рокоссовский и его штаб имели немалый, вспомнить хотя бы Сталинград. Но там была принципиально иная ситуация: полное окружение частично деморализованных войск, угнетаемых холодом, голодным пайком и неизвестностью. Восстание в Варшаве наступавшим ни сил, ни средств не прибавляло. Повстанцы на контакт ни со штабом фронта, ни со штабами армий не шли.

В один из дней августа Рокоссовский приехал на передовой наблюдательный пункт 2-й танковой армии. НП генерала Радзиевского был устроен на высокой заводской трубе. С неё и без стереотрубы и бинокля Варшава была как на ладони. Город горел. На улицах шли бои.

26 августа 1944 года в Люблине Рокоссовский в беседе с английским журналистом Александром Вертом по поводу происходящего в Варшаве сказал: «Бур-Коморовский вместе со своими приспешниками ввалился сюда, как рыжий в цирке — как тот клоун, что появляется на арене в самый неподходящий момент и оказывается завёрнутым в ковёр... Если бы здесь речь шла всего-навсего о клоунаде, это не имело бы никакого значения, но речь идёт о политической авантюре, и авантюра эта будет стоить Польше сотни тысяч жизней. Это ужасающая трагедия, и сейчас всю вину за неё пытаются переложить на нас. Мне больно думать о тысячах и тысячах людей, погибших в нашей борьбе за освобождение Польши. Неужели же вы считаете, что мы не взяли бы Варшаву, если бы были в состоянии это

сделать? Сама мысль о том, будто мы в некотором смысле боимся Армии Крайовой, нелепа до идиотизма».

Это сказано в самый разгар боёв, в известном смысле в пылу, и потому, как мне кажется, заслуживает особого внимания и доверия.

Заграничный поход Красной армии начинался более чем сложно. Мало того что растягивались коммуникации и надо было постоянно подтягивать тылы, но и базы приходилось устраивать в незнакомой местности, где действовали оставленные абвером агенты, диверсанты, разведчики, а также группы и целые формирования, которые к Красной армии относились враждебно: украинские и белорусские националистические формирования, остатки бригады Каминского, всякого рода «бандеровцы», «мельниковцы», «бульбовцы». Немцы, уходя, оставили им достаточные арсеналы оружия и боеприпасов, снаряжение, продовольствие. В лесах и горах были оборудованы базы, схроны. Как только Красная армия заняла западные области Украины и Белоруссии, националистические батальоны (курени) начали активно действовать по тылам советских войск — на дорогах, в населённых пунктах, на станциях и даже в городах.

7 сентября 1944 года. Части соседнего 1-го Украинского фронта завершили начатую 22 августа масштабную операцию по зачистке тылов от националистических формирований. Операцию осуществляли войска НКВД, пополненные бывшими партизанами-ковпаковцами и пограничниками. Поддерживали их три кавалерийских и мотоциклетных полка. Во время операции было ликвидировано 36 вооружённых отрядов УПА и других формирований, насчитывавших 4315 человек.

8 сентября 1944 года. После зачистки тылов войска маршала Конева начали Восточно-Карпатскую наступательную операцию. Цель: разгромить немецкую группировку в Восточных Карпатах и оказать помощь Словацкому национальному восстанию. В какой-то мере войска маршала Конева оказались в схожем положении, с той лишь разницей, что за карпатскими перевалами Красную армию ждали восставшие словаки. Хотя, как вскоре выяснится, противостояния с немецкими войсками не выдержат и они.

В этот день авангарды 3-го Украинского фронта вступили в Болгарию. Начался заграничный поход Красной армии. Самое ожесточённое сопротивление наши войска встретили в Восточной Пруссии и Польше.

11 сентября 1944 года. 47-я и 70-я армии, часть сил 1-й польской армии при поддержке авиации 16-й воздушной армии вели бой на

подступах к Варшаве с целью овладения предместьями Праги.

13 сентября 1944 года. В ночь на 13 сентября части 47-й армии, действуя восточнее Варшавы, ворвались в Прагу. Мосты через Вислу оказались взорванными противником. Все попытки с ходу переправиться на западный берег успехом не увенчались. Не удалось это сделать и разведгруппам.

Ночами самолёты По-2 начали сбрасывать в распоряжение повстанцев контейнеры с медикаментами, оружием, боеприпасами и продовольствием. До 2 октября, когда восстание капитулировало немецкому гарнизону, наша авиация произвела 4821 самолётovýлет. Половина из них — боевые.

Странно вели себя руководители восстания. Казалось бы, овладей мостами, и Красная армия ворвалась бы по ним в Варшаву. Тысячи жизней были бы спасены, а город не подвергся бы таким разрушениям.

В последнее время наблюдался буквально взрыв публикаций по поводу Варшавского восстания. Среди них множество версий, в том числе и такая: антифашистское восстание варшавян было спровоцировано и, по существу, управлялось гестапо. Немцам было выгодно превратить Польшу в некую буферную зону, непроходимую для советских войск, застопорить их наступление, а самую значительную военную силу, Армию Крайову, сделать врагом Красной армии. Отчасти это получилось. Две силы столкнулись. Однако надо иметь в виду, что «гестаповская» версия — всего лишь версия.

Не зря фельдмаршала Моделя называли «гением обороны». Варшавские ворота на Берлин для войск 1-го Белорусского фронта были заперты основательно и, как оказалось, надолго.

В ночь на 16 сентября батальоны генерала Берлинга^[133] 1-й польской армии провели десантную операцию с целью форсирования Вислы и соединения с силами повстанцев в районе Чернякув в южных кварталах Варшавы. И тут происходит нечто, что затянуло узел ещё одной загадки восстания: за сутки до переправы, согласованной со штабом повстанцев, Бур-Коморовский сдал немцам единственный проход, соединяющий район боёв с центром города и штабом Армии Крайовой. Об изменении ситуации ни в штаб 1-й польской армии, ни в штаб 1-го Белорусского фронта польский генерал не сообщил. В результате десантные группы пытались высадиться на участки, занятые немецкими войсками. На командный пункт 1-й польской армии в район Зелена в Праге утром 16 сентября прибыли маршалы Рокоссовский и Жуков для координации действий наступающих частей и поддерживающих их авиации и артиллерии. 16–19 сентября, пока

шли атаки, на плацдарм было переправлено до шести батальонов 1-й польской армии и красноармейцев. Выжившие потом вспоминали, что такой яростной схватки не знали ни до этой высадки, ни после неё. 22 сентября пал последний плацдарм. Поляки потеряли во время боёв за плацдармы 6500 человек, Красная армия — около десяти тысяч человек.

Вскоре Бур-Коморовский начал переговоры с командующим боевой группой «Фон дем Бах» обергруппенфюрером СС Эрихом фон дем Бахом-Зелевски. Фон дем Бах-Зелевски, убеждённый нацист, член НСДАП с 1930 года, участник «ночи длинных ножей», в начале войны против СССР занимавший пост высшего руководителя СС и полиции в оккупированных районах Центральной России и Белоруссии, отличался буквально садистской жестокостью в акциях, проводимых германскими оккупационными властями против местного населения занятых территорий и партизан. После массовых расстрелов и расправ в Риге, Минске, Могилёве и брянских лесах он некоторое время провёл в психиатрической лечебнице после сильного нервного расстройства и тяжёлой депрессии. Варшавское восстание он, к тому времени основательно подлечившись, подавлял с присущей ему энергией, изобретательностью и жестокостью. Карательные батальоны и немецкие войска, введённые в Старый город, разрезали кварталы на «повстанческие острова», изолировали их и затем зачистили. Боевая группа «Фон дем Бах» насчитывала до 25 тысяч человек. В неё входили части дивизии «Герман Геринг», охранный полк вермахта, зондерполк СС «Дирлевангер», а также подразделения коллаборационистов — предателей из числа бывших советских военнослужащих и граждан, 5-й кубанский казачий полк полковника Бондаренко, два батальона Восточно-мусульманского полка СС, сводный полк 29-й гренадерской (1-й русской, сформированной на основе бригады Каминского) дивизии СС под командованием майора Фролова. А также несколько батальонов Казачьего Стана, 631-й украинский полицейский батальон «шуцманшафт», впоследствии вошедший в дивизию СС «Галичина», полицейские отряды и части, сформированные из уроженцев Галиции, считавших себя этническими украинцами, Украинский легион самообороны (31-й батальон СД), 13-й Белорусский полицейский батальон. Многие солдаты, унтер-офицеры и офицеры этих и других формирований, участвовавших в подавлении восстания, были награждены Железными крестами.

Старый город пал 2 октября. Бур-Коморовский и фон дем Бах-Зелевски пожали друг другу руки (существует даже фотография, запечатлевшая это историческое мгновение), и около 17 тысяч повстанцев сложили оружие. Группа непокорных во главе с полковником Зиемски вышла с оружием

через подземные каналы на окраины Варшавы и растворилась в окрестных лесах.

В 2009 году Бюро национальной безопасности Польши выпустило обширный доклад, опубликовав его сразу на многих языках мира, в том числе на русском и английском, в котором говорилось: «Цель повстанцев состояла не только в освобождении столицы Польши от армии Третьего рейха, но также в нарушении согласованного СССР, США и Великобританией в Тегеране в 1943 году разделения Европы».

Ах, политика... Ах, политики... Ах, защитники целостности послевоенной Европы...

Вряд ли кто из варшавян в августе 1944 года вышел бы на баррикады, если бы им сказали, что они будут драться не за свою столицу и свою свободу, а за «нарушение согласованного СССР, США и Великобританией в Тегеране...» ну итак далее...

Долгое «стояние» перед Варшавой Рокоссовскому ещё аукнется. После войны. В Польше.

Хроника боёв свидетельствует об обратном: Рокоссовский не стоял перед своим родным городом, он пытался его освободить, атаковал, выискивая в обороне противника слабые места. Но слабых мест не оказалось. Модель прочно захлопнул перед Рокоссовским ворота на Берлин, свободно и удачно маневрировал моторизованными и танковыми резервами. Рокоссовский же таковых не имел. Напомним: в конце июля в боях на подступах к Варшаве фактически были потеряны два танковых корпуса — 3-й и 8-й гвардейские танковые корпуса были разбиты во встречном танковом сражении. В 3-м гвардейском корпусе погибли два командира танковых бригад, сгорели десятки экипажей. Корпус потерял 284 боевые машины. По немецким данным — на 53 бронеединицы больше. Подбитые танки были отбуксированы в тыл, где ими тут же занялись передвижные ремонтно-механические мастерские. Однако в строй танки и САУ возвращались медленно. Рокоссовский был лишён подвижного резерва. Надо признать, что в какой-то период, пусть на непродолжительное время, Модель одержал верх над своим соперником.

23 сентября 1944 года. В телефонном разговоре с Верховным главнокомандующим Рокоссовский решительно высказался за прекращение активных боевых действий в направлении Варшавы. Жуков его поддержал. Сталин с предложением маршалов согласился. 1-я польская армия перешла к обороне на восточном берегу Вислы. С западного берега, с некоторых плацдармов, эвакуированы последние подразделения.

4 октября 1944 года. После часовой артподготовки противник нанёс мощный удар по порядкам 65-й армии. После ликвидации плацдармов в районе Праги немцы решили сбросить войска 1-го Белорусского фронта и с других плацдармов. На отдельных участках части 65-й армии были прижаты к берегу, и только своевременный и интенсивный огонь артиллерии, поставленной на прямую наводку на восточном берегу, спас пехоту от неминуемой гибели. Чтобы облегчить положение Батова и сохранить плацдармы, Рокоссовский ввёл в бой фронтовые средства усиления — истребительно-противотанковые дивизионы и танковые бригады. Отбив контратаку, Батов перегруппировал свои силы и после небольшой передышки при поддержке штурмовой и бомбардировочной авиации провёл удачную атаку. Плацдарм был значительно расширен.

Бои в Польше с первого же дня приняли ожесточённый характер. Немцы сопротивлялись всё яростнее по мере приближения фронта к границам рейха.

Бойцы на передовой, радуясь короткой передышке, играли на трофейных аккордеонах и пели частушки:

*Скоро Гитлеру могила,
Скоро лютому капут,
Рокоссовского машины
По Берлину побегут.*

Глава двадцать пятая

2-Й БЕЛОРУССКИЙ

Не дать возможности противнику планомерно отходить на заранее подготовленные рубежи...

К. К. Рокоссовский

Войска ремонтировали технику. Получали пополнение. Отдыхали. А штабы армий уже разрабатывали планы новых атак, которые складывались в предстоящую фронтовую операцию. Удар предполагалось нанести одновременно с двух плацдармов — с Пултуского на Нареве в обход Варшавы с севера и с Вислинских плацдармов в направлении на Познань с охватом Варшавы с юга.

Рокоссовский уже начал объезжать армии, чтобы проверить их готовность выполнить предстоящую задачу. Вечером 12 ноября он вернулся в штаб фронта из поездки на Пулавский плацдарм. Вскоре его позвали к телефону. Звонил Сталин. Разговор, который состоялся через минуту, изменил многое. Маршал вспоминал:

«Уже был вечер. Только мы собрались в столовой поужинать, дежурный офицер доложил, что Ставка вызывает меня к ВЧ. У аппарата был Верховный Главнокомандующий. Он сказал, что я назначаюсь командующим войсками 2-го Белорусского фронта. Это было столь неожиданно, что я сгоряча тут же спросил:

— За что такая немилость, что меня с главного направления переводят на второстепенный участок?

Сталин ответил, что я ошибаюсь: тот участок, на который меня переводят, входит в общее западное направление, на котором будут действовать войска трёх фронтов — 2-го Белорусского, 1-го Белорусского и 1-го Украинского; успех этой решающей операции будет зависеть от тесного взаимодействия этих фронтов, поэтому на подбор командующих Ставка обратила особое внимание.

Касаясь моего перевода, Сталин сказал, что на 1-й Белорусский назначен Г. К. Жуков.

— Как вы смотрите на эту кандидатуру?

Я ответил, что кандидатура вполне достойная, что, по-моему, Верховный Главнокомандующий выбирает себе заместителя из числа наиболее способных и достойных генералов, каким и является Жуков. Сталин сказал, что доволен таким ответом, и затем в тёплом тоне сообщил, что на 2-й Белорусский фронт возлагается очень ответственная задача, фронт будет усилен дополнительными соединениями и средствами.

— Если не продвинетесь вы и Конев, то никуда не продвинется и Жуков, — заключил Верховный Главнокомандующий.

Заканчивая разговор, Сталин заявил, что не будет возражать, если я возьму с собой на новое место тех работников штаба и управления, с которыми сработался за долгое время войны. Поблагодарив за заботу, я сказал, что надеюсь и на новом месте встретить способных сотрудников и хороших товарищей. Сталин ответил коротко:

— Вот за это благодарю!

Этот разговор по ВЧ происходил примерно 12 ноября, а на другой день я выехал к месту нового назначения. Маршал Жуков тогда ещё не прибыл. Спустя некоторое время я решил встретиться с ним и попрощаться с товарищами.

Был как раз праздник артиллерии, и мы провели вечер в тесной командирской семье. Высказано было много пожеланий. Тепло распрощавшись с Георгием Константиновичем и со своими сослуживцами, в бодром настроении я вернулся во 2-й Белорусский фронт, будучи доволен, что не поддался соблазну и никого из своих сотрудников не потянул за собой. Я встретил достойных офицеров как в штабе 2-го Белорусского фронта, так и в управлении. Мы быстро сработались».

Мемуары есть мемуары. Какое уж там «бодрое настроение»... Достаточно было одного взгляда на карту, чтобы понять: его попросту убирают с берлинского, то есть главного направления. Рокоссовский был человеком сугубо военным, но и в сложностях кремлёвской политики к тому времени уже понимал многое. Да и собой владеть умел. Умел держать удар.

Свой командный пункт на новом месте Рокоссовский приказал перенести поближе к передовой, в лесной массив близ населённого пункта Длугоседло. Сапёры расчистили от мин и неразорвавшихся снарядов местность и дороги, отрыли землянки. Связисты тут же наладили связь. Конечно, обида досаждала, словно старая незажившая рана. Верховный был не просто талантливым, но и осторожным режиссёром, который просчитывал все возможные ходы наперёд. Берлин должен брать маршал с незапятнанной, так сказать, биографией. К тому же история с Варшавским

восстанием, запутанная сложностями не столько военного, сколько политического характера, наверняка напомнила Сталину польское происхождение Рокоссовского...

Больше всего жаль было расставаться со своим штабом. Он создавал его всю войну, с лета 1941 года, с Ярцева. Вначале это был штаб армейской группы, потом армии, а затем фронта. Подмосковье, Сталинград, Курск, Днепр, Белоруссия, Висла...

Вскоре следом за своим командующим на новое место службы прибыл его заместитель генерал-полковник К. П. Трубников^[134]. «Это произошло без моего ведома, — вспоминал маршал, — Кузьма Петрович Трубников хороший, опытный командир и замечательный человек».

Только-только успел принять дела и хозяйство нового фронта, вызвали в Ставку. Сталин лично ставил задачу 1-му и 2-му Белорусским фронтам. 28 ноября Рокоссовскому вручили директиву: «Перейти в наступление и разгромить млавскую группировку противника, не позднее 10–11 дня наступления овладеть рубежом Мышинец, Вилленберг, Найденбург, Дзялдово, Бежунь, Бельск, Плоцк и в дальнейшем наступать в общем направлении на Нове-Място, Мариенбург. Главный удар нанести с рожанского плацдарма силами четырёх общевойсковых армий, одной танковой армии, одного танкового и одного механизированного корпусов в общем направлении на Пшасныш, Млава, Лидзбарк. Обеспечение главных сил с севера осуществить наступлением одной общевойсковой армии на Мышинец. Второй удар силами двух общевойсковых армий и одного танкового корпуса нанести с сероцкого плацдарма в общем направлении на Насельск, Бельск. Для содействия 1-му Белорусскому фронту в разгроме варшавской группировки противника 2-му Белорусскому фронту частью сил нанести удар в обход Модлина с запада».

Теперь ему не брать и Варшавы, а лишь содействовать «в разгроме варшавской группировки противника 1-му Белорусскому фронту»...

Все эти месяцы боёв на подступах к городу детства и юности в Варшаве его ждала сестра Хелена. Впоследствии она вспоминала: «Уже перед самым Варшавским восстанием кто-то показал мне листовку, в которой говорилось, что Рокоссовский ведёт свои войска на Запад. Я не отдавала себе отчёт в том, насколько наша фамилия ненавистна немцам. Убедилась же в этом во время восстания. Во двор дома по ул. Сенаторской, 31, где мы работали, ворвались немцы. В этот момент одна из моих соседок позвала меня по фамилии. Это услышал немецкий офицер. Он подбежал ко мне и, выкрикивая — вместе с проклятиями — «Рокоссовска», «Рокоссовска», — рукоятью пистолета ударил меня по голове. Я упала. От

неминуемой смерти спасла меня оказавшаяся рядом санитарка, которая вытащила из моей сумочки «аусвайс» на вымышленную фамилию и, пользуясь знанием немецкого языка, показала его фашисту и объяснила, что ему просто послышалось. Реакция этого гитлеровца на фамилию «Рокоссовский» сильно удивила меня. В голове не уместилось, что наш Костик, которого я помнила молодым худеньким солдатиком, любимый брат, любимец семьи, доброжелательный и такой родной, мог стать таким известным и грозным человеком».

Удивительно и другое: немцы хорошо знали, кто такой Рокоссовский, ещё по Сталинграду, а поляки, тщательно фильтровавшие информацию для своего народа, старались держать факт приближения армий своего соотечественника в тайне.

Хелена дождётся своего брата. Но встреча их произойдёт чуть позже.

Уезжая из расположения 1-го Белорусского фронта, Рокоссовский простился не только со своим штабом и боевыми товарищами. Пришлось расстаться и с любимой. Галина Таланова была уже на восьмом месяце беременности. Родит она в январе. Госпиталь в то время уже перекочевал под Варшаву в городок Мензижец. Родится девочка, здоровенькая и красивая, и унаследует черты матери и отца.

Рокоссовский будет искренне счастлив. При первом же случае навестит Галину и дочь. Дочь назовут Надеждой.

Галина Васильевна любила искренне и нежно и, как всякая любящая женщина, знающая такую же ответную нежность, конечно же, лелеяла надежду. Надежда не оправдалась. После войны Рокоссовский вернётся в семью. Впоследствии Галина Васильевна рассказывала, что он сразу сказал ей, что не сможет оставить ту, которая не отреклась от него в самые трудные дни его жизни, когда он находился в «Крестах», под следствием.

Так и дошла Галина Васильевна со своей крошкой-дочуркой до Победы в составе 1 — го Белорусского фронта. После войны вышла замуж за лётчика-испытателя Юлия Кудрявцева. У них родилась дочь Марина. Юлий Евгеньевич Кудрявцев удочерил и Надежду. В 1959 году он обратился к Рокоссовскому с просьбой дать согласие на удочерение. Надежда Константиновна носила фамилию отца — Рокоссовская. Маршал признал её, помогал и ей, и её матери. Семья Кудрявцевых жила в Латвии. Но вскоре случилась трагедия: Юлий Кудрявцев погиб. Галина Васильевна с дочерьми вернулась в Москву. Устроилась на работу в Главный военный клинический госпиталь им. Н. Н. Бурденко.

Надежда Константиновна рассказывала: «Отец писал моей матери письма стихами. Я его практически не видела. Хорошо запомнился

послевоенный эпизод, как мы с отцом выбирали вид спорта, которым я буду заниматься. Он сказал: «Что ты не умеешь вообще делать? В волейбол немного играешь. В баскетбол — тоже. А плавать не плаваешь». Остановились на плавании. Позднее я даже выступала за сборную Латвии».

В письмах Рокоссовский называл свою любимую «незабвенной соловушкой». Надежда Константиновна их сохранила. Письма и много фотографий, очень личных и трогательных.

Потомки Рокоссовского сейчас общаются, сохраняя добрые родственные отношения.

Но тогда, глубокой осенью 1944 года, до мира было ещё далеко.

Из воспоминаний маршала:

«Нам предстояло наступать на северо-запад, Сталин предупредил, чтобы мы не обращали внимания на восточно-прусскую группировку противника: её разгром возлагается всецело на 3-й Белорусский фронт. Даже не упоминалось о взаимодействии между нами и нашим правым соседом (впоследствии, как известно, жизнь внесла поправку и нам пришлось большую часть войск повернуть на север).

Особо предупреждалось о самом тесном взаимодействии с 1-м Белорусским фронтом. Мне запомнилась даже такая деталь: когда Сталин рассматривал нашу карту, он собственноручно красным карандашом вывел стрелу, направленную во фланг противнику. И тут же пояснил:

— Так вы поможете Жукову, если замедлится наступление войск 1-го Белорусского фронта.

В последующей беседе со мной Сталин ещё раз подчеркнул, что назначаюсь я не на второстепенное, а на важнейшее направление, и высказал предположение, что именно трём фронтам -1-му и 2-му Белорусским и 1-му Украинскому предстоит закончить войну на Западе.

Там же, в Ставке, мне сообщили, что граница нашего фронта передвигается к югу до впадения Нарева в Вислу с переходом к нам войск, занимающих этот участок. Значит, 65-я армия генерала Батова будет с нами. Это меня очень обрадовало. С 65-й армией я не разлучался со Сталинграда и имел возможность много раз убедиться в превосходных боевых качествах её солдат, командиров и, конечно, прежде всего самого Павла Ивановича Батова, смелого и талантливого военачальника. Отошла к нам и 70-я армия генерала В. С. Попова, с которой мы прошагали от Курской дуги до Нарева. Она сейчас оказалась крайней на левом крыле фронта на западном берегу Нарева, упираясь своим левым флангом в Вислу. Командарм её — старый боевой генерал, в прошлом кавалерист, армией командовал уверенно. Правда, порой он казался слишком флегматичным для кавалериста,

которые всегда отличались напористостью, удачью, готовностью на самые рискованные действия. Василий Степанович был тяжеловат на подъём. Но зато, вдумчивый и упорный, начатое дело он всегда доводил до конца, хотя и приходилось его иногда поторапливать.

Из резерва Ставки в состав фронта вошли армии: 2-я ударная генерала И. И. Федюнинского, 49-я генерала И. Т. Гришина (с ним я встретился впервые), 5-я гвардейская танковая генерала В. Т. Вольского, с которым мы были давно знакомы, ещё с 1930 года, когда он командовал кавалерийским полком в 7-й Самарской кавдивизии. Позже мы вместе служили в Забайкальской группе войск, где он возглавлял танковую бригаду. Это был прекрасный командарм, всесторонне развитый, высококультурный, тактичный и храбрый, что давало мне право за армию не беспокоиться: она была в надёжных руках.

Вместе с 3,48 и 50-й армиями, которые и раньше входили во 2-й Белорусский фронт, к началу операции в нашем распоряжении было семь общевойсковых армий, одна танковая, одна воздушная (ею командовал генерал К. А. Вершинин, уже тогда проявивший себя как крупный авиационный начальник, отличавшийся не только высокими организаторскими способностями, но и богатой творческой инициативой) и, кроме того, кавалерийский, танковый, механизированный корпуса и артиллерия прорыва. Силы были внушительные и соответствовали поставленной перед нами задаче.

Ширина полосы фронта, в пределах которой нам предстояло действовать, достигала 250 километров. Наши войска на всём этом пространстве делали вид, что заняты укреплением своих позиций в расчёте на длительную оборону, а фактически полным ходом готовились к наступлению.

Местность, на которой нам предстояло действовать, была весьма своеобразна. Правая её половина — от Августова до Ломжи — лесисто-озёрный край, очень сложный для передвижения войск. Более проходимой по рельефу была левая половина участка фронта. Но и здесь на лёгкое продвижение рассчитывать не приходилось. Нам предстояло преодолеть многополосную оборону противника, укреплявшуюся на протяжении многих лет.

Восточная Пруссия всегда была для Германии трамплином, с которого она нападала на своих восточных соседей. А всякий разбойник, прежде чем отправиться в набег, старается обнести своё убежище прочным забором, чтобы в случае неудачи спрятаться здесь и спасти свою шкуру. На востоке Пруссии издревле совершенствовалась система крепостей — и как

исходный рубеж для нападения, и как спасительная стена, если придётся обороняться. Теперь нам предстояло пробивать эту стену, возводившуюся веками. При подготовке к наступлению приходилось учитывать и крайне невыгодную для нас конфигурацию линии фронта: противник нависал над нашим правым флангом. Поскольку главный удар мы наносили на своём левом крыле, войска правого фланга должны были прикрывать главные силы от вероятного удара противника с севера и по мере их продвижения тоже перемещаться на запад. У нас уже сейчас правый фланг был сильно растянут, а что произойдёт, если наступление соседа замедлится? Тогда и вовсе наши войска здесь растянутся в нитку. Разграничительная линия с 3-м Белорусским фронтом у нас проходила с востока на запад — Августов, Хайльсберг. Ставка, по-видимому, рассчитывала на то, что войска соседа будут продвигаться равномерно с нашими. Но нас даже не оповестили, где командующий 3-м Белорусским фронтом И. Д. Черняховский будет наносить свой главный удар. Повторяю, о нашем взаимодействии с правым соседом Ставка не обмолвилась ни словом, по-видимому, считая, что севернее нас никаких осложнений быть не может».

Сталин торопил своих маршалов к Берлину. Американцы наступали в районе Меца. Английские войска подходили к Равенне. Американо-французские дивизии наступали по обе стороны Вогез. С каждым боем, с каждым переходом и передислокацией союзных войск расстояние до Берлина сокращалось.

К наступлению готовились с особенной тщательностью. Штабы по настоянию Рокоссовского снова и снова отрабатывали все детали предстоящих действий. Командармов он настраивал на решительный, стремительный бросок.

— Важно, — настаивал комфронта, — чтобы наше наступление не вылилось в затяжные бои. Не дать возможности противнику планомерно отходить на заранее подготовленные рубежи.

Наставления фон Клаузевица были усвоены хорошо: «Преследование противника — второй акт победы, в большинстве случаев более важный, чем первый».

В дивизиях были созданы сильные отряды преследования и группы для действия ночью. Они имели задачу не позволить отходящему противнику оторваться от наших наступающих войск, даже если он попытается воспользоваться тёмным временем суток.

И вот наступило утро атаки. Рокоссовский с офицерами связи заблаговременно прибыл на передовой КП. Предполье затянуло густым низким туманом, лепил мокрый снег. Погода напоминала утро перед

наступлением под Сталинградом. Самолёты, даже для одиночных полётов, поднимать с аэродромов было невозможно, и атаку с воздуха Рокоссовский приказал отменить. Успех (или неуспех) предстоящего прорыва должны были решить артиллерия и, как всегда, пехота. Танковые корпуса и кавалерию Рокоссовский берёт для второго этапа наступления, чтобы ввести подвижные ударные части в прорыв.

Севернее 3-й Белорусский фронт генерала И. Д. Черняховского уже сутки атаковал немецкие позиции, обходя Мазурские озёра в направлении на Кёнигсберг и к Балтийскому морю.

Южнее войска 1-го Белорусского фронта начали наступление с Магнушевского и Пулавского плацдармов, охватывая варшавскую группировку немцев.

Ствольная и реактивная артиллерия 85 минут обрабатывала рубеж обороны противника. Плохая видимость мешала работе артиллеристов. Однако основные цели были определены и нанесены на карты заранее. Рокоссовский несколько раз подходил к стереотрубе — нет, ничего не видно. Вслед за огненным валом, который начал сдвигаться в глубину обороны противника, пошла пехота. Терпеливо ждали донесений о первых результатах атаки.

Рокоссовский никогда не торопил командармов с донесениями, не донимал их штабы телефонными звонками. Говорил: командармы опытные, знают, что делать, и когда будут первые результаты, позвонят сами.

Первые дни продвигались тяжело. Противник сидел в основательно устроенном укрепленном районе. Использовал старые инженерные сооружения бетонного типа. Успел модернизировать их под современное вооружение. Приходилось буквально вырубать, выкапывать вместе с бетонными глыбами его огневые точки при помощи орудий большого калибра. Артиллеристы подкатывали гаубицы на прямую наводку и в упор расстреливали железобетонные сооружения бункерного типа. Специальные штурмовые и инженерно-сапёрные отряды взрывали металлические колпаки, делали проходы в минных полях и заграждениях. Хорошо показала себя во время этих боёв штурмовая самоходная артиллерия. Тем не менее продвижение оказалось незначительным — в первые сутки всего на семь-восемь километров. На второй день немцы собрали всё, что имели, и контратаковали на направлении главного удара. «Гитлеровцы предпринимали контратаку за контратакой, — вспоминал маршал, — одна яростнее другой, — но вынуждены были оставлять свои опорные пункты и оборонительные районы».

Сила силу ломит. Фон Клаузевиц по этому поводу думал более

конкретно: «Лучшая стратегия состоит в том, чтобы всегда быть возможно более сильным; это значит прежде всего — быть вообще сильным, а затем — и на решающем пункте».

Решающий пункт вскоре определился. Удары с Сероцкого и Ружанского плацдармов слились в общий прорыв шириной в 60 километров.

На второй день позвонил сосед слева. Генерал Малинин, начальник штаба 1-го Белорусского фронта в порядке обмена информацией доложил обстановку и положение своих войск на стыке. У Жукова уже определялся явный успех. Малинин закончил разговор такими словами:

— Что вы там топчетесь, наши танки уже подходят к Берлину!

Шутка оказалась удачной, действенной. В тот же день Рокоссовский ввёл в дело танковые корпуса на участках 48-й армии генерала Гусева, 2-й ударной генерала Федюнинского и 65-й генерала Батова. К тому времени противник уже истощил свои силы и танкового удара не выдержал. Фронт был прорван на всю глубину, и войска устремились к Бромбергу, Груденцу и Мариенбургу. А сутки спустя, наращивая удар, комфронта ввёл в бой 5-ю гвардейскую танковую армию генерала Вольского. К исходу 18 января танкисты охватили Млавский укрепрайон и блокировали его группировку. Рокоссовский приказал Вольскому не останавливаться, гнать танки к морю. Тем временем армии Батова и Попова, продвигаясь вдоль северного берега Вислы, овладели городом-крепостью Модлин.

На шестой день, в связи с тем что войска 2-го Белорусского фронта наступали с опережением графика, Ставка уточнила задачу. Ударные силы правого крыла предстояло повернуть на север, а левого — на запад с целью овладения рубежом Эльбинг — Мариенбург — Торунь. В результате этого рывка войска Рокоссовского вышли к морю. Группировка немцев, сражавшихся в Восточной Пруссии, оказалась отрезанной от Германии. Но Рокоссовский окончательно понял, что в операции по штурму Берлина его войскам уже не участвовать. Направление ударов 2-го Белорусского фронта всё сильнее поворачивалось к северу.

17 января снова позвонил Малинин. На этот раз он был краток: взята Варшава, город в руинах, жителей на улицах почти не видно. У Рокоссовского сжалось сердце: Хелена...

В эти же дни он получил известие, что его «соловушка» Галина Таланова родила дочь.

В Ялте шли приготовления к встрече лидеров стран антигитлеровской коалиции. Конференция состоялась в начале февраля 1945 года. Сталин, Рузвельт и Черчилль делили шкуру медведя, которого в самое ближайшее

время должны были прикончить в Берлине русскими штыками. Устройство послевоенного мира, когда ещё гремела война, оказалось темой сложной. Но, пожалуй, самым трудным во время ялтинских сговоров оказался польский вопрос.

Возможно, именно поэтому Сталин и согласился с просьбой Эйзенхауэра в связи с трудностями союзников в районе Арденн наступательные действия фронтов начать на несколько дней раньше. Сталин торопил войска, направлял резервы 2-му и 3-му Белорусским фронтам, чтобы те управились и с группой армий «Висла», оборонявшейся в Восточной Померании, и с Кёнигсбергом, и со всей Восточной Пруссией к началу переговоров. Правда, ни к началу Ялтинской конференции, ни к концу её фронты не достигли полного разгрома северо-восточных группировок немцев. Тем не менее успехи оказались ошеломляющими и убедили ялтинских переговорщиков в главном. Прорыв Померанского вала, фактическое уничтожение группы армий «Висла» открывали для Красной армии прямой путь на Берлин; победы в Померании и Восточной Пруссии устраняли угрозу флангового удара с севера по группировке войск, нацеленных на Берлин. Русские разложили свой пасьянс, и карты читались легко, они обещали скорую победу и окончание войны.

Устраивая послевоенный мир, Сталин уступил Польше Белостокское воеводство, но, по праву победителя, при разделе Восточной Пруссии буквально выхватил из рук союзников часть прусских земель, которые вскоре будут оформлены в Калининградскую область РСФСР.

В самый разгар боёв Ставка приказала Рокоссовскому передать Черняховскому для ликвидации восточно-прусской группировки противника правофланговые армии и некоторые подвижные соединения. Манёвр Ставки объяснялся желанием наступать одновременно на двух направлениях — берлинском и кёнигсбергском. В Москве снова недооценивали силу противника. У Рокоссовского же этот манёвр окончательно отнимал возможность ударить на Берлин с севера с одновременным охватом его с северо-запада.

После войны маршал размышлял по этому поводу так:

«Восточно-Померанская операция для войск 2-го Белорусского фронта являлась продолжением начавшегося 14 января наступления трёх фронтов на западном направлении, а не вытекающей из Восточно-Прусской операции, как утверждают некоторые историки и мемуаристы... На мой взгляд, когда Восточная Пруссия окончательно была изолирована с запада, можно было бы и повременить с ликвидацией окружённой там

группировки немецко-фашистских войск, а путём усиления ослабленного 2-го Белорусского фронта ускорить развязку на берлинском направлении. Падение Берлина произошло бы значительно раньше. А получилось, что 10 армий в решающий момент были задействованы против восточно-прусской группировки (с передачей в состав 3-го Белорусского фронта четырёх армий 2-го Белорусского фронта в его составе оказалось 10 армий), а ослабленные войска 2-го Белорусского фронта не в состоянии были выполнить своей задачи. Использование такой массы войск против противника, отрезанного от своих основных сил и удалённого от места, где решались основные события, в сложившейся к тому времени обстановке на берлинском направлении явно было нецелесообразным. Более того, это делалось за счёт ослабления войск 2-го Белорусского фронта, которому предстояло разгромить восточно-померанскую группировку противника, что сделать оставшимися у него силами он не мог.

К этому времени противник сумел сосредоточить в Восточной Померании довольно крупные силы и, умело используя благоприятную для организации обороны местность, затормозил продвижение войск нашего фронта».

Жуков уже вёл свои армии на Берлин. Ещё 10 февраля он доложил в Ставку о готовности войск к последней атаке. Наступление планировалось на 20 февраля с Кюстринско-го плацдарма, захваченного на западном берегу Одера. Но в эти дни немцы начали масштабное контрнаступление в Померании — операцию «Солнцестояние» («Sonnenwende»), и Ставка вынуждена была часть сил передать от Жукова Рокоссовскому для отражения удара в Восточной Померании.

Сталин опасался коварства союзников, которые вполне могли в те дни высадить десант в Восточной Пруссии и принудить немецкую группировку к капитуляции. Картина войны и послевоенного мира могла бы в один миг значительно измениться.

Маршалы, глядя на оперативные карты, мыслили категориями людей сугубо военных. Вожди обязаны были учитывать фактор ближайшей и долговременной политики. Их взгляды и планы часто не совпадали. По этому поводу фон Клаузевиц писал: «Военные должны подчиняться политикам». Они и подчинялись, зачастую изменяя направление ударов и их силу.

В феврале к Рокоссовскому на фронт приехала жена Юлия Петровна. Семья воссоединилась. Двусмысленному существованию был положен конец.

Штаб 2-го Белорусского фронта в те дни располагался в местечке

Бродницы северо-западнее Варшавы. И Рокоссовский отправил своих порученцев в Варшаву разыскать сестру Хелену. С порученцами поехала Юлия Петровна. Она везла письмо брата сестре. Хелену они разыскивали живой и здоровой. В письме Константин Константинович сообщал Хелене о смерти их старшей сестры Марии в 1915 или 1916 году, о других семейных новостях и просил приехать к нему безотлагательно.

Встреча брата и сестры, которые не виделись 30 лет, произошла в конце февраля 1945 года. Все были счастливы. Впоследствии Рокоссовский как мог опекал младшую сестру, помогал ей. Приглашал на семейные торжества. И не только. Хелена была в числе гостей на торжественной встрече маршала Рокоссовского и фельдмаршала Монтгомери. Приезжала в Москву на Парад Победы, среди почётных гостей присутствовала на торжественном обеде в Кремле. Во время торжества Рокоссовский представил её Сталину. Сталин был доволен: во-первых, тем, что его маршал, на которого он по-прежнему возлагал большие, и теперь уже не только военные, но и политические надежды, ничего не таил от него, а во-вторых, для осуществления той операции, которую он задумывал, польская родня, а тем более варшавская, да с хорошей репутацией, могла только способствовать успеху задуманного.

В начале апреля, накануне последнего штурма, Рокоссовского вызвали в Ставку. Несколькими днями раньше Верховный принял маршалов Жукова и Конева. Обсуждали задачи последнего, решающего броска. После Восточно-Померанской операции войска фронта наконец поворачивали на запад, Ставка бросала армии Рокоссовского на берлинское направление. Но для этого войскам нужно было форсированным маршем пройти 300–350 километров и занять исходные районы. Такой марш — целая операция.

Из мемуаров Рокоссовского:

«Разрабатывая Берлинскую операцию, советское командование учитывало сложившуюся к тому времени политическую и стратегическую обстановку. Несмотря на явный проигрыш войны, немецко-фашистское руководство ещё на что-то надеялось. Почти полностью прекратив действия против союзников, гитлеровцы создавали крупную группировку против советских войск. Гитлер и его окружение всё ещё рассчитывали на какие-то комбинации, которые могли бы их спасти. Надо было положить конец этим попыткам. Отсюда задача наших войск: как можно быстрее разгромить немецко-фашистскую группировку на берлинском направлении, овладеть германской столицей и выйти на реку Эльба.

Выполнение этой задачи возлагалось на три фронта: 1-й Белорусский, 1-й Украинский и 2-й Белорусский. В общих чертах операция должна была

развиваться следующим образом. Удар в общем направлении на Берлин наносит 1-й Белорусский фронт, одновременно частью сил обходя город с севера; 1-й Украинский фронт наносит рассекающий удар южнее Берлина, обходя город с юга. Наш, 2-й Белорусский, наносит рассекающий удар севернее Берлина, обеспечивая правый фланг 1-го Белорусского фронта от возможных контрударов противника с севера, и ликвидирует все вражеские войска севернее Берлина, прижимая их к морю.

Начало операции устанавливалось Ставкой для войск 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов 16 апреля, для нас — 20 апреля. (Для нас срок определён с учётом перегруппировки войск с востока на запад.)».

На исходе дня 19 апреля Рокоссовский позвонил по ВЧ Верховному. Доложил о готовности. В ответ услышал:

— Вы уверены в успехе, Константин Константинович?

По имени и отчеству Сталин начал называть его летом 1944 года после операции «Багратион». До него такой чести удостаивался только один человек из военных — Борис Михайлович Шапошников.

— Я уверен в своих войсках, товарищ Сталин. А они принесут успех.

Сталин поблагодарил и положил трубку.

Всю ночь перед общей атакой женский полк ночных бомбардировщиков 4-й воздушной армии обрабатывал позиции противника и его тылы. Позвонил Батов и неожиданно попросил, чтобы его дивизиям разрешили начать наступление на час раньше.

— К утру ветром нагоняет в пойму воду, — пояснил командарм, — уровень её поднимется. Это усложнит форсирование реки. А мои ребята уже там, за Вест-Одером, — захватили несколько плацдармов. Противник начал их поджимать. Боюсь, до утра без поддержки не продержатся.

— Павел Иванович, уже не успеете, — взглянув на часы, сказал Рокоссовский. — Пока отдадите распоряжение, пока батальоны выйдут к берегу...

— Распоряжение уже отдано. Батальоны возле берега держат на плечах лодки... Жду, товарищ маршал, вашего разрешения.

Ай да Батов, подумал Рокоссовский, восхищаясь своим командармом, и сказал:

— Начинайте.

В ударную группировку фронта кроме 65-й армии входили 70-я армия генерала Попова и 49-я армия генерала Гришина^[135].

Атаку Рокоссовский наблюдал с передового КП генерала Батова. После войны вспоминал: «Отсюда хорошо просматривалась на некоторых

участках береговая полоса Вест-Одера, правда, не на большую глубину, потому что берег противника господствовал над нашим, но многое всё же можно было увидеть. В частности, мы наблюдали вражескую контратаку силой до батальона с семью танками. Она происходила на участке 37-й гвардейской стрелковой дивизии К. Е. Гребенника. Вскоре мы увидели, как все семь танков загорелись, подбитые орудиями прямой наводки, вражеская пехота побежала».

Когда принесли текущую сводку, Рокоссовский, видя, что успех наметился в полосе наступления армии Батова, отдал приказ переправлять части 2-й Ударной в полосе наступления 65-й армии. Переброска войск на западный берег сразу значительно ускорила.

Затем поехал в расположение 70-й армии. Генерал Попов начал наступление чуть позже своего соседа. Но успех у него тоже наметился, и Василий Степанович полным ходом гнал свои войска на западный берег Вест-Одера.

Из воспоминаний маршала:

«У Попова тоже был хорошо оборудованный наблюдательный пункт, с которого можно было следить за боевыми действиями, происходившими на довольно большом расстоянии.

Войска армии приступили к форсированию реки под прикрытием артиллерийского огня. Артподготовка здесь началась несколько позже, чем у Батова, и продолжалась 60 минут. Переправа осуществлялась на широком фронте с помощью множества лодок, заранее подтянутых к восточному берегу Вест-Одера. Главный удар армия наносила на 4-километровом участке, создав плотность артиллерии до 200–220 орудий и миномётов на километр фронта. Под прикрытием артиллерийского огня вся масса наплавных средств одновременно устремила к противоположному берегу. Все, кроме гребцов, вели огонь из пулемётов и ручного оружия.

Противник оказывал упорное сопротивление. По докладу командарма, за утро войска на плацдарме отбили свыше 16 вражеских контратак. К нашему прибытию на западный берег Вест-Одера переправились 12 стрелковых батальонов с пулемётами, миномётами и несколькими 45-миллиметровыми орудиями. Противник, пользуясь недостатком на плацдарме артиллерии, донимал нашу пехоту танковыми атаками. Большую помощь пехотинцам в это время оказала авиация.

Бои были тяжёлые, люди дрались героически. Упорство, взаимная выручка и страстное стремление победить помогли им отразить все вражеские удары.

Нам довелось наблюдать работу сапёров. Работая по горло в ледяной

воде среди разрывов снарядов и мин, они наводили переправу. Каждую секунду им грозила смерть, но люди понимали свой солдатский долг и думали об одном — помочь товарищам на западном берегу и этим приблизить победу.

Долг для них был превыше всего!

В огне и дыму я видел командиров и политработников. В этом аду они умели всё подчинить точному расчёту, поддержать организованность и строгий порядок.

Все командиры и политработники отвечали своему назначению. Своим мужеством они подавали пример и пользовались глубоким уважением среди подчинённых. Это чувствовалось везде.

Впервые мне пришлось видеть Попова в необычном для него состоянии. Он заметно нервничал и горячился. Причиной тому было то, что артиллерия не смогла подавить сильный опорный пункт в районе Грайфенхагена, напротив разрушенного моста через Вест-Одер. Огонь нескольких пулемётов и реактивных противотанковых гранатомётов (панцерфауст) гитлеровцев долгое время не давал нашим частям продвинуться по дамбе и использовать её для переброски артиллерии и другой тяжёлой техники.

Командарм разыскал лиц, виновных в этом упущении. Наверное, крепко досталось бы товарищам. Пришлось мне вмешаться и немного успокоить расхोлившегося Василия Степановича. Кстати, дружной атакой пехоты, поддержанной лётчиками-штурмовиками, злополучный опорный пункт был обезврежен. Тут же на наших глазах сапёры подвели к дамбе понтоны. К концу дня на Ост-Одере действовали девять десантных и четыре паромные переправы и 50-тонный мост. По Вест-Одеру курсировали шесть паромов, буксируемые автомашинами-амфибиями. На западный берег стала прибывать артиллерия, столь необходимая войскам, сражавшимся на плацдарме».

Генерала Гришина на его передовом КП Рокоссовский застал в крайне расстроенном состоянии. Именно на 49-ю армию Рокоссовский возлагал основные надежды по прорыву вражеской обороны. Она наступала на левом фланге фронта и взаимодействовала с правофланговыми частями 1-го Белорусского фронта. Предполагалось, что, используя выгодное положение, она нанесёт рассекающий удар по обороне 3-й танковой армии противника, оттеснит его порядки на север и северо-запад под удары наступающей 70-й армии генерала Попова. Для обеспечения манёвра на рассечение генералу Гришину передали дополнительные части усиления.

Из-за плохо проведённой разведки артиллеристы ошибочно нанесли на

карты вместо русла Вест-Одера один из каналов. В результате основная оборона перед 49-й армией практически не пострадала — артогонь пришёлся на незначительные силы немцев, оборонявшие канал. Когда же ударная группировка вышла к реке, с противоположного берега её встретил ураганный огонь. Батальоны залегли и начали окапываться. Генерал Гришин вёл перегруппировку сил для новой атаки, когда на КП прибыл комфронта с офицерами штаба. Рокоссовский выслушал доклад командарма. Стало очевидным: успеха здесь можно добиться лишь в том случае, если немцы начнут отход, опасаясь быть отрезанными наступающими частями соседнего 1-го Белорусского фронта и 70-й армии. Но если нажим ослабить, противник тут же перебросит свои резервы на атакованные участки, и тогда общий успех придётся оплачивать наибольшей кровью. И это — в конце войны.

Резервные части были переброшены на усиление и развитие удара 65-й армии. А 49-й армии только на следующий день с большими потерями удалось переправиться через реку и зацепиться за крошечные плацдармы. Немцы яростно контратаковали. Тем временем на участках 65-й и 70-й армий через наведённые понтонные мосты шла переправа войск и тяжёлого вооружения. Теперь пехота наступала при поддержке противотанковых орудий, самоходных артиллерийских установок и танков. Батальоны почувствовали себя увереннее и начали нажимать энергичнее.

Из книги «Солдатский долг»:

«К 25 апреля части 65-й и 70-й армий, подкреплённые фронтовыми средствами усиления, продвинулись до 8 километров, хотя Батову пришлось часть своих войск развернуть фронтом на север, против штеттинской группировки врага. Чтобы помочь ему, мы торопили Федюнинского с переброской на плацдарм двух его корпусов. Для этого ему были предоставлены переправы 65-й армии на её правом фланге.

70-я армия достигла рубежа Радехов, Петерсхаген, Гартц. Попов переправил на западный берег и свой армейский резерв — стрелковый корпус. Вечером по переправам 70-й армии направился на плацдарм 3-й гвардейский танковый корпус. Подтягивала к этим переправам главные силы и 49-я армия.

У командармов настроение было превосходное: они уже владели плацдармом 35 на 15 километров. Еще немного — и войска прорвут вражескую оборону. Самое тяжёлое осталось позади. Перенесённые трудности забыты. Солдаты рвутся вперёд. И мы уже начинаем думать, как бы с ходу прорвать вражеский оборонительный рубеж на реке Рандов, не прибегая к сложным перегруппировкам. Решаем использовать для этого

всю мощь авиации Вершинина. Все танковые корпуса подчиняем командармам. Предоставляем командармам полную инициативу в решении задачи. Основное — не дать противнику задержаться на этом, втором оборонительном рубеже.

Но чуть забрезжил рассвет, гитлеровцы снова начали контратаки на всём фронте нашей ударной группировки. Противник бросил значительную часть своих резервов: части 103-й бригады СС, 171-й противотанковой бригады, 549-ю пехотную дивизию из района Штеттина, 1-ю дивизию морской пехоты, прибывшую из района Штольпа с участка 1-го Белорусского фронта, а также танкоистребительную бригаду «Фридрих», почти целиком вооружённую панцер-фаустами и усиленную дивизионом штурмовых орудий.

Враг опоздал. К этому времени на западном берегу Вест-Одера мы имели силы, которые ничто не могло остановить. Там уже развернулись три корпуса 65-й армии — Алексеева, Эрастова и Чувакова — боевых, замечательных командиров. Рядом с ними сражались два корпуса армии Попова, а третий корпус тоже был готов вступить в бой. Заканчивали переправу 3-й гвардейский и 1-й гвардейский Донской танковые корпуса, возглавляемые талантливыми генералами А. П. Панфиловым и М. Ф. Пановым.

Все контратаки противника были отбиты, и войска 65-й и 70-й армий продолжали развивать прорыв. Контратаками противник лишь ослабил свои силы, понесённые огромные потери и давая нам возможность на плечах его обращённых в бегство солдат продвигаться вперёд. К вечеру 25 апреля был завершён прорыв вражеской обороны на 20-километровом фронте. Наши войска подошли к реке Рандов. В результате боёв на западном берегу Одера были полностью разгромлены не только части, оборонявшие этот рубеж, но и все резервы, которые подбрасывал сюда противник.

Тем временем войска соседа слева — 1-го Белорусского фронта — уже завязали бои в Берлине, а правофланговыми соединениями охватывали германскую столицу с севера. Наше наступление не давало противнику возможности перебрасывать резервы к Берлину и тем способствовало успехам соседа.

С завершением форсирования Одера войска нашего фронта приступили к осуществлению манёвра с целью охвата главных сил 3-й немецкой танковой армии с юга и юго-запада и лишения их возможности не только оказать содействие берлинской группировке, но и отойти на запад. 65-я армия с 1-м гвардейским танковым корпусом получает задачу ударами в северо-западном направлении прижать к морю все вражеские

войска, действующие к северу-востоку от линии Штеттин, Нойбранденбург, Росток».

Когда войска Рокоссовского кромсали остатки немецких дивизий и отдельных частей на побережье Балтийского моря, армии Жукова с большими потерями преодолевали внешний оборонительный обвод и наконец ворвались в Берлин. Завязались уличные бои. Дни и часы последней обороны немцев, казалось, были сочтены, но советские танки продолжали гореть, а солдаты гибнуть.

На завершающем этапе боёв великолепно показала себя 49-я армия генерала Гришина. Главные её силы воспользовались переправами 70-й армии, энергично развернулись на западном берегу в боевой порядок и ударом во фланг смяли оборону противника и начали преследование отходящих и уклонившихся от боя частей.

Противник вводил в дело резервы. Вначале это были батальоны, потом роты и отдельные отряды. Наступающие армии Рокоссовского просто-напросто сметали их со своего пути. Те, кто пытался противостоять с оружием в руках, уничтожались. Другие бросали оружие и поднимали руки...

Последний удар 2-го Белорусского фронта напоминал стремительный бросок кавалерийской лавы в момент, когда противник дрогнул, потерял строй и уверенность и показал наступающим спину. Сам маршал о тех завершающих атаках писал:

«Войска всех армий фронта успешно развивали наступление. Начиная с 27 апреля враг уже не мог сколько-нибудь прочно закрепиться ни на одном рубеже. Началось стремительное преследование его отходящих частей, хотя они не упускали случая оказывать нам сопротивление.

Отступая, вражеские войска взрывали за собой мосты, минировали и разрушали дороги, пытались дать бой в каждом удобном для обороны населённом пункте. Но, несмотря на это, скорость продвижения наших войск в сутки достигала 25–30 километров. Сметая все преграды на своём пути и уничтожая сопротивлявшегося врага, наши войска неудержимо продвигались вперёд. Вскоре 2-я Ударная армия Федюнинского и 65-я Батова, наступавшие в северо-западном направлении, уничтожив и пленив отходившие перед ними вражеские части, достигли побережья Балтийского моря.

70-я армия Попова и 49-я Гришина столкнулись с резервами противника, выдвинутыми им в лесисто-озёрный район Нойштрелиц, Варен, Фюрстенберг. Здесь пытались закрепиться части 7-й немецкой танковой дивизии, переброшенные морем из района Данцигской бухты,

102-я дивизия особого назначения и пехотная дивизия «Шлягитер» из резерва главного командования, 5-я парашютная дивизия с Западного фронта, а также остатки 25-й моторизованной, 5-й легкопехотной, 3-й морской, 156-й пехотной, 606-й особого назначения дивизий и фольксгренадерского артиллерийского соединения, отошедшие в полосу наших войск под ударами правого крыла 1-го Белорусского фронта. Все эти вражеские части ударами войск Попова и Гришина при содействии танкового корпуса Панфилова и 8-го механизированного корпуса, а также авиации Вершинина были разгромлены, уничтожены, а остатки их пленены. Наступление 49-й и 70-й армий продолжалось безостановочно.

3 мая 3-й гвардейский танковый корпус Панфилова юго-западнее Висмара установил связь с передовыми частями 2-й британской армии.

4 мая вышли на разграничительную линию с союзниками и войска 70-й, 49-й армий, 8-го механизированного и 3-го гвардейского кавалерийского корпусов (конники дошли до Эльбы). Части 19-й армии Романовского и 2-й Ударной Федюнинского ещё сутки вели бои — очищали от гитлеровцев острова Волин, Узедом и Рюген. С овладением этими островами закончилась наступательная операция 2-го Белорусского фронта. Правда, приходилось ещё прочёсывать отдельные районы, обезвреживать небольшие группы гитлеровцев, остававшиеся в тылу наших войск.

Много хлопот доставил нам датский остров Борнхольм, превращённый немецко-фашистским командованием в военно-морскую базу и перевалочный пункт для переброски за границу своих войск, застрявших на косе Хель, в районе Данцигской бухты, и на изолированных плацдармах в Курляндии. Наше предложение командующему немецкими войсками на острове генералу Бутману и его заместителю по морским делам капитану 1 ранга фон Кеметцу о капитуляции было отклонено. Пришлось приступить к высадке десанта. Две стрелковые дивизии 19-й армии были погружены на корабли. Организацию десантной операции я поручил начальнику оперативного управления штаба фронта генералу П. И. Котову-Легонькову, который действовал совместно с командиром Кольбергской военно-морской базы. Нам всем тоже, конечно, пришлось приложить свои усилия. Впоследствии навалились заботы с обеспечением продовольствием и всем необходимым высаженных на Борнхольме наших войск. Балтийское море было засорено минами, которые ставили и немцы, и союзники. Документация отсутствовала, работы по тралению фарватеров только начинались. Каждый рейс к острову был сопряжён с большим риском. На Борнхольме было обезоружено и взято в плен свыше 12 тысяч немецких солдат и офицеров и захвачены большие военные трофеи. Между

датским населением острова и нашими войсками с первого же дня установились дружеские отношения. Жители Борнхольма восторженно встретили своих освободителей».

7 мая состоялась встреча Рокоссовского с главнокомандующим британскими оккупационными войсками в Германии фельдмаршалом Монтгомери^[136]. Вернувшись в штаб после встречи, Рокоссовский тут же доложил Сталину, что и эта операция проведена успешно. Доклад продублировал телефонограммой: «1. Сегодня, 7.5.45 г., в 12.00 в г. Висмаре состоялась моя встреча с фельдмаршалом Монтгомери.

С нашей стороны на этой встрече присутствовали: Субботин, Цанава, Боголюбов, Соколовский, Вершинин (4 ВА), Виноградов (разведчик фронта).

Со стороны англичан — девять генералов во главе с фельдмаршалом Монтгомери.

Для встречи был выстроен почётный караул и дан салют из девятнадцати орудий.

Встреча прошла в дружеской обстановке и продолжалась два часа».

Затем был ответный визит Монтгомери и британских генералов и офицеров. Об этой встрече союзников оставил воспоминания генерал Батов:

«Вскоре после Дня Победы позвонил Рокоссовский:

— К нам приезжает Монтгомери. Имеешь желание видеть заморского гостя?

Вместе с Николаем Антоновичем Радецким выехали в 70-ю армию, где намечалась эта встреча.

Мы стояли в строю, а командующий вёл английского фельдмаршала, знакомя с людьми. Остановившись против меня, Рокоссовский сказал: «Вот генерал, армия которого открыла нам ворота через Одер». Эта фраза через полчаса доставила нам с Радецким много хлопот. Англичане после Ла-Манша считали себя непревзойдёнными мастерами форсирования водных преград. Но они понимали, что такое Одер под Щецином, и засыпали нас вопросами: как было организовано форсирование? Может быть, имелись подводные танки или использовались большие воздушные десанты? Один из англичан, взглянув на мои орденские планки, увидел знак ордена Британской империи второй степени и спросил переводчика, за что генерал получил эту награду.

— Ему вручили её после Сталинградской битвы.

— О! — горячо воскликнул английский генерал. — Там было начало победы!..

Английские коллеги восторженно говорили о русском солдате, о героизме нашего народа. Говорили, что гордятся своим великим союзником.

Потом остались только свои товарищи. Впервые после боёв за Одер мы собрались вместе. Кто-то сказал, что в Москве намечается Парад Победы. По Красной площади пройдут сводные полки фронтов.

Вспоминали пройденный путь. Много хороших искренних слов было сказано в адрес командующего фронтом. Рокоссовский с весёлыми глазами стоял в кругу офицеров и генералов, слушал, потом махнул рукой и сказал: «Бросьте, товарищи, всё это. Что бы я мог сделать без всех вас...»

Когда машины англичан подъехали к ставке Рокоссовского, их встретил эскорт гвардейцев-кавалеристов. Генерал Осликовский по просьбе командующего отобрал для сопровождения лучших наездников. Сверкая на солнце обнажёнными клинками, всадники показали отличную выправку и гвардейскую удаль. Англичане не скрывали своего восхищения. Когда въехали в ворота, оркестр грянул национальный гимн Великобритании.

Во время торжественного обеда Рокоссовский по праву хозяина произнёс первый тост:

— Я предлагаю поднять бокалы за организаторов наших побед, за руководителей, обеспечивших полный разгром гитлеровской Германии, — за Сталина, Черчилля и Рузвельта!

В США к тому времени был уже другой президент. Рокоссовский же, как честный солдат, подводил итоги долгой войны и, не желая играть в дипломатию, назвал имя того, кто действительно внёс большой вклад в общую победу.

Монтгомери встал с ответным тостом:

— Мы начали наш путь с разных сторон Европы. Мы огнём пробивали себе дорогу и вот теперь встретились в центре Германии. Все эти годы испытаний англичане с восхищением следили за борьбой мужественного русского народа. Как солдату мне не приходилось до сих пор видеть советского бойца. Сегодня я с ним встретился впервые и восхищён до глубины души. С началом этой большой войны англичане, проживающие на своих островах, всё время видели, как росли замечательные военные руководители России. И одним из первых имён, которые я узнал, было имя маршала Рокоссовского. Если бы о нём не объявляло радио, я бы всё равно видел его славный путь по салютам в Москве.

Я сам пробил себе дорогу через Африку и был во многих боях. Но я думаю: то, что сделал я, не похоже на то, что сделал маршал Рокоссовский. Я предлагаю тост за маршала Рокоссовского!»

На той встрече рядом с Рокоссовским была его семья — жена Юлия Петровна и сестра Хелена. Обе сияли счастьем, видя своего родного Костика, окружённого почестями и славой.

Позже Хелена, вспоминая те встречи мая 1945 года с братом, признается, что он принимал награды и прочие почести как нечто обязательное, дополняющее его должность и мундир, но без пафоса и излишнего восторга, что продолжительное внимание к его персоне брата тяготило.

Спустя два дня в Берлине у Бранденбургских ворот фельдмаршал Монтгомери вручил маршалам Жукову и Рокоссовскому британские рыцарские ордена. Жукову — орден Бани степени Почётного Рыцаря Большого креста. Рокоссовскому — орден Бани Рыцаря-командора. Маршалы Сталина на церемонии выглядели бравыми молодцами, в новеньких мундирах и высоких кавалерийских сапогах со шпорами. Сохранилась целая серия фотографий, на них Жуков буквально сияет — триумфатор; Рокоссовский, как всегда, сдержан и непроницаем. Выправка — безупречная.

Глава двадцать шестая

ТРИУМФ ПОБЕДИТЕЛЕЙ

*Вам придётся командовать парадом Победы.
Принимать его будет Жуков...*

Сталин

Известно: у воюющей армии одни проблемы, у армии победившей — другие. Красная армия вступила в пределы Германии, Восточной Пруссии и стран — союзниц германского рейха со справедливым чувством негодования и желанием праведной мести. В составе пехотных полков, артиллерийских батарей и танковых бригад было много солдат и офицеров, у которых не вообще война, а конкретные подразделения немецких войск уничтожили на оккупированной территории родных, близких, иногда целые семьи. Пепел невинно убиенных, замученных, подвергнутых надругательствам стучал в сердца тех, кто с оружием в руках шёл вперёд мимо развешанных у дорог плакатов: «Трепещи, фашистская Германия! Мы пришли!» Солдаты шли с востока, с освобождённых вытоптанных и выжженных земель: «Отомсти за расстрелянного брата!», «Не забывай о растерзанной сестре!», «Найди убийц отца и матери!».

Ещё в январе накануне наступления в Восточной Пруссии Рокоссовский издал приказ № 006, требующий отличного состава войск 2-го Белорусского фронта «направить чувство ненависти на истребление врага на поле боя», но не допускать насилия по отношению к местному населению, грабежей, мародёрства, бессмысленных разрушений и поджогов. Имеющий опыт не одной войны, Рокоссовский знал, что наиболее быстро и опасно армия разлагается в двух обстоятельствах — разгрома и победы. В начале войны от разложения войска удержали суровые приказы, твёрдость командиров и мужество солдат. В нужный момент Рокоссовский умел быть твёрдым, как сталь клинка, и последовательным в своей твёрдости вплоть до жестокости.

Надо сказать, что отдельные случаи насилия по отношению к побеждённым происходили. При таком скоплении войск и накале ненависти к фашистской Германии и всему германскому полностью

избежать неоправданного насилия не удалось. Но пира крови в стане побеждённых, как это происходило в финале многих войн, удалось избежать.

А уже 24 мая Рокоссовский с семьёй был в Москве. В Кремле председатель Президиума Верховного Совета СССР М. И. Калинин вручил ему высший военный орден СССР «Победа». Указ о награждении орденом «Победа» вышел ещё в марте 1945 года, но тогда шли бои, было не до наград и церемоний. В наградном листе записано: «За освобождение Польши».

В тот же вечер в Георгиевском зале Кремля состоялся торжественный приём, на котором Сталин произнёс свой знаменитый тост «За русский народ». Славословили на этом торжестве и командующих войсками фронтов, и в первую очередь маршалов Жукова, Конева, Рокоссовского. Именно в такой последовательности. Там же, на приёме, произошло событие, продолжением которого в самом скором времени станет новое назначение нашего героя.

Из недавно опубликованной стенограммы того исторического кремлёвского вечера явствует, что тамадой во время грандиозного застолья был Молотов. Первый тост он посвятил победителям — красноармейцам, краснофлотцам, офицерам, генералам, адмиралам, маршалам Советского Союза, и прежде всего Сталину, который «руководил и руководит» всем и вся и привёл «к великой победе, невиданной в истории». Второй тост — «за великую партию Ленина — Сталина» и за её штаб — Центральный комитет. Затем внимание собрания Молотов неожиданно переключил на гостей из Польши. Польша провозгласила независимость. 20 мая в Москву прибыл эшелон с углём — подарок польских горняков советским людям. Молотов предложил выпить «за демократическую, дружественную Советскому Союзу Польшу», и пусть советско-польская дружба, сказал он, послужит примером для других славянских народов. В ответ польская делегация в полном составе вышла к столу президиума и хором запела польскую задравную песню. В стенограмме этот эпизод отображён следующим образом: «Польская делегация исполняет на родном языке народную задравную песню в честь тов. Сталина».

Рокоссовский, сидевший в это время за столом президиума вместе с другими командующими фронтами, не будучи посвящённым в детали сценария, конечно, и предположить не мог, что задравная по-польски в большей мере обращена к нему...

Через неделю, в начале июня 1945 года, вышел ещё один указ — о присвоении маршалу Рокоссовскому звания Героя Советского Союза. Ему

вручили вторую «Золотую Звезду»: «За образцовое выполнение боевых заданий Верховного Главнокомандования по руководству операциями на фронте борьбы с немецкими захватчиками в районе Померании и Мекленбурга и достигнутые в результате этих операций успехи...» В указе также говорилось: «...соорудить бронзовый бюст с изображением награждённого и установить его на постаменте на родине награждённого».

Верховный главнокомандующий буквально осыпал его боевым золотом и бриллиантами.

Однажды во время майских торжеств Сталин как бы между прочим спросил Рокоссовского:

— Вы не разучились ездить на коне?

— Нет, конечно, — ответил маршал.

Сталин, немного помолчав, неожиданно сказал:

— Вот и хорошо, что не разучились. Вам придётся командовать парадом Победы. Принимать его будет Жуков.

— Спасибо за честь, — ответил Рокоссовский.

Сводные полки — по тысяче человек от каждого фронта — тренировались на взлётной полосе Центрального аэродрома. Ветераны впоследствии рассказывали, что пары сапог хватало на несколько дней — стирались в паутинку подошвы, отлетали каблуки. Тем временем фабрика «Большевичка» спешно выполняла большой заказ — десять тысяч мундиров для участников парада.

Маршалы готовились к своей части церемониала.

Жукову подобрали белого коня. Рокоссовскому — каракового, с белой лысиной. Караковая масть — средняя между вороной и гнедой, с чёрным хвостом и гривой. Конь был чистокровный верховой по кличке Полус. Красавец.

В день парада пошёл дождь. Тёплый летний дождь хлынул как из ведра, когда полки уже стояли, готовые к движению, а маршалы выезжали на своих конях на исходные позиции.

Сопровождающим адъютантом у Рокоссовского был подполковник Клыков. В седле он держался так же великолепно, как и маршал.

За несколько мгновений до десяти часов, когда куранты Спасской башни ещё молчали, Красная площадь вдруг затихла. И Рокоссовский услышал дальний цокот копыт: из Спасской башни выехали два всадника. Это были Жуков и его адъютант.

— Парад, смирно! — подал он команду, вынул шашку и тронул коня.

Клинок лежал на плече, на маршальском погоне, капли дождя стекали по нему.

Навстречу скакали двое всадников. Первым, сияя панцирем орденов, скакал тот, с кем они когда-то начинали службу в кавалерии, а потом, обгоняя друг друга, командовали полками, дивизиями, корпусами, фронтами.

По московской брусчатке, отшлифованной веками и самой историей, цокали копыта хорошо подкованных кавалерийских лошадей. Два маршала, два великих полководца Великой Отечественной войны скакали навстречу друг другу, чтобы словами и жестами обязательной церемонии известить застывшие в ожидании полки и через них всю страну о том, что война окончена Великой Победой.

Он держал клинок, как держат маршальский жезл, — с величайшим достоинством и одновременно с той же степенью сдержанности. И опустил его только перед маршалом Жуковым. Осадил коня и доложил:

— Товарищ маршал, войска действующей армии и Московского гарнизона для Парада Победы построены!

Маршалы объезжают войска.

Сводный оркестр — тысяча четыреста музыкантов! — исполняет торжественное «Славься, русский народ!».

Проходят полки фронтов.

Во главе 2-го Белорусского браво марширует заместитель командующего генерал-полковник Трубников.

После полков 1 — го Белорусского фронта по брусчатке чеканит шаг колонна Войска Польского. Ведёт её начальник Генштаба Войска Польского генерал Корчиц^[137]. С Корчицем они вместе стояли под Варшавой, дрались за плацдармы. Судьба ещё сведёт их на берегах Вислы, и очень скоро.

Проходят полки четырёх Украинских фронтов. За ними — сводный полк военных моряков.

Оркестр внезапно умолкает. После короткой напряжённой паузы ударили барабаны, рассыпали тревожную дробь. И вот две сотни советских солдат выносят знамёна поверженной немецкой армии, штандарты разбитых частей. Их швыряют на помост у подножия мавзолея. Помост изготовлен специально для этого действия. Солдаты в перчатках. Перчатки летят туда же. После парада их сожгут вместе с помостом.

Парад длился два часа. Дождь не переставал. По причине низкой облачности отменили пролёты над Красной площадью самолётов.

По дороге домой парадный мундир на Рокоссовском начал высыхать и садиться. Как вспоминала Ариадна Константиновна, они с матерью снять с отца мундир не смогли, пришлось разрезать его по швам.

На следующий день в Кремле состоялся приём в честь участников Парада Победы. Многие маршалы и генералы прямо с приёма разъезжались к местам службы.

Рокоссовскому новым местом службы Верховный назначил Польшу, которая теперь называлась Польской Народной Республикой. Группировка войск, ещё вчера входившая в состав 2-го Белорусского фронта, стояла в освобождённой Польше. Знал ли он, командующий войсками 2-го Белорусского фронта, что очень скоро ему придётся сменить не только место службы, но и мундир?

Война ещё продолжалась на Дальнем Востоке. На ту войну его не призвали. Ни его, ни Жукова, ни Конева. Советской группировкой командовал маршал Василевский, монгольской — маршал Чойбалсан. Фронтами — маршалы Малиновский, Мерецков и генерал армии Пуркаев. Квантунскую армию они разобьют и принудят к капитуляции быстро, в результате нескольких мощных ударов.

А заботой Рокоссовского тем временем стало расквартирование войск в новых местах дислокации, демобилизация старших возрастов, налаживание связей с местными органами власти и общественностью Польши.

В Россию, в Союз, как тогда говорили, шли эшелоны с победителями. Гремели песни, звенели родными голосами тульские, саратовские и ливенские гармошки, звучали трофейные аккордеоны. В тех ликующих эшелонах приехала в родные просторы победителей песня, ныне забытая, а тогда довольно популярная, особенно среди фронтовиков:

*Капитан, наш любимый комбат, капитан,
Гладко выбрит и чуточку пьян.
Капитан, мы встаём по команде: «Вперёд!»
Капитан раньше нас на мгновение встаёт.*

*И в честь него гремел салют московский.
Он под Варшавой дрался впереди.
И не его ли обнял Рокоссовский,
Срывая орден со своей груди!..*

Стоит заметить, что фронтовики любили многих генералов и маршалов. Но песню сложили только об одном. Народная любовь не бывает слепой. Она может превращать многое в легенды, она способна

приукрашивать поступки своего героя, осыпать его цветами поэзии. И в этом смысле она куда как дороже всех орденов, званий и чинов.

Глава двадцать седьмая

ПОЛЬСКИЙ МУНДИР

Я всегда буду поляком в России и русским в Польше...

Ещё 10 июня 1945 года полевое управление 2-го Белорусского фронта было преобразовано в управление Северной группы войск, дислоцированной на территории Польши. Свой штаб Рокоссовский разместил в городе Легнице. Легница долгое время была частью прусской провинции Нижняя Силезия, носила несколько иное название — Лигниц — и была населена немцами. В 1945 году немцев репатриировали в Германию, а в Легницу переселились поляки из восточных районов, отошедших к Советской Украине и Советской Белоруссии. Однако основное население городка составили русские — гарнизон Северной группы войск и штаб 4-й воздушной армии. Долгие годы Легницу называли «Маленькой Москвой».

В голове Сталина к тому времени уже созрела новая комбинация послевоенного мироустройства. Она не противоречила ялтинским договорённостям, но значительно укрепляла позиции СССР, в особенности на фоне резко изменившегося расклада сил после ядерной бомбардировки американцами японских городов Хиросимы и Нагасаки. В апреле 1945 года в Москву прилетела югославская делегация во главе с Иосипом Броз Тито. На переговорах Сталин, стоя у карты мира, где красным цветом был обозначен СССР, словно в раздумье сказал: «Никогда они не смирятся с тем, чтобы такое пространство было красным — никогда, никогда!» И вдруг: «Война скоро кончится. Через пятнадцать-двадцать лет мы оправимся, а затем — снова!..» После этих слов воцарилось молчание. Как вспоминал потом член югославской делегации партизанский генерал, народный герой Югославии и писатель Милован Джилас^[138], «что-то жуткое было в его словах... но импонировала его уверенность в выборе направления, по которому надо идти, сознание неизбежного будущего, которое предстоит миру, где он живёт, и движению, которое он возглавляет». В разговоре генерал Джилас заметил, что у них, в Югославии, по сути, та же советская власть, на что Сталин, словно ожидая затронутую гостями тему, тут же возразил: «Сегодня социализм возможен и

при английской монархии». Это прозвучало неожиданно и сильно. По поводу советской власти в Югославии Сталин уточнил, что у них в Югославии не советская власть, а «нечто среднее между Францией де Голля и Советским Союзом». Ему очень нужны были Югославия, Балканы, выход к Средиземному морю и Ближнему Востоку. Но там сидел сильный и самодостаточный маршал Тито, к тому же Югославию опекала Англия. Генерал Джилас хорошо запомнил фразу, произнесённую Сталиным во время той беседы: ««Если славяне будут объединены и солидарны — никто в будущем пальцем не шевельнёт. Пальцем не шевельнёт!» — повторял он, резко рассекая воздух указательным пальцем».

Польша в этом новом панславистском построении играла важную роль.

Первые послевоенные выборы в новой Польше состоялись в 1947 году. Победила Польская объединённая рабочая партия (ПОРП), в которой главную роль играли коммунисты. Постепенно было покончено с оппозицией и остатками партизанских отрядов Армии Крайовой и другими националистическими формированиями, в том числе и украинскими, действовавшими в лесах на территории Польши и Западной Украины. Прекратились нападения на советских солдат. Рокоссовский железной рукой смог раз и навсегда пресечь вольности военнослужащих Северной группы, что греха таить, порой граничащие с бесчинствами по отношению к местным жителям — полякам.

В 1948 году обострились взаимоотношения между СССР и Югославией. Причин конфликта было несколько, но главная — холодная война, вспыхнувшая к тому времени между бывшими союзниками. США подмяли Европу и пытались диктовать свою волю Советскому Союзу. Уже действовала так называемая «доктрина Трумэна», согласно которой США могли вмешиваться во внутренние дела любой страны с целью «помощи свободным странам избавиться от влияния тоталитарных режимов на их политику». Советский Союз, только что вышедший из изнурительной войны, в зону практического влияния которого, согласно ялтинским договорённостям, входили многие страны Европы, как нельзя лучше подходил на роль страны «тоталитарного режима». Однако в основе конфронтации Соединённых Штатов, вышедших из войны экономически окрепшими, и «западноевропейских стран по отношению к Советскому Союзу лежало не отрицание коммунистического режима и соответствующей идеологии, а сдерживание Москвы как правопреемницы русской истории и Великой России».

Маршал Тито, всецело опираясь на надёжную армию, начал свою игру.

Не доверял Сталин и президенту Польши Болеславу Беруту.

В октябре 1949 года Сталин вызвал к себе на Ближнюю дачу Рокоссовского. Об этой встрече есть яркая и исчерпывающая зарисовка поэта и писателя Феликса Чуева, который был знаком со многими людьми из окружения Рокоссовского: «Рокоссовский приехал на Ближнюю, прошёл на веранду — никого. Сел в недоумении, ожидая. Из сада появился Сталин с букетом белых роз, и видно было, что он их не резал, а ломал, — руки были в царапинах.

— Константин Константинович, — обратился Сталин, — ваши заслуги перед Отечеством оценить невозможно. Вы награждены всеми нашими наградами, но примите от меня лично этот скромный букет!

...Мне этот эпизод напомнил встречу императора с генералом Ермоловым, у которого царь спросил:

— Чем тебя ещё наградить, мужественный старик?

— Присвойте мне звание немца, — ответил Ермолов.

Рокоссовский ничего подобного не пожелал, но ему было присвоено звание поляка.

— Константин Константинович, у меня к вам большая личная просьба, — сказал Сталин. — Обстановка такова, что нужно, чтобы вы возглавили армию Народной Польши. Все советские звания остаются за вами, а там вы станете министром обороны, заместителем Председателя Совета Министров, членом Политбюро и маршалом Польши. Я бы очень хотел, Константин Константинович, чтоб вы согласились, иначе мы можем потерять Польшу. Наладите дело — вернётесь на своё место. Ваш кабинет в Москве всегда будет вашим!

Рокоссовский знал общее положение в Польше и сказал Сталину:

— Для меня там снова может повториться тридцать седьмой год.

— Тридцать седьмого года больше не будет, — ответил Сталин.

Сам Рокоссовский говорил, что его не очень-то прельщала такая перспектива, тем более что польский язык он почти не знал, но просьба Сталина — не простая просьба... Пришлось ехать.

«Я всегда буду поляком в России и русским в Польше», — как-то с горечью заметил он».

Своему боевому товарищу и другу генералу Батову Рокоссовский рассказывал, что предложение Сталина о переходе на службу в Войско Польское он воспринял, мягко говоря, «со смешанным чувством». Но ответил: «Я солдат и коммунист. Я готов поехать».

Нехорошее предчувствие поселилось в нём с самого начала. Позади уже была история с «уходом» маршала Жукова и ссылка его, вчерашнего

триумфатора, в Одессу командовать едва ли не самым маленьким военным округом. 1 июня 1946 года на заседании Военного совета были выдвинуты обвинения против Жукова: зарвавшийся бонапартист, представляющий угрозу для партии и правительства... В приказе, который был вскоре зачитан во всех воинских частях, говорилось: «...Маршал Жуков, будучи сам озлоблен, пытался группировать вокруг себя недовольных, провалившихся и отстранённых от работы начальников и брал их под свою защиту, противопоставляя себя тем самым правительству и Верховному Главнокомандованию». В первоначальной редакции это вполне тянуло на приговор. Маршалы, однако, выступили против тяжких политических обвинений, признав грубость Жукова по отношению к подчинённым следствием его тяжёлого характера. По воспоминаниям маршала Конева, Рокоссовский тоже выступил на том заседании: «Очень дипломатично он отметил, что никак не разделяет обвинения в адрес Жукова в том, что он политически опасный человек, нечестный коммунист». Конечно, Жуков чувствовал себя обойдённым, когда в послевоенной иерархии ему был предложен громкий, но в реальности малозначительный пост главнокомандующего Сухопутными войсками, ограниченного вышестоящими структурами Генштаба и Наркомата Вооружённых сил СССР. При том, что заместителем наркома (Сталина), а по существу, главой военного ведомства был назначен Н. А. Булганин, бывший при Жукове членом Военного совета фронта. К тому же ему, человеку, мягко говоря, мало разбиравшемуся в военном деле, было поспешно присвоено маршальское звание. Сам этот факт унижал фронтовых маршалов, добывавших свой полководческий жезл в битвах и походах.

Итак, Польша.

6 ноября 1949 года Болеслав Берут обратился к Государственному совету и Совету министров Польши с заявлением следующего содержания: «Принимая во внимание, что маршал Рокоссовский является поляком по национальности и пользуется популярностью в польском народе, мы обратились к советскому правительству с просьбой, если это возможно, направить маршала Рокоссовского в распоряжение польского правительства для прохождения службы в рядах Войска Польского. Советское правительство, учитывая дружественные отношения, которые связывают СССР и Польшу... выразило согласие удовлетворить просьбу...»

В апреле 1949 года был создан военный блок НАТО. С тех пор американские войска расквартированы в Европе на постоянной основе. В том же году Германия разделилась на два государства. Спустя шесть лет

ФРГ присоединится к Североатлантическому военному блоку. В ответ по инициативе Советского Союза будет создан военный блок социалистических государств — Варшавский договор.

Но пока Сталина устраивал и такой паритет: под рукой у надёжного Рокоссовского было и Войско Польское, и Северная группа советских войск со штаб-квартирой в «Маленькой Москве».

А между тем Рокоссовскому в его родной Польше ещё предстояло снова стать поляком.

Когда он был произведён в маршалы Польши и надел польский мундир с золотым шитьём, в своём первом приказе солдатам, офицерам и генералам Войска Польского писал: «Мне выпало на долю в течение многих лет служить делу трудящегося народа в рядах героической Советской Армии. Волею военной судьбы я был командующим тем фронтом, в составе которого героически сражались на славном пути от Ленино через Варшаву, Гданьск, Гдыню, Колобжег, Поморский Вал, вплоть до Берлина солдаты вновь возникшего Войска Польского, солдаты 1-й дивизии, а позднее и 1-й армии... Во исполнение обязанностей, возложенных на меня Страной и Президентом, во исполнение обязанностей перед польскими трудящимися и польским народом, среди которого я вырос и с которым всегда чувствовал себя связанным всем своим сердцем, а также перед братским советским народом, который воспитал меня как солдата и полководца, я принимаю доверенный мне пост, чтобы все свои силы посвятить дальнейшему развитию и укреплению нашего Войска Польского и обороны Речи Посполитой...»

Такие приказы пишутся один раз в жизни, и то не всегда и не всеми.

Рокоссовский в Войске Польском был не единственным русским. Ещё когда бои шли в Белоруссии, дивизию имени Тадеуша Костюшко, а потом части 1-й польской армии комплектовали советскими офицерами и специалистами. Русскими были даже командиры батальонов и рот, не говоря уже об артиллеристах, связистах, танкистах. Вот они-то и пришли в новую польскую армию вместе со своим маршалом. В кратчайшие сроки советские офицеры помогли республике создать боеспособные вооружённые силы, оснащённые современным оружием и способные решать самые сложные боевые задачи.

Рокоссовский регулярно ездил в Москву и всякий раз бывал на приёме у Сталина. Содержание их бесед неизвестно. Во всяком случае, они разговаривали, конечно же, не о погоде на побережье Балтийского моря и не о прелестных поляках.

Что и говорить, в родной, но давно уже забытой Польше

Рокоссовскому пришлось нелегко. Но ведь и маршалу Жукову, воскликнет читатель, в Одессе, а потом и на Урале жилось и служилось непросто! Знакомый нам по ленинградскому «Крестовскому» периоду Владимир Вацлавович Рачинский размышлял в своих воспоминаниях о маршале: «По просьбе польского правительства он вернулся в Польшу. Занимал высокий пост министра обороны ПНР. Он тоже знал хорошо польский язык. Любил свою родину. Был польским патриотом. Но, как можно понять его историю, здесь, в России, он среди русских был поляком, а там, в Польше, среди поляков он был русским, советским. Может, некоторым это и трудно понять, понять эту двойственность положения. Такая двойственность возникает у людей, потерявших при тех или иных условиях свою родину. В сущности, это тяжёлая психологическая драма многих миллионов различных эмигрантов».

Но Рокоссовский эмигрантом-то и не был. Родился в Российской империи, в Русской армии служил и воевал в Первую мировую войну.

Драмой его жизни стала попытка возвращения в ту часть бывшей империи, где уже царствовала другая культура, другая жизнь. Даже язык здесь изменился. В прежний дом, как известно, возврата нет. А ещё замечено: никогда не возвращайся туда, где когда-то был счастлив...

Той Варшавы — рая его детства — уже не существовало. И той Польши — тоже. И конечно же, Рокоссовский — человек тонкой душевной организации — всё это понимал и многое предвидел. Возможно, именно поэтому во время разговора со Сталиным на Ближней даче попытался отказаться от польского мундира. Он уже послужил в Польше, увидел её, понял, что прежней Польши нет и не будет уже никогда. Иллюзии растаяли ещё в 1944 году, когда он с войсками стоял перед Вислой и разглядывал в бинокль Варшаву. С Варшавой и Польшей его теперь связывали только сестра и солдатский долг перед тем, кто по-прежнему оставался для него Верховным главнокомандующим.

Польскую армию Рокоссовский со своими генералами и офицерами создал. Положил на служение *Rodzinnu Polska* и её армии самые зрелые годы своей жизни, знания, опыт, талант и здоровье. Благодарность поляков тоже была вполне искренней.

Вскоре на построениях дивизий и частей, куда он выезжал с инспекцией, из рядов стали раздаваться выкрики: «*Marszalek, Urlop w Rosji!*» или «*Precz czerwona marszalka!*»^[139]. Дважды в Рокоссовского стреляли. Первый раз в 1950 году во время инспекции артиллерийских частей в Люблине. Стреляли из пистолета. «Выстрел был произведён с большого расстояния, и пуля пролетела мимо, — рассказывал

Рокоссовский. — Стрелявшего не нашли. Через три месяца в Познани по моей машине дали автоматную очередь. Оказался раненым сопровождавший офицер, было разбито вдребезги заднее стекло, но я не пострадал. И на этот раз стрелявших не нашли. Выступали против меня в основном бывшие участники Армии Крайовой и формирований Национальных Вооружённых Сил. Поэтому работать в Польше было трудно».

Дело осложнялось ещё и тем, что Рокоссовский пришёл в Войско Польское не на пустое место. До него министром национальной обороны Польши был маршал Михал Роля-Жимерский^[140]. Во время Второй мировой войны он командовал Армией Людовой, военным формированием Польской рабочей партии, созданной в 1944 году на основе Гвардии Людовой, а также части Батальонов Хлопских, отрядов народно-рабочей милиции Рабочей партии польских социалистов, Союза борьбы молодых и отдельных отрядов Армии Крайовой. В отличие от более польской Армии Крайовой, где национальный дух порой перехлёстывал через край, в Армии Людовой воевали не только поляки, но и евреи, а также советские граждане, бежавшие из плена красноармейцы, белорусы, украинцы. Оружие и боеприпасы Армия Людова получала в основном со складов Красной армии и по партизанским каналам, проложенным по украинскому и белорусскому Полесью. Генерал Роля-Жимерский объединил все разрозненные подразделения в единую армию под крылом Люблинского комитета, подконтрольного Ставке Верховного главнокомандования и Кремлю. Бур-Коморовский называл отряды Армии Людовой «коммунистическими бандами». Популярность Жимерского была чрезвычайно велика не только в войсках, но и в той части польского общества, которое придерживалось просоветской идеологии и так или иначе связывало будущее страны с могущественным восточным соседом, который только что одержал блистательную победу над Германией. Именно Красная армия Советского Союза, включив Войско Польское в боевые порядки 1-го Белорусского фронта, подарила полякам возможность принять участие в завершающей схватке — Битве за Берлин. После Победы Сталин высоко оценил роль маршала Польши и наградил его высшим советским орденом Победа»: «За выдающиеся заслуги в деле организации вооружённых сил Польши и за успешное проведение боевых операций Войска Польского в решающих битвах против общего врага — гитлеровской Германии».

И вот Роля-Жимерский, по сути дела, смещён и заменён маршалом польского происхождения из Советского Союза. Для «хорошего поляка»

Рокоссовский, пожалуй, во всех отношениях был неполноценным поляком: служил и прославился в Русской, а потом и Красной армии, женился на русской, да и в младенчестве был крещён в православную веру. В ортодоксально католической стране это было хотя и допустимо, но со многими условиями. А их-то, эти условия, как вскоре станет очевидным, сталинский маршал выполнять не стремился.

Странно было Маршалу Советского Союза и кавалеру высших орденов армии-победительницы начинать свою карьеру в стране, которую он когда-то покинул. Польша по-прежнему оставалась его родиной, но это была уже далёкая страна, почти чужая. В ней остались его детство, юность, сестра, родня, но не оказалось места для настоящего.

Рокоссовский сразу же потребовал от польского правительства увеличения расходов на армию. Бюджет военных расходов стал расти и в первой половине 1950-х годов достиг 15 процентов валового внутреннего продукта. Для бедной аграрной Польши, нуждавшейся в восстановлении разрушенного войной хозяйства, такой бюджет оказался крайне напряжённым.

Рокоссовский был введён в состав высшей государственной элиты. Ему пошили великолепный мундир маршала Польши, на который он тут же повесил звёзды Героя Советского Союза и орденские колодки. Одновременно с должностью министра национальной обороны он занял пост заместителя председателя правительства, а в 1950 году был избран членом Политбюро ЦК ПОРП. Рокоссовский был полным хозяином в польской армии и за непродолжительное время, пользуясь поддержкой правительства ПНР и, конечно же, Сталина, сумел создать из разрозненных по своей природе и идеологии формирований полу-партизанского типа регулярную армию. Войско Польское вскоре имело прекрасно обученные и способные выполнять задачи любой сложности сухопутные войска, ракетные соединения, войска ПВО, авиацию и военно-морской флот. Изменилась сама структура вооружённых сил, по сути дела, созданная по типу уменьшенной копии Советской армии. Так обеим армиям соседних социалистических государств в случае военной необходимости легче было интегрироваться в единую армию для совместных действий против общего врага. В короткие сроки была модернизирована сеть железных и автомобильных дорог страны, система государственной связи — всё это увязывалось с новой концепцией мобилизационных мероприятий республики. Заново, на новых принципах создавалась система подготовки офицерских кадров, были открыты Академия Генерального штаба им. К. Сверчевского, Военно-техническая и Военно-политическая академии.

Авторитет Рокоссовского в стране укреплялся. Численность Войска Польского росла.

Но вскоре, особенно в офицерской среде, начали появляться такие настроения: Рокоссовский готовит армию не для защиты Польши и польских интересов, а для действия в составе войск Советской армии, а также объединённой армии стран — участниц Варшавского договора.

Военные расходы постоянно растущей и совершенствующейся армии, осваивающей новое, технически более сложное вооружение, конечно же, перегружали бюджет послевоенной Польши. Против «советского Багратиона» вскоре начали интриговать его бывшие друзья из состава республиканской партийной верхушки — Якуб Берман, Хилари Минц, Роман Замбровский и другие, считавшие, что Войско Польское слишком перенасыщено советскими офицерами, что пора бы им возвращаться в Союз... Обострившиеся взаимоотношения с членами правительства и лидерами партии осложнились конфликтом с полковником МГБ СССР Д. П. Вознесенским^[141], который установил за маршалом слежку и даже записывал на плёнку беседы с ним. Однажды Рокоссовский в буквальном смысле схватил полковника за руку: к часам-микрофону из рукава вели проводки, и их маршал вовремя заметил.

Однако разлад произошёл не в Варшаве, а в Москве. Речь Хрущёва на XX съезде не только повергла в шок граждан Советского Союза, но и переполошила ту часть зарубежья, которая до этой поры была настроена просоветски. Коммунисты соцстран в один миг почувствовали, что почва стала уходить из-под ног. Оппозиция активизировалась. Её поддерживала значительная часть населения. В лозунгах, как правило, преобладала националистическая риторика. Теперь, с расстояния лет, можно говорить о том, что Хрущёв так или иначе спровоцировал целую серию мятежей и народных волнений в странах советского зарубежья, которые пришлось подавлять в ходе войсковых и даже фронтовых операций: 1956 год — Венгрия (операция «Вихрь»); 1968 год — Чехословакия (операция «Дунай»).

Но первыми вспыхнули поляки: 28 июня 1956 года в Познани произошли массовые волнения, вошедшие в историю под названием «Познаньский июнь». Рабочие крупнейшего в Познани Завода промышленных металлов им. Сталина возмутились несправедливой оплатой труда и дороговизной продуктов в местных магазинах. Именно здесь затянулись в единый узел социопсихологические, как говорят политологи, и политические нити и факторы. На тяжёлое положение рабочих и их семей и партийным органам, и профсоюзам было, мягко

говоря, наплевать. Власти, как всегда, надеялись, что как-нибудь само рассосётся. Администрация выслушивала жалобы и просьбы рабочих и ограничивалась обещаниями. Один из исследователей «Познаньского июня» писал: «Рабочий коллектив расценил тактику проволочек властей как издевательство. Ситуацию подогревали призывы к забастовке радикально настроенных рабочих, и это чётко зафиксировали соответствующие службы».

На демонстрацию вынесли антирусские и антисоветские лозунги, «а также направленные персонально против министра обороны ПНР К. Рокоссовского». Демонстранты кричали: «Хотим хлеба!», «Требуем снизить цены!», «Долой красную буржуазию!». Основными требованиями, выдвинутыми демонстрантами в ходе начавшихся переговоров, были повышение зарплаты и снижение цен на продовольствие. В сущности, ничего особенного, обычные требования рабочих, замордованных и постоянно обманываемых начальниками разных рангов. Если бы в Познань вовремя, то есть немедленно, подогнали состав дешёвого качественного мяса и начали переговоры с делегациями протестующих, возмущение тут же пошло бы на спад и народ успокоился. Но власти оказались последовательными в своём упорстве, гибкости не проявили. В результате шествие постепенно переросло в столкновения с силами правопорядка. Приступом взята тюрьма. Захвачена оружейная комната. Тюремной охране перед штурмом поступил приказ: ни при каких обстоятельствах огня не открывать. Затем начался штурм здания Управления общественной безопасности. Здесь началась перестрелка. В окна полетели бутылки с бензином. «Коктейли Молотова» уже стали главным оружием смуты.

Тем временем в 20 километрах севернее взбунтовавшегося города на учебном полигоне проходили штатные занятия частей 2-го танкового корпуса Войска Польского. На заседании Политбюро ПОРП было принято экстренное решение: двинуть на город танки корпуса. Танковую дивизию возглавил вице-министр национальной обороны генерал Станислав Поплавский^[142]. Танки генерала Поплавского были встречены бутылками с зажигательной смесью. Несколько боевых машин сгорели. Но танкисты задачу выполнили — захватили центр Познани, главнейшие перекрёстки улиц и важнейшие здания и учреждения. Вечером 30 июня танки из города вывели. В места постоянной дислокации вернулась также бронетехника Северной группы войск, поднятая по тревоге и походными колоннами вытянувшаяся в направлении Варшавы.

Хрущёв в те дни вёл интенсивные консультации и с Политбюро, и с главами дружественных государств. Вскоре было принято решение силу не

применять. Уже назревал конфликт в Венгрии. Демократия после только что прошедшего XX съезда КПСС пьянела от свежего воздуха улиц больших городов. Всего через несколько месяцев, осенью, маршал Конев с 60-тысячным корпусом в ходе операции «Вихрь» проведёт осаду Будапешта и железной рукой подавит бунт.

Во время польских волнений Рокоссовский тоже был настроен решительно. Но похоже, пролитая в Познани кровь остановила противостоящие стороны. По официальным данным, в результате столкновений и перестрелок 74 человека были убиты (55 человек погибли непосредственно в ходе перестрелки, 19 человек впоследствии умерли от ран); из этого числа гражданских лиц — 66, работников управления безопасности — три, милиционеров — один, солдат Войска Польского — четыре. Ранены 575 человек гражданских, 15 работников управления безопасности, пять милиционеров, 37 солдат.

Правительственная комиссия, расследовавшая познан-ское возмущение, признала основной причиной экономические трудности. При этом никаких следов внешнего влияния на события обнаружено не было. Холодная война между странами социализма и Западом шла по всем фронтам, в том числе и экономическому.

Разлад, как правило, всегда начинается внутри системы. Вот секретное донесение советника посольства Советского Союза в Варшаве Д. И. Заикина — отчёт о беседе с Рокоссовским 1 октября 1953 года: «Во время приёма, устроенного Послом КНР в Варшаве по случаю Национального праздника Китайской Народной Республики, имел краткую беседу с тов. Рокоссовским. Говоря о военных советниках, советских специалистах, командиремых в польскую армию Правительством СССР по просьбе Правительства Польской Народной Республики, т. Рокоссовский шутя заявил, что он сам бы хотел быть главным военным советником, так как это определило бы срок его пребывания в Польше.

Своё желание уехать из Польши маршал Рокоссовский мотивирует длительным пребыванием в этой стране и теми трудностями, которые создаются ему в работе. Маршал Рокоссовский заявил, что в Польше умеют создавать такие условия, при которых трудно работать.

Причину этого он объясняет тем, что в своё время он поставил в ЦК Польской объединённой рабочей партии вопрос о необходимости произвести в Войске Польском некоторые замены и перестановки, в частности в Политуправлении Польской армии и других её важных инстанциях, где в нарушение партийного подхода к подбору кадров таковые были укомплектованы по национальному и семейному признаку из

лиц еврейской национальности. Такой неправильный подбор кадров мешал укреплению Польской армии. Хотя оздоровление личного состава политуправления и других инстанций Польской армии, заявил т. Рокоссовский, проводилось с одобрения ЦК ПОРП, некоторые руководящие партийные работники, оказывающие влияние на тов. Берута, резко изменили своё отношение к тов. Рокоссовскому.

В беседе тов. Рокоссовский сказал, что тов. Берут хороший человек, но является весьма податливым и в определённой степени отражает мысли тех лиц, которые относятся к тов. Рокоссовскому недоброжелательно. К этим лицам тов. Рокоссовский относит Бермана, Минца, Замбровского.

Тов. Рокоссовский считает, что именно в связи с недоброжелательным отношением к нему у польских товарищей возникла идея пригласить снова в Польшу бывшего генерал-полковника Корчица^[143], находящегося в настоящее время в СССР. Это объясняется, по мнению тов. Рокоссовского, тем, что его в Польше некоторые лица считают представителем Москвы, а Корчица считают своим лицом, которое в первую очередь заботится об интересах Польши. О Корчице тов. Рокоссовский отзывался весьма отрицательно».

Рокоссовского уже тяготил маршальский мундир Rodzinny Polska. Вот когда он понял, что давно уже не поляк. За годы войны ему, отсидевшему три года в «Крестах» под следствием, никто — ни вышестоящие начальники, ни подчинённые — даже не напомнил о его неблагонадёжности. А здесь, в Польше, на родине, быстро дали понять, что он чужой.

Спустя три месяца, в том же 1953 году, посол СССР в Польше Г. М. Попов писал В. М. Молотову: «В работе ЦК ПОРП и местных руководящих партийных органов допускаются грубые нарушения принципа коллективности партийного руководства. Политбюро ЦК ПОРП собирается редко, обычно раз в месяц. Практическое руководство деятельностью партии и государства сосредоточено в руках узкого круга лиц — т. т. Берута, Бермана, Минца, Охаба, Замбровского. Остальные члены политбюро, в том числе и т. Рокоссовский, мало привлекаются к работе политбюро.

Тов. Берут переоценивает качества некоторых членов политбюро, особенно т. т. Бермана и Минца, в руках которых сосредоточены важнейшие участки партийного и государственного руководства. Тов. Берман, который является фактически заместителем т. Берута по партии, а также ведёт вопросы внешней политики и общественной безопасности, допускает в работе крупные политические провалы и ошибки. Тов. Берман

несёт значительную часть ответственности за нарушения норм партийной жизни в ПОРП, запущенность идеологической работы, за извращения партийных принципов в подборе кадров партийного и государственного аппарата. За последние годы имел место ряд фактов побегов за границу и невозвращения оттуда польских дипломатов. Недавно сбежал в Западную Германию крупный работник аппарата общественной безопасности — Святло. Следует заметить, что брат самого т. Бермана — крупный сионист — эмигрировал в Израиль в 1947 г.

В серьёзных недостатках в экономической политике в значительной степени повинен т. Минц, являющийся первым заместителем т. Берута в Совете министров и руководителем Госплана. Наличие диспропорции в развитии промышленности и сельского хозяйства, значительное снижение реальной зарплаты рабочих и служащих, неудовлетворительное решение задач подъёма сельского хозяйства во многом определяется ошибками, допущенными т. Минцем в планировании народного хозяйства. Тов. Минц также допустил засорение аппарата Госплана чуждыми элементами, лицами, связанными с границей».

Рокоссовский нужен был Беруту и его ближайшему окружению только на первых порах. Когда власть целиком оказалась в их руках, министра национальной обороны и члена Политбюро ПОРП перестали даже приглашать на совещания. Все главные вопросы, в том числе и касающиеся непосредственно национальной обороны и состояния войск, решались в узком кругу.

Уже к 1955 году стало очевидным, что пребывание Рокоссовского в Польше на посту министра национальной обороны стало тягостным и для поляков, и для самого маршала. Весной 1955 года отставной генерал Зигмунт Берлинг, в то время занимавший должность заместителя министра сельского хозяйства, следуя сюжету общей интриги, направленной против советских генералов и офицеров в Войске Польском, написал письмо в Москву на имя министра обороны СССР Маршала Советского Союза Н. А. Булганина. Конечно, в письме клокотала старая обида польского генерала, недооценённого волевым и энергичным командующим войсками фронта. Но суть письма сводилась к главному: Берлинг жаловался на недостатки министра национальной обороны, обвинял в том, что тот «относится с пренебрежением к своим обязанностям, презирает чувство народа, очень в этом отношении чувствительного», что «у Войска польского нет души, дорога к сердцу солдата закрыта». «Я уверен в том, — подводил черту Берлинг, — что тов. Р. не в состоянии выполнить свои настоящие и будущие задачи. Мне он представляется как беспомощный, блуждающий и

мечущийся в потёмках человек». «Письмо Бердинга» писал, по всей вероятности, вовсе не отставной генерал, а политбюро, то есть коллектив единомышленников. А таковой с возвращением в активную политику Владислава Гомулки вокруг нового лидера сформировался мгновенно. Рокоссовский в этот круг не вписывался.

Всё шло к определённой развязке, которая вскоре и произошла.

Поляки, весьма чувствительные к засилью в руководящих и партийных органах чужих, конечно же, видели в Рокоссовском вначале «наместника Сталина», потом просто русского, а точнее, советского маршала, которому, судя по доносу Бердинга, некоторая часть польского истеблишмента отказывала даже в умении управлять войсками.

Возможно, маршал Польши в известной мере переборщил с советскими кадрами на высших командных постах в Войске Польском. К примеру, ещё в 1951 году генерал Ю. В. Бордзиловский занял пост начальника Генерального штаба. Командующим польских ВВС стал генерал И. Л. Туркель. Военно-морские силы возглавил адмирал К. Черков. А бронетанковыми и механизированными войсками Польши командовал герой штурма Берлина и броска на Прагу генерал И. П. Сухов. Польская военная элита была потеснена и, конечно же, негодовала.

Всё посыпалось после смерти Сталина. Как будто из ранее неприступной и монолитной твердыни был вынут главный камень, после чего твердыня стала трескаться и расходиться по швам...

Похороны Сталина состоялись 9 марта 1953 года. Гроб несли члены правительства, в том числе министр обороны Н. А. Булганин в маршальской шинели. Фронтowe маршалы на атласных подушках несли награды Сталина: Маршальскую Звезду — С. М. Будённый, ордена «Победа» — В. Д. Соколовский и Л. А. Говоров, ордена Ленина — И. С. Конев, С. К. Тимошенко, Р. Я. Малиновский, ордена Красного Знамени — К. А. Мерецков, С. И. Богданов и генерал-полковник Ф. И. Кузнецов, орден Суворова 1-й степени — генерал армии М. В. Захаров, медали — вице-адмирал Ф. А. Фокин, маршал авиации К. А. Вершинин, генералы И. Х. Баграмян, М. И. Неделин и К. С. Москаленко. Эта колонна высокопоставленных военных вполне соответствовала той иерархии, которая выстроилась в послевоенном Министерстве обороны. Ни Жукову, ни Рокоссовскому, маршалу Польши, в той колонне места не нашлось.

На похоронах Сталина Рокоссовский плакал. Повторяя семейные предания, Константин Вильевич рассказывал: «Другие маршалы стояли у гроба вождя без слёз, а дед плакал. Он не по отцу народов плакал. Он понимал, кто идёт за ним, понимал, что будет со страной, с соцлагерем.

Социализм был для него не пустым звуком. Он был идейным борцом за социализм».

У гроба Сталина ему стало плохо. Врачи сделали укол. Портрет маршала отлил в бронзе своих стихов Алексей Сурков: «Вот перед гробом плачет маршал Польши, твой никогда не плакавший солдат...»

Поэт, как всегда, увидел суть, самую её глубину. Все они, бережно нёсшие на атласных подушечках ордена и медали своего Верховного, были его солдатами. Рокоссовский остался им навсегда. Смерть Сталина не изменила верности солдата. Хотя многие пытались приспособиться. И приспосабливались.

Был ли Рокоссовский сталинистом? Семья, потомки это категорически отрицают. Но, видимо, всё же безосновательно. Сама судьба Рокоссовского после Польши и после Сталина свидетельствовала о том, что служить под началом другого главнокомандующего он так и не смог.

После Сталина народ, населявший Кремль, заметно помельчал. Крупные и сильные личности, такие как Г. К. Жуков и В. М. Молотов, там не приживались. Кабинеты постепенно занимали люди, обладавшие иными качествами.

Рокоссовского раздражало это мельтешение. Раздражала речь Хрущёва на XX съезде. Раздражало многое из того, что буквально хлынуло за ней. В особенности пляска вокруг мёртвого льва...

«Как это было сделано на XX, а потом на XXII съездах, — рассказывает Константин Вильевич, — он считал глупостью и авантюризмом. Конечно, он не мог не понимать, что, в принципе, вся тогдашняя система держалась на Сталине. Кто-то его любил, кто-то его уважал, а кто-то (может быть, и большинство) боялся. Сталин был стержнем тогдашней социалистической системы и, даже будучи мёртвым, продолжал стабилизировать её. И когда в 1956 году этот стержень выбили, система посыпалась. Рокоссовский же был сторонником постепенного демонтажа сталинизма. А то, что пришло ему на смену, было, с его точки зрения, настолько мелким и плюгавым, что невольно он, наверное, мысленно обращался к образу вождя и убеждался, что равных ему нет и не будет».

Хрущёву не помог даже визит в Польшу, чтобы удержать там ситуацию под жёстким контролем. Но что он, заложник своей либеральной политики, мог сделать в тех обстоятельствах? Он сам своим докладом на XX съезде КПСС и запалил фитиль под польской пороховой бочкой.

19 октября 1956 года необычно многочисленная советская делегация

прибыла в Варшаву. В это время шла работа пленума ЦК польской компартии. Московские гости прибыли без приглашения. Хрущёв, Микоян, Молотов, Каганович и командующий войсками стран Варшавского договора маршал Конев. Такой состав свидетельствовал о многом, в том числе и о том, что в случае необходимости для наведения порядка может быть применена сила. Министр обороны СССР маршал Жуков тем временем отдал соответствующие распоряжения: Северная группа советских войск и Балтийский флот были приведены в состояние повышенной боеготовности. Часть эскадры двинулась к Гдыне. Поляки заволновались. Сторонники Гомулки заговорили о военном перевороте. Делегаты пленума «потребовали от министра национальной обороны объяснений». Две советские танковые дивизии уже шли на Варшаву. Рокоссовский пытался успокоить делегатов, пояснив, что ничего особенного не происходит, советские войска, дислоцированные в Западной Польше, проводят плановые манёвры. Но это только сильнее взволновало участников пленума. Сторонники Гомулки настояли на том, чтобы советские танки были остановлены и возвращены в места постоянного пребывания.

Судя по всему, Рокоссовский в дни октябрьского кризиса был настроен решительно. В Москве тоже перебирали варианты силового решения проблемы. 19 октября состоялось заседание Президиума ЦК КПСС, обсуждали результаты поездки в Польшу, взвешивали варианты. Среди прочего в рабочих записях заседания есть такая стенограмма: «Выход один — покончить с тем, что есть в Польше. Если Рокоссовский будет оставлен, тогда до времени потерпеть».

Но «покончить» не осмелились. Уже вызревала Венгрия, вызревала масштабнее и опаснее. Но в Венгрии, к счастью, не было Войска Польского, которое — существовала такая опасность — могло встать на сторону возмущённых толп. С Гомулкой удалось договориться о главном: новое польское правительство гарантировало «не отступать от курса социалистического строительства» и не нарушать дружественных политических и экономических связей с СССР.

Хрущёв позже рассказывал о визите в Польшу, в том числе и о своём разговоре с Рокоссовским. Тот будто бы доложил ему, что дело плохо, что «антисоветские, националистические и реакционные силы выросли и что если необходимо предотвратить рост этих контрреволюционных элементов силой оружия, то он в нашем распоряжении...». Но Хрущёв настоял на том, что «руководить Польшей должны поляки». Это была сдача позиций.

Эпоха торжества интернационала в Польше в очередной раз

заканчивалась. К власти пришёл Владислав Гомулка. В августе 1948 года, как пишут польские историки, Гомулка стал жертвой «еврейской оппозиции в верхушке компартии»: его освободили от обязанностей генерального секретаря. «...И эта диктатура «малого народа» длилась в Польше вплоть до октября 1956 года». По мнению историка, частью этой диктатуры невольно являлся и маршал Рокоссовский.

22 октября Хрущёв направил в Варшаву письмо, в котором «советская сторона выразила согласие на отзыв из Войска Польского генералов и офицеров советских вооружённых сил». Был там и отдельный пункт, касавшийся Рокоссовского. Маршал отзывался тоже.

Ещё 20 октября Рокоссовский вышел из состава Политбюро ПОРП. 10 ноября сложил полномочия министра национальной обороны Польши и вице-преьера. 13 ноября подал в отставку со всех государственных постов, а спустя два дня отбыл в Москву.

Почти одновременно с ним из Войска Польского уволились 19 генералов и 25 офицеров. Процесс был запущен, и массовый исход советских военных кадров из Польши продолжался до середины 1957 года.

Феликс Чуев записал рассказ А. Е. Голованова, который общался с Рокоссовским после его возвращения в Москву: «В Польской Народной Республике на высоких постах он пробыл семь лет. В 1956 году там начались волнения, выступления против власти коммунистов. «Польское Политбюро не знает, что делать. День и ночь заседают и пьют «каву», — говорил Константин Константинович. — А в стране сложная обстановка, убивают коммунистов... Я слушал-слушал, пошёл к себе в кабинет и вызвал танковый корпус...» В ту пору Польше не удалось порвать с социализмом. Но Рокоссовский был вынужден улететь в Москву — навсегда. Говорят, всего с одним чемоданчиком. Как обычно».

Из Rodzinny Polska маршал уезжал расстроенным, обескураженным, как будто в самый разгар сражения его предали самые надёжные люди. Жене в сердцах сказал: «Ноги моей больше здесь не будет».

Всё своё имущество роздал сослуживцам, друзьям и знакомым — в знак признательности за годы совместной службы, за верность и преданность.

Слово своё, это тяжёлое слово, граничащее с проклятием, он держал до конца жизни. Константин Вильевич подтвердил: кто бы его ни звал, какие бы приглашения из Польши он ни получал, неизменно отвечал отказом. «В Польше, кроме как проездом, он больше не был никогда».

Глава двадцать восьмая

ВНУКИ И МЕМУАРЫ

Не те это грибочки, Костя, не те...

Маршал возвращался в Советский Союз, как возвращаются домой с войны. Проиграна ли была эта нелёгкая война? В чемодане он вёз польские ордена. Трофеи... Да бог с ними, с трофеями. Никогда он на них не был падким. Каких-либо высоких назначений в Союзе он не ждал.

В Москву прибыл в середине ноября. По приезду узнал: маршал Конев с двухсоттысячным корпусом энергично, в две недели, провёл операцию «Вихрь» и с минимальными потерями силой замирил мятежную Венгрию, вернув её на путь социализма. Советские танки ещё стояли в Будапеште и других крупных городах, охваченных восстанием. Рокоссовский был совершенно убеждён, что то же необходимо было сделать и в Польше.

Неожиданно его назначили на должность заместителя министра обороны СССР. Должность первого заместителя в то время занимал маршал Конев, который одновременно командовал Объединёнными вооружёнными силами стран Варшавского договора. Министром, как известно, был Жуков. Все три главных маршала собрались в одном министерстве.

В мире шла холодная война. Новый президент США, бывший командующий союзническими войсками в Европе Дуайт Эйзенхауэр, выступая перед студентами Колумбийского университета, сделал заявление, вскоре ставшее программным для внешней политики всего Запада: «На Соединённые Штаты Америки возложена миссия руководства миром. Вашему поколению предоставлена замечательная возможность внести свой вклад в то, чтобы это руководство стало моральной, интеллектуальной и материальной моделью на вечные времена». Краеугольным камнем своей программы Эйзенхауэр объявил «освобождение всех захваченных народов».

Что ж, минувшие со дня выступления Эйзенхауэра шесть десятилетий явили результат: американцы трудились как пчёлки и добились своего — «захваченные народы» избавились от «коммунистического диктата», провозгласили независимость, вступили в НАТО и... начали размещать на

своей территории американские военные базы. Должно быть, добросовестный солдат Второй мировой Эйзенхауэр и предположить не мог, как далеко зайдут в начатой им политике его соотечественники.

Но вернёмся в 1956 год.

В западных штабах к тому времени уже была разработана и осуществлялась секретная операция под кодовым названием «Фокус». Пользуясь беспорядками в Польше, секретные службы США и НАТО приступили к осуществлению первой в истории «оранжевой революции» на неподконтрольной им территории другого государства. В Польше не прошло. Возможно, помешала решительность Рокоссовского, постоянно настаивавшего на силовом решении кризиса. В Венгрии вспышку насилия пресёк Особый корпус под командованием маршала Конева.

Кто-то из публицистов остроумно заметил: «Аллен Даллес^[144] вызвал к жизни ситуацию, справиться с которой могли лишь русские танки...» Даллесу, служившему в тот период директором ЦРУ, принадлежит идея активного вмешательства во внутренние дела других стран вплоть до организации диверсий, политических убийств и поддержания государственных переворотов.

Во время визита в Кремль и разговора с Хрущёвым Рокоссовскому пришлось пережить неприятные минуты, которые он потом вспоминал всю жизнь.

Хрущёв объявил маршалу о новом назначении. Рокоссовский не ожидал такой высокой чести и, свидетельствуя свои скромные притязания, отреагировал:

— По мне бы и округом командовать вполне достаточно.

— Да вы не подумайте, — неожиданно понесло Никиту Сергеевича, — это мы вас потому так высоко назначаем, чтоб этим полячишкам нос утереть!

Впоследствии Рокоссовский, вспоминая тот разговор с Хрущёвым, говорил: «И так он плюнул в душу этими словами! Мол, сам ты ничего из себя не представляешь, а это ради высокой политики сделано...»

Международная обстановка заставляла Советский Союз держать порох сухим. Возможно, именно поэтому политбюро держало при себе самых грозных маршалов. На Ближнем Востоке шла суэцкая или, как её теперь называют, вторая арабо-израильская война между Египтом и Израилем. Израилю помогали Франция и Англия. Египту — Советский Союз. Дрались за Суэцкий канал и прилегающие территории. Через Чехословакию в Египет из арсеналов армий Варшавского договора переправлялось новейшее вооружение: реактивные истребители

МиГ-15бис и МиГ-17Ф, бомбардировщики Ил-28, подводные лодки, модернизированные танки Т-34, артиллерийские системы и средства ПВО, стрелковое оружие, боеприпасы. В египетской армии работали чехословацкие и советские военные инструкторы. Общими усилиями стран — членов ООН войну удалось погасить и развести войска по казармам. «Голубые каски» встали на линии разъединения. Суэцкий канал остался за Египтом. Британские войска, долгие годы контролировавшие пролив, вынуждены были уйти. Молодой и энергичный лидер Египта полковник Насер гарантировал судам всех флагов право свободного прохода через Суэцкий канал. Сборы за транзит теперь пополняли египетскую казну. Эпоха английского влияния на Ближнем Востоке заканчивалась. Но «свято место» тут же начали занимать великие мировые державы — Соединённые Штаты и Советский Союз.

1957 год старожилы вспоминают как самый «радужный и карнавальный из всех советских лет»: в космос выведен первый искусственный спутник Земли, а следом за ним в капсуле ракеты полетела дворняга Лайка; в июле в Москве прошёл Всемирный фестиваль молодёжи и студентов (из 131 страны мира в нашу столицу съехались 34 тысячи юношей и девушек); на улицах появились стилиаги и фарцовщики; верные пилигримы «оттепели» Булат Окуджава и Юрий Визбор поют свои негромкие, но душевные песни; в новых городских районах появляются целые кварталы панельных домов — «хрущёвок» — тысячи рабочих семей получают долгожданные отдельные квартиры; запущена первая советская межконтинентальная баллистическая ракета Р-7 конструктора С. П. Королёва; США произвели для Великобритании управляемые ракеты определённого класса, оставив за собой право контроля над использованием боеголовок; В Советском Союзе спущен на воду первый атомный ледокол «Ленин»; А. А. Громыко сменил Д. Т. Шепилова на посту министра иностранных дел.

В этот ряд вполне уместно вписать и назначение маршала Рокоссовского на пост командующего Закавказским военным округом. Войска и базы именно Закавказского округа были расположены в наибольшей близости к району назревающего нового конфликта.

Конфликт начала раздувать Турция, угрожая соседней Сирии. За её спиной стояли США. Турецкая армия стягивалась к границам Сирии.

В июне Рокоссовский был назначен главным военным инспектором при сохранении должности заместителя министра обороны. И вот — снова на чемоданы, и похоже, что на войну...

Но войны не случилось. Дипломатия, веские аргументы Советского

Союза в виде ракет и готовности в любую минуту двинуть войска возымели своё действие. Подтвердилась старая истина: бывает достаточно энергично продемонстрировать силу, и до применения её дело уже не доходит. Уже только для этого стоит тратиться на мощную и боеспособную армию.

4 октября министр обороны маршал Жуков отбыл с рабочим визитом в Югославию и Албанию. В январе того же года он побывал в Индии. В Югославию и Албанию поехал вместе с командующим Одесским военным округом и заместителем командующего Черноморским флотом. В составе делегации был также генерал Китаев, особо отличившийся при подавлении восстания в Венгрии.

В Киевском особом военном округе тем временем проводились грандиозные войсковые учения с форсированием Днепра танковыми и механизированными подразделениями. На учениях присутствовали руководители государства.

7 октября 1957 года в интервью американскому журналисту Джеймсу Рестону для «Нью-Йорк тайме» Хрущёв заявил: «СССР настроен серьёзно и не позволит совершить нападение на сирийцев. Правящие круги США буквально толкают Турцию против Сирии, а Турция... даже оголяет некоторые участки границы с Советским Союзом. Но она напрасно это делает...» И там же: «...США находятся далеко от этого района, а мы — по соседству. Если там начнут стрелять пушки, то остановиться будет уже трудно. От автоматов и пушек дело может дойти до ракет, что приведёт к тяжёлым последствиям. И мы не делаем секрета из того, что продали некоторое количество оружия Сирии для её самообороны».

Американцы между тем продолжали увеличивать свои воинские контингенты в Турции и Греции, усиливая свои военные базы.

18 октября вышло заявление ТАСС: «...Турецким генштабом совместно с американскими военными советниками разработан оперативный план проведения военных операций против Сирии... Ни у кого не должно быть сомнения, что в случае нападения на Сирию Советский Союз, руководствуясь целями и принципами Устава ООН и интересами своей безопасности, примет все необходимые меры к тому, чтобы оказать помощь жертве агрессии». Союзники СССР тоже не выжидали: в Египте, Ираке, Судане, Йемене, Иордании формировались специальные отряды добровольцев для переброски в Сирию на сирийско-турецкую границу.

23 октября на собрании партийного актива Московского военного округа Хрущёв докладывал об очередной победе, одержанной на Ближнем Востоке: «Сегодня я уже вам могу сказать, что противник, мы получили

сведения, отступает. Американцы начинают замечать следы, начинают отказываться, начинают объяснять, что это русские выдумали, мы никогда не толкали турок на войну. И сегодня, когда мы опубликовали, что маршала Рокоссовского назначили командующим Закавказским военным округом... это тоже имеет значение».

Хрущёв ловко манипулировал своими маршалами, размахивал ими как дубиной, и, надо признать, это впечатляло наглых и агрессивных соседей. В 1961 году он пошлёт маршала Конева в Германию строить Берлинскую стену — сделает «ход конём». И это тоже удастся.

Рокоссовский в Закавказье сделал своё дело, и уже в январе 1958 года его отозвали из округа в Москву, на прежнее место.

Но 1957 год оставил в душе нашего героя ещё одну зарубку. 28–29 октября в Москве состоялся пленум ЦК КПСС, снимали с поста министра обороны маршала Жукова. Снова, как и в 1946 году, слушали маршалов. Но теперь тон выступлений был иным. И время было другое, другие обстоятельства, да и сами маршалы...

Обострились взаимоотношения между Хрущёвым и Жуковым. В своё время Жуков спас Хрущёва во время схватки с оппозицией. Спасённый не забыл добра. Да и Жуков оказался слишком непокорным, трудным, малоуправляемым. Таких хозяева обычно не любят и при случае стараются «задвинуть», чтобы обезопасить своё будущее. В последнее время Жуков активно работал по реабилитации пленных и безвинно репрессированных. В своё время, когда изгоняли из ЦК «антипартийную группу» Молотова, Маленкова и Кагановича, Жуков на очередном заседании с солдатской прямоотой бросил Кагановичу: «Ему за решёткой сидеть, а не в ЦК!» Хрущёв прекрасно знал, что рядом с подписями Кагановича в расстрельных списках стояла и его подпись. Жуков пока об этом молчал. Пока...

На октябрьском пленуме Жуков был снят с поста министра обороны, чуть позже выведен из состава Президиума и Центрального комитета партии.

Жуков успел досадить всем. Все восемь маршалов, вчерашние подчинённые и сослуживцы, — против. Надо понимать в этой ситуации следующее: пленум готовили опытные «ответственные лица», с выступающими хорошенько поработали. Голоса были поставлены. Да и сама атмосфера пленума, умело нагнетаемая партийцами, способствовала тому, что даже те, кто и не жаждал крови, вдруг отыскивали в своей памяти эпизоды, которые сами собой становились в общий обвинительный ряд.

Дошла очередь и до Рокоссовского. Привожу стенограмму

выступления целиком, без изъятий:

«Товарищи члены Центрального Комитета! Мне второй раз уже приходится присутствовать при разборе дела, касающегося тов. Жукова: первый раз — после окончания войны, еще при жизни Сталина, и сейчас второй раз. Первый раз мы выступали все, в том числе и я, давая совершенно объективную оценку тов. Жукову, указывая его и положительные и отрицательные стороны, — выступали тт. Конев, Соколовский и многие другие. Тов. Жукову было дано соответствующее взыскание. Его выступление тогда было несколько лучше, чем сейчас, оно было короче, но он тогда прямо признал, что да, действительно, за мной были такие ошибки, я зазнался, у меня есть известная доля тщеславия и честолюбия, и дал слово, что исправит эти ошибки. После соответствующего наказания он командовал Одесским, Уральским округами. Казалось бы, что достаточно сильный был урок для того, чтобы тов. Жуков понял, что шутить такими вопросами, ставить себя выше партии — нельзя.

Он является таким же членом партии, как и мы, которые должны выполнять все решения партии. Сейчас мы столкнулись опять с таким же вопросом. Причем я должен оговориться, что основным недостатком тов. Жукова во время войны (у него были и положительные качества) была грубость, грубость, заключающаяся не только в том, что он мог оскорбить человека, нанести ему оскорбление, унижить. Управление Западного фронта в то время иначе и не называли, как матерным управлением. Вместо того чтобы старший начальник в разговоре с подчинёнными спокойным, уверенным голосом подбодрил, поддержал, мы слышали сплошной мат и ругань с угрозой расстрела.

Такой эпизод был под Москвой, когда я находился непосредственно на фронте, где свистели пули и рвались снаряды. В это время вызвал меня к ВЧ Жуков и начал ругать самой отборной бранью, почему войска отошли на один километр, угрожал мне расстрелом. Я ответил, что нахожусь непосредственно на фронте, свистят пули, рвутся снаряды, смерти не боюсь, может быть, через час я буду убит, поэтому я прошу разобраться объективно. Совершенно иной разговор у меня был с товарищем Сталиным. Тяжёлый момент под Москвой, меня вызвали к ВЧ для разговора со Сталиным. Я предполагал, что меня, как командующего 16 армией, будут ругать, и считал, что со стороны Сталина будет такая же брань, немедленно снимут с работы и расстреляют. Но до сих пор у меня сохранилось тёплое, хорошее воспоминание об этом разговоре. Товарищ Сталин спокойно, не торопясь просил доложить обстановку. Я начал

рассказывать детально, но он меня оборвал и сказал — не нужно, вы командующий фронтом, и я вам верю. Тяжело вам, мы поможем. Это был разговор полководца, человека, который сам учитывает обстановку, в которой мы находились.

Товарищи, я семь лет был оторван от Советской Армии, правда, я старался следить за жизнью Советской Армии, но непосредственного участия в работе Советской Армии не принимал. Волей партии я был послан в Польшу, выполняя указания и директивы партии. Вернувшись оттуда, мне казалось, что обстановка в армии изменилась. Если были ошибки примерно до 1949 года, то мне казалось, что с 1949 года до 1956 года, конечно, армия выросла, отношения значительно изменились. Но какую картину я встретил в армии?

Прежде всего, я должен сказать о том, что решение партии, решение Президиума Центрального Комитета в отношении тов. Жукова и решение об оживлении работы партийных организаций в армии являются абсолютно правильными. Я полностью к этому присоединяюсь.

Я прошу извинить меня: я оратор не особенно хороший, очень волнуюсь, когда выступаю, тем более в такой аудитории, где мне приходится первый раз выступать.

Говоря о правильности решения в отношении человека, который не выполнил волю партии, нарушил указания партии, подвёл, по сути дела, партию и нас, я скажу, что я также считаю себя в известной степени виновным. И многие из нас, находящиеся на руководящих постах, должны чувствовать за собой эту вину. Тов. Жуков проводил неправильную линию, грубо нарушил директивы, указания партии, не вовремя поставил в известность об этом Центральный Комитет. Я краснею, мне стыдно и больно, что в этом принял участие и я. Мне казалось, что сейчас наши армейские кадры, офицерские, генеральские, маршальские, политработники должны обладать присущим каждому большевику мужеством, которые, видя те или иные неправильности, особенно грубые нарушения воли партии, директив партии, обязаны немедленно бороться с тем человеком, который делает нарушения. Если это не помогает, надо ставить вопрос перед Центральным Комитетом. Часть вины я беру на себя. Правда, я слишком короткое время нахожусь в армии. В роли главного инспектора Министерства обороны пятый месяц. Мне удалось за это время побывать во многих местах, беседовать с командным составом, старшим, средним и младшим.

Как воспитывался наш командный состав за это время, особенно за последние годы? Я не видел волевого командира, не видел командира,

способного отстоять свою гордость, свою самостоятельность, командира, который мог бы доказать и пробовал доказать, что он прав, заставил бы выслушать его. В большинстве случаев всё сводилось к тому, что даже на крупных тактических учениях, на занятиях командиры (многие, не говорю, что все) занимали позицию угодничества.

Я был на крупном оперативном учении, где командиры, командующие армией смотрели в глаза старшему начальнику и старались угадать его мысли, чтобы не ошибиться. Стоит только почувствовать, что не в тон сказал, что мнение вышестоящего расходится с его мнением, немедленно становится во фронт: так точно, я именно так и думал, немедленно исправлю и т. д.

Это о чём говорит? Это говорит о том, что неправильно воспитываем, неправильно подходим к воспитанию нашего командного состава. А ведь мы говорим о будущей войне — войне атомной, войне термоядерной, говорим, что полнокровным командиром может быть тот, который способен в трудную минуту проявить должную инициативу, волю. Разве таким методом воспитаем такого командира? Нет.

Всё это идёт дальше, начинается с головы и идёт дальше, такие методы воспитания командного состава. Я имел возможность провести беседу с большой группой командиров полков, командиров дивизий, корпусов, будучи весной в Закавказском военном округе. Бросилось в глаза то, что исчез настоящий наш командир, который, соблюдая субординацию, умеет доложить своё решение, умеет обосновать его и умеет отстоять в пределах существующих рамок в войсках, если это решение правильное, и заставить выслушать подчинённых. Мне командиры заявляли, что они настолько опекаются вышестоящими начальниками, что потеряли своё значение, потеряли свою роль в армии. Я беру командиров полков, и большинство из них заявляло, что они только доносят, но мер не принимают. Почему? Сами в творческий труд не включаются в данном случае потому, что после того, как доносят, если какие-нибудь приняли меры, распоряжение будет немедленно отменено, мероприятие будет отменено вышестоящим, будет признан либерализм, да ещё получают за это наказание.

Невольно хочется остановиться на таком вопросе, как злополучное ЧП. Это страшные две буквы. Я хочу коротко привести один такой отрицательный пример старой царской армии под названием «медь». Приехал генерал старый, престарелый, пора в отставку. Он, проходя вдоль фронта полка, не обращая внимания на подготовку и выправку солдат, думал о чём-то своём и невольно, махнув рукой, и произнёс такое слово

«медь». Уехал генерал, начался переполох. Командиры полков собрали командиров батальонов, потом командиры батальонов — командиров рот, искали «медь». Искали и при этом вовсю шли в ход бранные слова. Когда дошло дело до командиров рот и унтер-офицеров, стали лететь зубы, все искали «медь». В течение года искали «медь», но так и не нашли.

Это слово ЧП похоже на слово «медь». ЧП боятся. Верно, мы сознаём, что ненормальное явление. ЧП вырастают или падают, но всё же в армии существуют, но это совершенно другое дело. Как с ними бороться? Каждому из командиров предусмотрены определённые функции, определённая ответственность, которую он может взять на себя.

Так вот такого разделения, за какое чрезвычайное происшествие отвечает командир роты, которое он может ликвидировать при своих обязанностях, не донося выше, у нас нет. Командир батальона имеет право сам, как хозяин, так как партия ему эту должность поручила, он отвечает за неё головой, он должен ликвидировать это чрезвычайное происшествие, не донося выше. Конечно, есть такие чрезвычайные происшествия, которые влекут за собой жертвы, бунты, то о них должен знать министр, ибо это слишком большое происшествие. Но такого разделения у нас в армии не существует, и это приводит к тому, что все дрожат и сидят на этом чрезвычайном происшествии.

А какие наказания? Наказания обычно такие: снизить, разжаловать, уволить из армии, тем более пользуясь тем, что в связи с реорганизацией шире можно было бы использовать один из видов увольнения.

Увольняются сплошь и рядом офицеры по пункту «е» 126, где он даже пенсию не заслуживает. Это обидно, человека выбрасывают из армии, и он влачит жалкое существование.

На том же совещании в беседе с командирами полков один из высших начальников пытался доложить, что у него не так. Он выступил и набрался смелости сказать, что мы беседуем как товарищи, коммунисты, так давайте будем откровенны. Так из сорока с лишним человек нашёлся один человек, который в моем присутствии заявил, что, товарищ маршал, у нас был не один случай, а их были сотни, когда были происшествия в полку, когда мы выезжали, расследовали, несмотря на то, что происшествия были пустяковые. Мы разговаривали с живыми людьми, беседовали с ними и приняли решение. Спустя несколько дней получаем приказ из округа, где говорится: отменить приказ, подошли либерально, снизить командира дивизии, снизить командира полка, такого-то отдать под суд, такого-то уволить. Вот, пожалуйста, товарищ маршал.

Это первый пример. Это является одним из факторов, который

тяготеет над всей армией. Я считаю, что нужно этот вопрос упорядочить.

Я вижу, что время моё истекает, но я хотел бы остановиться на грубости, унижающей человеческое достоинство, насколько у нас опорочено слово «товарищ». Слово «товарищ» принято у нас в армии при обращении командира к солдату, или солдата к командиру, или генерала, или маршала и т. д. Все мы являемся участниками гражданской войны, и после этой гражданской войны мы понимаем, что это слово объединяет нас, это слово обозначает, что наше общество, наша семья объединены общими идеями, общими целями, общими задачами. Если я обращаюсь к солдату: товарищ солдат или товарищ сержант, то в этом слове он должен чувствовать, что он является равноправным членом нашей великой советской семьи. Разве у нас это так? Нет. Сплошь и рядом это слово предусмотрено Уставом, и наши офицеры и высшие начальники не применяют это слово, а обращаются на «ты» или по фамилиям. Если вдуматься в это слово, если его применять полностью в жизни, то совершенно иначе изменится обстановка. Мы забываем об этом, что каждый из нас, на какую бы должность его партия ни назначила, он несёт такую же ответственность, как командующий округом в своих пределах, как командующий корпусом в своих пределах, как командующий дивизии и рядовой солдат. Ему тоже партия доверила этот пост солдата — защитника нашей Родины, который в любое время, в любую минуту должен с винтовкой в руках выйти на защиту своей Родины. Это выхолощено, и я считаю это совершенно неправильным.

Основной причиной этого является то, что роль наших партийных организаций в армии и флоте, роль наших политических органов сведена просто, я даже не могу сказать, к чему она сведена, просто никакой роли не играет. Вхождение нашего Главного Политического управления в состав Министерства обороны я считаю неправильным. Мы всегда привыкли к тому, что во главе Главного Политуправления Красной Армии, а сейчас Советской Армии, находится человек политически подготовленный, партийный, к которому относились бы с глубоким уважением, который своим прошлым, своей преданностью, своей работой должен уже выдвигаться. Я вспоминаю слова товарища Сталина, который говорил следующее. Если партия принимала решение о назначении кого-то командующим, то он всегда задавал вопрос: а как его армия примет?

Начальник Политуправления должен быть таким человеком, которого знала бы армия, знала бы партия. Во-вторых, он, безусловно, должен быть член Центрального Комитета. Это поднимет его роль и даст большую самостоятельность, более тесную связь с нашим ЦК и Президиумом

Центрального Комитета.

Товарищи, время моё истекает, я должен доложить, что это решение нашего Президиума Центрального Комитета является абсолютно правильным и своевременным. Наша задача заключается в том, чтобы мы вовремя, решительными мерами провели всё то, что сказано в письме Центрального Комитета, в принятых решениях и о чём здесь говорилось».

С одной стороны — полный «одобрямс». С другой — тон обвинений сравнительно сдержанный. Более того, Рокоссовский в основном говорит об упущениях в воспитательной работе в войсках. Пожурил Жукова постфактум за матерный стиль управления войсками. Ну да, матерился. Даже Верховного однажды в октябре 1941 года матом покрыл, да так, что тот повернулся и ушёл, посоветовав и всей своей полувоенной свите тоже покинуть расположение Генштаба и не мешать военным делать своё дело. Время было такое. Многие офицеры стрелялись, не выдержав груза ответственности и не веря уже, что Москву удастся отстоять. А Жуков с Рокоссовским выдержали, отстояли столицу. И потому были вправе по прошествии лет предъявлять друг другу те или иные претензии.

И последнее: Рокоссовский в своём выступлении дважды приводит в пример бывшего своего главнокомандующего Сталина. Никто из выступавших сделать этого не посмел. Упоминание Сталина к тому времени было уже не просто дурным тоном, а в буквальном смысле опасным.

Хрущёв не пропустил этого мимо ушей, запомнил. После выступлений первого секретаря ЦК КПСС на XX съезде и последующих пленумах, на которых «осуждался и разоблачался» культ личности Сталина и его «пагубные последствия», выступление Рокоссовского выглядело вызовом.

Весной 1962 года Хрущёв, возможно, решив повторить сюжет с разгромной статьёй в «Правде» по поводу «неправильной политической линии» маршала Жукова за подписью Конева, предложил Рокоссовскому выступить в печати с критикой действий Сталина в годы войны, то есть как главнокомандующего.

— Ну что вы, Никита Сергеевич, — ответил Рокоссовский, — для меня Сталин велик и недосягаем. Да у меня и рука не поднимется, чтобы написать о Верховном главнокомандующем что-то... Под руководством Сталина Советский Союз разгромил фашизм!

Спустя короткое время Рокоссовский был уволен с должности заместителя министра обороны и переведён в «райскую группу» — группу генеральных инспекторов Министерства обороны СССР.

Существует и другая версия отставки.

В то время Рокоссовский, занимая пост заместителя министра обороны, служил в должности главного военного инспектора. Много ездил по военным округам, военно-морским базам, гарнизонам. Проверяющим он был строгим, но, как говорят, справедливым. Во время командировки на базы Балтийского флота обнаружил крупные приписки. Строящиеся боевые корабли с большими недоделками сдавали и «спускали на воду» раньше срока, чтобы получить большие премии. Деньги делились между теми, кто сдавал, и теми, кто принимал. Сейчас это называют коррупцией. Потом корабли доводили до ума за счёт бюджета, заложенного на ремонт. Когда Рокоссовский вернулся в Москву и доложил о вскрытых махинациях министру обороны маршалу Малиновскому, тот ужаснулся и попросил Рокоссовского молчать. Рокоссовский отказался:

— Нет, Родион Яковлевич. Я об этом просто обязан доложить. Виновные должны понести справедливое наказание.

Доложил. Хрущёв выслушал, принял документы, пообещал разобраться.

Вскоре на очередном приёме Хрущёв подошёл к Рокоссовскому, взял маршала под руку:

— Константин Константинович, вы заслуженный человек. Надо вам здоровье поберечь. Хотим предоставить вам возможность отдохнуть...

Ну вот так, как говорят — вручную, и завершил глава государства военную карьеру одного из величайших полководцев XX века.

Остаток своей жизни Рокоссовский прожил среди людей, которые его боготворили и которых нежно любил он.

Семья Рокоссовских основное время проводила на загородной даче в подмосковной Тарасовке. Особенно в летнее время, когда у внуков были каникулы.

Из рассказов Константина Вильевича Рокоссовского: «...Дед очень редко бывал дома... Он любил бывать на даче, и первые мои воспоминания о деде относятся к дачному периоду. Очень хорошо помню, как мы ходили с ним за грибами...

Настоящий был грибник. Я тогда никак не мог понять, как дед находит грибы под кучкой листьев или хвои. Он буквально чувствовал, где должны расти грибы. Обычно в лес дед надевал какой-нибудь старенький пиджачок, простенькие холщовые брюки и обязательно кепку. В таком обличье в нём вряд ли можно было узнать знаменитого полководца. Меня в наших путешествиях по лесу больше всего удивляло умение деда ориентироваться. Помню, забредём далеко в лес, и мне становилось

страшно. Я тогда теребил его за полы пиджака и, дрожа всем телом, спрашивал: «Деда, а мы не заблудимся?» А он прижмёт меня к себе и, улыбаясь, говорит: «Не бойся, я знаю, куда идти...» И действительно, через десять минут мы выходили к какой-нибудь тропинке или просеке.

Дед пытался научить меня ориентироваться, но я так и не усвоил эту науку. А вот в грибах он таки научил меня разбираться. Я ведь поначалу собирал те, что покрасивее и поярче: мухомор какой-нибудь, поганочку зелёненькую. Бывало, наберу корзинку этой «красоты», а дед смеётся: «Не те это грибочки, Костя, не те». И давай мне рассказывать, какие грибы брать можно».

«У него вообще был свой, особый принцип невмешательства в процесс воспитания внуков. Он никогда меня не наказывал, но обо всех моих проступках сообщал матери. А вот своё недовольство моим поведением или обиду дед выражал молчанием. Однажды, когда мне уже лет четырнадцать исполнилось, произошёл такой случай. У деда была редкая по тем временам энциклопедия Брокгауза и Ефрона — все 82 основных тома и четыре дополнительных. Он ею часто пользовался, любил полистать. И вот как-то просматривал один из томов, а потом оставил где-то на видном месте. Книгу стащил мой младший брат, которому года четыре тогда было, и, играясь, разрисовал какую-то карту в энциклопедии цветными карандашами. Дед, увидев эти художества (а знал, что этот том читал я), перестал со мной разговаривать, а маму попросил провести со мной воспитательную беседу. Но я настаивал на том, что невиновен. Эпопея эта длилась дней пять (всё это время дед со мной не разговаривал), пока наконец братик не признался, что это он нашкодил. Тогда дед — тут надо отдать ему должное — при всех сказал: «Я был не прав! Прости, Костя, не разобрался». Мы оба были очень рады этому примирению».

«Несмотря на свою занятость, дед каждую свободную минуту пытался уделить нам, внукам. Больше всего мы любили, конечно, играть в войну. Несмотря на возраст, дед, как подросток, лазил с нами по кустам, прятался в засадах, бегал по лесу. Он сам вырезал для нас из дерева автоматы и пистолеты. У меня на даче был товарищ, вместе с которым мы обычно воевали против деда. Помню, однажды был черёд деда сидеть в засаде.

И вот мы с другом пошли его искать. Смотрим — в кустах кепка торчит. А-а, думаем, попался. Легли на живот и ползём тихонько, подкрадываемся. Вдруг слышим сзади: «Бах-бах, вы убиты!» Оказалось, дед нас обманул: он повесил кепку в одном месте, а сам спрятался в соседних кустах. Потом посмеивался: «Эх, разве-е-едчики...»

Однажды из-за него пострадал мой младший брат. Дело было на даче.

Как обычно в начале лета, когда сад зарастал молодой травой, дед её косил. Косить он очень любил. Тут кто-то позвал его в дом. Косу он оставил в траве. И надо же такому случиться: пятилетний братишка напоролся на острие косы. Он здорово распорол себе ногу. Крови было много. Поначалу даже думали, что повреждены связки. Дед первым прибежал на плач ребёнка. Я помню эту картину: он идёт весь бледный и несёт на руках моего рыдающего брата с окровавленной ножкой. Врачи, приехавшие по вызову, обработали рану, которая оказалась глубокой, но неопасной, и прописали постельный режим. Дед, чувствуя свою вину, всё свободное время посвящал брату. Он сидел у его кровати, ухаживал за ним, книжки читал, играл с ним в солдатики...»

«Он любил делать подарки. В начале шестидесятых, когда в моде были «Битлз», дед подарил мне гитару. Обычная отечественная шестиструнная гитарка, но для меня, тринадцатилетнего подростка, она была пределом мечтаний! Чуть позже дед подарил пневматическое ружьё, решив приобщить меня к охоте.

Помню, как отмечали моё пятнадцатилетие. Все уже поздравили меня и подарили подарки, а дедушка, который обычно поздравлял первым, молчит с загадочным видом. Наконец всё готово к праздничному обеду, он появляется в нарядном костюме и несёт в руках настоящую саблю! Ту самую саблю, с которой он командовал Парадом Победы, — бабушка украдкой показывала мне её, когда деда не было дома. Он подошёл ко мне и сказал: «Ну, Костя, ты теперь большой, бери её и храни. Дай бог, чтобы тебе никогда не пришлось её обнажать!» Это был его последний подарок... Стыдно признаться, но через пару дней мы с приятелем побежали рубить этой саблей крапиву, и были застигнуты за этим занятием самим дедом. Дед строго сказал: «Если ещё раз увижу, заберу».

«Меня воспитывали в строгости, кичиться фамилией у нас не было принято. Хотя помню, как во втором классе произошёл интересный случай. Как-то наш класс участвовал в уборке школьного двора, мы копали, сажали деревья, и я, конечно, тоже вместе со всеми возился во дворе. А тут за кем-то из детей пришли родители, и я услышал, как они сказали: «Смотрите, внук маршала, а с лопатой и тоже копает...» В их понимании внук маршала должен был быть белоручкой. А нас ведь воспитывали по-другому, приучали к труду и порядку. К примеру, я знал, что дедушка очень не любит, когда без разрешения брали его вещи. И когда дед сам предлагал что-то посмотреть или надеть, то это воспринималось мной как подарок.

Помню, захожу однажды в спальню, смотрю: висит мундир деда с орденами — он на парад собирался. Дед, улыбаясь, спросил: «Хочешь

надеть его?» Ну, я, конечно же, согласился. Мне тогда лет восемь-девять было. Дед надел на меня мундир с орденами, и... я едва устоял на ногах — такой он был тяжёлый. Потом долго ещё удивлялся, как же дед его носит».

«Однажды дед решил научить меня стрелять из малокалиберного спортивного пистолета «Вальтер», подаренного ему артиллеристами Войска Польского. Нечего и говорить, как я ждал этого дня.

И вот мы изучили этот пистолет вдоль и поперёк, я прошёл инструктаж — как держать, как прицеливаться, что можно и чего нельзя делать, и клятвенно обещал деду не баловаться и соблюдать осторожность. При этом он мне сказал: «Если будет осечка или вообще какая-то заминка — держи пистолет стволом вверх и не суетись — вместе разберёмся». Мы закрепили на заборе мишень, отошли метров на тридцать. Дед зарядил обойму и сделал несколько пробных выстрелов: убедившись, что с пистолетом всё в порядке, передал его мне. Я целюсь, как он сказал, стреляю раз, другой и тут, решив, что пора бы сходить и посмотреть, каков результат, опускаю пистолет вниз. А спуск у него был очень мягким — пистолет всё-таки спортивный. Раздался выстрел, и пуля вошла в землю рядом с моей ногой. Я растерялся, понимая, что совершил непростительную ошибку, и ещё неизвестно, чем бы кончилась вся эта история — ведь пистолет-то был самозарядный, и следующий патрон оказался уже в патроннике. Дед, не говоря ни слова, очень спокойно, но твёрдо вынул пистолет из моей руки и только тогда сказал ледяным тоном: «Всё. На сегодня твоя стрельба закончена! Я же говорил тебе, чего нельзя делать ни в коем случае. В следующий раз будешь внимательнее слушать деда». Не могу описать, как я был расстроен этим конфузом.

Сейчас, вспоминая этот случай, невольно сравниваю поведение деда с поведением в аналогичных ситуациях некоторых офицеров. Мне кажется, именно за эту способность в критической ситуации без суеты, спокойно и рассудительно принять решение и тактично и мягко, не унижая человека криком и бранью, помочь ему выйти из затруднительного положения и любили деда его подчинённые, от рядового до генерала».

«Деду была присуща изысканность во всём. Знаю, что он любил хорошие коньяки и даже в старости не мог отказать себе в рюмочке этого напитка. А вот чего он терпеть не мог, так это пива. И, насколько я могу судить, дед не был склонен к дурным привычкам. Он и пил мало, и курил немного (в основном отечественные папиросы «Казбек»). Ав последние годы, когда стало шалить здоровье, пользовался мундштуком... Дед был очень привязан к семье и дому. Когда он вернулся из Польши и перешёл на работу в Министерство обороны СССР, то всегда на обед приезжал домой.

А потом стал ходить пешком, ведь мы недалеко жили. Мать рассказывала, что, вернувшись из Польши, дед говорил: «Как хорошо дома, я здесь отдыхаю, потому что могу спокойно один пройти по улице». За границей у деда была очень мощная охрана. Там даже в туалет не сходишь без сопровождения. А в Советском Союзе охрана деду полагалась чисто символическая. И часто, отправляясь на работу, дедушка провожал меня в школу. Я держал его за руку и безумно гордился этим».

«Я знаю, что к религии дед был абсолютно равнодушен — сын своего времени, атеист. Но невоинствующий. Скажем, на Пасху у нас куличи пекли, яйца красили. Он с юмором к этому относился, хотя куличи любил, как и пирожки».

О трофеях и машине фельдмаршала Паулюса: «По рассказам самого деда, это была роскошная машина. Потом американцы подарили ему не менее шикарный «бьюик». Машина была у нас до 1962 года, после чего дед сдал её в АХО Министерства обороны и получил новенький ЗИМ. Дед был равнодушен к подобным вещам. Едва ли не единственная реликвия, оставшаяся после него, — военный «виллис». Я его отреставрировал. Коллекционеры предлагали мне продать его, сулили немалые деньги, но эту машину я никогда не продам.

Как ни удивительно, дед не водил, хотя пробовал научиться. Но это произошло лишь однажды. Дед рассказывал, что, когда он был в Забайкалье, вместе с товарищами поехал на охоту в степь. Едешь-едешь по степи, как по ровной дороге, почва твёрдая. И вот кто-то предложил ему поучиться управлять машиной. Сел дед за руль и погнал, вре-заться-то никуда нельзя. И всё складывалось хорошо, пока каким-то невероятным образом дед не въехал в небольшую балку, наверное, одну на всю степь. А въехал так, что сломал переднюю ось автомобиля. С тех пор за руль он больше никогда не садился».

«Его любили. Любили все — от членов Политбюро и маршалов до адъютантов, шофёров и егерей. Для нашей семьи он был центром, притягивавшим к себе и родственников, и друзей моих родителей, и даже мои приятели — дети были втянуты в его орбиту. У него была необыкновенная улыбка. Когда что-то не удавалось, он мог повернуться ко мне и сказать с такой детской, обескураживающе-застенчивой улыбкой: «Ну вот, брат, видишь, обмишулился дед». Много лет спустя я смотрел кадры кинохроники, снятые во время битвы под Москвой, на которых он, сурово насупленный, на фоне грозных батальных декораций рассказывает о наступлении наших войск. Вдруг поднимает голову, и я вижу эту застенчивую улыбку: «Ну вот, мол, наговорил тут чёрт-те чего...» И только

теперь я понимаю, как сложно было через долгую жизнь, казармы, войны, аресты пронести эту улыбку. Несмотря на почести и славу, он так и остался до самой смерти человеком застенчивым и скромным. Когда мы всей семьёй смотрели по телевизору парады, то с трудом находили деда — замминистра обороны — где-то на самом краю, а нередко и во втором ряду трибуны для военных. Иногда я слышал, как он говорил бабушке, которая просила его о чем-то: «Но, Люлю, это же неудобно!»

Наша семья ничем не отличалась от любой другой советской семьи. Ну и что, что дед — маршал? У нас в доме всегда была очень демократичная атмосфера. Он ужасно не любил, когда кто-нибудь из гостей, выпивший лишнего, начинал провозглашать тосты за Рокоссовского, за отвагу и полководческий гений. Немедленно напоминал, по какому случаю собрались. В семье вообще был культ скромности. Выделяться чем-либо было стыдно, хотя не скрою, такая возможность была».

«Никогда не забуду, как дед готовился к охоте. Это был целый ритуал. Самое интересное, патроны для охоты дед всегда делал сам. Конечно, пользовался он и покупными, но говорил, что так поступали все старые охотники. В принципе, это дело несложное, правда, нужны чрезвычайная точность и усидчивость. Дед покупал гильзы, капсюли, порох, дробь — у него был целый набор специальных устройств, чтобы отвешивать порох, вставлять капсюль, зажимать гильзу. Я деду нередко в этом помогал и безумно гордился доверием, оказанным мне. Правда, меня надолго не хватало — уж очень мудрёное это занятие. А главное, ошибиться нельзя: высыплешь две порции пороха — ружьё разорвёт. Но у деда таких случаев никогда не происходило, и корпеть над патронами он мог часами.

Делал штук пятьдесят-шестьдесят, чтобы на сезон хватило. Ему ведь много не надо было — он стрелял очень хорошо! Отец, который часто ходил с дедом на охоту, рассказывал мне об одном любопытном случае. Пошли они как-то на уток. А у деда был свой принцип: никогда не стрелять по неподвижной мишени. Для охоты на уток на озере обычно ставили специально замаскированные бочки, в которых прятались охотники и через небольшие отверстия наблюдали за дичью. Засели они в бочки, вспоминал отец, ждут. И тут он видит, что перед бочкой, где прятался дед, сел огромный селезень. Отец думает: сейчас он его тут и прихлопнет. Но дед не стреляет. Прошла пара минут, дед вылез из бочки, снял кепку и давай пугать селезня. В ту же секунду птица сорвалась с поверхности воды. Тут дед выстрелил и конечно же попал.

Но на уток он ходил только в последние годы жизни, когда уже старый

стал. А до этого ходил на волков, лосей, кабанов. Однажды, когда он на кабана ходил, с ним произошла забавная история, которую он сам мне рассказал.

Была охота загоном: стрелки стояли в засаде, а егеря гнали зверя. И вдруг прямо перед дедом выскочил огромный кабан. Хорошо, что дед не растерялся и в ту же секунду выстрелил в зверя почти в упор. Правда, никакой реакции не последовало — кабан оставался стоять. Времени на перезарядку у деда не было — животное двинулось на него. Дед быстренько сориентировался и, несмотря на годы, в мгновение ока влез на дерево. Кабан подскочил к дереву, остановился, замер на несколько минут, а потом рухнул замертво. Как впоследствии выяснилось, дед всё-таки попал в зверя, но из-за очень прочной лобовой кости кабана, от которой иногда и пули отскакивают, смерть от ранения у животного наступила не сразу. Вот он и загнал деда на дерево.

Что-что, а настоящие охотничьи ружья он ценил. Любимых и, что называется, боевых у него было два: немецкая горизонтальная двустволка «Зауэр», привезённая им из Германии после войны, и английская «Голланд-голд» — чей-то подарок. Ему ведь много ружей дарили. У деда был даже для них специальный шкаф, одно ружьё краше другого: с серебряной и золотой чеканкой, резьбой и инкрустацией. Но, насколько я знаю, он не любил эти дорогие ружья, специально их не собирал и никогда ими не пользовался на охоте. Кстати, не любил он и ружья с вертикальным расположением стволов, отдавая предпочтение классическим горизонталкам. А что касается дорогого оружия, так он его дарил. Я знаю, что он подарил своему адъютанту дорогое инкрустированное ружьё, которое ему в знак уважения преподнёс министр обороны Венгрии. Он не считал эти ружья ценностью, к тому же знал, что никогда ими пользоваться не будет.

Да, самым большим увлечением деда, его страстью была охота. На даче висели многочисленные трофеи — оленьи рога, клыки кабанов и даже голова громадного волка, которого он убил где-то в Польше. Когда здоровье стало подводить, от таких охот пришлось отказаться, и в последние годы он в основном ходил на уток. И хотя стрелком он был блестящим, тем не менее за несколько недель до открытия сезона начинал готовиться: доставал ружья, чистил, смазывал их, приводил в порядок амунизию и снаряжение. По выходным он тренировался в саду, вскидывая ружьё, делая проводки, привыкая к спуску. Патроны, как я уже сказал, дед набивал себе сам. У него был специальный набор, чтобы делать патроны, кроме того, он выписывал журнал «Охота» и черпал оттуда всякие рекомендации. Я с

удовольствием ему помогал. Порох мне, конечно, не доверяли, зато я специальной меркой отвечивал дробь. По вечерам он учил меня всем этим премудростям, рассказывал разные охотничьи истории.

Он вообще любил активный отдых, занимался спортом. Любил играть в волейбол и теннис, играл на бильярде и никогда не понимал, как можно смотреть спортивные соревнования, «болеть». Интересно, что он был равнодушен к футболу, считал, что это скучная игра. Он смеялся надо мной и моим отцом, когда мы смотрели какой-нибудь очередной «решающий» матч: «Ага, опять сидят, Башашкина смотрят». Футболист Башашкин запал ему в душу, потому что, когда дед работал в Польше, он туда приезжал и попал в какую-то неприятную историю. Деду пришлось вмешаться, чтобы выручить советского спортсмена».

«В свободную минуту дед был не прочь покопаться в земле на маленьком огороде на даче. Во время летнего отпуска он разводил там бурную деятельность: сажал редиску, лучок, укроп, петрушку. Сам всё пропалывал, удобрял, поливал, не любил, когда ему кто-то помогал. Соглашался разве что на то, чтобы ему помогли весной вскопать грядку, а так ни-ни. Только мы, внуки, могли подсобить деду, да и то по мелочам.

Ещё любил ухаживать за большим старым садом. В урожайный год бывало, что ветки до земли гнулись от плодов. И дед, щедрой души человек, раздавал их всем знакомым, отсыпая по ведру, а то и по мешку яблок. Мы ведь из яблок варенья не варили, его в нашей семье не любили. Но зато вишнёвого и малинового у нас всегда было много. Малиновое дед очень любил, и мама специально для него покупала малину и варила варенье...»

«Когда я стал взрослым, мама мне рассказывала, что дед после войны всегда с собой носил револьвер. Она поинтересовалась, почему он носит оружие. Тот ответил: «Если за мной придут, живым я им не сдамся». Я в детстве и сам видел у него маленький браунинг.

Деду немцы в ГДР подарили небольшую палатку. Мы с ним летом на даче её разбивали, ночевали в ней. Как-то он встал очень рано и куда-то ушёл. Я поднял его подушку и увидел револьвер. Подушку положил на место и побежал за своим другом Сашей Леоновым. Ему показал оружие. Деду я тогда ничего не сказал».

Дачу Рокоссовский построил по случаю. После войны почти весь Военный совет 2-го Белорусского фронта выхлопотал в Подмоскovie участок земли под дачную застройку. Спланировал и удачно провёл эту завершающую операцию член Военного совета фронта генерал Н. Е.

Субботин. Идею поддержали командующий 4-й воздушной армией генерал К. А. Вершинин, начальник штаба фронта генерал А. Н. Боголюбов. Генералы Г. Ф. Захаров и А. Г. Русских примкнули по ходу кампании, которая развивалась успешно. Строили за свой счёт. Срубы привезли из Германии — «из комплекса зданий штаба 2-го Белорусского фронта». Штаб расформировывался. Часть имущества распродавалась. Срубы перевезли под Тарасовку. Здесь пленные немцы их быстренько собрали, отделили свежим тёсом, вставили рамы.

Во время строительства произошёл такой курьёз. Кто-то из злопыхателей написал «куда следует» — мол, генералы зарвались, особенно Рокоссовский, дворец строит в Подмосковье. В то время разгоралось «трофейное дело», по которому трепали маршала Жукова и его окружение — генералов Телегина, Крюкова, певицу Лидию Русланову. Видимо, кто-то решил подсунуть под этот молот и голову Рокоссовского.

Прибыла комиссия, специально созданная для проверки «изложенных фактов». Комиссию возглавил ни много ни мало сам Булганин — в то время первый (после Сталина) заместитель министра Вооружённых сил СССР, кандидат в члены Политбюро и член Оргбюро ЦК ВКП(б). И вот комиссия прибыла, высыпала из ЗИМов. Булганин взглянул на дачу, нахмурился. Взял Рокоссовского под руку, отвёл в сторонку: «Костя, что это за изба?» — «Моя дача, Николай Александрович», — ответил Рокоссовский. «Вот что... Давай построим тебе нормальный, каменный дом!» — «Да что вы, Николай Александрович! На мой век и этого хватит». Комиссия убыла. А вскоре правительство возместило Рокоссовскому все расходы по строительству дачи и таким образом подарило её маршалу в знак признательности за его военные заслуги. Не поскреби порог высокого кабинета жалоба недоброжелателя, не приехала бы к Рокоссовскому комиссия и не видать бы ему компенсационных денег...

На охоту ездил с друзьями. Охоту любил страстно. Для полного охотничьего счастья ему необходима была хорошая компания. Чаще всего выезжал в лес с фронтовым другом генералом Константином Фёдоровичем Телегиным. Телегин закончил войну в Берлине — член Военного совета 1-го Белорусского фронта. В 1947 году был арестован органами НКВД по «трофейному делу» и получил максимальный срок — 25 лет лагерей. Во время следствия подвергался пыткам и унижениям. Вышел из заключения в 1953 году. Полностью реабилитирован. Их многое сближало.

Поддерживал дружеские отношения с маршалом Коневым. Часто в гости приезжали друзья-фронтовики генералы Батов, Малинин, Орёл, маршал Казаков.

Дочь маршала Конева Наталия Ивановна Конева вспоминает, как однажды в день рождения её отца Рокоссовский преподнёс своему фронтовому товарищу необычный подарок. «Мы жили тогда в доме на улице Грановского. Раздался звонок. Открывается дверь, а на пороге высокая фигура Рокоссовского с высоченным саженцем в кадке. Он знал, что отец любил сирень. У него Победа ассоциировалась с цветущей сиренью, ароматом её. За окнами зима, мороз, снег искрится, а улыбающийся Рокоссовский вносит в прихожую куст живой цветущей белой сирени...» Этот куст белой сирени Конев весной высадил на даче в Архангельском. Рокоссовский не раз бывал там, чтобы навестить своего друга и посмотреть, как разрастается белая сирень.

В последние годы много работал за столом. Писал статьи для военных журналов. Охотно давал интервью по темам, которые волновали его самого. Наступило время, когда необходимо было устанавливать, а порой и восстанавливать правду минувших событий — историю только что отгремевшей войны. Многие генералы и маршалы выпускали мемуары, рассказывали о том, что пережили, чему были свидетелями и какую роль играли они сами в качестве действующих лиц тех или иных событий. Книги выпускал Воениздат, серия так и называлась — «Военные мемуары». Книги выходили красивые, в суперобложках. Перед основной публикацией, как правило, мемуары «обкатывались» в журналах. Но вначале их просматривал главный цензор — Главпур^[145]. После его разрешения начинались публикации в периодике. Иногда публиковались главы, отрывки и избранные места, иногда целиком, с небольшими и несущественными сокращениями, как это принято в журналах. Мемуары читались с жадностью, особенно фронтовиками. Порой случались неувязки. Иногда кого-то из мемуаристов подводила память, иногда соблазн подретушировать свой портрет, подправить что-то задним числом. Возникала полемика.

В одном из номеров «Военно-исторического журнала» появились воспоминания Жукова, в которых он рассказывал о Курской битве. Рокоссовский внимательно прочитал их и обнаружил, что «со стороны коллеги-маршала допущены тенденциозность и неверное освещение событий». Сел за письмо. В письме на имя главного редактора журнала свидетельствовал: утверждение Жукова о том, что план оборонительной операции Центрального фронта в период Курской битвы разрабатывался начальником штаба фронта М. С. Малининым и им же был представлен в Генштаб, не совсем верно.

«Так же, как и на Воронежском фронте, план оборонительной

операции разрабатывался командованием фронта с привлечением для этого всего коллектива руководящих работников управления и штаба и был представлен в Ставку военным советом фронта, — писал Рокоссовский. — К этому ещё добавлю, что для окончательной отработки упоминаемого плана обороны войск Центрального фронта я был вызван в Ставку и лично докладывал свои соображения Верховному главнокомандующему Сталину и после некоторых уточнений этот план был им утверждён.

...Обращаюсь к Вам по затронутому вопросу потому, что и ко мне обращаются товарищи — участники Курской битвы с вопросами: почему Г. К. Жуков в своих воспоминаниях искажает истину, приписывая себе то, чего не было? Кому-кому, а ему не следовало бы допускать этого!»

В этот период под общей редакцией Рокоссовского выходит несколько книг по истории Великой Отечественной войны.

Наконец он засел за воспоминания. Работа шла тяжело. К тому времени многие боевые генералы и маршалы уже издали свои мемуары и основные акценты событий минувшей войны оказались, таким образом, расставленными. Однажды в разговоре с Головановым он с горечью признался: «Мы своё дело сделали, и сейчас мы не только не нужны, но даже мешаем тем, кому хочется по-своему изобразить войну». Александра Евгеньевича Голованова сразу после смерти Сталина уволили в запас. Теперь он работал в Научно-исследовательском институте гражданской авиации. Написал свои воспоминания, но книга вначале не прошла цензуру, потом всё же была опубликована, но со значительными сокращениями.

Голованов оставит самую яркую и глубокую характеристику своего боевого товарища:

«Пожалуй, Рокоссовский — это наиболее колоритная фигура из всех командующих фронтами, с которыми мне довелось сталкиваться во время Великой Отечественной войны. С первых же дней войны он стал проявлять свои незаурядные способности. Начав войну в Киевском особом военном округе в должности командира механизированного корпуса, он уже в скором времени стал командующим легендарной 16-й армией, прославившей себя в битве под Москвой... Его блестящие операции по разгрому и ликвидации более чем трёхсоттысячной армии Паулюса, окружённой под Сталинградом, его оборона, организованная на Курской дуге с последующим разгромом наступающих войск противника, боевые действия руководимых им войск в Белорусской операции не только снискали ему славу великого полководца в нашей стране, у нашего советского народа, но и создали ему мировую известность. Вряд ли можно назвать другую фамилию полководца, который бы так успешно действовал

как в оборонительных, так и в наступательных операциях прошедшей войны. Обладая даром предвидения, он почти всегда безошибочно разгадывал намерения противника, упреждая их и, как правило, выходил победителем. Сейчас ещё не изучены и не подняты все материалы по Великой Отечественной войне, но можно сказать с уверенностью, что, когда это произойдёт, К. К. Рокоссовский, бесспорно, будет во главе наших советских полководцев. Рокоссовскому, как лучшему из лучших командующих фронтами, было предоставлено право командовать Парадом Победы на Красной площади».

Черновик был готов. Название родилось само по себе — «Солдатский долг». Простое и твёрдое, как железо, как сталь клинка.

Воспоминания Рокоссовского написаны такой же твёрдой и честной рукой. Они лаконичны, зачастую до скупости. Картина событий в них сурова и верна. Он храбро и умело воевал и, будучи верным партии и своему Верховному главнокомандующему, по-солдатски честно выполнял долг перед родиной и советским народом. С той же честностью и прямоотой держал перо.

Книга вышла уже после смерти автора. Как и следовало ожидать, со значительными купюрами. Потом вымаранные места восстанавливали его любящие женщины — Юлия Петровна и Ариадна Константиновна. Ими же были включены в новую, значительно дополненную редакцию «Солдатского долга» фрагменты интервью и статей маршала, которые органично легли в текст, значительно его обогатив.

Иногда читатели мемуаров маршала Рокоссовского недоумевают: а почему же он ничего не написал о «Крестах»?

Константин Вильевич, разбирая дедов архив, обнаружил лишь скупую запись: «Я вышел из тюрьмы с одним непонятным вопросом: кому и зачем всё это было нужно?»

Работа над рукописью была трудной ещё и потому, что врачи обнаружили неизлечимую болезнь — рак. Надо было торопиться, успеть.

Из письма внукам: «Здравствуйте, дорогие внуки Павлик и Котя! Дед уже из больницы драпанул и сижу дома, пока ещё на больничном режиме. Получил почётное оружие типа кирасирской сабли, красиво отделанной, с большим защитным эфесом и с гербом, напоминающим собой шинельную пуговицу. Вчера собравшимся на празднование у нас нашим представлялся, салютуя по всем правилам кавалерийского искусства. Сейчас мы с бабушкой опять сидим вдвоём и молча ощущаем наше одиночество. По коридорам никто шайбу не гоняет и царит давящая тишина. Но вот пока и всё. Крепко вас целуем, а также маму и папу. Пишите, не забывайте

старичков.

Дедушка».

Это было его завещание внукам.

Из воспоминаний генерала Батова:

«С Константином Константиновичем Рокоссовским мне довелось работать долгие годы. Ныне его уже нет среди нас. Писать об этом трудно. Склоняю голову перед его светлой памятью. Бесконечно признателен ему за всё, чем обогатила меня боевая служба под его руководством.

Вспоминаю последнюю нашу встречу в госпитале за несколько дней до его кончины. Мы оба знали, что больше друг друга не увидим. Из Воениздата как раз принесли вёрстку его книги «Солдатский долг», над которой он работал уже тяжелобольным. Константин Константинович подписал книгу в печать и сказал мне:

— Авторский экземпляр я уже тебе не смогу прислать. Но считай, что ты получил его. — И добавил: — Очень хотелось написать воспоминания о Гражданской войне, сожалею, что не успел... Ничего мне так не хотелось, как написать о Гражданской войне, о подвиге революционных рабочих и крестьян. Какие это чудесные люди, и какое это счастье быть в их рядах!

Да, он сам был солдатом революции...»

Из рассказов Константина Вильевича Рокоссовского:

«Последние его дни я не застал — мы жили в Новосибирске, я сдавал экзамены в школе, мне было шестнадцать. Приехали к самому концу. Его положили в больницу — родители меня туда не брали. Тяжело это было. Особенно — процедура похорон. Тягостная обстановка... Я видел, как плакали люди, стоявшие в очереди, чтобы попрощаться с ним. Брежнев тоже плакал, совершенно искренне. Дед у всех вызывал симпатию...

Когда в 1968 году он в очередной раз попал в больницу, в семье уже знали, что дни его сочтены. Помню, за неделю до кончины деда мама привела меня в Кремлёвскую больницу, где он лежал. Дедушка едва разговаривал. Но я помню его последние слова: «Береги родителей, учись, чтобы в жизни никому не быть обузой». Вскоре его не стало.

Прощание проходило в Доме Советской армии — сейчас Дом Российской армии. Там ритуал был отработан: выставлялся гроб, заступал почётный караул... Всё время, пока шла церемония прощания, моя бабушка, мать с отцом сидели в зале. Я тоже был вместе с семьёй, хотя не так долго. В первый день с дедом прощались члены правительства, военные и, как тогда говорили, другие официальные лица. Я помню, что из всего тогдашнего руководства один Брежнев откровенно плакал. Он вообще, как говорят, был человеком чувствительным. Леонид Ильич

подошёл к нам, каждого крепко обнял.

На второй день тело деда кремировали, и попрощаться с его прахом могли простые люди. Народу было так много, что члены правительства ставили вопрос о продлении церемонии прощания ещё на один день. Но потом всё же решили не нарушать традиций, и урна с прахом была захоронена в Кремлёвской стене. Я вспоминаю, что, когда всё уже закончилось, к нам подошёл Алексей Николаевич Косыгин и спросил бабушку: а где внук Рокоссовского? Когда меня показали ему, Косыгин обнял меня за плечи и сказал: «Держись, сынок. И будь таким, как твой дед». До сих пор не могу понять, почему он обратился именно ко мне...»

Незадолго до смерти Рокоссовский признался Жукову: «Не смерть страшит, а то, что сожгут, замуруют в стену».

Жуков тоже не хотел — в стену. Завещал похоронить себя в земле, рядом с матерью.

Но маршалов кремировали.

Жуков пережил своего кавалерийского командира на шесть лет.

Большинство потомков маршала Константина Константиновича Рокоссовского носят его фамилию и живут в России.

Дочь Ариадна Константиновна после войны окончила Московский областной педагогический институт, факультет французского языка. Вышла замуж за Виля Кубасова, военного химика, ставшего заместителем начальника Академии химзащиты. Родила двоих сыновей — Константина и Павла. Константин окончил МАИ и работал в Институте военной медицины Министерства обороны. Константин Вильевич всю жизнь увлечён историей, хранит память знаменитого деда, семейные реликвии. Павел Вильевич — адвокат. У него сын Роман и дочь Дарья.

Ариадна Константиновна умерла в 1978 году от инсульта.

Юлия Петровна успела понынчить правнучку, дочь Константина Вильевича Ариадну, названную так в честь бабушки. Умерла в 1986 году.

Ариадна Константиновна (вторая) окончила МГИМО, факультет международной журналистики, работает в редакции «Российской газеты», лауреат многих премий в области журналистики, часто бывает в служебных командировках в Польше. Растит сына Юрия.

Дочь Галины Талановой Надежда Константиновна Рокоссовская — доцент кафедры английского языка МГИМО. Сын Андрей Урбан — известный журналист, корреспондент ИТАР-ТАСС в Берлине. Внук — Алексей.

Семейство Рокоссовских едино. Семьи дружат, общаются. Помнят

своего славного предка, гордятся им.

Глава двадцать девятая

САМЫЙ ОБАЯТЕЛЬНЫЙ МАРШАЛ

Из всех маршалов, полководцев Великой Отечественной войны Рокоссовский наиболее любим в нашем народе. О нём даже песню сложили. Ему приписывают зачастую даже те подвиги, которые он не совершал. Народу для своего любимца ничего не жалко, и, утверждая в своих легендах рядом с правдой вымысел, народная молва как бы допускает: он мог это совершить...

Некоторые биографы утверждают, что в 1912 году юноша Константин Рокоссовский был арестован полицией за участие в демонстрации рабочих. Два месяца провёл в тюрьме Павиак в Варшаве.

В победные дни 1945 года войска 2-го Белорусского фронта стояли в Западной Померании. Когда стало известно о капитуляции Германии, Рокоссовский собрал всех генералов и офицеров штаба и объявил эту радостную новость. Её ждали все. Но реакция была неожиданной. Ни криков ликования, ни объятий не последовало. Все, окаменев, молчали. Рокоссовский мгновенно всё понял, ещё раз окинул взглядом собравшихся и предложил выйти на воздух и покурить. Вышли. Расселись кто где, лавок на всех не хватило. Закурили. И всё это молча, среди редких реплик. Разговаривали тихо, будто боялись что-то спугнуть. Потом начали вспоминать — лето 41-го, Ярцево, Вязьму, Подмоскowie, Сталинград, Белоруссию...

В марте 1945 года Рокоссовского наградили орденом «Победа». После награждения, как водится, отметили — по-фронтовому обычаю искупали звезду в солдатской кружке... Когда ехали домой, серебряная гайка, закреплённая на штифте, видимо, впопыхах, наспех, открутилась и орден упал на коврик. Рокоссовский этого даже не заметил. Не обнаружил пропажи ордена и дома. А на следующий день шофёр Сергей Мозжухин протянул маршалу завёрнутый в носовой платок орден. Рокоссовский усмехнулся и сказал: «Ну, тогда вручай!» Так произошло повторное вручение ордена «Победа» маршалу Рокоссовскому.

На фронте у Рокоссовского был автомобиль марки «шевроле-дивизион-корреспондент-флип-мастер». Изготовили его в 1937 году

американцы, а доставили в Советский Союз в рамках ленд-лиза в ноябре 1941 года. С 1941 по 1947 год этот «шевроле» был основной личной машиной вначале командующего армией и генерала, а потом командующего войсками фронта и маршала Рокоссовского. После войны маршал подарил его своему личному водителю Сергею Мозжухину. Прочный, с сильным мотором, выносливый, приспособленный к самым немыслимым дорогам автомобиль был специально создан для войны и бездорожья. Часть кузова и днище бронированы. Говорят, он до сих пор на ходу и по хорошей дороге развивает скорость до 215 километров в час. Его время от времени арендуют киностудии для съёмок военных фильмов. В фильме «Семнадцать мгновений весны» на нём ездил американский разведчик Аллен Даллес.

Когда маршал служил главным военным инспектором, в Белорусском военном округе во время учений произошла такая история.

Для руководителей учений прибытие заместителя министра обороны равносильно ЧП. Вместе с группой сопровождающих его офицеров округа Рокоссовский шёл к полевому штабу, расположившемуся в палатке. Уже смеркалось. Да ещё пошёл сильный дождь. Возле самой палатки маршал зацепил ногой телефонный провод и всем прикладом рухнул на землю. Офицеры бросились поднимать его. Но он быстро вскочил на ноги и... засмеялся. Офицеры оцепенели: они думали, что сейчас начнётся разнос. Отряхивая плащ, Рокоссовский спросил: «Это что, телефонный провод?» — «Так точно, товарищ Маршал Советского Союза!» — «А мы во время войны обычно закапывали телефонные провода...» На том происшествие и закончилось. Провод тут же, конечно же, закопали на полметра в глубину...

В день парада Рокоссовский пригласил к себе боевых товарищей, с кем шёл к Победе. Надо было отметить. Пришли генералы, старшие офицеры. Домработница Оля всё приготовила, накрыла стол и скромно ушла к себе в комнату. Когда гости расселись, Рокоссовский вдруг спохватился: «А где Оля?» Он сходил за ней и усадил за стол. Потом Оля рассказывала, как праздновала День Победы рядом с генералами и как много их было.

«Такого человека, как Константин Константинович, не было и больше никогда не будет!» — говорила она, когда Рокоссовского не стало.

Феликс Чуев справедливо заметил: «Был в советской истории Полководец с большой буквы, которого можно было и нужно показать куда ярче и благороднее, чем это сделано на Поклонной горе. Я много слышал о нём от разных высоких военных, в том числе от маршала Александра

Евгеньевича Голованова. «Полководцем номер один я всё-таки считаю Рокоссовского, — не раз говорил мне Голованов. — Ему принадлежит Белорусская операция, которую я считаю образцом, жемчужиной военного искусства. Она сильнее Сталинграда. А ведь с идеей Рокоссовского ни Жуков, ни Василевский не соглашались, один Сталин поддержал...» Жуков и Генеральный штаб были категорически против двух главных ударов и настаивали на одном — с плацдарма на Днестре в районе Рогачёва. Верховный тоже придерживался такого же мнения. По логике, вариант Рокоссовского половинил силы и средства, что казалось просто недопустимым при проведении такой крупномасштабной операции. «Если бы это предлагал не Рокоссовский, этот вариант при наличии таких оппонентов, как Сталин и Жуков, просто пропустили бы мимо ушей, — говорит Голованов, — в лучшем случае как необдуманное, в худшем — как безграмотное предложение».

Генерал-лейтенант авиации Н. А. Захаров рассказывал о том, что, когда летом 1941 года Рокоссовский с 9-м механизированным корпусом попал в полуокружение в районе западнее Киева, осмотревшись и придя в себя, он начал контратаковать и бить противника. И вскоре телеграфировал в штаб фронта: разрешите атаковать в направлении Варшавы с конечной целью взять город приступом!

Легенда?

Красивая.

В Тимирязевке рядом с его палатой была палата, где лежал командующий 4-й ударной армией Северо-Западного фронта генерал Ерёменко. Он получил осколок при схожих обстоятельствах: его штаб отбомбили немецкие самолёты во время проведения Торопецко-Холмской операции. За ним ухаживала жена Нина Ивановна. Она-то потом и рассказала, какими прибыли из Новосибирска жена и дочь Рокоссовского. Они были истощены, чувствовалось, что долгое время недоедали. Юлия Петровна работала прачкой в одной из новосибирских тыловых госпиталей, потом при военкомате. Рокоссовский их подкармливал из своего генеральского пайка.

Из-под Сталинграда Рокоссовский пишет семье письмо: жив-здоров, чувствую себя хорошо, бьём немцев и... хозяйственного мыла достать не удалось... Видимо, Юлия Петровна попросила прислать кусочек-другой мыла. В Москве мыло было страшным дефицитом! Генерал, командующий

армией — не достал... Не мог, не считал возможным пользоваться служебным положением в личных целях. А ведь были такие командармы, которые за собой возили корову, стадо овец, кур — чтобы на столе всегда были в достатке свежие продукты. Не говоря уже о таких мелочах, как «лишний» кусок хозяйственного, как его тогда называли, *солдатского* мыла.

Главный маршал авиации А. Е. Голованов рассказывал Феликсу Чуеву: «Когда мы прибыли из Сталинграда, нас принял Сталин, это после завершения операции «Кольцо», всех поздравил, пожал руку каждому из командующих, а Рокоссовского обнял и сказал: «Спасибо, Константин Константинович!» Я не слышал, чтобы Верховный называл кого-либо по имени и отчеству, кроме Б. М. Шапошникова, однако после Сталинградской битвы Рокоссовский был вторым человеком, которого Сталин стал называть по имени и отчеству. Это все сразу заметили. И ни у кого не возникало сомнения, кто самый главный герой-полководец Сталинграда...»

Героем этой байки в нашем военном фольклоре числится и генерал Черняховский, и маршал Жуков. Но скорее всего, эта история произошла именно с Рокоссовским. Когда стало известно, что у командарма-16 генерала Рокоссовского любовь с военврачом Талановой, Мехлис, который, кажется, первым узнавал о сердечных делах генералов, доложил Верховному: так, мол, и так, при законной жене... «А скажите, товарищ Мехлис, — взмахнул трубкой Сталин, — мешает эта Таланова товарищу Рокоссовскому командовать армией?» — «Нет, товарищ Сталин». — «Вот видите! А она... красивая, эта военврач Таланова?» — «Говорят, красивая, товарищ Сталин. И намного моложе его. Что делать будем?» — «Что делать... Что делать... Завидовать будем товарищу Рокоссовскому».

Весной 1945 года войска 2-го Белорусского фронта на пути к Балтийскому морю натолкнулись на мощнейший укрепрайон, узел которого — Данциг и Гдыня — представлял собой неприступную крепость с гарнизоном в 20 дивизий вермахта, СС и различных формирований. Перед штурмом противнику был вручён ультиматум. Листовку с текстом за подписью командующего войсками фронта отпечатали тиражом три миллиона экземпляров и из самолётов разбросали над немецкой группировкой. Текст начинался так: «Я, маршал Рокоссовский, наголову разгромивший ваши войска под Сталинградом и Курском...»

Немцы ультиматума не приняли. Данциг был взят жестоким штурмом.

Поморский вал преодолен. Опасность флангового удара по группировке 1-го Белорусского фронта, наступавшей на Берлин, устранена.

Уже будучи в отставке, Вячеслав Молотов на вопрос о главных советских маршалах рассуждал так: «По характеру для крутых дел Жуков больше подходил. Но Рокоссовский при любом раскладе в первую тройку всегда войдёт. А кто третий — надо подумать...»

Был великолепным танцором, ловким и неутомимым партнёром. В 1956 году, когда ему исполнилось 60 лет, во время отдыха в санатории им. Фабрициуса, на спор, с женой своего друга Михаила Сергеевича Малинина Надеждой Грековой протанцевал краковяк по набережной от санатория до сочинского парка «Ривьера».

Ещё в юности получил взыскание, записанное в учётную партийную карточку, «за излишнее увлечение танцульками».

На торжественных и официальных приёмах никогда не ел.

Галина Таланова родила от Рокоссовского девочку. Произошло это в 1945 году на границе Польши и Германии. Фронтом уже командовал Жуков. Таланова с дочерью оставалась при своём госпитале. Жуков по просьбе Рокоссовского опекал и новорождённую, и молодую маму. У Талановой вскоре пропало молоко. Нашли корову. И эта корова шла потом вместе с госпиталем до самого Берлина. Думали, что родится мальчик. Рокоссовскому хотелось сына. Наготовили распашонок голубого цвета. Командующий бронетанковыми войсками фронта генерал Григорий Орёл раздобыл голубую коляску.

Когда Рокоссовскому сообщили, что у него дочь, он прислал нарочным Галине Талановой букет алых роз. Стоял январь 1945-го. Рождественские дни.

Был прост во взаимоотношениях с окружающими его людьми. Для него одинаковыми были генерал и шофёр, министр и солдат. Любил общение с друзьями дочери и сверстниками внуков. С детским азартом играл с ними в войну, так что они принимали его за равного. На отдыхе, когда не случалось партии за теннисным столом, мог запросто предложить девочке-подростку, которую никто не воспринимал в качестве партнёра: «Давай сыграем?» Когда служил в Польше, однажды в столовой заметил: утром во время завтрака в офицерском зале никого. «Что такое? Где люди?»

Оказывается, им приказали завтракать позже, чтобы не беспокоить министра. Та же история в бассейне. Возмутился: «Зачем вы это делаете? Пустите людей в бассейн!»

На даче любил заниматься простым крестьянским трудом — поправить покосившийся забор, посадить дерево, скосить траву. Косить выходил в старых армейских шароварах и майке. Помогал брату Юлии Петровны сажать на свободном участке картошку. Шурин садился за баранку ГАЗ-69. Этот русский джип подарили Рокоссовскому поляки. Плуг привязывали к машине. За плуг становился маршал. Никто в округе больше пахать не умел. Через несколько часов — огород вспахан. Можно сажать картошку.

Сталин высоко ценил своего маршала. Однажды, узнав, что тот во время наступления войск, увлечшись, наступал в передовых колоннах на своём командирском танке, прислал телеграмму: «Если хотите быть танкистом, я удовлетворю ваше желание».

Когда редактор принёс ему в госпиталь вёрстку «Солдатского долга», маршал, понимая, что прочитать её уже не сможет — нет сил, — спросил тихо: «Что, много переписали?» Тот не ответил. И тогда он махнул рукой и подписал вёрстку. В 1990-е годы текст воспоминаний был восстановлен и сейчас публикуется в полной редакции.

Любил заводить патефон. Старый, довоенный, которым семья обзавелась в одном из гарнизонов. Собрал большую коллекцию грампластинок. Накручивал ручку, вставлял новую иглолку и ставил пластинку с каким-нибудь старым танго.

В те годы уже в ходу были шикарные радиолы с проигрывателем и долгоиграющими пластинками, с более совершенной и качественной передачей звука. Но старому маршалу нравился патефон.

Ностальгия?

По безвозвратной юности. По Забайкалью. По своей боевой шашке и верному коню. По простоте солдатских отношений, которыми особенно дорожат люди, пережившие войну, фронт. Старые мелодии под шипение патефона воскрешали в памяти картины прошлого: окопы, землянки, кузнечный запах раскалённого металла, разбросанного по брустверу, нервное ожидание атаки, своей или неприятельской...

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ К. К. РОКОССОВСКОГО

1896, 9 (21) декабря — в семье железнодорожного служащего и учительницы, оба православного вероисповедания, родился сын Константин.

1909–1914 — работал на чулочной фабрике, затем каменотёсом.

1914, 2 августа — зачислен охотником в 5-й драгунский Каргопольский полк.

8 августа — отличился во время проведения разведки, за что вскоре награждён Георгиевским крестом 4-й степени, произведён в ефрейторы.

1915, 20 июля — отличился в деле у местечка Трашкуны и был награждён Георгиевской медалью 4-й степени.

1916, 25 мая — награждён Георгиевской медалью 3-й степени.

1917, 29 марта — прошёл курс обучения в учебной команде и произведён в младшие унтер-офицеры.

1917, ноябрь — 1918, февраль — в должности помощника командира Каргопольского красногвардейского отряда участвовал в подавлении крестьянских возмущений в районах Вологды, Буя, Галича и Солигалича.

1919, 7 марта — вступил в РКП(б), партийный билет № 5239.

4 ноября — за храбрость, проявленную в бою близ села Васкоринское, и захват неприятельской батареи представлен к ордену Красного Знамени.

1920, 23 января — назначен командиром 30-го конного полка 30-й стрелковой дивизии.

8 августа — назначен командиром 35-го кавалерийского полка 35-й стрелковой дивизии.

7 ноября — ранен в бою у деревни Караульная.

1921, 2 июня — тяжело ранен в ближнем бою. Награждён вторым орденом Красного Знамени.

Октябрь — назначен командиром 3-й бригады 5-й Кубанской кавалерийской дивизии.

1923 — женился на уроженке Кяхты Юлии Петровне Барминой.

1924 — учёба в Высшей кавалерийской школе в Ленинграде.

1925, 17 июня — родилась дочь Ариадна.

6 сентября — по возвращении из Ленинграда назначен командиром

75-го кавалерийского полка 5-й отдельной Кубанской кавалерийской бригады.

1926 — назначен инструктором отдельной Монгольской кавалерийской дивизии в Улан-Батор, Монголия.

1928 — возвращение из Монголии; назначен командиром и комиссаром 5-й отдельной Кубанской кавалерийской бригады, Даурия.

1929 — учёба на КУВНАС, Москва.

Октябрь — ноябрь — участие в конфликте на КВЖД — командир 5-й отдельной Кубанской кавалерийской бригады.

1930 — назначен командиром и комиссаром 7-й Самарской им. Английского пролетариата кавалерийской дивизии Белорусского особого военного округа.

13 февраля — за бои на КВЖД награждён третьим орденом Красного Знамени.

1932 — назначен командиром и комиссаром 15-й отдельной Кубанской кавалерийской дивизии.

1933 — награждён орденом Ленина.

1935 — присвоено звание комдива.

1936 — назначен командиром и комиссаром 5-го кавалерийского корпуса Ленинградского военного округа.

1937, 17 августа — арестован органами НКВД и помещён во внутреннюю тюрьму «Кресты», Ленинград.

1940, 22 марта — освобождён из заключения, восстановлен в партии, воинском звании и РККА.

Май — июнь — ноябрь — присвоено звание генерал-майора; назначен командиром 5-го кавалерийского корпуса, затем 9-го механизированного корпуса, Киевский особый военный округ.

1941 — назначен командующим 4-й армией, затем оперативной группой войск в районе Ярцева; награждён четвёртым орденом Красного Знамени; присвоено звание генерал-лейтенанта.

1942 — тяжело ранен в районе Сухиничей; назначен командующим войсками Брянского, затем Донского фронтов.

1943 — присвоено звание генерал-полковника; награждён орденом Суворова 1-й степени; назначен командующим войсками Центрального, затем Белорусского фронтов.

1944 — присвоено звание Маршала Советского Союза; присвоено звание Героя Советского Союза.

1945 — успешное наступление в Померании; присвоено звание Героя Советского Союза с вручением второй «Золотой Звезды»; назначен

командующим Северной группой войск, Польша.

1949 — назначен министром национальной обороны ПНР с присвоением звания маршала Польши.

1956 — подал в отставку со всех государственных и партийных постов в Польше и убыл в СССР; назначен на пост заместителя министра обороны СССР.

1957 — назначен главным военным инспектором с сохранением поста заместителя министра обороны СССР; назначен командующим войсками Закавказского военного округа.

1962 — назначен генеральным инспектором Группы генеральных инспекторов Министерства обороны СССР.

1968 — работа над мемуарами.

3 августа — скончался в Москве.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

А. Г. Косов

Константин в 18 лет

Могила Ксаверия Рокоссовского на кладбище Брудно. Плита установлена его сыном К. К. Рокоссовским в начале 1950-х годов

Варшава времён детства Кости Рокоссовского

Костя (в центре) с дядей Константином Рокоссовским и двоюродными братьями Францем (справа) и маленьким Винcentием

Дом на улице Варецкой в Груеце, в котором Костя жил у своего дяди Стефана Высоцкого

Каменотёсная мастерская на улице Стшелеикой. в которой работал Костя

Последние полки Красной армии оставляют Варшаву. 1915 г.

Драгун Каргопольского полка К. Рокоссовский. 1916 г.

К. Рокоссовский среди участников борьбы с Унгерном. 1923 г.

Среди слушателей Кавалерийских курсов усовершенствования командного состава. 1924–1925 гг.

С женой Юлией Барминой. 1926 г.

Кавалер двух орденов Красного Знамени. Конец 1920-х гг.

После освобождения из заключения и восстановления в звании. 1940 г.

С дочерью Алой (в светлом купальнике) в Сочи. Июнь 1940 г.

Командир 9-го механизированного корпуса генерал-майор К. К. Рокоссовский в первые дни Великой Отечественной войны

Командование 16-й армией во время оборонительных боёв в районе Волоколамска

Командующий 16-й армией генерал-лейтенант К. К. Рокоссовский, член Военного совета А. А. Лобачёв и писатель В. П. Ставский осматривают захваченную советскими войсками технику противника

В госпитале после ранения. 1942 г.

Галина Таланова

Валентина Серова

К. К. Рокоссовский на Брянском фронте. Лето 1942 г.

К. К. Рокоссовский на Брянском фронте. Лето 1942 г.

Командующий Донским фронтом К. К. Рокоссовский и генерал П. И. Батов в окопе под Сталинградом

Командующий Донским фронтом генерал-полковник К. К. Рокоссовский

Слева направо

Гейнц Гудериан

Эрих фон Манштейн

Слева направо

Ганс фон Клюге

Фёдор фон Бок

К. К. Рокоссовский и Н. Н. Воронов допрашивают фельдмаршала Паулюса

Уличные бои в Сталинграде

Портрет К. К. Рокоссовского на обложке американского журнала «Тайм».

Август 1943 г.

Маршал двух армий

На КП под Курском. 1943 г.

Бой на Курской дуге

Командование Центрального фронта осматривает подбитую немецкую технику В центре — командующий фронтом К. К. Рокоссовский и командующий 16-й воздушной армией С. И. Руденко. Июль 1943 г.

Рокоссовский с офицерами осматривает подбитую немецкую САУ «Фердинанд»

В марте 1943 года

С женой Юлией Петровной и дочерью Ариадной. 1943 г.

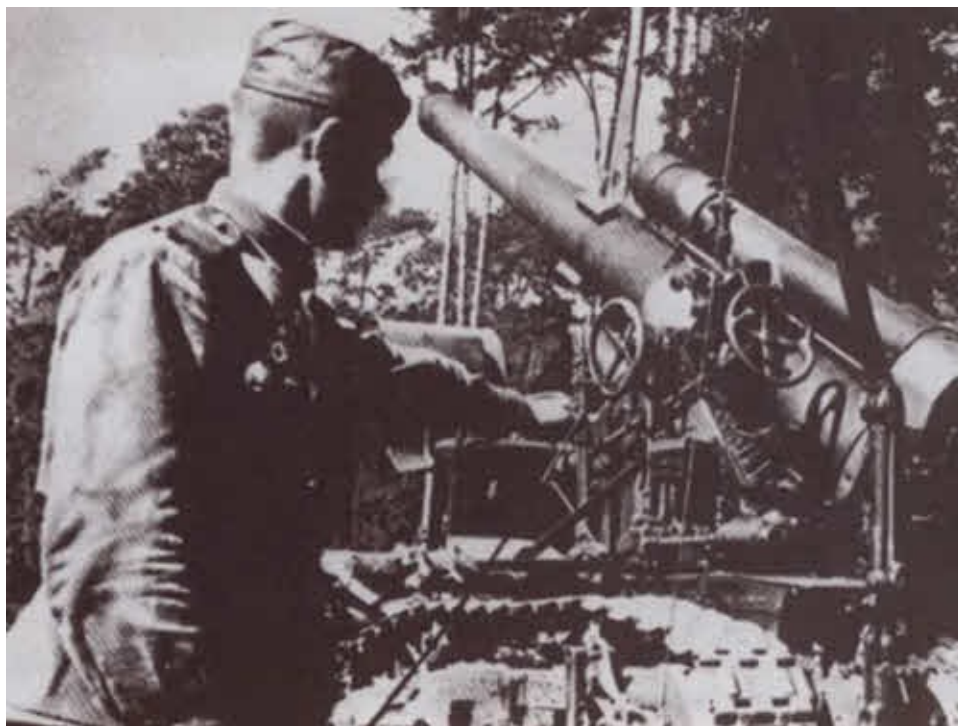

Операция «Багратион». Бои на подступах к городу Барановичи. 1944 г.

Рокоссовский и Батов в расположении 65-й армии в дни операции «Багратион»

На подступах к Варшаве

Воины 1-й польской армии на варшавском направлении

Маршал Советского Союза К. К. Рокоссовский. 1944 г.

Цветы командующему 1-м Белорусским фронтом маршалу Рокоссовскому от жителей освобождённого Люблина. Рядом с маршалом главнокомандующий Войска Польского генерал М. Роля-Жимерский

Варшавское восстание

*Бур-Коморовский и обергруппенфюрер СС Эрих фон дем Бах после подписания капитуляции
варшавских повстанцев*

К. К. Рокоссовский и К. Ф. Телегин в штабе 1-го Белорусского фронта. 1944 г.

Операция «Большой вальс». Москва, 17 июля 1944 г.

К. К. Рокоссовский и Г. К. Жуков. Польша, 1944 г.

Командующий 2-м Белорусским фронтом К. К. Рокоссовский. 1945 г.

К. К. Рокоссовский готовится к полёту на аэростате. Апрель 1945 г.

Фельдмаршал Монтгомери награждает советских маршалов К. К. Рокоссовского и Г. К. Жукова крестами ордена Бани. Берлин, 1945 г.

Маршал Советского Союза К. К. Рокоссовский перед Парадом Победы. 1945 г.

На Параде Победы

С женой и дочерью. 1947 г.

На охоте. Чехословакия, январь 1956 г.

На ответственном посту министра национальной обороны Польши. 1949 г.

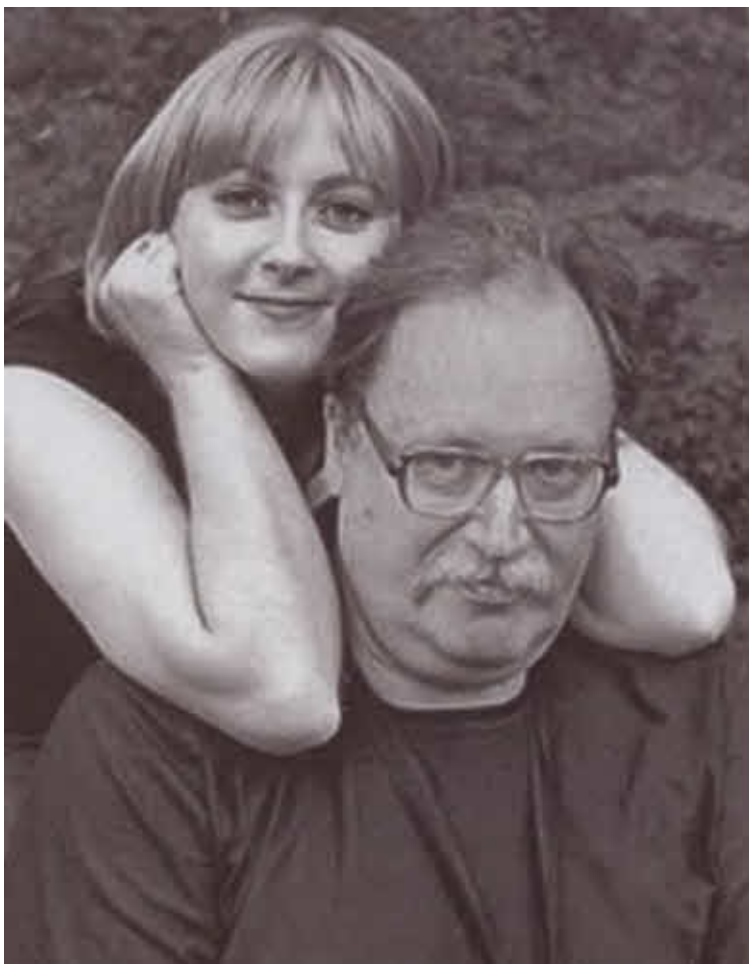

На полигонах случалось всякое... Польша, 1950-е гг.

Надежда Константиновна Рокоссовская

Внук Константин и правнучка Ариадна

Памятник маршалу Рокоссовскому в Зеленограде

ЛИТЕРАТУРА

- Антипенко Н. А.* На главном направлении. М., 1967.
- Батов П. И.* В походах и боях. 2-е изд. М., 1966.
- Батов П. И.* Маршал Советского Союза Константин Рокоссовский // Полководцы и военачальники Великой Отечественной войны. М., 1970.
- Батов П. И.* Человек, коммунист, командир. М., 1971.
- Белобородов А. П.* Всегда в бою. М., 1984.
- Верт А.* Россия в войне 1941–1945 /Пер. с англ. М.: Алгоритм, 2003.
- Г. К. Жуков* в битве под Москвой: Сборник документов. М., 1994.
- Геббельс Й.* Последние записи /Пер. с нем. Смоленск, 1993.
- Георгий Жуков:* Стенограмма октябрьского (1957 г.) пленума ЦК КПСС и другие документы. М., 2001.
- Горбатов А. В.* Годы и войны. М., 1989.
- Горьков Ю. А.* Государственный Комитет Обороны постановляет (1941–1945): Цифры. Документы. М., 2002.
- Гот Г.* Танковые операции. М., 1961.
- Гудериан Г.* Воспоминания солдата /Пер. с нем. Смоленск, 1998.
- Дайнес В. О.* Рокоссовский: Гений манёвра. М., 2008.
- Дайнес В. О.* Маршал Рокоссовский. М., 2015.
- Жуков Г. К.* Воспоминания и размышления: В 3 т. М., 1995. Т. 1–3.
- Завьялов А. С., Колядин Т. Е.* Восточно-Померанская наступательная операция советских войск. Февраль — март 1945 г. М., 1960.
- Залесский К, А.* Империя Сталина //Биографический энциклопедический словарь. М., 2000.
- Казаков В. И.* Артиллерия, огонь!: Записки маршала артиллерии. М., 2008.
- Кардашов В. И.* Рокоссовский. 3-е изд. М., 1980.
- Киселёв В. И.* Висла — Арденны. 1944–1945 //Военно-исторический журнал. 1993. № 6.
- Коломиец М., Свирин М.* Курская дуга. М., 1999.
- Конецки Т, Рушкевич И.* Маршал двух народов /Пер. с польск. Варшава, 1980.
- Константинов К.* Рокоссовский: Победа не любой ценой. М., 2007.
- Лобачёв А. А.* Трудными дорогами. М., 1960.
- Лопуховский Л. Н.* Вяземская катастрофа 41-го года. М., 2007.
- Лопуховский Л. Н.* Прохоровка без грифа секретности. М., 2005.

Махрин Ю. Фронтная любовь маршала Рокоссовского // Труд. 2005. 8 сентября.

Митчем С. В., Мюллер Дж. Командиры Третьего рейха /Пер. с англ. Смоленск, 1995.

Митчем С. Фельдмаршалы Гитлера и их битвы /Пер. с англ. Смоленск, 1998.

Михеенков С. Е. Жуков: Маршал на белом коне. М., 2015.

Михеенков С. Е. Конев: Солдатский маршал. М., 2013.

Мюллер-Гиллебранд Б. Сухопутная армия Германии. 1933–1945 /Пер. с нем. М., 2003.

Невежин В. А. Сталин о войне. Застольные речи 1933–1945 гг. М., 2007.

Пономаренко Р. О. 10-я танковая дивизия «Фрундсберг». М., 2009.

Рейнгардт К. Поворот под Москвой /Пер. с нем. М., 1980.

Рачинский В. В. Моя жизнь: Автобиографический очерк. М., 1992.

Рокоссовский К. К. Солдатский долг /Под ред. А. Я Сухарева. М., 1997.

Россия в войнах XX века. Потери вооружённых сил: Статистическое исследование /Под ред. Г. Ф. Кривошеева. М., 2001.

Рубцов Ю. В. «Советский Багратион»: Маршал К. К. Рокоссовский (1896–1968) //Новая и новейшая история. 2004. № 6.

Сандалов Л. М. 1941. На московском направлении. М., 2006.

Симонов К. М. Глазами человека моего поколения. М., 1989.

Симонов К. М. 100 суток войны. Смоленск, 1999.

Скрытая правда войны: 1941 год. Неизвестные документы. М., 1992.

Соколов Б. В. Жуков: триумфы и падения. М., 2004.

Соколов Б. В. Рокоссовский. М., 2010.

Телегин К. Ф. Войны неслучайные вёрсты. М., 1988.

Типпельскирх К. История Второй мировой войны /Пер. с нем. М., 1956.

Хаупт В. Сражения группы армий «Центр» /Пер. с нем. М., 2006.

Ходаренок М. Черный октябрь 41-го //Независимое военное обозрение. 2002. № 20.

Шапошиников Б. М. Битва за Москву. Взгляд из Генштаба. М., 2005.

Штеменко С. М. Генеральный штаб в годы войны. М., 1989.

INFO

Михеенков С. Е.

М 69 Рокоссовский: Клинок и жезл / Сергей Михеенков. — М.: Молодая гвардия, 2017. — 463[1] с.: ил. — (Жизнь замечательных людей: сер. биогр.; вып. 1610).

ISBN 978-5-235-03943-8

УДК94(47+57)(092)"19"

ББК 63.3(2)622.88

знак информационной продукции 16+

Михеенков Сергей Егорович

РОКОССОВСКИЙ: Клинок и жезл

Редактор *Е. В. Смирнова*

Художественный редактор *А. В. Никитин*

Технический редактор *М. П. Качурина*

Корректор *Г. В. Платова*

Сдано в набор 07.07.2016. Подписано в печать 19.10.2016.
Формат 84x108/32. Бумага офсетная № 1. Печать офсетная.
Гарнитура «Newton». Усл. печ. л. 24,36+1,68 вкл. Тираж 4000 экз.
Заказ № 1619190.

Издательство АО «Молодая гвардия». Адрес издательства:
127055, Москва, Сущёвская ул., 21. Internet: <http://gvardiya.ru>. E-mail: dsel@gvardiya.ru

ARVATO BERTELSMANN

Отпечатано в полном соответствии с качеством предоставленного электронного оригинал-макета в ООО «Ярославский полиграфический комбинат» 150049, Ярославль, ул. Свободы, 97

---

notes

Примечания

1

Так в цитируемом тексте.

Гмина — наименьшая административная единица в Польше, нечто подобное волостям в царской России и сельсоветам в СССР.

Николаевский мост был построен в Варшаве в 1905–1913 годах. В 1915 и 1944 годах (во время Первой и Второй мировых войн) его взрывали, поляки его затем восстанавливали. Теперь он называется мостом Понятовского — в честь маршала Великой армии Наполеона и участника восстания Костюшко Юзефа Понятовского.

РГВИА. Ф. 3557. Он. 1. Д. 44.

Там же. Ф.2139. Оп. 1.Д. 1571. Л. 11.

Иван Владимирович Тюленев (1892–1978) — советский военачальник, генерал армии (1940), полный георгиевский кавалер. Герой Советского Союза (1978).

Григорий Иванович Хетагуров (1903–1975) — генерал армии, участник Первой мировой и Гражданской войн. Герой Советского Союза (1945). Служил в Забайкалье и на КВЖД. Великую Отечественную войну встретил в должности командира 21-го механизированного корпуса. На завершающем этапе войны командовал стрелковой дивизией и гвардейским стрелковым корпусом, с которым встретил Победу. После войны на командных должностях, от командира стрелкового корпуса до командующего войсками округа. Награды: три ордена Ленина, орден Октябрьской Революции, шесть орденов Красного Знамени, орден Суворова 1-й степени, ордена Кутузова 1-й и 2-й степени, орден Красной Звезды. Оставил книгу мемуаров.

Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. М.: АПН, 1990.

Илья Васильевич Балдынов (1903–1980) — советский военачальник, генерал-майор. Герой Советского Союза (1945). В 1929 году участвовал в боях на КВЖД. В 1937–1940 годах в тюрьме под следствием. Освобождён и восстановлен в войсках. Во время Великой Отечественной войны командовал полком и мотострелковой бригадой, с 1943 года — командир 109-й гвардейской стрелковой дивизии. Участвовал в войне с Японией, отличился в боях в районе Большого Хингана. Награды: два ордена Ленина, четыре ордена Красного Знамени, орден Кутузова 2-й степени, орден Отечественной войны 1-й степени, орден Красной Звезды.

Шаламов В. Воспоминания. Записные книжки. Переписка. Следственные дела. М.: Эксмо, 2014.

Там же.

Павел Ефимович Дыбенко (1889–1938) имел воинское звание командарм 2-го ранга (1935). Уволен из РККА в начале 1938 года и последнее перед арестом время работал заместителем наркома лесной промышленности. Расстрелян. Реабилитирован в 1956 году.

Документ на право льготного или бесплатного пользования какими-либо услугами, в данном случае — на покупку железнодорожного билета.

Советско-финляндская война закончилась 13 марта 1940 года, но Ленинград ещё некоторое время находился на положении прифронтового города.

Черновые варианты, наброски и куски текста, купированные редакторами и цензурой, сейчас уже опубликованы.

Иван Иванович Федюнинский (1900–1977) — генерал армии (1955). Герой Советского Союза (1939). В 1941 году — генерал-майор, командир 15-го стрелкового корпуса, затем командующий 42-й армией и одновременно заместитель командующего войсками Ленинградского фронта. Затем командует 54-й и 5-й армиями, заместитель командующего Волховским фронтом. С 1943 года — командующий 2-й Ударной армией. Участник Берлинской операции. После войны командовал армией и рядом военных округов. Награды: четыре ордена Ленина, пять орденов Красного Знамени, два ордена Суворова 1-й степени, два ордена Кутузова 1-й степени, орден Красной Звезды.

Алексей Гаврилович Маслов (1901–1967) — генерал-майор технических войск (1940). Участник Польского похода 1939 года — начальник химических войск Украинского фронта. В 1940 году — начальник штаба 9-го мехкорпуса. В 1941-м — командир 9-го мехкорпуса, затем — начальник штаба и командир 38-й армии. С 1942 года — командующий автобронетанковыми войсками 5-й армии, командовал 16-м танковым корпусом. Участник Сталинградской битвы. С 1943 года — заместитель начальника Главного управления вооружения гвардейских миномётных частей, с 1944-го — начальник Управления по ремонту и снабжению боевых и транспортных машин. После войны командовал бронетанковыми войсками Львовского военного округа, механизированной дивизией, затем гвардейской стрелковой дивизией. Преподавал. Награды: орден Ленина, три ордена Красного Знамени, орден Отечественной войны 1-й степени, орден Красной Звезды.

Кузьма Александрович Семенченко (1896–1965) — генерал-майор танковых войск (1940). Герой Советского Союза (1941). Во время Великой Отечественной войны был начальником автобронетанковых войск 10-й армии. В 1942 году командовал 5-м танковым корпусом, с 1943-го — начальник Костерёвского танкового лагеря (Владимирская область). После войны командовал автобронетанковыми войсками ряда военных округов. Награды: два ордена Ленина, орден Красного Знамени, орден Отечественной войны 1-й степени.

Михаил Петрович Кирпонос (1892–1941) — генерал-полковник. Герой Советского Союза (1940). С февраля 1941 года — командующий войсками Киевского особого военного округа, с началом войны округ преобразован в Юго-Западный фронт. Погиб при выходе из окружения. Награды: орден Ленина, орден Отечественной войны 1-й степени (посмертно), медаль «XX лет РККА».

Павел Иванович Батов (1897–1985) — генерал армии (1955), дважды Герой Советского Союза (1943, 1945). В начале войны заместитель командующего 51-й армией. Командовал 3-й армией, 4-й танковой армией, 65-й армией. После войны командовал 7-й механизированной армией, 11-й гвардейской армией и рядом военных округов. Награды: восемь орденов Ленина, орден Октябрьской Революции, три ордена Красного Знамени, три ордена Суворова 1-й степени, орден Кутузова 1-й степени, орден Богдана Хмельницкого 1-й степени, орден Отечественной войны 1-й степени.

Бугайская Елена. «Если за мной придут, живым не сдамся...» // Российская газета (Неделя). 2005.21 января. № 3678.

Деревня в Вяземском районе Смоленской области на левом берегу реки Касня.

Семён Константинович Тимошенко (1895–1970) — советский военачальник, Маршал Советского Союза (1940), дважды Герой Советского Союза (1940, 1965). Народный комиссар обороны СССР (май 1940 — июль 1941). Участник Первой мировой войны, кавалер Георгиевского креста 2, 3 и 4-й степени. Награды: орден «Победа», пять орденов Ленина, орден Октябрьской Революции, пять орденов Красного Знамени, три ордена Суворова 1-й степени.

Николай Александрович Булганин (1895–1975) — советский государственный и военный деятель. В 1937 году — председатель Совета народных комиссаров. Маршал Советского Союза (1947, в 1958-м лишён этого звания), генерал-полковник. Герой Социалистического Труда (1955). Во время Великой Отечественной войны — член Военного совета западного направления, а затем Западного, Прибалтийского и 1-го Белорусского фронтов. После войны — первый заместитель, а затем министр обороны СССР. С 1948 года — член Политбюро ЦК РКП(б). Вскоре был смещён с поста министра обороны и всех партийных постов, отправлен на хозяйственную работу. Награды: два ордена Ленина, орден Красного Знамени, ордена Суворова 1-й и 2-й степени, два ордена Кутузова 1-й степени, два ордена Красной Звезды.

Дмитрий Александрович Лестев (1904–1941) — дивизионный комиссар. Участник боёв на Халхин-Голе и советско-финляндской войны. Во время Великой Отечественной войны — член Военного совета Западного фронта. Погиб 18 ноября 1941 года в районе Кубинки во время налёта немецкой авиации. Награды: орден Ленина, орден Красного Знамени.

Иван Степанович Конев (1897–1973) — советский полководец, Маршал Советского Союза (1944), дважды Герой Советского Союза (1944, 1945). Во время Великой Отечественной войны командовал 19-й армией, войсками Западного, Калининского, Северо-Западного, Степного, 2-го Украинского и 1-го Украинского фронтов. Участник штурма Берлина и встречи на Эльбе. После войны командовал оккупационными войсками в Австрии, затем — военными округами. Заместитель министра обороны и главнокомандующий Сухопутными войсками СССР. Награды: орден «Победа», семь орденов Ленина, орден Октябрьской Революции, три ордена Красного Знамени, два ордена Суворова 1-й степени, два ордена Кутузова 1-й степени, орден Красной Звезды.

Илья Прокофьевич Алексеенко (1899–1941) — генерал-майор танковых войск. Участник боёв на Халхин-Голе. С марта 1941 года — командир 5-го мехкорпуса. 2 августа 1941 года ранен в бою у Соловьёвой переправы и на следующий день скончался в госпитале в Вязьме. Награды: орден Ленина, орден Красного Знамени, медаль «XX лет РККА».

Александр Ильич Лизюков (1900–1942) — генерал-майор. Герой Советского Союза. В 1941 году — заместитель командира 36-й танковой дивизии 17-го мехкорпуса Западного особого военного округа. Отличился во время Смоленского сражения. В августе — командир 1-й танковой дивизии. С ноября — заместитель командующего 20-й армией. С июня 1942 года — генерал-майор, командир 2-го гвардейского стрелкового корпуса, который успешно действовал под Демянском, в июле — командир 5-й танковой армии, затем — 2-го танкового корпуса. Погиб в бою под Семилуками Воронежской области в июле 1942 года. Награды: два ордена Ленина, медаль «XX лет РККА».

Иван Павлович Камера (Камер) (1897–1952) — генерал-полковник артиллерии. Венгр, но по документам числился белорусом. Во время Первой мировой войны унтер-офицер Австро-венгерской императорской армии, попал в русский плен. С 1918 года в РККА, участник Гражданской войны. С 1941 года — начальник артиллерии 19-й армии, с ноября — начальник артиллерии Западного фронта. За неудачу во время Оршанской и Витебской наступательных операций 1944 года вместе с группой командования Западного фронта отстранён от должности. С 1944 года в отставке. Награды: орден Ленина, два ордена Красного Знамени, орден Суворова 1-й степени, орден Отечественной войны 1-й степени.

Михаил Сергеевич Малинин (1899–1960) — генерал армии (1953). Герой Советского Союза (1945). Во время Великой Отечественной войны начштаба армейской группы, армии, фронтов. После войны на штабной работе. Награды: четыре ордена Ленина, три ордена Красного Знамени, два ордена Суворова 1-й степени, два ордена Кутузова 1-й степени, орден Суворова 2-й степени, орден Красной Звезды.

Григорий Михайлович Михайлов (1901–1941 или 1942) — полковник, командир 101-й танковой дивизии. Герой Советского Союза (1939). Участник боёв на Халхин-Голе. С мая 1941 года — командир 52-й танковой дивизии. На фронте с июля 1941 года. Погиб в бою в октябре 1941 года (по другим данным — в мае 1942 года) в районе села Холм-Жирковского Смоленской области.

Василий Александрович Юшкевич (1897–1951) — генерал-полковник (1945). Участник Первой мировой войны. В Красной армии с 1919 года. Великую Отечественную войну встретил в звании комдива. С августа 1941 года — командующий 22-й армией Западного фронта. Участник всех основных боёв под Ржевом. С апреля 1944 года — командующий 3-й Ударной армией. В августе 1944 года назначен командующим войсками Одесского военного округа. После войны командовал войсками Приволжского военного округа. Награды: два ордена Ленина, четыре ордена Красного Знамени, орден Суворова 1-й степени, орден Кутузова 1-й степени, орден Красной Звезды.

Фон Бок разговаривал по телефону с командующим 4-й полевой армией фельдмаршалом фон Клюге.

Гюнтер Блюментрит (1892–1967) — генерал пехоты. Участник Польской и Французской кампаний. С октября 1940 года — начальник штаба 4-й полевой армии. С июня 1941-го — на Восточном фронте. С 1942 года — начальник штаба группы армий «Д» во Франции, с 1944-го — командир корпуса СС в Нидерландах, с апреля 1945-го — командующий армейской группой «Блюментрит» в Шлезвинг-Гольштейне, с июня — в плену у англичан. Освобождён в 1948 году. Автор книг о Второй мировой войне.

Герман Гот (1885–1971) — генерал-полковник (1940) германской армии. Участник Первой мировой войны. В Польскую кампанию командовал 15-м армейским корпусом, во Французскую кампанию — танковой группой «Гот». Командир 3-й танковой группы (группа армий «Центр» и «Север»). В 1942 году — командующий 2-й танковой армией. С 1943 года в отставке. В 1945 году взят в плен американцами, освобождён в 1954 году. Автор книги мемуаров.

Василий Иванович Казаков (1898–1968) — маршал артиллерии (1955). Герой Советского Союза (1945). Участник Гражданской войны и Польского похода. С июля 1940 года — начальник артиллерии 7-го механизированного корпуса, с августа 1941-го — начальник артиллерии 16-й армии, затем Брянского, Сталинградского, Донского, Центрального, Белорусского и 1-го Белорусского фронтов. После войны командовал артиллерией Группы оккупационных советских войск в Германии. Затем занимал пост командующего артиллерией Советской армии, начальника войск ПВО Сухопутных войск. Оставил мемуары. Награды: четыре ордена Ленина, пять орденов Красного Знамени, три ордена Суворова 1-й степени, орден Кутузова 1-й степени, орден Суворова 2-й степени, орден Красной Звезды.

Михаил Фёдорович Лукин (1892–1970) — генерал-лейтенант (1940). Герой Российской Федерации (посмертно). Участник Первой мировой и Гражданской войн. В Красной армии с 1918 года. В начале Великой Отечественной войны командующий 16 20, 19-й армиями. Попал в окружение под Вязьмой во время осеннего немецкого наступления на Москву («Тайфун»), раненым был взят в плен. Освобождён в 1945 году. Прошёл проверку органов НКВД. Восстановлен в РККА. С 1946 года в запасе. Награды: орден Святого Владимира 4-й степени, орден Святой Анны 4-й степени, орден Святого Станислава 3-й степени, орден Ленина, пять орденов Красного Знамени, орден Трудового Красного Знамени, орден Красной Звезды.

Филипп Афанасьевич Ершаков (1893–1942) — генерал-лейтенант. Участник Первой мировой и Гражданской войн. В РККА с 1918 года. С июня 1941 года — командующий 22-й армией, с сентября — 20-й армией Западного фронта. Под Сухиничами попал в плен. Погиб в офицерском лагере Хаммельбург. Награды: два ордена Красного Знамени, медаль «XX лет РККА».

Константин Иванович Ракутин (1902–1941) — генерал-майор. Герой Советского Союза (1990, посмертно). В РККА с 1918 года. Участник Гражданской и советско-финляндской войн. В 1940 году — генерал-майор НКВД. В конце июня 1941 года — командующий 31-й, с июля — 24-й армией. В октябре 1941 года погиб при попытке вырваться из окружения. Награды: орден Ленина (посмертно), орден Отечественной войны 1-й степени (посмертно), орден Красной Звезды.

NARA (National Archives and Records Administration). T312, R150, F7689745-1,2.

ЦАМО. Ф. 208. Оп. 2513. Д. 82. Л. 283–285.

Иван Васильевич Болдин (1892–1956) — генерал-полковник (1944). Участник Первой мировой и Гражданской войн. В РККА с 1919 года. С января 1941 года — первый заместитель командующего войсками Западного военного округа. В начале войны попал в окружение под Белостоком. Осенью 1941 года — заместитель командующего Западным фронтом. Командующий 19-й, затем 50-й армией. В 1945 году комфронта К. К. Рокоссовским снят с должности командарма. С апреля 1945 года — заместитель командующего 3-м Украинским фронтом. Награды: два ордена Ленина, три ордена Красного Знамени, орден Суворова 1-й степени, орден Кутузова 1-й степени, два ордена Красной Звезды.

Алексей Андреевич Лобачёв (1903–1964) — генерал-майор, политработник. В РККА с 1919 года. Участник Гражданской войны. С 1940 года — член Военного совета 16-й армии. С ноября 1942-го — член Военного совета 20-й армии, затем — член Военного совета 3-го Прибалтийского фронта. Награды: орден Красного Знамени, орден Кутузова 1-й степени, орден Отечественной войны 1-й степени. Оставил мемуары.

Григорий Николаевич Орёл (1904–1974) — генерал-полковник танковых войск. В РККА с 1924 года. Во время войны — командующий бронетанковыми и механизированными войсками 16-й армии, а затем ряда фронтов, где командующим был К. К. Рокоссовский, — Брянского, Донского, Центрального, 1-го Белорусского. Отличился в битве на Курской дуге, командуя подвижной группой в составе 16-го и 9-го танковых корпусов. После войны командовал бронетанковыми и механизированными войсками ряда округов. Награды: орден Ленина, три ордена Красного Знамени, орден Суворова 1-й степени, орден Кутузова 1-й степени, орден Суворова 2-й степени, орден Отечественной войны 1-й степени.

В протокол Смерша от 25 мая 1945 года занесены слова А. А. Власова о встрече в немецком концлагере с генералом М. И. Лукиным: «После того как я изложил ему цель своего приезда, он наедине со мной сказал, что немцам не верит, служить у них не будет, и моё предложение не принял. Потерпев неудачу, я больше ни к кому из военнопленных генералов Красной Армии не обращался».

Пётр Николаевич Чернышёв (1901–1966) — генерал-майор (1942). С 1917 года в Красной гвардии. В Смоленском сражении 1941 года был тяжело ранен. Участник битвы под Москвой. В августе 1942 года отстранён от командования дивизией и отдан под суд — за самовольное оставление позиций и бегство в тыл. Вскоре восстановлен в должности. Командовал гвардейскими стрелковыми дивизиями. Победу встретил в Восточной Пруссии. После войны на различных командных должностях в Советской армии. Награды: орден Ленина, три ордена Красного Знамени.

Танковая бригада. 21-я Тбр сформирована в октябре 1941 года во Владимире. Имела в своём составе 21-й танковый полк — 61 танк, в том числе: 29 — Т-34 с пушками 76 и 57 миллиметров, 10 — Т-60 и другие лёгкие танки, а также два огнеметных и несколько САУ. Кроме того, в бригаду входили: моторизованный стрелково-пулемётный батальон, зенитный дивизион, разведрота, ремонтно-восстановительная рота, автотранспортная рота, медико-санитарный взвод и рота управления и связи. С 1 ноября 1941 года бригада передана 30-й армии Калининского фронта, совершила бросок на Калинин, понесла там большие потери, но нанесла значительный урон противнику. Бригадой командовал полковник Б. М. Скворцов.

Тд — танковая дивизия.

28-я танковая бригада сформирована в октябре 1941 года в Костерёве Московской (ныне Владимирская) области. Командир бригады полковник Константин Алексеевич Малыгин. Летом 1941 года участвовал во встречном танковом сражении под Луцком. Войну закончил командиром 9-го механизированного корпуса, Героем Советского Союза. В октябре 1941 года бригада имела 31 танк, из них: четыре — КВ; 11 — Т-34; 16 — Т-30. В боях за Скирманово потеряла 15 боевых машин. В 1942 году выведена в тыл на пополнение и передана в 30-ю армию Калининского фронта.

Мп — моторизованный полк.

По свидетельствам фронтовиков, трофейные пулемёты, особенно немецкого производства (МГ-34), бойцы разбирали по взводам и ротам, так что в трофеи они почти не попадали. Сдавали, как правило, только неисправные и когда к ним невозможно было добыть патроны. Поэтому и цифры приблизительные.

10-й тд командовал генерал Вольфганг Фишер, участник Первой мировой войны, один из лучших танковых командиров вермахта.

«Пять — против тридцати...»

ЦАМО. Ф. 358. Оп. 5916. Д. 54. Ед. хр. 15090.

Лев Михайлович Доватор (1903–1941) — советский военный деятель, генерал-майор (1941). Герой Советского Союза (1941), герой обороны Москвы. На фронте с лета 1941 года. Отличился в боях на Соловьёвой переправе. Командовал особой кавалерийской группой, вскоре преобразованной в 3-й кавалерийский, а затем во 2-й гвардейский кавалерийский корпус. Погиб в декабре 1941 года. Награды: два ордена Ленина, орден Красного Знамени, орден Красной Звезды.

Исса Александрович Плиев (1903–1979) — генерал армии, дважды Герой Советского Союза (1944, 1945). С июля 1941 года — командир 50-й кавалерийской дивизии. С 1944 года — командир конно-механизированной группы. После войны командовал армиями, был заместителем командующего в ряде военных округов. В 1962 году командовал войсками во время подавления выступления рабочих в Новочеркасске. В 1962–1963 годах командовал Группой советских войск на Кубе. Командовал войсками Северо-Кавказского военного округа. Награды: шесть орденов Ленина, орден Октябрьской Революции, три ордена Красного Знамени, два ордена Суворова 1-й степени, орден Кутузова 1-й степени. Оставил мемуары.

Кондрат Семёнович Мельник (1900–1971) — генерал-лейтенант. В РККА с 1919 года. Участник Гражданской войны. В начале Великой Отечественной войны командовал 53-й кавдивизией, с марта 1942 года командовал 15-м кавалерийским корпусом, принимал участие в операции по вводу наших войск в Иран. Командовал 44, 58 и 56-й армиями. Участник битвы за Кавказ. С апреля 1944 года — командующий Отдельной Приморской армией. После войны командовал Таврическим военным округом. Служил в Румынии советником и военным атташе. Награды: орден Ленина, три ордена Красного Знамени, орден Суворова 1-й степени, орден Кутузова 2-й степени, орден Отечественной войны 1-й степени.

Семён Иванович Младенцев (1900–1969) — генерал-майор. Герой Советского Союза (1940). В РККА с 1919 года. Участник Гражданской, советско-финляндской и Великой Отечественной войн. С октября 1941 года участвовал в боях под Москвой. Затем — на командных должностях. Войну закончил в должности командира 127-й стрелковой дивизии. Награды: два ордена Ленина, четыре ордена Красного Знамени, орден Красной Звезды.

Александр Андреевич Котляров (1900–1941) — генерал-майор (1941) танковых войск. В декабре 1938 года возглавил 3-ю легкотанковую бригаду 1-й Дальневосточной армии. С марта 1941 года — командир 58-й танковой дивизии. 20 ноября 1941 года после неудачи в районе Волоколамска застрелился.

АП ПТО — артиллерийский полк противотанковой обороны; сп — стрелковый полк.

Как правило, пропавшие без вести в подмосковных боях — в основном попавшие в плен. Кроме того, если принимать во внимание вышеприведённую статистику, то можно предположить, что пропавшими без вести стали раненые, которых не вынесли с поля боя. Вынесли из окружения только двух младших офицеров.

ЦАМО. Ф. 208. Оп. 2511. Ед. хр. 230. Л. 1-12.

Иван Васильевич Панфилов (1893–1941) — генерал-майор. Герой Советского Союза (1942, посмертно). Участник Первой мировой и Гражданской войн. В РККА с 1918 года. Во время Великой Отечественной войны командовал 316-й стрелковой дивизией (с 17 ноября 1941 года преобразована в 8-ю гвардейскую). Погиб в бою во время прорыва немецких танков к штабу дивизии. Награды: орден Ленина, три ордена Красного Знамени.

ЦАМО. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 216. Л. 146–150.

Михаил Григорьевич Ефремов (1897–1942) — генерал-лейтенант (1940). Герой Российской Федерации (1996, посмертно). В 1915 году призван в Русскую армию. Участник Первой мировой войны. В РККА с 1918 года. В начале Великой Отечественной войны командовал 21-й армией. Затем — командующий Центральным и заместитель командующего Брянским фронтами. В ноябре 1941 года назначен командующим 33-й армией. Застрелился при выходе из окружения в апреле 1942 года у села Климов Завод близ Юхнова. Похоронен немцами со всеми воинскими почестями. Награды: орден Ленина, два ордена Красного Знамени, орден Трудового Красного Знамени.

Филипп Иванович Голиков (1900–1980) — маршал Советского Союза (1961). В начале Великой Отечественной войны руководил советскими военными миссиями в Великобритании и США. Осенью 1941 года назначен командующим 10-й армией. В 1942 году командовал 4-й Ударной армией, Брянским, Воронежским фронтами, 1-й гвардейской армией, был заместителем командующего Сталинградским фронтом, командовал войсками Северо-Западного фронта, отозван в Москву на должность начальника Разведуправления Генштаба, затем снова назначен командующим Воронежским фронтом. В марте 1943 года после очередного провала под Харьковом отозван в Москву и больше на фронт не направлялся. Заместитель наркома обороны по кадрам, затем начальник Управления по делам репатриации граждан СССР из Германии и оккупированных ею стран. После войны командовал армией, был начальником Военной академии бронетанковых войск, затем возглавил Главное политуправление Советской армии и Военно-морского флота, став второй фигурой в Минобороны СССР. Награды: четыре ордена Ленина, орден Октябрьской Революции, четыре ордена Красного Знамени, орден Суворова 1-й степени, орден Кутузова 1-й степени, орден Трудового Красного Знамени, два ордена Красной Звезды. Оставил мемуары.

Киров — районный центр Кировского района, ныне Калужской области.

Николай Иванович Кирюхин (1896–1953) — генерал-лейтенант (1944). Герой Советского Союза (1943). Участник Гражданской войны. С июля 1941 года — командир 324-й стрелковой дивизии. Заместитель командующего 16-й армией. С июня 1942 года — командир 9-го гвардейского стрелкового корпуса, с октября — командующий 20-й армией. Снят с должности Жуковым за неудачи в ходе операции «Марс» (1942) и назначен заместителем командующего 29-й армией. С февраля 1943 года — командир 24-го стрелкового корпуса. Участник Курской битвы. С сентября 1944-го по май 1945 года — заместитель командующего 38-й армией. После войны — заместитель командующего армией, начальник военной кафедры. Награды: два ордена Ленина, четыре ордена Красного Знамени, орден Суворова 2-й степени, орден Богдана Хмельницкого 2-й степени, орден Красной Звезды.

Василий Данилович Соколовский (1897–1968) — маршал Советского Союза (1946). Герой Советского Союза (1945). В 1938–1941 годах — начальник штаба Московского военного округа. С 1941 года — в Генеральном штабе РККА. Во время Великой Отечественной войны — начальник штаба, командующий войсками фронта. После войны — главнокомандующий Группой советских оккупационных войск в Германии и главноначальствующий Советской военной администрацией в Германии. С 1949 года — 1-й заместитель министра Вооружённых сил СССР. В 1952–1960 годах — начальник Генерального штаба. Награды: восемь орденов Ленина, орден Октябрьской Революции, три ордена Красного Знамени, три ордена Суворова 1-й степени, три ордена Кутузова 1-й степени.

Фёдор Исидорович Кузнецов (1898–1961) — генерал-полковник. Участник Первой мировой войны. С 1940 года — командующий войсками Северо-Кавказского военного округа, затем Прибалтийского особого военного округа. Во время Великой Отечественной войны последовательно командовал Северо-Западным фронтом, 21-й армией, Центральным фронтом. С августа по ноябрь 1941 года — 51-й Отдельной армией. По мнению историков, повинен в провале обороны Крыма. Заместитель командующего 28-й армией, заместитель командующего войсками Западного фронта, командующий 61-й армией. С марта 1942 года — начальник Академии Генштаба. Затем — командующий Волховским и Карельским фронтами. С февраля 1945 года — командующий войсками Уральского военного округа. Награды: два ордена Ленина, три ордена Красного Знамени, орден Суворова 2-й степени, орден Красной Звезды.

Маркиан Михайлович Попов (1902–1969) — генерал армии (1943). Герой Советского Союза (1965). В январе 1941 года — командующий войсками Ленинградского военного округа, в начале Великой Отечественной войны — войсками Северного и Ленинградского фронтов, 61-й армией, в 1942 году — фронтами и армиями, в 1943-м — Резервным и Брянским фронтами. В 1944 году командовал войсками Прибалтийского фронта. С 1945 года — командующий войсками 2-го Прибалтийского фронта. После войны командовал рядом военных округов. Награды: пять орденов Ленина, три ордена Красной Звезды, два ордена Суворова 1-й степени, два ордена Кутузова 1-й степени, орден Красной Звезды, орден «Знак Почёта». Оставил мемуары.

Настоящее имя Симонова — Кирилл.

Возможно, речь шла о Сухиничах.

Николай Фёдорович Ватутин (1901–1944) — генерал армии. Герой Советского Союза (1965, посмертно). В 1941 году — 1-й заместитель начальника Генерального штаба. Во время войны руководил работой штаба Северо-Западного фронта. Работал в Генштабе. В 1942 году — командующий войсками Воронежского, затем ЮгоЗападного фронтов. С 1943 года — командующий войсками 1-го Украинского фронта. Убит украинскими националистами (УПА) в феврале 1944 года во время поездки в войска. Награды: орден Ленина, орден Красного Знамени, орден Суворова 1-й степени, орден Кутузова 1-й степени.

Никандр Евлампиевич Чибисов (1892–1959) — генерал-полковник (1943). Герой Советского Союза (1943). В начале Великой Отечественной войны — командующий войсками Одесского военного округа, затем — Приморской армией, Резервной армией Южного фронта, заместитель командующего войсками Брянского фронта, командующий 38-й, 3-й Ударной, 1-й Ударной армиями. В мае 1944 года отстранён от командования и направлен в тыл. Начальник Военной академии им. М. В. Фрунзе. После войны на командных должностях в различных военных округах. Награды: три ордена Ленина, три ордена Красной Звезды, орден Суворова 1-й степени.

Михаил Ефимович Катуков (1900–1976) — маршал бронетанковых войск (1959), дважды Герой Советского Союза (1944, 1945). В 1941 году со своей танковой дивизией попал в окружение под Луцком. Из окружения вышел. Командовал танковой бригадой в Битве под Москвой. В 1942 году — командир 1-го танкового корпуса. В 1943 году и до конца войны — командующий 1-й танковой армией. Награды: четыре ордена Ленина, три ордена Красного Знамени, два ордена Суворова 1-й степени, орден Кутузова 1-й и 2-й степени, орден Богдана Хмельницкого 1-й степени, орден Красной Звезды.

Павел Алексеевич Ротмистров (1901–1982) — Главный маршал бронетанковых войск (1962). Герой Советского Союза (1965). Доктор военных наук, профессор. В 1941 году — начальник штаба 3-го мехкорпуса. В сентябре 1941 года — командир 8-й танковой бригады. С апреля 1942-го — командир 7-го танкового корпуса. С февраля 1943 года — командующий 5-й гвардейской танковой армией. В июле 1944 года в ходе операции «Багратион» отстранён от должности командарма, в августе назначен заместителем командующего бронетанковыми и механизированными войсками Красной армии и до конца войны в боевых действиях не участвовал. Награды: шесть орденов Ленина, орден Октябрьской Революции, четыре ордена Красного Знамени, орден Суворова 1-й и 2-й степени, орден Кутузова 1-й степени, орден Красной Звезды.

Фридрих Вильгельм Эрнст Явулюс (1890–1957) — германский генерал-фельдмаршал. Участник Первой мировой войны. В 1939 году — генерал-майор. Участник Польской и Французской кампаний. В январе 1942 года назначен командующим 6-й армией группы армий «Б». Попал в окружение под Сталинградом. 15 января 1943 года награждён Дубовыми листьями к Рыцарскому кресту, 30 января получил звание фельдмаршала, 31 января взят в плен солдатами советской 64-й армии. Содержался в пересыльном лагере НКВД и других лагерях. В августе 1944 года подписал обращение «К военнопленным немецким солдатам и к немецкому народу». Выступил в качестве свидетеля на Нюрнбергском процессе. С 1953 года жил на охраняемой вилле в Дрездене (ГДР), преподавал, читал лекции.

Василий Николаевич Гордов (1896–1950) — генерал-полковник. Герой Советского Союза (1945). В начале Великой Отечественной войны — начальник штаба, затем командующий 21-й армией. В 1942 году — командующий войсками Сталинградского фронта, с октября — командующий 33-й армией. С апреля 1944 года — командующий 3-й гвардейской армией. С ноября 1946 года в отставке. В 1947 году арестован по обвинению в «вынашивании террористических планов в отношении членов советского правительства». В 1950 году расстрелян. Реабилитирован в 1956 году. Награды: два ордена Ленина, три ордена Красного Знамени, три ордена Суворова 1-й степени, орден Кутузова 1-й степени, орден Красной Звезды.

Иван Васильевич Галанин (1899–1958) — генерал-лейтенант. В боях Великой Отечественной войны с первых дней. Командовал корпусом, армейской группировкой, армией. Отличился в Сталинградской и Курской битвах, а также в ходе Уманско-Ботошанской, Ясско-Кишинёвской и Будапештской операций. Награды: два ордена Ленина, два ордена Красного Знамени, два ордена Кутузова 1-й степени, орден Богдана Хмельницкого 1-й степени.

Родион Яковлевич Малиновский (1898–1967) — Маршал Советского Союза (1944), дважды Герой Советского Союза (1945, 1958). В Великой Отечественной войне с самого её начала. Командовал корпусом, армиями, фронтами. В 1945 году переведён на Дальний Восток. С 1957 года — министр обороны СССР. Награды: орден «Победа», пять орденов Ленина, три ордена Красного Знамени, два ордена Суворова 1-й степени, орден Кутузова 1-й степени. Оставил мемуары.

Александр Михайлович Василевский (1895–1977) — Маршал Советского Союза, дважды Герой Советского Союза (1944, 1945). В 1941 году назначен заместителем начальника Генштаба. Член ГКО. С 1942 года — начальник Генштаба, представитель Ставки на многих фронтах. Разрабатывал многие операции. Командовал войсками 3-го Белорусского фронта. В 1945 году — главнокомандующий советскими войсками на Дальнем Востоке. Руководил операцией по разгрому японской Квантунской армии. После войны — начальник Генштаба, министр Вооружённых сил СССР. С 1957 года в отставке. Награды: два ордена «Победа», восемь орденов Ленина, орден Октябрьской Революции, два ордена Красного Знамени, орден Суворова 1-й степени, орден Красной Звезды.

Сергей Игнатьевич Руденко (1904–1990) — маршал авиации (1955). Герой Советского Союза (1944). Во время Великой Отечественной войны командовал авиадивизией, ВВС армии. Командующий 16-й воздушной армией. После войны — командующий ВДВ. С 1953 года — на штабной работе, с 1968-го — начальник Военно-воздушной академии им. Ю. А. Гагарина. Награды: шесть орденов Ленина, четыре ордена Красного Знамени, два ордена Суворова 1-й степени, орден Кутузова 1-й степени, орден Суворова 2-й степени, орден Отечественной войны 1-й степени, орден Октябрьской Революции. Оставил мемуары.

Андрей Григорьевич Кравченко (1899–1963) — генерал-полковник танковых войск, дважды Герой Советского Союза (1944, 1945). В начале Великой Отечественной войны командовал 31-й танковой бригадой. С 1942 года — командир 2-го, затем 4-го танкового корпусов. Отличился во многих операциях, в том числе в Сталинградской, Курской, Ясско-Кишинёвской. С 1944 года — командир 6-й танковой армии. Награды: два ордена Ленина, три ордена Красного Знамени, два ордена Суворова 1-й степени, орден Богдана Хмельницкого 1-й степени, орден Суворова 2-й степени, орден Кутузова 2-й степени.

Василий Тимофеевич Вольский (1897–1946) — генерал-полковник танковых войск. Во время Великой Отечественной войны — заместитель командующего 21-й армией, командующий танковыми войсками ряда фронтов. С 1942 года — командир 4-го механизированного корпуса, с 1944-го — заместитель командующего бронетанковыми и механизированными войсками РККА, затем командующий 5-й гвардейской танковой армией. Награды: два ордена Ленина, два ордена Красного Знамени, орден Суворова 1-й и 2-й степени.

Алексей Семёнович Жадов (Жидов; 1901–1977) — генерал армии. Герой Советского Союза (1945). Великую Отечественную войну встретил в должности командира 4-го воздушно-десантного корпуса. С августа 1941 года — начальник штаба 3-й армии. С 1942 года принял от генерала Р. Я. Малиновского 66-ю армию, вскоре реорганизованную в 5-ю гвардейскую. В 1950–1954 годах — начальник Военной академии им. М. В. Фрунзе. Награды: три ордена Ленина, пять орденов Красного Знамени, два ордена Суворова 1-й степени, орден Кутузова 1-й степени, орден Красной Звезды.

Псевдоним И. В. Сталина.

Эрих фон Манштейн (Левински; 1887–1973) — немецкий генерал-фельдмаршал. Имел репутацию наиболее одарённого стратега и был неформальным лидером немецкого генералитета. Участник Первой мировой войны и всех последующих военных кампаний, в которых участвовала Германия. В 1941 году во время вторжения в СССР командовал 56-м моторизованным корпусом, затем 11-й армией. За взятие Севастополя получил чин фельдмаршала. С ноября 1942 года командовал группой армий «Дон», с февраля 1943-го — группой армий «Юг». Во время операции «Цитадель» (1943) командовал войсками на Прохоровском участке сражения. Весной 1944 года потерпел тяжёлое поражение под Корсунь-Шевченковским, отстранён от должности и отправлен в резерв. В 1945 году арестован англичанами, приговорён к длительному тюремному заключению. В 1953 году освобождён по состоянию здоровья. Работал военным советником правительства ФРГ. Автор мемуаров «Утерянные победы».

Николай Николаевич Воронов (1899–1968) — Главный маршал артиллерии (1944). Герой Советского Союза (1965). Во время Великой Отечественной войны по заданию Ставки занимался подготовкой и проведением артиллерийских наступлений на различных фронтах. После войны на преподавательской работе. Награды: шесть орденов Ленина, орден Октябрьской Революции, четыре ордена Красного Знамени, три ордена Суворова 1-й степени, орден Красной Звезды.

Василий Иванович Чуйков (1900–1982) — Маршал Советского Союза (1955), дважды Герой Советского Союза (1944,1945). Участник Гражданской и советско-финляндской войн, Польского похода. В 1940 году — военный атташе в Китае. С 1942 года на фронте. Командовал 1-й резервной, 64-й армиями, а также 62-й (8-й гвардейской) армией, с которой дошёл до Победы. После войны на командных должностях в Германии. С 1949 года — главнокомандующий Группой советских войск в Германии. С 1960 года — главнокомандующий Сухопутными войсками, заместитель министра обороны СССР. Награды: девять орденов Ленина, орден Октябрьской Революции, четыре ордена Красного Знамени, три ордена Суворова 1-й степени, орден Красной Звезды.

Александр Александрович Новиков (1900–1976) — Главный маршал авиации (1944), дважды Герой Советского Союза (17 апреля и 8 сентября 1945). С 1940 года — командующий ВВС Ленинградского военного округа. В начале войны командовал ВВС Северного и Ленинградского фронтов. В 1942–1943 годах — заместитель наркома обороны СССР по авиации. В 1943–1946 годах — командующий ВВС. Как представитель Ставки координировал действия авиации под Сталинградом и на Курской дуге, при штурме Кёнигсберга и во время Берлинской операции. В 1943 году первым получил звание маршала авиации. В 1946–1953 годах в заключении по «авиационному делу». В 1953 году реабилитирован и восстановлен в звании. До 1955 года командовал авиацией дальнего действия. С 1956 года — начальник Высшего училища гражданской авиации. Награды: три ордена Ленина, три ордена Красного Знамени, три ордена Суворова 1-й степени, орден Кутузова 1-й степени, орден Трудового Красного Знамени, два ордена Красной Звезды.

Александр Евгеньевич Голованов (1904–1975) — Главный маршал авиации (1944). Внук народовольца Н. Кибальчича. С 1941 года — комполка, командир авиадивизии дальней бомбардировочной авиации. С 1942 года — командующий авиацией дальнего действия. После войны — командующий дальней авиацией СССР. Награды: два ордена Ленина, три ордена Красного Знамени, три ордена Суворова 1-й степени, орден Красной Звезды, медаль «За отвагу».

Лишь 30 января Гитлер повысил своего сталинградского генерала до генерал-фельдмаршала.

Фридрих Роске (1897–1956) — генерал-майор германских войск. Во время Первой мировой войны — обер-лейтенант, воевал в России и во Франции. С 1941 года на Восточном фронте. С августа 1942 года — командир полка в Сталинградском сражении, с января 1943-го — генерал-майор, командир 71-й пехотной дивизии. В 1943–1955 годах в советском плену.

Карл Штрекер (1884–1973) — генерал-полковник германских войск. Участник Первой мировой войны. Во время Второй мировой войны участвовал в боях во Франции, Югославии и СССР. С 1942 года — командир 17-го, затем 11-го армейских корпусов. В 1943–1955 годах в советском плену.

Артур Шмидт (1895–1987) — генерал-лейтенант германской армии. С 1942 года — начальник штаба 6-й полевой армии. Убеждённый нацист. Настаивал на прорыве окружённой группировки на юг. После того как Паулюс практически самоустранился от руководства, командовал всеми операциями. Был против встречи с парламентами Донского фронта. В 1943–1955 годах в советском плену, содержался в лагере НКВД № 48 в Войково и в Лубянской тюрьме.

Михаил Степанович Шумилов (1895–1975) — генерал-полковник (1943). Герой Советского Союза (1943). В боях Великой Отечественной войны с июня 1941 года. Командовал стрелковым корпусом, затем 64-й армией (в апреле 1943 года преобразована в 7-ю гвардейскую) в районе Сталинграда, с которой участвовал во многих стратегических операциях и дошёл до Победы. После войны командовал рядом военных округов. Награды: три ордена Ленина, четыре ордена Красного Знамени, два ордена Суворова 1-й степени, орден Кутузова 1-й степени, орден Красной Звезды.

Алексей Григорьевич Родин (1902–1955) — генерал-полковник танковых войск. Герой Советского Союза (1943). В боях Великой Отечественной войны с июня 1941 года. Командовал танковой бригадой, танковым корпусом. С 1943 года — командующий 2-й танковой армией, затем — бронетанковыми и механизированными войсками Западного и 3-го Белорусского фронтов. После войны на командных должностях. Награды: два ордена Ленина, два ордена Красного Знамени, ордена Суворова 1-й и 2-й степени, орден Кутузова 1-й степени, орден Отечественной войны 1-й степени.

Владимир Викторович Крюков (1897–1959) — генерал-лейтенант. Герой Советского Союза (1945). В годы Великой Отечественной войны командовал 10-м кавалерийским корпусом, 2-м гвардейским кавалерийским корпусом, конно-механизированной группой. После войны — заместитель командира 36-го стрелкового корпуса. В 1948 году арестован по «трофейному делу». В 1953 году освобождён и полностью реабилитирован. Награды: три ордена Ленина, орден Красного Знамени, ордена Суворова 1-й и 2-й степени, орден Кутузова 1-й степени.

Русская освободительная народная армия — части коллаборационистов, воевавшие на стороне германской армии против советских партизан и РККА. По существу — это одна бригада. Создал её в городе Локоть Брасовского района Орловской области Бронислав Каминский. Поэтому её порой называют бригадой Каминского. Насчитывала в разное время до полутора десятков батальонов. Имела бронедивизион с десятью танками, а также бронемашинами, зенитную батарею, истребительную роту, комендантский взвод. Основные функции: охрана железных дорог, коммуникаций, мостов, других важных объектов, карательные акции против партизан и местного населения, сочувствующего партизанам. Участвовала в боестолкновениях с частями Красной армии в период Севского рейда и Курской битвы. Остатки эвакуированы в Белоруссию в район Лепеля. Позже вошли в состав 29-й гренадерской дивизии войск СС, частично — в зондеркоманду СС «Дирлевангер». Бойцы РОНА участвовали в подавлении Варшавского восстания в 1944 году, где отличались особой жестокостью. Затем частично вошли в состав Русской освободительной армии (РОА).

Ныне районный центр на юге Брянской области.

Отто Мориц Вальтер Модель (1891–1945) — германский генерал-фельдмаршал. С ноября 1940 года — командир 3-й танковой дивизии. Участвовал во вторжении в СССР 22 июня 1941 года в составе 2-й танковой группы. С октября 1941 года — командир 41-го танкового корпуса, с января 1942-го — командующий 9-й полевой армией. В 1944 году командовал группами армий «Север», «Юг», «Северная Украина», «Центр». Затем назначен на Западный фронт командующим группой армий «В». В апреле 1945 года покончил с собой, находясь в окружении войск союзников в лесу близ Дуйсбурга.

Алексей Иннокентьевич Антонов (1896–1962) — генерал армии (1943). В начале войны на штабной работе. Начальник оперативного отдела Генштаба. Исполняющий обязанности начальника Генштаба. Участник Ялтинской и Потсдамской конференций. С февраля 1945 года — начальник Генштаба. Награды: орден «Победа», три ордена Ленина, четыре ордена Красного Знамени, два ордена Суворова 1-й степени, орден Кутузова 1-й степени, орден Отечественной войны 1-й степени.

Николай Павлович Пухов (1895–1958) — генерал-полковник. Герой Советского Союза (1943). В начале Великой Отечественной войны командовал стрелковой дивизией. С января 1942 года и до конца войны командовал 13-й армией. После войны продолжал командовать армией, затем рядом военных округов. С 1957 года — главный военный советник Румынской народной армии. Награды: четыре ордена Ленина, три ордена Красного Знамени, три ордена Суворова 1-й степени, два ордена Кутузова 1-й степени, орден Богдана Хмельницкого 1-й степени. Оставил мемуары.

Прокофий Логвинович Романенко (1897–1949) — генерал-полковник танковых войск. С января 1941 года — командующий 17-й армией Забайкальского фронта, с мая 1942-го — 3-й танковой армией. Затем — заместитель командующего Брянским фронтом. С ноября 1942 года — командующий 5-й танковой армией, 48-й общевойсковой армией. После войны командовал войсками Восточно-Сибирского военного округа. Награды: четыре георгиевских креста, два ордена Ленина, четыре ордена Красного Знамени, два ордена Суворова 1-й степени, два ордена Кутузова 1-й степени.

Войсками вновь созданного Степного фронта командовал генерал-полковник И. С. Конев.

Иван Данилович Черняховский (1906–1945) — генерал армии, дважды Герой Советского Союза (1943, 1944). С марта 1941 года — командир 28-й танковой дивизии. В боях с первых дней войны. В 1942 году — генерал-майор, в 1943-м — генерал-лейтенант, в 1944-м — генерал-полковник. Командовал танковым корпусом, 60-й общевойсковой армией, войсками 3-го Белорусского фронта. Самый молодой комфронта. В феврале 1945 года в Восточной Пруссии смертельно ранен осколком снаряда. Похоронен в Вильнюсе. В 1992 году по настоянию литовской стороны останки перевезены в Москву и захоронены на Новодевичьем кладбище. Награды: орден Ленина, четыре ордена Красного Знамени, два ордена Суворова 1-й степени, орден Кутузова 1-й степени, орден Богдана Хмельницкого 1-й степени, орден Красной Звезды.

Герман Фёдорович Тарасов (1906–1944) — генерал-майор. Во время Великой Отечественной войны командовал стрелковой дивизией, армейской группой, затем 41, 70, 24, 53-й армиями. С 1944 года — заместитель командующего 53-й армией. Погиб в бою в Венгрии 19 октября 1944 года. Награды: ордена Ленина, Красного Знамени, Богдана Хмельницкого 1-й степени, Отечественной войны 1-й степени, два ордена Красной Звезды.

Павел Алексеевич Белов (1897–1962) — генерал-полковник (1944). Герой Советского Союза (1944). В марте 1941 года принял командование 2-м кавалерийским корпусом, с которым вступил в войну на Южном фронте, а затем участвовал в Битве под Москвой. Участник пятимесячного Вяземского рейда. Вывел кавкорпус из окружения. В 1942 году принял командование 61-й армией и прошёл с ней до Победы. После войны командовал рядом военных округов. Награды: пять орденов Ленина, три ордена Красного Знамени, три ордена Суворова 1-й степени, орден Кутузова 1-й степени. Автор книги мемуаров «За нами Москва».

20 октября 1943 года Центральный фронт переименован в Белорусский.

Иван Григорьевич Захаркин (1889–1944) — генерал-полковник (1943). С августа 1941 года — командующий 49-й армией. В 1943 году — заместитель командующего Центральным, затем Белорусским фронтами. В 1944 году — командующий Одесским военным округом. Погиб в авткатастрофе под Одессой 15 октября 1944 года. Награды: четыре ордена Красного Знамени, орден Красной Звезды, орден Суворова 2-й степени.

1-й Украинский — бывший Воронежский; 2-й Украинский — бывший Степной; 3-й Украинский — бывший Юго-Западный; 4-й Украинский — бывший Южный фронты. Новые наименования получили в соответствии с приказом Ставки ВГК 16–20 октября 1943 года. Под этими наименованиями войска фронтов действовали до Победы и участвовали в Параде Победы на Красной площади в Москве.

Рокоссовский К. К. Солдатский долг. М.: Воениздат, 1997. С. 308.

Павел Алексеевич Курочкин (1900–1989) — генерал армии (1959). Герой Советского Союза (1945). В канун Великой Отечественной войны назначен командующим войсками Орловского военного округа, на его базе формирует 20-ю армию и с ней вступает в бой в период Смоленского сражения. С августа 1941 года — командующий 43-й армией. Затем был представителем Ставки на Северо-Западном фронте, командующим войсками Северо-Западного фронта. В ноябре 1942 года назначен командующим 11-й армией, в марте 1943-го — 34-й армией Северо-Западного фронта, с июня — вновь командующий Северо-Западным фронтом, с декабря — заместитель командующего 1-м Украинским фронтом. С февраля 1944 года командовал войсками 2-го Белорусского фронта, с апреля — 60-й армией 1-го Украинского фронта, с которой дошёл до Победы. Награды: шесть орденов Ленина, орден Октябрьской Революции, четыре ордена Красного Знамени, орден Суворова 1-й степени, два ордена Кутузова 1-й степени, орден Отечественной войны 1-й степени.

Ханс Йордан (1892–1975) — немецкий генерал пехоты. На Восточном фронте с 22 июня 1941 года. Командир 7-й пехотной дивизии под Москвой, затем 6-го армейского корпуса под Ржевом. С мая 1944 года — командующий 9-й армией группы армий «Центр», с августа — руководил строительством оборонительной линии в Северной Италии. С марта 1945 года — командующий армией «Тироль». В 1945–1947 годах — в плену.

Вальтер Вайс (1890–1967) — немецкий генерал-полковник. С января 1941 года — командир 26-й пехотной дивизии, с которой пересёк границу СССР 22 июня 1941 года. С июля 1942 года — командир 27-го армейского корпуса, с февраля — командующий 2-й полевой армией. В 1945 году командовал группой армий «Север» в Восточной Пруссии. Эвакуировался из зоны действий советских войск и сдался американцам. Освобождён из плена в 1948 году.

Курт фон Тимпельскирх (1891–1957) — немецкий генерал пехоты. Зимой 1941 года после неудачи под Москвой направлен на Восточный фронт, командовал 30-й пехотной дивизией. В 1943–1944 годах — командир 12-го армейского корпуса, затем — командующий 4-й армией. В мае 1945 года сдался в плен англичанам. Автор книг «История Второй мировой войны», «Итоги Второй мировой войны».

Георг Ханс Рейнгарт (1887–1963) — немецкий генерал-полковник. С октября 1941 года — командующий 3-й танковой группой под Москвой. После разгрома группы армий «Центр» в 1944 году назначен её главнокомандующим. В 1945–1952 годах в американском плену.

Константин Фёдорович Телегин (1899–1981) — генерал-лейтенант (1943). В годы войны — член Военного совета фронтов. Член правительственной комиссии по опознанию останков Гитлера и Геббельса. В 1947 году уволен из армии, в 1948-м арестован по «трофейному делу» и осуждён. Освобождён в 1953 году, реабилитирован и восстановлен в армии. Награды: три ордена Ленина, орден Октябрьской Революции, четыре ордена Красного Знамени, орден Суворова 1-й степени, орден Богдана Хмельницкого 1-й степени, два ордена Красной Звезды. Оставил мемуары.

Александр Александрович Лучинский (1900–1990) — генерал армии (1955). Герой Советского Союза (1945). В боях Великой Отечественной войны с августа 1941 года. В 1943 году — командир 3-го горнострелкового корпуса, с 1944-го — командующий 28-й армией. Участник войны против Японии в августе 1945 года. Награды: три ордена Ленина, четыре ордена Красного Знамени, три ордена Суворова 1-й степени, орден Кутузова 1-й степени, орден Суворова 2-й степени, орден Трудового Красного Знамени Узбекской ССР, орден Красной Звезды.

Михаил Фёдорович Панов (1901–1979) — генерал-лейтенант танковых войск. Герой Советского Союза (1945). В боях Великой Отечественной войны с первого дня (Западный фронт). Участник обороны Москвы, Сталинградской и Курской битв, операции «Багратион» и битвы за Берлин. С 1943 года — командир 1-го гвардейского танкового корпуса. После войны командовал танковым корпусом, танковой армией, бронетанковыми и механизированными войсками военных округов. Преподавал. Награды: два ордена Ленина, четыре ордена Красного Знамени, орден Суворова 1-й степени, два ордена Суворова 2-й степени, орден Кутузова 2-й степени.

Борис Сергеевич Бахаров (1902–1944) — генерал-майор танковых войск (1942). В боях Великой Отечественной войны с 1941 года — командир 50-й танковой дивизии. С 1943 года — командир 9-го танкового корпуса. Погиб в бою при ликвидации окружённой группировки противника. Награды: два ордена Красного Знамени, орден Кутузова 1-й степени, орден Кутузова 2-й степени.

Высадка союзных войск — операция «Оверлорд» («владыка», «повелитель») началась 6 июня (День «Д») и завершилась 30 июня 1944 года. По воздуху и по воде через пролив Ла-Манш из Англии в Нормандию было переброшено около трёх миллионов человек. Этой операцией союзники открыли Западный или, как тогда говорили, второй фронт.

Эрнст Буш (1885–1945) — немецкий генерал-фельдмаршал (1943). На Восточном фронте с 1941 года. С октября 1943 года — командующий группой армий «Центр». 28 июля 1944 года после неудач в Белоруссии смещён с должности и отправлен в резерв. В 1945 году сдался в плен англичанам. Умер в британском плену от стенокардии.

Николай Александрович Антипенко (1901–1988) — генерал-лейтенант интендантской службы (1943). Участник Великой Отечественной войны с 1941 года. Интендант 30-й и 49-й армий. С 1942 года руководил тылом Брянского, Центрального, 1-го Белорусского фронтов. После войны до 1948 года — начальник тыла Группы советских оккупационных войск в Германии. Награды: три ордена Ленина, четыре ордена Красного Знамени, орден Трудового Красного Знамени Туркменской ССР, орден Суворова 1-й степени, ордена Кутузова 1-й и 2-й степени, два ордена Отечественной войны 1-й степени. Оставил мемуары.

Николай Иванович Гусев (1897–1962) — генерал-полковник (1945). В начале Великой Отечественной войны командовал кавалерийской дивизией, затем 13-м кавалерийским корпусом. С июня 1942 года — командующий 4-й армией. С апреля 1944 года — командующий 47-й армией. Награды: два ордена Ленина, четыре ордена Красного Знамени, два ордена Суворова 1-й степени, орден Красной Звезды, орден «Знак Почёта».

Филипп Никитович Рудкин (1893–1954) — генерал-майор танковых войск (1943). Герой Советского Союза (1943). С 1943 года — командир 15-го танкового корпуса. С января 1944 года — командир 11-го танкового корпуса, в июле 1944 года освобождён как не справляющийся с обязанностями. После войны руководил бронетанковыми войсками армии и ряда военных округов. Награды: три ордена Ленина, два ордена Красного Знамени, орден Кутузова 2-й степени.

Родная Польша!

Владимир Яковлевич Колтакчи (1899–1961) — генерал армии. Герой Советского Союза (1945). В начале Великой Отечественной войны на штабной работе. С 1942 года — командующий 7-й резервной армией, затем — 62-й, 30-й армиями. С мая 1943 года — 63-й армией, с февраля 1944-го — 69-й армией. После войны командовал войсками Брянского военного округа, армиями. Погиб в авиакатастрофе. Награды: три ордена Ленина, три ордена Красного Знамени, три ордена Суворова 1-й степени, два ордена Кутузова 1-й степени, орден Красной Звезды.

О какой независимости Польши под немцами (с 1939 года) могла идти речь, когда в период оккупации исчезло даже само название — Польша. Оккупационные власти учредили «Генерал-губернаторство Польша». По итогам Второй мировой войны Польша территориально значительно увеличилась за счёт раздела Восточной Пруссии: ей отошла большая часть этой земли. Польша не входила в число государств-победителей, но если иметь в виду территориальные приобретения, то фактически являлась именно таковым. При этом надо помнить, что огромное количество поляков воевало в рядах вермахта и СС. Исследователи называют число 315 тысяч человек. Это значительно больше всего Войска Польского образца 1944 года, когда оно в составе 1-го Белорусского фронта вступило в дело под Варшавой. В советском плену к 1943 году оказалось 60 тысяч 280 поляков, воевавших в германской армии. Часть их пошла на формирование польских дивизий Войска Польского.

Праворадикальная партия Народно-радикальный лагерь (*польск.* Obóz Narodowo-Radykalny). В начале 1940-х годов ориентировалась на образец фашистской Италии. ОНР-Фаланга боролась за так называемый «католический тоталитаризм». Во время оккупации Польши составляла группировку «Конфедерация народов», входившую в Армию Крайову.

Алексей Иванович Радзиевский (1911–1979) — генерал армии (1972). Герой Советского Союза (1978). На фронте с июля 1941 года. На штабной работе. В июле 1944 года принял командование 2-й танковой армией после тяжёлого ранения командарма С. И. Богданова. После войны на штабных должностях. Награды: два ордена Ленина, шесть орденов Красного Знамени, два ордена Суворова 1-й степени, орден Суворова 2-й степени, орден Кутузова 1-й степени, орден Красной Звезды, орден Трудового Красного Знамени. Оставил мемуары.

Зыгмунт Хенрык Берлинг (1896–1980) — польский генерал брони Войска Польского. В 1941 году перешёл на службу советскому правительству. С 1943 года — командир 1-й польской дивизии имени Тадеуша Костюшко. С марта 1944 года — командующий 1-й польской армией. В 1947–1953 годах — начальник Академии Генштаба Войска Польского. После отставки — заместитель министра сельского хозяйства ПНР.

Кузьма Петрович Трубников (1888–1974) — генерал-полковник. В июле 1941 года — командир 258-й стрелковой дивизии 50-й армии Западного фронта, с ноября — командир 217-й стрелковой дивизии. В 1942 году — заместитель командующего 16-й армией, затем заместитель командующего Донским фронтом под Сталинградом. В 1943 году — заместитель командующего Центральным фронтом. Командовал 10-й гвардейской армией. В 1944 году — заместитель командующего 1-м Белорусским, затем 2-м Белорусским фронтом. На Параде Победы возглавлял сводный полк 2-го Белорусского фронта. Награды: два ордена Ленина, пять орденов Красного Знамени, ордена Кутузова 1-й и 2-й степени, орден Суворова 2-й степени, орден Красной Звезды.

Иван Тихонович Гришин (1901–1951) — генерал-полковник (1945). Герой Советского Союза (1945). В начале Великой Отечественной войны командовал 137-й стрелковой дивизией. С июня 1943 года — командующий 49-й армией, с которой дошёл до Победы. Награды: два ордена Ленина, пять орденов Красного Знамени, два ордена Суворова 1-й степени, орден Кутузова 1-й степени, орден Красной Звезды.

Бернард Лоу Монтгомери, 1-й виконт Аламейнский (1887–1976) — британский фельдмаршал (1944). Участник Первой мировой войны. В 1942 году — командующий 8-й британской армией в Северной Африке. С 1943 года — командующий 21-й группой армий союзников. Участник высадки в Нормандии. С мая 1945 года — главком британских оккупационных войск в Германии. После войны — начальник Имперского Генерального штаба. Затем первый заместитель Верховного главнокомандующего войсками НАТО. Оставил мемуары.

Владислав Викентьевич Корчиц (1893–1966) — генерал-полковник (1945) РККА, генерал брони Войска Польского (1945). В Русской армии с 1914 года. Участник Первой мировой войны. В РККА с 1919 года. Участник Гражданской войны в России. В 1938 году арестован НКВД, находился под следствием, освобождён в 1940 году, восстановлен в РККА. Во время Великой Отечественной войны командовал стрелковыми дивизиями. С 1942 года на штабной работе. С октября 1944 года — командующий 1-й польской армией. Награды: орден Ленина, три ордена Красного Знамени, орден Суворова 1-й степени, орден Кутузова 2-й степени, орден Красной Звезды.

Милован Джилас (1911–1995) — автор книги «Встречи со Сталиным» (1961). В России вышла под названием «Беседы со Сталиным».

«Маршал, убирайтесь в Россию!», «Прочь красного маршала!».

Михал Роля-Жимерский (Лыжвинский; 1890–1989) — польский военачальник, маршал Польши, кавалер советского ордена «Победа». В 1938 году эмигрировал во Францию. После оккупации Польши германскими войсками вернулся на родину, участвовал в Сопротивлении. С 1943 года — военный советник Армии Людовой в звании генерала. С 1944 года — главком Армии Людовой, военный министр Люблинского комитета. В 1945–1949 годах — министр обороны Польши. В 1953 году арестован по ложному обвинению, освобождён в 1955 году. До 1967 года — вице-президент Польского народного банка.

Дмитрий Петрович Вознесенский — начальник Главного управления информации Войска Польского, военной контрразведки, созданной в марте 1945 года по образцу советского Смерша. Руководил управлением с 1950 года. Зять заместителя министра национальной обороны Польши генерала К. Сверчевского, убитого боевиками УПА в 1947 году.

Станислав Гилярович Поплавский (1902–1973) — генерал Советской армии и Войска Польского. Герой Советского Союза (1945). Во время Великой Отечественной войны командовал стрелковым полком, дивизией, корпусом. С 1944 года в звании генерал-майора направлен в Войско Польское. После войны командовал польской группой войск в оккупированной Германии, затем войсками Силезского военного округа. С 1947 года — главком Сухопутных войск ПНР, с 1949-го — заместитель министра Национальной обороны Польши. В 1956 году командовал войсками при подавлении Познанского восстания, в том же году возвратился в СССР, служил в Советской армии. Награды: три ордена Ленина, орден Октябрьской Революции, четыре ордена Красного Знамени, ордена Суворова 1-й и 2-й степени, орден Кутузова 2-й степени, орден Богдана Хмельницкого 2-й степени, орден Красной Звезды. Автор мемуаров «Товарищи в борьбе».

Имеется в виду Владислав Викентьевич Корчиц, генерал-полковник, бывший начальник штаба Войска Польского. С 1954 года в отставке.

Аллен Даллес (1893–1969) — американский дипломат и разведчик, в годы Второй мировой войны руководитель резидентуры Управления стратегических служб в Берне (Швейцария). В 1953–1961 годах — директор ЦРУ. Ему приписывается авторство «Инструкции 2001» — «Плана Даллеса». В этом документе сформулирована программа и план долгосрочных целей политики США в отношении СССР, в частности общие принципы подчинения СССР через идеологическое развращение и разложение населения.

Главное политическое управление Советской армии и Военно-морского флота (ГПУ СА и ВМФ, 1958–1991). Начальная аббревиатура ПУР (от Политическое управление РВС) постепенно стала просто названием, альтернативным ГПУ.